

ISSN 2782-4888

**МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
№21**

Армавир - Карачаевск
2023

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации**

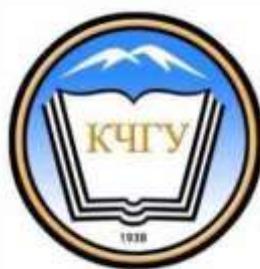
**Карачаево-Черкесский государственный
университет имени У.Д. Алиева**

**МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

Научный журнал

Издается с 2003 года
Выходит один раз в год

№ 21

**Армавир - Карачаевск
2023**

УДК 902/908. 992 (470.7)
ББК 63.5 (2P37)
ISSN 2782-4888

**Материалы и исследования
по археологии Северного Кавказа**

Научный журнал
Издается с 2003 года
Выходит один раз в год

№ 21

Главный редактор:

Нарожный Е.И. - д.и.н., профессор, профессор кафедры всеобщей истории КЧГУ имени У.Д. Алиева (г. Армавир-Карачаевск).

Редколлегия:

Туаллагов А.А. - д.и.н., профессор, зав. отделом археологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева (г. Владикавказ);
Иванов А. А. - к.и.н., главный специалист отдела археологии НАО «Наследие Кубани» (г. Краснодар);
Кочкаров У. Ю. - к.и.н., заведующий научно-отраслевым архивом ИА РАН (г. Москва);
Кубанова М. Н. - к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории, проректор по НИР КЧГУ имени У.Д. Алиева (г. Карачаевск);
Лычагин А. В. - к.и.н., главный специалист ООО «НИИ Севкавархеология» (г. Ставрополь);
Савенко С. Н. - к.и.н., заведующий сектором природы и археологии Пятигорского краеведческого музея (г. Пятигорск);
Соколов П. М. - к.и.н., заместитель начальника отдела научно-исследовательских работ ООО «Инженерно-технический центр специальных работ» (г. Санкт-Петербург).

Автор оригинала макета:

Нарожный В. Е. - к.и.н., независимый исследователь (г. Армавир).

Рецензенты:

Илюшин А.М. - д.и.н., проф. (г. Кемерово);
Мамаев Х. М. - к.и.н., проф. (г. Грозный);
Голубев Л. Э. - к.и.н. (г. Краснодар – г. Майкоп).

Статьи публикуются в авторской редакции

**Армавир - Карачаевск
2023**

**Materials and Research on the Archaeology
of the North Caucasus**

Scientific journal
Published since 2003
Issued once a year

№21

Editor-in-chief:

Narozhny E.I. - Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of the Department of General History of the U.D. Aliyev Karachay-Cherkess State University (ArmaVir-Karachaevsk).

Editorial board:

Tuallagov A.A. - Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Archaeology of the V.I. Abaev North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies (Vladikavkaz);
Ivanov A.A. - Candidate of Sciences (History), Chief Specialist of the Department of Archaeology of the Scientific-Sectorial Archive "Heritage of Kuban" (Krasnodar);
Kochkarov U.Yu. - Candidate of Sciences (History), Head of the Scientific –Sectorial Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow);
Kubanova M. N. - Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of General History, Vice-Rector for Research of the U.D. Aliyev Karachay-Cherkess State University (Karachayevsk);
Lychagin A.V. - Candidate of Sciences (History), Chief Specialist of LLC "Research Institute "Sevkavarcheologiya" (Stavropol);
Savenko S. N. - Candidate of Sciences (History), Head of the Nature and Archaeology Sector of the Pyatigorsk Museum of Regional Studies (Pyatigorsk);
Sokolov P. M. - Candidate of Sciences (History), Deputy Head of the Department of Scientific Research of LLC "Engineering and Technical Center for Special Works" (St. Petersburg).

The author of the original layout:

Narozhny V. E. - Candidate of Sciences (History), Independent Researcher (ArmaVir).

Reviewers:

Ilyushin A.M. - Doctor of Sciences (History), Professor (Kemerovo);
Mamaev H. M. - Candidate of Sciences (History), Professor (Grozny);
Golubev L. E. - Candidate of Sciences (History) (Krasnodar-Maykop).

Articles are published in the author's wording

**ArmaVir-Karachaevsk
2023**

Научный журнал
Материалы и исследования
по археологии Северного Кавказа

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский
государственный университет имени У.Д. Алиева»
(ОГРН 1020900775026)

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-81764
от 27 августа 2021 г.

Издается с 2003 года. Выходит один раз в год

Адрес редакции:
369202, Карачаево-Черкесская Республика,
г. Карачаевск, ул. Ленина, д. 29
Тел. (887879)2-22-39
E-mail: kchgu-nauka@mail.ru

SCIENTIFIC JOURNAL

Materials and research on
archeology North Caucasus

FOUNDER:
U. D. Aliyev Karachay-Cherkess State University
(OGRN 1020900775026)

Certificate of registration of mass media PI No. FS77-81764 dated August 27, 2021

Published since 2003. Comes out 1 times a year

Editorial office address:
369202, Karachay-Cherkess Republic, Karachayevsk, Lenin str., 29,
Tel. (887879)2-22-39
E-mail: kchgu-nauka@mail.ru

16+

© Карачаево-Черкесский государственный
университет имени У.Д. Алиева

Раздел 1: Северный Кавказ от эпохи энеолита до средневековья
Section 1: The North Caucasus from the Eneolithic Era to the Middle Ages

1.1. Материалы раскопок поселений. Excavation materials of the settlement

БЫТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА И РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА
С ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧНИ

© С. Б. Бурков

ГБУ «Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания,
г. Владикавказ, Российская Федерация

Аннотация. Статья содержит представление археологических памятников эпохи энеолита и раннего бронзового века, находящихся на территории современной Чечни. Показана история их обнаружения и изучения, дана краткая характеристика научной ценности полученных материалов. Это первая (после 1975 г.) работа, в которой дается полная сводка таких материалов. В ряде случаев приведены материалы, ранее никогда не публиковавшиеся. Для некоторых памятников даны авторские комментарии, которые позволяют уточнить культурно-хронологические рамки их существования.

Ключевые слова: памятник, поселения, энеолит, эпоха ранней бронзы, раскопки находки, культурный слой.

HOUSEHOLD MONUMENTS OF THE ENEOLITH AND EARLY BRONZE AGE
FROM THE TERRITORY OF CHECHNYA

© S.B. Burkov

GBU "Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania,
Vladikavkaz, Russian Federation

Abstract. The article contains a presentation of the archaeological sites of the Eneolithic and Early Bronze Age, located on the territory of modern Chechnya. The history of their discovery and study is shown, a brief description of the scientific value of the obtained materials is given. This is the first (after 1975) work in which a complete summary of such materials is given. In some cases, materials are presented that have never been published before. For some monuments, author's comments are given, which allow clarifying the cultural and chronological framework of their existence.

Key words: site, settlements, Eneolithic, Early Bronze Age, excavated finds, cultural layer.

На территории Чечни расположены многочисленные поселенческие и погребальные памятники различных эпох – от энеолита до позднего средневековья. Многие из них уже нашли своё достойное место в научных изданиях. Однако информация о части из них, прежде всего, относящихся к самым ранним историческим периодам, пока используется исследователями в очень ограниченном объеме. Во-многом, это связано с тем, что сведения о таких памятниках до сих пор полноценно не опубликованы, а имеющаяся информация, представлена, в основном, очень лапидарно и разбросана по различным редким периферийным изданиям и иногда противоречива. В этой связи основной целью данной статьи является комплексное представление основных сведений о бытовых памятниках эпохи энеолита и раннего бронзового века Чечни, о которых автору стало известно на момент её написания.

Первые упоминания о поселенческих комплексах мы встречаем в монографии Е.И. Крупнова. Им было отмечено, что первое поселение у с. Сержень-Юрт было открыто в послевоенные годы. Он пишет, что информацией об этом памятнике и ознакомлением с подь-

С. Б. Бурков
Бытовые памятники эпохи энеолита и раннего бронзового века
с территории Чечни

емным материалом с него мы обязаны Н.И. Штанько и М.П. Севостьянову. При этом ссылка сделана на материалы Грозненского музея (Крупнов, 1960, с.33 сноски № 56). Р.М. Мунчаева отмечено, что Сержень-Юртовское поселение – I было открыто им в 1958 г. Вероятно, этот факт был отмечен в качестве начала стационарных раскопок памятника. В статье А.А. Иерусалимской, В.И. Козенковой и Е.И. Крупнова 1963 г. указано, что древние поселения у с. Сержень-Юрт были открыты ещё в 1948 г. При этом сноска сделана¹ на работу Р.М. Мунчаева 1962 г., без указания конкретной страницы. В списке данного автора такой публикации нет. Е.И. Крупнов отмечал, что поселенческие памятники в районе села были открыты М.П. Севостьяновым в послевоенные годы. Собранные с них материалы, а также иные сведения о них, к началу деятельности в крае СКАЭ, хранились в фондах Грозненского музея краеведения. Р.М. Мунчаевым также отмечено, что в фондах Республиканского краеведческого музея в г. Грозном хранится подъемный материал из сборов разных лет Т.М. Минаевой, Н.И. Штанько и М.П. Севостьянова с ряда древних поселений, раннесредневековых городищ и могильников. В 1954 и 1957 гг. места нахождения памятников у с. Сержень-Юрт с рекогносцировочными целями посетили М.П. Севостьянов и В.И. Марковин (Козенкова, 2002, с.10, с.12; Мунчаев, 1975, с.337; Иерусалимская, Козенкова, Крупнов, 1963, с.42; Крупнов, 1960, с.164, сноска № 56; Мунчаев, 1962, с.176, сноска № 6). По данным, приведенным М.Х. Багаевым, Сержень-Юртовские поселения I и II были открыты при участии Р.М. Мунчаева (Бурков, 1991, с.30). Р.М. Мунчаев в историографическом очерке, предваряющем основной материал его монографии 1961 г., для территории Чечни и Ингушетии упоминает только Луговое поселение (Мунчаев, 1961, с.10-16).

Первые сведения о данном памятнике, который начал раскапываться в 1952 г., публикуются Е.И. Крупновым в 1954 г. (Крупнов, 1954, с.101, рис.40,2-6). Некоторые итоги этих работ подводит его же статья 1957 г. (Крупнов, 1957, с.155-158, рис.1). Впервые обобщенные сведения об упомянутых выше, а также 5 иных бытовых памятниках раннего бронзового века², открытых и частично изученных в Чечне к середине 80-х гг. XX в., были приведены в монографии Р.М. Мунчаева 1975 г. (Мунчаев, 1975, с.336-366). Однако в дальнейшем тема, связанная с историей их изучения, своего развития не получила. В последующем материалы из Сержень-Юртовских поселений в ограниченном объеме привлекаются рядом исследователей (Бурков, 1991, с.30, с. 33; Магомедов, 2018, с. 28; Ростунов, 1982, с.122, с.125; 1983, с.87; Козенкова, 2001, с.12, с.13; Кореневский, 2004, с.7, с.13; Мерперт, 1962, с.59).

После 1975 г. обобщением данных о поселениях эпохи энеолита-раннего бронзового века Чечни³ никто не занимался. В то же время, число памятников указанного временного диапазона существенно возросло. Необходимость в обобщении информации, содержащейся в различных источниках, и послужила основной причиной для написания настоящей работы.

Сведения об объектах даются в хронологической последовательности, в зависимости от года обнаружения. Это, прежде всего, это связано с тем, что в части из них присутствуют материалы нескольких эпох, поэтому информация о таком памятнике дается отдельным блоком, чтобы иметь комплексное представление об этих объектах. Подобный подход был выбран ещё и потому, что разделение верхней грани энеолита и нижней – эпохи ранней бронзы, по материалам Центрального Предкавказья часто довольно затруднительно. В связи с тем, что часть из приводимых в данной статье поселений них до сих пор не опубликована, ссылки

¹ Эта работа - Р.М.: Мунчаев «Новые памятники медно-бронзового века Чечено-Ингушетии» была указана, как изданная в журнале «Советская археология», № 4. Однако такой работы не существует.

² Для начального этапа изучения раннебронзовых древностей Северного Кавказа было характерно отнесение бытовых памятников к эпохе энеолита. В последующем они рассматривались уже в рамках раннего бронзового века (см.: Мунчаев, 1961, с.20-29; 1975, с.336, 337).

³ На территории Ингушетии бытовые памятники эпохи энеолита – раннего бронзового века, помимо Лугового поселения, до сих пор неизвестны. Были найдены лишь отдельные предметы, и в 2 случаях – захоронения, которые лишь упоминаются (Бурков, 2009; 2022, с.47).

делаются на рукописи, хранящихся в научно-отраслевом архиве (НОА) ИА РАН, с указаниями номеров архивных дел.

Поселенческий комплекс у с. Асламбек-Шерипово. В 1,5 км. к СВ от с. Асламбек-Шерипово, у дороги в с. Хал-Калой, в 3,0-3,5 км. от него, близ р. Хьер-ыл В.И. Марковиным в 1958 г. были найдены остатки жилого комплекса эпохи бронзы. Здесь обнаружены отбойник, пест-терочник, 2 каменные поделки со следами сколов и костяная проколка. Ориентировочно комплекс был датирован эпохой ранней бронзы (Марковин, 1961, с.49,50, рис.14,2).

Поселения Сержень-Юрт – I и II. Памятники находятся в окрестностях одноименного села. Открыты в 1957 г.⁴, изучались с 1958 г., широкомасштабным работам подвергнуты в период с 1961 по 1966 г. Памятник Сержень-Юрт – I раскопан полностью (3564 кв.м.), на памятнике Сержень-Юрт - II вскрыто 315 кв.м. Размеры первого – 125х63 м., второго – 70х35 м. Культурный слой на плато получил наименование Сержень-Юрт – III. Он был открыт в 1961 г. Р.М. Мунчаевым в 1958 г. в этом же районе, в 0,8-1 км. к ЮЮЗ от села было обследовано ещё одно поселение. Сведений о том, это один и тот же объект, или памятники всё же разные, не опубликовано. В перечнях майкопских или кобанских памятников его нет (Иерусалимская, Козенкова, Крупнов, 1963, с.42; Мунчаев, 196, с.177, сноски № 13). Культурный слой на первых двух объектах имел толщину в среднем около 1,0 м., он был неоднороден в связи с неравномерностью заселения площади. Первоначальное его освоение началось с З стороны, где был обнаружен выход первичного, раннего культурного слоя, относящегося к финальной стадии эпохи ранней бронзы. В дальнейшем, в эпоху позднего бронзового и раннего железного веков, он был серьёзно поврежден многочисленными хозяйственными ямами, что создало перемешанность нижнего и верхнего слоев бытования. В слой эпохи поздней бронзы более ранние находки попали из разрушенного слоя III тыс. до н.э. На холме № 1 было обнаружено уникальное по своей форме помещение I пятиугольной формы⁵. Среди находок ранним является лишь 1 каменный желобчатый топор с перехватом на корпусе, но его единичность выглядит случайностью. Из 600 фрагментов керамики, лежавшей непосредственно на полу помещения, лишь 8 относятся к керамике майкопского типа, и нашли их выше, в сильно перемешанном слое. Кремневые наконечники стрел (холм I – 22 экз., холм II – 12 экз.), несомненно, относятся к разному времени. Самые ранние – типы I-IV отнесены ею к числу наиболее древних – от середины III тыс. до н.э. до рубежа III/II тыс. до н.э. На холме № 1 большинство ранних наконечников было найдено в верхнем перекопанном слое, что косвенно подтверждает, что все они происходят из нижнего, раннебронзового слоя. На холме № 2, где ранние типы кремневых наконечников стрел преобладают, все они находились в сравнительно хорошо сохранившихся остатках сооружений эпохи ранней бронзы, т.е. стратиграфически – на уровне 3-5 штыков (Козенкова, 2001, с.7-11, с.13-14, с.67-69). По оценке Р.М. Мунчаева, ранний участок находится на вершине западной, наиболее высокой, части холма Сержень-Юрт-I. Мощность слоя – 0,30-0,40 м. Здесь найдены каменные тесловидные орудия, зернотерки и топоры, есть остатки построек, связанные с ранним слоем. В частности, с ним исследователь связывал и пятиугольное помещение, отнесенное В.И. Козенковой к эпохе поздней бронзы. Поселение Сержень-Юрт-II раскапывалось в 1961 г. Раскоп площадью 315 кв.м. показал наличие нижнего, подстилающего культурного слоя на глубине 0,75-1,0 м., его мощность – несколько больше, чем на холме № 1. Здесь были найдены остатки кремневой мастерской, глиняного очага. Всего обнаружено 225 фрагментов керамики, 2 глиняные очажные подставки, 3 фрагмента от других подставок. В остродонном, красноглиняном, врытом в землю сосуде с шаровидным туловом, вместе с готовыми изделиями, на дне

⁴ Точная дата открытия памятников эпохи ранней бронзы в районе с. Сержень-Юрт пока не установлена. Помимо приведенной здесь, в литературе присутствуют и две другие – 1948 и 1958 гг. указанные выше.

⁵ Исследователи поселения Н.Я. Мерперт и Р.М. Мунчаев считали, что стратиграфически данный объект относится к раннему этапу существования памятника, также считают И.С.-Х. Дачаев и Х.М. Мамаев. В.И. Козенкова, напротив, соотносила его с нижним уровнем (горизонтом) раннего слоя и датировала концом II-началом I тыс. до н.э. (Дачаев, Мамаев, 2016, с.329; Козенкова, 2001, с.13; Мерперт, 1962, с.36-38; Мунчаев, 1962, с.181;1975, с.346).

С. Б. Бурков
Бытовые памятники эпохи энеолита и раннего бронзового века
с территории Чечни

лежали каменный пест и т.н. «наковаленка». Найдена глиняная толстостенная жаровня, кремневые наконечники стрел и дротика, и вкладыши в составной серп. Среди керамики Сержень-Юртовских поселений мало сосудов, имеющих округлое или округло-выпуклое тулово, с невысокой, почти вертикальной шейкой, с резко отогнутым иногда краем венчика и плоским дном. Переход от тулова к горловине всегда подчеркнут. Край венчика большинства сосудов, как правило, утончен. Это – одна их наиболее характерных форм позднемайкопской керамики. Сержень-Юртовские поселения имеют близость к куро-араксской культуре (Мунчаев, 1975, с.337-339, с.343).

Однако наиболее детальная информация о древнейшем слое данного памятника содержится в более ранних работах. Первая из них принадлежит Н.Я. Мерперту и была опубликована в 1962 г. Он отмечал, что нижний культурный слой поселения глинистый, коричневого цвета, плотный по структуре, но стерильной прослойки между слоями нет. Многочисленные ямы нарушили его стратиграфию. В нём были найдены грубые каменные тесла, распространённые в энеолите и в начале бронзового века. Сосуды грушевидной формы типа горшков с мягким перегибом тулова и уплощенным дном, поверхности шероховатые, красного или красно-бурого цвета. Красноглиняные остродонные миски с налечами встречались, главным образом, на территории пятиугольного здания, относящегося к нижнему слою. Здесь же были найдены многочисленные кремневые вкладыши в серп с зубчатым рабочим краем, архаичные кремневые ножи, каменные зернотерки (Мерперт, 1962, с.34, с.37-38). Находки из нижнего слоя были охарактеризованы и в публикации 1963 г., в которой дана оценка предметам, найденным в 1961 г. К нижнему слою относятся костяные проколки, кремневые вкладыши в серп, наконечники стрел, каменные зернотерки архаичного типа. В публикации присутствуют фотографии фрагмент керамики майкопского типа с орнаментом в виде горизонтальных коротких прочерчиваний, расположенных зонами, фрагмент глиняного очага, а также роговидная глиняная подставка. Это – находки с холма I. На холме II в тех местах, где можно было проследить последовательность расположения слоев, стерильной прослойки между нижним и верхним слоем не наблюдалось. Нижний слой начинается на глубине около 0,5 м. от поверхности и достигает мощности 0,6-0,7 м. В нем отмечены 2 горизонта плотной обожженной обмазки рыжего цвета. На глубине 0,75-1,0 м. были расчищены кремневая и керамическая мастерские. В пол мастерской по производству кремневых изделий был врыт остродонный сосуд, заполненный кусками кремня, отщепами, заготовками и необработанными орудиями. Среди сосудов из нижнего слоя выделялись горшки с отогнутыми венчиками, кувшинчики, большие толстостенные жаровни. Сосуды часто снабжались полушарными ручками, орнаментальными шишечками или прочерченными заштрихованными углами. Здесь же отмечено, что материалы из поселения - III относятся к кобанской археологической культуре (Иерусалимская А.А., Козенкова, Крупнов, 1963, с.43, с.45, рис.11-5,6; с.47, рис.12,1-6; с.48, с.51).

В 1962 г. удалось проследить, что первоначально поселение в эпоху энеолита занимало не весь холм I, а лишь его наиболее возвышенную западную окраину. В нижнем слое было найдено много кремневых наконечников стрел, с выемкой в основании, вкладышей в серп, костяных проколок, роговых мотыг. Есть фрагменты красноглиняной керамики с пачкающей поверхностью (Козенкова, Крупнов, 1964, с.74, рис.20, 1-13, с.75).

В 1963 – 1964 гг. находки из нижнего слоя были представлены кремневыми вкладышами в серп, костяными проколками, предметами из рога, глиняными модельками колес и, фрагментами красноглиняной керамики с пачкающей поверхностью, наконечником стрелы (Козенкова, 1965, с.67-68, рис.23,1-10; Козенкова, Крупнов, 1966, с.81).

Поселение в зоне расположения Сержень-Юртовского могильника. Участок с погребениями, раскопанными в 1975 г. на территории Сержень-Юртовского могильника эпохи поздней бронзы – раннего железного века, частично разрушил слой окраины более раннего памятника - поселения эпохи ранней бронзы. В расчищенных между погребениями хозяйственных ямах были найдены кости КРС, уголь, обломки зернотерок, кремневые отщепы и

крупные фрагменты керамики энеолитического облика, фрагмент каменного топора с желобчатым перехватом, части глиняных подставок куро-араксинского типа, а также глиняный предмет в виде глиняного столбика, имеющий цилиндрическую форму (Козенкова, 1975; 1976, с.127). К сожалению, В.И. Козенкова в заметке, опубликованной в АО за 1975 г., не уточнила, какое это поселение. По её наблюдениям, поселенческий памятник № 3 в этой же зоне отнесен к объектам, синхронным могильнику. Более раннего слоя на нем не фиксировалось.

Поселение эпохи ранней бронзы у с. Зандак. В 1963-1964 гг. В.И. Марковиным в бассейне р. Ярык-Су у с. Зандак на возвышенной платформе, возле правления колхоза им. Ю.А. Гагарина были обнаружены остатки поселения. В культурном слое, разрушенном при совершении погребений эпохи поздней бронзы, были найдены обломки призматических нуклеусов, отщепы, желваки кремня с отдельными сколами. Тут же было найдено небольшое долото, тщательно отполированное, выполненное из магматической породы зеленовато-серого цвета. Из культурного слоя происходят фрагменты керамики с пачкающей поверхностью. На раскопанных участках были выявлены 2 ямы, сужающиеся ко дну. В ходе её раскопок (сезон 1963 г.) была найдена кремневая пластина, во второй (раскопки 1964 г.) – красноглиняная керамика. Данный комплекс мы склонны относить к эпохе ранней бронзы. По мнению автора раскопок, подобная керамика характерна для майкопской культуры (Марковин, 1966, с.117-119, рис.1.1-3).

Поселение у с. Чир-Юрт. В 1974 г. в 2,5 км. к В от с. Чир-Юрт, на щебневом карьере, А.Д. Митчиным было открыто двухслойное поселение размерами 160x130 м., нижний слой которого был датирован концом III-началом II тыс. до н. э. Кремневое изделие, названное в отчете «кремневой пластиной», а также один из наконечников стрел с практически прямым основанием имеют довольно ранние очертания (Виноградов и др., 1975, с.33, 34, рис.41, 1-3).

Поселение в районе с. Бамут. В монографии 1975 г., посвященной древностям Кавказа неолита, энеолита и раннего бронзового века, Р.М. Мунчаевым было отмечено, что в насыпи раскопанных им в 1964 г. курганов на правом берегу р. Фортанга, напротив с.Бамут, было найдено значительное количество фрагментов керамики, относящейся к эпохе ранней бронзы (без уточнения). Это дало основание исследователю полагать, что в этом месте располагается поселение (Мунчаев, 1975, с.336, прим.3). Сведений о закладке в этой зоне разведочного раскопа в нашем распоряжении нет.

Поселения в районе с. Курчалой. В 1969 г. М.Х. Ошаевым в районе с. Курчалой были открыты несколько бытовых памятников с керамикой эпохи бронзы, которые получили обозначение «Харбузи-Дук» I-III - по названию местности, где были найдены. Она (местность – С.Б) находится в 2 км. к ЮЗ от села и представляет из себя несколько вытянутую гряду, которая имеет клиновидную в плане форму и от предгорий несколько выступает на равнинную местность. В частности, на южном склоне памятника – «Харбузи-Дук» I, расположенного на вершине высокого холма с крутыми склонами в ходе работ по планированию верхнего почвенного слоя был нарушен культурный слой. С поверхности в 1969 г. М.Х. Ошаевым были собраны отдельные находки: фрагменты керамики, зернотерки, кремневые пластинки микролитического типа, кремневые вкладыши в серп. В 1970 г. этим исследователем на восточной части холма был заложен разведочный раскоп площадью 12 кв.м. Полученные материалы свидетельствуют, что оно было обитаемо в эпоху ранней бронзы. Керамические формы различны. Один из них был серого цвета и имел относительно высокую горловину цилиндрической формы с резко отогнутым наружу венчиком. Другие были красного цвета и представлены фрагментами венчиков и стенок от сосудов с шаровидным туловом, донные части, фрагменты ручек. Некоторые из венчиков были сильно отогнуты наружу и имели заостренные края. Фрагменты одного тонкостенного сосуда небольшого размера обладали пачкающей поверхностью. Его венчик – невысокий, цилиндрической формы, резко отогнут наружу. Часть фрагментов – от более крупных сосудов. Все находки были сделаны на глубине первого штыка. Среди керамики из числа случайных находок есть фрагмент плечика сосуда с орнаментом в виде налпных жемчужин, расположенных параллельно в 2 ряда. Черепок плотный,

С. Б. Бурков
Бытовые памятники эпохи энеолита и раннего бронзового века
с территории Чечни

кирпичного цвета. Ещё один фрагмент стенки сосуда баночной формы, ярко-красного цвета, с пачкающей поверхностью, по краю венчика имел валик с орнаментальными вмятинами. Найденные артефакты были отнесены к майкопской культуре её раннего этапа. На этот же период указывают и находки кремневых микролитических пластинок (Ошаев, 1970, с.4, рис.4, рис.5, с.5, рис.9-12).

В работе 1975 г. Р.М. Мунчаева относительно данного памятника имеется уточнение, что к майкопской культуре относится *поселение Харбузи-Дук-II*, где М.Х. Ошаевым был заложен разведочный раскоп площадью 16 кв.м. (Мунчаев, 1975, с.336). Однако, судя по приведенному выше отчету, данный памятник относится к эпохе развитой бронзы. По крайней мере, радиоуглеродный анализ дерева, полученный из нижнего слоя поселения, дал дату 3450+(-) 60 лет, что показывает на середину II тыс. до н. э. В тоже время, в тексте отчета данный памятник датирован началом этого тысячелетия. Заметим также, что сам автор раскопок указывал на находку в нижнем слое острореберной чаши с туловом биконической формы и с ангобированной поверхностью, с орнаментом в виде насечек и сдвоенных «шишечек». Аналогии данной формы он видел среди «ранней посуды Дагестана», а признак ангобированности - отмечал для керамики из Лугового поселения (Ошаев, 1970, с.13, ч. 24-25). Что касается размера раскопа на поселении и его краткого упоминания в монографии Р.М. Мунчаева, то шурф общим объемом в 16 кв.м. был заложен на грунтовом могильнике у с. Бачи-Юрт, где в тот год были изучены 4 погребения, отнесенные к каякентско-хорочоевской культуре.

Поселение у с. Мартан-Чу и Урус-Мартан. В ходе разведок 1977 г. на правом берегу р. Мартан, между селениями Мартан-Чу и Урус-Мартан открыто поселение III тыс. до н. э. Отсюда происходят фрагменты очажной подставки, фрагменты керамики, изделия из кремня (Виноградов, Мамаев, 1978; Виноградов, Савенко, 1978, с.112). Вероятно, что находки майкопской керамики, а также фрагменты очажных подставок, переданные местными жителями Х. М. Мамаеву в 1984 г., происходят из этой же местности.

Поселение № 3 в районе с. Сержень-Юрт. В ходе разведок в районе с. Сержень-Юрт С. Л. Дударевым⁶ в 1978 г. открывается и обследуется поселение, получившее в отчете порядковый № 3. Памятник расположен рядом с Сержень-Юртовским могильником № 2, расстояние до здания школы – 400 м. на СВ, до с. Сержень-Юрт – 600 м. на СВВ. Обнаружено по отдельным находкам кремневых орудий, фрагменту глиняной очажной подставки и 2 каменным топорам с т.н. «желобчатым» перехватом. Поверхность участка, где были сделаны находки, прорезается 3 небольшими оврагами, в срезе одного из них был обнаружен культурный слой длиной до 120 м., с выходами туртучной обмазки. Общие примерные размеры памятника – 120x70 м. Среди прочих находок – зернотерка, кремневые отщепы, фрагментированные очажные подставки, фрагменты керамики, в т.ч. – с орнаментом, а также - с пачкающей поверхностью. Два каменных топора кратко опубликованы в статье В. Б. Виноградова и Б. М. Хашегульгова 1982 г.⁷ (Виноградов, Хашегульгов, 1982, с.18, 19, с.20, с. 2,4; Дударев, 1979, с.29-31, рис.80, рис.81, а, б, рис.83, 3-5, рис.89, 2, 3, рис.91, 1, 2, 4, рис.92, 5).

Поселение в районе с. Мартан-Чу. В 1984 г. Х.М. Мамаевым⁸, в ходе прочистки дна раскопов на уровне материковой глины (глубина 0,7-0,8 м.) от современной дневной поверхности на территории Мартан-Чуйского катакомбного могильника № 1, был зафиксирован ряд пятен перемешанного грунта – заполнение ям различной конфигурации, отличающихся как цветом, так и структурой. Всего их было 10, 2 из них в последствии оказались дромосами

⁶ Благодарю С. Л. Дударева за возможность сослаться на его неопубликованные материалы.

⁷ В публикации В. Б. Виноградова и Б.М. Хашегульгова поселение имеет № 5, тогда как в отчете С. Л. Дударева – № 3. Возможно, что первый вариант более точно отражает ситуацию, т.к. порядковый № 3 уже имеет поселение, отмеченное у В.И. Козенковой как относящееся к эпохе поздней бронзы. Вполне вероятно, что С. Л. Дударевым было ещё раз обнаружено поселение, следы которого в 1975 г. присутствовали в раскопе В. И. Козенковой на могильнике эпохи поздней бронзы – раннего железного века.

⁸ Благодарю Х.М. Мамаева за возможность использования данных материалов.

катакомб. В яме № 7 угловатых очертаний, не вошедшей целиком в границы раскопа, были обнаружены остатки развала глинобитного очага (?) вместе с обломками стенок цилиндрического сосуда типа цедилки с многочисленными отверстиями, а также фрагменты банкообразного сосуда с валиком и насечками под венчиком и налепом на тулове – «букрании» - в верхней части плечика, с венчиком в виде валика. Вероятно, с этой же ситуацией связан случайно найденный в отвале фрагмент стенки чернолощеного сосуда из розоватого теста (вероятно, – это цвет не теста, а внутренней подкладки – детали, характерной для керамики куро-араксской культуры – С.Б.) с рельефным спиральным орнаментом. К этому же подстилающему слою относились отдельные находки осколков кремня и частично обработанного основания оленьего рога. Памятник первоначально был отнесен к эпохе энеолита, однако сейчас вероятной датой представляется конец энеолита – эпоха ранней бронзы. Наличие последней подтверждается и случайно найденными тогда же местными жителями на участке, вплотную примыкавшему с севера к территории могильника, т.е., фактически, на краю самого селения. Здесь при строительстве дома была обнаружена характерная охристая керамика майкопского облика и типичные «рогатые кирпичи» -подставки, аналогичные найденным на Луговом поселении (Мамаев, 2013б, с.7, 10, рис.4, 6, 13; рис.10). Краткая информация об этом была размещена в АО за 1984 г. В заметке в частности говорится о том, что в 1984 г. на Мартан-Чуйском катакомбном могильнике № 1 впервые был выявлен сильно поврежденный слой более раннего времени. Обнаружены фрагменты лепных сосудов с валиками, обломки цедилок, ручка сосуда с охристой поверхностью, частично обработанное основание оленьего рога. Вероятно, с этим слоем связаны сколы и обломки кремня. Обнаруженные находки близки материалам Гинчинского поселения в Дагестане, что предварительно позволяет датировать их энеолитом (Мамаев, 2013а). Кроме того, в том же 1984 г. от местных жителей Х.М. Мамаеву поступили многочисленные находки фрагментов керамики охристо-оранжевого и охристо-кирпичного цветов, а также фрагментированные очажные подставки в виде «букраниев», собранные в окрестностях с. Мартан-Чу. К сожалению, данные материалы в отчет включены не были. Место их нахождения осталось также неизвестным.

Отдельные находки с территории поселения в зоне нахождения Чернореченского могильника № 1. В 1989 г., в ходе работ по исследованию разрушаемых погребений на вновь выявленном Чернореченском могильнике № 1 конца II - рубежа IV/V вв. н. э. были обнаружены фрагменты культурного слоя позднесредневекового поселения. В его границах были зачищены несколько хозяйственных ям с керамикой и другими находками. В одной из них (№ 2) были найдены фрагменты керамики, которые более всего соответствуют посуде эпохи бронзы. В тексте отчета отмечено, что часть обнаруженной керамики по технике изготовления, составу теста, расцветке существенно отличается от средневековых образцов и находит общие черты с керамикой эпохи бронзы. А один фрагмент венчика из хозяйственной ямы № 2 со сквозными отверстиями напоминает энеолитические формы. Это фрагмент венчика сосуда в виде глубокой чаши, её верхняя часть немного заужена, кромка в сечении подтреугольная. Толщина в верхней части 11 мм., внизу – 13,7 мм. Поверхности шероховатые. На расстоянии 11,8-12,5 мм. от кромки венчика расположены обломанные сквозные отверстия. Цвет поверхностей коричнево-красный, с белым налетом. В изломе – трехцветный, средняя часть серо-коричневая. Тесто рыхлое, зернистое и пористое. В структуре серые и беловатые включения (Бурков, 1990, с.7-11, с.29, рис.4Б, 1-3, 9А, 5-10; рис.4Б, 3; 5, с.82, № 3, с.105, с.115, рис.8, 3).

Поселения Тяллинг» I и II у с. Курчалой. Данные памятники были обнаружены Т.А. Тайсумовым в 1989 г. В 1990 г. он произвел на этих памятниках дополнительные разведки, которые позволили определить место закладки разведочного шурфа. В полевом отчете были отражены сборы с поверхностей обоих памятников. В их составе – каменные клиновидные топоры различных размеров, кремневые изделия, фрагменты керамики (Тайсумов, 1991). В том же году он впервые представил некоторые итоги своих изысканий на этих памятниках. В них была дана краткая характеристика места их нахождения и представлены находки различного типа: фрагменты керамики, кремневые изделия. Кроме того, в тезисах доклада упо-

С. Б. Бурков
Бытовые памятники эпохи энеолита и раннего бронзового века
с территории Чечни

минается и бусина из бирюзы. Отмечен двухкомпонентный характер памятников (неолит, энеолит), о чем свидетельствуют специфические находки изделий из кремня (Тайсумов, 1990).

В 1991 г. он закладывает на поселении Тяллинг» - II разведочный шурф размерами 2x2 м. По результатам этих работ был составлен научный отчет (Тайсумов, 1992). Публикация основной его части была осуществлена С.Н. Кореневским в 2011 г. (Кореневский, Тайсумов, 2011). Ниже приводится краткая информация об этих объектах.

Памятник № 1 располагается в 2 км. к Ю от с. Курчалой, на правом берегу реки с одноименным названием. Оно занимало холм овальной в плане формы, вытянутый вдоль оси СЗ-ЮВ. Общая площадь памятника – около 600 кв.м., его высота – около 2 м. Поверхность памятника распахируется, что способствовало сбору подъемного материала, включающего керамику и изделия из камня. Памятник № 2 находится неподалеку от памятника № 1, в 2,5 км. к Ю от с. Курчалой, на том же берегу р. Тяллинг. Оно занимает невысокий холм в форме мыса. Терраса, на которой он расположен, круто обрывается к З в сторону распахиваемой зоны и поймы реки, высота обрыва – около 5 м. С севера, запада и юга памятник имеет выходы на равнину. Высота объекта, согласно произведенной топосъемке, составляет около 1 м. Площадь поселения № 2 составляет около 1500 кв.м. Здесь был также собран подъемный материал, аналогичный найденному на памятнике № 1. В 1991 г. на нем, в его западной части, где концентрация подъемного материала была наибольшей, Т.А. Тайсумовым был заложен разведочный шурф размерами 2x2 м. Глубина раскопа от дневной поверхности – 3,4 м., всего было выкопано 17 штыков, их глубина – около 20 см. каждого. Культурный слой мощностью около 1,4 м. (он начинается с отметки - 0,8 м. от репера), но находки изредка встречались и глубже, в материковой глине. Количество находок возрастает от 3 к 7 и 8 штыкам, но наиболее насыщены штыки № № 9 и 10, с 12 штыка их количество уменьшается, с 13 по 17 их уже мало. С.Н. Кореневским отмечено, что культурный слой является однородным. По характеру донных частей аналогии керамики есть на Агубековском поселении, Галюгаевском-II и среди находок на бытовых памятниках культурного блока Сиони-Цопи Южного Кавказа. Для памятников МНО подобные плоские донья с выступом не характерны. Коллекция венчиков состоит из экземпляров прямых, наклонных вовнутрь, и экземпляров, у которых есть валики, наклоненные вовнутрь. Подобные есть на сосудах эпохи энеолита Южного Кавказа. Венчики с гребешковым орнаментом идентичны экземплярам культурного блока Сиони-Цопи в Грузии. В Предкавказье такой орнамент есть на керамике из поселения Замок в Кисловодске. В керамике курчалоевских памятников нет орнамента в виде кольчатых жемчужин. Такими же признаками обладает керамика энеолитических памятников Грузии и Дагестана. Фрагменты стенок, скорее всего, происходят от сосудов типа жаровен, хорошо известных из памятников Южного Кавказа и Дагестана. Прорезной орнамент, встреченный на ряде фрагментов, для МНО не характерен, но обычен для культур энеолита, куро-аракской культуры. Аналогии трем прорезным линиям треугольников, или в виде орнамента в виде волны подобрать трудно. Небольшие орнаментальные наlepные шишечки – довольно распространенный элемент декора для памятников энеолита (Агубековское поселение, Ясная Поляна). Налепные валики имеют аналогии на поселении Чох и в керамике из слоев раннего бронзового века поселения Великент-I. Накольчатый орнамент представлен в единственном экземпляре. Налепные ручки – прихваты в виде горизонтальных налепов с 2 маленькими отверстиями - редки. Пряслица имеют аналогии в материалах поселения Замок и среди находок их поселения Делатепе. Антропоморфная пластика в виде фрагментированных женских фигурок известна в энеолитических памятниках Азербайджана. Фигурки в виде курдючных баранов характерны для поселений энеолита – раннего бронзового века Южного Кавказа. Каменные тесловидные орудия типичны для позднего неолита и энеолита Кавказа. Они постепенно выходят их употребления в эпоху раннего бронзового века Предкавказья. Наконечник стрелы выполнен из пластинчатого скола, аналогия – Нальчинский могильник. В качестве вывода следует отметить, что данные памятники представляют собой новый тип памятника

пока ещё неизвестной культуры энеолитических теллей. Они имеют аналогии среди материалов энеолита Южного Кавказа и поселения Сержень-Юрт. На неолитический этап развития памятника указывают карандашевидный миниатюрный нуклеус, микролитические кремневые пластинки, наконечник стрелы и обломок дротика, проколка с теко оформленным острием. Энеолитическая эпоха представлена каменными теслами, небольшими долотами, пластины с притупляющей ретушью по краям, флажковидный наконечник стрелы асимметричной формы и большинство фрагментов керамики. Находка бусины из бирюзы очень редка. Ранее бирюза была найдена только в комплексах раннего майкопского варианта МНО и в самом Майкопском кургане. Такое понятие, как «энеолит» Предкавказья, имеет ещё не совсем ясные хронологические рамки.

Поселение № 4 у с. Аллерой. Памятник находится в 2,5 км. к Ю от с. Аллерой, на левом берегу р. Мичик, вблизи впадения в неё небольшой реки Тунгат. Северо-Восточный край поселения прорезает грунтовая дорога, ведущая из с. Аллерой в с. Гансол-чу. Весной 1991 г. на склоне, где располагается поселение, строительные работы начало малое предприятие. Они были связаны с выборкой грунта для строительства цехов. В результате была уничтожена часть поселения. В краях котлована просматривался культурный слой мощностью до 1,0 м., а также хозяйственные ямы различной глубины. Из них, а также из отвалов грунта и культурного слоя была собрана коллекция находок, состоящая из фрагментов керамики различного цвета и качества выделки, предметов из кремня, камня и кости. Они были представлены в отчете сотрудника НПЦ по охране, реставрации и использованию памятников истории и культуры ЧИР при Министерстве культуры ЧИР Т.А. Тайсумова. Всего было собрано 38 предметов: долотовидные орудия, кремневые вкладыши в серп, из камня и кости, в т.ч. – наконечник стрелы, фрагменты керамических сосудов, кремневые пластины. Среди прочих выделяется несколько находок. К сожалению, в отчете отсутствует информация о предмете, размещенном на рис. 63 под № 1. По внешней форме (неправильный овал, с уплощенной одной из коротких сторон) и сквозному отверстию в средней части он напоминает бусину, у которой одна из сторон немного вогнута (подрезана?). Размещение в таблице среди прочих предметов из культурного слоя поселения № 4 у с. Аллерой, заставляет предполагать его происхождение из этого же памятника. Фрагмент венчика керамического сосуда, имевшего горловину прямой формы. Поверхность коричневого цвета, гладкая. Ниже края венчика – сквозное отверстие. Судя по рисунку, их было не менее 5. Толщина венчика в нижней части – 5 мм. К сожалению, в тексте отчета других данных о фрагменте нет, как и ссылки на номер рисунка, однако он узнается по внешней форме и имеющимся данным. Вероятно, что тесто данного сосуда было формовано с какой-то примесью. Установить, с какой именно, в настоящее время не представляется возможным. Фрагмент венчика сосуда из камня черного цвета. Его край слегка отогнут наружу, ниже его проходят 2 параллельные орнаментальные горизонтально расположенные врезанные полосы. Поверхности сосуда гладкие, зашлифованы. Из кремня изготовлены наконечник стрелы с небольшой выемкой в основании арочной формы, покрытый отжимной ретушью, острие обломлено, а также 3 типа орудий. Первый тип – орудия т.н. «долотовидной» формы, небольших размеров, со сколами от сработанности, дополнительно обработаны в технике крупной отжимной ретуши. Второй тип – это т.н. «вкладыши» в составные жатвенные орудия – серпы. Их рабочие поверхности обработаны в технике двусторонней «пильчатой» ретуши. Один из них – концевой. Некоторые из вкладышей заполированы от долгого использования. В отчете приведен ещё один предмет, также отнесенный его автором к вышеуказанной категории находок. Однако, по своей внешней форме, а также характеру обработки поверхностей, скорее всего, он может быть отнесен к наконечникам дротика. Кроме того, встречена и небольшая кремневая пластина без ретуши, возможно – кремневый скол, полученный при обработке сырья. Из костяных предметов был найден спил рога животного, заполированного от использования. Все остальные находки – это фрагменты керамики. Судя по их описанию, а также приведенным в отчете рисункам, они могут относиться к нескольким временным этапам и археологическим культурам. Наиболее древние представляют майкопскую КИО (Тайсумов, 1992, рис.63-65). К сожалению

С. Б. Бурков
Бытовые памятники эпохи энеолита и раннего бронзового века
с территории Чечни

нию, материала, присутствующего в отчете, недостаточно для обоснованных культурно-временных характеристик. Нет и описания самого культурного слоя, а также хозяйственных ям, что затрудняет более детальное определение. Общего плана фотографии не дают представления о его структуре, но могут помочь в определении точного места расположения этого интересного объекта археологии.

Таким образом, к настоящему времени для территории Чечни нам известно о 14 поселениях с материалами энеолита и раннего бронзового века. При этом частично опубликованы материалы лишь из 4 из них.⁹ К сожалению, авторы - открыватели значительной части приведенных выше памятников, помимо кратких заметок в «Археологических открытиях», до сих пор не издали результаты этих исследований. В некоторых случаях (М.Х. Ошаев, В.Б. Виноградов, Х.М. Мамаев, Т.А. Тайсумов - поселение № 4 у с. Аллерой) вновь обнаруженные поселения и находки из них не представлены даже и таким образом, что создает значительные сложности в работе с этими важными источниками. Следует признать, что такое положение дел формирует устойчивую тенденцию, когда подобные важные материалы оказываются невостребованными исследователями по причине (уже) отсутствия как самих исследователей, так и технической возможности их вовлечения в научно-исследовательские процедуры. В то же время, ситуация с источниковой базой, например, в РСО-Алания, других регионах Центрального Предкавказья,¹⁰ выглядит значительно лучше. Это объективно не только создает заметную диспропорцию в изучении важнейших этапов формирования постоянных контингентов оседло-земледельческого населения края, но и искусственно «занижает» роль и значение древностей энеолита – раннего бронзового века в судьбах древних насельников Чечни. Представляется, что кратко охарактеризованные в настоящей статье материалы, до сих пор лежащие «без движения» в научных архивах, должны быть опубликованы и по достоинству оценены исследователями.

Литература

- Бурков С.Б., 1991.** Отчет о раскопках курганов в зоне реконструкции (консервации) 2-й очереди Ассиновской оросительной системы на орошаемых землях колхоза им. XX партсъезда Сунженского района и совхоза «Орджоникидзевский» Ачхой-Мартановского района Чечено-Ингушской Республики в 1990 году. – Грозный, // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № № 15757-15761.
- Багаев М.Х., 2008.** Археологические памятники древней Чечни в трудах Р.М. Мунчаева // Проблемы истории, филологии, культуры. – № 21. – С.29-37.
- Бурков С.Б. 1990** Отчет о спасательных раскопках Чернореченского могильника № 1 в 1989 г. Грозный // НОА ИА РАН, Ф-1. Р-1. № 13643.
- Бурков С.Б., 2009** Из истории изучения объектов культурного наследия Ингушетии (эпоха камня, энеолит и бронзовый век) // Вестник археологического центра – Вып.3. – Назрань: ООО «КЕП». – С.97-109.
- Бурков С.Б., 2022.** «Собиратель древностей» А.Т. Евлоев и изучение памятников археологии в районе с. Али-Юрт (Ингушетия) // Шестой Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов: сборник материалов (11-12 ноября 2021 г.) /Отв. ред. С.Н. Савенко. – Ставрополь: Дизайн-студия-Б. – С.45-50.

⁹ Сержень-Юртовские № № I II, как и поселения «Тяллинг» I и II поселения до сих пор опубликованы лишь частично. Прежде всего, это касается общих планов раскопок, стратиграфических наблюдений, статистических данных по находкам керамики и кремневых изделий, фотографий и рисунков найденных предметов. Материалов Т.А. Тайсумова – это касается в меньшей степени, прежде всего, благодаря усилиям С.Н. Корневского.

¹⁰ За исключением Ингушетии, где работы по поиску и изучению бытовых памятников эпохи энеолита и раннего бронзового веков, до сих пор так и не начались.

- Бурков С.Б., Савенко С.Н., Прокопенко Ю.А., 2021.** Раскопки памятников эпохи раннего железного века на территории Чечни. Из исследований ППАЭ в 1989-1990 гг. Ставрополь, «Печатный Двор» – 144 с.
- Виноградов и др., 1975. Виноградов В.Б., Петренко В.А., Дударев С.Л., Мамаев Х.М.** Отчёт об археологических раскопках, разведках и находках в Чечено-Ингушетии в 1974 году. Грозный// НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5366.
- Виноградов В.Б., Мамаев Х.М., 1978.** Отчет о полевых работах ППАЭ в окрестностях сел. Мартан-Чу (ЧИАССР) в 1977 г. Грозный // НОА ИА РАН, Ф-1. Р-1. № 6591,6591 «а».
- Виноградов В.Б., Савенко С.Н., 1978.** Исследования в верховьях р. Мартан // АО 1977 г. М.:Наука. – С.111-112.
- Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1982.** Некоторые находки IV-II тысячелетий до н.э. на Северо-Восточном Кавказе // Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный: ЧИНИИСФ – С.16-30.
- Дачаев И.С.-Х., Мамаев Х.М., 2016.** О памятниках эпохи энеолита Чечни и Ингушетии // Всероссийская научно-практическая конференция студентов, молодых ученых и аспирантов «Наука и молодежь» 27-28 октября 2016 г. /отв. ред. Биткаева Л.Х. – Грозный: ЧГУ – С.328-333.
- Дударев С.Л., 1979.** Отчет о работах 4-го (Кисловодского) отряда предгорно-плоскостной археологической экспедиции Чечено-Ингушского госуниверситета и Кисловодского филиала Ставропольского краевого музея имени Г.К. Праве, проведенных в 1978 г. Грозный. Часть II. Разведки в Шалинском районе Чечено-Ингушетии. Новый памятник эпохи бронзы в с. Сержень-Юрт // НОА ИА РАН. Р-1. Ф-1. № 7290, № 7290 – «а».
- Иерусалимская А.А., Козенкова В.И., Крупнов Е.И., 1963.** Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии (по материалам Северо-Кавказской экспедиции 1961 г.). // КСИА. – Вып.94. – М. – С.42-53.
- Козенкова В.И., 1965.** Исследования Сержень-Юртовского поселения в 1963 г. // КСИА. – Вып.103. – М. – С.67-74.
- Козенкова В.И., 1975** Отчет о полевых исследованиях Чечено-Ингушской экспедиции в 1975 г. // НОА ИА РАН, Ф-1. Р-1. № 5851.
- Козенкова В.И., 1976.** Работы Чечено-Ингушской экспедиции // АО 1975 года –М.: Наука. – С.126-127.
- Козенкова В.И., 2001.** Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ) –М.: Наука. –198 с.
- Козенкова В.И., 2002.** У истоков горского менталитета: Могильник эпохи поздней бронзы-раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – Вып. III). – М.: Памятники исторической мысли. – 232 с.
- Козенкова В.И., Крупнов Е.И., 1964.** Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1962 г. // КСИА. – Вып.98. – М. – С.73-80.
- Козенкова В.И., Крупнов Е.И., 1966.** Исследования Сержень-Юртовского поселения (по раскопкам 1964 г.) // КСИА. – Вып. 106. – М. – С.81-87.
- Кореневский С.Н., 2004.** Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. – М.: Наука. – 243 с.
- Кореневский С.Н., Тайсумов Т. А., 2011.** Телли «Тяллинг» I и II у с. Курчалой в Чечне // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. – М. -Грозный. – С.14-43.
- Крупнов Е.И., 1954.** Прикаспийская археологическая экспедиция // КСИИМК. – Вып. 55. – М. – С.95-105.
- Крупнов Е.И., 1957.** Первые итоги изучения Восточного Предкавказья (по материалам экспедиции 1952 и 1955 гг.) // СА – № 2. – С.154-173.
- Крупнов Е.И., 1960.** Древняя история Северного Кавказа. – М.: Наука. – 532 с.
- Магомедов Р.Г., 2018.** Вклад Р.М. Мунчаева в изучение бронзового века Дагестана // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – № 70. – С.20 - 30.

С. Б. Бурков
Бытовые памятники эпохи энеолита и раннего бронзового века
с территории Чечни

- Мамаев Х.М., 1985.** Исследования раннесредневековых памятников в Чечено-Ингушетии // АО – М: Наука. – С.101-102.
- Мамаев Х.М., 2013.** Отчет об археологических раскопках, проведенных в 1984 г. первым отрядом археологической экспедиции ЧИНИИСФ в Урус-Мартановском и Советском районах Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 2013 // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 34929.
- Марковин В.И., 1961.** Археологические работы в Аргунском ущелье в 1958 году // КСИА. – Вып.84. – М. – С.49-55.
- Марковин В.И., 1966.** Материалы по археологии горной части Восточной Чечни // Археолого-этнографический сборник. – Известия. – Т.VII – Вып. 1: История. – Грозный, ЧИНИИЯЛ. – С.113-136.
- Мерперт Н.Я., 1962.** Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 году // КСИА – Вып.88. – М.: ИА АН СССР. – С.33-44.
- Мерперт Н.Я. 2008.** К юбилею соратника и друга: Рауфу Магомедовичу Мунчаеву 80 лет // РА. – № 3. – С.55-62.
- Мунчаев Р.М. 1961.** Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА СССР. Вып.100. М.: АН СССР –М. – 167 с.
- Мунчаев Р.М., 1962.** Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии (Из результатов работ Северо-Кавказской экспедиции) // СА. – № 3. – С.176-198.
- Мунчаев Р.М., 1975.** Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. – М.: Наука. – 416 с.
- Ошаев М.Х., 1970.** Отчет Четвертого отряда археологической экспедиции ЧИ НИИИЯЛ за 1970 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5018,5018 «а».
- Ростунов В.Л., 1982.** Датировка роговидных очажных подставок куро-араксской культуры // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. – Орджоникидзе: СОГУ. – С.121-131.
- Ростунов В.Л., 1983.** О куро-араксских элементах в керамике дольменной культуры // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. – Орджоникидзе: СОГУ. – С.86-89.
- Тайсумов Т.А., 1990.** Поселение Тяллинг I у с. Курчалой // Актуальные проблемы дореволюционной Чечено-Ингушетии. Региональная научная конференция. Тезисы докладов и сообщений. – Грозный, ЧИГУ. – С.3-4.
- Тайсумов Т.А., 1991.** Отчет об археологических разведках в округе с. Курчалой Шалинского района ЧИР в 1990 году. Грозный // НОА ИА АН РАН. Ф-1. Р-1. № 15900.
- Тайсумов Т.А., 1992.** Отчет об археологических разведках в Шалинском районе ЧИР в 1991 году. Грозный // НОА АН РАН. Ф-1. Р-1. № 16213.

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПОСЕЛЕНИЯ «МЫСХАКО»

© А.В. Дмитриев¹, Е.И. Нарожный², Ф.Б. Нарожная³

¹ Независимый исследователь, г. Новороссийск, Российская Федерация;

² Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева,
г. Карачаевск, Российская Федерация;

³ МБОУ СОШ № 3, г. Армавир, Российская Федерация

Аннотация. Публикация вводит в научный оборот некоторые результаты охранно-спасательных археологических исследований на поселении. На раскопе 2014 г., расположенном между старыми раскопами А.В. Дмитриева и А.А. Малышева, было выявлено несколько объектов. Среди них – публикуемая хозяйственная яма и грунтовое захоронение. Они не только подтверждают давно предложенные датировку и этнокультурную атрибуцию таких же материалов.

Ключевые слова: поселение и могильник «Мысхако», двуручные амфоры Книда, краснолаковые дипинти на горловине, грунтовые захоронения.

NEW ARCHAEOLOGICAL MATERIALS OF THE SETTLEMENT «MYSHAKO»

© A.V. Dmitriev¹, E.I. Narozhny², F.B. Narozhnaya³

¹ Independent researcher, Novorossiysk, Russian Federation;

² Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev,
Karachayevsk, Russian Federation;

³ MBOU Secondary School No. 3, Armavir, Russian Federation

Abstract. The publication introduces into scientific circulation some of the results of security and rescue archaeological research on the settlement. At the 2014 excavation, located between the old excavations of A.V. Dmitriev and A.A. Malyshev, several objects were identified. Among them is a published utility pit and an underground burial. They not only confirm the long-proposed dating and ethno-cultural attribution of the same materials.

Keywords: settlement and burial ground «Myshako», two-handed amphorae of Cnidus, red-laced dipinti on the neck, ground burials.

Публикуемые археологические материалы – из охранно-спасательных археологических исследований, проводившихся на одном из трех (раскоп 1) раскопов на территории объекта культурного наследия регионального значения «Поселение Мысхако» (рис.1, рис.2, рис.3). Участок этот попадал в зону строительства жилого дома в сел. Мысхако города Новороссийск Краснодарского края (Нарожная, 2014). Участок располагался на разрушаемой Черным морем части памятника, в свое время обследованного, описанного и на протяжении ряда лет изучавшегося Н.А. Онайко, А.В. Дмитриевым, А.А. Малышевым и др. археологами (см. Дмитриев, 1991, 1992, 2005, Мысхакский. 2020, с.7-9 и др.).

Общая площадь раскопа 2014 г., под планировавшееся строительство жилого дома – 546,6 кв.м (рис.4)¹¹. Все три площадки под раскоп – это различные по размерам участки поселения, оставшиеся между раскопами предыдущих лет – раскопами А.А. Малышева и А.В. Дмитриева.¹² Их изучение позволяло соединить все раскопанные участки в единый раскоп.

Работами 2014 г. было установлено, что основная часть раскопа № 1 2014 г. была разрушена в годы Великой Отечественной войны: на прилегающей к береговой полосы части

¹¹ Работы проводились по Открытому листу № 954 от 16 июля 2014 г. Держатель листа – Ф.Б. Нарожная.

¹² Последние по времени охранно-спасательные археологические исследования береговой полосы размываемого морем поселения, проводились А.В. Дмитриевым и Т.В. Дмитриевой в начале 2000-х гг. (Дмитриев, 2005, с.33).

А.В. Дмитриев, Е.И. Нарожный, Ф.Б. Нарожная
 Новые археологические материалы поселения «Мысхако»

Рис.1. Место расположения поселения Мысхако.

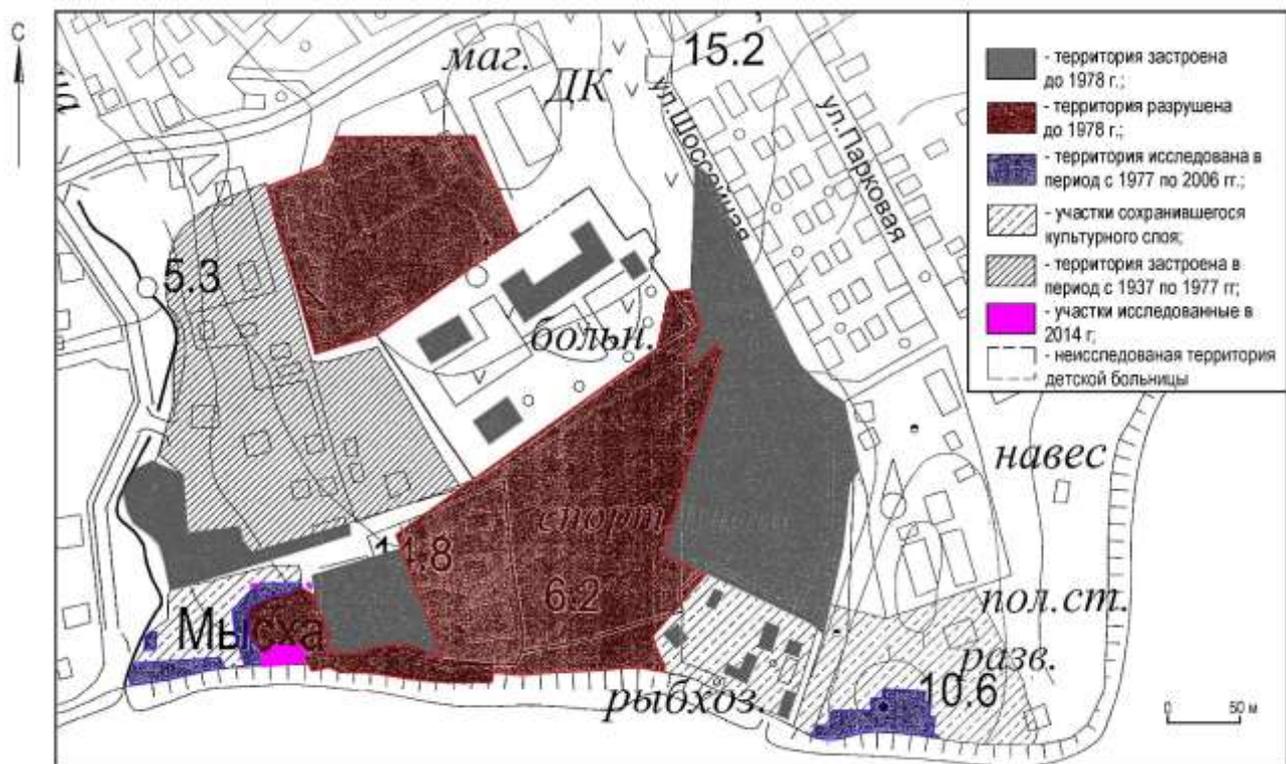

Рис.2. Территория памятника археологии поселения «Мысхако» (по состоянию на 1 января 2013г.) с расположением участка проведения работ.

поселения были открыты остатки оборудованной огневой позиции (рис.4), дно которой было усыпано патронными гильзами и осколками, находившимися вперемешку с мелкими фрагментами керамики из разрушенных, как минимум, трех хозяйственных ям. Остатки этой огневой позиции, засыпанные землей в послевоенное время, содержали следы активной хозяйственной деятельности. Глубокое сооружение под позицию имело несколько ответвлений, отходящих от нее в виде узких ходов-траншей, рядом с которыми находились глубокие воронки от разрывов, также заполненных переотложенным культурным слоем поселения с

большим количеством осколков различных размеров. В одной из них находились неполные останки, судя по его обуви, советского моряка.

На раскопанной части сохранилась и одна непо потревоженная хозяйственная, яма и значительная часть грунтового захоронения. Эти два объекта ныне и вводятся в научный оборот.

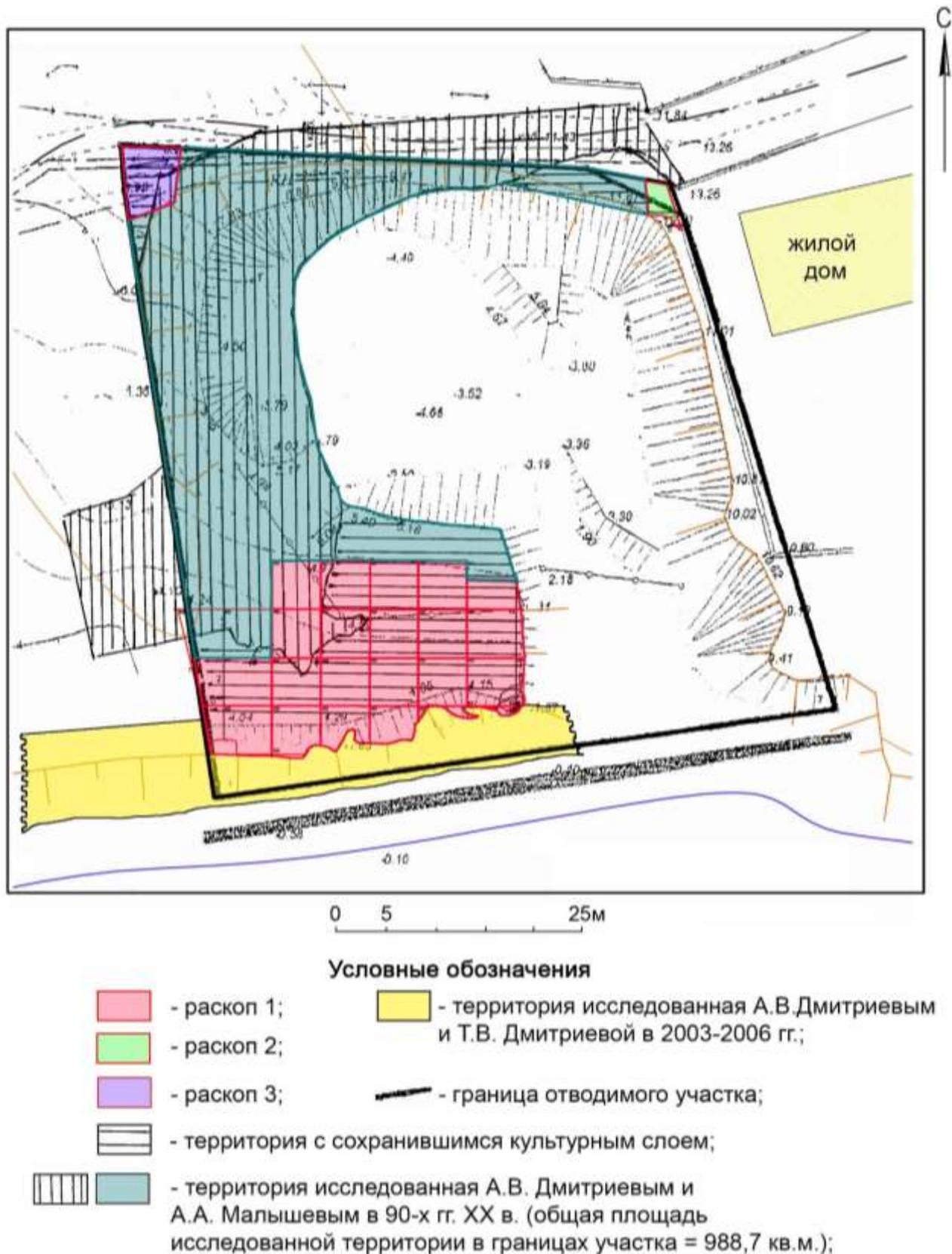

Рис.3. Карта-схема расположения раскопов на территории отводимого участка.

А.В. Дмитриев, Е.И. Нарожный, Ф.Б. Нарожная
Новые археологические материалы поселения «Мысхако»

Хозяйственная яма № 1 (квадрата 0 линии Д) (рис.4, яма № 1; рис.5, яма № 1). Выявлена при горизонтальной зачистке дна квадрата по пятну ее заполнения. Пятно и верхняя часть ямы округлой формы (186x188 см); глубина ямы, заглубленной в материк, – 103-105 см. Стенки ямы вертикальные (почти отвесные), дно горизонтальное с едва заметным «прогибом» (перепад глубины в 2 см) в ее центральной части (рис.5). Заполнение ямы однородное – плотный грунт, без пересыпок, серо-коричневого цвета, сильно насыщен золой, вперемешку с многочисленными древесными угольками или их небольшими скоплениями. В заполнении присутствовали крупные камни (песчаник и туф), сконцентрированные в северной части ямы. Камни со следами пребывания в сильном огне. В заполнении, ближе ко дну ямы, было отмечено более двух десятков мелких фрагментов костей животных, косо разрубленных поперек длины, другие – расколоты вдоль длины оси. В заполнении ямы керамики мало – несколько мелких и невыразительных фрагментов амфорных стенок коричневого цвета. Вместе с ними был и крупный фрагмент ручки амфоры красно-коричневого цвета и хорошего качества (тесто однородное, без заметных примесей, почти полного прокала). По ее внешней поверхности нанесены продольные углубления. Вторая амфорная ручка такого же цвета и качества, но она имеет иное сечение. По внешней стороне этой ручки продольные и частые расчесы.

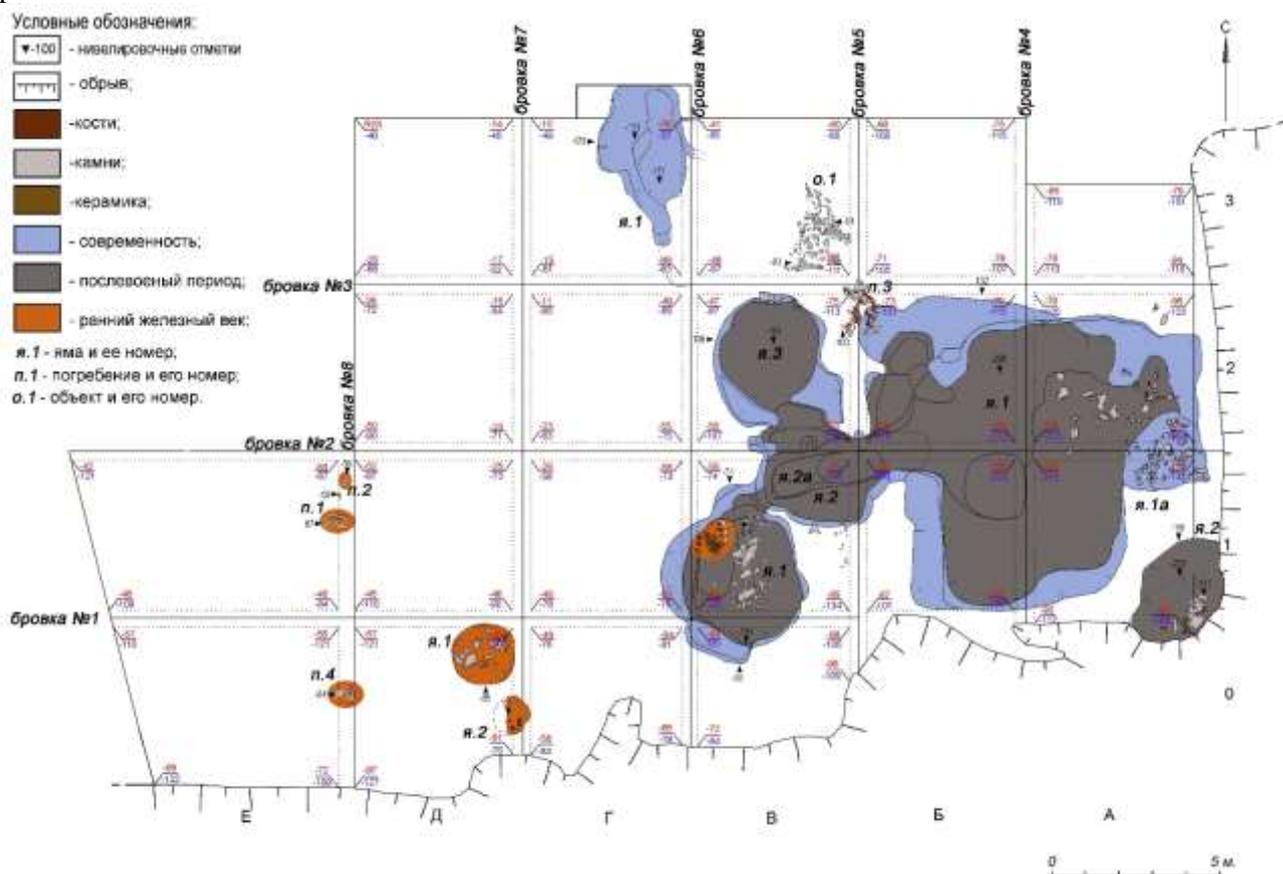

Рис.4. Поселение «Мысхако». Раскоп 1. План раскопа с нанесёнными объектами и границами выявленных напластований.

Кроме фрагментов ручек амфор в яме обнаружены доньшки от двух сосудов (рис.7,1) коричневого цвета также хорошего качества и амфорные ножки того же качества.

Горловина одной амфоры с двумя ручками с красно-коричневой внешней поверхностью (в изломе – светло-коричневого цвета). Поперек горловины нанесен слабо рельефный (валикообразный) декор (рис.6,2). Особо выделяется крупный фрагмент горловины другой двуручной амфоры с красно-коричневой внешней поверхностью (рис.6,1). В изломе, амфорное тесто светло-коричневого цвета, без каких-либо заметных примесей, полного и равномерного прокала. Ручки в сечении «скобообразной» формы; верхняя ее часть выпуклая,

нижняя – вогнута. По внешней стороне горловины, между ручками амфоры, красным лаком нанесена надпись (дипинти), сохранившаяся не полностью (рис.6,1), выполнена красной краской. Фрагмент верхней части амфоры, судя по морфологии венчика и по составу теста, позволяет, хотя и предположительно, относить остатки этой амфоры к производственному центру средиземноморского Книда. По типологии С.Ю. Монахова, – это амфоры типа ПВ, амфоры с коническим горлом и кубаревидной ножею, «вариант пифоидный» с датой – 2 пол IV в до н. э. (Монахов, 2003, с 101, с.304), или – «третья четверть IV в. до н. э.» (Монахов и др., 2016, с. 127). Что касается дипинти, здесь мы сошлемся на мнение специалиста-античника – А.С. Цинько¹³. «EP» – сокращение от имени, предположительно, «Гермес». Все знаки ниже относятся к числовым значениям. Это может быть значение денежных единиц или, например, значения меры жидкости, извлеченной из амфоры. Разные знаки вертикальные и ниже горизонтальные указывают либо на разные денежные единицы за продажу количества содержимого (например, вина), либо различные меры жидкости, например, чашка, полчашки и т.д., при отливе содержимого. Дипинти нанесено красной краской. По шрифту также относится ко 2 пол IV в. до н. э.

Варианты амфор киндского производственного центра ныне известны и на других территориях Кубани – из погребений могильника Старокорсунского городища № 2 (Кузнецова и др., 2022, с.139-151), а также Прикубанского некрополя (Монахов и др., 2021. с. 194-204). Аналоги фрагментам публикуемой амфоры можно привести и из фондов других музеев страны – Керченского музея-заповедника, из Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина и др.

На территории нашего раскопа оказались и остатки от четырех грунтовых захоронений (рис.4).

Погребение № 1 (квадрат 1, линия E): выявлено почти рядом с бортом раскопа А.А. Малышева практически на поверхности, спланированной при засыпке раскопа (рис.4, погр.1, рис.8). Границы грунтовой ямы не фиксировались, захоронение выявлено по костным останкам. Скелет молодой женщины, неполной сохранности, отмечена лишь верхняя часть костяка. Череп раздавлен, покоился на левой височной кости; нижняя челюсть «отвисла» вниз. Сохранились обе ключицы, верхние конечности, несмотря на фрагментарность трубчатых костей, были уложены вытянуто вдоль туловища. Сильно потревоженная грудная клетка – в положении «на спине». Нижняя часть скелета отсутствовала. Погребенная женщина, головой ориентирована на запад с небольшим отклонением (несколько градусов) к югу. Дно под скелетом – ровное, горизонтальное, со следами органической подстилки (?) темно-коричневого цвета. Сопровождающий инвентарь представлен следующим набором предметов:

Юго-западнее черепа (за ним) находился развал стоявшего вверх дном тонкостенного черно-лощеного сосуда, в изломе светло-коричневого цвета; тесто полного прокала и без заметных примесей в него. После реставрации были установлены размеры сосуда: высота 17,1 см; диаметры: дна – 7 см, в месте максимального расширения тулова – 14 см. Толщина дна – 9,6 см, стенок - 0,2 см, ручки - 0,7 см. Ширина ручки - ,2,5 см. Тулово сосуда подшаровидное; ручка в сечении ассиметрично уплощенной формы; дно сосуда на невысоком кольцевом поддоне.

В северо-восточной части публикуемого захоронения прослежено скопление бус, «утопленных» в плотный грунт дна грунтовой могилы, что позволяет предполагать: изначально, бусы входили в состав 3-4 низок, использовавшихся либо в качестве своеобразных украшений («браслетов») на запястьях рук, либо же, они могли быть нашитыми на рукава (?) одежды. Первая их «низка» состояла из 5-ти сердоликовых и 5-ти стеклянных (одна рассыпалась) бусин. Бусы из стекла – бирюзово-прозрачного цвета. Все 10 бусин овальной, или близкой к овалу подшаровидной формы, чередовались с сердоликовыми.

¹³ Пользуясь случаем, выражаем свою искреннюю признательность Анне Сергеевне за консультацию и помощь.

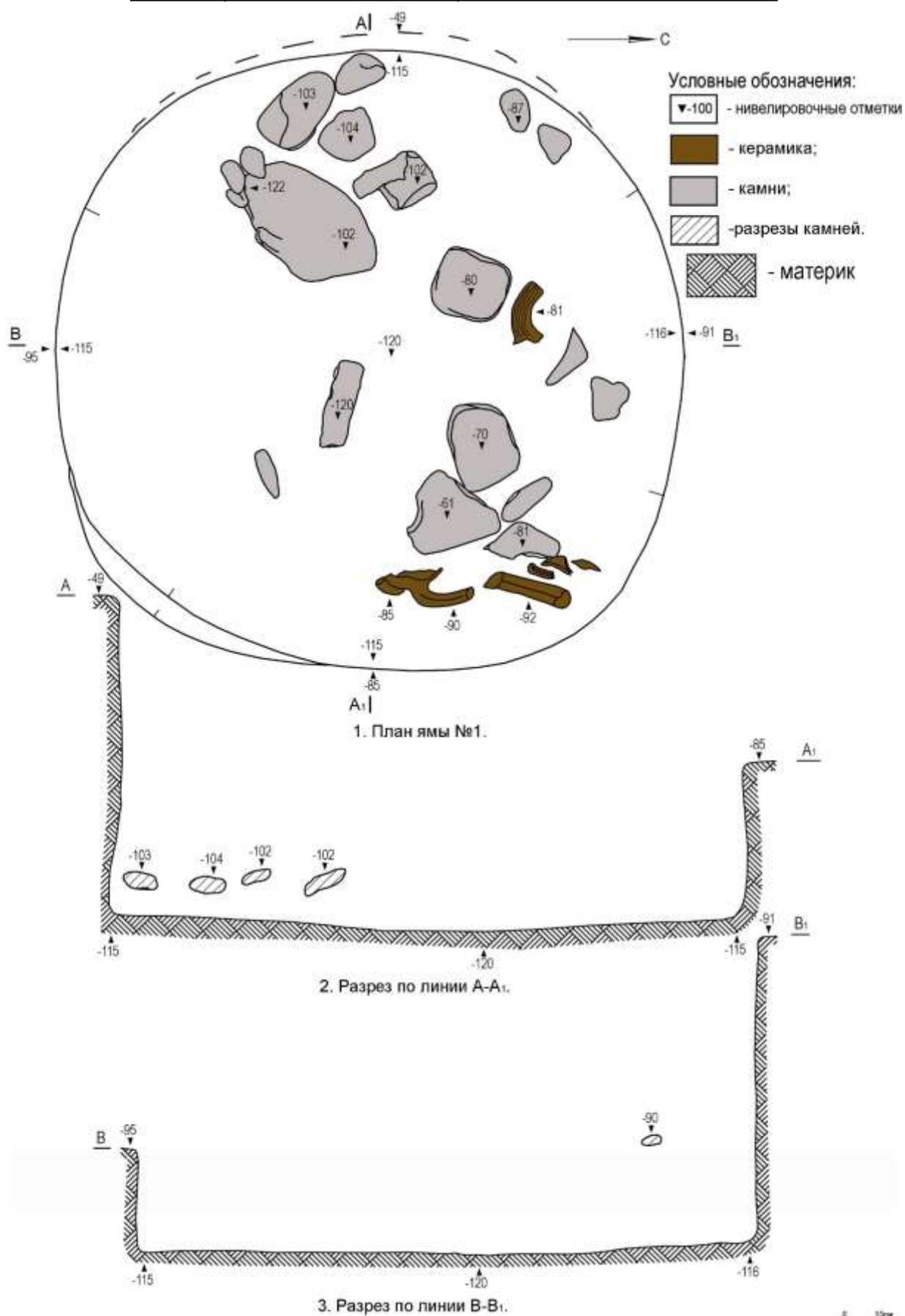

Рис.5. Поселение «Мысхако». Раскоп 1. Линия Д. Квадрат 0.
 План и разрезы ямы №1.

Рис.6. Поселение «Мысхако». Яма № 1. Фрагменты верхних частей амфор.

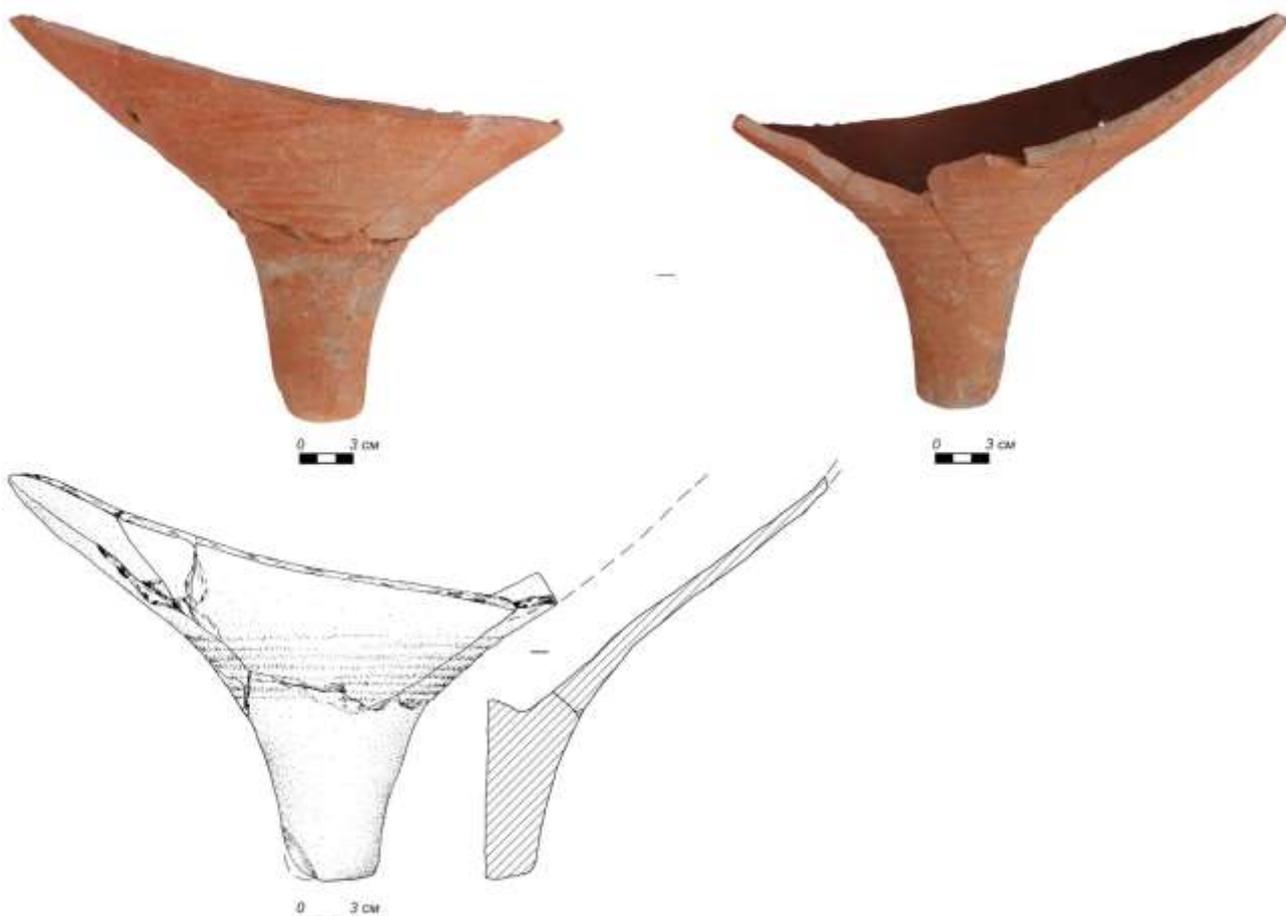

Рис.7. Поселение «Мысхако». Яма № 1. Фрагменты донных частей амфор с ножкой.

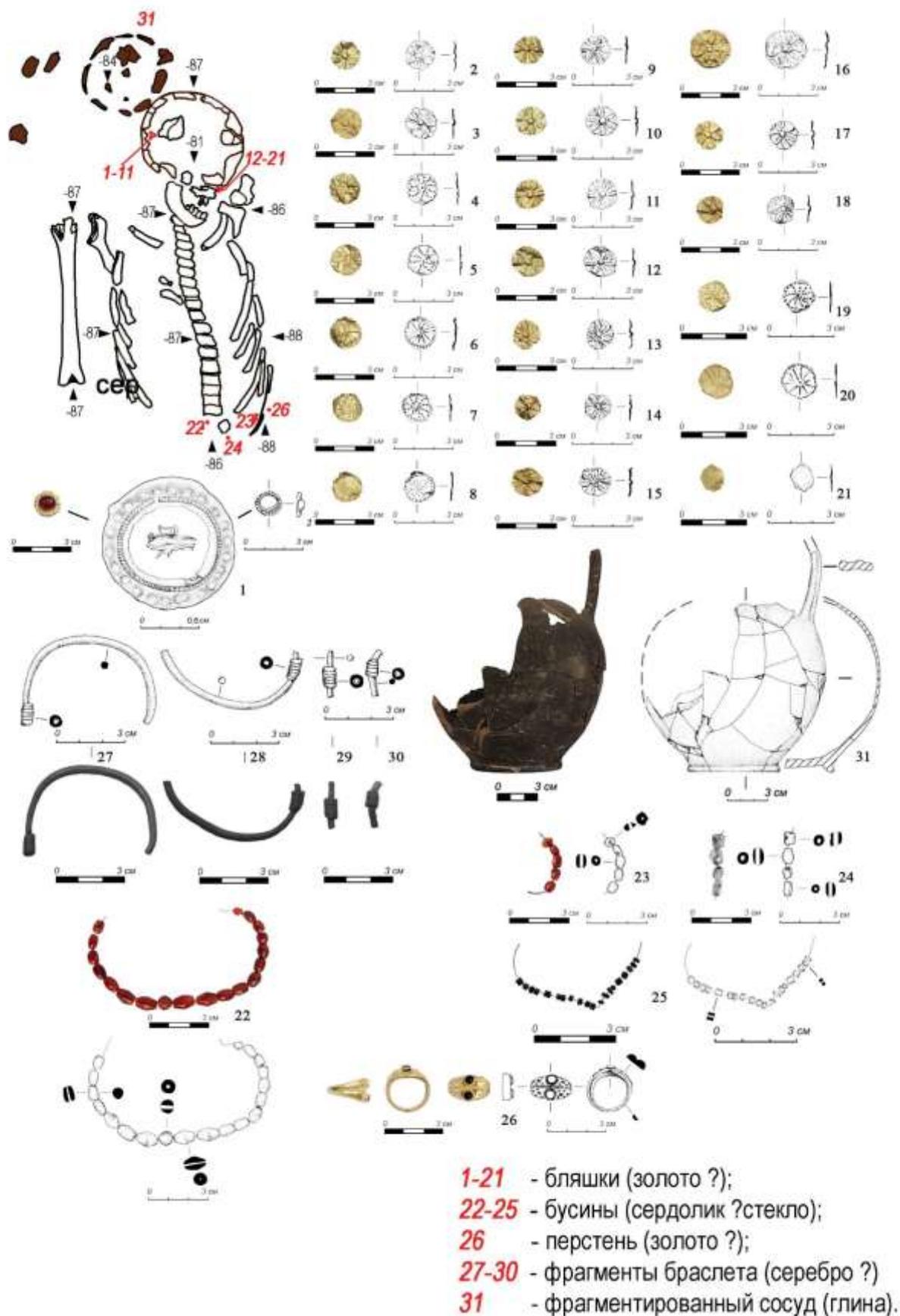

Рис.8. Поселение Мысхако. Погребение 1 и его инвентарь.

В ранее раскопанных захоронениях Мысхакского могильника бусы были связаны с 81 захоронением, давших 1468 экз. бус (Мысхакский могильник, 2020, с. 173), среди которых стеклянные бусы «округлые, шаровидные, эллипсоидные», впрочем, как и стеклянные бусы иных форм, формы доминировали. Преобладали округлые и цилиндрические, доля которых составляла почти 45% (Мысхакский могильник, 2020, с.174). Сердоликовые бусы в той же выборке также многочисленны, составляя примерно 13% (Мысхакский могильник, 2020, с.195). Публикуемые бусы из «низки 1» общей картины не меняют, впрочем, как и бусы второй «низки», состоявшей из 19-ти сердоликовых бусин округло-овальной формы (рис.8,23).

Третья «низка» представляла собой скопление стеклянного бисера; из-за фрагментарности основной массы таких бусинок, общее их количество установить не представлялось возможным.

На черепе погребенной, а также и внутри него, между его фрагментами зафиксирована, в общей сложности, 21 штампованная бляшка из тонкой золотой фольги, уплощенной или слабо выпуклой формы (рис.8, 1-21). Одна из слабо выпуклых бляшек (размер: 1,7x1,8 см), в своей центральной части декорирована приклеенной (?), также слабо выпуклой, сердоликовой пластинкой с геммообразным изображением изнутри (?). Вокруг сердоликовой пластинки – слабо выдавленные изнутри, округлые выступы. Реальность восприятия этого, не совсем ясного изображения, как геммы, косвенно подтверждается наличием геммы на вставке, украшавшей один из перстней Мысхако (Мысхакский могильник, 2020, с.161).

Другие бляхи можно воспринимать как имитацию цветка с выпуклой точкой в центре изделия (выдавлены изнутри). Самая мелкая из бляшек имеет диаметр 1,4x1,7 см, она плоская, без декора (рис.8,21). Возможно, бляшки изначально украшали головной убор.

Отмеченные штампованные бляшки-розетки из золотой фольги хорошо известны по материалам раскопок других погребений Мысхакского могильника. Так, в его захоронении № 12 были отмечены «круглые в виде розетки» штампованные, золотые бляшки диаметром 1 см, всего – 69 экз.» (Мысхакский могильник, 2020, с. 44, погр.12, с.43, рис.38, 15). Это погребение было с бронзовой монетой «чеканки Боспора 37-38 гг.» н.э. (Мысхакский могильник, 2020, с. 44, погр.12, № 11). В погребении № 28 (Мысхакский могильник, 2020, с. 64, погр.28, рис.57, 1) выявлено 6 золотых штампованных блях в виде 12-лепестковых розеток, диаметром 1 см (Мысхакский могильник, 2020, с. 44, погр.28). В погребении № 29 – «на уровне ног» было «7 округлых золотых штампованных бляшек в виде 12-лепестковых розеток диаметром 0,8 см» (Мысхакский могильник, 2020, с.65, погр. 29, рис. 58, 3). В погребении № 41 их отмечено 63 экз. Все они «золотые округлые и штампованные бляшки в виде 12-лепестковой розетки, диаметром 1 см (Мысхакский могильник, 2020, с. 80, погр.41, рис.71, 9). Встречены они и в погребении 1/1996 г. (Мысхакский могильник, 2020, с. 141, погр.1/1996, рис.133, 7).

В северо-восточном завершении погребения был обнаружен перстень из желтого металла. Изготовлен из полой свернутой трубки (золотая фольга) по длине и заполненной изнутри пастой (?). Ближе к центру верхней части, перстень раздваивается на две трубки (внутренняя сторона плоская), завершающиеся полым щитком в виде усеченного овала с почти горизонтальной внешней поверхностью. В центре щитка, по всей его длине, проходит тонкая вдавленная линия. По обе стороны от нее – небольшие «гнезда», удерживавшие» две стеклянные вставки гранатового цвета. Остальное пространство щитка покрыто мелкими «точками» (выколотка изнутри) (рис.8, 26). В материалах Мысхакского грунтового могильника отмечены близкие образцы перстней, аналогии которым приводятся из материалов «I-III в. н. э.» (Мысхакский могильник, 2020, с.159-162).

К погребению относятся и 4 фрагмента от одного или двух проволочных браслетов (?) из низкопробного серебра (?) «с завязанными концами» (рис. 8, 27-30), также известными в материалах Мысхакского могильника (Мысхакский могильник, 2020, с. 164, рис.143); известны они и в погребениях полуострова Абрау (устье р. Озерейка), в захоронениях Цемесской долины под Новороссийском и в некрополях разных античных городов Северного Причерноморья. Обычно украшения этого типа датируют «первыми веками н.э.» (Мысхакский

А.В. Дмитриев, Е.И. Нарожный, Ф.Б. Нарожная
Новые археологические материалы поселения «Мысхако»

могильник, 2020, с. 165). Таким образом, публикуемое нами захоронение вполне типично для материалов Мысхаковского могильника I-II вв. н.э.

На поселении, кроме публикуемого, в раскопе 1 было выявлено еще три, практически полностью разрушенных безы Inventарных захоронения (рис.4, погр. 2-4), не представляющих какого-либо интереса.

Литература

- Дмитриев А.В., 1991** Отчет об исследовании археологических памятников в пос. Мысхако в зоне строительства спортивно-оздоровительного комплекса объединения Пермьлеспром в 1991 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 16529.
- Дмитриев А.В., 1992.** Отчет об исследовании археологических памятников в пос. Мысхако в зоне строительства спортивно-оздоровительного комплекса лесопромышленного концерна «Гермес» в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17044
- Дмитриев А.В., 2005.** Раскопки на поселении «Мысхако» // Археологические исследования на Кубани в 2005 г. /Под ред. Е.И. Нарожного – Краснодар: ГУП «Наследие Кубани» – С.33.
- Кузнецова и др., 2022. Кузнецова Е.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., Монахов С.Ю.** Погребение с квидскими амфорами из могильника Старокорсунского городища № 2 // КСИА. – Вып. 267. – С. 139-151.
- Монахов С.Ю., 2003.** Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. – Москва- Саратов: Изд-во «Киммериды» СГУ. – 352 с.
- Монахов и др., 2016. Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Федосеев Н.Ф., Чурекова Н.Б.** Амфоры VI-II вв. до н.э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог (Крым в истории, культуре и экономике России). – Керчь-Саратов: Типография «Новый проект». – 222 с.
- Монахов и др., 2021. Монахов С.Ю., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б.** Амфоры Прикубанского некрополя IV - начала III вв. до н.э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына) – Саратов: ООО «Волга». – 324 с.
- Мысхаковский некрополь, 2020.** Мысхаковский некрополь. Раскопки 1978-1979 гг. (Некрополи Черноморья VI) /Под редакцией А.А. Мальшева – И.: МАКС-пресс. – 220 с.
- Нарожная Ф.Б., 2014.** Отчет об итогах проведения охранно-спасательных археологических раскопок на территории объекта культурного наследия регионального значения «Поселение Мысхако» на участке строительства жилого дома в сел. Мысхако г. Новороссийска Краснодарского края – 1-3 – Краснодар, // Архив НАО «Наследие Кубани» (б.н.).

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ РАННЕГО
ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ «КИШПЕК-2» В КАБАРДИНО-
БАЛКАРИИ

©В. П. Мокрушин¹, Е. И. Нарожный²

¹ НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар, Российская Федерация;

² Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева,
г. Карачаевск, Российская Федерация

Аннотация. Первую половину VII в. до н. э. нередко трактуют, как «древнейший период истории скифов» и связывают с данным этапом комплексы, содержащие элементы позднекиммерийской традиции. К памятникам такого круга, вероятно, в своей основе может принадлежать и исследованное 2009 г. поселение «Кишпек-2» (КБР). Поселение достаточно обстоятельно иллюстрирует культуру населения Центрального Предкавказья в период перехода к эпохе железа. Преобладающее количество находок на нем представлено лепной керамикой, чаще всего, от горшков. В составе выборки выделяются также банки, у которых плечико и шейка лишь намечены. Верхняя часть таких глиняных емкостей могла быть орнаментирована преимущественно посредством нанесения неровных прерывистых бороздок. Отмечены и единичные черепки с параллельными горизонтальными рядами «семечковидных» оттисков. Осколки петлевидных ручек, скорее всего, от кружек. Крупный кувшин с уплощенной ручкой, вероятно, имел сильно раздутый грушевидный корпус, сильно напоминая корчагу. Последние на памятнике довольно многочисленны. В их числе есть т.н. «парадные» корчаги, как правило, нарядно декорированные с применением острого инструмента, оставлявшего аккуратные тонкие ломаные линии. С их помощью обычно декорировались и миски, почти все относившиеся к вариантам Ж или З по классификации В.И. Козенковой. На них резными линиями, нередко собиравшимися по 2-3, в виде полос, наносились узоры: зигзаги, косая сетка, «столбики» из вертикальных отрезков и др. Эффектны композиции из плотно заштрихованных изнутри треугольников. Приустьевую часть сосудов снаружи нередко украшал ряд близко смыкавшихся мелких вдавлений. Все они дают вполне определенный повод для предлагаемой в статье историко-культурной атрибуции раскопанного на поселении археологического материала.

Ключевые слова: скифы, позднекиммерийская традиция, Центральное Предкавказье, переход к эпохе железа, лепная керамика.

SOME RESULTS OF THE ARRHEOLOGICAL STUDY OF MATERIALS OF THE
EARLY IRON AGE FROM THE EXCAVATIONS OF THE SETTLEMENT «KISHPEK-2» IN
KABARDINO-BALKARIA

© V. P. Mokrushin¹, E. I. Narozhny²

¹ NAO «Heritage of Kuban», Krasnodar, Russian Federation

² Karachay-Cherkess State University named after U. D. Aliyev, Karachayevsk, Russian Federation

Abstract. The first half of the VII century BC is often interpreted as "the oldest period in the history of the Scythians" and complexes containing elements of the late Cimmerian tradition are associated with this stage. Probably, the settlement "Kishpek-2" (KBR), studied in 2009, can also belong to the monuments of such a circle. The settlement quite thoroughly illustrates the culture of the population of the Central Pre-Caucasus during the transition to the Iron Age. The predominant number of finds on it is represented by stucco ceramics, most often from pots. The sample will also include banks whose shoulder and neck are only outlined. The upper part of such clay containers could be ornamented mainly by applying uneven intermittent grooves. Single shards with parallel horizontal rows of

Некоторые итоги археологического изучения материалов раннего железного века
из раскопок поселения «Кишпек-2» в Кабардино-Балкарии

"seed-like" impressions are also marked. Fragments of loop-shaped handles, most likely from mugs. A large jug with a flattened handle probably had a strongly inflated pear-shaped body, strongly resembling a korchaga. The latter are quite numerous on the monument. Among them there are so-called "ceremonial" korchagi, as a rule, elegantly decorated with the use of a sharp tool that left neat thin broken lines. With their help, bowls were usually decorated, almost all belonging to the variants of Ж or З according to the classification of V.I. Kozenkova. Patterns were applied on them with carved lines, often gathered in 2-3, in the form of stripes: zigzags, oblique grid, "columns" of vertical segments, etc. Spectacular compositions of densely shaded triangles from the inside. The mouth part of the vessels from the outside was often decorated with a number of small indentations that were close together. All of them give a very definite reason for the historical and cultural attribution of the archaeological material excavated at the settlement proposed in the article.

Keywords: Scythians, Late Cimmerian tradition, Central Pre-Caucasus, transition to the Iron Age, stucco ceramics.

Культуру населения Центрального Предкавказья в начальной стадии перехода к эпохе железа, пожалуй, лучше всего характеризуют материалы поселения «Кишпек-2». Оно было исследовано в 2009 г. на участке площадью 30x90 м (Мокрушин, Нарожный, 2018б, рис. 1). Еще до начала археологических изысканий здесь, при трассировке проектируемой автодороги при помощи техники, строителями был удален растительный слой, по всей территории будущего раскопа участка срезанный на глубину 20-25 см (Мокрушин, Нарожный, 2018, с. 58-59). На изученной территории обнаружено свыше 300 объектов, в основном – хозяйственные ямы. В находках нескольких турлучных развалов попадались обломки «угловых» деталей, вероятно, дверных проемов (?).

В пределах западной периферийной зоны памятника, в относительно узкой (до 4 м) полосе заманчиво предположить наличие ограждения жилой территории. Наверное, будет правильнее всего реконструировать здесь изначальное наличие достаточно легкой конструкции – плетня, обмазанного глиной (?). (Мокрушин, Нарожный, 2019а, с. 17-23. рис. 1, 2). Посередине кв. 95 расчищена неглубокая канава № 292 (рис. 1, 3-7).

Судя по слабой насыщенности культурных отложений в средней части раскопа, с севера на юг мог находиться специально предусмотренный (?), т.н. «транспортный» коридор или проход шириной до 5 м, вероятно, предназначенный для перемещения людей и животных (?) между жилыми и хозяйственными объектами поселения. С запада к нему примыкала прямоугольная наземная постройка (4,2x3,5 м) неясной функциональной предназначенности; она – с большой хозяйственной ямой в самом ее центре. По углам данного «строения» фиксировались 4 скопления из камней, величиной от 0,45 до 1,05 м. Каждое такое скопление состояло из некоторого числа относительно крупных булыжников и значительного числа мелких галек (Мокрушин, Нарожный, 2017а, с. 29).

Большой хозяйственный комплекс, занимавший полностью кв. №№ 7, 18, 28 и частично №№ 4, 5, 27, 29, можно реконструировать как помещение или просто навес, использовавшиеся, надо полагать, не очень долго. Под сооружением размещались почти два десятка ям с максимальными размерами до 300 см. Они располагались параллельными, хотя и неровными рядами на минимальном расстоянии друг от друга; некоторые соприкасались краями. Они, очевидно, выкапывались поочередно, а потом заваливали грунтом и, вряд ли, использовали все сразу, т.к. в этом случае свободный подступ к ним (подход), был бы затруднен, а стенки, скорее всего, стали бы обваливаться в результате интенсивного передвижения рядом с ними людей (Мокрушин, Нарожный, 2020а, с. 130, рис. 1Б).

Интересна северо-западная производственная площадка (кв. №№ 9, 11, 19-21), выделяемая нами условно и частично уже охарактеризованная (Мокрушин, Нарожный, 2021, с. 10, рис. 4, 11-17). Она, практически, квадратная в плане (10x10 м); включала 2 группы ям: №№ 77, 78, 89 и №№ 11, 49, 54. Их габариты, форма и заполнение неодинаковы, назначение

не совсем ясно (рис. 1А). Яма № 90 располагалась обособлено (рис. 1Б).

Все описанные ниже объекты впущены в материк. Только два первые из них, находок керамики не содержали, в остальных такие материалы засвидетельствованы: 6, 156, 152 и 65 фрагментов, соответственно. Уровень фиксации ям, в метрах, составлял (в порядке их описания): -1,19 – -1,28; -1,23 – -1,28; -1,25 – -1,28; -0,64 – -0,68; -1,29 – -1,40; -1,14 – -1,29. Здесь, а также ниже, нивелировочные отметки даются от единого репера (R_0).

№ 77 (КВ. 19, 20). Объект обнаружен на границе квадратов; здесь же выявлена трапециевидная в плане яма (1,0x0,9-1,2 м) с закругленными углами, ориентированная своим основанием с запада на восток. Ее габариты с глубиной, существенно не уровне -1,39 – -1,45 м к уплощенному дну. Выстилающий его серый золистый грунт, мощностью до 25 см, вмещал вверху довольно многочисленные вкрапления турлука. Судя по разрезу (А-А₁), заполнявший верхнюю часть ямы серый грунт, изобиловавший вдоль восточной стенки светлыми пятнами вместе с отдельными кусками обмазки желтого цвета, он хорошо фиксировался внизу серо-коричневой супеси, особенно, с отметок -0,77 – -0,82 м. Он достигал глубины -1,24 – -1,32 м и содержал внизу, в самом центре, аморфное коричневое пятно мощностью до 25 см при его ширине не менее 50 см.

№ 78 (КВ. 20). Здесь, в 0,9 м к югу от предыдущего объекта, расчищен большой (до 20 см в поперечнике) валун. Габариты ямы с глубиной существенно не менялись; они имели почти отвесные стенки, которые резко переходили к выявившемуся на уровне -1,33 – -1,37 м, практически плоскому дну, чуть приподнятому в середине.

№ 54 (КВ. 9). В центре указанного квадрата, в 3,6 м к северо-востоку от объекта № 89, зафиксирована овальная в плане яма (1,30x1,60 м), ориентированная с севера на юг, с несущественным отклонением. Ее заполнял однородный коричневый грунт с мелкими камешками; в северо-восточном углу имелся асимметричный полукруглый выступ (35x110 см). На уплощенном дне ямы, зафиксированном на уровне -1,36 – -1,47 м и заметно поднятом в юго-западном углу, по оси север- юг рассредоточено пять довольно крупных (до 15 см в поперечнике) бульжников. Переход к почти вертикальным стенкам - резкий.

№ 11 (Кв. 9). В южной части квадрата, в 45 см к юго-востоку от предыдущего объекта, после удаления слоя гумуса обнаружена грушевидная в плане яма (2,0x1,35 м), обращенная узкой оконечностью на восток-юго-восток и внизу почти не менявшая своих очертаний. Она прорезала серо-желтую и залегавшую ниже серо-коричневую супесь; ее плоское дно, довольно сильно наклоненное к юго-западу, достигало отметок -1,36 – -1,57 м, и резко переходило к вертикальным стенкам, с юго-востока – круто наклоненным. В процессе работ у западного борта ямы, на отметках -0,85 – -1,19 м расчищен большой (до 15 см в поперечнике) бульжник, сопровождавший скопление (15x55 см) разносортного гравия, вытянувшееся с юго-востока на северо-запад.

Судя по разрезу (Е-Е₁), на уровне -0,52 – -0,53 м сразу после удаления слоя пахоты выявился выстилавший яму неоднородный темно-серый золистый грунт с обломками костей животных, фрагментами турлука и крупными камнями, соответственно: 35, 9 и 7 экз.). Среди находок – осколки мисок (рис. 2, 10-13) и, вероятно, неорнаментированный кувшинчик (рис. 2, 3-5).

№ 49 (КВ. 9). В восточной части квадрата зафиксирована трапециевидная в плане ямы (1,45x1,70 м), длинные стороны которой направлены на запад. Она вплотную примыкала с северо-востока к предыдущему объекту; ее углы закруглены, северо-западный – срезан; отвесные борта стыковались с горизонтальным бугристым днищем, обнаружившимся на уровне -1,38 – -1,61 м. На дне, с южной стороны, были отмечены массивный (25x45 см) бульжник, рядом имелось скопление турлука (15x20 см), а почти по центру (с некоторым смещением к северу) – грушевидный в плане вкоп (90x100 см), узкое окончание которого обращено к востоку. Плоское дно последнего, заглубленное до отметок -1,75 – -1,78 м, резко переходило в вертикальные стенки, вдоль которых, на уровне -1,61 – -1,68 м расчищены

В.П. Мокрушин, Е.И. Нарожный
 Некоторые итоги археологического изучения материалов раннего железного века
 из раскопок поселения «Кишпек-2» в Кабардино-Балкарии

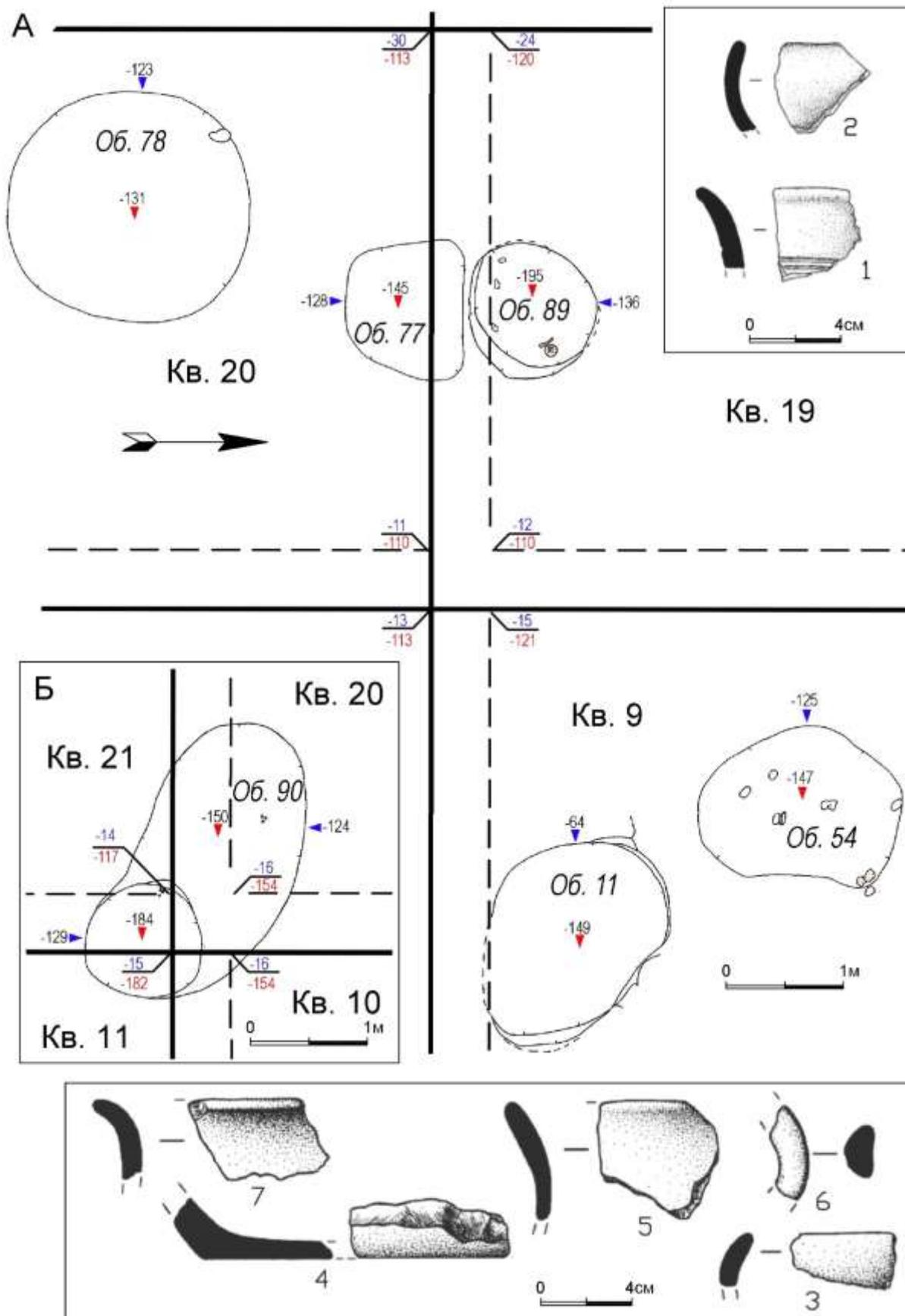

Рис.1. Поселение «Кишпек-2». А - Северо-западная производственная площадка. Схема расположения. Б - Яма № 90. План. Керамический инвентарь из объектов: 1, 2 – № 54; 3-7 – № 292.

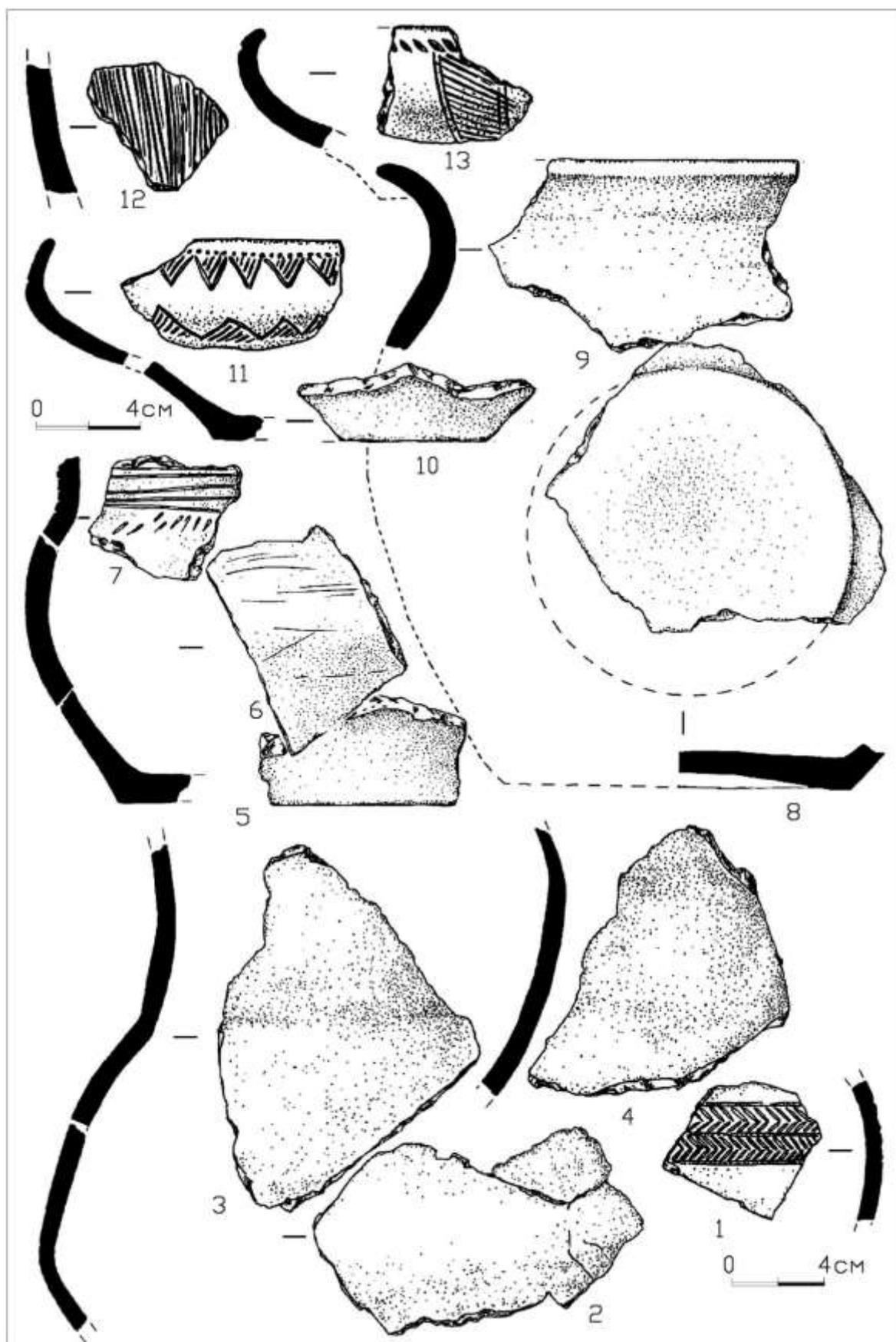

Рис.2. Поселение «Кишпек-2». Фрагменты сосудов из заполнения ямы № 11: 1 – глиняная емкость, внешний вид которой не установлен; 2-4 - осколки кувшинчика; 5-9 - горшки; 10-13 - миски. Размер мисок несколько увеличен.

В.П. Мокрушин, Е.И. Нарожный
Некоторые итоги археологического изучения материалов раннего железного века
из раскопок поселения «Кишпек-2» в Кабардино-Балкарии

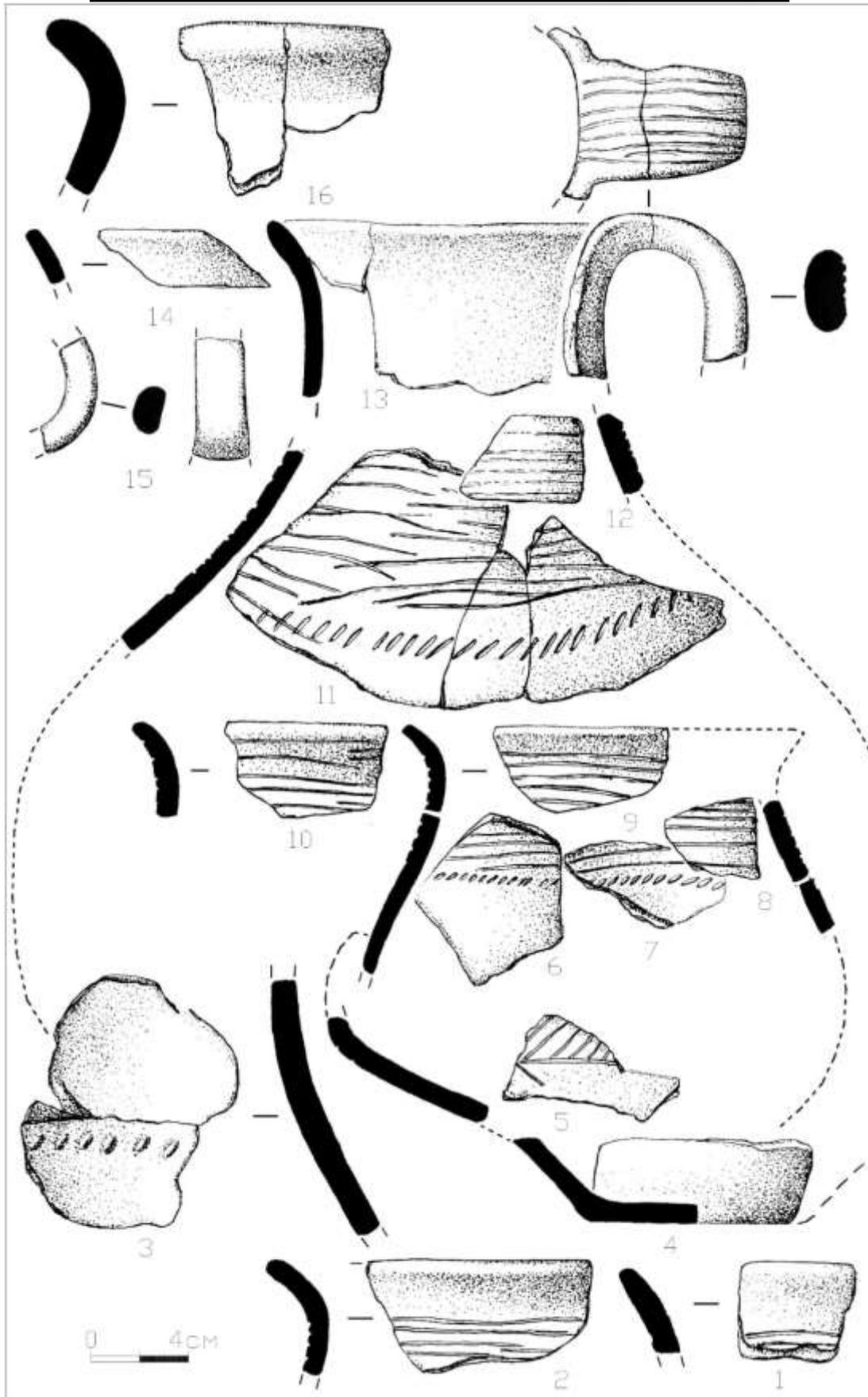

Рис.3. Поселение «Кишпек-2». Фрагменты сосудов из заполнения ямы № 90: 1-3, 6-10, 16 - горшки; 4-5 - миска; 11-14 - кувшин; 15 - ручка от кружки.

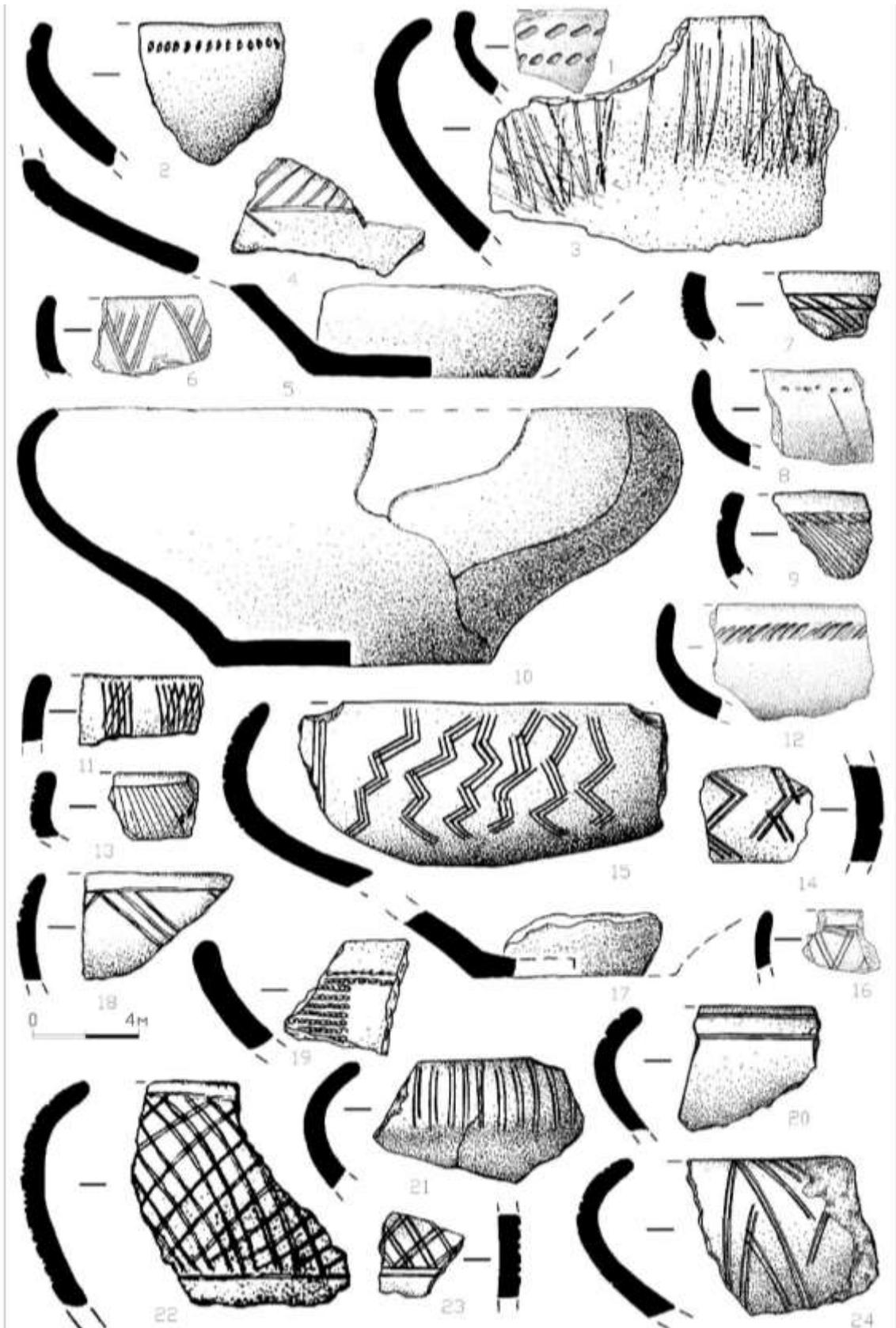

Рис.4. Поселение «Кишпек-2». Миски: 1, 16 – объект (далее – об) № 37; 2 – кв. 38, пл. 2; 3, 19 - кв. 58, пл. 1; 4, 5 – об. 90; 6, 8 – кв. 2, пл. 0; 7 - кв. 24, пл. 2; 9 - кв. 10, пл. 2; 10 - кв. 88, пл. 2; 12 - об. № 94; 13 - кв. 7, пл. 1; 14, 23 – кв. 11, пл. 2; 15 – кв. 39, пл. 1; 17 – кв. 83, пл. 1; 18 - об. № 108; 20 - об. № 293; 21 - об. № 234В; 22 - об № 264; 24 - об. № 55.

В.П. Мокрушин, Е.И. Нарожный
 Некоторые итоги археологического изучения материалов раннего железного века
 из раскопок поселения «Кишпек-2» в Кабардино-Балкарии

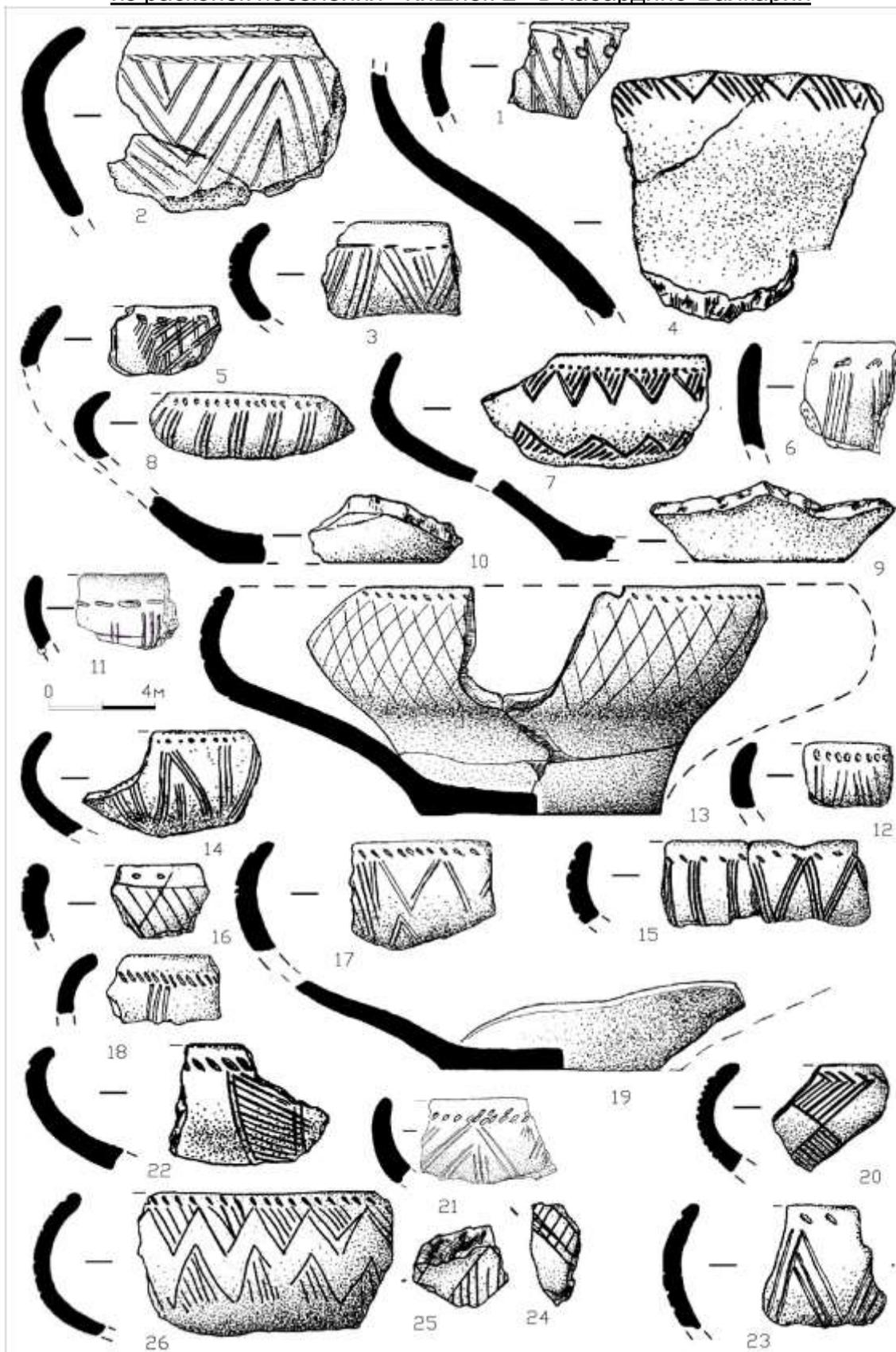

Рис.5. Поселение «Кишпек-2». Миски: 1 – кв. 50, площадка (далее – пл.). 1; 2 – об. № 55; 3 – кв. 36, пл. 2; 4 – об. № 23; 5 – кв. 7, пл. 1; 6 – кв. 39, пл. 1; 7, 9, 22 - об № 11; 8 – кв. 69, пл. 1; 10 – кв. 19, пл. 1; 11 – об. № 37; 12 – об. № 326; 13 – об. № 69; 14 – кв. 11, пл. 0; 15 – кв. 21, пл. 2; 16 – об. № 89; 17 – кв. 75, пл. 1; 18 – кв. 70, пл. 1; 19 – кв. 83, пл. 1; 20 – об. № 313; 21 – об. № 94; 23-25 – об. № 24.

отдельные комки обожженной глины.

Судя по разрезу (F-F₁), на глубине -0,67 – -0,69 м, сразу после удаления серо-желтой супеси выявился выстилавший яму неоднородный темно-серый золистый грунт с находками: предмет из камня, костяная заготовка с порезами и остеологические остатки (7 экз.), включая позвонок животного. Среди собранных здесь же фрагментов посуды отдельно отметим небольшой плоскодонный горшочек.

№ 90 (КВ.10, 11, 20, 21). В 1,1 м к юго-востоку от предыдущего объекта, на стыке указанных квадратов обнаружена асимметричная, сильно вытянутая овальная в плане яма (1,35x2,6 м), ориентированная длинной осью на восток-юго-восток. Ее заполнял неоднородный светло-серый золистый грунт с многочисленными мелкими темными углистыми пятнышками, а также редкими галечками и фрагментами турлука. Размеры ямы внизу не менялись; отвесные борта везде достаточно резко стыковались с уплощенным днищем, выявившемся на уровне -1,45 – -1,58 м и опускавшемся в северном направлении.

Восточную оконечность ямы пробивал почти круглый в плане вкоп (Ø 1,0 – 1,05 м). Его стенки вертикальные, с западной стороны – круто наклоненные; резко переходили к почти плоскому и ровному, горизонтальному дну, зафиксированному на отметках -1,8 – -1,84 м. Вкоп заполнен серым грунтом, в верхнем горизонте которого, на глубине -0,85 – -1,2 м, выявлен разногабаритный гравий вперемешку с обожженной глиной в виде отдельных кусков (32 экз.) и крошки.

Профили – разрезы А–А₁, С–С₁, D–D₁, E–E₁, иллюстрируют то, что выстилавший яму и вкоп грунт выявился уже на уровне -0,95 – -1,0 м, сразу после удаления серо-коричневой супеси. Собранный при расчистке обоих объектов археологический инвентарь помимо прочего включал в себя остеологические остатки, 5 и 4 фрагмента турлука соответственно. Отметим также 2 осколка, судя по всему, от одной и той же миски (рис. 3, 4, 5; рис. 4, 4, 5).

ВЕЩЕВОЙ ИНВЕНТАРЬ. В числе массовых находок на памятнике – каменные оселки, керамические пряслица, бронзовые изделия (Козлов, Мокрушин, Нарожный, 2016, с. 90-92, рис. 1; Мокрушин, Нарожный, 2018а, с. 230-232, рис. 1). Длинная ветка рога благородного оленя с аккуратно спиленными боковыми отростками, предположительно являлась заготовкой для почвообрабатывающего (?) орудия (Мокрушин, Нарожный, 2020, с. 313, рис. 11-15).

Подавляющее количество находок, что отражено и в инвентарной описи, представлено обломками лепной посуды (до 170 шт. в одном пласте на участке 5x5 м); представлены днищами почти всегда, плоские. Венчики, за редкими исключениями, не украшались. Преимущественно, они простые: приостренные или закругленные; плоские венчики пользовались меньшей популярностью (Мокрушин, Нарожный, 2020а, рис. 3, 14).

В своей массе анализируемый керамический материал сильно измельчен, поэтому наибольший интерес представляют скопления фрагментов гончарной утвари, происходившей из многочисленных ям, в которых явно, либо предположительно, концентрировались обломки, принадлежавшие одному сосуду, которые, тем не менее, подклеить не удалось. Зато остатки такого изделия можно с некоторой уверенностью попытаться графически реконструировать.

Некоторые осколки, даже в общих чертах, не позволяют восстановить внешний вид глиняной емкости (рис. 2, 1), но в большинстве своем они с определенной долей достоверности по своей форме распределяются на несколько групп, кратко характеризующихся ниже.

Горшки. Доминировали в коллекции; имели различные габариты и отогнутый наружу верхний край; часто представлены небольшими обломками днищ (рис. 1, 4). Их форма универсальна и позволяет различать три основных варианта: профилированные весьма резко (рис. 2, 8, 9); достаточно хорошо (рис. 1, 7; 3, 1, 2, 6-10, 16) и слабо (рис. 2, 5-7; 3, 3). В составе коллекции, вероятно, можно выделить также банки, у которых плечико и шейка лишь намечены (рис. 1, 1, 5). Они, а также описанные чуть выше сосуды 1 варианта, распространены на поселении не так сильно, как, например, остальные разновидности горшков (Мокрушин, Нарожный, 2021, с. 12, рис. 1, 7, 8, 13, 14; рис. 2, 4-8; рис.3, 6, 8; рис. 4, 1, 2, 7, 11-13, 17).

Некоторые итоги археологического изучения материалов раннего железного века
из раскопок поселения «Кишпек-2» в Кабардино-Балкарии

Часто эта группа керамических изделий не декорировалась, иногда их украшала лишь узенькая полоска коротких плотно поставленных некрупных наклонных продолговатых ямок (рис. 3, 3), либо насечек (Мокрушин, Нарожный, 2021, рис. 1, 15). У большинства из тех, которые содержали орнаментацию, тулово и шейку покрывали неровные прерывистые и даже довольно небрежно-неряшливые узкие каннелюры или, точнее сказать, грубые бороздки шириной 2-3 мм, прочерченные по сырой глине. Из них, в основном, создавались однообразные горизонтальные рифленые пояса (рис. 1, 1; рис. 3, 1, 2), обычно относительно широкие, нередко завершавшиеся снизу «бахромой» из частых, не очень крупных косых насечек (рис. 2, 5-7; рис. 3, 6-10), либо вытянутых вдавлений. Иногда использовались и более сложные композиции (Мокрушин, Нарожный, 2021, рис. 1, 7, 8, 14; рис. 2, 4-8; рис. 4, 7, 11-14).

В кв. 56 (пласт 2) зафиксирован неполный развал слабо профилированного горшка; его тулово покрывали параллельные горизонтальные ряды «семечковидных» оттисков. Еще один аналогичный фрагмент происходил из ямы № 301. Аналогии данным материалам в изобилии известны в районе Кавказских Минеральных вод, особенно, в материалах могильника Клин Яр III (Вальчак, 2014, с. 34–35).

Особняком стоит миниатюрный кувшинчик (Мокрушин, Нарожный, 2021, с. 13, рис. 3, 1-5; 4, 15).

Кружки. К ним относятся преимущественно осколки петлевидных ручек (рис. 1, 6; рис. 3, 15) с округлым, подтреугольным, либо овально-уплощенным поперечным сечением. Попадались и более крупные фрагменты подобных предметов (Мокрушин, Нарожный, 2020а, рис. 4, 3, 4).

Корчаги. С помощью грубых горизонтальных бороздок декорирован также крупный кувшин с очень крутыми плечиками; его уплощенную ручку также украшает продольная полоса рифления. У кувшина достаточно высокая горловина в виде раструба с минимальным внутренним диаметром не превышавшим, по-видимому, 11 см (рис. 3, 11-14). Описанный сосуд, имевший, судя по всему, сильно раздутый грушевидный корпус и маленькое неустойчивое днище, напоминал корчагу.

Многочисленные находки корчаг на рассматриваемом памятнике представлены, в первую очередь, цилиндрическими, либо едва сужающимися кверху горловинами, диаметр которых обычно составлял 9-12 см; одна достигала Ø 17 см и соединялась со слабо раздутым туловом. У таких изделий венчики почти всегда круто отогнуты наружу, а в ряде случаев под углом, близким 90°. Среди них встречались и совсем мелкие осколки (Мокрушин, Нарожный, 2017, с. 186, рис. 2). Горловины и плечики резко отделялись друг от друга и орнаментировались, как на горшках, рифлеными поясами, часто дополнявшимися снизу «бахромой» (Мокрушин, Нарожный, 2021, рис. 1, 2-5, 16; рис. 2, 9, 11-17).

Тулово корчаг в ряде случаев оформлялось небольшими коническими сосцевидными выступами (Мокрушин, Нарожный, 2021, рис. 3, 11). Один такой, сохранившийся полностью сосуд немного выше места максимального диаметра украшали четыре выступа с обводкой по периметру в виде пары неправильных прочерченных концентрических овалов. В коллекции имеется очень большая (максимальный диаметр 51 см) тарная емкость без горловины и орнаментации, служившая, скорее всего, для длительного хранения пищевых запасов. Ее корпус армирован вертикальными внешними наклепными валиками. Несмотря на пару шестигранных в сечении ушек по плечикам (одно отбито), сосуд, вряд ли предназначался специально для перемещения (Мокрушин, Нарожный, 2018в, рис. 3, 1, 2).

Неоднократно встречались крупные (Ø 31-33 см), т.н. «парадные корчаги», использовавшиеся в культовых (религиозно-ритуальных) церемониях (?). Вся верхнюю часть корпуса таких корчаг покрывал богатой сложной декор, выполненный при помощи острого инструмента, оставлявшего, преимущественно, аккуратные тонкие ломаные резные линии. Последние могли быть одинарными: из них компоновались плотно заштрихованные геометрические фигуры с широкой разделительной полосой между ними, либо узкие «ленты» из часто поставленных коротких тонких косых насечек, заполнявших узкую (3-8 мм) «дорожку» между

двух процарапанных по сырой глине параллельных бороздок.

Особенно типичны для «парадных» корчаг – спаренные, строенные (а иногда и счетверенные) линии, собиравшиеся в узкие полосы. Из них могли компоновать рамки в виде пары горизонтальных поясков (нижний присутствовал не всегда), которые оконтуривали широкую орнаментальную зону, представляющую собой вложенные друг в друга острые углы основанием вверх (Мокрушин, Нарожный, 2018в, с. 195-196, рис. 1, 12-14; рис.3, 3, 4). Композицию нередко дополняли элементы, ориентированные вертикально: зигзаги, елочки, простые группы полос. Наверное, в отдельных случаях такие сосуды подвешивались, для чего предназначалось небольшое петельчатое ушко в месте стыка плечика и тулова, сохранившееся на одном из обломков стенки. Отмечены и другие декоративные приемы, например, широкие прямоугольные полотнища с густым заполнением в виде сетки с ячейками ромбической формы (Мокрушин, Нарожный, 2021, с. 12, рис. 3, 12, 13; рис. 4, 5, 6).

Кубки. Немногочисленны; напоминали преимущественно, миниатюрные, хорошо профилированные, как правило, тонкостенные горшочки (рис. 1, 7); их очень короткие шейки и плечики обычно искусно декорированы. Для этого, как и на «парадных корчагах», использовались аккуратные тонкие резные линии, однако, почти всегда одинарные. Характерен и узор из близко прижатых друг к другу вертикальных отрезков; дополнительный второй ряд составляли мелкие наколы, либо же, поясok низких, косо заштрихованных треугольников в рамке, вершинами вверх. Употреблялся также «ленточный» орнамент из частых коротких косых насечек, заполнявших узкую (3-8 мм) «дорожку» между двух процарапанных по сырой глине параллельных бороздок. На округлых днищах кубков нередко наблюдается вмятина внутрь.

Ближние керамические изделия можно указать в гробнице 2 могильника Терезе. Там же находит себе аналогии небольшой низенький сосудик с оригинальной широкой волнистой разделительной полосой на корпусе (Мокрушин, Нарожный, 2021, рис. 2, 1; рис. 3, 7, 14; рис. 4, 3).

Миски. Представлены большой серией, включая, вероятно, и отдельные осколки доньшек (рис. 4, 17; 5, 10, 19). Одна из них, оформлена, скорее всего, шнуровыми оттисками (рис. 4, 19). «Округло-ребристое» тулово дружкой нарядно декорировано как на кубках; тут присутствуют группы вертикальных отрезков в сочетании с горизонтальным «ленточным» пояском (Мокрушин, Нарожный, 2021, рис. 1, 11-12).

В целом же, анализируемые образцы относятся к вариантам Ж или З по классификации В.И. Козенковой и отличаются характерным S-видным профилем и круто загнутым внутрь верхним краем (Мокрушин, Нарожный, 2019, с. 214). Лишь некоторые из них никак не орнаментировались (рис. 1, 2; рис.4, 10), либо украшались очень скромно: один, иногда – два ряда частых наклоненных вправо некрупных оттисков – насечка (рис. 4, 12), продолговатые углубления (рис. 4, 1, 2), наколы (рис. 4, 8). Использовались характерные для горшков грубые горизонтальные спаренные бороздки (рис. 4, 20); отмечены вертикальные пересекающиеся расчески (рис. 4, 3).

Чаще всего рассматриваемые гончарные изделия, как и «парадные корчаги», нарядно декорированы аккуратными тонкими резными линиями, которые могли быть одинарными (Рис. 4, 7, 9, 11, 13; рис.5, 4, 7, 13, 16, 20, 24-26), либо собирались в виде полос по 2 (рис. 4, 4, 14, 16, 21-24; рис.5, 1, 2, 5, 6, 11-12, 17), по 3 (рис. 4, 6, 15, 18; рис.5, 3, 6, 8, 14, 15, 18, 21, 23). Чаще всего линии и полосы размещались под углом, реже – горизонтально, и были скомпонованы в довольно замысловатые композиции. Характерен зигзаг: вертикальный (рис. 4, 14-15), но преимущественно – горизонтальный, из отрезков, которые сходились под острым (рис. 4, 16, 24; рис. 5, 14-15, 17, 23), тупым, либо прямым (рис. 4, 18; рис. 5, 21) углами. Отмечена косая сетка в рамке и без нее, всегда с ячейками ромбической формы (рис. 4, 22-23; рис.5, 5, 13). В орнамент иногда вводились «столбики» из вертикальных отрезков, собранных в группы (рис. 4, 11, 21; рис.5, 6, 8, 11, 14-15, 18, 21).

Весьма эффектны композиции из плотно заштрихованных изнутри геометрических фигур. Особенно часто использовались треугольники: низкие (рис. 5, 4, 20) и высокие (рис. 4, 6; рис. 5, 3, 7, 24-26), в том числе очень сильно вытянутые (рис. 5, 22). Они зачастую об-

Некоторые итоги археологического изучения материалов раннего железного века
из раскопок поселения «Кишпек-2» в Кабардино-Балкарии

ращены вершинами навстречу друг другу, создавая посередине относительно широкую пильчатую разделительную полосу.

Верхнюю кромку узора нередко завершал ряд близко смыкавшихся между собой мелких вдавлений. Преимущественно применялись семечковидные оттиски (рис. 5, 12-13, 15, 17-18, 20-26), почти всегда наклоненных верхним концом влево. Их могли заменять округлыми наколами (рис. 5, 7-8, 14, 16), узкими насечками (рис. 5, 1, 3), овальными ямками (рис. 5, 6, 11), «ленточным» узором (рис. 5, 2).

Первую половину VII в. до н. э., иногда трактуют, как «древнейший период истории скифов». Связываемые с ними материальные остатки того «кратковременного» бурного этапа – немногочисленны. «Весьма существенно в методическом отношении», что, в основном, выявляются могильники «оседлых», автохтонных обитателей края, где лишь фиксируются «следы» влияния кочевников, совершавших грабительские рейды через Кавказ. К обозначенному хронологическому отрезку времени предлагается относить отдельные захоронения с элементами позднекиммерийских традиций, в том числе – Лермонтовский разъезд, Каменно-мостский курган (исследования 1921 г.) и некоторые другие (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 19–20, с.22, с. 24- 25, с.28, с.30).

Не исключено, что изучавшееся нами поселение следует как раз синхронизировать большей частью с перечисленными выше памятниками, содержащими еще, в основном, доскифское культурное наследие, но уже с единичными элементами, привнесенными указанной группой пришлых кочевников (Мокрушин, 2021, с. 20-23).

Литература

- Вальчак С. Б. 2014.** Развитие одного из мотивов орнамента керамики кобанской культуры в начале I тыс. до н.э. // *Stratum plus* – № 3 – Санкт-Петербург - Одесса - Кишинев - Бухарест – С. 17–37.
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1983.** Скифия VII-IV вв. до н. э. – Киев: Наукова думка. – 380 с.
- Козлов М. С., Мокрушин В. П., Нарожный Е. И. 2016.** Поселение «Кишпек-2» в Кабардино-Балкарии (предварительные итоги изучения) // *Изучение и сохранение археологического наследия народов Северного Кавказа. XXIX «Крупновские чтения»* /Отв. ред. М.Х. Багаев, Х. М Мамаев – Грозный: Изд-во Чеченского гос. ун-та – С. 90–93.
- Мокрушин В. П. 2021.** Материалы к изучению археологии Кабардино-Балкарии VIII-VII вв. до н.э. // *МИА Северного Кавказа – Вып. 19* /Отв. ред. Е.И. Нарожный – Армавир-Карачаевск – С. 19–25.
- Мокрушин В. П., Нарожный Е. И. 2017.** «Кишпек-2» – торгово-производственный пункт VIII-VII вв. до н. э. // *Социально-экономическое развитие населения Западного Кавказа в древности и средневековье. «Анфимовские чтения»* – Вып. VII /Под ред. Р.Б. Схатума и В.В. Улитина – Краснодар: Изд-во: «ИП Смородин» – С. 186–191.
- Мокрушин В. П., Нарожный Е. И. 2017а.** Предметы воинского быта и конского снаряжения из культурного слоя поселения «Кишпек-2» (Кабардино-Балкария) // *Археология евразийских степей – № 5: Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии* /Отв. ред. выпуска Е.И. Нарожный, И.Л. Измайлов и В.Н. Чхаидзе – Казань: ИА АН РТ – С. 28–35.
- Мокрушин В. П., Нарожный Е. И. 2018.** Клад бронзовых серпов из Кабардино-Балкарии // *Связи и взаимоотношения культур бронзового века циркумпонтийского региона: новые данные и материалы. Тезисы докладов круглого стола. 3-5 декабря 2018г.* – М.: ИА РАН – 2018в – С. 58-59. <http://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-261-2.58-59>.
- Мокрушин В. П., Нарожный Е. И. 2018а.** Вещевой инвентарь поселения «Кишпек-2» (КБР) // *Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX*

«Крупновский чтения» /Под ред. У.Ю. Качкарова – Карачаевск: КЧГУ. – С. 230–233.
Doi: 10.25681/IARAS.2018.978-5-8307-0528-8.

- Мокрушин В. П., Нарожный Е. И. 2018б.** «Кишпек-2» - поселение предскифского времени (Центральное Предкавказье) // МИА Северного Кавказа – Вып. 16 /Под ред. Е. И. Нарожного – Армавир-Краснодар. – С. 65–74.
- Мокрушин В. П., Нарожный Е. И. 2018в.** Торгово-производственный пункт предскифского времени в окрестностях Нальчика // Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье. «Анфимовские чтения» – Вып. VIII /Под ред. Р.Б. Схатума и В.В. Улитина – Краснодар: «ИП Шлепнев М.В.» – С. 194–199.
- Мокрушин В. П., Нарожный Е. И. 2019.** Население Центрального Предкавказья VIII-VII вв. до н. э. (по материалам поселения Кишпек-2) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Материалы международной конференции –Т. II /Отв. ред. А.В. Поляков и Е.С. Ткач – С-Пб. – С. 214–217. Doi: 10.31600/978-5-907053-35-9-214-217.
- Мокрушин В. П., Нарожный Е. И. 2019а.** Археологические исследования поселения «Кишпек-2» в Кабардино-Балкарии // МИА Северного Кавказа – Вып. 17 /Под ред. Е.И. Нарожного – Армавир-Краснодар. – С. 16–29.
- Мокрушин В. П., Нарожный Е. И. 2020.** Большая и тяжелая экспедиция (о раскопках поселения Кишпек-2 в 2009г.) // МИА Северного Кавказа – Вып. 18 /Под ред. Е.И. Нарожного – Армавир-Краснодар. – С. 306–326.
- Мокрушин В. П., Нарожный Е. И. 2020а.** Хозяйственный комплекс в центральной части поселения «Кишпек-2» // МИА Северного Кавказа – Вып. 18 /Под ред. Е.И. Нарожного – Армавир-Краснодар. – С. 129–139.
- Мокрушин В. П., Нарожный Е. И. 2021.** Новые археологические материалы из раскопок поселения Кишпек-2 (Кабардино-Балкария) // МИА Северного Кавказа – Вып. 19 /Отв. ред. Е.И. Нарожный – Армавир-Карачаевск. – С. 7– 18.

1.2. Материалы раскопок курганов. Materials of excavation of mounds

КУРГАН «КОНОКОВО-2»

(Успенский район Краснодарского края, публикация материалов)

© А.А. Клещенко¹, Е.И. Нарожный²

¹ Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация;

² Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева,
г. Карачаевск, Российская Федерация

Аннотация. В публикации вводятся в научный оборот материалы археологических исследований кургана «Коноково-2» на Средней Кубани. Исследованный курган находился в Успенском районе Краснодарского края и попадал в зону ремонтных работ нефтепровода «Малгобек-Тихорецк». В статье представлены сведения о стратиграфии кургана и его погребальных комплексах, относящихся к эпохе средней бронзы (вторая половина III – первая четверть II тыс. до н. э.), а также проводится их научный анализ.

Ключевые слова: Средняя Кубань, новостроечные археологические исследования, курганы, погребения и погребальные обряды эпохи средней бронзы.

KURGAN «KONOKOVO-2»

(Uspensky district of Krasnodar territory, publication of materials)

© A.A. Kleshchenko¹, E.I. Narozhny²

¹ Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow
Russian Federation

² Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev, Karachayevsk, Russian
Federation

Abstract. The publication introduces into scientific circulation the results of archaeological research of the mound «Konokovo-2» in the Middle Kuban region. The investigated mound was located in the Uspensky district of the Krasnodar territory and fell into the repair zone of the «Malgobek-Tikhoretsk» oil pipeline. The article presents information about the stratigraphy of the mound and its burial complexes, dating back to the Middle Bronze Age (the second half of the III – first quarter of the II millenium BC), and their scientific analysis.

Keywords: Middle Kuban region, new-built archaeological research, burial mounds, burials and funeral rites of the Middle Bronze Age.

Курган «Коноково-2» был исследован в 2004 г. (Нарожный, 2004). Он находился на территории ЗАО «Коноковское» (Успенский район Краснодарского края), у западной обочины автотрассы «Кавказ» – в 5 км к западу от западной окраины сел. Коноково (рис. 1). Потребность полного археологического исследования кургана была обусловлена попаданием кургана в зону ремонтных работ нефтепровода «Малгобек-Тихорецк», проходящего в 2-5 от полы кургана.¹⁴

¹⁴ Охранно-спасательные исследования данного кургана проводились на основании договора, заключенного ГУП (ныне- НАО) «Наследие Кубани» с нефтяниками, затем на основании субподряда, переадресованного Центру археологических исследований (ЦАИ), с 2002 по 2012 гг. активно работавшему в стенах АГПИ (АГПА, АГПУ) (Об этом см.: Березина, Жилина, Крюков, 2007, с. 7-12; Нарожный 2007, с. 6-7 и др.). В 2012 г. полный состав археологов ЦАИ АГПУ перешел в состав ГУП (НАО) «Наследие Кубани» (об этом см.: Нарожный, 2022, с. 228-239).

А.А. Клеценко, Е.И. Нарожный
Курган «Коноково-2»

(Успенский район Краснодарского края, публикация материалов)

Согласно исходной документации, курган имел диаметр 46 м (рис. 2, 1, з) и высоту 1,6 м. Насыпь была сильно распахана и повреждена с северо-западной части, вероятно, при установке опоры высоковольтной линии электропередач (в 1970 г.). В результате

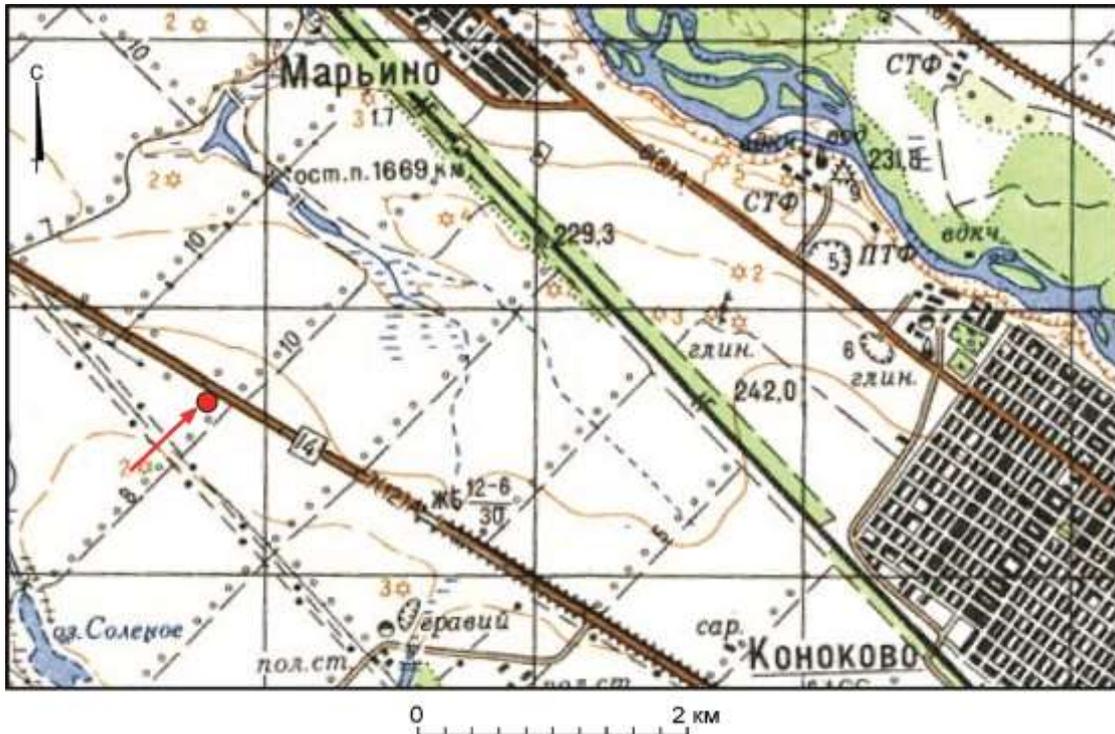

Рис.1. Местоположение Кургана «Коноково-2».

составления топографического плана кургана выяснилось, что его реальные размеры значительно отличаются от заявленных в исходной документации. В плане он представлял собой невысокое (до 0,4 м) всхолмление овальной формы, вытянутое по линии северо-запад – юго-восток, размерами 30 x 25 м (рис. 2, 1, в). Поверхность кургана на момент раскопок была покрыта луговой растительностью (люцерной), после выкоса которой были хорошо заметны выходы мелкого гравия и отдельных крупных булыжников. В центре кургана был найден невыразительный фрагмент лепной керамики, – вероятно, относящийся к эпохе бронзы. На юго-западной периферии кургана были обнаружены два фрагмента трубчатых костей конечностей человека и фрагмент черепа. На противоположной стороне, за полой кургана, были встречены два фрагмента ребер человека. Кости, возможно, относились к разрушенному распашкой впускному захоронению.

Несмотря на несоответствие реальных размеров кургана заявленным, раскопки были проведены на всей изначально заявленной площади. Курган был раскопан на снос с использованием землеройной техники (бульдозер Т-170). Для фиксации стратиграфии курганных слоев были размечены пять бровок. Направление бровок – северо-запад – юго-восток (отклонение от севера на запад – 35 градусов). Ширина бровок – 1,5 м, расстояние между осями бровок – 8 м (рис. 2, 1, б).

Стратиграфия кургана

В ходе полевых работ были зачищены все фасы бровок, фотографии и чертежи которых представлены в научном отчете. В публикации приведены только наиболее информативные фасы центральной бровки кургана (рис. 2, 2, 3), на которых хорошо видно, что курган изначально был сооружен на естественной возвышенности, представляющей собой выход материковой гравийно-глинистой породы (рис. 2, 2, 3, е), скорее всего перекрытой в древности небольшим дерновым слоем, слившимся на момент исследования с курганной насыпью,

которая, в свою очередь, была полностью уничтожена многолетней распашкой. Погребенная почва, как и насыпь кургана, в стратиграфических разрезах не читается (рис. 2, 2, 3, д).

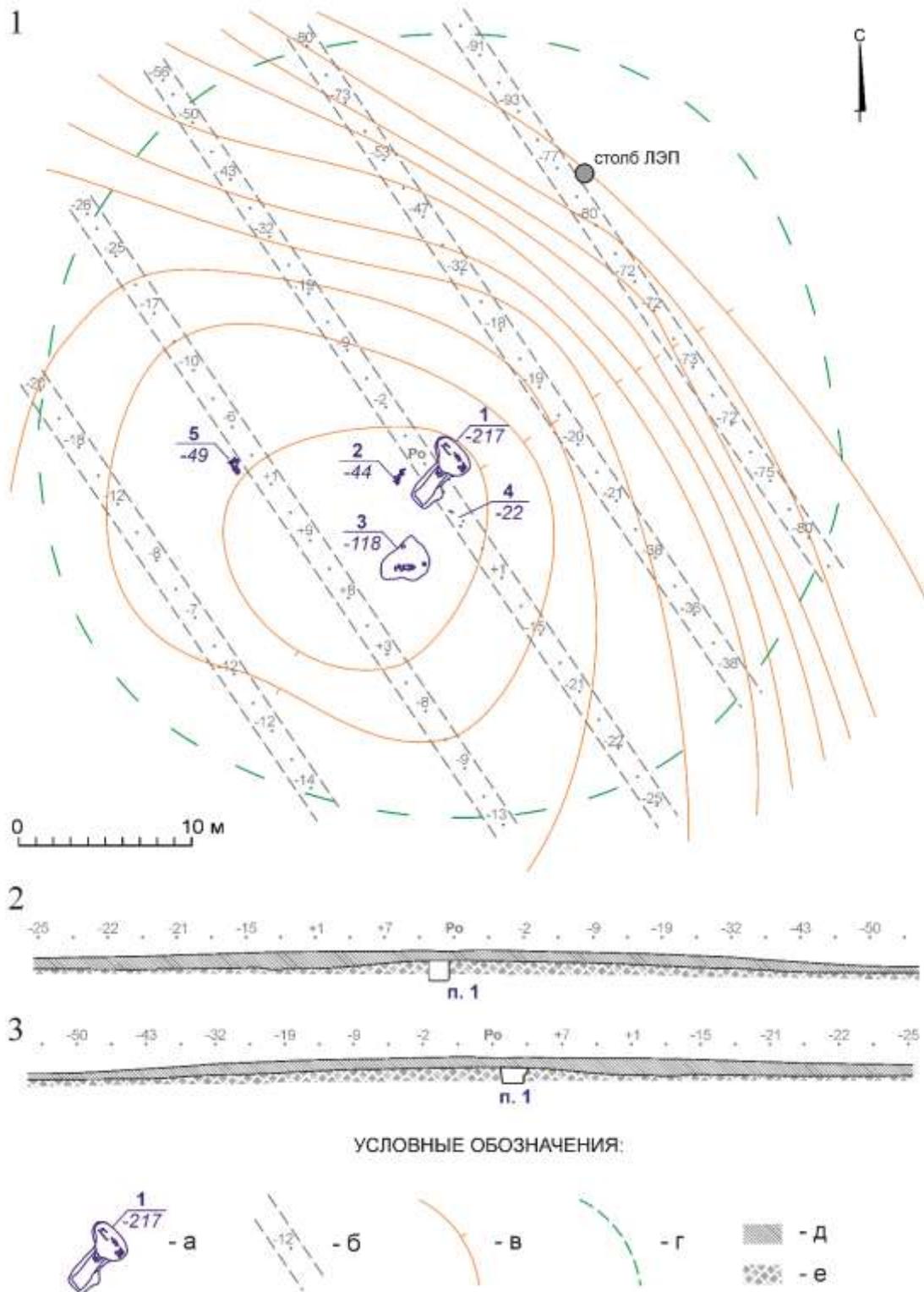

Рис.2. Курган «Коноково-2».

1 - общий план с наложением топографического плана; 2 - северо-восточный фас центральной бровки; 3 - юго-восточный фас центральной бровки; а - местоположения погребений; б - расположение бровок с нивелировочными отметками; в - горизонталы (проведены через 0,1 м); г - граница кургана по исходным данным; д - черноземный слой; е - материк (гравийно-глинистый слой).

(Успенский район Краснодарского края, публикация материалов)

Судя по уровню впуска и глубине, первым в естественное всхолмление было впущено позднекатакомбное погребение № 1, над которым, безусловно, была сооружена земляная насыпь. О наличии земляной насыпи над погребением № 1 свидетельствует тот факт, что впускное погребение № 3, также относящееся к позднекатакомбному времени, имело глубину не более 1,2 м от современной вершины кургана, а сооружение катакомбы требует глубины не менее 2 м. На это же указывает и незначительная глубина залегания впускных погребений №№ 2, 4 и 5, составляющая от 0,2 до 0,5 м от современной поверхности кургана.

Описание погребений

Погребение № 1, основное, было выявлено по пятну гумусированного заполнения в центральной части кургана, практически под Р₀ (рис. 2, 1, а). Пятно зафиксировано в слое гравия на глубине не менее 0,76 от Р₀. Максимальная глубина погребения от Р₀ – -217 см (дно камеры). Для исследования погребения была сделана врезка в центральную бровку. Погребальное сооружение представляло собой катакомбу Т-видной формы (рис. 3). Общая ориентировка катакомбы – юго-запад – северо-восток. Общая длина сооружения – 4,1 м.

Шахта ориентирована по основной оси погребения. Она имела подпрямоугольную форму и размеры 2,15 x 0,75 (по дну). Стенки шахты немного пологие, сужаются книзу. Верхняя граница шахты несколько расширялась в юго-восточной части, что, возможно, было связано с погрешностями рёсчистки. Дно шахты оформлено в виде пологого пандуса, имеющего небольшой уступ в центральной части (общий перепад глубины дна шахты – около 0,15 м). Входное отверстие, соединявшее входную яму с погребальной камерой, не прослежено. Со стороны входной ямы оно было закрыто несколькими песчаниковыми камнями. Размеры заклада – 0,45 x 0,35 м, высота – около 0,2 м. Камера располагалась перпендикулярно шахте, причем вход в камеру располагался не по центру, а ближе к южному углу камеры. Переход между шахтой и камерой был оформлен ступенькой высотой порядка 0,5 м. Камера подовальной формы была ориентирована по оси северо-запад – юго-восток и имела размеры 2,5 x 1,5 м (по дну). Дно камеры ровное, зафиксированные стенки – практически отвесные, что связано с обрушением свода катакомбы, – судя по сыпучести материковой породы, это могло произойти еще в древности.

В центре камеры, по длинной ее оси располагался скелет взрослого человека (рис. 3, 4, 3), половозрастная характеристика которого затруднительна. Общее положение погребенного – вытянуто на спине головой строго на юго-восток. Кости плохой сохранности. Череп раздавлен (сохранился фрагмент), кости грудной клетки и практически не сохранились. Кости таза и левой руки отсутствовали. Правая рука была протянута вдоль корпуса и немного согнута в локте. Кости ног фрагментированы, судя по их остаткам, они были вытянуты в соответствии с общей позой погребенного, стопы оттянуты носками на северо-запад.

К юго-востоку от черепа находились керамические сосуд и жаровня (рис. 3, 4, 3, 4). Сосуд располагался непосредственно у черепа и представлял собой лепной горшок относительно стройных пропорций с четырьмя ручками (рис. 4, 1). Венчик прямой, переходящий в покатые плечики. Тулово стройное, с максимальным расширением в верхней трети. Донце без закраины, незначительно вогнутое. Четыре ручки расположены крест-накрест диаметрально противоположно друг другу, прилепы ручек находились чуть ниже горловины, корни – выше уровня максимального расширения тулова сосуда. Ручки петлевидной формы, уплощенные. С внешней стороны все четыре ручки имели орнамент в виде двух параллельных глубоких вертикальных полос, выполненных довольно толстым шнуром. На стыке тулова и горла сосуда был сделан рельефный горизонтальный валик, внешняя поверхность которого была декорирована регулярными вертикальными

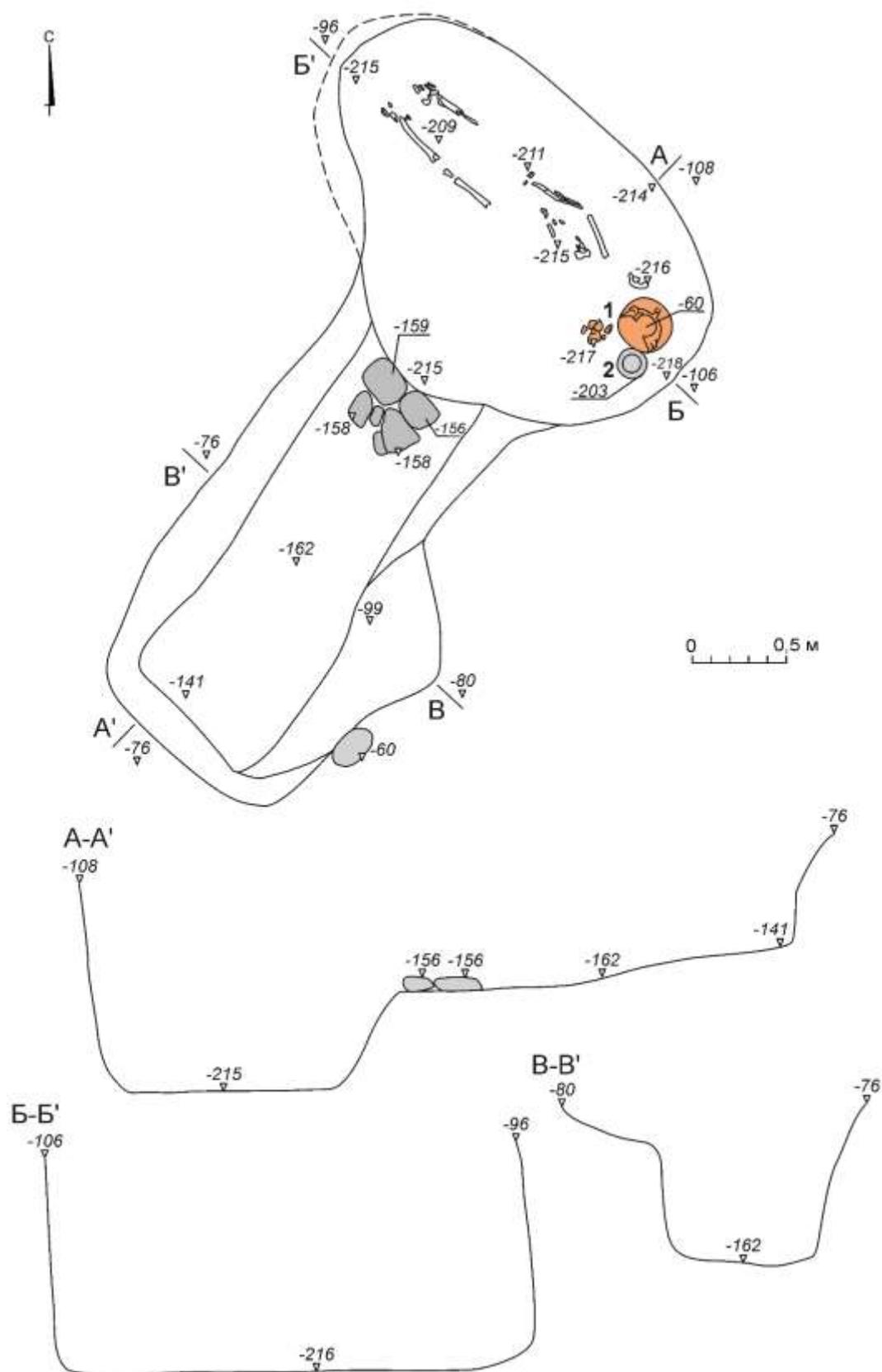

Рис.3. Курган «Коноково-2». Погребение 1. Чертежи.
1 - сосуд керамический; 2 - жаровня керамическая.

А.А. Клещенко, Е.И. Нарожный
Курган «Коноково-2»
(Успенский район Краснодарского края, публикация материалов)

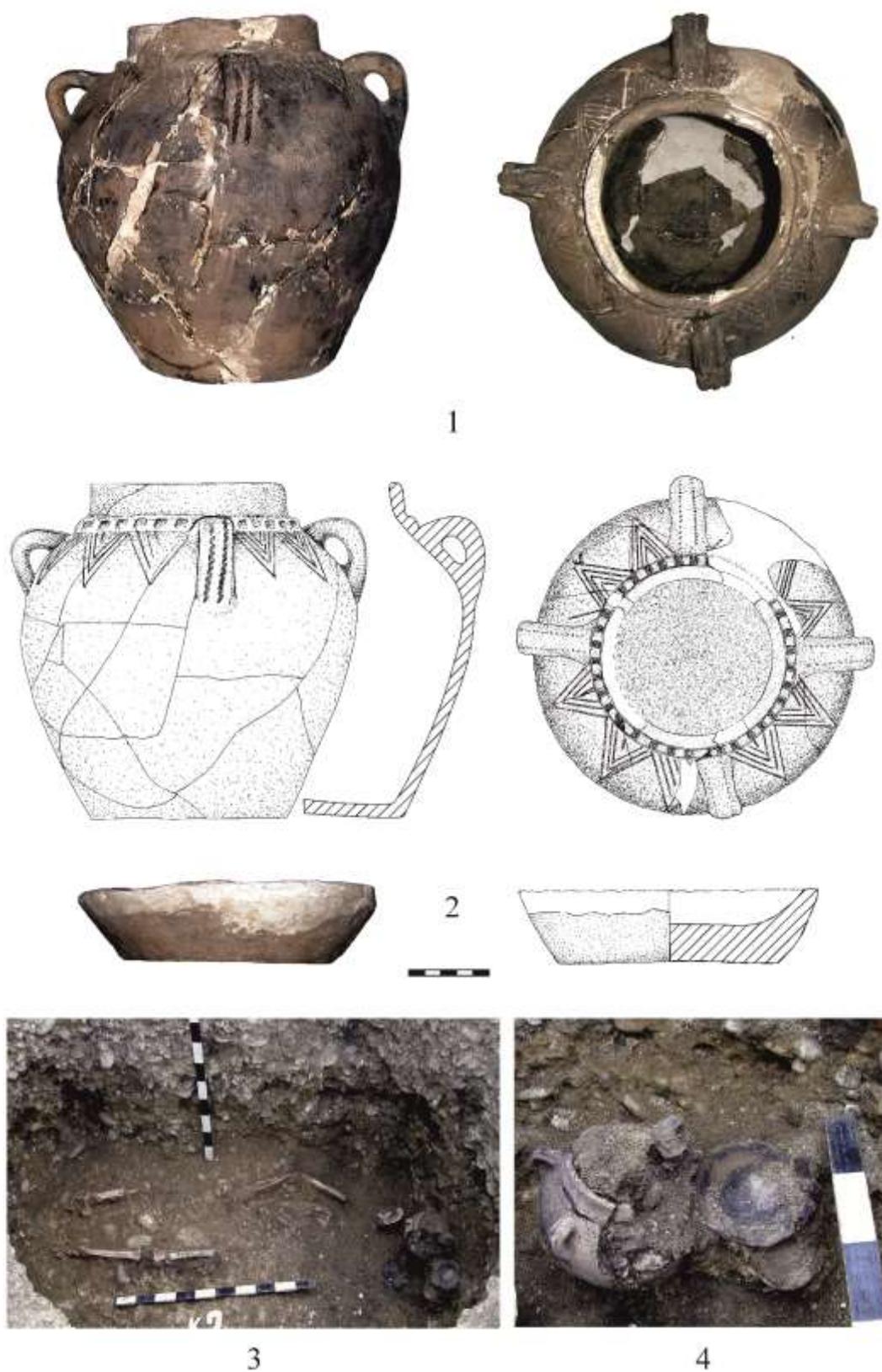

Рис.4. Курган «Коноково-2». Погребение 1.
1 - сосуд керамический, 2 - жаровня керамическая,
3, 4 - фотографии деталей погребения.

углублениями. Ниже валика, по плечу сосуда, нанесен прочерченный орнамент в виде десяти-одиннадцати треугольников, обращенных вершинами вниз, в каждый из которых было вписано 2–3 таких же треугольника меньших размеров. Тесто плохого качества, пористое, с примесью дресвы. Обжиг средний, поверхности светло-коричневого цвета с темными пятнами. Общая высота сосуда – 21 см, высота венчика – 2,2 см, диаметр тулова – 21, диаметр венчика и донца – 12 см, толщина стенок – 0,7–0,8 см. Высота ручек – 2,2–2,5 см, длина от нижнего края корня до верха прилепа – 4,6–6 см, ширина – 2,2 см.

Южнее, вплотную к сосуду, находилась жаровня, изготовленная из придонной части керамического лепного сосуда (рис. 4, 2). Она лежала на ступеньке-подсыпке – таким образом, что дно ее располагалось на уровне ручек сосуда № 1 (рис. 4, 4). Высота сохранившейся части – 4,5 см, диаметр верхней части – 18 см, диаметр дна – 13,6 см, толщина дна – 2,2 см. Внешняя поверхность – светло-коричневая, внутренняя – со следами нагара. Тесто плохого качества, пористое, комковатое, неровного и неполного прокала.

Судя по погребальной конструкции и находкам, захоронение относится к суворовской катакомбной культуре эпохи средней бронзы, датирующейся XXV–XXIII вв. до н. э.

Погребение № 2, впускное, обнаружено в 1,5 м к западу от условного центра кургана, у западного края центральной бровки на глубине -44 см от Ро (рис. 2, 1, а). Погребальная конструкция не прослежена. Захоронение разрушено распашкой и представляло собой скопление мелких сильно фрагментированных человеческих костей. Длинной осью скопление было вытянуто с северо-северо-востока на юго-юго-запад (рис. 5, 1). В северной части, сверху скопления, находился фрагмент берцовой кости. Остальные кости трудноопределимы. Находок нет. Возможно, упоминавшиеся в начале описания кургана фрагменты человеческих костей на поверхности кургана происходили именно из этого захоронения. Культурно-хронологическая атрибуция затруднительна.

Погребение № 3, впускное, выявлено по пятну заполнения в 4 - 6,5 м южнее центра кургана (рис. 2, 1, а). Пятно заполнения ямы было выявлено на уровне -66 см от Ро. Судя по конфигурации ямы и инвентарному набору (см. ниже), конструкция представляла собой катакомбу. Несохранившаяся шахта находилась к северо-западу от камеры. Погребальная камера была ориентирована по оси запад–восток и имела неправильную подовальную форму с треугольным выступом в длинной северо-западной стенке, где, предположительно, находилась шахта и вход в камеру. Размеры основной части камеры – 2,8 x 1,65 м. Ширина треугольного выступа – 1,25 м, длина – 0,75 м. Дно камеры ровное, находилось на глубине до -118 см от Ро (рис. 6, 1). Стенки камеры отвесные, – в том числе - со стороны предполагаемой шахты. Высота ступеньки на входе в камеру составляла не менее 0,4 м.

В камере, ближе к юго-восточной стенке, находилось захоронение взрослого человека, уложенного, вероятно, в скорченном на спине положении с небольшим наклоном на правый бок, головой на восток (рис. 5, 5, 6, 1). Кости плохой сохранности. Половозрастная характеристика затруднена. Кости черепа сохранились плохо, положение его неопределимо. Сохранившиеся кости грудной клетки и таза лежали в положении на спине. Плечевые кости лежали параллельно грудной клетке. При этом левая плечевая находилась несколько выше правой. Кости обоих предплечий практически не сохранились, однако по положению их проксимальных концов видно, что они были незначительно согнуты в локтевых суставах вправо. Положение костей ног достоверно неопределимо. Нижняя их часть явно перемещена. По общему впечатлению они были несколько подогнуты в коленях вправо.

В погребении были обнаружены керамический сосуд и курильница (рис. 6, 1).

Сосуд находился к 0,45 к востоку от черепа погребенного и представлял собой лепной керамический двуручный горшок (рис. 5, 6, 6, 2). Венчик прямой, переходящий в покатые плечики. Тулово округлое, с максимальным расширением в средней части. Донце без закраины, прямое. Две ручки расположены диаметрально противоположно друг другу, прилепы ручек находились на венчике, ниже его края, корни – на плечиках сосуда. Одна ручка петлевидно-подтреугольной формы, уплощенная. Вторая ручка не сохранилась (на тулове осталась только часть корня). С внешней стороны сохранившаяся ручка была покрыта прочер-

А.А. Клещенко, Е.И. Нарожный
Курган «Коноково-2»

(Успенский район Краснодарского края, публикация материалов)

ченным елочным орнаментом в виде трех вертикальных полос с расходящимися вниз от центральной полосы косыми линиями. На стыке тулова и горла сосуда был сделан слабопрофилированный горизонтальный валик с косыми вертикальными насечками. Тесто плохого качества, пористое, с примесью дресвы. Обжиг средний, ближе к плохому,

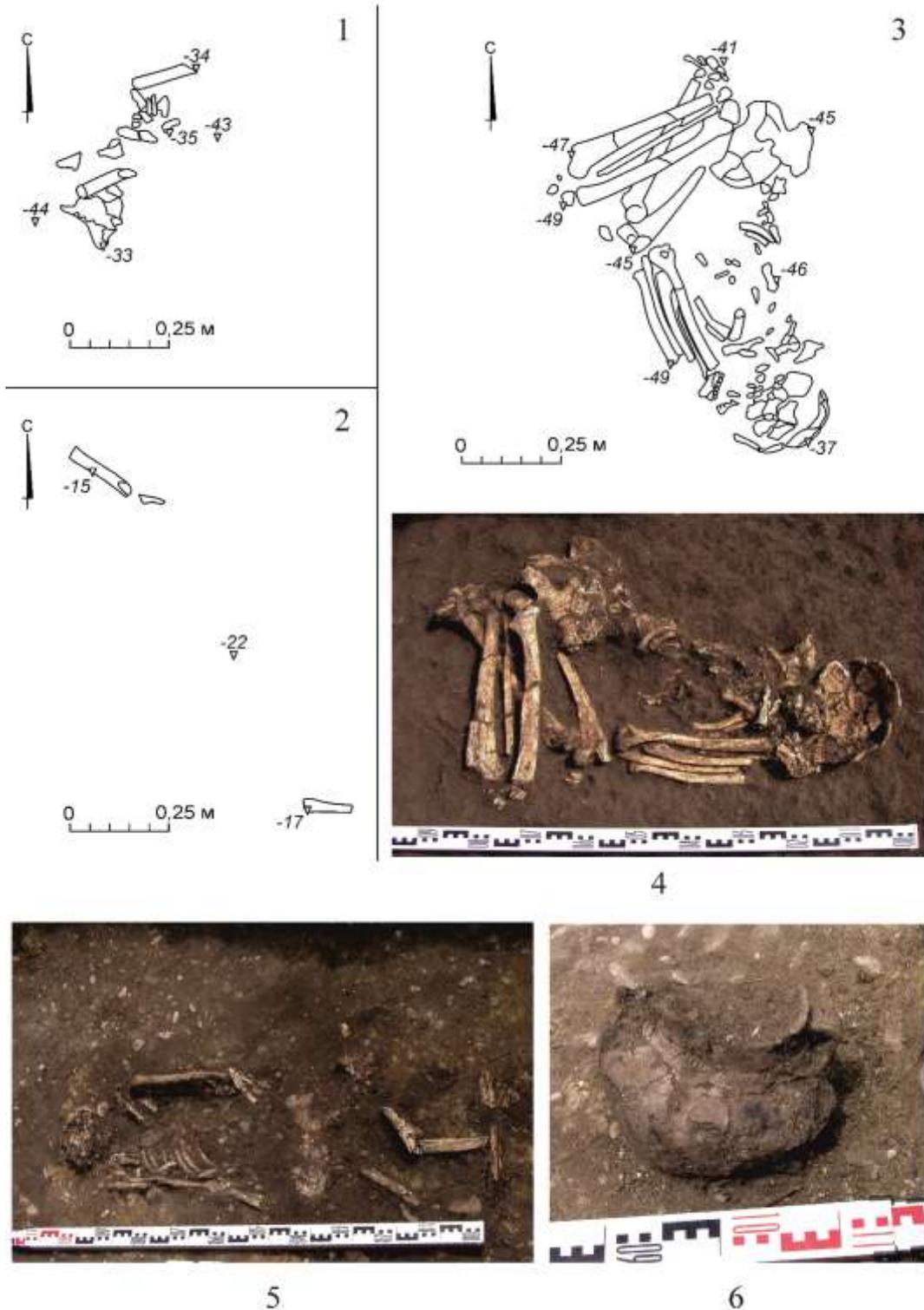

Рис.5. Курган «Коноково-2». Погребения 2, 3, 4, 5.
1 - чертёж погребения 2; 2 - чертёж погребения 4; 3 - чертёж погребения 5;
4 - фотография погребения 5; 5, 6 - фотографии деталей погребения 3.

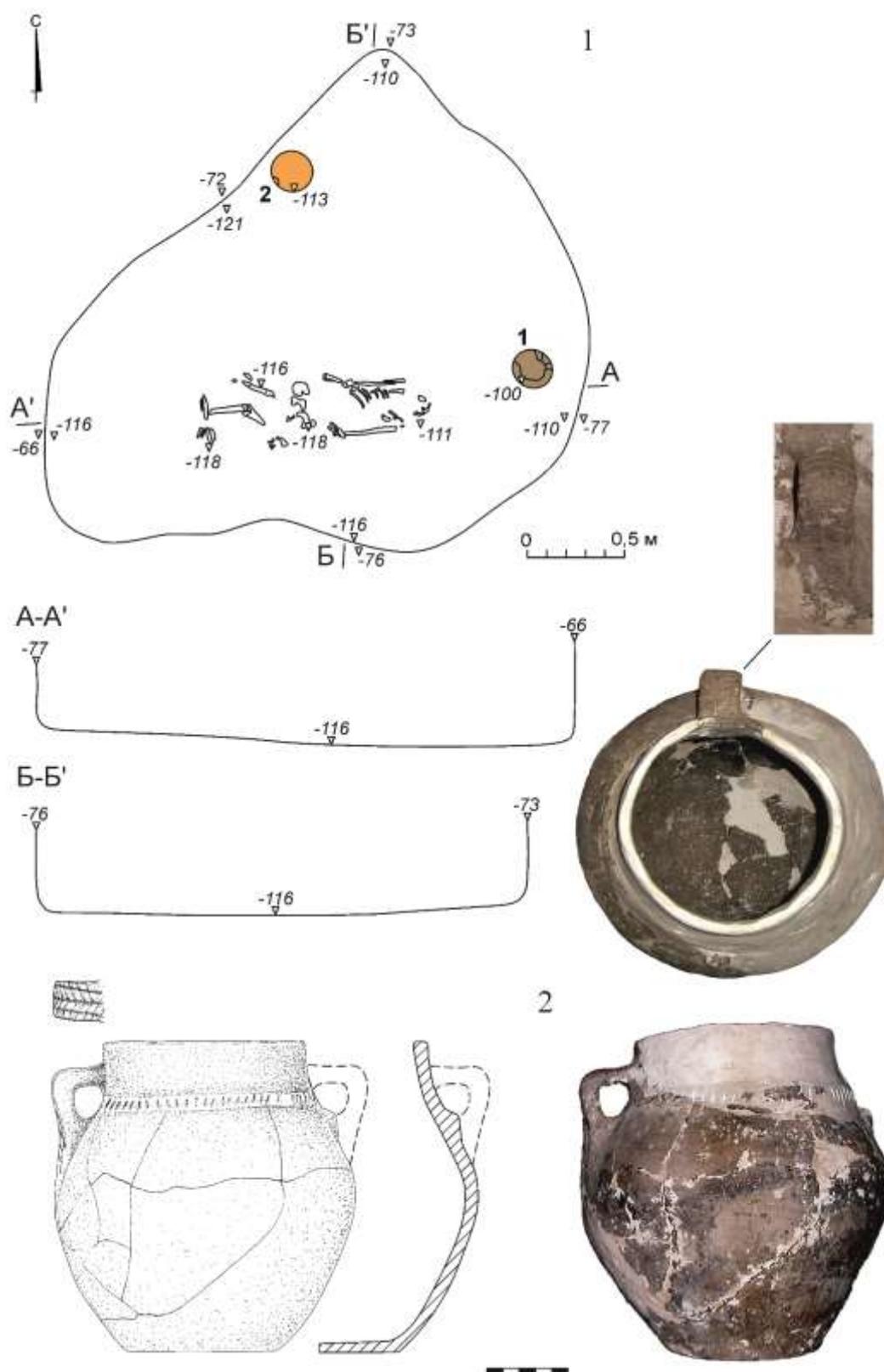

Рис.6. Курган «Коноково-2». Погребение 3.
1 - чертёж погребения (1 - сосуд керамический, 2 - курильница керамическая);
2 - находка 1: сосуд керамический.

А.А. Клещенко, Е.И. Нарожный
Курган «Коноково-2»
(Успенский район Краснодарского края, публикация материалов)

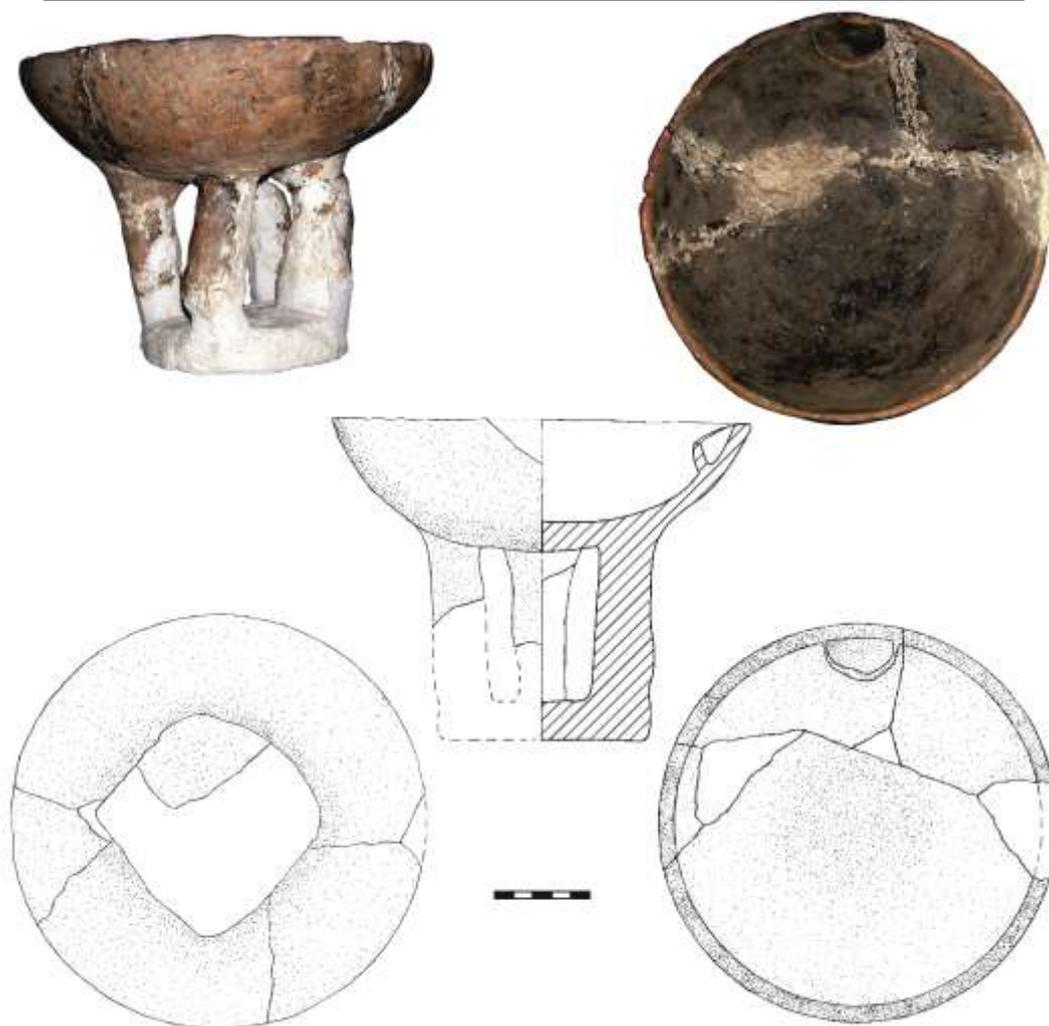

Рис.7. Курган «Коноково-2». Погребение 3. находка 2: курильница керамическая.

поверхности - коричневого цвета с темными пятнами. Общая высота сосуда – 20 см, высота венчика – 3,5 см, диаметр тулова – 18,6 см, диаметр венчика – 12 см, донца – 9,1 см, толщина стенок – 0,7-0,8 см. Высота ручки – 3,5 см, длина от нижнего края корня до верха прилепа – 9 см, ширина – 2,4 см.

Курильница находилась ближе к предполагаемому входу в камеру – в 1,1 м к северу от таза погребенного. Курильница представляла собой полусферическую чашу с небольшим внутренним полукруглым отделением-кармашком, стоящую на четырех отдельных подквадратных в сечении ножках, соединенных внизу квадратным основанием (рис. 7). Тесто плохого качества, с примесью темной дресвы. Обжиг средний, поверхности буро-коричневого цвета, внутренняя поверхность чаши покрыта черным нагаром от углей, которые были зафиксированы при зачистке. Орнамента нет. Общая высота курильницы – 17 см, диаметр венчика чаши – 22 см, толщина – 0,8–1,3 см. Размеры внутреннего отделения-кармашка – 4 x 2 см, высота внутренней стенки – 1,5 см, толщина – 0,5 см. Высота ножек – 8 см, толщина – 2,5 см. Размеры поддона – 10 x 10 x 2 см.

Судя по погребальной конструкции и находкам, захоронение относится к суворовской катакомбной культуре эпохи средней бронзы, датирующейся XXV–XXIII вв. до н. э.

Погребение № 4, впускное, обнаружено в центральной бровке кургана, в районе 4 м на юго-восток от условного центра кургана (рис. 2, 1, а) на глубине -22 см от Ро. Погребение полностью разрушено распашкой. От скелета сохранились лишь плечевая кость, находившаяся

на северо-западной оконечности остатков, и кость голени в юго-восточной части комплекса. Расстояние между костями – 0,8 м (рис. 5, 2). О характере погребальной конструкции, положении и половозрастной характеристике погребенного сказать ничего нельзя. Находки отсутствуют. Культурно-хронологическая атрибуция захоронения невозможна.

Погребение № 5, впускное, обнаружено в 10,5 м к 3 от центра кургана (рис.2, 1, а) на глубине -49 см от Ро. Погребальная конструкция не прослежена. Скелет взрослого человека удовлетворительной сохранности находился в сильно скорченном на левом боку положении головой на юго-юго-восток (рис. 5, 3, 4). Череп раздавлен в древности, лежал на левом виске, лицевыми костями на запад-юго-запад. Кости грудной клетки и таза сохранились не полностью, судя по положению ребер и тазовых костей, корпус находился в положении строго на левом боку. Плечевые кости лежали вдоль корпуса, кости предплечий согнуты в локтевом суставе и были уложены параллельно плечевым. Кисти обеих рук находились под нижней челюстью погребенного. Левая нога сильно согнута в колене, колено подведено под локти, пятка – к тазу. Правая нога согнута в бедре под острым углом, берцовые кости сильно подогнуты, лежали параллельно бедренной кости, впритык к тазовым костям. Захоронение безынвентарное.

Судя по позе погребенного, а также планиграфическому положению (на периферии насыпи) погребение может быть датировано финалом эпохи средней бронзы (последняя четверть III – первая четверть II тыс. до н.э.).

Обсуждение

Таким образом, в кургане было обнаружено 5 захоронений. Два из них (№ № 2 и 4), обнаруженные на глубине -44 и -22 см от Ро, полностью разрушены, не имеют инвентаря и не поддаются культурно-хронологической атрибуции.

Впускное погребение № 5, судя по сильно скорченному на левом боку адоративному положению погребенного с ориентировкой головой на юго-юго-восток, вполне может относиться к группе погребений финала эпохи средней бронзы, выделяемой в настоящее время Р.А. Мимоходом в невинномысскую посткатакомбную культуру (Мимоход и др., 2022, с. 25, 27, рис. 1, е, 2, V).

Наиболее раннюю группу в кургане составляют погребения № 1 и 3, судя по погребальной конструкции и находкам относящиеся к суворовской позднекатакомбной культуре эпохи средней бронзы, датирующейся XXV–XXIII вв. до н.э. (Клещенко, 2013, 2014). При этом основным, как уже было выше отмечено, являлось погребение № 1, впущенное, судя по стратиграфическим разрезам, в небольшую естественную возвышенность. Оно было перекрыто земляной насыпью высотой не менее 1 м, что позволило по прошествии некоторого (небольшого) времени впустить в нее менее глубокое (от современной поверхности) катакомбное погребение № 3, а впоследствии и остальные погребения более позднего времени.

Два древнейших погребения кургана «Коноково-2» представляют существенный интерес в рамках изучения памятников позднекатакомбного времени на территории Предкавказья по нескольким причинам.

Во-первых, здесь предположительно встречено мало распространенное в обряде суворовской культуры положение погребенного скорченно на спине (Клещенко, 2013, с. 174), продолжающее традиции ямной культуры эпохи ранней бронзы и раннего этапа средней бронзы в рассматриваемом регионе среднего течения реки Кубань.

Во-вторых, обнаруженные в суворовских погребениях кургана глиняные находки находятся на стыке двух традиций изготовления керамических изделий третьей четверти III тыс. до н.э. Речь идет о горшковидных сосудах с четырьмя ручками и курильницах на раздельно стоящих ножках с квадратным поддоном.

Сосуды горшковидной формы с четырьмя вертикальными ручками совершенно нехарактерны для раннего этапа эпохи средней бронзы Предкавказья первой половины III тыс. до н.э. Их нет в новотиторовских, раннекатакомбных и северокавказских древностях.

А.А. Клещенко, Е.И. Нарожный
Курган «Коноково-2»
(Успенский район Краснодарского края, публикация материалов)

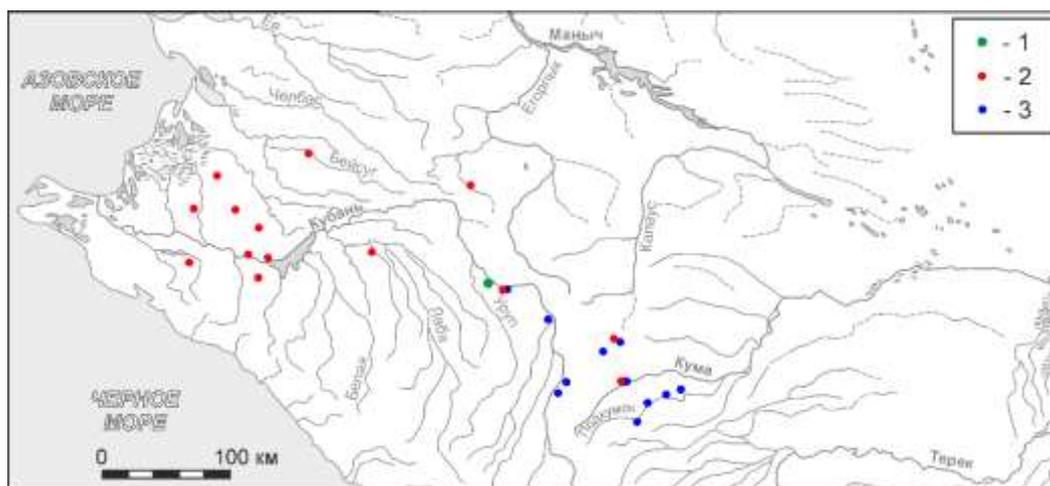

Рис.8. Курган «Коноково-2» (1) и находки четырехручных сосудов (2) и курильниц на раздельных ножках с квадратным поддоном (3) в позднекатакомбных памятниках Предкавказья.

В третьей четверти III тыс. до н. э. они появляются, в первую очередь, в памятниках батуринской катакомбной культуры на территории Прикубанья (могильники «Бойко-Понура» (раск. 2017 г.), «Колос II», «Пашковский I», «Старонижестеблиевская» (раск. 1982 г.), «Олений», «Анапский», «Новотитаровская» (раск. 1980 г.)). В меньшем количестве сосуды такого типа встречены в западной и центральной частях Закубанья (суворовские погребения могильников «Общественный II», «Натухай» (сразу 4 находки), «Уашхиту I»). Наконец, ближе к Средней Кубани и, собственно, кургану «Коноково-2» (рис. 8, 1) находки четырехручных горшков известны в могильнике «Расшеватский I» (суворовская или восточноманычская культура) к северо-востоку от большой излучины Кубани, в суворовских погребениях близлежащего к кургану «Коноково-2» могильника «Успенский» (раск. 1986 г.), могильника «Курсавский IV», а также эпонимного могильника «Суворовский» (раск. 1966 г.). Результаты картографирования находок четырехручных горшков (рис. 8, 2) указывают на концентрацию таких находок в позднекатакомбное время на территории Прикубанья и, отчасти, Западного Закубанья. Находки же таких сосудов в кургане «Коноково-2» и относительно близлежащих памятниках (могильники «Успенский», «Расшеватский I», «Курсавский IV» и «Суворовский») следует рассматривать как восточную периферию этой керамической традиции в позднекатакомбное время. Следует так же отметить, что рассматриваемый сосуд из погребения № 1 кургана «Коноково-2» по расположению и форме ручек более тяготеет именно к керамическим традициям батуринской культуры Прикубанья.

Курильницы на раздельно стоящих ножках с квадратным поддоном представляют собой довольно немногочисленную серию находок, связанную в Предкавказье исключительно с погребениями суворовской культуры. В настоящее время серия находок таких курильниц не превышает 20 штук. Большинство из них обнаружены в регионе Кавминвод (курганые могильники «Белый Уголь II» (2 шт.), «Бородыновка III», «Винсады IV», «Занозина Балка I») и прилегающему к нему с севера междуречью рек Кума и Кубань (могильники «Воровсколеская X», «Кунаковский I», «Кунаковский IV», «Суворовская» (раск. 1966, 2013 гг.) (3 шт.), «Усть-Джегутинский» (4 шт.)). Несколько находок таких курильниц были сделаны в районе Средней Кубани – в непосредственной близости от кургана «Коноково-2» – в могильниках «Успенский» (раск. 1986 г.) (3 шт.) и «Ивановский V». Курильницы на раздельно стоящих ножках с квадратным поддоном были выделены Н.В. Панасюк в отдельную морфологическую группу (тип IX), характерную именно для суворовской катакомбной культуры (Панасюк, 2015, с. 60, 61, 85, 86, 480, рис. 237). Результаты картографирования находок ку-

рильниц данного типа (рис. 8, 3) указывают на то, что коноковская находка (рис. 8, 1) является наиболее северо-западной из известной в настоящее время серии. Следует также отметить, что помимо чрезвычайно массивных размеров курительница из «Коноково-2» отличается отсутствием орнамента, в то время как подавляющее большинство известных курительниц на отдельных ножках с квадратным поддоном (15 из 19 шт.) были орнаментированы. Коноковская же находка входит в малочисленную группу неорнаментированных курительниц, известных также из погребений «Успенский» 4/3, «Белый Уголь II» 1/13 и «Воровсколеская X» 2/9.

Таким образом, керамический комплекс суворовских погребений кургана «Коноково-2» свидетельствует о смешении двух традиций изготовления глиняной посуды в третьей четверти III тыс. до н.э.: степной Прикубанской, батуринской в культурном сопоставлении (четырёхручные сосуды) и чистой суворовской (курительницы на отдельно стоящих ножках с квадратным поддоном). Данный феномен может быть объяснен двояко. С одной стороны, сам курган «Коноково-2» находится в регионе, количественно наиболее насыщенном известными в настоящее время позднекатакомбными памятниками суворовской культуры (Клещенко, 2014, с. 63), что само по себе представляет большую возможность для находок здесь культурных реплик соседних синхронных традиций. С другой стороны, стратиграфия кургана объективно указывает на хронологический приоритет появления в районе Средней Кубани традиций изготовления четырёхручных сосудов (батуринского облика) по сравнению с курительницами на квадратном поддоне, собственно, суворовской культуры.

Литература

- Березина Е.А., Жилина Е.А., Крюков Д.С., 2007.** Штатный состав ЦАИ // ЦАИ АГПУ /Под ред. Е.И. Нарожного – Армавир; АГПУ. – С. 7–12.
- Клещенко А.А., 2013.** Суворовская катакомбная культура: предварительная характеристика // КСИА. – Вып. 228. – С. 171–190.
- Клещенко А.А., 2014.** Синтезирующие признаки памятников суворовской катакомбной культуры // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва, 21-25 апреля 2014 г. – М.: ИА РАН. – С. 63–65.
- Мимоход Р.А., Гак Е.И., Хомутова Т.Э., Рябогина Н.Е., Борисов А.В., 2022.** Палеоэкология – культурогенез – металлопроизводство: причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве Юга Восточной Европы в конце средней – начале поздней бронзы // РА. – № 1. – С. 24-38.
- Нарожный Е.И., 2004.** Отчет о проведении охранно-спасательных археологических исследований курганов «Коноково-1» и «Коноково-2» (лето 2004) в Успенском районе Краснодарского края // Архив ИА. Р-1 № № 32369, 32370.
- Нарожный Е.И., 2007.** Из истории становления Центра археологических исследований // ЦАИ АПУ/Под ред. Е.И. Нарожного – Армавир: АГПУ – С. 6-7.
- Нарожный Е.И., 2022.** Грозный-Армавир-Краснодар: археологические исследования 1992-2022 годов // МИА Северного Кавказа. – Вып. 20 / Под ред. Е.И. Нарожного – Армавир-Карачаевск: Изд-во КЧГУ. – С. 228-239.
- Панасюк Н.В., 2015.** Курительницы катакомбных культур Предкавказья / Дисс. ... к.и.н. – М.: ИА РАН. // Архив ИА РАН Р-2 № № 2842, 2843.
- ЦАИ., 2007.** ЦАИ АГПУ / Под ред. Е.И. Нарожного. – Армавир; АГПУ. – 40 с.

КОМПЛЕКСЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ РАСКОПОК
СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИА РАН
В СТЕПНОМ ПРИКУБАНЬЕ В 2017–2020 гг.

©Я.Б. Березин¹, А.А. Клещенко²

¹ Научно-исследовательский институт и Музей антропологии МГУ, г. Москва,
Российская Федерация

² Институт археологии Российской академии наук, г. Москва,
Российская Федерация

Аннотация. Содержание статьи составляет публикация 14 подкурганных погребений эпохи раннего железа, раскопанных экспедициями Института археологии РАН под руководством А.А. Клещенко в Усть-Лабинском и Динском районах Краснодарского края. 4 погребения относятся к периоду конца VIII-VI вв. до н.э. и, возможно, представляют собой рядовые скифские захоронения. Остальные уверенно связываются с сарматским племенным объединением сираков и датируются в рамках III в. до н. э. - нач. II в. н. э. Вероятно, большая часть погребений представляли собой простые грунтовые ямы. К сожалению, сохранность захоронений в большинстве случаев плохая.

Инвентарь могил представлен керамическими сосудами, разного рода бытовыми предметами и вооружением, главным образом, железными наконечниками стрел. Выделяются погребения с ранними для Северного Кавказа фибулами среднелатенской схемы и представительным набором бус и подвесок из египетского фаянса.

Ключевые слова: Краснодарский край, курганы, погребения, скифы, сарматы, фибулы, украшения, египетский фаянс, популяции человека, археологические материалы.

COMPLEXES OF THE EARLY IRON AGE FROM THE EXCAVATIONS OF THE NORTH
CAUCASIAN ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION OF THE IA RAN
IN THE KUBAN STEPPE IN 2017-2020.

©Y.F. Berezin¹, A.A. Kleshchenko²

¹ Research Institute and Museum of Anthropology, Moscow State University,
Moscow. Russian Federation;

² Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation

Abstract. The content of the article is the publication of 14 burial mounds of the Early Iron Age, excavated by the expeditions of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences under the leadership of A.A. Kleschenko in the Ust-Labinsk and Dinsk districts of the Krasnodar Territory. 4 burials belong to the period of the end of VIII-VI centuries BC. and, possibly, represent ordinary Scythian burials. The rest are confidently associated with the Sarmatian tribal union of the Siraks and date back to the 3rd century BC. BC. - early II AD Probably, most of the burials were simple earthen pits. Unfortunately, the preservation of graves in most cases is poor. The inventory of the graves is represented by ceramic vessels, various household items and weapons, mainly iron arrowheads. There are burials with brooches of the Middle Latensian scheme, early for the North Caucasus, and a representative set of beads and pendants made of Egyptian faience.

Keywords: Krasnodar Territory, burial mounds, burials, Scythians, Sarmatians, fibulas, ornaments, Egyptian faience, human populations, archaeological materials.

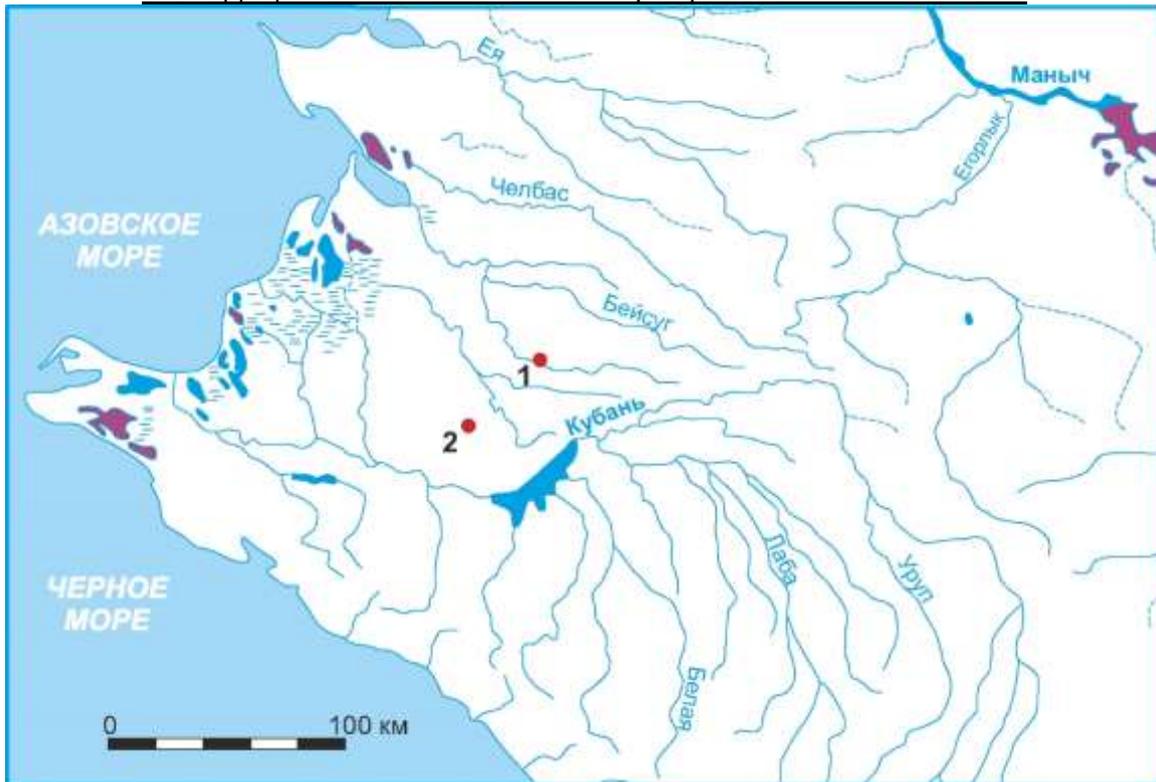

Рис.1. Местоположение курганных групп «Бейсужек XXXV» (1) и «Новотитаровская XXXIV» (2) на территории Предкавказья.

Рис.2. Курганная группа «Бейсужек XXXV». Курган 2. Погребение 4. I - чертеж, 1 - свинцовая ворворка.

В 2017 году Усть-Лабинский отряд Южной археологической экспедиции ИА РАН провел раскопки курганов 2, 3, 4, 6 курганный группы «Бейсужек XXXV», находящейся в 2,7 км к северо-востоку от хутора Пролетарский Кореновского района Краснодарского края, на правом берегу р. Бейсужек Левый (Клещенко, 2017, с.2). Группа состояла из 6-ти курганов (рис. 1, I). В ходе исследований было установлено, что "курган № 5" являлся современным антропогенным всхолмлением. Раскопки кургана 1 не проводились.

В результате работ выяснилось, что все исследованные курганы были сооружены в эпоху ранней и средней бронзы. Всего было обнаружено 64 погребения, из которых 43 относились к эпохе бронзы, атрибуция 10-ти погребений затруднительна, а 11 были совершены в раннем железном веке. Кроме того, в насыпях курганов было обнаружено несколько десятков находок (в основном – фрагментов керамики) с определенной уверенностью датируемых ранним железным веком, из которых наиболее выразительным является сосуд из насыпи кургана № 3 (комплекс CVI).

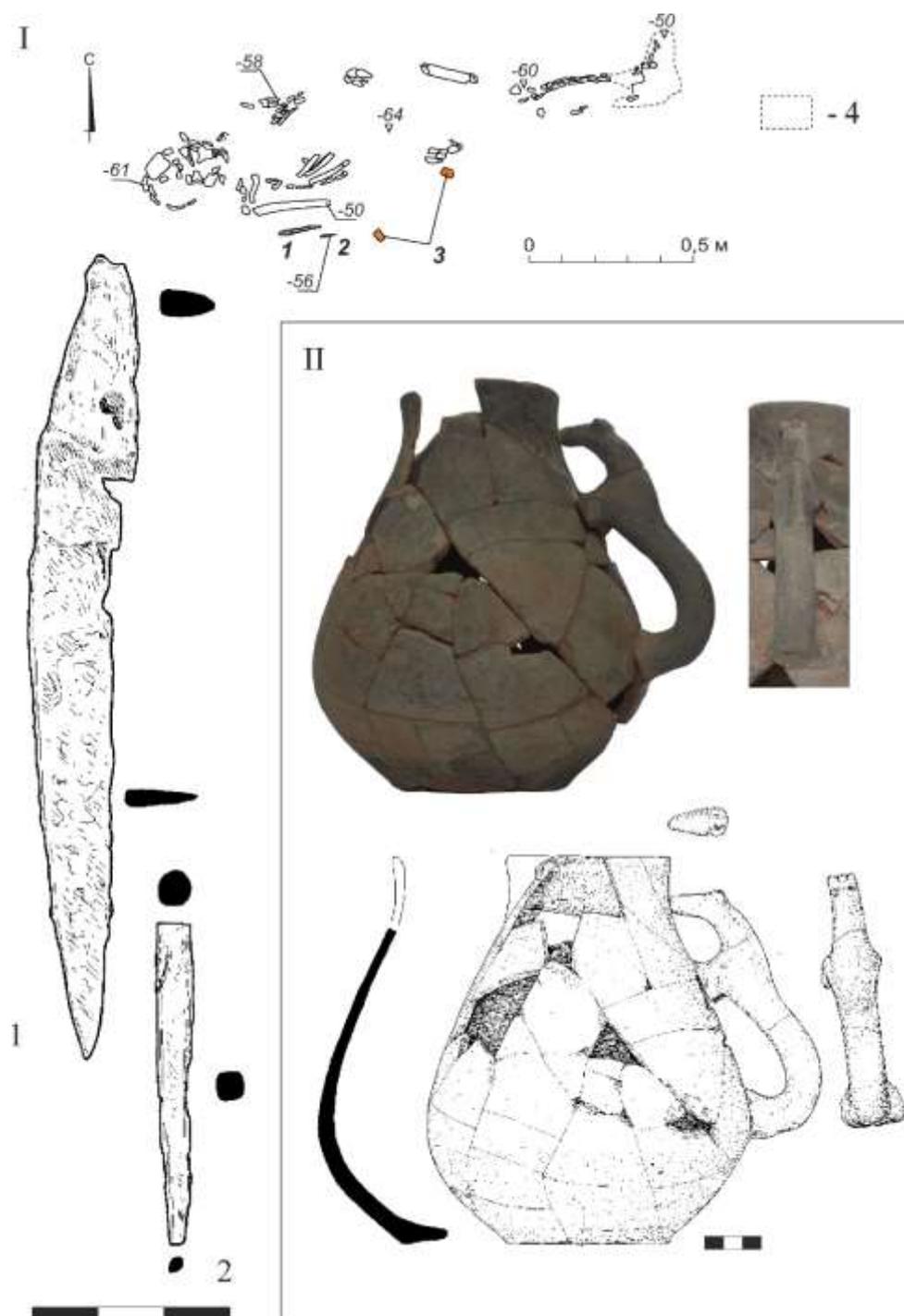

Рис.3. Курганная группа «Бейсужек XXXV». Курган 3.

I - чертеж погребения 1, 1 - железный нож, 2 - фрагмент железного шила, 3 - фрагменты керамики, 4 - костный тлен; II - комплекс CVI: керамический сосуд.

Одно из указанных захоронений (к.6, п.9) подверглось отдельному исследованию и опубликовано (Маслов и др., 2019, с.188–206). Погребение воина относится к периоду скифской архаики и датировано рубежом VII – VI вв. до н. э. (Маслов и др., 2019, с.198). Предварительно опубликованная информация о прочих захоронениях имела обобщённый характер, приведены рисунки и фотографии наиболее интересных предметов (Клещенко, 2018, с. 142; Клещенко, Юнкин, 2019, с.213). Целью данной статьи является введение в научный оборот всех комплексов эпохи раннего железа.

Я.Б. Березин, А.А. Клещенко

Комплексы раннего железного века из раскопок северокавказской археологической экспедиции ИА РАН в степном Прикубанье в 2017–2020 гг.

Курган № 2 находился в северной части цепочки курганов могильника. Высота его – 0,7 м, диаметр – 41 м.

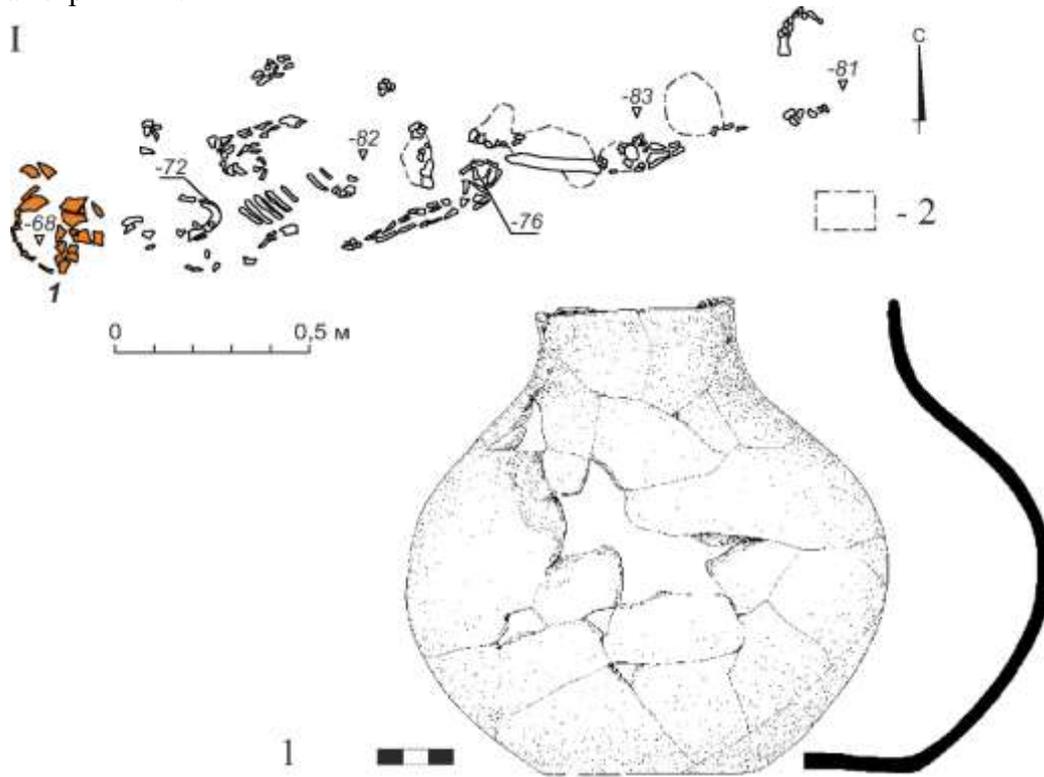

Рис.4. Курганная группа «Бейсужек XXXV». Курган 3. Погребение 2. 1 - чертеж, 1 - керамический сосуд, 2 - светлый органический тлен.

Погребение 4 обнаружено в центре кургана, на глубине -50/-53. Погребальная конструкция не прослежена. От захоронения сохранились фрагменты костей ног (пол и возраст не определяются). Судя по ним, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на З/ЗЮЗ. Ноги вытянуты параллельно друг другу (рис. 2, 1). В 10 см к ЮВ от дистального конца правой малой берцовой кости обнаружена свинцовая ворворка, лежавшая на боковой грани. Ворворка (рис. 2, 1) имела округлую в плане с конусообразным выступом; диаметр – 2 см, высота – 1 см, диаметр отверстия – 0,6 см.

Ворворки, как правило, выполненные из бронзы, являются достаточно обычной находкой в захоронениях Северного Кавказа и прилегающих территорий на протяжении длительного периода. Находка из погребения 4 по форме очень близка к ворворкам из погребений 14 и 19 Белореченского 2-го могильника в г. Кисловодске (Дударев, 2004, с.43–44, рис.8:6, рис.8а:2, рис.15:3). Погребение 14 датируется в целом VIII–VII вв. до н. э., погребение 19 концом VI – V вв. до н. э. (Дударев, 2004, с.50). В.И. Козенкова отнесла эти предметы к типу VIII, варианту 1 своей классификации (Козенкова, 1995, с.115). Ещё одна очень близкая по форме бронзовая ворворка была обнаружена в погребении 45 Эльхотовского могильника в Северной Осетии (Скаков, Чшиев, 2017, с. 289–290, рис.5:9). Данное захоронение уверенно датируется в пределах середины – второй половины VIII в. до н. э. (Скаков, Чшиев, 2017, с. 292). Скорее всего, захоронение 4 кург.2 наиболее раннее среди захоронений эпохи раннего железа могильника "Бейсужек XXXV" и относится к протомеотскому периоду, по терминологии археологов Кубани. В абсолютных цифрах это вторая половина VIII–VII вв. до н. э.

Общепринято относить ворворки к предметам, связанным с конской сбруей, большая их часть была обнаружена в явно всаднических погребениях. Вместе с тем, ещё в 1972 г. В.Б. Виноградовым (Виноградов, 1972, с.135) было высказано мнение, позже поддержанное и

развитое С.Л. Дударевым, что, по крайней мере, часть находок имела иное назначение, используя как аксессуар мужского костюма (Дударев, 2004, с.44). Погребение 4 кургана 2 мог. Бейсужек XXXV не имеет черт всаднического, сам предмет выполнен из мягкого металла, что не подразумевает приложение к нему каких-то нагрузок. Думается, что эта находка подтверждает версию В.Б. Виноградова – С.Л. Дударева.

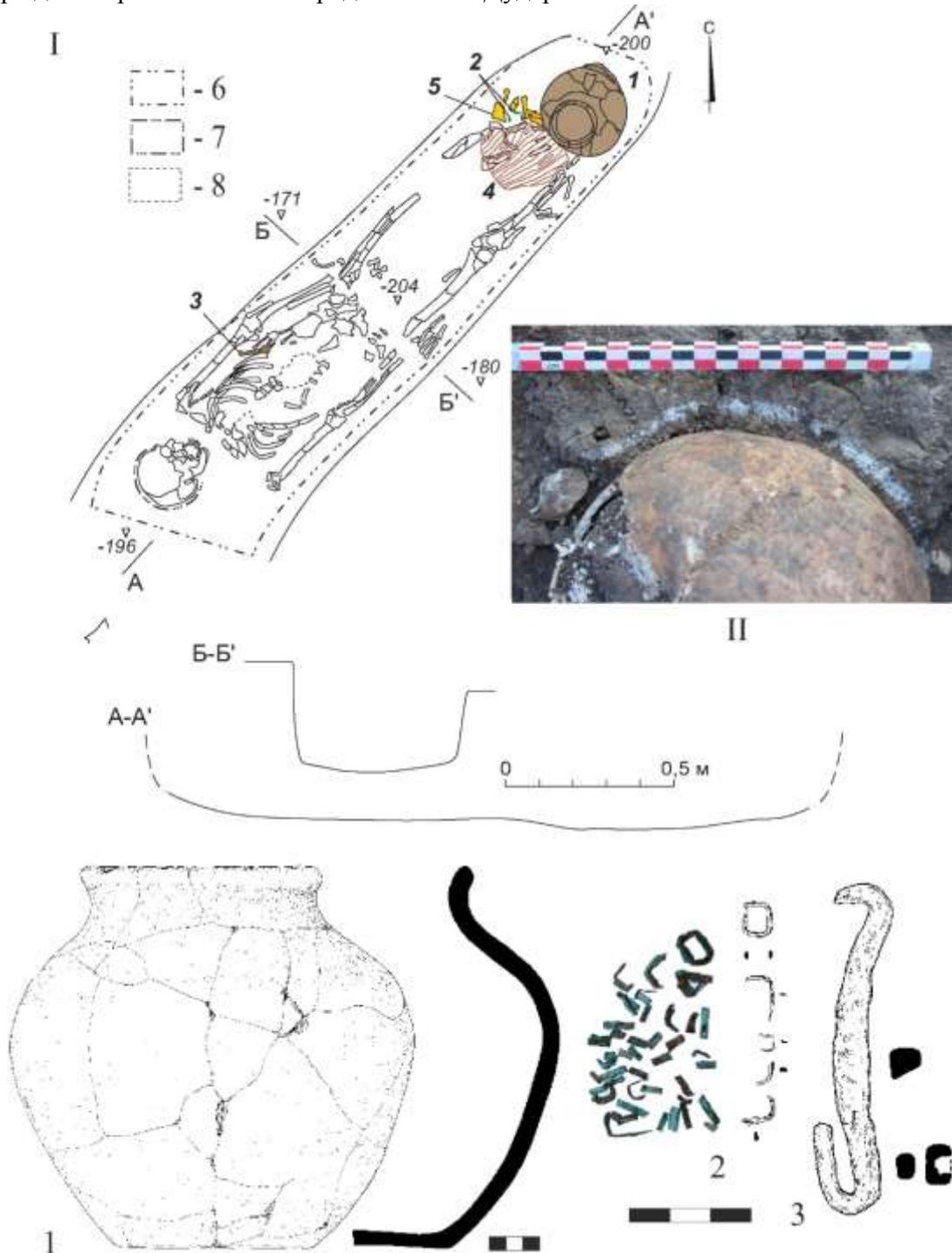

Рис.5. Курганная группа «Бейсужек XXXV». Курган 3. Погребение 28. I - чертеж, II - фотография белого тлена вокруг черепа, 1 - керамический сосуд, 2 - бронзовые скобы, 3 - железный колчанный крюк, 4 - деревянный тлен (предположительно, блюдо), 5 - кости МРС, 6 - черный органический тлен, 7 - белый тлен, 8 - костный тлен.

Комплексы раннего железного века из раскопок северокавказской археологической экспедиции ИА РАН в степном Прикубанье в 2017–2020 гг.

Курган № 3 находился в северной части цепочки. Высота его – 2,7 м, диаметр – около 60 м.

Комплекс CVI представлял собой фрагменты керамических сосудов и кости человека зрелого возраста. Обнаружены в отвале первой северной траншеи. Сосуды сильно фрагментированы. Удалось реставрировать только один из них: сарматский сосуд с зооморфной

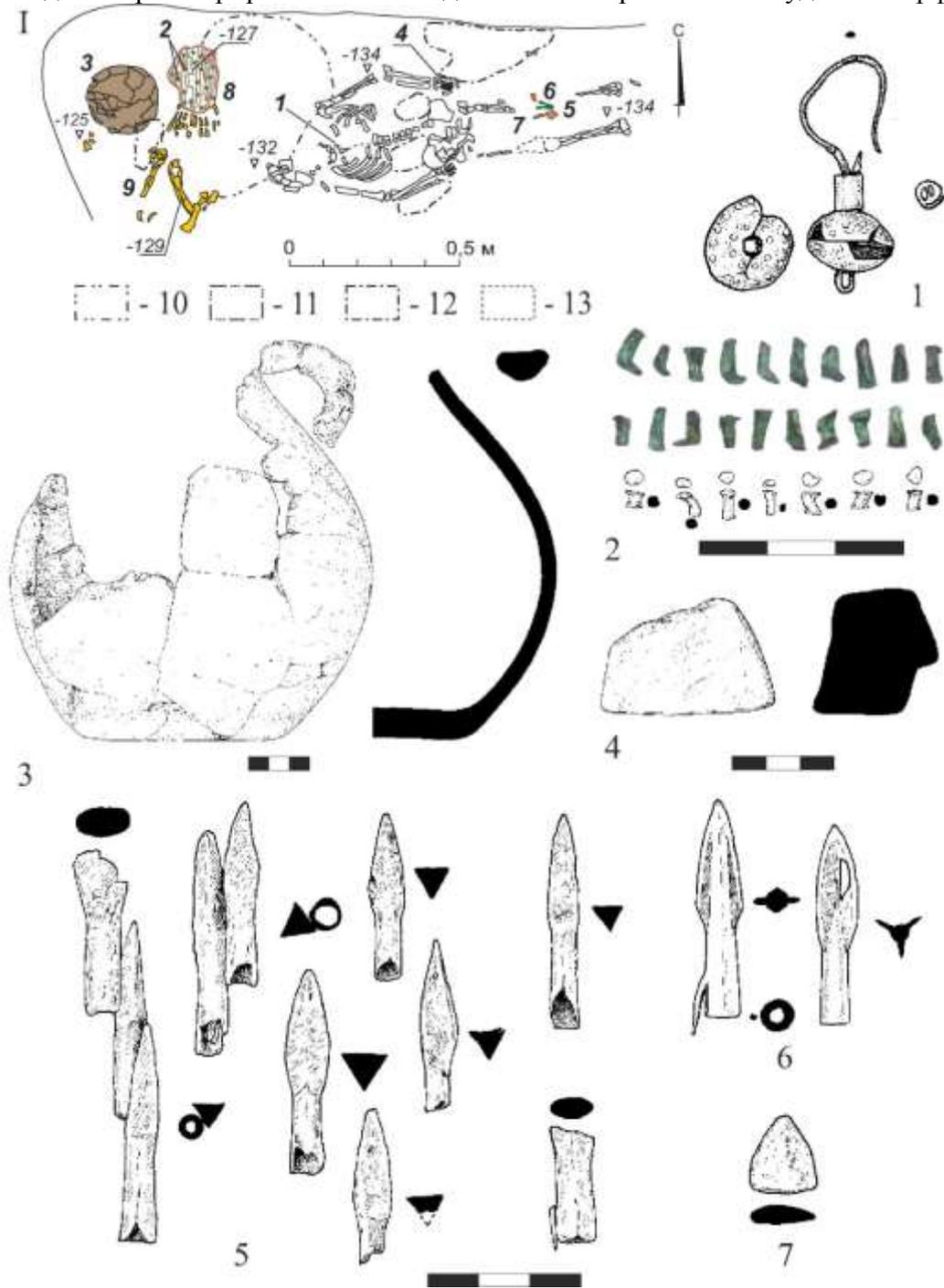

Рис.6. Курганная группа «Бейсузжек XXXV». Курган 4. Погребение 5. I - чертёж, 1 - бронзовая серьга, 2 - бронзовые заклепки, 3 - керамический сосуд, 4 - каменный предмет, 5 - железные наконечники стрел, 6 - бронзовые наконечники стрел, 7 - фрагмент железного ножа, 8 - деревянный тлен (предположительно, миска), 9 - кости МРС, 10 - чёрный органический тлен, 11 - белесый тлен, 12 - коричневый органический тлен, 13 - костный тлен.

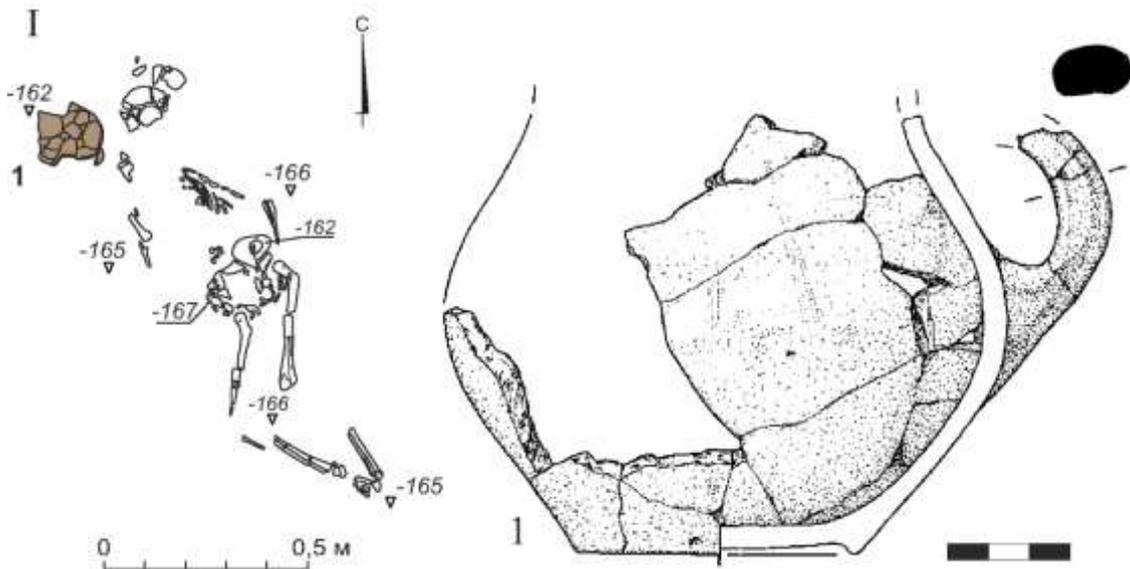

Рис.7. Курганная группа «Бейсужек XXXV». Курган 6. Погребение 1б. I - чертеж, 1 - керамический сосуд.

ручкой. Вероятно, комплекс представлял собой инвентарь разрушенного погребения или жертвенника.

Керамический плоскодонный сосуд с уступом и узким горлом (рис. 2, II). Дно чуть вогнутое. На сосуде имеется фигурная зооморфная ручка. Венчик прямой, не выделен, закруглен. На боковой части тулова прикреплена большая зооморфная ручка, места крепления к тулову – задние и передние ноги и морда. Изображение довольно схематично. Четко выделены заостренная морда, уши, схематично намечены конечности, грива, круп. Внешняя и внутренняя поверхность сосуда оранжевого цвета, в изломе черепок оранжевый. Тесто плотное, хорошего качества, с небольшими включениями песка. Обжиг ровный. Размеры: высота – 20,2 см, диаметр дна – 8,5 см, диаметр устья – 8 см, максимальный диаметр – 18 см, толщина стенки – 0,5 см. Ручка: длина – 13,8 см, максимальная ширина – 4,5, минимальная ширина – 3 см, толщина крупа – 1,9 см, толщина морды – 1,2 см.

Восстановленный кувшин снабжён крупной зооморфной ручкой, животное, направленное мордой к венчику сосуда, достаточно уверенно идентифицируется как лошадь. Вытянутая голова, характерно расположенные уши, намеченная грива, общие пропорции тела делают такую трактовку весьма вероятной. Поиски аналогий уводят нас на Северо-Восточный Кавказ, целая группа сосудов с ручкой, выполненной в виде реалистического изображения лошади, найдены на территории Дагестана и Чечни (Виноградов, 1963, с. 212, рис. 39:9; Абрамова, 1969, с.78–79, рис.3:29, 41–44). Наиболее близки нашему сосуду, по форме самого сосуда и трактовке ручки, находки из Моздокского могильника (грунтовое погребение, раскопки 1935 г.) (Виноградов, 1963, с.77, рис.33,6) и сосуды из Урцекского городища в Дагестане (Абрамова, 1969, с.78, рис. 3, 43, 33). Последние, кстати, красноглиняные.

С датировкой сосуда не очень ясно, судя по приведённым аналогиям, он может относиться, скорее, к первым векам нашей эры, чем к более раннему периоду. Вопрос о связи зооморфной керамики Северного Кавказа с какой-либо определённой культурой до сих пор является дискуссионным (Абрамова, 1969, с.84), однако абсолютное большинство подобных находок происходит либо из собственно сарматских памятников (обычно, погребальных), либо из объектов, отмеченных сильным сарматским влиянием (Березин, 1979, с.36–37).

Погребение 1 обнаружено в центральной части первой южной траншеи – в 1,5 к ЮЮЗ от центрального репера на глубине -50/-64. Погребальная конструкция не зафиксирована.

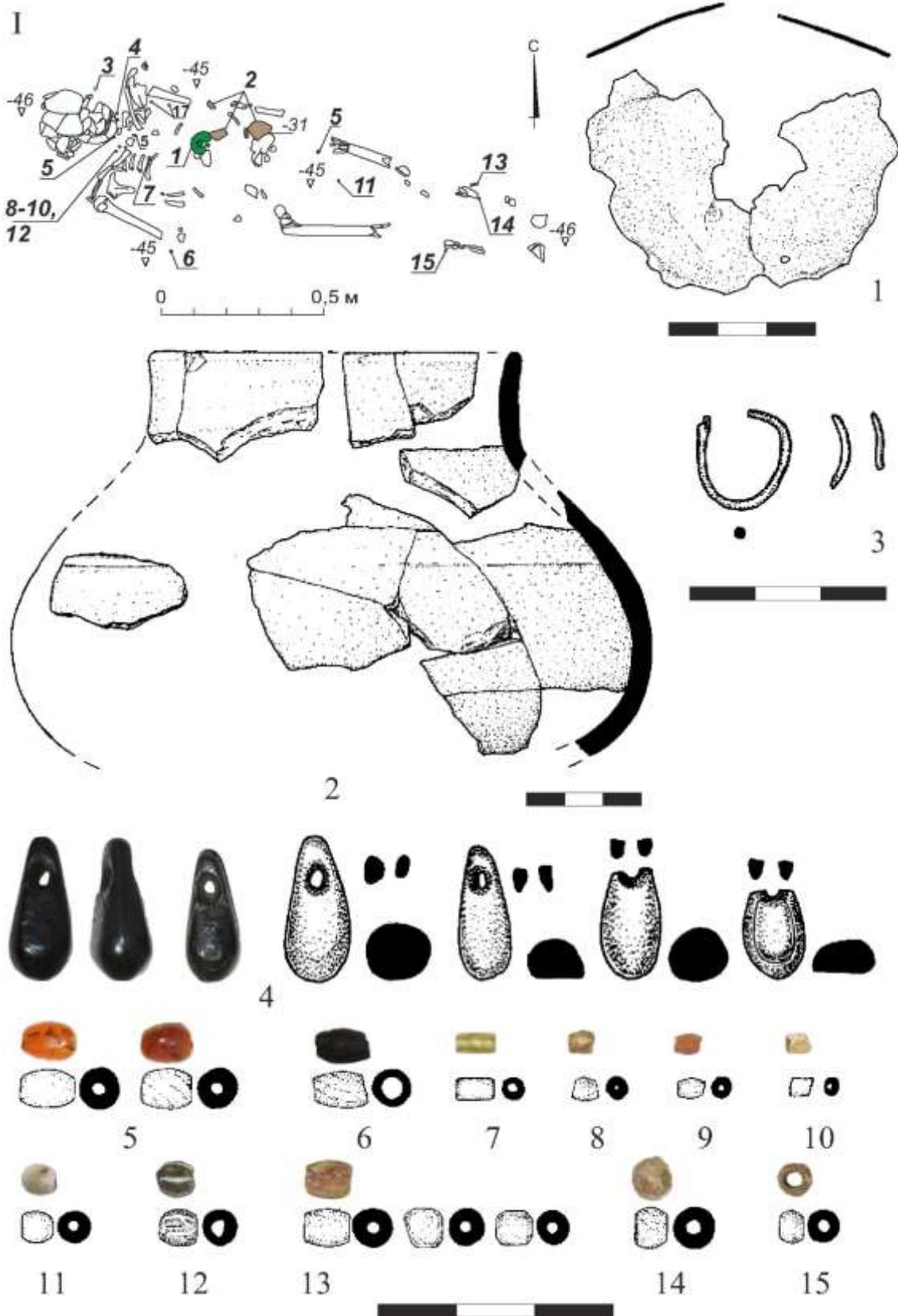

Рис.8. Курганная группа «Бейсужек XXXV». Курган 6. Погребение 5. I - чертеж, 1 - фрагменты бронзового зеркала, 2 - керамический сосуд, 3 - фрагменты бронзовой серьги, 4 - гагатовые подвески, 5 - сердоликовые бусы, 6 - бусина из черного стекла, 7 - золотостеклянная бусина, 8 -10, 12-15 - фаянсовые и стеклянные бусины, 11 - перламутровая бусина.

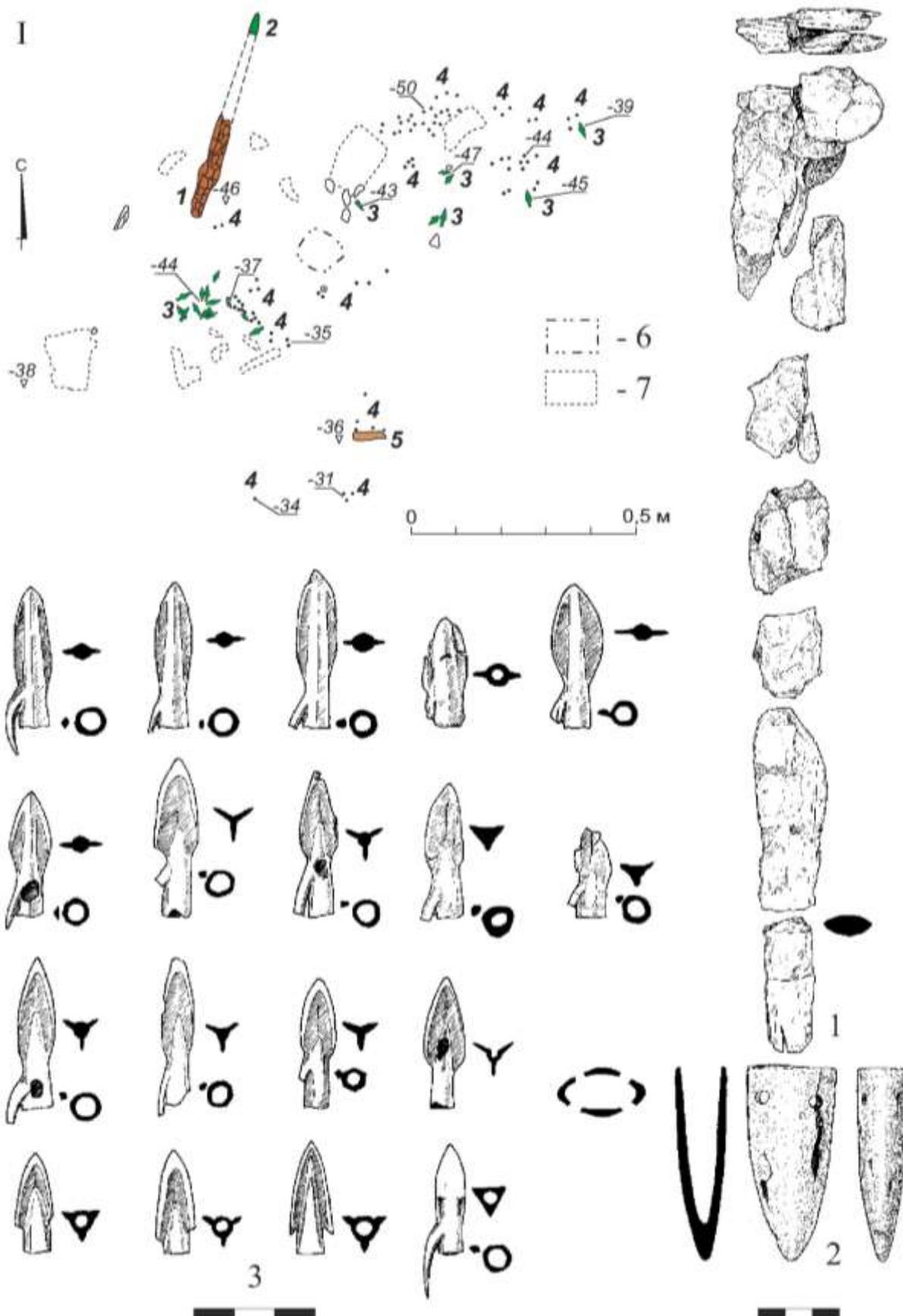

Рис.9. Курганная группа «Бейсужек XXXV». Курган 6. Погребение 9. I - чертеж, 1 - фрагменты железного акинака, 2 - бронзовая бутероль, 3 - бронзовые наконечники стрел, 4 - фаянсовые бусы и бисер, 5 - фрагмент керамики, 6 - черный тлен, 7 - костный тлен.

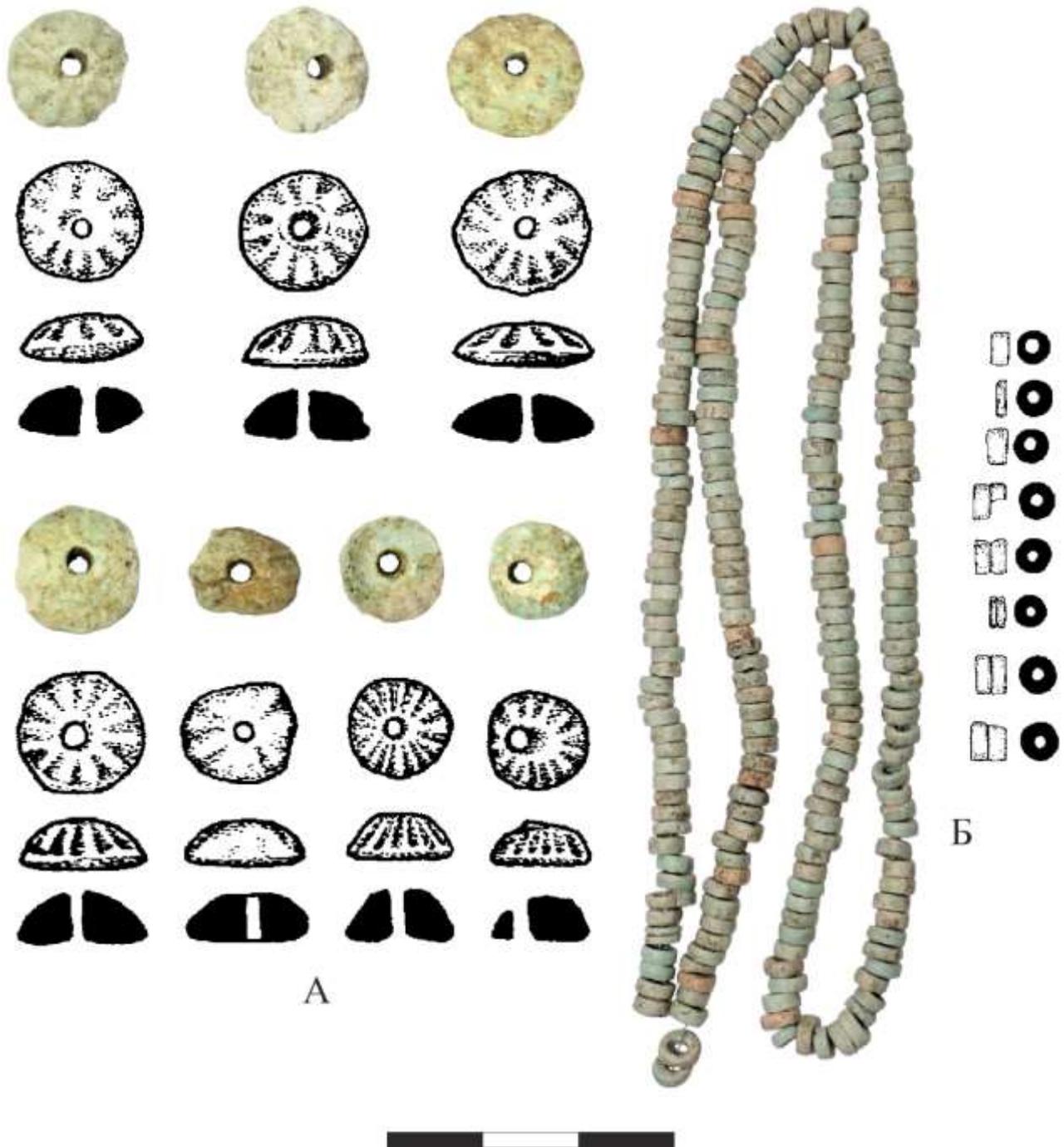

Рис.10. Курганная группа «Бейсужек XXXV». Курган 6. Погребение 9.
 Находка № 5: фаянсовые бусы (А) и бисер (Б).

Погребенный – предположительно, мужчина, старше 45 лет¹⁵ – лежал вытянуто на спине, головой на З с небольшим отклонением к Ю (рис. 3, I). Череп покоился на затылке, грудная клетка – в положении «на спине», от костей рук сохранилась лишь правая плечевая, лежавшая вдоль тела, от костей ног сохранились лишь берцовые кости левой ноги и тлен от костей

¹⁵ Антропологические определения для погребений из могильника «Бейсужек XXXV» выполнены к.и.н. А.А. Казарницким (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого).

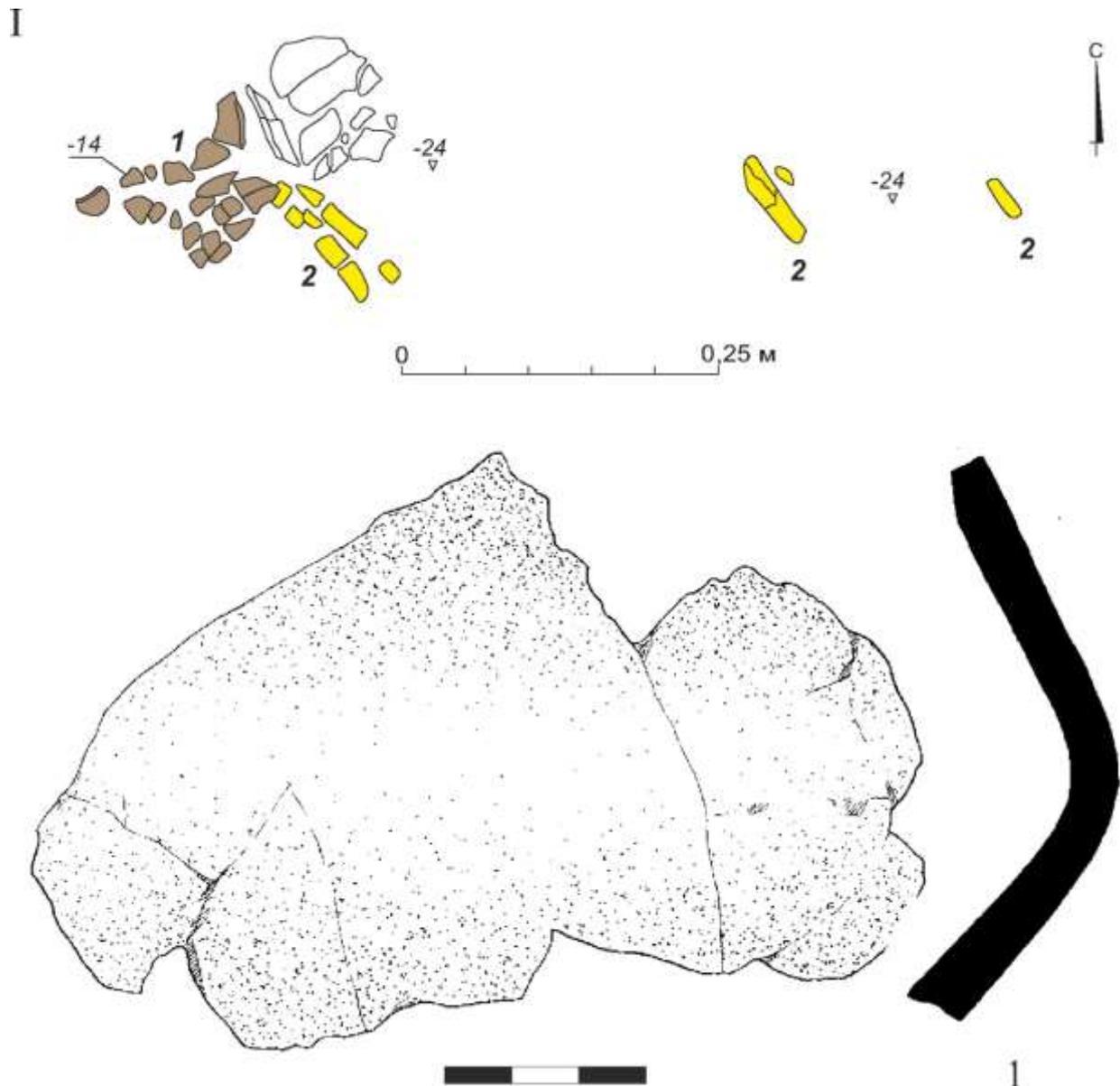

Рис.11. Курганная группа «Бейсужек XXXV». Курган 6. Погребение 11.
1 - чертеж, 1 - фрагменты керамического сосуда, 2 - кости животного.

стоп. Судя по ним, ноги погребенного были вытянуты и в нижней части сведены вместе.

К югу правой плечевой кости скелета были обнаружены железный нож (лежал острием на восток) и фрагмент железного шила. Железный нож (рис. 3, 1) имел выгнутую по всему лезвию спинку; сечение лезвийной и черешковой частей треугольное; длина ножа – 12 см, длина лезвия – 9,5 см, толщина – 0,2–0,4 см; на черешковой части сохранились следы деревянной рукояти. Железный стержень (шило) (рис. 3, 2) округлое в сечении, с одной стороны сужается, длина сохранившейся части – 5 см, диаметр сечения – 0,3 см. К востоку от шила и ножа находились небольшие фрагменты стенки лепного керамического сосуда (рис. 3, 3). Поверхность шероховатая. Внешняя и внутренняя поверхность имеют серо-коричневый цвет, а излом – черный цвет. Обжиг хороший, тесто плотное без видимых примесей. Толщина стенок – 0,3 см.

Инвентарь погребения скуден и не даёт оснований для дробных датировок. Железные шилья, подобные нашему, бытуют с момента распространения железа и вплоть до современности. Нож относится к типу 2, по наблюдениям Е.А. Бегловой и В.Р. Эрлиха на материалах Тенгинского могильника, бытующему в течение всего времени его функционирования, III в.

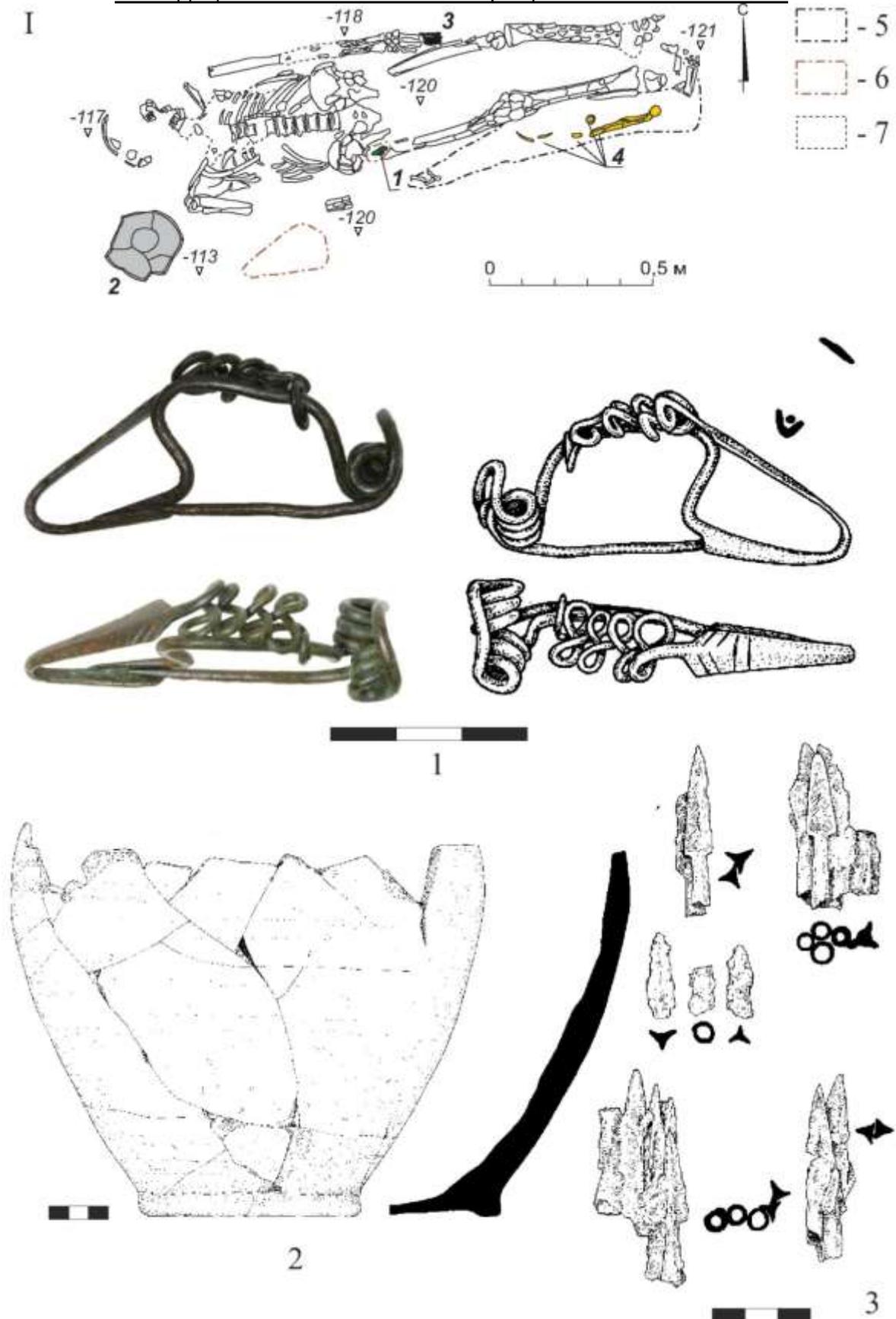

Рис.12. Курганная группа «Бейсужек XXXV». Курган 6. Погребение 12. I - чертеж, 1 - бронзовая фибула, 2 - керамический сосуд, 3 - железные наконечники стрел, 4 - кости МРС, 5 - коричневый тлен, 6 - деревянный тлен, 7 - костный тлен.

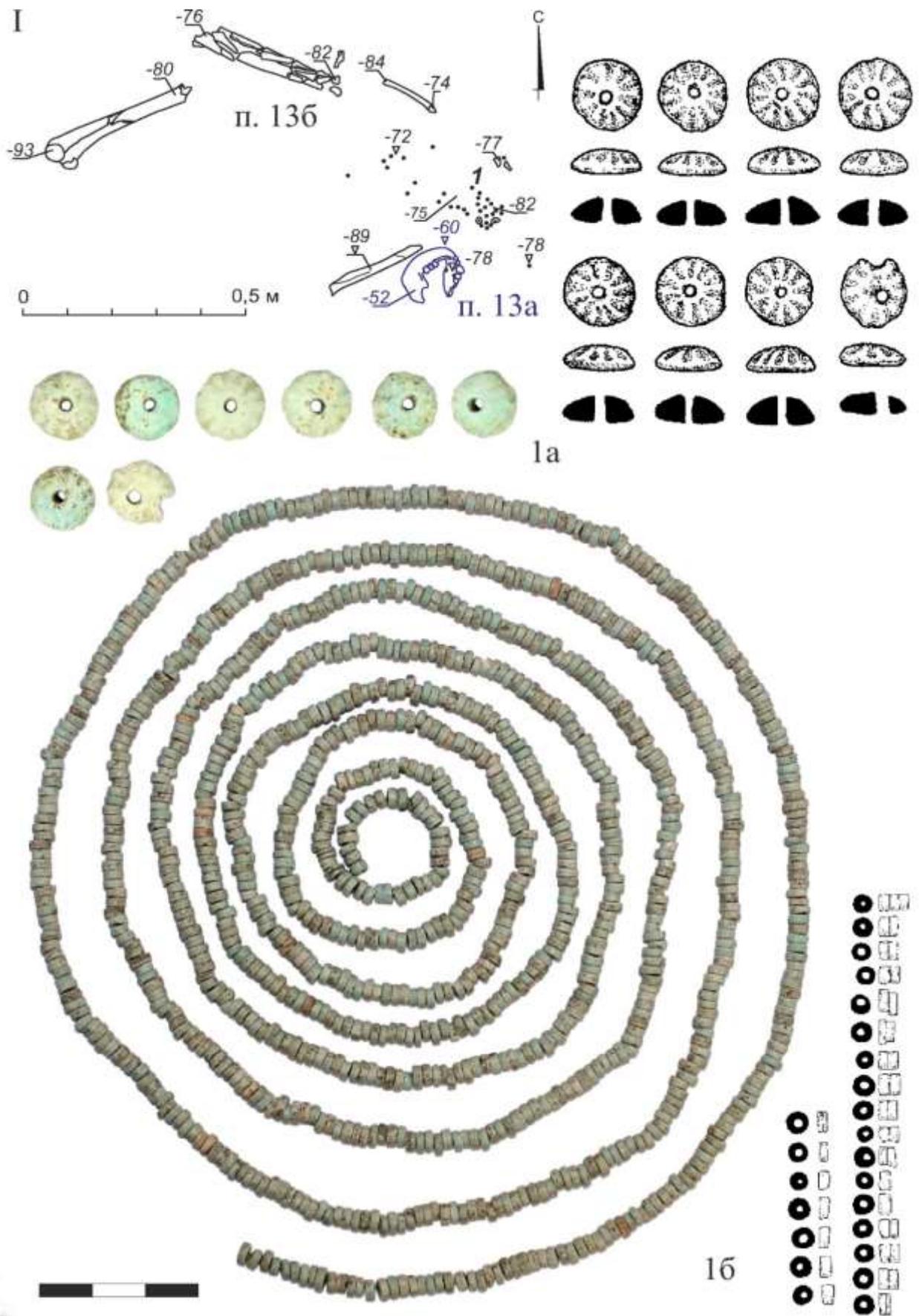

Рис.13. Курганная группа «Бейсужек XXXV». Курган 6. Погребение 13. I - чертеж, 1 - фаянсовые бусы (а) и бисер (б).

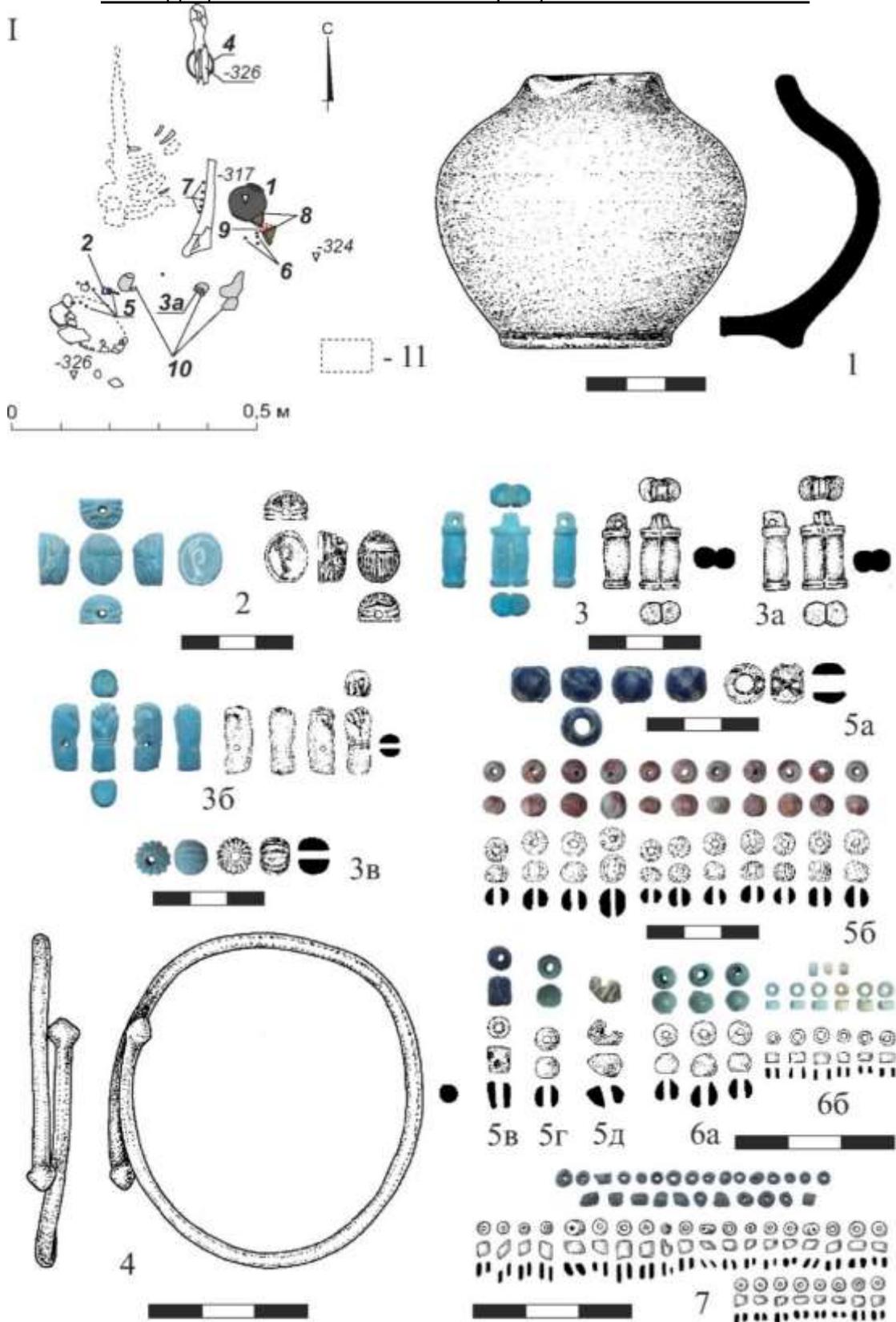

Рис.14. Курганная группа «Новотитаровская XXXIV». Курган 1. Погребение 5. I - чертеж, 1 - керамический сосуд, 2 - фаянсовая бусина-скарабей, 3 а-в - фаянсовые подвески и бусина, 4 - бронзовый браслет, 5 а-д, 6 а-б, 7 - фаянсовые бусы, 8 - фрагменты керамики, 9 - красящее вещество, 10 - мел (белила), 11 - костный тлен.

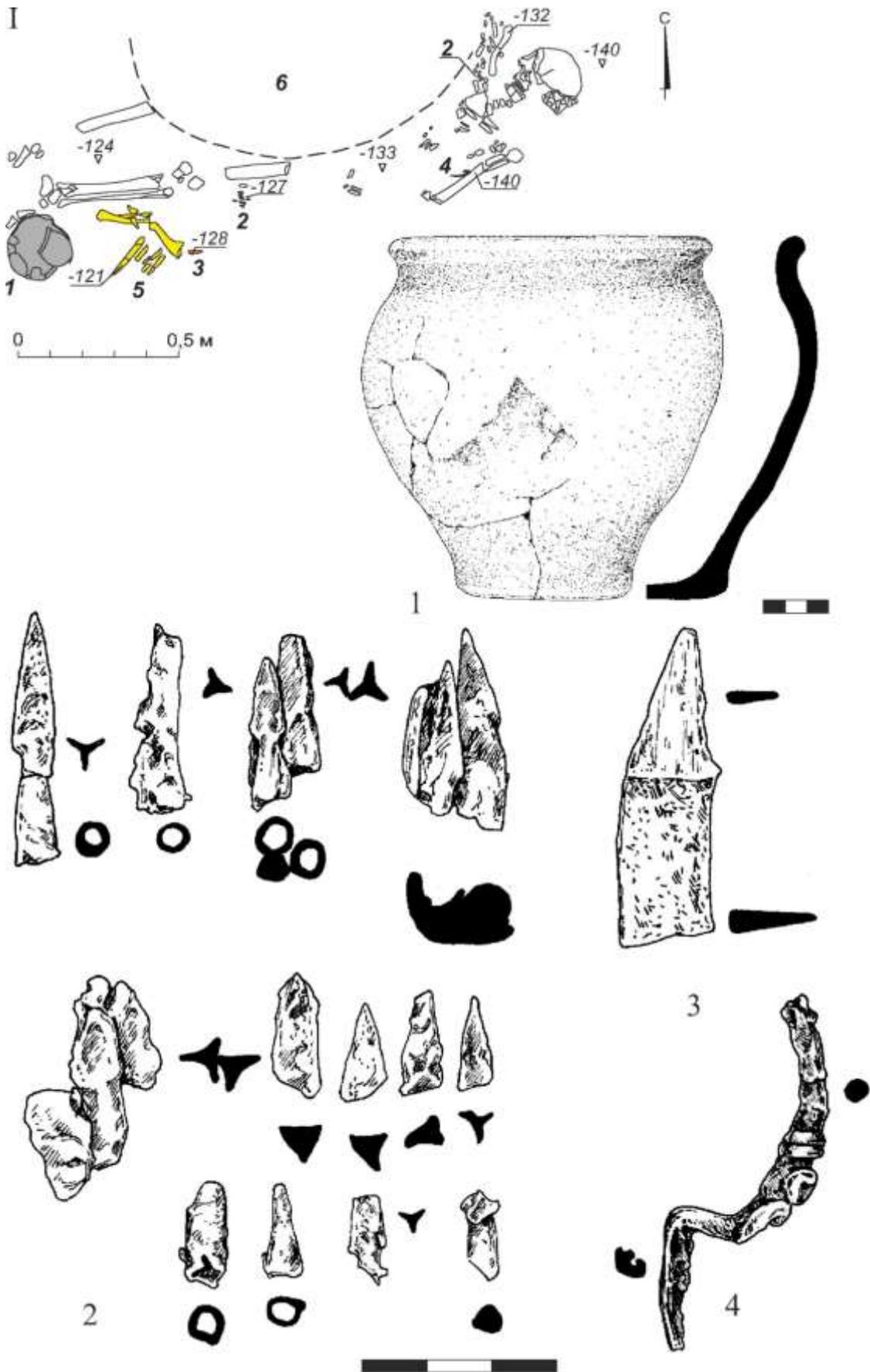

Рис.15. Курганная группа «Новотитаровская XXXIV». Курган 1. Погребение 9. I - чертеж, 1 - керамический сосуд, 2 - железные наконечники стрел, 3 - фрагмент железного ножа, 4 - фрагмент железной фибулы, 5 - кости МРС, 6 - современная яма.

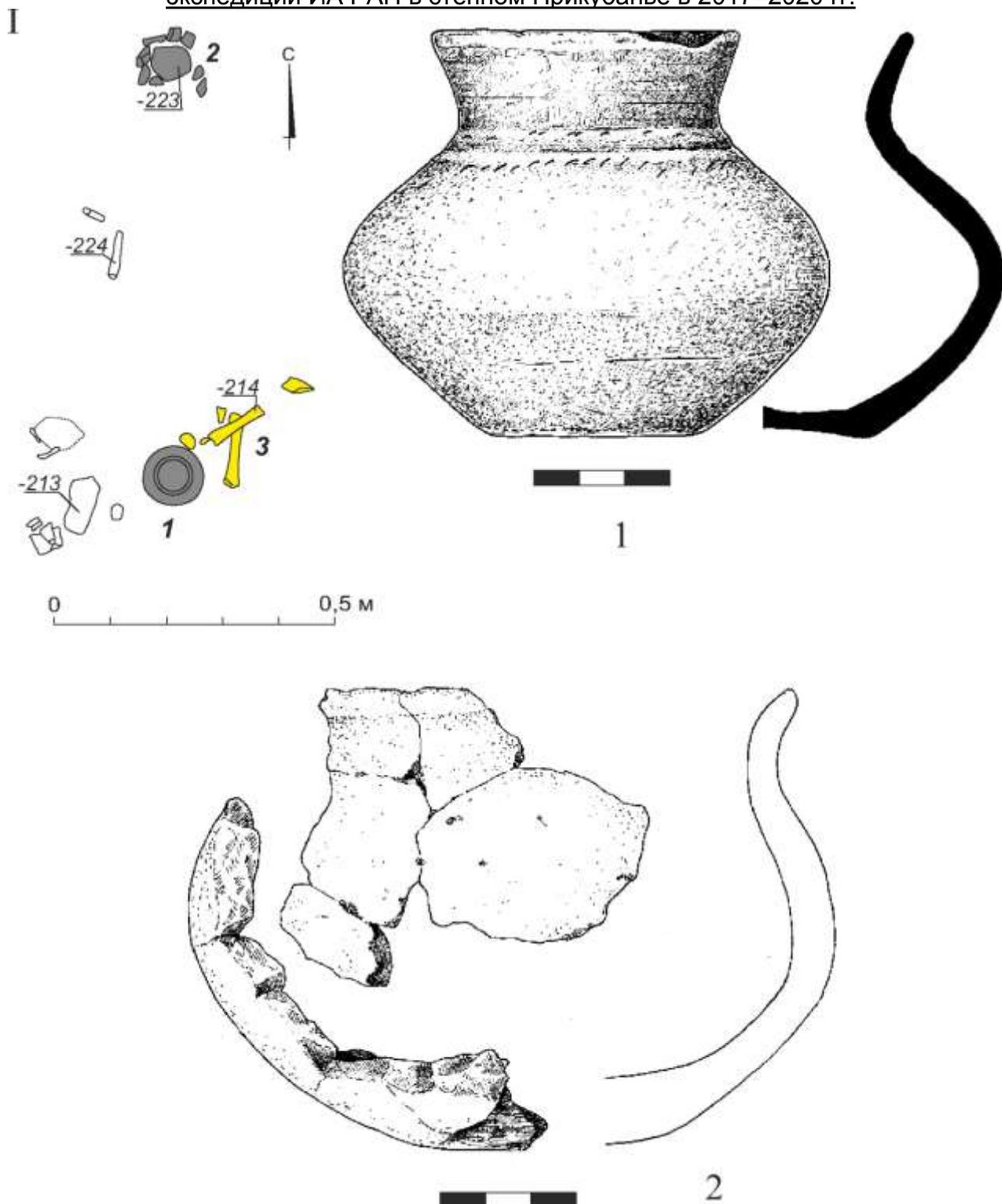

Рис.16. Курганная группа «Новотитаровская XXXIV». Курган 1. Погребение 14.
I - чертеж, 1,2 - керамические сосуды, 3 - кости МРС.

до н.э. – II в н.э. (Беглова, Эрлих, 2018, с.172). В Центральном Предкавказье подобного типа ножи более характерны для периода III – I вв. до н.э. (Абрамова, 1993, с.80, рис.26: 1–5), сменяясь в следующий хронологический период ножами с прямой или слабо изогнутой режущей кромкой (Абрамова, 1993, с.147, рис.57: 57–61). Погребение следует отнести к сарматскому времени, возможно – последним векам до н.э.

Погребение 2 обнаружено в центральной части первой южной траншеи – в 1,5 к Ю от центрального репера на глубине -68/-88, то есть непосредственно под юго-восточной частью описанного выше погребения № 1. Погребальная конструкция не зафиксирована. В данном случае мы имеем дело со случаем прямой стратиграфии, погр. 1 было совершено позже, чем погр. 2.

Погребенный – мужчина 35–45 лет – лежал вытянуто на спине, головой на З с небольшим отклонением к Ю (рис. 4, I). Сохранность костей плохая. От костей черепа сохранилась лишь нижняя челюсть, лежавшая на основании. Судя по ее положению, череп покоился на затылке. Кости грудного отдела лежали в положении «на спине». Из костей рук фрагментарно сохранилось лишь правое предплечье. Судя по нему, рука была вытянута вдоль тела, а кисть ее была сжата в кулак. Правая нога была слегка согнута в колене. Левая нога практически не сохранилась. Под ногами погребенного участками сохранились следы от подстилки в виде светлого органического тлена (рис. 4, 2).

Вплотную к голове погребенного, с западной стороны, на боку, устьем к востоку лежал раздавленный кружальный керамический плоскодонный сосуд с широким туловом и узким горлом (рис. 4, I). Венчик прямой. Внешняя и внутренняя поверхность серого цвета, с пятнами. Обжиг хороший. Тесто в изломе серое, без явных примесей. Размеры: высота – 19 см, диаметр дна – 8 см, диаметр тулова – 11,5 см, толщина стенки – 0,3 см.

Сероглиняный керамический безручный сосуд со сфероидным туловом, прямой, невысокой горловиной и без выделенного венчика является достаточно редким типом. М.П. Абрамова именовала такие сосуды "корчагообразными" (Абрамова, 1993, с.45–46).

Близкая аналогия нашей находке происходит из погребения 9 кургана 5 курганного могильника «Украинский – 1» в Динском районе Краснодарского края (Цокур, 2008, с.174–174, рис.25: 1, 3–7). Кроме корчагообразного сосуда, в комплексе погр.9. кург.5 находились ещё два сосуда. Красноглиняный кувшин относится к типу 5 кувшинов Тенгинского могильника, выделенных Е.А. Бегловой и В.Р. Эрлихом (Беглова, Эрлих, 2018, рис.164: 1–6). Это наиболее распространённый тип кувшинов Тенгинского могильника, он датируется в пределах первой половины II в. до н. э. (Беглова, Эрлих, 2018, с.140). Массивная приземистая кружка с зооморфной ручкой, орнаментированная штрихованными треугольниками вершинами вниз и рядами параллельных вертикальных полосок (Цокур, 2008, рис.25: 7) достаточно чужда прикубанским материалам. В то же время она очень близка кружкам типа 1 вариант "б", выделенным М.П. Абрамовой для материалов III – I вв. до н.э. Центрального Предкавказья (Абрамова, 1993, с.47–48, рис.13:12.13). Таким образом, не будет большой ошибкой отнести захоронение 9 кург.5 мог. «Украинский – 1» и вместе с ним погр.2 кург.3 могильника «Бейсужек XXXV» к последним векам до н. э.

Погребение 28 обнаружено в центре центральной бровки при зачистке ее северного фаса – в 0,8 м к ЗСЗ от центрального репера, на глубине -171/-208. Погребальное сооружение представляло собой узкую длинную яму, ориентированную длинной осью по линии СВ–ЮЗ. Северный и южный края ямы были срезаны траншеями. Ширина ямы – 0,5 м. Длина составляла примерно 2,2 м. Вертикальные стенки прослежены на высоту 0,3 м. Погребенный – мужчина 40–50 лет – лежал по центральной оси ямы, занимая все дно могилы по ширине, вытянуто на спине, головой на ЮЗ (рис. 5, I). Сохранность костей плохая. Череп лежал на затылке с легким завалом на левый бок. Лицевые кости были обращены к СВ. Грудь и таз находились в положении "на спине". Правая рука была вытянута вдоль тела. Кисть лежала ладонью вниз на уровне проксимального конца правой бедренной кости. Левая рука чуть согнута в локте. Ее кисть лежала ладонью вниз на проксимальном конце левой бедренной кости. Ноги вытянуты. Кости стоп уходили под тлен от деревянного предмета. Дно было покрыто черным тленом (рис. 5, б). К югу от головы параллельно своду черепа, вплотную к нему, была зафиксирована тонкая белая полоска (рис. 5, 7, II).

У СВ стенки ямы в ногах у погребенного стоял лепной керамический сосуд (рис. 5, I). Сосуд стоял на донце, с легким завалом в сторону погребенного. Сосуд плавнопрофилированный плоскодонный с отогнутым горлом и ровным закругленным венчиком. Обжиг не-

Комплексы раннего железного века из раскопок северокавказской археологической экспедиции ИА РАН в степном Прикубанье в 2017–2020 гг.

ровный. Внешняя поверхность имеет серо-черный цвет со светло-коричневыми пятнами, внутренняя поверхность серая. Тесто в изломе серо-черное, слоистое, с включениями мелкой дресвы и мела. Размеры: высота – 23 см, диаметр дна – 12 см, диаметр устья – 13 см, максимальный диаметр – 24 см, толщина стенки – 0,9 см. Перед керамическим сосудом на нижней половине берцовых костей лежал округлый деревянный предмет, от которого сохранился лишь тлен (рис. 5, 4), возможно, представлявший собой блюдо или поднос. Среди древесного тлена было обнаружено скопление целых мелких бронзовых скобок и их фрагментов (рис. 5, 2). Скобки сделаны из тонкого раскованного листа, имели различную конфигурацию, изначальное количество – не менее десятка. Толщина – 0,1–0,15 см, ширина – 0,2 см. Размеры единственной сохранившей полную форму скобы прямоугольной формы – 0,8 x 0,7 см. На нижних левых ребрах был обнаружен железный колчаный крюк (рис. 5, 3), представлявший собой железный, незначительно изогнутый в центральной части стержень, с двумя крюками по краям. Длина – 8,2 см, ширина – до 0,8 см, толщина – 0,6–0,7 см. На деревянном предмете лежали кости МРС (рис. 5, 5). При разборке костей были обнаружены сильно корродированные втулки железных стрел (не сохранились).

Лепной керамический горшок из погребения имеет хорошие аналогии в материалах Прикубанья. Он близок к горшкам из третьей хронологической группы (III – I в. до н.э.) могильника № 2 у станицы Усть-Лабинской (Анфимов, 1951, с.170–172, рис. 5:2–3). Похожий сосуд был обнаружен в погр. 4 кург. 35 на землях колхоза им. Ленина, станица Калининская Краснодарского края, раскопки И.И.Марченко, Н.И. Николаевой и В.А. Сафронова в 1979 г. (Марченко, 1984, с.61, рис.6:2). Погребение датируется II – первой половиной I в. до н.э. (Марченко, 1984, с.62). Этим датам не противоречит находка втулок от железных наконечников стрел.

Железный предмет, находка 3, предварительно определён автором раскопок как колчаный крюк. Возможно, он таковым и является. Однако, в этом случае, он сильно отличается от подавляющей массы колчаных крюков сарматского времени, имеющих в нижней части, собственно, крюк для подвешивания колчана, а в верхней – заклёпку, отверстие, перекладину или иное приспособление для крепления на пояс (Абрамова, 1993, с.76–78, рис.24:47–54; Беглова, Эрлих, 2018, с.155, рис.183:15–17). В обнаруженном состоянии крюк не функционален, возможно, какая-то его часть утрачена.

Находки деревянных или костяных блюд (подносов?), сопровождаемых остатками жертвенной пищи, в сарматских погребениях известны (Яблонский, 2010, с.57). Однако, как по объективным причинам (плохая сохранность дерева), так и вследствие недостаточно хорошей фиксации, эти объекты зачастую проходят мимо внимания исследователей. Достаточно сказать, что в таких капитальных монографиях М.П. Абрамовой и Б.М. Керефова, посвященных памятникам сарматского времени, эта деталь погребального обряда не упоминается вообще (Абрамова, 1972; Абрамова, 1993; Керефов, 1985). И.И. Марченко в своём коде для описания погребального обряда сарматских погребений Кубани также не выделяет признак отсутствия или наличия деревянных блюд-подносов (Марченко, 1996, с.174–180).

Курган № 4 находился в северной части могильника. Высота его – 0,35 м, диаметр – 30 м.

Погребение 5 обнаружено в центральной части первой западной траншеи – в 1,2 м к 3 от центрального репера, на глубине -115/-134 – по общему с основным погребением 6 (ямной культуры) пятну заполнения. По ширине и глубине ямы практически совпадали, заполнение было одинаковым, поэтому отделить одно погребение от другого было затруднительно. Яма погребения № 5 имела подпрямоугольную форму с закругленными углами, вытянутую по линии 3–В. Ширина ямы составляла порядка 0,9 м, длина – не менее 1,8 м.

Погребенный – ребенок 6–9 лет – располагался по центральной оси ямы, чуть ближе к северной стенке, вытянуто на спине, головой на 3 (рис. 6, 1). Сохранность костей плохая. Череп находился на затылочной части, с легким завалом на правое плечо. Лицевые кости были обращены к ЮВ. Кости груди и таза находились в положении вытянуто на спине. Руки, слег-

ка согнутые в локтевых суставах, лежали вдоль тела. Кисти – у соответствующих крыльев таза. Правая кисть лежала ладонью вниз, в левой был зажат камень (находка № 4). Ноги лежали вытянуто, параллельно друг другу. Стопы не сохранились. Погребенный лежал на подстилке, от которой местами сохранился тлен коричневого цвета (рис. 6, 12). В западной половине дна ямы тлен имел более темный – почти черный оттенок (рис. 6, 10). Между позвоночником и левым предплечьем – небольшой фрагмент белесого тлена (рис. 6, 11).

Под нижней челюстью погребенного была обнаружена бронзовая серьга (рис. 6, 1) в виде уплощенной полой сферы из двух уплощенно-полусферических кованых «скорлупок» с пуансонным орнаментом, нанизанных на тонкую проволоку. Со стороны петельки проволока сдвоена и перехвачена цилиндрической муфтой. С нижней стороны уплощенной сферы проволока выходит в виде короткой петли наружу из отверстия в нижней «скорлупке». Общая длина предмета – 3,5 см, размеры проволоочной петли в верхней части – 1,8 x 1,2 см, диаметр уплощенной сферы – 1,3 см, высота – 0,9 см, Длина муфты – 0,5 см, внешний диаметр – 0,4 см. Высота петли, выходящей снизу – 0,3 см.

В северо-западном углу ямы на донце, устьем вверх, ручкой к 3 стоял лепной керамический кувшин (рис. 6, 3). Сохранность плохая. Венчик утрачен, переход к горлу плавный, без перегиба, форма горла не восстанавливается. Сохранилась ручка во фрагментах, округлая, с ребром на внутренней стороне. Обжиг неровный. Внешняя и внутренняя поверхность серо-коричневая, в изломе серо-черный цвет. Тесто, пористое, с примесью мелкой дресвы и, возможно, органики. Размеры: сохранившаяся высота – 18 см, диаметр дна – 9 см, максимальный диаметр – 14,5 см, толщина стенки – 0,5 см, донца – 1,4 см.

Чуть восточнее сосуда был обнаружен тлен темно-серого цвета, оставшийся, видимо, от какого-то деревянного предмета (рис. 6, 8). Весь тлен был покрыт мелкими бронзовыми заклепками, лежавшими в один слой (рис. 6, 2). Никакой системности в их расположении не наблюдалось. Количество – 108 шт. Заклепки имели форму гвоздиков. Кончики с одной или с обеих сторон раскованы. Длина изделий около до 0,8 см, диаметр в средней части – 0,2–0,3 см. В кулаке левой руки был зажат фрагмент гальки серого цвета подтрапциевидной формы без видимых следов обработки (рис. 6, 4). Размеры его – 1,5x4,5x2,4 см. В районе коленного сустава было обнаружено скопление втульчатых наконечников стрел: железных (рис. 6, 5) и бронзовых (рис. 6, 6). Большая часть наконечников провалилась в проходившую здесь кротовину. Железные наконечники: 9 экземпляров – трехгранные (длина – 3,2–4,3 см, длина пера – 2,1–2,5 см, диаметр втулки – до 0,7 см, перо оформлено в виде равнобедренного треугольника со стороной до 0,9 см); 2 экземпляра – двухлопастные, фрагментированные (длина сохранившихся частей наконечников – 2,3–3,1 см, длина и ширина пера не устанавливается, диаметр втулки – до 0,7 см). Бронзовые наконечники: один – двухлопастной с шипом: длина наконечника – 4,3 см, длина пера – 2,6 см, диаметр втулки – 0,7 см, ширина тела пера – 0,5 см, размах лопастей – до 0,9 см, шип расположен в 0,7 см от основания втулки, общая его длина – 1,2 см, шип четырехгранный в сечении, толщина его в средней части – 0,2 см; второй – трехлопастной: длина наконечника – 4 см, длина пера – 2,5 см, диаметр втулки – 0,6 см, диаметр тела пера – 0,4 см, ширина лопастей – до 0,4 см. Среди наконечников стрел был обнаружен обломок железного предмета – предположительно – ножа (рис. 6, 7): фрагмент имел подтреугольную форму и прямоугольное сечение. Размеры фрагмента: длина – 1,5 см, ширина – до 1,3 см, толщина – 0,3 см. В юго-западном углу ямы вплотную с Ю к находкам сосуду и деревянному предмету (№№ 3 и 8) лежали кости конечностей и ребер МРС (рис. 6, 9). Ребра лежали с северной стороны, кости конечностей – с южной.

Датировку захоронения определяет набор из 13 наконечников стрел: 2 бронзовых, остальные – железные. Из числа железных наконечников 9 однотипны, это тип 2, отдела II втульчатых железных наконечников по В.Р. Эрлиху (Эрлих, 2007, с.347–348). Они распространяются с V в. до н. э. и доживают до рубежа эр. У двух других железных наконечников частично утрачены перья. Возможно, они относятся к достаточно редкому типу с плоским в сечении пером, отдел I, по В.Р. Эрлиху (Эрлих, 2007, с.346–347). Датировка их, в целом, такая же, как и описанных выше. Бронзовые наконечники стрел имеют хорошие аналогии в

Комплексы раннего железного века из раскопок северокавказской археологической экспедиции ИА РАН в степном Прикубанье в 2017–2020 гг.

погр.9 кург.6 этого же могильника. Авторы публикации склонны датировать набор стрел рубежом VII–VI вв. до н. э. – перв. четв. VI вв. до н. э. (Маслов с соавт., 2019, рис.3:2, 3, 15, с.198). Таким образом, наиболее вероятная дата захоронения VI–V вв до н. э.

Эту дату подтверждают и другие находки. Бронзовый предмет из погребения, скорее всего, является серьгой. Такого же мнения придерживается и автор раскопок (Клещенко, 2017, с.146). Серьги редки среди находок сарматского времени в Предкавказье (Абрамова, 1993, с.90). На три сотни комплексов сарматского времени Тенгинского могильника в Прикубанье найдено всего 3 серьги, причём в двух случаях они были найдены по одной в мужских погребениях (Беглова, Эрлих, 2018, с.166). В подавляющем большинстве случаев это ювелирные, как правило, золотые, предметы, имеющие скифское или греческое происхождение.

Наиболее близкие, судя по описанию формы, серьги были найдены в погр. 1 на "циртадели" Тбилисского 12-го городища (Лимберис, Марченко, 2012, с.69). Поскольку рисунок предмета в книге не приведён, цитируем: "... серьги бронзовые (2 шт.) с подвеской из двух полых полушарий, надетой на проволочный стержень, верхний конец которого загнут крючком, а нижний петелькой. Отверстие верхнего полушария оформлено цилиндрической трубочкой" (Лимберис, Марченко, 2012, с.165). Полностью совпадают и размеры предметов. Сосуд из погребения 5 сохранился частично. Однако, нельзя не отметить, что по профилю стенки, форме и месту расположения ручки он очень близок к сосуду из упоминавшегося погр. 1 Тбилисского 12-го городища (Лимберис, Марченко, 2012, с. 89, рис.9,10). Погребение датируется VI в. до н. э.

Помещение в могилу камня (чаще галечного) – часто встречающаяся черта обряда раннемеотских погребений, хотя, как пережиток, она встречается вплоть до последних веков до н.э. (Анфимов, 1951, с.159; Носкова, Кожухов, 1989, с.123). Бесспорно, это культовая деталь, где камень выступает в роли оберега.

Пятно древесного тлена с бронзовыми скобками, скорее всего, является подносом (блюдом?), аналогичным находке из погр. 28 кург.3 (см. выше).

Курган № 6 находился в юго-западной части цепочки курганов могильника. Высота его – 1,3 м, диаметр – порядка 50 м.

Погребение 1б обнаружено в западной части 1-й южной траншеи. Погребальная конструкция не прослежена. Изначально в районе 3,5 м Ю, 9 м З на глубине -121 / -128 от Ро, то есть на границе древней насыпи и погребенной почвы, были обнаружены разрозненные кости человека, лежавшие по линии З-В; фрагмент нижней челюсти и фрагмент плечевой кости ребенка 8–10 лет (погребение 1а). Ниже, на глубине -162 / -166 от Ро в этом же месте траншеи были обнаружены остальные кости скелета, по всей видимости, этого же индивида (возрастные характеристики совпадают, у скелета не хватает тех же костей, что были обнаружены выше), лежавшие в анатомическом порядке (погребение 1б). Погребенный лежал в слабо скорченном положении, на правом боку, с завалом на спину, головой на СЗ (рис. 7, I). Голова изначально, вероятно, лежала на затылке лицом вверх. Плечевой отдел скелета не сохранился. Похоже, что грудная клетка лежала в положении на спине, либо на правом боку с сильным завалом на спину. Левая рука была чуть согнута в локте, кости ее кисти лежали между проксимальным эпифизом левой руки и тазом. От правой руки остался только дистальный конец плеча и проксимальный конец предплечья. Точное положение правой руки не восстанавливается. Кости таза могли лежать в положении на правом боку с сильным завалом на спину или «на спине», так как левое крыло таза чуть приподнято относительно правого и сам таз немного перекошен. Кости ног несильно подогнутые в бедре и коленях лежали параллельно друг другу в положении на правом боку. Положение костей стоп не восстанавливается.

Вплотную к правому виску на боку устьем на ЮВ лежал фрагментированный сероглиняный сосуд (рис. 7, I). Сосуд, вероятно, представлял собой небольшой кувшин. Дно плоское, с небольшим поддоном. Тулово биконической формы с максимальным расширением

ем в центральной части. Верхняя часть сосуда не сохранилась. Основание ручки располагается в месте максимального расширения тулова. В сечении ручка овальная. Поверхности сосуда шероховатые, имеют темно-серый цвет. Обжиг хороший. Комковатое тесто с примесью песка. Диаметр дна сосуда – 7 см. Диаметр в месте максимального расширения – 14 см. Толщина стенки – 0,5 см. Ширина ручки – 1,9 см, толщина – 1,1 см.

Плохая сохранность керамического сосуда, вероятно, кувшина, сильно затрудняет его датировку. Однако, по форме нижней части, сильно раздутой в нижней трети сосуда, орнаментом в виде групп пролощенных полосок – "полотенец" и технологическим признакам они близки к предкавказским кувшинам III – I вв. до н. э. (Абрамова, 1993, 41, рис. 8:20, 22,23). В то же время, наличие небольшого кругового поддона более характерно для изделий меотских гончаров (см., например: Беглова, Эрлих, 2018, рис.163:1–3,9, рис.164:1–7 и т.д.). Не будет большой ошибкой отнести данное захоронение к сарматскому времени и датировать последними веками до н. э. или близким временем.

Погребение 5 обнаружено в центральной части 1-й северной траншеи: в районе 3,5 м С от центра кургана, на глубине -31/-46 от Р₀, то есть в насыпи кургана. Погребальная конструкция не прослежена. Скелет женщины 40–50 лет находился в вытянутом на спине положении головой на ЗСЗ (рис. 8, 1). Сохранность костей плохая. Наиболее полно сохранились кости черепа, который был раздавлен и лежал на затылке лицевыми костями вверх с небольшим наклоном на левую сторону. Плохо сохранившиеся кости плечевого отдела однозначно указывают на позу "вытянуто на спине". Левая рука лежала вдоль корпуса. Кисть ее не сохранилась. От правой руки сохранился только проксимальный конец плечевой. Она, вероятно, также лежала вдоль корпуса. Кости ног сохранились частично. Они, по всей видимости, были немного сведены в коленях. Судя по сохранившимся фрагментам пяточных костей, стопы были сведены.

На левой части груди, – ближе к ее середине на уровне локтя, лежало плашмя фрагментированное зеркало (?) (рис. 8, 1), изготовленное из бронзового листа. Имеет в разрезе вогнутую коническую форму. Устанавливаемый диаметр – 6,5 см, высота конуса – 1 см, толщина листа металла – 0,05 см.

Над левой частью брюшного отдела, погребенной на высоте до 10 см, были обнаружены фрагменты красноглиняного сосуда очень хорошего обжига (возможно, сосуд относился к другому погребению, располагавшемуся выше и уничтоженному распашкой) (рис. 8, 2).

У левого виска погребенной находилось фрагментированное бронзовое кольцо височное (вероятно, в 1,5 оборота), из тонкой круглой в сечении проволоки (рис. 8, 3). Диаметр кольца – 1,5 см. Диаметр сечения проволоки – 0,15 см. Второго кольца обнаружить не удалось.

Под нижней челюстью и на шейных позвонках находились гагатовые подвески (рис. 8, 4). Форма – грушевидная, сохранилось две целых и две фрагментированных подвески. Отверстие овальной формы расположено на узком конце подвески. Высота – 1,8 см, диаметр в месте наибольшего расширения – 0,8 см, на узком краю – 0,25 см, диаметр отверстия – 0,2х0,1 см. Две почти одинаковые боченковидные сердоликовые бусины находились у левого бедра и под подбородком (рис. 8, 5): высота их – 0,7 см, диаметр – 0,5 см, диаметр отверстия – 0,1 см. Еще одна бусина из черного стекла, практически идентичная по форме сердоликовой, находилась у правого локтя (рис. 8, 6). На правой части груди обнаружена цилиндрическая золотостеклянная бусина (рис. 8, 7). Высота ее – 0,5 см, диаметр – 0,25 см, диаметр отверстия – 0,1 см. Фаянсовые и 1 перламутровая бусины различных размеров и форм находились по 1–4 шт. по всему погребению: в районе груди (зона ожерелья) зафиксированы 4 фаянсовые бусины - две боченковидные красного цвета высотой 0,4–0,5 см и диаметром 0,4 см (рис. 8, 8,9); одна – цилиндрическая серо-красного цвета высотой 0,3 см и диаметром 0,25 см (рис. 8, 10), одна – шаровидная черного цвета с тонкими белыми волнообразными линиями высотой 0,5 см и диаметром – 0,4 см (рис. 8, 12). Одна перламутровая бочонковидная бусина высотой 0,5 см и диаметром 0,4 см была обнаружена между бедренными костями (рис. 8, 11); наконец, 5 бусин красного цвета были усеченно-шаровидной и бочонковидной были обна-

Комплексы раннего железного века из раскопок северокавказской археологической экспедиции ИА РАН в степном Прикубанье в 2017–2020 гг.

ружены в районе берцовых костей (рис. 8, 13–15). Высота их – 0,4–0,6 см, диаметр – 0,5 см. Внешний диаметр по краям – 0,4 см. Диаметр отверстия – 0,3 см.

К большому сожалению, крайне плохая сохранность бронзового зеркала (?) не позволяет даже предположительно определить его тип. При датировке погребения приходится опираться на набор бус. Очень выразительные каплевидные (усечённо-грушевидные по Е.А. Бегловой) бусы – подвески из гагата известны из прикубанских подкурганских погребений, в том числе из захоронений т.н. «зубовско-воздвиженской группы» (Беглова, 2007, рис.3:6; рис.5:7, 11). Основное время бытования этих бус – III–II вв. до н.э. (Алексеева, 1978, с.19, рис.22:14).

Цилиндрические бусы с внутренней позолотой (тип 4 стеклянных бус с металлической прокладкой по Е.М. Алексеевой) имеют довольно широкий хронологический диапазон: «... были распространены как в эпоху эллинизма, так и в I–II вв н.э.» (Алексеева, 1978, с.30). Остальные бусы также имеют очень большой диапазон бытования. В целом, погребение можно отнести к периоду трёх последних веков I тыс. до н.э.

Погребение 9 было опубликовано ранее (Маслов с соавт., 2019), поэтому здесь представлено только его общее описание, чертёж (не вошедший в публикацию) и изображения находок.

Погребение обнаружено непосредственно в толще центральной бровки и частично в 1-й северной траншее. Уровень обнаружения – -31/-46 от центрального репера. Погребение оказалось сильно разрушенным. На участке 1,4 x 0,9 м, вытянутом по линии СВ–ЮЗ, в беспорядке находились кости человека и фрагменты костного тлена (несколько мелких фрагментов костей мозгового отдела черепа и четыре изолированных зуба (премоляр и три моляра) взрослого человека 25–35 лет), по положению которых можно предположить ЮЗ ориентировку головы погребённого (рис. 9, 1).

В северной части площадки по линии Ю–С (острием на С) с небольшим отклонением к В, плашмя, лежал сильно корродированный железный кинжал-акинак с бабочковидным. Еще пять таких же наконечников стрел были обнаружены в разных местах погребения к ВСВ от основного скопления (рис. 9, 3). Стрелы трех видов: двухлопастные, трехлопастные и трехгранная. Скопления и одиночные бусы и бисер из светло-зеленого фаянса были обнаружены к югу от костей погребения, у скопления стрел и акинака, северо-восточнее основного скопления стрел и, условно, в районе ног погребённого (рис. 9, 4; 10). Всего было обнаружено 7 полусферических рифленых бус (рис. 10, А) и не менее 270–280 мелких кольцевидных бисерин (рис. 10, Б). В южной части погребения был обнаружен фрагмент стенки, предположительно, кружального керамического сосуда (рис. 9, 5). Внешняя поверхность и излом имеют темно-серый, внутренняя – светло-коричневый цвет. Обжиг хороший: черепок плотный. Комковатое тесто со среднего количества примесями светлой дресвы мелкой фракции и песка. Толщина стенки – 0,7 см.

Погребение 11 обнаружено в 1-й северной траншее. Уровень обнаружения – -14/-24 от центрального репера. Комплекс был обнаружен непосредственно под дерновым слоем и сильно разрушен распашкой. По всей видимости, *in situ* сохранился только фрагмент лобной части черепа взрослого человека, повернутый правой глазницей вверх.

К западу от черепа, вплотную к нему, находились фрагменты сероглиняного кружального сосуда (рис. 10, 1) с биконическим туловом, другие детали формы не устанавливаются. Поверхности заглажены, имеют светло-серый цвет, черепок в изломе темно-серый. Обжиг хороший, тесто комковатое, с примесью песка. Толщина стенок – до 1,2 см. Рядом с фрагментами черепа и сосуда, а также к востоку от них на расстоянии до 0,5 м были обнаружены несколько фрагментов костей животного (рис. 10, 2) (согласно определению Е.В. Добровольской – ребра свиньи).

Очень плохая сохранность как погребения в целом, так и керамического сосуда, в частности, существенно затрудняют определение его культурных и хронологических позиций. Технологические особенности сосуда позволяют отнести его к эпохе раннего железа.

Некоторое уточнение может внести форма сосуда. Крупные керамические сосуды с выраженным биконическим туловом характерны для первой хронологической группы (VI–V вв. до н.э.) 1-го Усть-Лабинского могильника. В более позднее время перегиб на корпусе значительно сглаживается (Анфимов, 1951, рис.2:2, 9; рис.3:1).

Наблюдение Н.В. Анфимова подтверждено на гораздо большем материале Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко. Резкий перегиб на корпусе встречается на различных типах выделенных ими корчаг и корчагообразных сосудов (Лимберис, Марченко, 2012, рис.11:1–4,8,13; рис.12:8,14). Общий хронологический ареал бытования корчаг определяется исследователями VI–V вв. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2012, с.23). Этим же периодом следует датировать погребение 11.

Погребение 12 обнаружено в 1-й северной траншее: точка привязки черепа – 1,5 м В и 2,5 м С от центрального репера. Уровень обнаружения – -117/-121 от центрального репера, то есть на уровне погребенной почвы. Погребальную конструкцию проследить не удалось. Погребенный – мужчина старше 55 лет – лежал в вытянутом на спине положении головой на З с небольшим отклонением к Ю (рис. 12, 1). Череп лежал на затылке лицом вверх, чуть склонен влево. Обе руки лежали вдоль тела. Правая сохранилась очень фрагментарно. Грудь и таз находились в положении "вытянуто на спине". Ноги лежали параллельно, стопы были сближены. Вдоль правой стороны скелета зафиксирована широкая полоса органического коричневатого-красного тлена (рис. 12, 5). У правой руки – фрагмент деревянного тлена (рис. 12, 6).

На проксимальном эпифизе правой бедренной кости внутри какого-то деревянного предмета лежала бронзовая «латенская» фибула (рис. 12, 1). Фибула одночленная лучковая, коленчатая спинка на одном краю через витки пружины переходит в прямую иглу. На другом краю – переходит в ложбинчатый приемник. Приемник после изгиба переходит в пластинчатую ножку, плавно расширяющуюся по направлению к спинке, принимая подтреугольную форму. У спинки ножка резко переходит в проволочные завитки в виде четырех расположенных в ряд восьмерок. Восьмерки вытянуты поперек основному направлению корпуса фибулы. Конец проволоки от последней "восьмерки" заканчивается завитком вокруг стержня спинки. Ножка украшена резным орнаментом в виде поперечных черточек и "елочки". Длина фибулы – 5,7 см. Максимальная ширина фибулы – 2,5 см, ширина пружины – 2 см, ширина "восьмерок" – 1,2 см, диаметр сечения проволоки – 0,2 см.

У правого плеча, напротив черепа, устьем вверх стоял сильно фрагментированный сероглиняный сосуд хорошего обжига (рис. 12, 2). Плоское дно на кольцевом поддоне. Тулово, предположительно, имело грушевидную форму с максимальным расширением в верхней части. Горло и венчик не сохранились. Сохранился след от отломанной в древности ручки. Ручка вертикального крепления. Поверхности шероховатые. На внутренней поверхности имеется легкая горизонтальная волнообразная рельефность. Поверхности и излом имеют светло-серый цвет. В изломе местами светло-серый цвет прерывается темно-серой прослойкой. Хорошо отмученное тесто с редкими примесями темной и светлой дресвы крупной фракции, обильными примесями светлой дресвы мелкой фракции и песка. Предположительный внешний диаметр кольцевого поддона – 13 см, толщина поддона – 1,2 см, толщина дна – 1,2 см, толщина стенок сосуда – 1,2–1,6 см.

У окончания кисти левой руки, вплотную к внешней поверхности левой бедренной кости, лежал набор сильно корродированных наконечников железных стрел, обращенных остриями к стопам (рис. 12, 3). Всего – не менее 17 шт. Наконечники однотипные: втульчатые, трехлопастные. Втулка выделена, имеет коническую форму, сужающуюся по направлению к острию. Длина наконечника – 5,5 см. Длина острия – 3,5 см, длина втулки – 2 см. Внешний диаметр основания втулки – 0,8 см. Диаметр отверстия втулки – 0,6 см. Вдоль берцовых костей правой ноги находились кости МРС (рис. 12, 4).

Бесспорно, наиболее яркой находкой для всей группы погребений сарматского времени является проволочная бронзовая фибула среднелатенской схемы с восьмеркообразным орнаментом на спинке. По классификации В.В. Кропотова это форма 2, серии III. Исследователь считает, что: "Для Прикубанья характерны застёжки с треугольным расширением конца

Комплексы раннего железного века из раскопок северокавказской археологической экспедиции ИА РАН в степном Прикубанье в 2017–2020 гг.

ножек с "восьмёрками" перед завязкой" и датирует этот тип фибул последней четвертью II – первой половиной I в. до н.э. с возможным заходом в более позднее время, особенно для экземпляров, выполненных из золота (Кропотов, 2010, с.55–56).

Плохая сохранность кувшина из данного погребения не позволяет точно связать его с каким-то из типов подобной посуды. Кружальные сероглиняные кувшины достаточно обычны как для сарматских (Марченко, 1984, с.53, рис.5:12,13; с.64, рис.7:1), так и для меотских (Беглова, Эрлих, 2018, рис.163, 164) погребений Прикубанья.

Сильная корродированность железных наконечников стрел затрудняет их определение. Стрел не менее 15–18, все они втульчатые, трёхлопастые, довольно крупные (4–5 см длиной), втулка составляет от 1/3 до 1/2 от общей длины, лопасти срезаны к втулке под прямым углом. Это отдел III по классификации В.Р. Эрлиха, подобные наконечники широко представлены в колчаных наборах Прикубанья с VI в. до н.э. вплоть до рубежа эр (Эрлих, 2007, с.348–350).

Погребение 13 обнаружено в 1-й северной траншее, в центральной части кургана. Сильно разрушено. Изначально на уровне -52 / -60 от центрального репера была обнаружена отдельно лежавшая нижняя челюсть мужчины в возрасте старше 45 лет (погребение 13а). Ниже, на уровне -74 / -93 от центрального репера лежали правая локтевая, фрагменты подвздошной, большой и малой берцовой, правой бедренной костей взрослого, вероятно, того же человека (погребение 13б) (рис. 13, I).

Между костями скелета находилось большое скопление фаянсовых бус и бисера, морфологически и по материалу совпадающих с украшениями из погребения № 9 этого же кургана. Бусы (8 целых и одна фрагментированная) (рис. 13, Ia) имели полусферическую форму с вертикальным рифлением. Отверстие цилиндрическое. Диаметр основания – 1,2–1,3 см, высота бусин – 0,4 см, диаметр отверстия – 0,2 см. Поверхности бус имеют светло-зеленый, местами – желтовато-розовый цвет. Бисер – кольцевидной формы (рис. 12, Ib): сохранилось 1079 целых бус и большое число мелких обломков. Из них 17 бисерин – двухчастные, одна – трехчастная. Бусы имеют светло-зеленый, местами – желтовато-розовый цвет. Внешний диаметр бус – 0,4–0,5 см, высота – 0,15–0,6 см, диаметр отверстия – 0,1–0,2 см.

Тотальная разрушенность могилы не даёт возможности судить об обряде захоронения. Сохранившийся инвентарь (бусы двух типов) полностью идентичен бусам из погр.9 этого же кургана, что даёт возможность датировать погребение 13 также рубежом VII-VI – первой четвертью VI в. до н.э.

В 2020 году Динским отрядом Северо-Кавказской археологической экспедиции ИА РАН были проведены раскопки кургана № 1 курганной группы "Новотитаровская 34" в Динском районе Краснодарского края (рис. 1, 2) (Клещенко, 2020). Памятник расположен в 0,5 км к северу от северной окраины ст. Новотитаровская, на водораздельной возвышенности междуречья рек Кочеты и Понура. По учетным данным группа состояла из двух курганов, однако в процессе исследований межкурганного пространства к востоку от кургана № 1 был выявлен еще один курган (№ 1а), совершено снивелированный многолетней распашкой. Всего в двух курганах (№ № 1 и 1а) было обнаружено 25 погребений и два десятка комплексов (в основном – отдельные находки костей животных, керамики и ее скоплений). Оба кургана были сооружены в эпоху средней бронзы. Из обнаруженных захоронений 14 относились к эпохе бронзы, 2 погребения – средневековые, 6 погребений не поддаются культурной атрибуции. К раннему железному веку относятся три погребения (№ № 5, 9, 14), открытые в кургане № 1.

Погребение 5 обнаружено в 12 м к 3 от центра кургана, на глубине -326 от центрального репера. Погребальное сооружение не прослежено. Погребение, к сожалению, было ча-

стично срезано ножом бульдозера. От скелета погребенной (женщина, старше 50 лет)¹⁶ сохранились *in situ* только фрагменты черепа, костный плен от костей грудной клетки и правая рука, судя по которым она находилась в положении на спине головой на Ю (рис. 14, 1).

В погребении были обнаружены многочисленные находки.

У правого предплечья устьем на СВ полулежал небольшой целый кружальный серо-глиняный керамический сосуд-кубышка (рис. 14, 1). Сохранность хорошая, есть несколько старых сколов по краю венчика и на закраине дна. Донце оформлено в виде поддона. Тулово широкое, сильно стянуто кверху. Переход к венчику плавный. Венчик очень короткий, прямой, со скругленным краем. Внешняя и внутренняя поверхность светло-серого цвета. Обжиг хороший. Черепок в изломе серый, с небольшой примесью песка и мелкой белой дресвы. Размеры: высота — 7,1 см, диаметр дна — 4,4 см, диаметр тулова — 7,6 см, диаметр венчика — 3,4 см, толщина стенки — 0,8 см.

В районе шеи была расчищена низка различных фаянсовых и стеклянных бус: в центральной части набора находилась бусина-печать в виде скарабея (рис. 14, 2) (тип 3.3.1 по Е.М. Алексеевой) (Алексеева, 1975, с.41-42). Сохранность хорошая. Светло-голубого цвета. Сквозное отверстие расположено параллельно оси скарабея. Линии, образующие изображение скарабея, не очень глубокие, но вполне различимые. На обратной стороне процарапана строчная греческая буква «ϕ» с надстрочным диакритическим знаком глухого придыхания (как в начале слова) и незамкнутая рамка-линия (в форме латинской буквы «С»), повторяющая границы площадки. Размеры: длина 1,45 см, высота 1,2 см, толщина макс. 0,85 см, диаметр отверстия 0,2 см.

В этот же набор входили: целая бусина подцилиндрической формы из глухого темно-синего стекла, на бусину нанесён углубленный орнамент в виде двух больших крестов из широких линий, между ними — маленький круг, с одной стороны, и прочерченная линия - с другой, размеры: высота — 1 см, диаметр — 1,2 см, диаметр отверстия 0,5 см; целые темно-красные бусы из глухого стекла (11 шт.) (рис. 14, 5б), сохранность хорошая, но есть потёртости, форма — уплощенношаровидная, размеры: высота 0,4–0,8 см, диаметр 0,6–0,75 см, диаметр отверстия 0,15–0,25 см; бисерина целая цилиндрической удлиненной формы из глухого стекла темно-синего цвета (рис. 14, 5в), сохранность хорошая, на поверхности читается орнамент из 5 заглубленных кружков, размеры: высота — 0,6 см, диаметр — 0,5 см, диаметр отверстия — 0,2 см; бисерина целая, шаровидной формы, из глухого стекла светло-зеленого или голубого цвета (рис. 14, 5г), сохранность хорошая, размеры: высота — 0,45 см, диаметр — 0,5 см, диаметр отверстия — 0,2 см; фрагмент бусины из глухого стекла угловатой формы, цвет — белый в темно-серую полоску, размеры — 0,7х0,5х0,4 см.

В районе правого плеча *in situ* была обнаружена фаянсовая подвеска в виде сдвоенных цилиндров (рис. 14, 3) (тип 3.6.4 по Е.М. Алексеевой) (Алексеева, 1975, с.47). Имеет крепление в форме петли с тремя выделенными полосками. Размеры: общая высота 2,0 см, высота "ободков" цилиндров 0,2 см, общая ширина 1,1 см, толщина цилиндров 0,6 см, высота петли-крепления 0,4 см, диаметр отверстия 0,2 см. Еще одна такая же подвеска (рис. 14, 3а) была обнаружена при переборке отвала. При тех же обстоятельствах была найдена подвеска-амулет в виде "кукиша" (рис. 14, 3б): подвеска в виде кисти правой руки, сложенной в апотропическом знаке «кукиш» (тип 3.7.5 по Е.М. Алексеевой) (Алексеева, 1975, с.47). Под ладонью расположены три горизонтальные полоски. Отверстие под шнур находится на уровне нижних двух полосок. В нижней части подвеска круглая в сечении. При подвешивании часть с пальцами перевешивает и оказывается внизу. Общие размеры: высота 1,9 см, высотка кисти до полосок 1,0 см, ширина 0,75 см, диаметр нижний 0,65 см, диаметр отверстия 0,2 см. Кроме того, в отвале была найдена крупная рифленая сферическая бусина из такого же материала (рис. 14, 3в) (тип 2.1.1 по Е.М. Алексеевой) (Алексеева, 1975, с.33-34). Дольки одина-

¹⁶ Антропологические определения для погребений из могильника «Новотитаровская XXXIV» выполнены к.и.н. Е.А. Клещенко (ИА РАН).

Комплексы раннего железного века из раскопок северокавказской археологической экспедиции ИА РАН в степном Прикубанье в 2017–2020 гг.

ковые, глубокие, с несколько скругленным верхом, параллельные оси сквозного отверстия. Общие размеры: высота 0,9 см, диаметр 1,0 см, диаметр отверстия 0,25 см.

На дистальной части правого предплечья находился целый овальный браслет из бронзового округлого в сечении прута с заходящими концами (рис. 14, 4): прут свернут в окружность, концы сильно заходят друг на друга. На концах – конусовидные завершения. Диаметр браслета – 5,2–5,9 см, диаметр прута – 0,25–0,4 см, длина завершений 0,5 см, ширина 0,6 см, толщина 0,45 см.

Вплотную с востока к правой плечевой кости (около сосуда) были обнаружены фаянсовые бусины и бисер (рис. 14, б): бусы (3 шт.) округло-биконической формы светло-зелёного или голубого цвета (как бусина № 5г), высота – 0,4 см, диаметр – 0,5 см, диаметр отверстия – 0,15–0,25 см (рис. 14, ба); бисер (6 целых и 3 фрагмента) колесиковидной формы светло-голубого, светло-зеленого, светло-желтого и молочного цвета, высота – 0,1–0,2 см, диаметр – 0,25–0,3 см, толщина – 0,05–0,1 см (рис. 14, бб).

При снятии правого предплечья была обнаружена россыпь мелкого стеклянного бисера (27 штук целых и фрагментов) цилиндрической и дисковидной формы тёмно-зелёного или чёрного цвета, высота – 0,2–0,5 см, диаметр – 0,25–0,4 см, (рис. 14, 7).

К ЮВ от сосуда и частично под ним находились два фрагмента кружального сосуда коричневого цвета (рис. 14, 8). Рядом с сосудом вместе с фрагментами керамики находились остатки красящего вещества (румяна) (рис. 14, 9). В районе шеи и у правого плеча находились куски белого минерального вещества (белила) (рис. 14, 10).

Браслет с конусовидными утолщениями на концах из погр. 5 относится к типу, иногда встречающемуся в сарматское время на Северном Кавказе. Так, в Усть-Лабинском могильнике они были обнаружены в погр. 18, 33, 55, 77 четвёртой хронологической группы, I в. до н.э. – II в. н.э., по Н.В. Анфимову (Анфимов, 1951, с. 200, рис. 17, 16). Есть такая находка и в Подкумском могильнике на Пятигорье, погр. 3 с датой I – нач. II вв. н.э. (Абрамова, 1987, с.107–108, рис.62, 1). Основной же территорией их распространения, вероятно, является Крым, где они обычны в погребениях I–III вв. н.э. (Гущина, 1974, с.42, Гущина, 1982, с. 24, рис.7, 54; 10, 50).

Впечатляет своим количеством и разнообразием подборка стеклянных бус и подвесок из "египетского фаянса", выше 30-ти предметов, не считая бисера. Не вдаваясь в подробный разбор каждой формы, отметим только, что наиболее выразительные предметы (скарабей, сдвоенная подвеска, подвеска - «кукиш») наиболее характерны для I–II вв. н.э. (Алексеева, 1975, с.47). Такая же ситуация уже отмечалась для Центрального Предкавказья на материалах Подкумского могильника (Абрамова, 1987. с.166) и Чечни (Бурков, 2014, с.51).

Сероглиняный керамический сосуд-кубышка является распространённой для Закубанья формой в VI–III вв. до н.э. (Беглова, 1995, с.141–142, рис.67, 1, 68, 1). Вместе с тем известны, хотя и редко, такие находки вплоть до I в. н.э. (Беглова, Эрлих, 2018. с.144, рис.171, 2).

Вероятно, не будет большой ошибкой датировать погр. 5 в рамках I в. н. э., когда наблюдается наиболее интенсивный поток фаянсовых изделий в Северное Причерноморье (Алексеева, 1975, с.28).

Погребение 9 обнаружено при разборке центральной части центральной бровки, на глубине -130 от Ро. Погребальное сооружение не прослежено. Скелет человека (предположительно, мужчина, 35–45 лет) был сильно разрушен современными ямами. От него остались кости ног (частично), левой руки, плечевого отдела и черепа. Судя по ним, погребенный находился в вытянутом положении на спине головой на ВСВ (рис. 14, 1). Ноги и правая рука вытянуты вдоль несохранившегося корпуса.

В ногах погребенного – слева от левой стопы – находился целый лепной керамический сосуд (рис. 15, 1). Сохранность хорошая. Дно уплощенное, неровное; на переходе в тулово намечена небольшая закраина. Тулово сосуда расширяется кверху, его максимальный диаметр приходится на верхнюю треть. Изделие асимметричное, в разных частях тулова

максимальный диаметр может находиться выше или ниже. Плечики плавно переходят в короткий, слабо отогнутый венчик. Край его скруглен. Внешняя поверхность коричнево-серого цвета, внутренняя – темно-серого и черного цвета, со следами нагара. Обжиг плохой. Черепок в изломе темно-серый, плотный, тесто с примесью песка, мелкой и средней дресвы. Размеры: высота – 17,3 см, диаметр дна – 7,5 см, диаметр тулова – 15,0 см, диаметр венчика – 14–15 см, толщина стенки – 0,8 см.

У левой бедренной кости находился набор железных наконечников стрел. Еще одна стела находилась в районе грудины погребенного (рис. 15, 2). Всего – 18 штук. Наконечники втульчатые трехлопастные. На нескольких фрагментах остались следы дерева. Общая сохранившаяся длина наконечников от 2,4 до 3,8 см, сохранившаяся длина втулки 1,3 см, макс. сохранившийся диаметр втулки 0,8 см, длина лопастей от 1,3 до 2,2 см, макс. ширина лопастей 0,3 см, толщина 0,2 см.

Рядом с сосудом (№ 1) напротив берцовых костей левой ноги были обнаружены фрагмент железного ножа (рис. 15, 3) и кости животного МРС (рис. 15, 5). От ножа сохранилась часть лезвия и черешок. Лезвие в сечении треугольное, спинка изогнута, лезвие прямое, размеры сохранившейся части – 4,9х1,45 см; толщина спинки 0,1–0,4 см, толщина лезвия 0,1 см. У левого предплечья был обнаружен фрагмент железной фибулы (рис. 14, 4) – спинка и часть приёмника. Приёмник пластинчатый, очень узкий, края немного загнуты внутрь (кверху). Спинка выгнутая по дуге (но не сильно, не полуциркулярная), в сечении подокруглая (кажется, свернута из полосы). На спинке, видимо, располагался орнамент из железной проволоки; большая часть его не сохранилась, видны только два кольца, от одного из которых проволока идет дальше и делает два оборота вокруг спинки. Общие размеры – 5,4х2,3 см; сохранившаяся длина приемника – 2,2 см, максимальная ширина приемника – 0,6 см, сохранившаяся длина спинки – 4,0 см, примерный диаметр спинки – 0,4 см.

Крупная железная фибула, к сожалению, имеет очень плохую сохранность. Остатки восьмёркообразного орнамента на спинке делают наиболее вероятным её отнесение к застёжкам среднелатенской схемы, III серия, форма 3 по классификации В.В. Кропотова (Кропотов, 2010, с.55–56, рис.23,5). Исследователь датирует эти фибулы в рамках второй половины II – первой половины I вв. до н.э. Следует отметить, что все приведённые В.В. Кропотовым фибулы выполнены из бронзы или золота, наша же – железная.

О трёхперых втульчатых железных наконечниках стрел уже говорилось выше. Большое время их бытования полностью покрывает период использования фибулы. Интересен сосуд. Грубые лепные горшки с узким дном, раздутой верхней частью тулова и невысоким, отогнутым наружу венчиком обычны для третьей хронологической группы (III – нач. I в. до н.э.) Усть-Лабинского могильника (Анфимов, 1951, с.171, рис.5, 2,3). В целом же, это весьма архаичная группа керамики, появляющаяся во второй половине VII в. до н.э., максимальный период их распространения приходится на IV в. до н.э. (Беглова, 1995, с.43–49). В материалах Тенгинского могильника подобный тип посуды доживает до начала I в. до н.э. (Беглова, 2010, с.47). Вероятнее всего, погребение может быть датировано периодом функционирования фибулы.

Погребение 14 обнаружено при разборке центральной части 1-й западной бровки, на глубине -226 от Ро. Погребальное сооружение не прослежено. Разрозненные кости ребенка 3–4 лет находились в перемещенном состоянии (рис. 16, 1). Положение его не восстанавливается.

В южной части комплекса находился целый керамический кружальный сосуд, стоявший устьем вверх (рис. 16, 1). Сохранность хорошая, есть несколько окатанных (старых) сколов по краю венчика. Дно плоское, без закраины. Тулово широкое, уплощенное, с намеченным ребром в центральной части, немного асимметричное. Переход к венчику плавный. Венчик слабо отогнут, со скругленным краем. Внешняя и внутренняя поверхность серого цвета, с темными пятнами. Обжиг хороший. Черепок в изломе желтовато-серый, в тесте примесь мелкого песка. На верхней части плечиков расположено два горизонтальных ряда нерегулярных наклонных коротких насечек, разделенных слабо прочерченной линией (ши-

Комплексы раннего железного века из раскопок северокавказской археологической экспедиции ИА РАН в степном Прикубанье в 2017–2020 гг.

риной 0,3 см). Размеры: высота — 9,4 см, диаметр дна — 5 см, диаметр тулова — 11,1 см, диаметр венчика — 6,9 см, толщина стенки — 0,5 см.

В северной части погребения находился фрагментированный лепной керамический сосуд (рис. 16, 2). Тулово округлое, плавно переходит в венчик. Венчик короткий, слабо отогнут наружу, край его скруглен. Внешняя поверхность темно-коричневого цвета, с темно-серыми пятнами. Внутренняя — светло-коричневая. На внутренней поверхности заметны слабые следы разнонаправленного заглаживания. Обжиг плохой. Черепок в изломе темно-серый, в тесте примесь большого количества дресвы и отдельными включениями шамота. Сосуд не орнаментирован. Размеры (предположительно): диаметр тулова — 10 см, диаметр венчика — 8,0 см, толщина стенки — 0,9–1,4 см. К северо-востоку от первого сосуда (№ 1) располагались несколько костей МРС (рис. 16, 3).

Первый керамический сосуд (рис.16,1) относится к форме, достаточно хорошо известной в могильниках Закубанья. Подобные небольшие сосуды отмечены Н. В. Анфимовым в материалах 4-ой хронологической группы (пер. пол. I в. до н. э. – II в. н. э.) Усть-Лабинского могильника (Анфимов, 1951, с. 194, рис. 17, 1). Характерны они и для наиболее позднего (I–II вв. н. э.) периода существования Тенгинского могильника (Беглова, Эрлих, 2018. с.176, рис. 152, 22).

Сложнее ситуация со вторым сосудом (рис.16, 2). Его плохая сохранность, достаточно гипотетическая реконструкция и фрагментарность комплекса в целом не позволяют сказать что-то определённое. Круглодонность не свойственна кубанской керамике эпохи раннего железа, но именно на этот период указывают технологические особенности сосуда. В реконструируемой форме сосуд очень похож на круглодонные кубки западнокубанской культуры, датировка которых по материалам могильника Клинь-Яр-III не позднее VII в. до н.э. (Белинский, Дударев, 2015, с.296, рис.231, 2–5). Однако серьёзных оснований для привлечения столь древних и далёких аналогий у нас нет.

Датировку захоронения 14 следует отставить в рамках I–II вв. н.э., а этюд со вторым сосудом, к сожалению, остаётся неясным ввиду неполноты и разрушенности комплекса.

Сводная таблица погребального обряда:

№ №	Погребение	Форма захоронения	Ориентировка	Поза погребённого	Дата	Примечания
1	Б-XXXV к.2 п.4	-	З/ЗЮЗ	вытянуто на спине	вт. пол. VIII – VII в. до н.э.	-
2	Б-XXXV к.3 п.1	-	З	вытянуто на спине	последние века до н.э.	-
3	Б-XXXV к.3 п.2	-	З	вытянуто на спине	последние века до н.э.	Светлый органический тлен под костяком
4	Б-XXXV к.3 п.28	грунтовая яма	ЮЗ	вытянуто на спине	II – перв. пол. I в. до н.э.	Чёрный тлен на дне
5	Б-XXXV к.4 п.5	грунтовая яма (?)	З	вытянуто на спине	конец III – II вв. до н.э.	Тёмно-коричневый тлен на дне, камень в кисти
6	Б-XXXV к.6 п.16	-	СЗ	сгорченно на правом боку или спине	последние века до н.э.	-
7	Б-XXXV к.6 п.5	-	З	вытянуто на спине	III–I вв. до н.э.	-
8	Б-XXXV к.6 п.9	-	ЮЗ (?)	-	рубеж VII и VI – перв. четв. VI в. до н.э.	-
9	Б-XXXV к.6 п.11	-	З (?)	-	VI–V в. до н.э.	-
10	Б-XXXV к. 6 п.12	-	З	вытянуто на спине	посл. четв. II – перв. пол. I вв. до н.э.	Красновато-коричневый органический тлен на дне
11	Б-XXXV к. 6 п.13	-	-	-	рубеж VII и VI – перв. четв. VI вв. до н.э.	-
12	НТ-XXXIV к.1 п.5	-	Ю	вытянуто на спине	I в. н.э.	-
13	НТ-XXXIV к.1 п.9	-	ВСВ	вытянуто на спине	вт. пол. II – перв. пол. I в. до н.э.	-
14	НТ-XXXIV к.1 п.14	-	-	-	I – II вв. н.э.	-

Б-XXXV – курганная группа «Бейсужек XXXV»

НТ-XXXIV – курганная группа «Новотитаровская XXXIV»

К сожалению, рассматриваемые погребальные комплексы, находившиеся в верхней части курганной насыпи, сильно пострадали от длительной распашки. Это привело к утрате

значительной части информации о погребальном обряде, что, конечно, уменьшает её научную ценность.

С точки зрения хронологии, 14 исследуемых нами погребений распадаются на две группы. Первую составляют захоронения могильника «Бейсужек ХХХV»: к.2, п.4; к.6, п.9; к.6, п.11; к.6, п.13. Следует заметить, что три из них совершены в одном кургане, на небольшом расстоянии друг от друга (Клещенко, 2017, т.3, илл.757). Погребения 11 и 13 имеют также очень близкий состав инвентаря. Не исключено, что все эти погребения или их часть составляют одну родственную группу и совершены в короткий промежуток времени.

О погребальном обряде, к сожалению, практически ничего определённого сказать нельзя. Поза погребённого также не устанавливается, ориентировка есть только для к.2, п.4, она западная. Всё это очень затрудняет интерпретацию данной группы погребений. Можно лишь, вслед за авторами публикации к.6, п.9 (Маслов с соавт., 2019, с.199), очень осторожно посчитать их рядовыми «скифскими» захоронениями периода архаики. Погр. 4 кург.2. могильника "Бейсужек ХХХV" ещё более раннее и относится, по кубанской терминологии, к протометскому периоду, по предкавказской терминологии – к предскифскому. Впрочем, вопрос о присутствии скифов на Кубани до сих пор является предметом достаточно острой дискуссии (Каменецкий, 2011, с.318–320).

Все остальные рассматриваемые захоронения связаны с сарматской эпохой. Форма погребального сооружения зафиксирована в двух случаях («Бейсужек ХХХV» к.3 п.38; к.4 п.5), это длинная узкая грунтовая яма. Во всех твёрдо зафиксированных случаях погребённые лежали вытянуто, на спине. Единственным исключением является захоронение могильника «Бейсужек ХХХV» к.6, п.1б, где погребённый лежал, возможно, скорчено на боку или спине. Преобладающая ориентировка в западном секторе, 7 случаев из 10-ти, в одном («Новотиторовская ХХХIV» к.1, 14) – восточная, в одном («Новотиторовская ХХХIV» к.1, п.5) – южная. В 4-х случаях под костяками зафиксирован органический тлен.

Все отмеченные детали погребального обряда в сочетании с впускным характером всех без исключения рассмотренных погребений, уже давно связываются специалистами с захоронениями представителей сиракского союза племен (Виноградов, 1965, 1. с.115–117). После капитальной работы И.И. Марченко по сарматским погребениям правобережья Нижней Кубани (Марченко, 1996, с.93–112), на современном уровне знаний, это можно делать совершенно определённо.

Близкое соседство и бесспорные контакты с многочисленным меотским населением Прикубанья и Закубанья не могли не отразиться на инвентаре рассмотренных захоронений. В первую очередь, это касается керамики, как сероглиняной, так и красноглиняной. Практически все керамические сосуды из рассмотренных погребений имеют прямые аналогии в меотских могильниках. Любопытным исключением является керамический сосуд из комплекса CVI кург 3 могильника «Бейсужек ХХХV». Он явно происходит с территорий Северо-Восточного Кавказа, что указывает на определённую общность кубанских сарматов и их более восточных сородичей.

Подтверждением другого, западного направления контактов служат фибулы и бронзовый браслет с конусовидными завершениями. Последний имеет многочисленные аналогии в могильниках Крыма первых веков н.э. Через посредство античных городов Северного Причерноморья происходило поступление в сарматские степи многочисленных бус и подвесок восточно-средиземноморского происхождения.

Литература и архивные материалы

Абрамова М.П., 1969. О керамике с зооморфными ручками //СА – № 2. – М: Наука – С.69–84.

Абрамова М.П., 1972. Нижне-Джудатский могильник. – Нальчик: Эльбрус. –76 с.

Абрамова М.П., 1987. Подкумский могильник. – М: Наука. –179 с.

Комплексы раннего железного века из раскопок северокавказской археологической экспедиции ИА РАН в степном Прикубанье в 2017–2020 гг.

- Абрамова М.П., 1993.** Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в.н.э.). (Археология эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья – Вып.2). – М: ИА РАН. – 240 с.
- Алексеева Е.М., 1975.** Античные бусы Северного Причерноморья // САИ – Вып. Г1-12, – М: Наука. – 94 с. + табл.
- Алексеева Е.М., 1978.** Античные бусы Северного Причерноморья. //САИ – Вып. Г1-12 – М: Наука – 104с.
- Анфимов Н.В., 1951.** Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. // МИА – Вып.23 – М-Л: АН СССР. – С.155–207.
- Беглова Е.А., 1995.** Керамика Закубанья VI – IV вв. до н.э. как исторический источник. Дисс. ... канд. ист. наук. – М.
- Беглова Е.А., 2007.** Погребения зубовско-воздвиженской группы из ст. Воздвиженской. // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. – М: ИА РАН. – С.376–400.
- Беглова Е.А., 2010.** Хронология Тенгинского грунтового могильника в Закубанье. // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов – Магас: Археологический центр им. Е.И.Крупнова. – С.45–48.
- Беглова Е.А., Эрлих В.Р., 2018.** Меоты Закубанья в сарматское время. По материалам Тенгинского грунтового могильника. – М-СПб: Нестор-История. – 384 с.
- Белинский А.Б., Дударев С.Л., 2015.** Могильник Клин-Яр-III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала раннего железа. – Ставрополь: Дизайн-студия Б. – 446 с.
- Березин Я.Б., 1979.** Зооморфная керамика как показатель этнических процессов на Северном Кавказе в сарматское время.//Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. – Грозный: ЧИГУ. – С.34–38.
- Бурков С.Б., 2014.** Находки фигурных форм из «египетского фаянса» и стекла эпохи раннего железа на территории Чечни // Археология и этнология Северного Кавказа – Вып.3, – Нальчик: Изд. отдел КБИГИ. – С.45–60.
- Виноградов В.Б., 1963.** Сарматы северо-восточного Кавказа (Труды ЧИНИИ. – Т.VI) – Грозный: ЧИНИИ. – 221 с.
- Виноградов В.Б., 1965.** Сиракский союз племён на Северном Кавказе // СА – № 1 – С.115–117.
- Виноградов В.Б., 1972.** Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. – Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во – 389 с.
- Гущина И.И., 1974.** Население сарматского времени в долине р. Бельбек в Крыму (по материалам могильников).//Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М: ГИМ. – С.32–64.
- Гущина И.И., 1982.** О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы – Ч.2 (Труды ГИМ – Вып.54) – М: ГИМ. – С.20–30.
- Дударев С.Л., 2004.** Белореченский 2-й могильник – памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных Вод // МИА Северного Кавказа – Вып.3 – Армавир: РИЦ АГПУ. – С. 17–100.
- Каменецкий И.С., 2011.** История изучения меотов. – М: ИА РАН: Таус – 384с.
- Керефов Б.М., 1985.** Чегемский курган-кладбище сарматского времени. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. – Т.2 – Нальчик: Эльбрус. – С.135–259.
- Клещенко А.А., 2017.** Отчёт о раскопках курганов № № 2, 3, 4, 5 и 6 курганной группы «Бейсужек 35» в Кореновском районе Краснодарского края в 2017 году // Архив ИА РАН, Р-1, № 56843–56845.

- Клещенко А.А., 2018.** Могильник Бейсужек XXXV (Краснодарский край, Кореновский район) // Города. Селища. Могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований – Вып.25 – М: ИА РАН. – С. 138–143.
- Клещенко А.А., Юнкин Д.А., 2019.** Исследование курганного могильника Бейсужек XXXV в Кореновском районе. // АО 2017 год – М: ИА РАН. – С.211–213.
- Клещенко А.А., 2020.** Отчет о раскопках кургана 1 курганной группы «Новотитаровская 34» в Динском районе Краснодарского края в 2020 г. // Архив ИА РАН Р-1, Б/н.
- Козенкова В.И., 1995.** Оружие, воинское и конское снаряжение племён кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. // САИ – Вып. В2-5 – М: ИА РАН. – 166с.
- Кропотов В.В., 2010.** Фибулы сарматской эпохи – Киев: ИД «АДЕФ-Украина». – 384 с.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2012.** Меотские древности VI–V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). – Краснодар: Традиция. – 316 с.
- Марченко И.И., 1984.** Впускные сарматские погребения Правобережья Кубани (Калининская курганная группа). // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа – Краснодар: КубГУ. – С.37–71.
- Марченко И.И., 1996.** Сираки Кубани – Краснодар: КубГУ. – 336 с.
- Маслов и др., 2019.** Маслов А.В., Окорочков К.С., Клещенко А.А. Раннескифское воинское погребение из могильника Бейсужек XXXV в Прикубанье. // КСИА – Вып. 256 – М: ИА РАН. – С.188–206.
- Носкова Л.М., Кожухов С.П., 1989.** Меотские погребения Ново-Чепшийского могильника (по материалам раскопа 1985–1986 гг.). // Меоты – предки адыгов (Вопросы археологии Адыгеи) – Майкоп: АНИИЭЯЛИ. – С.119–139.
- Скаков А.А., Чшиев В.Т., 2017.** Новый комплекс с орнаментированным кобано-колхидским топором (погребение 45 могильника Эльхотово) // КСИА – Вып.246 – М: Изд. дом ЯСК. – С 280–295.
- Цокур И.В., 2008.** Курганный могильник «Украинский – 1» (Динский район Краснодарского края) // Наследие Кубани – Вып.1 – Краснодар: ОАО Наследие Кубани. – С.156–239.
- Эрлих В.Р., 2007.** Железные наконечники стрел из Прикубанья: проблемы хронологии и технологии. // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. – М: ИА РАН – 344–356.
- Яблонский Л.Т., 2010.** Прохоровка. У истоков сарматской археологии – М: Таус. – 384 с.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА «ГОРОДИЩЕ».
НОВОКУБАНСКИЙ РАЙОН КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ
(Материалы охранно-спасательных археологических исследований 2014 г.)

© Я.Б. Березин¹, А.А. Иванов², Е.И. Нарожный³

¹ Институт и музей антропологии Московского государственного университета,
г. Москва, Российская Федерация;

² НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар, Российская Федерация;

³ Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева»,
г. Карачаевск, Российская Федерация

Аннотация. Авторы вводят в научный оборот результаты охранно-спасательных исследований 2014 г. Работы проводились в Новокубанском районе Краснодарского края в зоне замены опоры № 15 высоковольтной линии электропередач. Предполагалось, что опора частично опирается на цитадель городища меото-сарматского времени. Учитывая ее наличие, на прилегающей площади был размечен раскоп под временную подъездную дорогу. Однако исследования показали полное отсутствие здесь признаков городища и выявили остатки нескольких курганов с захоронениями. Вводимые в научный оборот, они сопоставляются с погребениями кочевого населения разных исторических эпох – от эпохи бронзы до хазарского времени.

Ключевые слова: городище меото-сарматского времени, правобережье Кубани, поселение «Кизиловая балка», раннесредневековые (VIII-IX вв.) захоронения, курганы и погребения эпохи бронзы-раннего железного века, популяции человека, археологические материалы.

BURIAL COMPLEXES OF THE ARCHAEOLOGICAL SITE «GORODISHCHE».
NOVOKUBANSKY DISTRICT OF KRASODAR KRAI.
(Materials of security and rescue archaeological research in 2014)

© Ya.B. Berezin¹, A.A. Ivanov², E.I. Narozhny³.

¹ Institute and Museum of Anthropology of Moscow State University, Moscow,
Russian Federation;

² NAO «Heritage of Kuban», Krasnodar, Russian Federation;

³ Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev, Karachayevsk,
Russian Federation

Abstract. The authors introduce into scientific circulation the results of security and rescue research in 2014. The work was carried out in the Novokubansky district of the Krasnodar Territory in the replacement zone of the support No. 15 of the high-voltage power line. It was assumed that the support partially rests on the citadel of the ancient settlement of the Meoto-Sarmatian time. Given its presence, a excavation site for a temporary access road was marked out on the adjacent square. However, studies have shown a complete absence of signs of a settlement here and have revealed the remains of several burial mounds. introduced into scientific circulation, they are compared with the burials of the nomadic population of different historical epochs – from the Bronze Age to the Khazar time.

Keywords: the ancient settlement of the Meoto-Sarmatian period, the right bank of the Kuban, the settlement «Dogwood beam», early Medieval (VIII-IX centuries) burial mounds and burial mounds of the Bronze Age-early Iron Age, human populations, archaeological materials.

Я.Б. Березин, А.А. Иванов, Е.И. Нарожный
 Погребальные комплексы археологического объекта «Городище». Новокубанский район Краснодарского края
 (Материалы охранно-спасательных археологических исследований 2014 г.)

Рис.1. Краснодарский край с обозначением места раскопок 2014 года.

Рис.2. Карта расположения раскопа 2014 года.

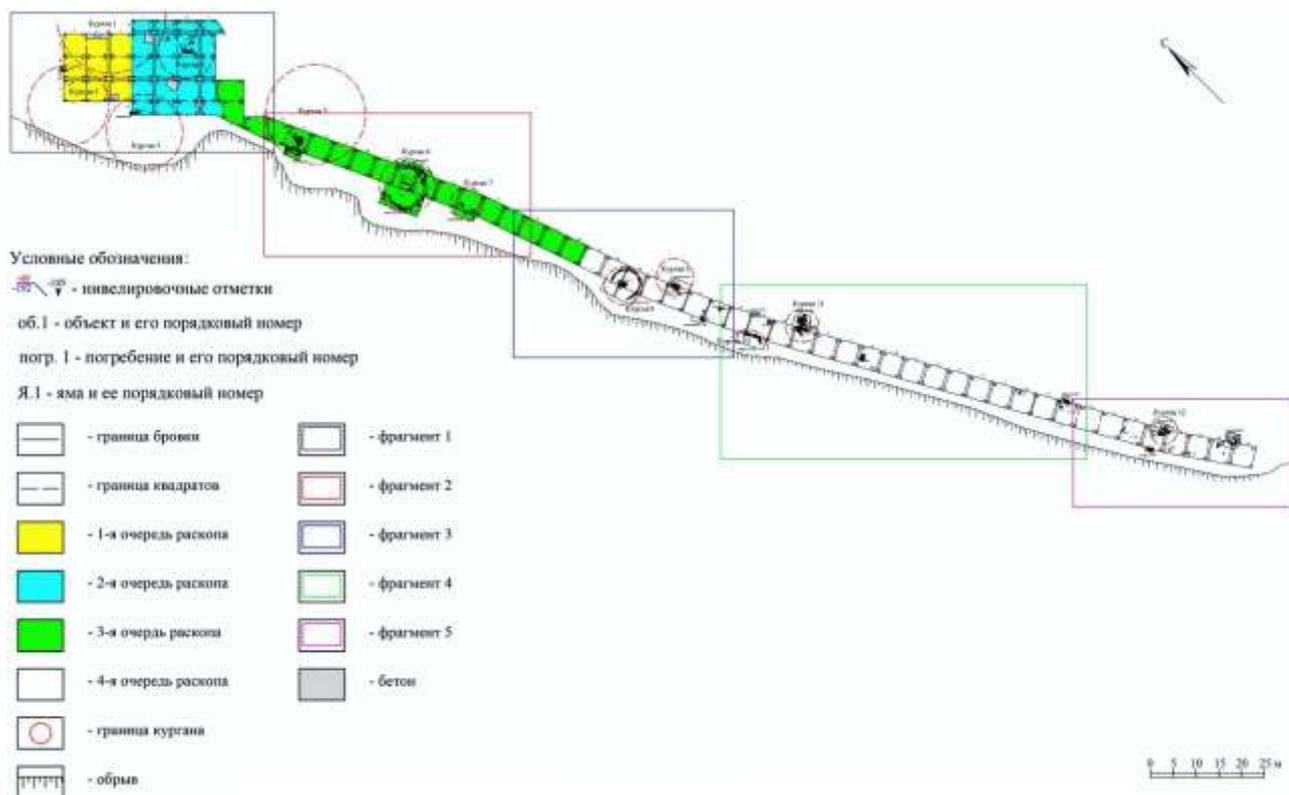

Рис.3. Общий план раскопов 2014 года на территории археологического объекта «Городище».

Рис.4. Фото на опору № 15 высоковольтной линии и рядом находящиеся курганы № 1 и № 4 (т. н. объект «Городище»). Вид до начала работ.

Я.Б. Березин, А.А. Иванов, Е.И. Нарожный
Погребальные комплексы археологического объекта «Городище». Новокубанский район Краснодарского края
(Материалы охранно-спасательных археологических исследований 2014 г.)

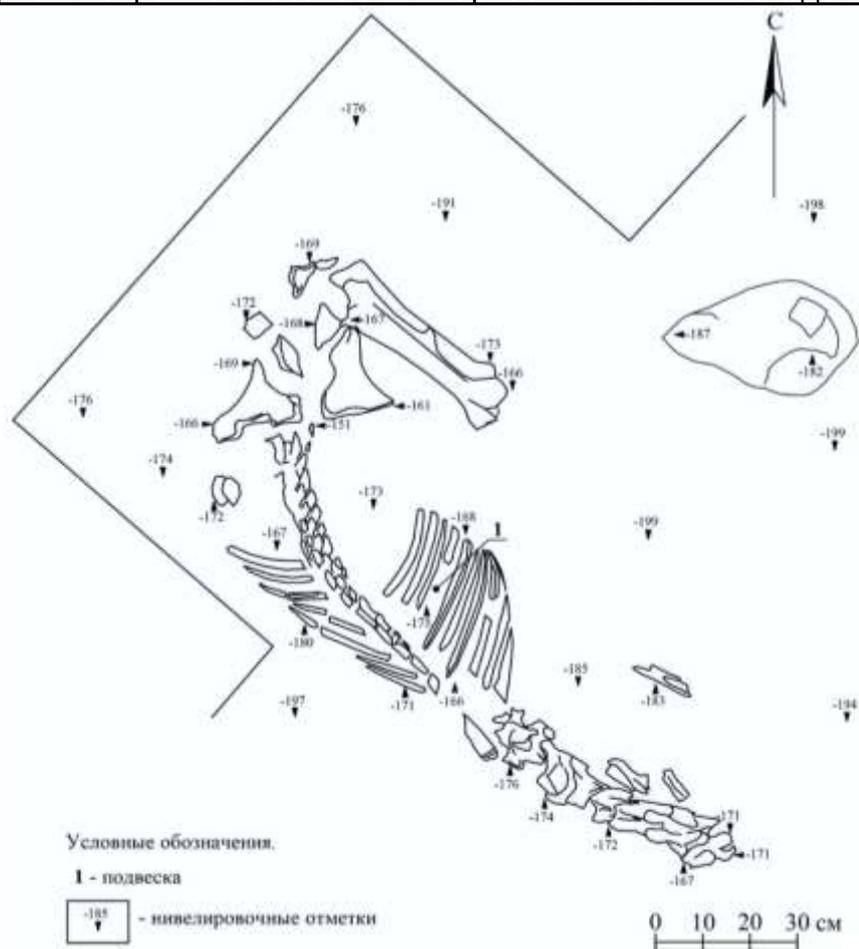

Рис.5. Квадрат В1, «курган № 2». Захоронение лошади. План.

Рис.6. Квадрат В1, «курган № 2». Захоронение лошади. Место расположения решмы на скелете лошади.

Рис.7. Квадрат В1, «курган № 2». Захоронение лошади. Фото и рисунок решмы.

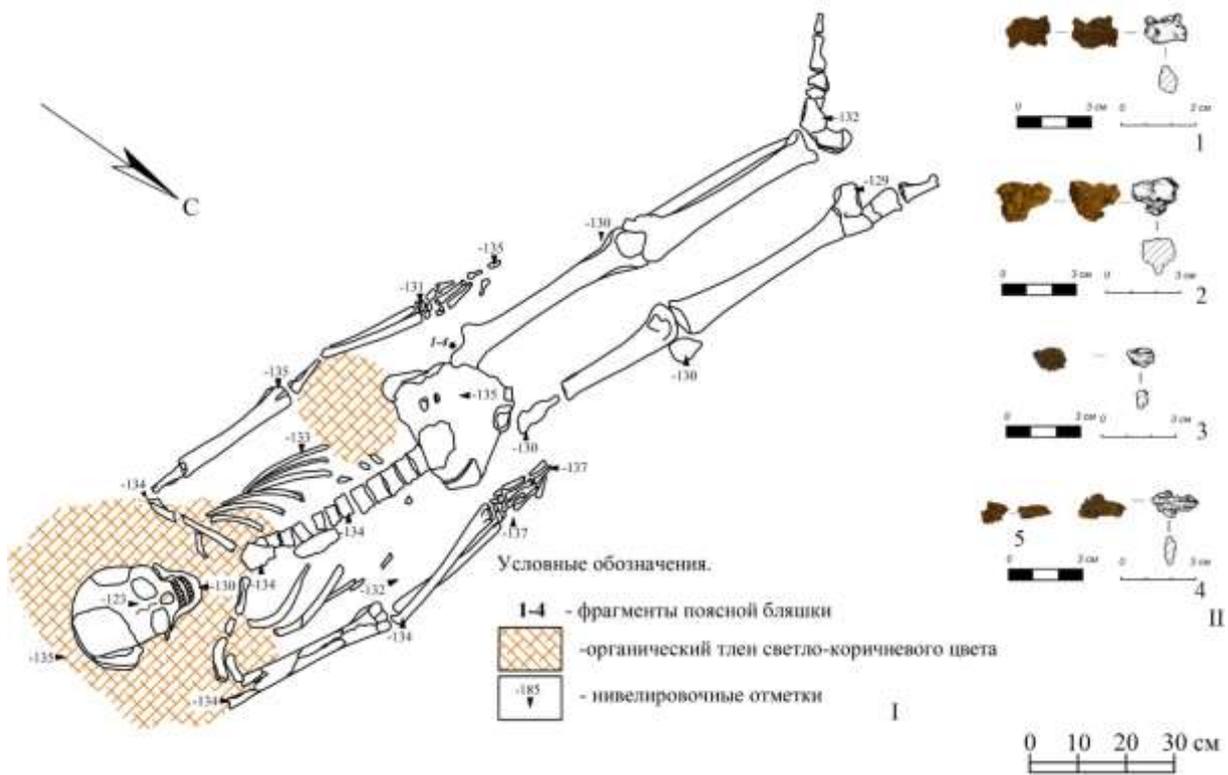

Рис.8. Квадрат Д4, «курган № 3». Погребение № 1. I - план, II - инвентарь.

Археологический объект «Городище» располагается на южной окраине «Кизиловой балки» – глубокой расщелины на высоком правом берегу р. Кубани (рис.1, рис.2). Балка спускается с почти горизонтального, ровного участка плато правобережья Кубани к этой реке (рис.1, рис.2) (Иванов, Нарожный, Соловьев, 2015, с. 163-165 и сл., Иванов., Нарожный, 2022, с. 160–169), отделяя территорию объекта от находящегося в нескольких километрах к ЮВ, давно и хорошо известного «Прочноокопского 3-го городища» и его грунтового могильника (Анфимов, 1988, с.51-56; 1988, с. 51-56; Лопатин, Лопатина, 2006, с 236-237; 2020; Березин С., Березин Я., 2007, с. 43-52), примыкающих к окраине современной станицы Прочноокопской Новокубанского района (рис.1). «Кизиловая балка» (рис.2), заметно углубляясь и расширяясь к месту своего соединения с Кубанью, разрезает коренной берег реки и образует мысовую площадку, на которой и был расположен интересующий нас археологический объект «Городище», представлявший собой крупное курганообразное всхолмление, на котором находилась одна из двух опор мачты № 15 высоковольтной линии

(далее ВЛ) электропередач (рис.4). Потребность в проведении обязательных охранно-спасательных археологических исследований на территории данного археологического объекта была обусловлена результатами предварительных разведочных работ по археологическому обследованию зоны планируемого строительства. Археологические разведки проводились экспедицией ООО «Археологическое общество Кубани» под руководством А.В. Дедюлькина. Памятник был интерпретирован как «городище меото-сарматского времени», с прилегающим к нему с востока и юго-востока поселением (селищем) хазарского времени под названием «Кизиловая балка». Несмотря на неоднократные обследования его территории и округа, ранее проводившиеся на этой части береговой полосы Кубани (Анфимов, 1982, с. 63–64; Гадло, 1976, с. 158; Гадло, Найденко, 1973, с. 117–118), даже примерные границы поселения со стороны Кубани так и не были определены. В результате это и привело к неопределенности археологической ситуации, которая, к сожалению, была полностью воспроизведена и в проектной документации, составленной по результатам упомянутых разведочных работ.

В результате был разработан проект охранно-спасательных мероприятий, предусматривающий проведение раскопок пространства между двумя памятниками – поселением хазарского времени «Кизиловая балка» и объектом, обозначенным как «Городище». Проведение охранно-спасательных археологических исследований предполагало раскопки участка береговой полосы в пределах периферийной территории поселения «Кизилова Балка» (рис.3), по которой должна была быть затем проложена временная подъездная дорога, а также участка, прилегающего к опоре ВЛ № 15, расположенного в пределах территории археологического объекта «Городище» (рис.2, рис.3). Проект определял не только конфигурацию, но и ориентировку всех 4-х запланированных раскопов, размеченных вдоль края обрывистого берега над поймой Кубани (рис.3), в конечном итоге соединившихся в единый раскоп (Охранные, 2014; Иванов, Соловьев, Нарожный, 2015, с. 163–192).

По итогам участия в соответствующем тендере право на проведение охранно-спасательных работ было выиграно ИИМК РАН (Охранные, 2014); на основе субподряда эти работы были переадресованы ОАО (ныне – НАО) «Наследие Кубани» (г. Краснодар)¹⁷.

В данной публикации в научный оборот вводятся раскопочные материалы лишь погребальных памятников, оказавшихся в границах размеченных раскопов под опорой № 15 ВЛ, удерживавших её растяжек, и в пределах запланированной подъездной дороги к опоре (рис.3). Полученные в результате проведенных охранно-спасательных археологических исследований на объекте «Городище» материалы оказались достаточно интересными, и их ввод в научный оборот представляется целесообразным. Половозрастные определения носят предварительный характер, они выполнялись в поле авторами раскопок.

Согласно проекту, исследование этих площадей проводилось в соответствии с методикой раскопок древних поселений. Под опорой ВЛ и частично удерживавшими её растяжками были заложены раскопы № 1 и № 2, внутреннее пространство которых было разбито на квадраты размером 5×5 м каждый (рис.3). Вскрытие квадратов осуществлялось по пластам (на глубину 1-го штыка), с оставлением контрольных стратиграфических переемычек (бровок) между ними, с зачистками и фиксацией как горизонтальных поверхностей, так и стратиграфических профилей.

Отметим особо, что попластовая выборка грунта из всех квадратов указанных раскопов, доведенная до уровня материка, показала *полное отсутствие* на данном участке культурного слоя древнего поселения. На площади в 620 м² (225 м² – раскоп 1 + 395 м² – раскоп 2) (рис.3), впрочем, как и на прилегающих к ним площадях, за исключением

¹⁷ Держатель «Открытого листа» – к.и.н. А.А. Иванов, начальник отряда – д.и.н. Е.И. Нарожный, научные сотрудники – В.П. Мокрушин, И.В. Доценко, В.Н. Кисман.

нескольких, завершающих раскоп квадратах (периферийная территория «Селища» вдоль обрывистого берега над Кубанью, каких-либо следов поселения или городища не имели). В «Раскопе № 1» было обнаружено лишь полтора десятка мелких и не всегда выразительных фрагментов керамики, разбросанных по всему раскопу на уровне 1-6 штыков (4 фр. отмечены на материке). Из них: 2 фр. лепной керамики эпохи ранней бронзы, еще 2 стенки гончарной посуды меото-сарматского времени; 8 фр. от стенок гончарных сосудов серого, серо-лощенного и красного цветов. Из них – 2 фр. тарной керамики, они были отнесены к меото-сарматскому времени. Еще 14 фрагментированных единиц керамики (уровень 1-2 штыков) эпохи раннего средневековья также были отмечены на площади раскопа 1. Из них – 6 стенок, 4 фрагментированных венчика, 1 фр. от амфоры красно-коричневого цвета, 3 фрагмента ручек от таких же двуручных амфор «причерноморского типа» хазарского времени (Иванов, Нарожный, 2022, с. 160–169). Анализ стратиграфии, зафиксированной в профилях контрольных бровок в пределах «Раскопа № 1» и «Раскопа № 2», также подтвердил отсутствие культурных напластований на данных участках.

Стратиграфические наблюдения, отдельные артефакты и характер выявленных здесь комплексов позволяют утверждать, что археологический объект под наименованием «Городище» оказался *не бытовым* археологическим объектом, а был образован остатками сразу нескольких *курганов* различных исторических эпох, имевших разные размеры. Насыпи абсолютного их количества на момент начала работ уже были утрачены.

Курган № 1¹⁸ (рис. 3, кург.1). Предварительно эта часть т.н. «городища» ошибочно была воспринята как «цитадель меото-сарматского городища». Однако, исходя из стратиграфии бортов раскопа № 1, которым была фактически разрезана небольшая часть всхолмления (т.н. «цитадели») с СЗ на ЮВ, она была без каких-либо признаков культурного слоя и находок, без следов обязательного в таких случаях окружающего цитадель рва, можно уверенно предполагать, что это курган, который мы обозначили как «курган № 1» (рис.3). Его полное исследование требовало, во-первых, получения дополнительного, нового «Открытого листа», разрешавшего раскопки уже не бытового памятника (городища), а кургана. Во-вторых, его полное археологическое исследование стало бы возможным только после полного снятия опоры ВЛ № 15, частично находившейся (опиравшейся) на полу этого кургана. Позднее, работы, проводившееся уже в 2016 г. силами ИИМК во главе с «начальником Армавирской археологической экспедиции», научным сотрудником ИИМК РАН А.Ю. Городиловым (Кизилова..., 2016), полностью исследовавшими данный объект после снятия с него опоры, подтвердили, что данный археологический объект – это, действительно, курган.

«*Курган № 2*» (рис.3, кург. № 2; рис.5) Никаких визуально заметных наземных признаков насыпи он не имел. В СЗ борту раскопа № 1 (рис.3), в ходе выборки грунта из него, были выявлены отдельные кости животного, над которыми была сделана прирезка размером 110x70 см, позволившая полностью открыть скелет молодой лошади (рис.3, кур.2, рис.5), большая часть которого находилась в квадрате В1 (рис.3, кург.2) на глубине -0,8 м от уровня современной дневной поверхности (-151 – -198 см от R). Скелет частично разрушен; границы погребальной ямы не фиксировались. Кости скелета животного частично срезаны, вероятно, при сооружении ямы под бетонное основание для растяжки опоры. Остатки лошади, верхний уровень залегания которой был отмечен на отметке -151 от R, уложены на брюхе, черепом (не сохранился), судя по остаткам шейной части (рис.5), к В. Помимо черепа отсутствовали и передние конечности лошади, также уничтоженные при установке основания опоры.

Кости сохранившейся части скелета удовлетворительной сохранности: грудная клетка сохранилась не полностью, отмечена лишь ее часть, находившаяся ближе к задним

¹⁸ Здесь следует особо оговорить тот факт, что в целом ряде случаев на чертежах границы курганов обозначены *условно*, главным образом, с учетом рельефа местности и стратиграфических наблюдений. Тем не менее, реальные границы выделяемых курганов могут быть установлены только после снятия опоры ВЛ и дальнейших археологических исследований.

Я.Б. Березин, А.А. Иванов, Е.И. Нарожный
Погребальные комплексы археологического объекта «Городище». Новокубанский район Краснодарского края

(Материалы охранно-спасательных археологических исследований 2014 г.)

конечностям. Расчищенная длина скелета лошади 1,54 м (по линии ССЗ - ЮЮВ), ширина по линии З-В – 0,65 м. Между ребер грудной клетки животного обнаружен единственный предмет, сопровождавший захоронение – крупный бронзовый и частично фрагментированный «бубенчик»-решма (рис.5; рис.6). Предмет литой, составлен из двух половинок (нижняя половинка предмета не сохранилась). Внизу – продольная прорезь тулова. Сверху – петля-ушко подквадратной формы с округло срезанными углами. Петля-ушко со сквозным отверстием в верхней его части. По внешней поверхности тулова решмы-бубенчика – декор вертикальными полосками-углублениями (рис.7). Предмет имеет ряд прямых аналогий среди деталей конской упряжи VIII-X вв. (Хайнрих, 1995, с. 216, табл. XIV: Кантемиров, Дзатиатты, 1995, с. 279, табл. VII: 1, 4, 5; табл. XXII, 6), датируя тем же временем все захоронение.

Возможно, скелет лошади мог сопровождать погребение человека-всадника, оказавшееся под и за бетонным столбиком крепления растяжки, из-за которого расширить раскоп не представлялось возможным. На это нам было указано в «Предписании», по технике безопасности, представленном заказчиком, потребовавшим остановить работы в этом углу раскопа. По этим причинам, обозначив данное погребение лошади как подкурганное, мы его выделили в условный «курган № 2» диаметром не менее 12 м. В соответствующих рекомендательных документах, составленных для тех, кто должен будет продолжать здесь раскопки уже после снятия опоры № 15, настоятельно предписывалось продолжить раскоп и за пределами основания растяжки крепления опоры.

«Курган № 3». Квадрат Д4 (рис.3, кург.3; рис.8). Без внешних признаков на дневной поверхности; выявлено на глубине -0,9 м от уровня современной дневной поверхности (123 – -137 от R), напротив второй «ноги» опоры. В ходе выборки грунта из квадрата было обнаружено одиночное грунтовое захоронение (рис.8, I).

Погребение № 1. Границы грунтовой ямы этого захоронения не читались, выявлено по костям. Сохранность скелета, как и его костей, удовлетворительная. Частично повреждена правая сторона черепа и правая сторона грудной клетки, отсутствовали отдельные фаланги пальцев правой стопы. Погребённый лежал вытянуто на спине, головой на ЮВ с незначительным сезонным отклонением (рис.8, I). Верхние конечности вытянуты вдоль туловища. Правая рука слегка согнута в локтевом суставе, кистью к правому крылу таза, ладонью вверх. Нижние конечности протянуты, стопы ног разведены в разные стороны и немного повернуты кверху. Длина скелета – 200 см. В поясничном районе обнаружены фрагменты сильно корродированного железного предмета (рис.8, II). Можно предполагать, что часть из них – от черешкового ножа; другие - от металлического (железо) поясного наконечника (?). С некоторой долей вероятности можно утверждать, что скелет принадлежал взрослому мужчине (?). Среди упомянутых трудноопределимых фрагментов предмета заметны остатки черешка ножа. Погребение можно отнести, как минимум, к раннежелезному веку (?), а как максимум, к раннему средневековью.

Учитывая наличие слабо возвышающегося в сторону опоры и за ней, в сторону обрыва над Кубанью участка, погребение предположительно было отнесено к разряду впускных подкурганых. Весь прилегающий участок с опорой был условно обозначен как «курган № 3» с рекомендацией обязательного расширения раскопа уже после снятия опоры ВЛ.

«Курган 4». Квадрат Б6 (рис.3, кург. № 4; рис.9). Никаких наземных признаков курган не имел и условно так был атрибутирован после исследования в нем разрушенных остатков от двух, большей частью сильно потревоженных захоронений – остатки скелета лошади и разрушенного скелета человека, отмеченных в границах квадрате Б 6 на разных глубинах и частично переотложенном грунте. Были зафиксированы не только останки упомянутых выше захоронений, но и остатки каменной конструкции, также сильно разрушенной

распашкой (?) и во время установки опоры ВЛ. С заметной долей реконструкции, учитывающей все детали, выявленные здесь же *in situ*, можно вести речь о следующем характере изначального погребального сооружения. Вероятно, весь комплекс, сильно разрушенный при установке опоры, изначально мог представлять собой курган небольшого диаметра (до 5-6 м) с невысокой земляной насыпью. Под ней находилась конструкция подовальной формы (диаметр 3-4 м) из плотно уложенного речного булыжника (камни в 1-3 ряда). В центральной части такого кромлеха-оградки в одной (?) широкой яме находился скелет лошади (сохранился лучше скелета человека). Он был уложен «на брюхе», фрагментированным черепом ориентирован на ЮВ, передняя часть скелета разрушена (рис. 9, 1).

Северо-восточнее остатков скелета лошади находились отдельные камни, а на удалении от них (до 1 м) отдельные фрагменты трубчатых костей человека, а также фрагменты его черепа (рис.9, 1). Судя по костному тлену и фрагментам костей, скелет человека изначально мог находиться параллельно лошади (на 0,3 м ниже скелета лошади), но головой на ЮЗ. С захоронением связано и несколько предметов погребального инвентаря, разбросанного по всей площади погребения.

В районе нахождения фрагментов черепа лошади, ориентировочно, в зубах, обнаружены мелкие фрагменты железных удил плохой сохранности, отчего полная их реконструкция, а также и типологическое определение, невозможно. Уверенно можно вести речь лишь о том, что удила могли быть двусоставными; их грызла, скорее всего, были округлого диаметра в сечении, соединялись между собой примерно в средней части посредством двух петель (одна – в другую). Размеры грызла, как и диаметр двух колец (рассыпались), крепившихся к концам грызл, неопределимы.

Кроме того, с захоронением были связаны 3 бронзовые пластинки подпрямоугольной формы (рис.9, II, 4-6), на обороте которых были заметны следы от заклепок (?). С ними – 3 железных кольца (рис. 9, II, 1-3), изготовленные из округлой в сечении проволоки с ровно (перпендикулярно) срезанными концами, стыковавшимися впритык.

Также были зафиксированы и фрагменты сильно раздавленного, неполного лепного сосуда. Внешняя его поверхность – почти черного цвета со следами копоти, черепок неполного прокала с примесью шамота, ракушки и песка. Несмотря на сильную фрагментарность, его можно датировать эпохой раннего средневековья (VIII-X вв.).

Наибольший интерес представляет набор железных предметов, зафиксированных в разных частях захоронения и на разной глубине (рис.9, II, 7-11). Среди них явно угадывается черешок со следами деревянной рукояти (рис.9, II, 7), имеющий с одного конца сечение овальной формы и подромбовидной – с другого. Второй фрагмент (рис.7, 8), впрочем, как и другие фрагменты (рис.9, 9, II, 11) в сечении вытянуто-подтреугольной к изгибу формы. Еще один фрагмент (рис.9, II, 10), явно имеет конфигурацию окончания лезвия. Несмотря на сильную фрагментарность предмета и сильную его коррозию, его заманчиво сопоставлять с т.н. «складными серпами», небольшой по размерам его аналог, но – с зубчатой режущей частью, известен, например, среди материалов могильника № 2 у хут. Горькая Балка в Новокубанском районе Краснодарского края (Виноградов, Нарожный, Соков, 2001, с. 162, рис.17). Наиболее широко такие предметы известны, в основном, на территории Северо-Западного Кавказа, причем, не только хазарского времени (Пьянков, 2013, с.359–364), но и значительно позднее (Василиненко, Пьянков, 2013, с. 19–26; Нарожный, Тищенко, 2018, с. 141–148; Нарожный, Соков, 2019, с. 147). Подобные предметы, с точки зрения их прямого утилитарного назначения, тем не менее, ныне воспринимаются и иначе (Виноградов, Нарожный, Соков, 2001, с. 162, рис.17; Пьянков, 2013, с. 359–364; Василиненко, Пьянков, 2013, с. 19–26 и ср.: Нарожный, Тищенко, 2018, с. 141–148; Нарожный, Соков, 2019, с. 147 и др.).

Подобное и синхронное, но значительно лучшей сохранности погребение – погребение № 5, было исследовано на могильнике № 2 у хут. Горькая Балка в Новокубанском районе Краснодарского края (Виноградов, Нарожный, Соков, 2001, с. 138–

167; Нарожный, Соков, 2005, с. 190-191) и которое, в свою очередь, находит полные аналогии среди идентичных тюркских погребальных объектов Евразии (Нарожный, Соков, 2008, с. 17-39; 2016, с. 1-17).

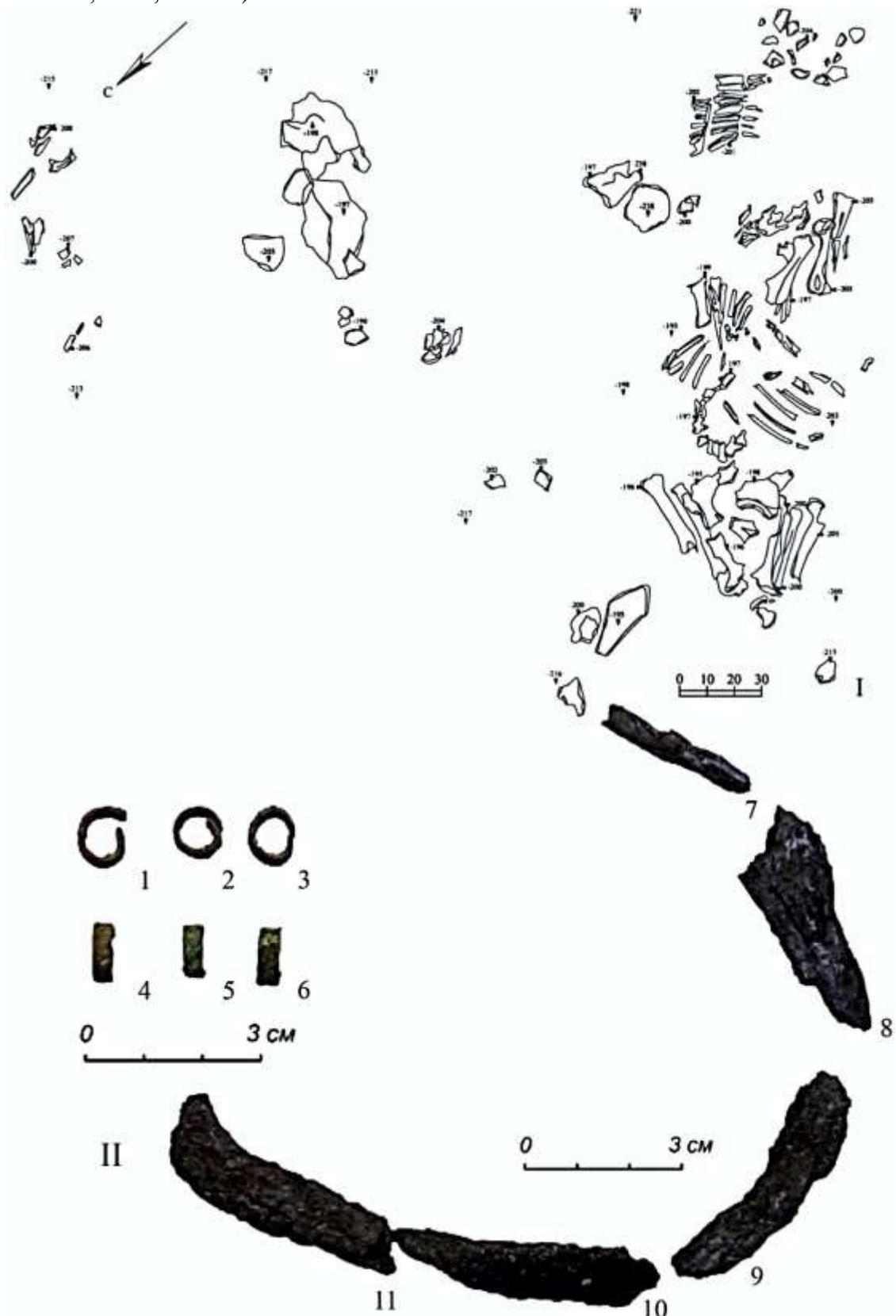

Рис.9. «Курган № 4». Погребение № 1. I - план, II - инвентарь.

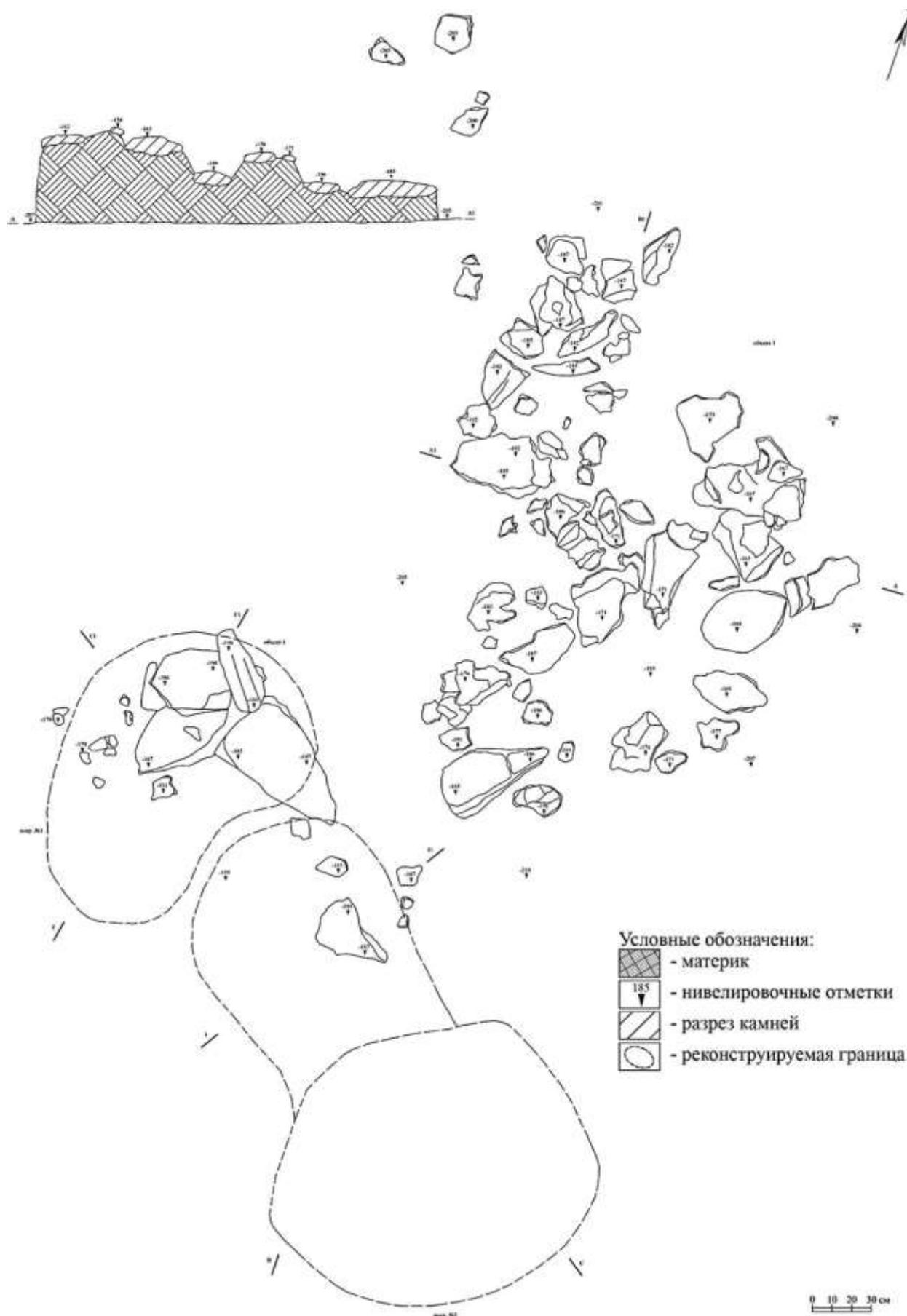

Рис.10. «Курган № 5». Погребения № 1-2, верхний уровень зачистки.

Я.Б. Березин, А.А. Иванов, Е.И. Нарожный
 Погребальные комплексы археологического объекта «Городище». Новокубанский район Краснодарского края
 (Материалы охранно-спасательных археологических исследований 2014 г.)

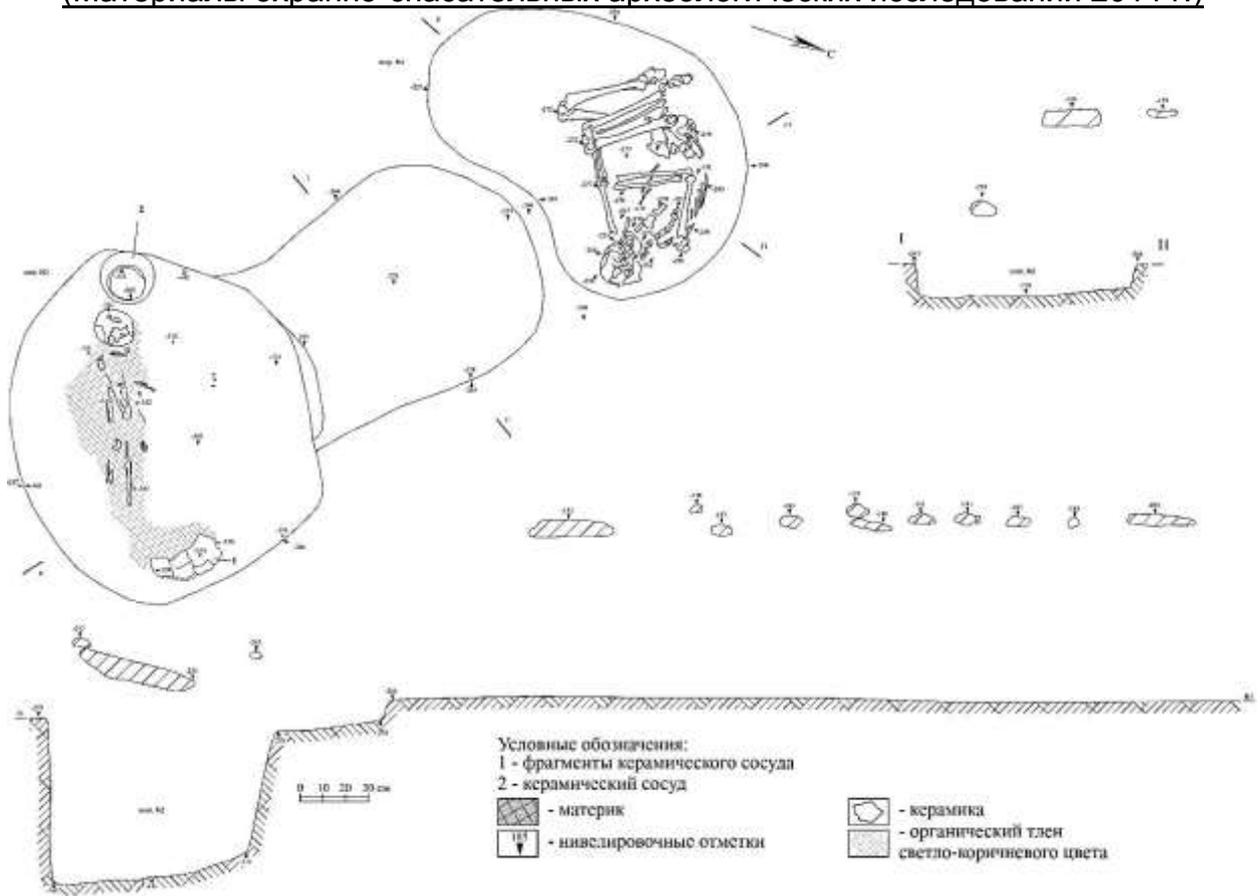

Рис.11. «Курган № 5». Погребения № 1-2. План, разрезы.

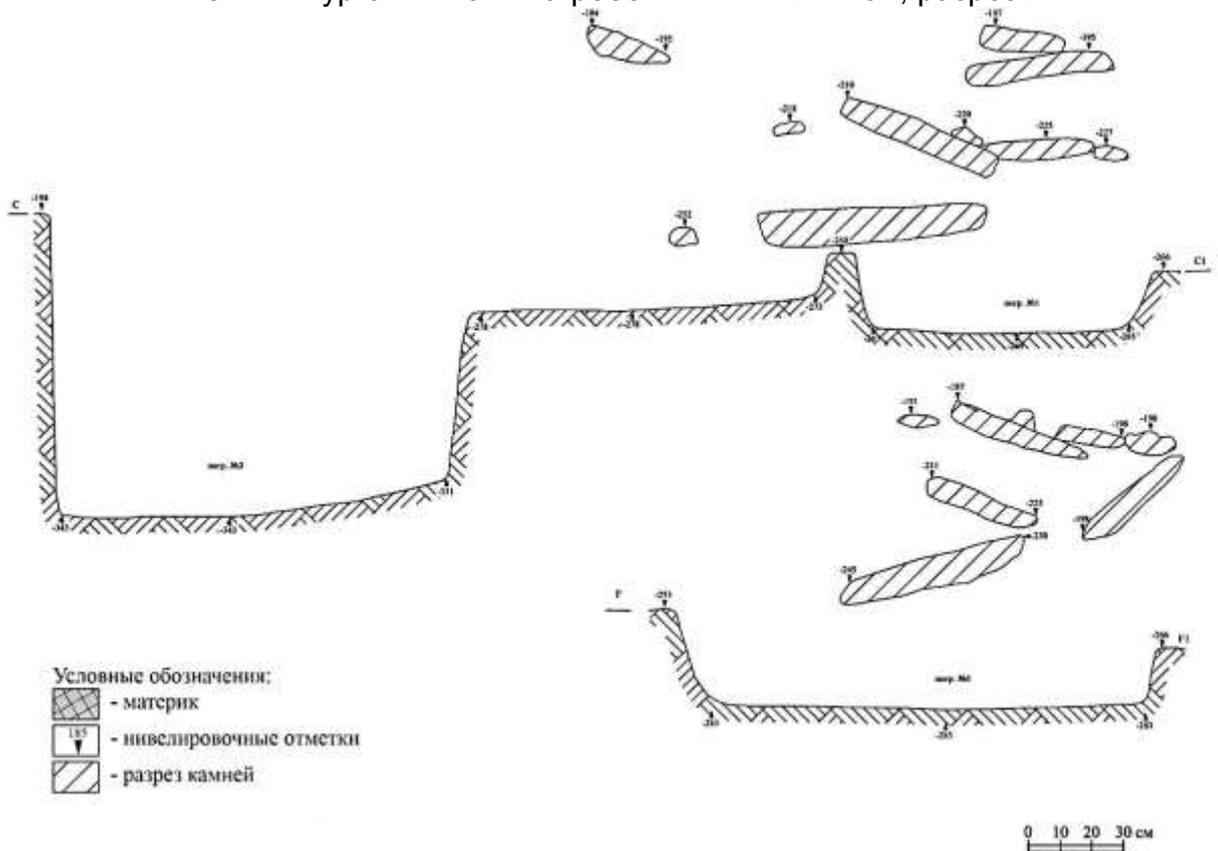
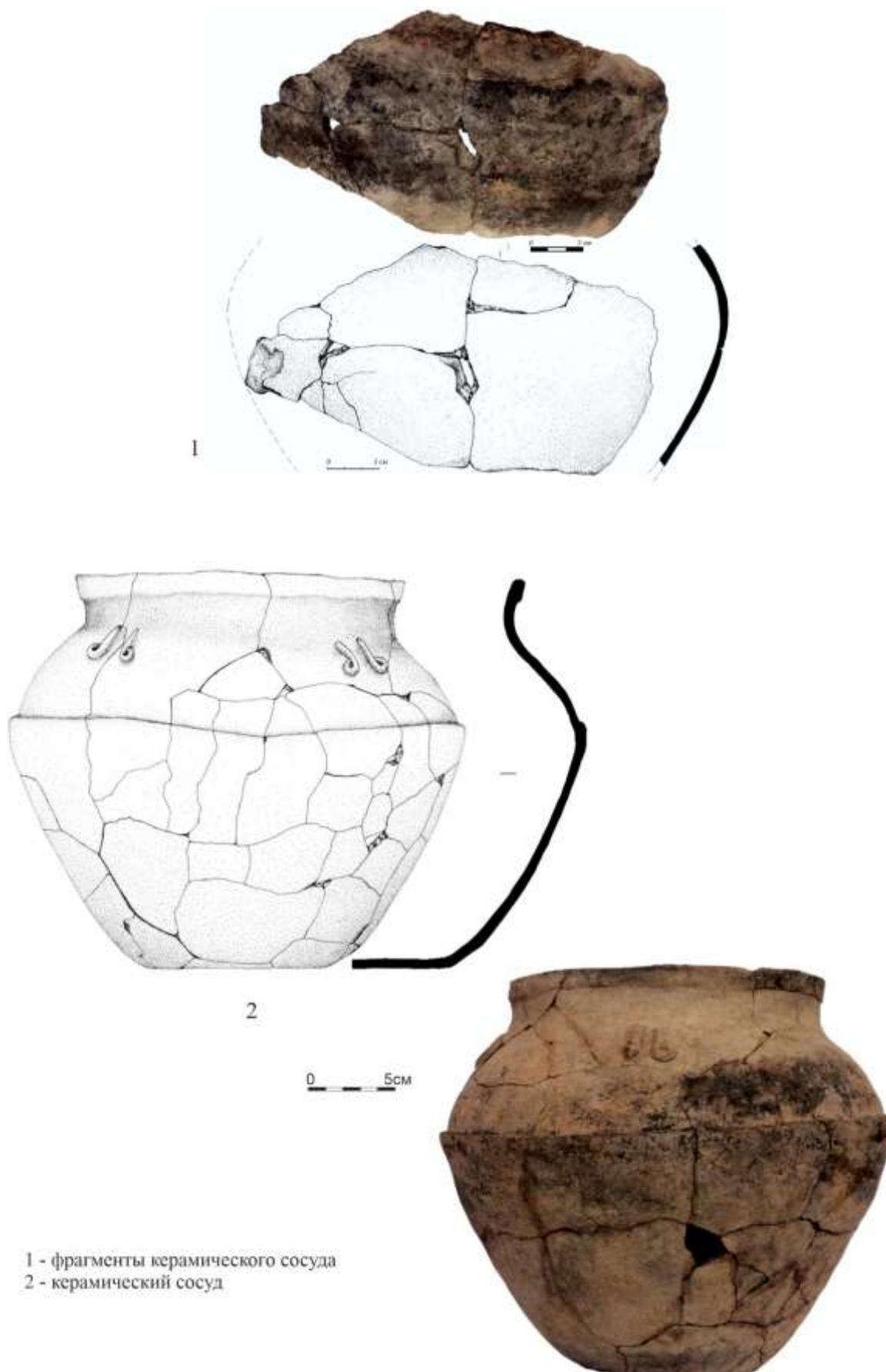

Рис.12. «Курган № 5». Погребения № 1-2. Разрезы.

1 - фрагменты керамического сосуда
2 - керамический сосуд

Рис.13. «Курган № 5». Погребения № 1-2, инвентарь.

Я.Б. Березин, А.А. Иванов, Е.И. Нарожный
 Погребальные комплексы археологического объекта «Городище». Новокубанский район Краснодарского края
 (Материалы охранно-спасательных археологических исследований 2014 г.)

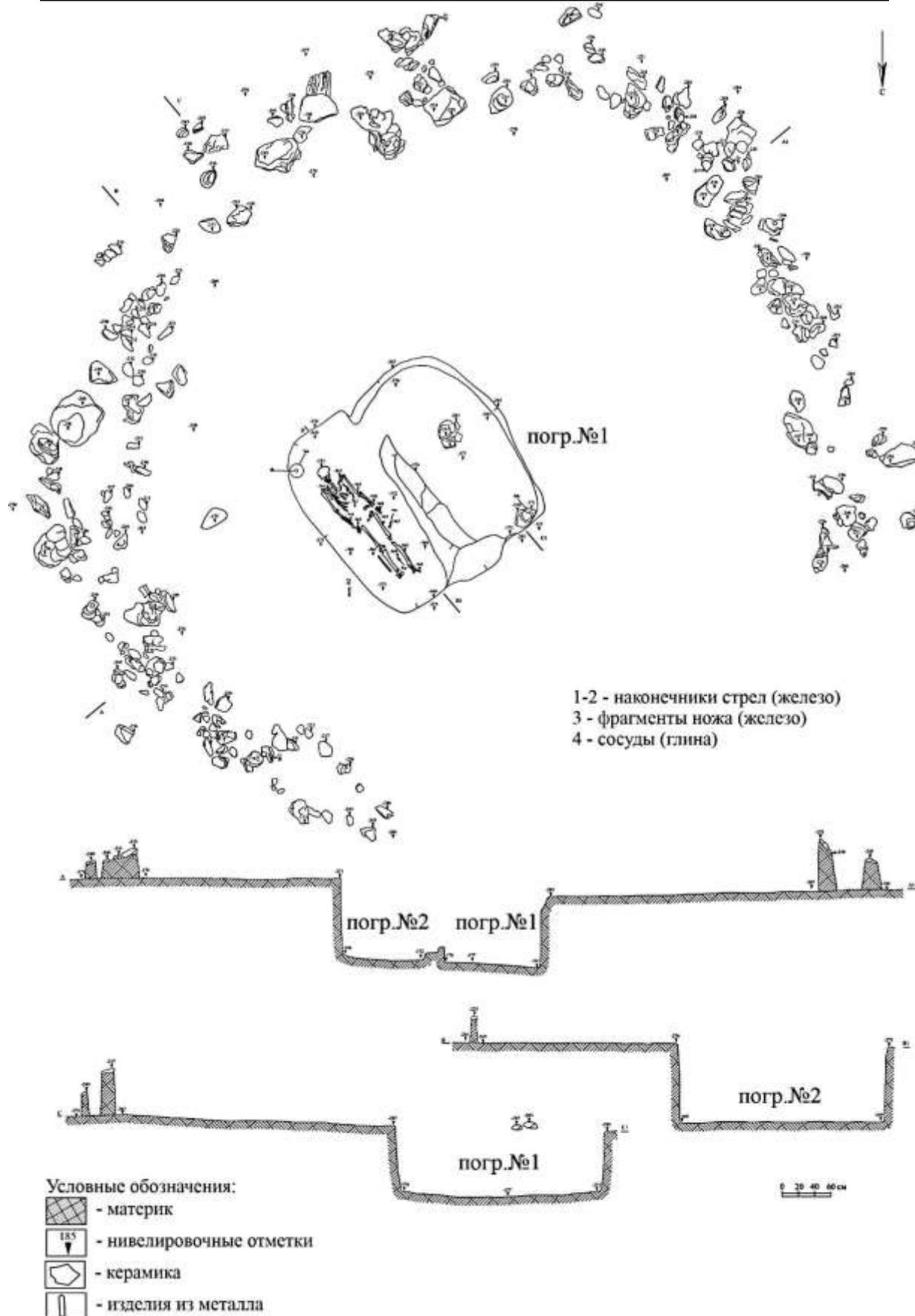

Рис.14. Квадрат Д16-17. «Курган № 6». Погребения № 1-2. План, разрезы.

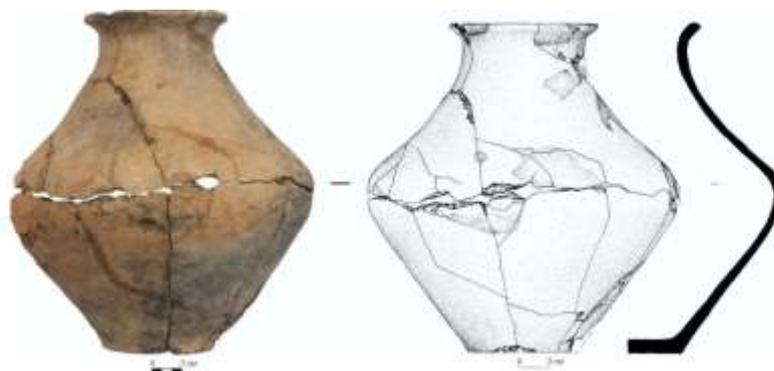

Рис.15. Квадрат Д16-17. «Курган № 6». Погребение № 1. Инвентарь.

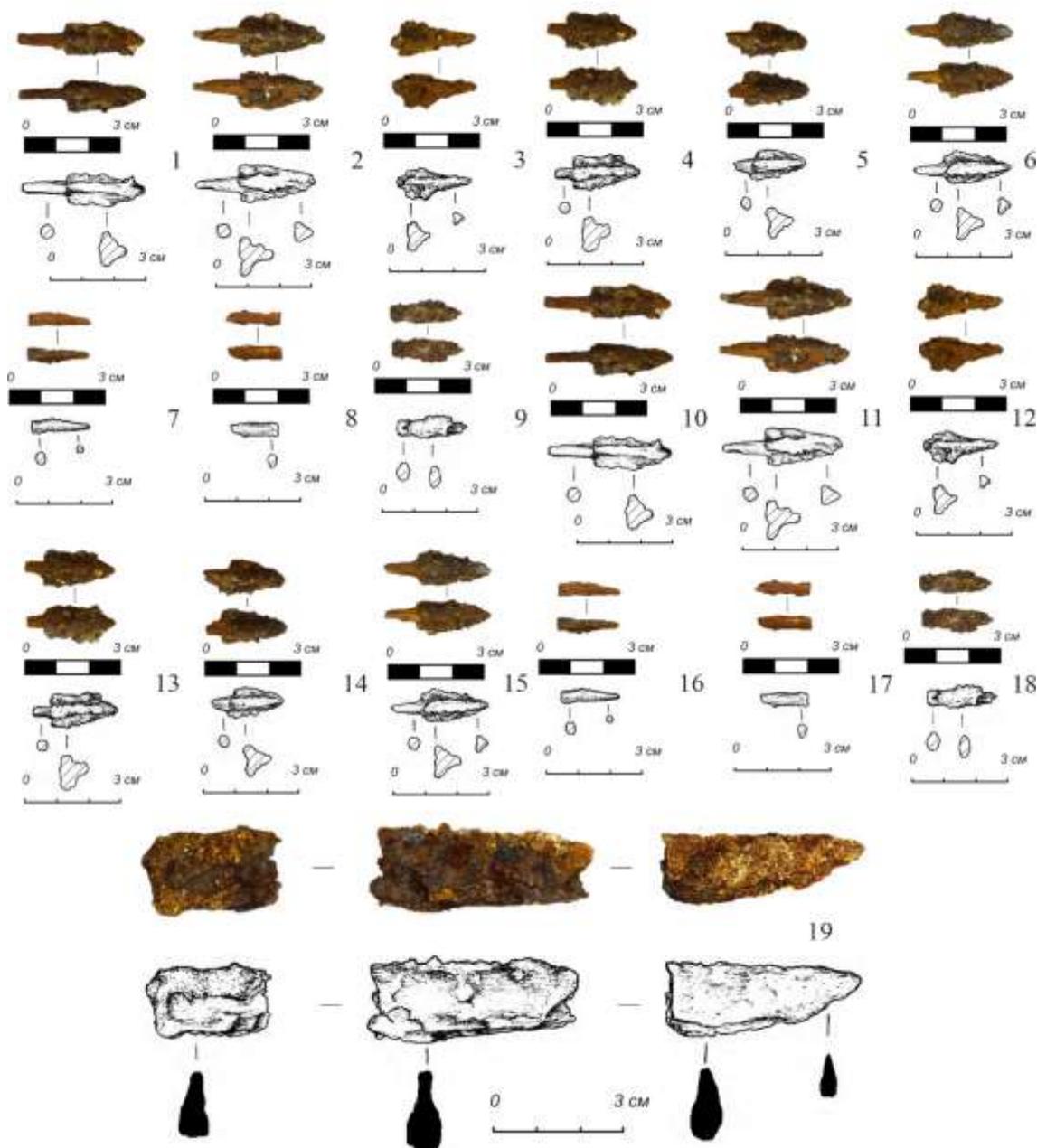
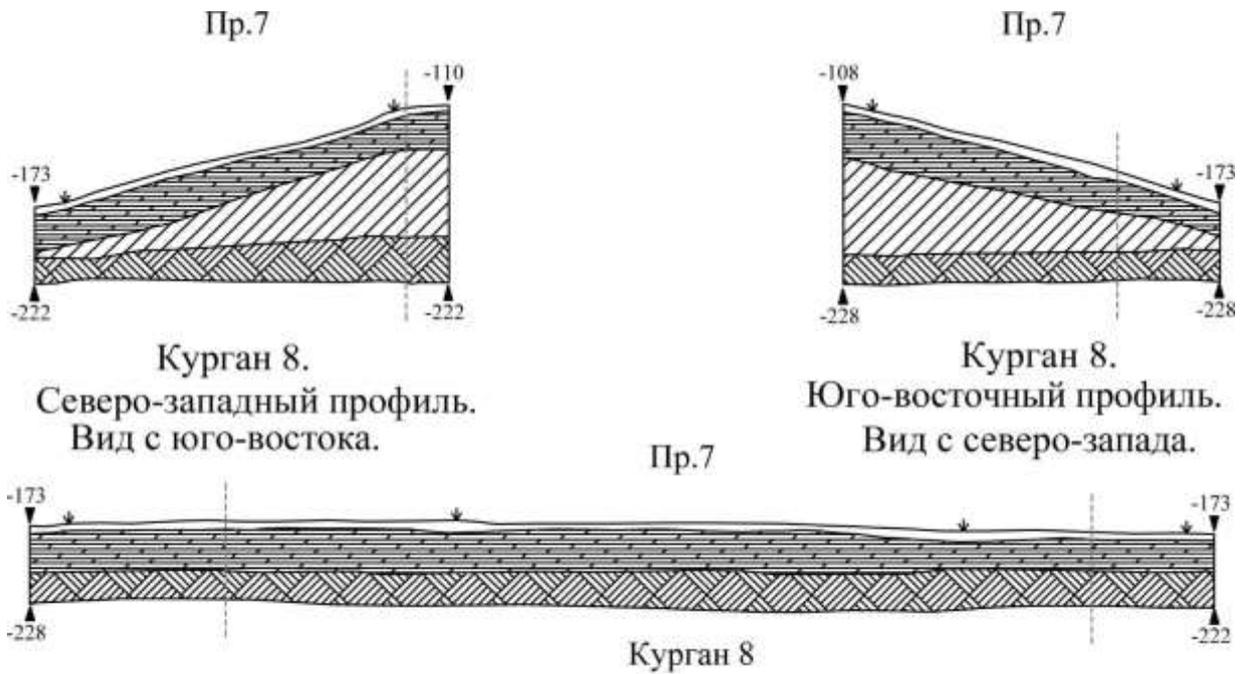

Рис.16. Квадрат Д16-17. «Курган № 6». Погребение № 2. Инвентарь.

Рис.17. Квадрат Д16-17. «Курган № 6». Погребение № 2. Инвентарь.

Условные обозначения:

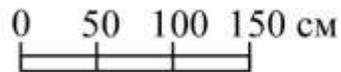
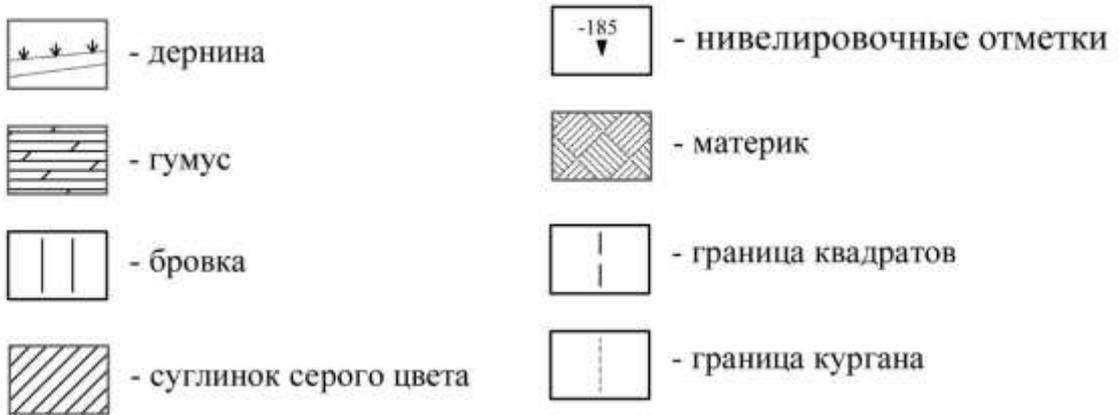
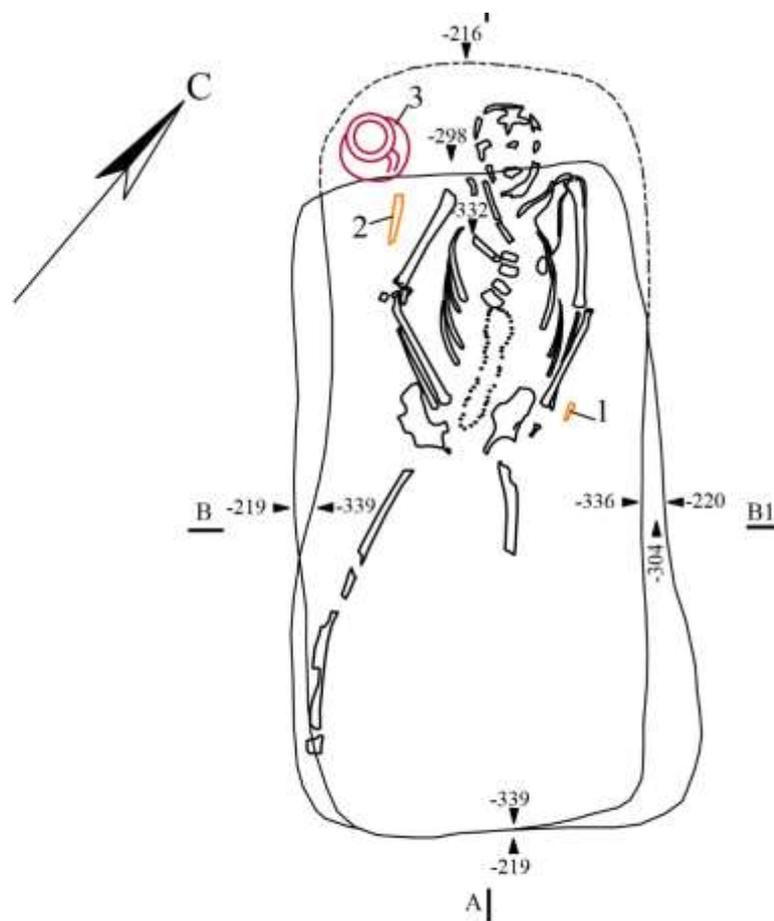

Рис.18. Квадрат Д19, Д39. «Курган № 8». Стратиграфические профили.

Рис.19. Квадрат Д19, Д39. «Курган № 8». 1 - фото общего вида с юго-востока.
2 - фото погребения № 1 с северо-востока. 3 - погребение № 1, деталь.

Условные обозначения:

- 1 - нож (железо);
- 2 - кинжал (железо);
- 3 - сосуд (глина).

0 20 40 60 см

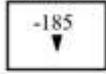
- - материк;
- - нивелировочные отметки;
- - керамика.
- - изделия из металла
- - реконструируемая граница

Рис.20. Квадрат Д19, Д39. «Курган № 8». Погребение № 1. План.

Я.Б. Березин, А.А. Иванов, Е.И. Нарожный
Погребальные комплексы археологического объекта «Городище». Новокубанский район Краснодарского края
(Материалы охранно-спасательных археологических исследований 2014 г.)

1- 2 - фрагменты железного ножа
3 - фото и рисунок сосуда

Рис.21. Квадрат Д19, Д39. «Курган № 8». Погребение № 1. Инвентарь.

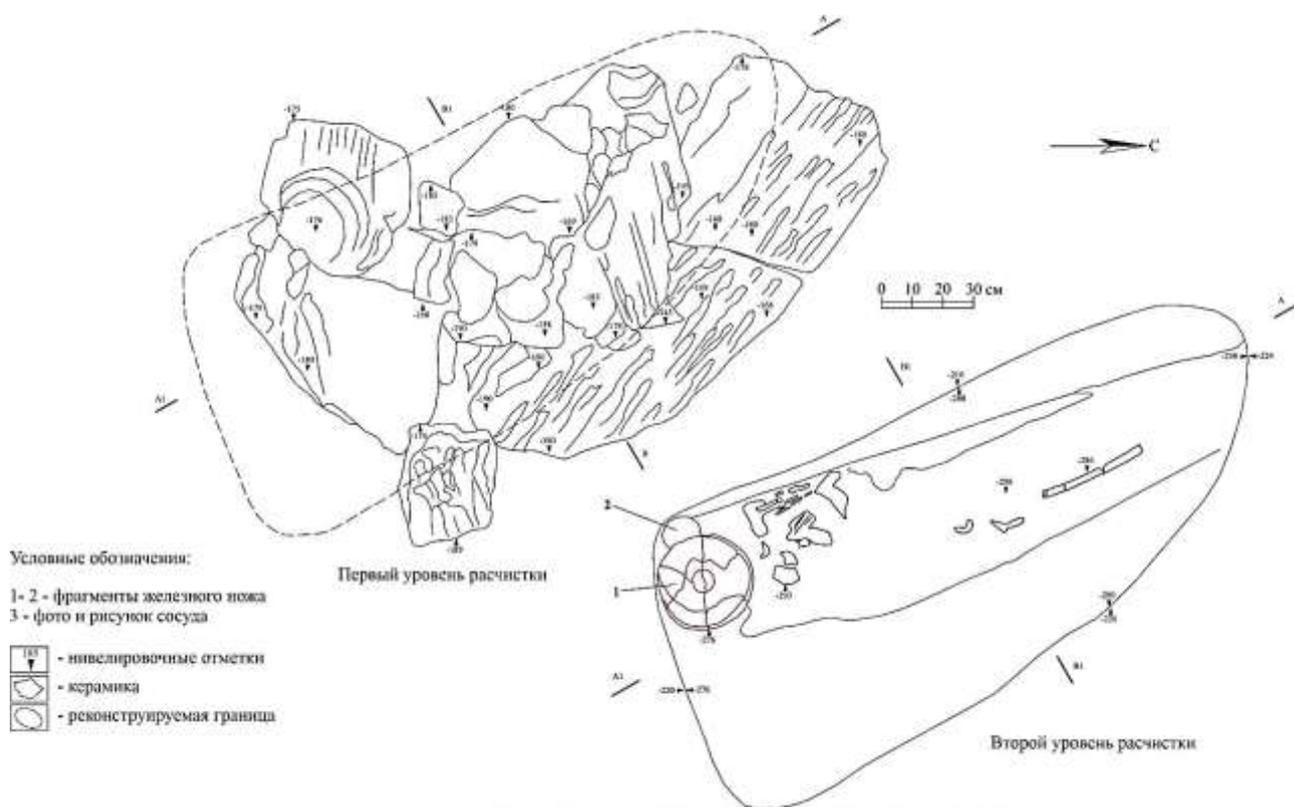
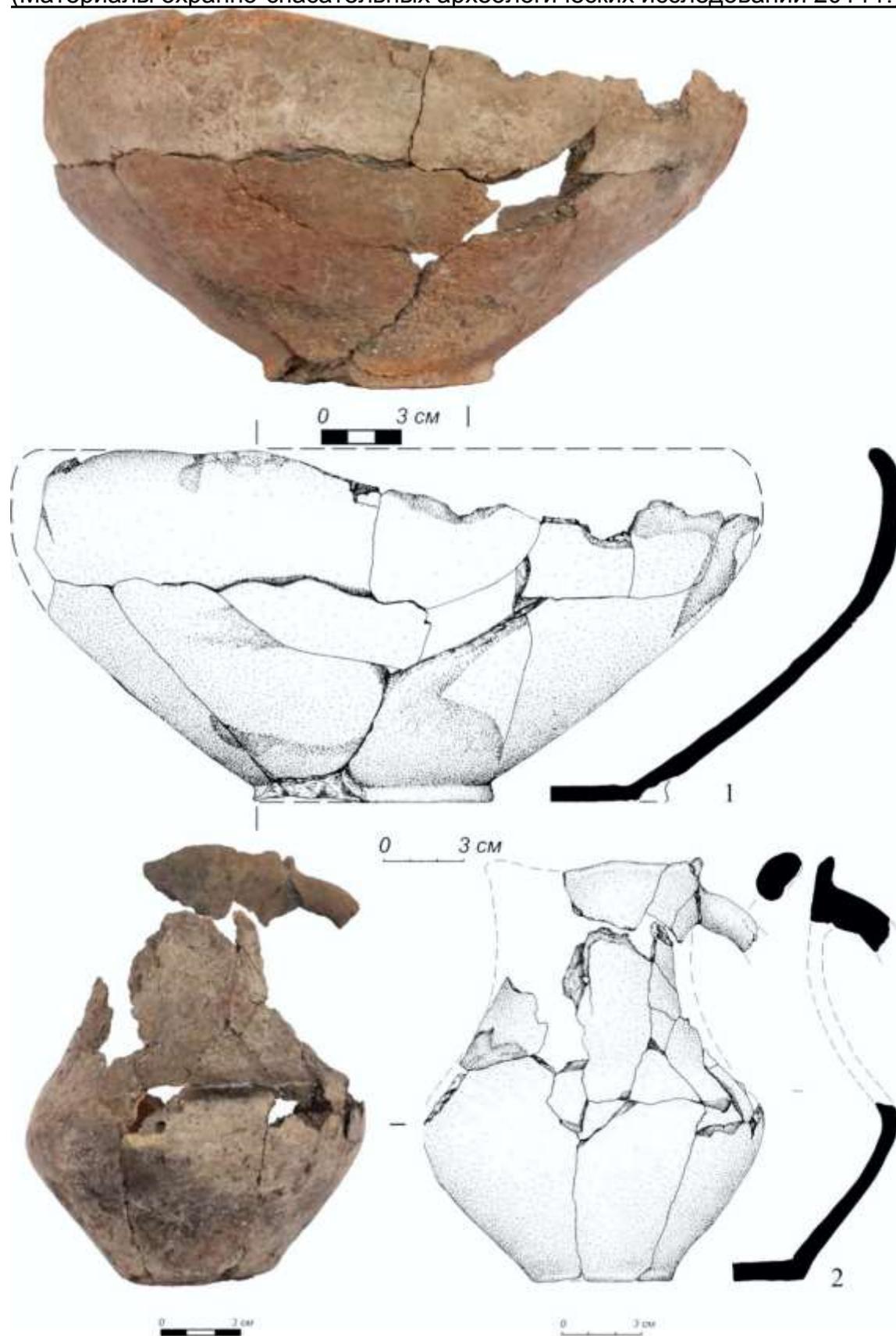

Рис.22. Квадрат Д41. «Курган № 9». Погребение № 1. Планы.

Раскоп 3, «Курган 5» (рис.3, кург. № 5; рис.10-рис.13), на современной дневной поверхности насыпь не фиксировалась, стратиграфически реконструируемый диаметр – более 30 м с первоначальной высотой – около 1 м. Остатки зафиксированы в кв. Д10–13, исследован в пределах границ раскопа, по пятнам заполнения погребальных ям и камням поверх пятен обнаружены два захоронения (рис.10, рис.11). Каменная конструкция («объект 1»), размерами 3,88 × 2,03 м, открыта на глубине -2,50 м от R (рис.10). Среди камней найдены два мелких и невыразительных фрагмента лепной керамики.

Погребение № 1 совершено в могильной яме овальной формы на глубине 2,70 м от R (рис.10, рис.11). Скелет удовлетворительной сохранности, лежал скорчено, на левом боку, головой на восток, без погребального инвентаря. Захоронение, несмотря на некоторые отличия, весьма близко напоминает захоронение, в свое время доследованное Н.И. Навротским в одном из т.н. «курганов Веселовского» на окраине Армавира (Нарожный, 2022, с.118, рис.1). Погребение по набору деталей обряда (грунтовая яма, скорчено на левом боку, восточная ориентировка, левая рука вытянута вдоль корпуса, правая - согнута под прямым углом, кисть находится у локтя левой руки) можно уверенно отнести к посткатакомбному культурному кругу Лола по Р.А. Мимоходу (Мимоход, 2013, с. 27, с.33–35). Датировка данного культурного явления в целом XXIII-XVII вв. до н. э. (Мимоход, 2013, с.281).

Погребение № 2 представляет собой катакомбу. Входная яма, размерами 1,03×1,12 м, соединялась с погребальной камерой неправильной многоугольной формы со скругленными углами, размерами 1,50×1,40 м. В месте соединения ямы с камерой устроена ступенька (рис.12). На дне камеры обнаружены плохо сохранившиеся кости человека, по расположению которых судить об изначальном характере труположения которых можно полагать, что скелет взрослого человека был уложен вытянуто на спине. Предплечье левой руки смещено, правой – вдоль туловища. Под скелетом мощная органическая подстилка светло-коричневого цвета (рис.11, погр.2) В южной части погребальной камеры найден раздавленный глиняного сосуда (рис. 11; рис.13, 2), а в ее северной части захоронения – крупный фрагмент другого керамического сосуда (рис.13, 1).

1 - керамическая миска
2 - керамический сосуд

Рис.23. Квадрат Д41. «Курган № 9». Погребение № 1. Инвентарь.

Рис.24. Квадраты № 41/45. Сохранившаяся часть «Кургана № 10».

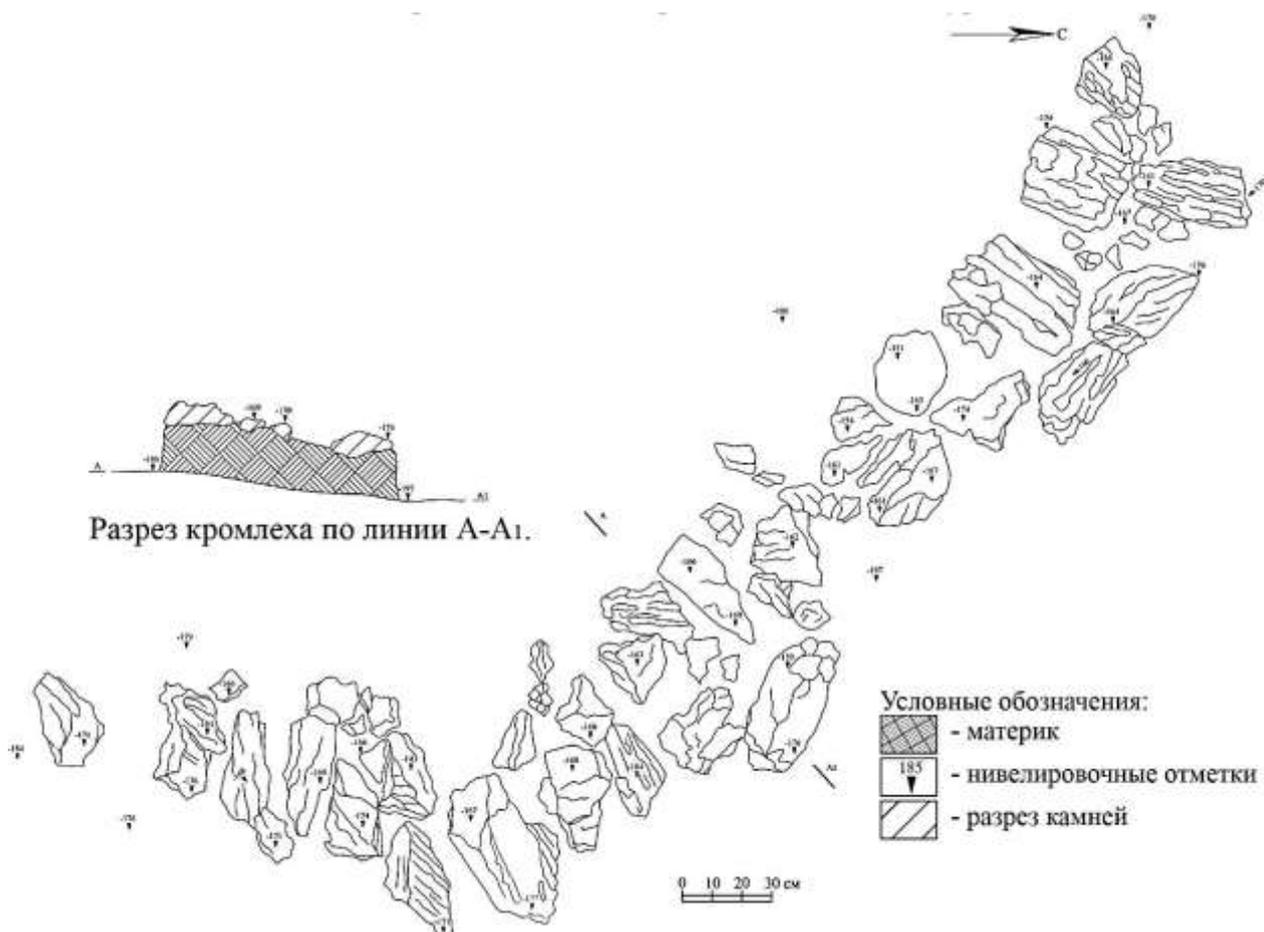

Рис.25. Квадраты № 41/45. «Курган № 10». План.

Я.Б. Березин, А.А. Иванов, Е.И. Нарожный
 Погребальные комплексы археологического объекта «Городище». Новокубанский район Краснодарского края
 (Материалы охранно-спасательных археологических исследований 2014 г.)

Рис.26. Квадраты № 41/45. «Курган № 10». Находка кремня из квадрата.

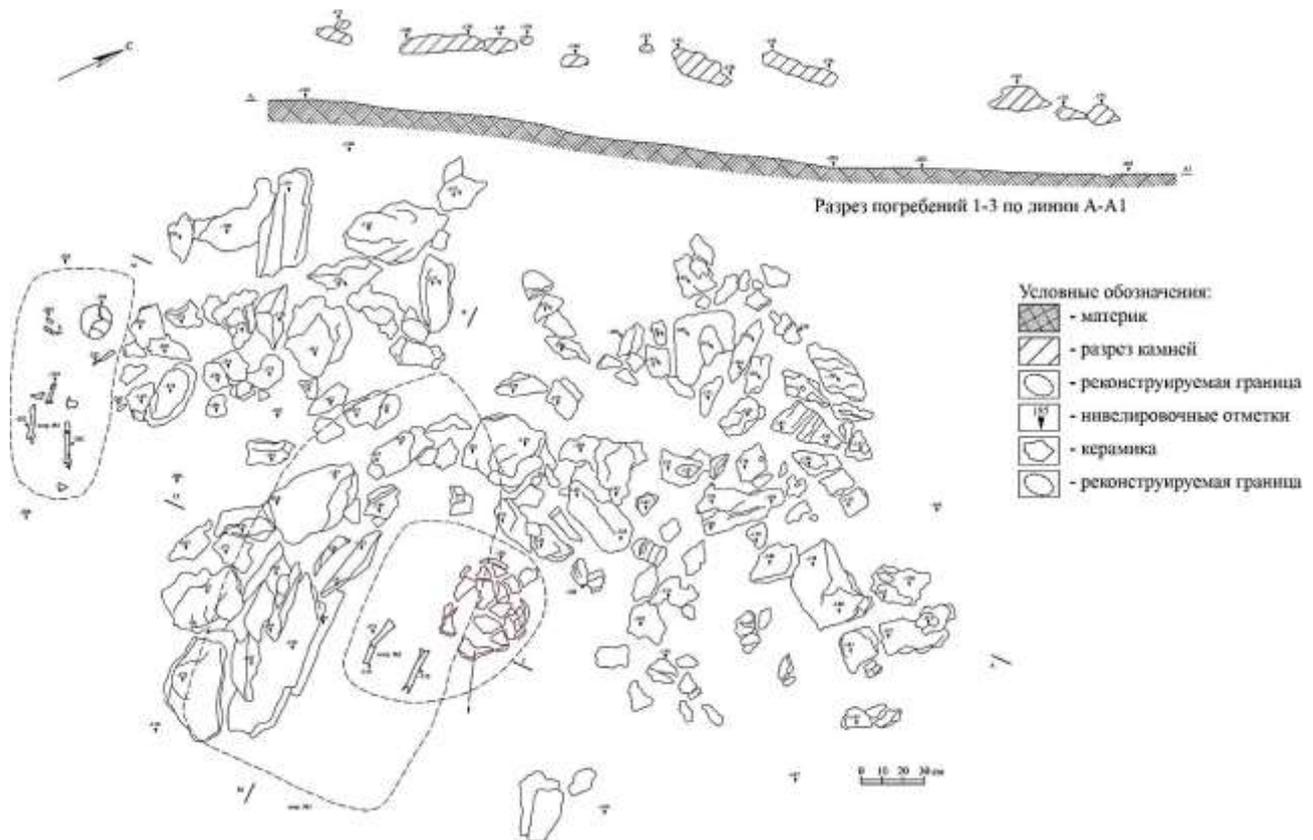

Рис.27. Квадрат Д20. «Курган № 11». Погребение № 1. План и разрез погребений 1-3.

По набору основных признаков погребального обряда захоронение может быть предварительно отнесено к суворовской позднекатакомбной культуре (Клещенко, 2013, с.185, рис.5). Её датировка – XXV-XXIII вв до н. э. (Клещенко, 2013, с.189).

«Курган б», (рис.3; рис. 14). На современной дневной поверхности никак не выделялся. Выявлен в раскопе (кв. Д16–Д17) по камням кромлеха (рис.3, кург.6). Реконструируемый диаметр кургана по кромлеху около 10 м, полностью расположен в кв. Д16–17, раскопан полностью. Остатки грунтовой насыпи кургана сильно разрушены механизированной вспашкой. Каменный кромлех отмечен на глубине -2,20–2,40 м от R, имел округлую форму, диаметром 9,30 м (рис. 12), внутри кромлеха обнаружены два грунтовых захоронения (рис. 14).

Погребение № 1 (рис.14, погр.1), основное (?), нарушено более глубоким, впускным погребением № 2, срезавшим длинную стенку погребения № 1. Совершено примерно в центре кургана, в грунтовой яме подпрямоугольной формы размерами 1,56×1,26 м, в заполнении которой встречались мелкие фрагменты человеческих костей (2 фр. ребер и 1

фаланга пальцев); рядом с границей ямы погребения № 2, на дне погребения № 1 находилась фрагментированная в древности кость голени. В северо-западной части ямы погребения № 1, примерно у центра ее короткой стенки найден раздавленный керамический сосуд (рис. 15) светло-коричневого цвета с горизонтально отогнутым венчиком, узким дном и хорошо заглаженной внешней поверхностью.

Отсутствие костных останков в погребальной яме не позволяет говорить что-то определённое о погребальном обряде. Захоронение, возможно, являлось основным; тип найденного в нем сосуда определяется уверенно – это корчага четвёртой группы по Н.В. Анфимову (Анфимов, 1951, с.160, рис.2, 2) или типа II, подтипа II-A по Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко (Лимберис, Марченко, 2012, с.25, рис 11, 13, 14). Время бытования подобных сосудов приходится на VI-V вв. до н. э., хотя они встречаются и в погребениях IV в. до н. э.

Погребение 2 (рис. 14, погр.2) – яма подпрямоугольной формы размерами 2,50 × 1,10 м, на глубине -2,71 м от Р. Яма частично задела и срезала яму предыдущего захоронения. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток. Череп слегка завален вправо. Верхняя часть туловища слегка повернута влево, верхние конечности вдоль туловища, нижние конечности протянуты. Возле ног и таза (рис. 12,1-2) найдены железные наконечники стрел (рис. 16, 1-18), возле черепа – раздавленный керамический, пышно декорированный одноручный сосуд темно-коричневого цвета с (рис.17), под которым обнаружены фрагменты плохо сохранившегося железного ножа (рис.16, 19).

Железные наконечники стрел, не менее 12-ти штук, все однотипные, черешковые, трёхлопастные, с коротким черешком (рис.16, 1-18). По классификации И.И. Марченко – это тип I черешковых наконечников стрел, широко распространённый на Кубани со второй половины I в. до н.э. (Марченко, 1996, с.66, рис.17). Обзор дискуссии о времени появления черешковых наконечников сделан Е.А. Бегловой и В.Р. Эрлихом (Беглова. Эрлих, 2018, с.154-155). На сегодняшний день можно говорить о *появлении* этого типа оружия ещё в начале - первой половине II в до н. э., однако массовое его применение пришлось на время с середины I в. до н. э. и позже.

Интересен керамический сосуд из погребения (рис.17). Нам не удалось подобрать прямых аналогий его форме. Вместе с тем, приём орнаментации поверхности сосуда рядами двойных круглых концентрических оттисков штампа, хорошо известен на всей территории Северного Кавказа – от Кубани до Чечни, в I-III вв. н.э. (Виноградов, 1963, с.172; Каменецкий, 1989, табл.97, 5, 45; Бурков. Прокопенко, рис.101. с.236 - 238). Всё вышесказанное позволяет отнести погребение 2 кургана 6 к первым векам н.э. Отчасти это подтверждается ориентировкой погребённого в южном секторе. Её распространение связывается с продвижением в первые века н.э. в предкавказские степи племён среднесарматской культуры, для которых захоронение соплеменников головой на юг было нормой (Бабенко, Березин, 2009, с.306).

«Курган 7» расположен в кв. Д 33 (рис.3, кург. № 7), раскопан полностью. К категории «курганов» отнесен условно; его насыпь сильно разрушена механизированной распашкой. На глубине -1,88– -1,95 м от Р обнаружена каменная конструкция размерами 1,18 × 2,41 м – каменный ящик. Костяк и сопровождающий инвентарь отсутствовал. Вторая конструкция (рис.3) – детский каменный ящик с остатками костного тлена внутри. Вероятно – остатки детского захоронения, совершенного в каменном ящике небольших размеров (0,80×1,12 м), ориентированном длинной осью по линии север-юг. Погребальный инвентарь не обнаружен. По характеру погребальных конструкций, оба захоронения заманчиво соотносить с погребальными объектами, характерными для VIII-X вв., хорошо представленными, например, на могильниках №№ 1 и 2 этого же времени уже упоминавшегося хут. Горькая Балка в Новокубанском районе Краснодарского края (Виноградов, Нарожный, Соков, 2001, с. 93-97; 2003, с. 115-140; 2004, с. 179-199 и др.). Впрочем, такие же конструкции использовались и как надмогильные «оградки» (Нарожный, Соков, 2016, с.13, рис. 3; Нарожный, 2021, с.93-97 и др.). Однако упомянутые погребальные комплексы, например, Горькой Балки имеют ориентировку погребенных, преимущественно,

Я.Б. Березин, А.А. Иванов, Е.И. Нарожный
Погребальные комплексы археологического объекта «Городище». Новокубанский район Краснодарского края

(Материалы охранно-спасательных археологических исследований 2014 г.)

с 3 на В, публикуемые же захоронения в каменных ящиках «кургана 7» своей длинной осью вытянуты иначе (головами в противоположную сторону), что не позволяет их идентифицировать с указанными раннесредневековыми объектами Горькой Балки, хотя, признавая их отношение к погребальным объектам, возможно, также хазарского времени, все-таки, оставляем данную проблему открытой.

Раскоп 4. Квадраты Д19 и Д 39. «Курган 8» (рис.18, рис. 19), невысокий курган диаметром 7 м, расположен в кв. Д 19–39, раскопан полностью. Насыпь кургана несложной стратиграфии (рис.18) сильно разрушена механизированной распашкой. На глубине -1,71– -1,85 м от R открыт каменный кромлех (рис. 17,1), диаметром 6,50 м, внутри которого под развалом камней (рис.19, 1) обнаружено погребение, совершенное в яме подпрямоугольной формы, размерами 1,00 × 1,74 м, с небольшим подбоем, устроенным в северной стенке погребальной ямы (рис.19, 2-3, рис.20). Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад (рис. 19, 2, рис. 20). Левая рука, слегка согнута в локте, вытянута вдоль туловища, правая - согнута в локтевом суставе. Кисть повернута к правому крылу таза. Бедренная кость левой ноги протянута (кость голени не сохранилась). Правая нога отведена к юго-западу (рис.19, 2, рис.20). Возле черепа, к западу от него (рис. 19, 3, рис. 20, 3) находился керамический сосуд черного цвета с ручкой (рис. 20, 3), рядом с которым лежал распавшийся железный кинжал (рис.20, 2). Возле костей таза обнаружен железный нож плохой сохранности со следами деревянных ножен, в свое время обтянутых кожей (рис.20, рис. 21, 1).

Вследствие разрушения железных предметов погребального инвентаря, единственным выразительным из его числа является керамический сосуд (рис.21, 3). Он имеет прекрасные аналогии в памятниках западнокубанской культуры скифского времени (Козенкова, 1998, с. 96, табл. 34, 5 - 14). Наиболее близок, практически идентичен нашей находке по форме и технологии изготовления сосуд из погр. 5 могильника Горно-Джущкий под Пятигорском. Погребение датируется VI в. до н.э. (Виноградов, Дударев, 1983. с. 53; Фоменко, 1998, с. 11-12, рис.2).

Находки кубанской керамики в районе Прочноокопской не удивительны. Расстояние до центра Ставропольской возвышенности составляет чуть более 60-ти км, а эта территория была освоена кубанскими переселенцами из района Пятигорья ещё в предскифское время (Березин, Каминский, Малашев, 2012, с.46-47). Очень близкие нашей форме находки были сделаны в культурном слое Татарского городища (Березин, Каминский, Малашев, 2012, рис.64, 1; рис.69, 1). Соответственно, погребение кургана 8 можно датировать скифским временем, вероятно, в рамках VI-V вв. до н.э. Тем самым, публикуемые нами материалы приобретают дополнительную важность, т.к. они не только «стыкуются» с границами ареала особого, по терминологии А.А. Иессена (Иессен, 1951, с. 122) прикубанского очага металлургии и металлообработки, близкого кубанскому, но и отличающегося от него по технологическим основаниям. В то же время, В.И. Козенкова границы западного варианта кубанской культуры расширяла значительно западнее, вплоть до междуречья Урупа и Лабы (Козенкова, 1980, с. 37–41). Позднее эта версия еще уточнялась и дополнялась новыми наблюдениями (Дударев и др., 2020, с.50-65 и сл.)

«Курган 9». Наземных признаков не имел, по стратиграфическим наблюдениям, курган изначально мог иметь диаметр чуть более 9 м и высоту около 0,20 м. Расположен в кв. Д40–41 (рис.3, кург. 9), раскопан не полностью. В нем открыты два захоронения.

Погребение 1 (рис.22), выявлено по каменным плитам перекрытия, обнаруженным на глубине -1,70 м от R. Под ними открыта погребальная яма размерами 0,89×2,13 м, ориентированная длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток (рис.22). Возле черепа найдены два сосуда.

Первый – миска светло-коричневого цвета (рис.23, 1). Второй сосуд грубой выделки, почти черного цвета, восстанавливается частично (рис.23, 2).

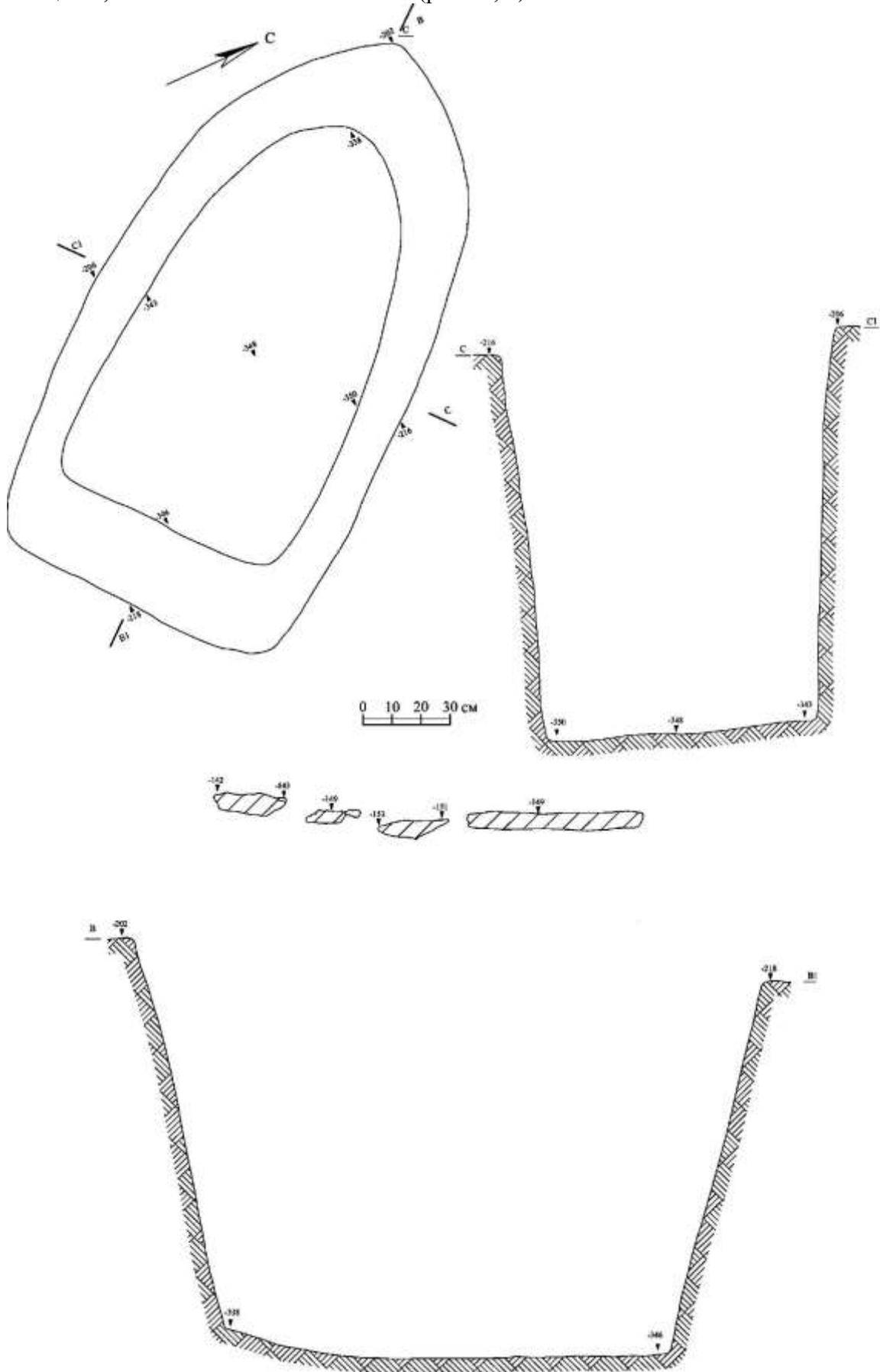

Рис.28. Квадрат Д20. «Курган № 11». Погребение № 3. План и разрезы.

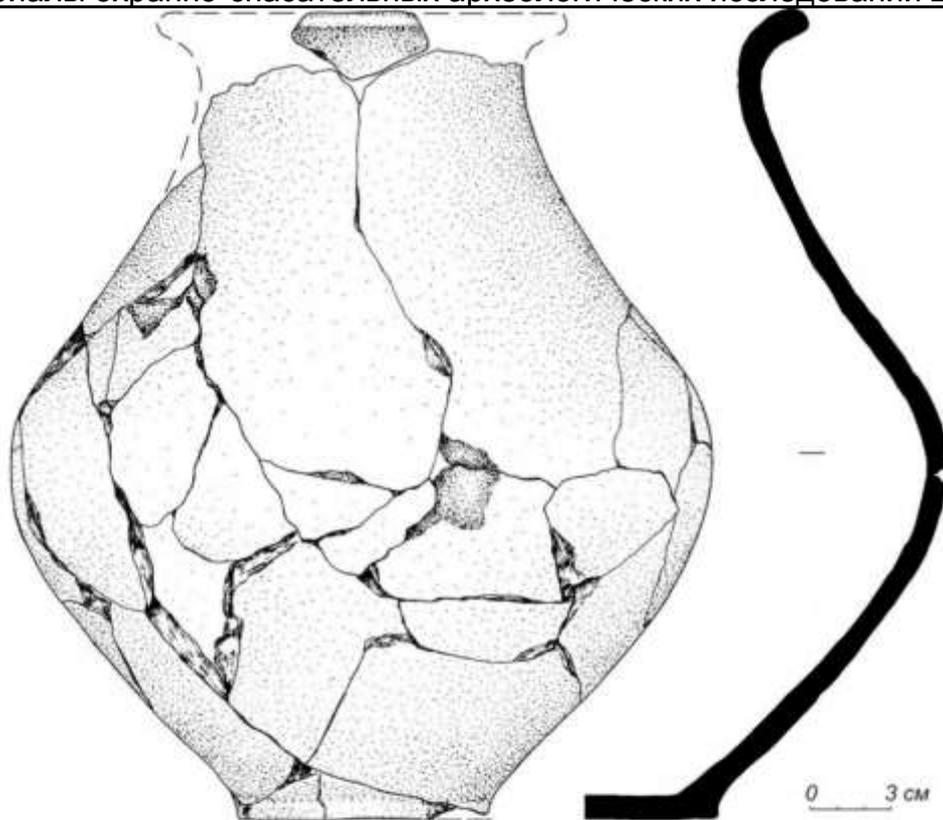

Рис.29. Квадрат Д20. «Курган № 11». Погребение № 2, инвентарь.
Керамический сосуд.

Крупная миска, выполненная на гончарном круге, с кольцевым поддоном, бесспорно, является изделием меотских ремесленников (рис. 23,1). По классификации Е.А. Бегловой и В.Р. Эрлиха, опирающихся на материалы Тенгинского могильника, – это тип 1, вариант «а» мисок. Появляясь на правом берегу Кубани в IV в. до н.э., они широко распространяются в III в. до н.э. и, в разных вариациях существуют вплоть до III в. н.э. (Беглова, Эрлих, 2018, с. 137-138).

Второй сосуд, к сожалению, сильно разрушен и форма его не совсем ясна (рис.23, 2). Судя по его явно биконическому корпусу и подовальной в сечении ручке, он может быть близок к рассмотренному выше кувшину из погребения кургана 8. При этом не должна смущать некоторая архаичность формы кувшина при сопоставлении с миской. Уже неоднократно отмечалась тенденция к сохранению архаичных форм ряда предметов у позднекобанского населения Ставропольской возвышенности (Березин, Каминский, Малашев, 2012, с.81; Березин, Лычагин, 2020, с.109 - 110.). Возможная датировка погребения – конец I тыс. до н.э.

Погребение 2 совершено в яме подпрямоугольной формы, размерами 1,40 × 0,36 м, ориентированной длинной осью по линии северо-запад – юго-восток, на глубине -2,03 м от R. Кости скелета не сохранились, погребального инвентаря нет, культурно-хронологическая характеристика затруднена.

«Курган 10» (рис.24, рис.25), сохранился лишь сегмент каменного кромлеха. Его остатки обнаружены в кв. Д44–45, на самом краю обрывистого склона над поймой Кубани. Вероятно, основная часть кургана, находившаяся в пределах кв. Д45 на глубине -1,60– -1,78 м от R, в свое время обрушилась вниз обрыва над поймой Кубани. При расчистке остатков кургана отмечена находка кремня (рис.26), возможно, имевшая отношение к данной погребальной конструкции.

«Курган 11» (рис.3, кург.11, рис.27). Наземных признаков не имел, его реконструируемый диаметр около 15 м, высотой 0,20 м, был расположен в кв. Д20–46 (рис.3, кург.11), раскопан не полностью. Курган сильно разрушен механизированной распашкой.

Погребение 1. Обнаружено на глубине -1,35– -1,74 м от R, открыта каменная конструкция размерами 4,16×3,65 м, рядом с которой обнаружено детское безынвентарное захоронение. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад (рис.27).

Погребение 2. Совершено в яме, прослеженной в центральной части каменной конструкции. Судя по сохранившимся останкам скелета, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Возле таза найден развал керамического сосуда светло-коричневого цвета (рис.27).

Керамический сосуд (рис.29) полностью по форме идентичен корчаге из погребения 1 кургана 6, описанной выше, соответственно, он может датироваться VI-V вв. до н.э.; реже подобные сосуды встречаются в погребениях IV в. до н.э.

Погребение 3. Найдено после разборки каменной конструкции на глубине -2,06 м от R. Совершенное в яме овальной формы, размерами 2,14×1,14 м, ориентированной длинной осью по линии северо-запад – юго-восток (рис.28). Погребальный инвентарь отсутствовал. Датировка неясна.

«Курган 12» (рис.4, кург.12), расположен в южной части раскопа, в кв. Д27, раскопан примерно на 30%. Насыпь кургана сильно разрушена механизированной вспашкой. В южной поле кургана на глубине -1,00 – -1,11 м от R открыта каменная конструкция (*объект 3*), перекрывавшая детское безынвентарное захоронение. Погребение совершено в каменном ящике размерами 1,02×0,72 м и может быть датировано ранним средневековьем.

Плохая сохранность большей части захоронений эпохи раннего железа, как и неполная раскопанность, по объективным причинам, части курганов, затрудняет их исследование. Вместе с тем эти погребения несут довольно любопытную информацию. Погребение 1 кургана 8 сохранилось достаточно хорошо. Это основное и единственное погребение в кургане, имеющем каменный кромлех. Погребенный лежит вытянуто на спине, ориентирован головой в северо-западный сектор, кисти рук расположены на тазовых костях.

Я.Б. Березин, А.А. Иванов, Е.И. Нарожный
Погребальные комплексы археологического объекта «Городище». Новокубанский район Краснодарского края

(Материалы охранно-спасательных археологических исследований 2014 г.)

Все эти признаки, в определённой степени, характерны для савроматских погребений, что было отмечено ещё К.Ф. Смирновым (Смирнов, 1964, с.75–77, табл. 3, 4). В тоже время, в погребении найден кобанский сосуд, в большинстве савроматских захоронений Предкавказья присутствуют специфические лепные очень грубые савроматские сосуды. Такие погребения были обнаружены всего в 30-35 км северо-восточнее Прочноокопской. у хут. Радионов и пос. Солнечнодольск Ставропольского края (Березин, 2022; Березин, Ильюков, 2022, с.160. рис.2, 3).

Погребения № 1 кургана 6 и № 2 кургана 11, также датирующиеся скифским временем – в рамках VI-V до н.э, к сожалению, сильно разрушены. Наличие в них крупных сосудов явно меотского облика позволяет очень осторожно ставить вопрос о наличии на территории археологического комплекса «Городище» и в его ближайших окрестностях каких-то ранних меотских памятников.

Наиболее поздними комплексами в рамках раннего железного века являются погр.2 кург.6 и погр.1 кург.9. К сожалению, эти комплексы также неполноценны по сохранности. Однако, ориентировка погребённых в южном секторе, внушительный набор черешковых наконечников стрел позволяют, также весьма осторожно связать их с группами среднесарматского населения, продвинувшимися далеко на юг в Предкавказье. Тем более, что находки захоронений, связываемых со среднесарматской культурой уже известны под Армавиром и Ставрополем (Малашев, 2016, с.10-11).

Определённый интерес представляют собой и раннесредневековые погребальные объекты, попавшие в границы раскопа. Сильно разрушенные задолго до раскопок, тем не менее, они становятся дополнительным археологическим материалом, напрямую связанным с рядом расположенным поселением («селищем») Кизиловая Балка.

Результаты выполненных археологических исследований на территории зарегистрированного объекта культурного наследия регионального значения «Городище» не подтвердили наличия стратифицированного культурного слоя археологического памятника поселенческого типа. В процессе охранных раскопок были обнаружены и полностью или частично исследованы остатки 12-ти курганных насыпей. Культурный слой другого, рядом расположенного памятника археологии регионального значения – «Селище» (рис.2), в действительности, обширного поселения хазарского времени¹⁹, прослежен лишь фрагментарно, в пределах нескольких квадратов – кв. Д54–55, Д22–31 (рис.4), в данную публикацию не включен, т.к. он требует отдельного внимания. Учитывая все данные, полученные в ходе археологических исследований, потребовавших внесения некоторых изменений в предмет хоздоговора, а также последовавших согласований с заказчиком, получения нового «Открытого листа» на производство работ по изучению и доисследованию курганов, снятия опор ВЛ и их растяжек, привело не только к пониманию необходимости завершения исследований в новом полевом сезоне на совершенно новых условиях. По согласованным условиям и дополнительному соглашению четко прописывалась потребность обязательного исследования курганов не только под опорами, но и уже затронутых нашими раскопками 2014 г., в пределах, установленных этими раскопками границ на всех участках. Полный и ответственный контроль за осуществлением этих планов, согласно составленным и подписанным тогда документам, возлагался на руководителя краевого управления – Г.Г. Давыденко (г. Краснодар). Следует отметить, что указанные работы были возобновлены, но лишь в 2016 г., и были проведены уже силами ИИМК под руководством его сотрудника – А.Ю. Городилова; для их проведения привлекалась и учебно-полевая археологическая

¹⁹ Речь идет о поселении «Кизиловая Балка», хорошо известном специалистам. Несмотря на эпизодичность археологических работ на нем (Анфимов, 1982, с.63-64; Биджиев, 1985, с. 5-11; 1989, с. 24-39 и др.), общее представление об этом памятнике дает анализ подъемного материала отсюда (Нарожный, Галаган (Лихошерстова), 1996, с. 18-20; Нарожный, Соков., 2002, с. 25-29).

практика студентов-первокурсников исторического факультета АГПУ (г. Армавир), о чем неоднократно сообщалось в местных СМИ (Кизиловaя, 2016 и др.). Археологические работы 2016 г. привели не только к замене старой опоры № 15, хотя стало заметным и то, что при этом, маршрут новой линии ВЛ к опоре был проложен по-иному, при этом затронув охранную зону еще одного из нераскопанных курганов. При этом исследованный в 2014 г. участок под временную грунтовую дорогу к опоре и, вероятно, все финансовые затраты на нее стали, фактически, бессмысленными.

Проведенные охранно-спасательные археологические исследования и полученные по их результатам, публикуемые ныне материалы позволяют рассматривать их как важный источник информации, часть которого хронологически и исторически связана с рядом расположенным поселением хазарского времени «Кизиловaя балка». В то же время, проведенные охранно-спасательные исследования на территории археологического объекта под названием «Городище» неожиданно высветили еще одну проблему. Несмотря на то, что они предварялись уже упоминавшимися выше, отнюдь, далеко не бесплатными, а достаточно дорогостоящими разведками с обязательными шурфовками, якобы, подтвердившими наличие здесь городища меото-сарматского времени, на самом деле, как показали раскопки, исследованный памятник оказался территорией курганного могильника («курганы № № 1-12»). Эти курганы являлись составной частью обширного курганного некрополя. В его границы входят и другие, ныне хорошо, или пока еще едва заметные курганные насыпи, находящиеся на прилегающей к раскопу территории. В архивных материалах 1992 г., в то время подготовленных армавирским краеведом-исследователем Н.И. Навротским (о нем см.: Седьмые., 2000, с.3-40; Нарожный, 2022 с. 111-118), привлекавшимся для проведения т.н. «Инвентаризации ...» памятников историко-культурного наследия Успенского и Новокубанского районов Краснодарского края (Нарожная, 1992), по итогам которой в краевое ГУП «Наследие Кубани» был предоставлен соответствующий отчет. В нем интересующий нас археологический объект, действительно, проходил, как это было и в соответствующей, существовавшей в более ранний период документации, как «курганый могильник». Также он был обозначен и в отчетах Н.И. Навротского за 1964-1970 гг. (Навротский, 1970). Таким образом, загадочная «трансформация» хорошо известного курганного могильника в «городище» меото-сарматского времени, затем отразившаяся в учетной и проектной документации, к сожалению, заставляет вновь обратить внимание на проблему *качества* не только отчетных полевых исследований, но и появляющихся после проведения охранно-спасательных и новостроечных работ. Необходима и более ответственная, *высокопрофессиональная требовательность* не только к таким отчетам, но и к тем, которые такие работы производят. К сожалению, как показывает существующая негативная практика, на которую уже обращалось внимание (Нарожный, 2020, с. 280-285; 2021а, с. 214-224), остается вне внимания давно существующих *надзорных*, в т.ч. и *краевых* учреждений. По поводу последних возникает и вполне закономерный вопрос: почему согласовав и подписав дополнительное соглашение на новые сроки и объемы проведения археологических исследований в зоне замены опоры № 15 (на 2016 г.) с *обязательным доисследованием* тех из публикующихся ныне курганов, они так и не были доисследованы полностью? Тем более, что контроль за их выполнением возлагался на конкретных лиц в Краснодаре и Санкт-Петербурге.

Литература

- Анфимов Н. В., 1951.** Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. // МИА – № 23 – М. -Л.: Изд-во АН СССР – С. 155-207.
- Анфимов Н.В., 1982.** Средневековые селища правобережья р. Кубани (Ставропольское плато) // XII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа – М. – С.63–64.
- Анфимов Н.В., 1988.** Катакомбные погребения Прочноокопского могильника // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа /Под ред. В.А. Кузнецова и В.Х. Тменова. – Орджоникидзе. – С.51–56.

- Бабенко В.А. Березин Я.Б., 2009.** Сарматские погребения могильников Айгурский 2 и Барханчак 2 (северное Ставрополье) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа – Вып. IX, –М.: Памятники исторической мысли– С. 279 – 320.
- Беглова Е.А. Эрлих В.Р. 2018.** Меоты Закубанья в сарматское время. По материалам Тенгинского грунтового могильника. – М.-Спб: Нестор-История – 284с.
- Березин С.Я., Березин Я.Б., 2007.** Раскопки могильника 3-го Прочноокопского городища в 2005 году // Археологический журнал. – № 1 /Под ред. Е.И. Нарожного. – Армавир: АГПУ. – С.42–52.
- Березин Я.Б. Каминский В.Н, Малашев В.Ю., 2012.** Татарское городище и формирование памятников типа Татарка - Вербовка. М.: Таус –206 с.
- Березин, Я.Б. 2022.** Отчёт о раскопках курганного могильника «Солнечнодольск-4» в Изобильненском районе Ставропольского края в 2020 г. //НОА ИА РАН, Р-1, № № 73 339, 73340.
- Березин Я.Б. Лычагин А.В. 2020.** Новое захоронение в склепе сарматского времени на Ставропольской возвышенности. // МИА Северного Кавказа – Вып.18 /Под ред. Е.И. Нарожного – Армавир-Краснодар – С.84–128.
- Березин Я.Б. Ильюков Л.С. 2022.** Погребения эпохи раннего железа северо-западного Ставрополя. // Древности Северного Кавказа и прилегающих территорий // Из истории культуры народов Северного Кавказа – Вып.19 / Отв. ред. Ю.А. Прокопенко – Ставрополь: Печатный двор – С.150–182.
- Биджиев Х.Х., 1985.** Исследование болгарских поселений степного Предкавказья в 1982-1983 гг. (итоги археологических раскопок) // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии /Под ред. Е.П. Алексеевой – Черкесск. – С. 5–11.
- Биджиев Х.Х., 1989.** Исследование средневековых поселений Карачаево-Черкесии и степного Предкавказья в 1985-1988 годах // Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии. Сборник научных трудов /Под ред. Е.П. Алексеевой – Черкесск – С.24–39.
- Биджиев Х.Х., 1993.** Тюрки Северного Кавказа: (Болгары, хазары, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы: вопросы истории и культуры) /Отв. ред. Е.П. Алексеева – Черкесск: Карачаево-Черкесское полиграф. объедин. – 376 с.
- Бурков С.Б. Прокопенко Ю.А. 2008** Подкурганные погребения раннего железного века - эпохи раннего средневековья с территории предгорной Чечни. /под. ред., Б.А. Раева – Ставрополь: Орион, 384с.
- Василиненко Д.Э., Пьянков А.В., 2013.** Складные серпы из средневекового курганного могильника «Тешебс-1» (Геленджик, Краснодарский край) // II «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы хронологии археологических памятников эпохи древности и средневековья (Краснодар, 30-31 мая 2012 г.). – Краснодар: КГКМЗ – С. 19–26.
- Виноградов В.Б., 1963.** Сарматы Северо-Восточного Кавказа. (Труды ЧИНИИ – Т.VI), /Отв. ред. К.Ф. Смирнов – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во. –178 с.
- Виноградов В.Б. Дударев С.Л., 1883.** К этнокультурной интерпретации некоторых материалов VII в. до н.э. из Предкавказья. //Археологический сборник – Л.: Искусство – С.49 – 56.
- Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2001.** Горькобалковский могильник N 2 VIII–IX вв.: публикация материалов // МИА Кубани. Сборник статей. – Вып. 1 /Отв. ред. И.И. Марченко – Краснодар: КубГУ. – С. 138–167.
- Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2003.** Горькобалковский могильник N 2 VIII–IX вв.: публикация материалов (2) // МИА Северного Кавказа – Вып. 1 /Отв. ред. Е.И. Нарожный – Армавир: РИЦ АГПИ – С. 115–140.
- Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2004.** Горькобалковский могильник N 2 VIII–IX вв. – МИА Северного Кавказа – Вып. 4 /Отв. ред. Е.И. Нарожный – Армавир: РИЦ АГПИ – С.179–199.
- Гадло А.В., 1976.** Археолого-этнографические исследования 1972 года в западных районах Ставропольского края // Материалы по истории Ставропольского края – Вып. 14. – Ставрополь: Ставр. кн. изд-во. – С.154–161.
- Гадло А.В., Найдено А.В., 1973.** Разведка по Егорлыку // АО 1972 года – М.: Наука. – С. 117 –118.

- Дударев и др., 2020. Дударев С.Л., Пелих А.Л., Савенко С.Н., Цецхладзе Г.Р. Археологические источники о происхождении и этнополитической истории населения Северного Кавказа – Армавир: Дизайн-студия Б– 394 с.; ил.
- Иванов А.А., Нарожный Е.И., 2022. Охранно-спасательные исследования археологического объекта «Городище». Новокубанский район Краснодарского края (часть 1 – раскопы 1 и 3) // Историко-археологический альманах – Вып.16 /Отв. ред. Р.М. Мунчаев. – Армавир-Краснодар- Москва. – С. 160–169.
- Иванов А.А., Нарожный Е.И., Соловьев С.Л., 2015. Охранные археологические исследования в Новокубанском и Успенском районах Краснодарского края в 2014 г. // Бюллетень ИИМК РАН. – Т.5: Охранная археология /Под ред. и состав. Н.Ф. Соловьевой – СПб: ИИМК. – С. 163–192.
- Иессен А.А., 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА – Вып. 23 – М.-Л.: Изд-во АН СССР – С. 75–124.
- Каменецкий И.С., 1989. Меоты и другие народы Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. - III в. н.э. // Степи Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука – 464 с.
- Кантемиров Э.С., Дзатиатты Р.Г., 1995. Тарский катакомбный могильник VIII-IX вв. // Аланы: история и культура (Alanica). – Вып. III /Отв. ред. В.Х. Тменов – Владикавказ: СОИГСИ – С.259–314.
- Кизиловая, 2016. Кизиловая Балка раскрывает свои тайны // Армавирский собеседник. 11.07.2016.
- Клещенко А.А., 2013. Суворовская катакомбная культура: предварительная характеристика. // КСИА – Вып.228 – М.: Языки славянской культуры – С. 171–190.
- Козенкова В.И., 1980. О границах западного варианта кобанской культуры // СА – № 3. –С. 37–41.
- Козенкова В.И., 1998. Материальная основа быта кобанских племён. Западный вариант // САИ – В2-5 – М.: ИА РАН. – 200 с.
- Лимберис Н.Ю. Марченко И.И., 2012. Меотские древности VI - V в. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани) – Краснодар: Традиция – 316 с.
- Лопатин А.П., Лопатина Т.Е., 2006. Грунтовый могильник Прочноокопского городища № 3 Новокубанского района // Первая Абхазская международная археологическая конференция, посвященная памяти Ю.Н. Воронова (Сухум, Абхазия, 06–11 ноября 2006 года) – Сухум, Абхазия: Абхазский институт гуманитарных исследований АНА. – С. 236 – 237.
- Лопатин А.П., 2020 Исследования грунтового могильника у станицы Прочноокопской. К 100-летию Николая Ивановича Навротского // <https://vk.com/@arkmus-issledovaniya-gruntovogo-mogilnika-u-stanicy-prochnookopskoi>.
- Малашев В.Ю. 2016. (При участии: Ю.К. Гугуева, А.В. Дедюлькина, Ф.С. Дзуцева, В.А. Меньшиковой, С.Ю. Фризена). Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках северо-восточного Кавказа второй половины II - середины V в.н.э./Отв. ред. В.Б. Ковалевская – М.: ИА РАН. – 208 с.
- Марченко И., 1996. Сираки Кубани /Отв. ред. В.Б. Виноградов – Краснодар: КГУ. – 219 с.
- Мимоход Р.А., 2013. Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. Материалы охранных археологических исследований. – Т.16 – М.: ИА РАН. –568 с.
- Навротский Н.И., 1970. Отчет о произведенных археологических разведках без производства земляных работ на территории Новокубанского, Лабинского и Кавказского районов Краснодарского края в 1964-1970 гг. – Армавир.
- Нарожная Ф.Б., 1992. Первые итоги инвентаризации археологических памятников Новокубанского района // К изучению историко-культурного прошлого населения Прикубанья. Материалы заседания студенческо-преподавательского семинара. – Армавир. АГПИ.
- Нарожный Е.И., 2020. «Новое» как напрочь забытое «старое»? // Древности Кубани. Сб. научных трудов. Вып.24 /Под ред. В.В. Верещагина. – Ростов-на-Дону - Таганрог: Изд-во ЮФУ. – С.280-285–
- Нарожный Е.И., 2021. О «кенотафах» могильника № 2 VIII-X вв. у хут. Горькая Балка (Новокубанский Район Краснодарского края) // Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов. – Вып. 29 – Барнаул: ИП. Колмогоров И.А. –С.93–97.
- Нарожный Е.И., 2021а. Когда данные «Учетных карточек» и «Исторических справок» не равнозначны «Историографии» // МИА Северного Кавказа – Вып.19 /Под ред. Е.И. Нарожного – Армавир-Карачаевск: Изд-во КЧГУ. – С. 214–224.

Я.Б. Березин, А.А. Иванов, Е.И. Нарожный

Погребальные комплексы археологического объекта «Городище». Новокубанский район Краснодарского края

(Материалы охранно-спасательных археологических исследований 2014 г.)

- Нарожный Е.И., 2022** К истории изучения археологических памятников города Армавира – погребение эпохи бронзы (По архивным материалам краеведа Н.И. Навротского) // Древности Кубани – Вып. 25 – Краснодар. – С. 111–118.
- Нарожный Е.И., Галаган (Лихошерстова) Н.А., 1996.** Тарная керамика Средней Кубани эпохи раннего средневековья // Третьи чтения по археологии Средней Кубани: тез. докл. и сообщ. /Под ред. В.Б. Виноградова. – Армавир: АГПИ. – С.18–20.
- Нарожный Е.И., Соков П.В., 2002.** Об основных типах поселенческого керамического материала со Средней Кубани (по материалам Кизиловой и Горькой Балки) // Девятые чтения по археологии Средней Кубани. Тез. докл. и сообщений /Под ред. Е.И. Нарожного – Армавир: АГПИ. – С. 25–29.
- Нарожный Е.И., Соков П.В., 2005.** Погребение № 5 Горькобалковского могильника № 2 (Некоторые аспекты этнокультурной атрибуции) // Четвертая Международная Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов /Под ред. И.И. Марченко – Краснодар. – С.190–191.
- Нарожный Е.И., Соков П.В., 2008.** Горькобалковский археологический комплекс VIII-IX вв. Некоторые итоги и перспективы изучения (К 15-летию охранно-спасательных археологических исследований) // Археология степной Евразии. Международный сборник научных трудов /Отв. ред. А.М. Илюшин. – Кемерово-Алматы. – С.17–39.
- Нарожный Е.И., Соков П.В., 2016.** Горькобалковский археологический комплекс VIII-IX вв.: реальности и вымысел в этнокультурной атрибуции // Apriori. Гуманитарные науки. Электронный журнал. – Краснодар. – № 5 – С. 1–17. <http://www.apriori-journal.ru/serial/5-2016/Narozhnyj-Sokov.pdf>.
- Нарожный Е.И., Соков П.В., 2019.** О возможном (прижизненном) «профессиональном» статусе двух погребенных на могильнике № 2 (XIII-XV вв.) поселения «Железнодорожное-1» (Крымский район Краснодарского края) // МИА Северного Кавказа – Вып. 17 /Под ред. Е.И. Нарожного – Армавир-Краснодар. – С.137–147.
- Нарожный Е.И., Тищенко И.Б., 2018.** Грунтовый могильник XIII-XIV вв. поселения «Железнодорожное-2» (Крымский район Краснодарского края) // Археология евразийских степей. Материалы VIII международной научной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова – Казань: ИА АН РТ. – № 4. – С. 41–148.
- Охранные, 2014.** Охранные археологические исследования участков объектов археологического наследия «Городище» и «Селище», расположенных к юго-востоку от ст. Прочноокопской на южной окраине Кизиловой балки в Новокубанском районе Краснодарского края // http://www.rescuearcheo.ru/projects_2014_pages/armavir.htm.
- Пьянков А.В., 2013.** К вопросу о происхождении складных серпов хазарского времени // Шестая международная Кубанская конференция /Отв. ред. И.И. Марченко – Краснодар: «Экоинвест». – С.359–364.
- Седьмые, 2000.** Седьмые чтения по археологии Средней Кубани (Краткое содержание докладов). К 80-летию Н.И. Навротского /Под ред. В.Б. Виноградова и Е.И. Нарожного – Армавир: АГПИ. –40 с.
- Смирнов К.Ф., 1964.** Савроматы. Ранняя история и культура сарматов – М.: Наука – 290 с.
- Фоменко В.А., 1998.** Могильник у горы Джуцы. // Материалы краеведческих чтений, посвященных памяти Андрея Петровича Рунича /Под ред. С.Н. Савенко – Пятигорск. – С.11–12.

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ МОЗДОКСКОГО РАЙОНА
СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ
(раскопки СОГУ 1980-х годов, часть 1)

© Я.Б. Березин¹, А.О. Наглер²

¹ Институт и музей антропологии Московского государственного университета,
г. Москва, Российская Федерация;

² Германский археологический институт (Deutsches Archäologisches Institut),
г. Берлин, Федеративная Республика Германия

Аннотация. В статье вводится в научный оборот 17 погребений эпохи раннего железа. Они исследовались в 1983 — 1987 годах экспедициями Северо-Осетинского государственного университета под руководством одного из авторов. Наиболее древнее погребение из публикуемых связано с древностями савроматов. Остальные относятся к кругу сарматских древностей, традиционно относимых к сиракскому союзу племен. Публикация существенно увеличивает количество используемых в научном обороте сведений по данному вопросу.

Ключевые слова: Северная Осетия, город Моздок, курганы, погребения, савроматы, сарматы, погребальный обряд, погребальный инвентарь, популяции человека, археологические материалы.

BURIALS OF THE EARLY IRON AGE FROM THE MOZDOK DISTRICT
OF NORTH OSSETIA
(excavations of SOGU in the 1980s, part 1)

© Ya.B. Berezin¹, A.O. Nagler²

¹ Institute and Museum of Anthropology of Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² German Archaeological Institute (Deutsches Archäologisches Institut), Berlin, Federal Republic of Germany

Abstract. The article introduces 17 burials of the Early Iron Age into scientific circulation. They were studied in 1983-1987 by expeditions of the North Ossetian State University under the guidance of one of the authors. The most ancient burial of the published is associated with the antiquities of the Savromats. The rest belong to the circle of Sarmatian antiquities, traditionally attributed to the Sirak union of tribes. The publication significantly increases the amount of information used in scientific circulation on this issue.

Keywords: North Ossetia, Mozdok city, burial mounds, burials, Sauromats, Sarmatians, funeral rite, burial inventory, human populations, archaeological materials.

Научное изучение курганных древностей Моздокских степей началось ещё в 1930-е годы экспедициями Государственного Эрмитажа (1933, 1936 годы Б.Б. Пиотровский, 1935 г. – М.А. Миллер). Комплексы скифского времени из этих раскопок опубликованы (Иессен, Пиотровский, 1940). Погребения сарматской эпохи были обнаружены В.Б. Виноградовым (Виноградов, 1963, с.43–48, 77–80). Небольшие раскопки у станицы Новоосетинской провел в 1973 году В.Х. Тменов. Погребений эпохи раннего железного века в раскопанных им двух курганах обнаружено не было, материал опубликован (Тменов, 1975, с. 113–133).

В первой половине 1980-х годов в Моздокском районе тогдашней Северо-Осетинской АССР были развёрнуты обширные мелиоративные работы, в связи с чем возникла необходимость исследования расположенных на площадях планируемого орошения курганных некрополей. Эта задача была выполнена археологической экспедицией Северо-Осетинского госуниверситета, исследовавшей в данном регионе значительное количество

Я.Б. Березин, А.О. Наглер

Погребения эпохи раннего железного века из моздокского района Северной Осетии
(раскопки СОГУ 1980-х годов, часть 1)

курганов (в 1980 г. – В.А. Сафронов, 1982, 1984 – В.Л. Ростунов, 1983 – А.О. Наглер, Н.И. Гиджрати, 1984-1987 – А.О. Наглер, 1988-1990 – Э.Л. Черджиев, Р.С. Сосранов).

Рис.1. План-схема расположения курганных могильников.

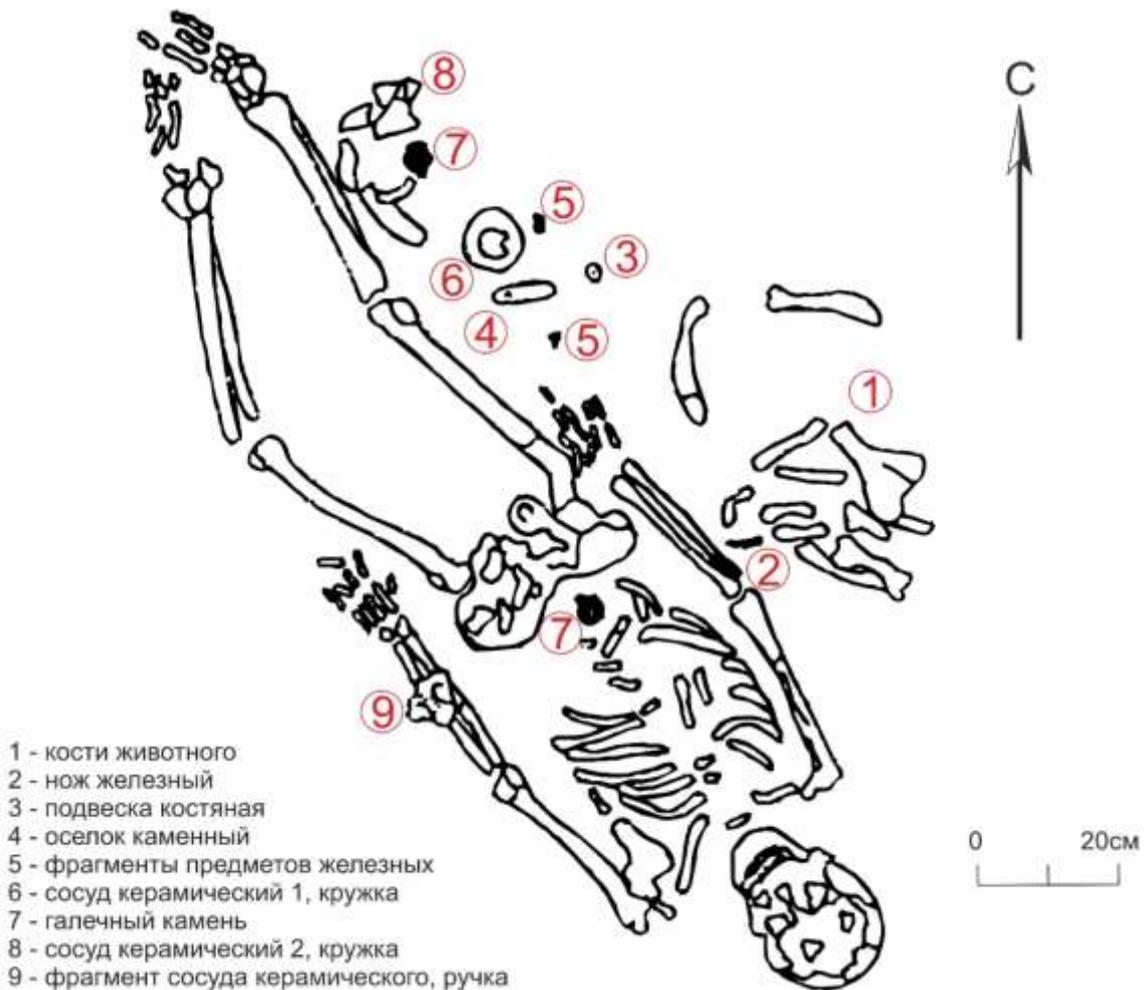

Рис.2. Курганная группа «Веселое». Курган 1. Погребение 2. План.

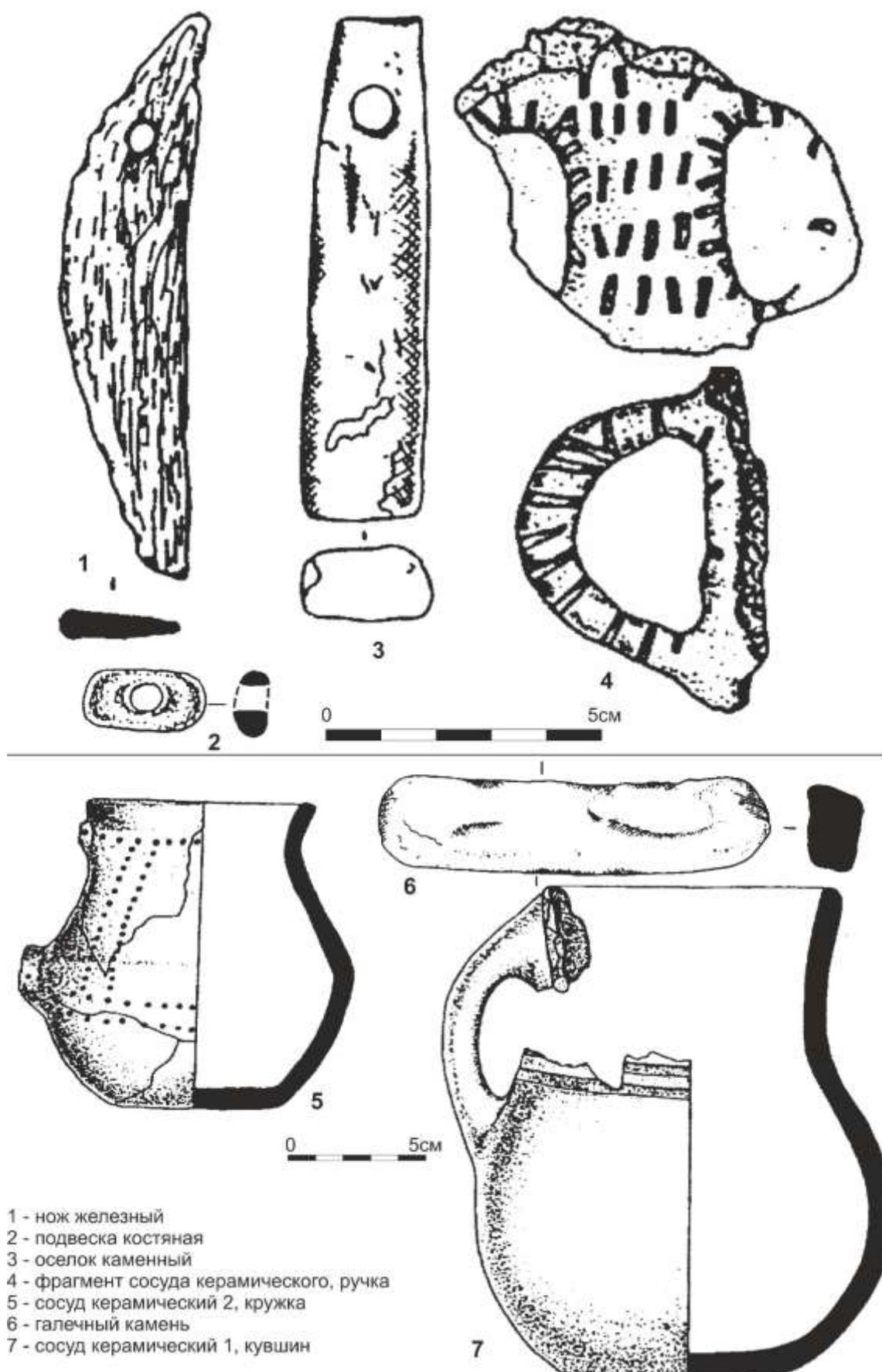

Рис.3. Курганная группа «Веселое». Курган 1. Погребение 2. Находки.

Я.Б. Березин, А.О. Наглер
 Погребения эпохи раннего железного века из моздокского района Северной Осетии
 (раскопки СОГУ 1980-х годов, часть 1)

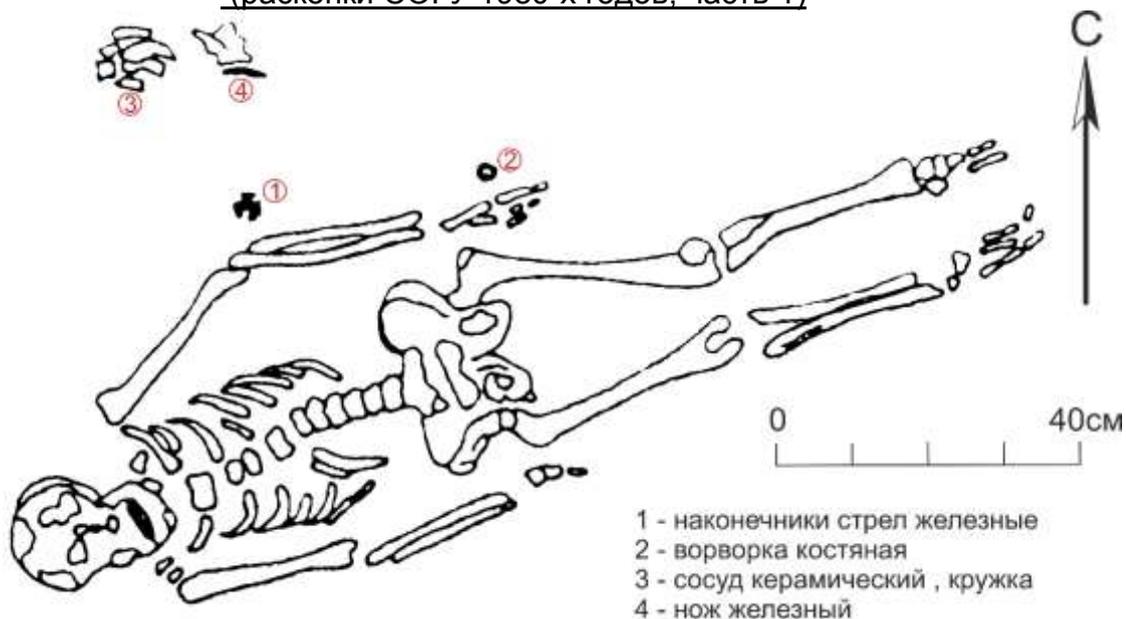

Рис.4. Курганная группа «Веселое». Курган 1. Погребение 5. План.

Рис.5. Курганная группа «Веселое». Курган 1. Погребение 5. Находки.

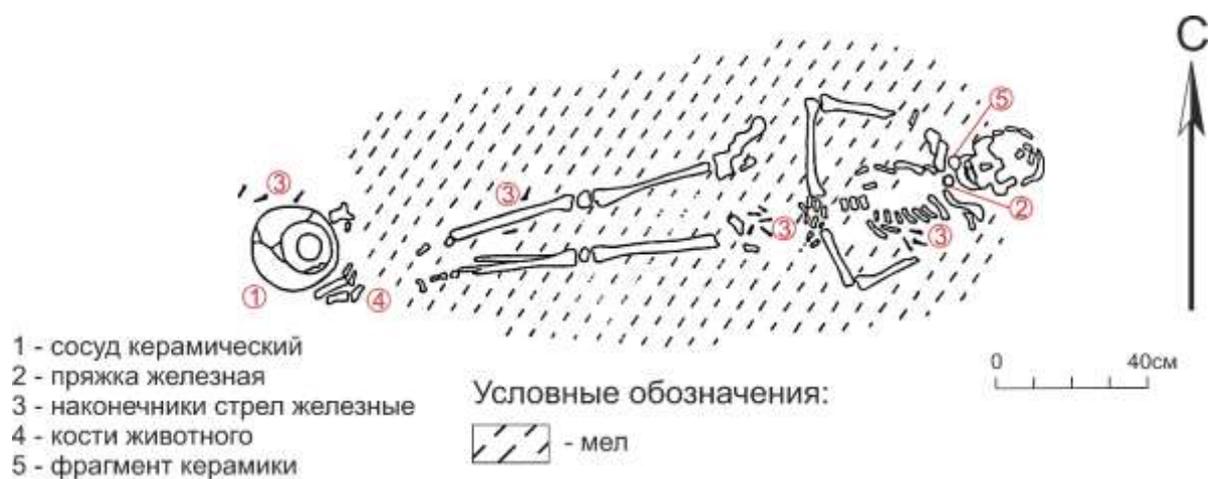

Рис.6. Курганная группа «Троицкое». Курган 2. Погребение 3. План.

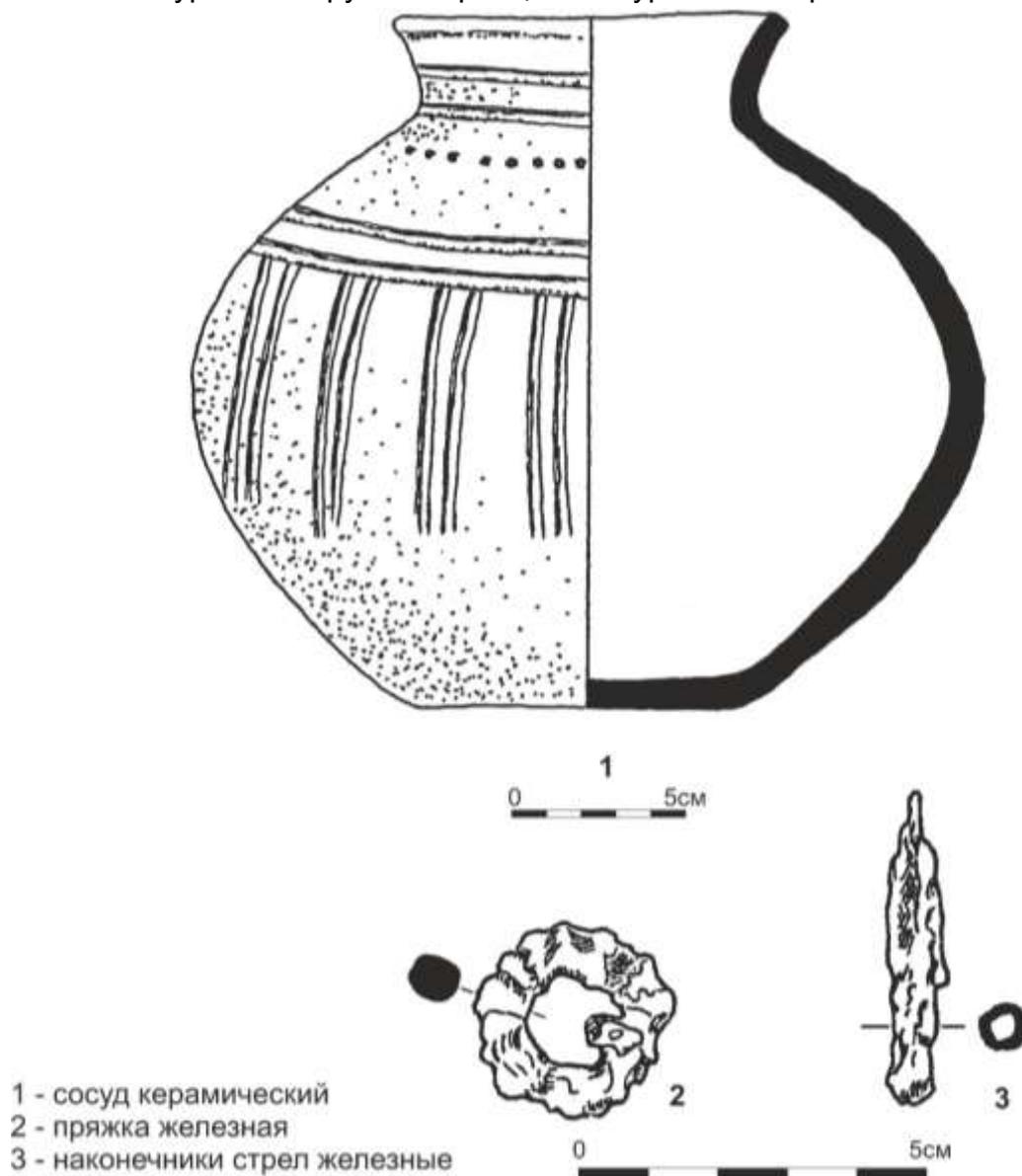

Рис.7. Курганная группа «Троицкое». Курган 2. Погребение 3. Находки.

Я.Б. Березин, А.О. Наглер
 Погребения эпохи раннего железного века из моздокского района Северной Осетии
 (раскопки СОГУ 1980-х годов, часть 1)

Рис.8. Курганная группа «Троицкое». Курган 2. Погребение 7. План.

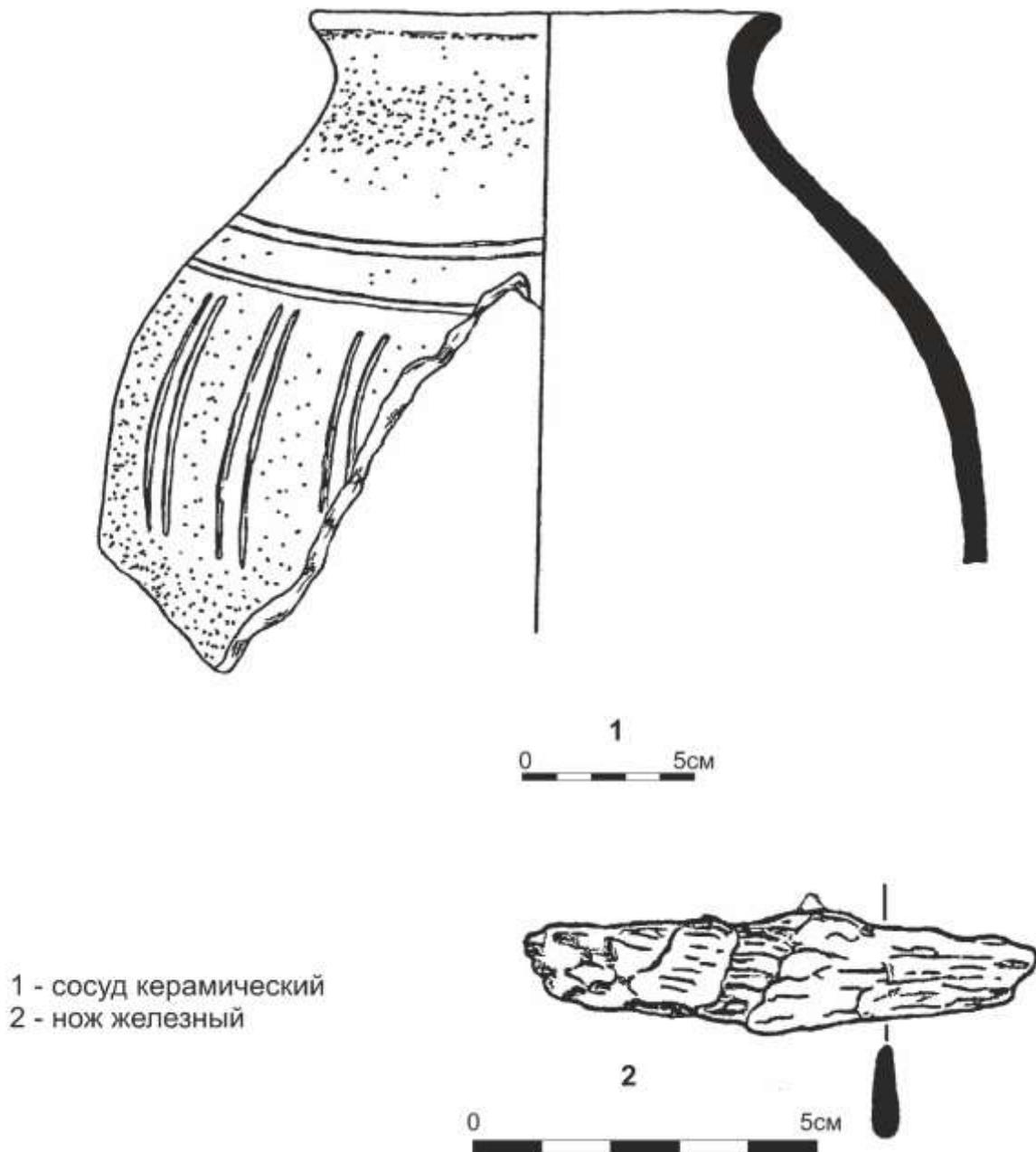

Рис.9. Курганная группа «Троицкое». Курган 2. Погребение 7. Находки.

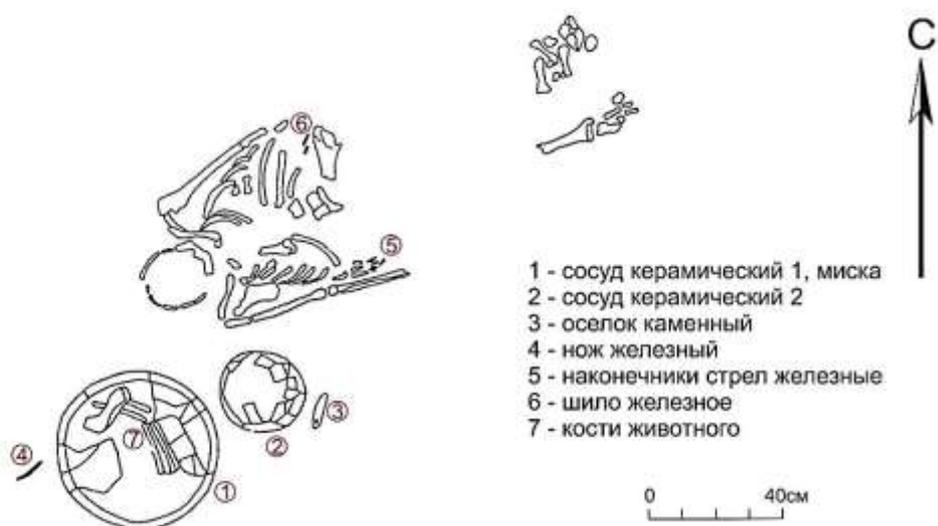

Рис.10. Курганная группа «Троицкое». Курган 3. Погребение 8. План.

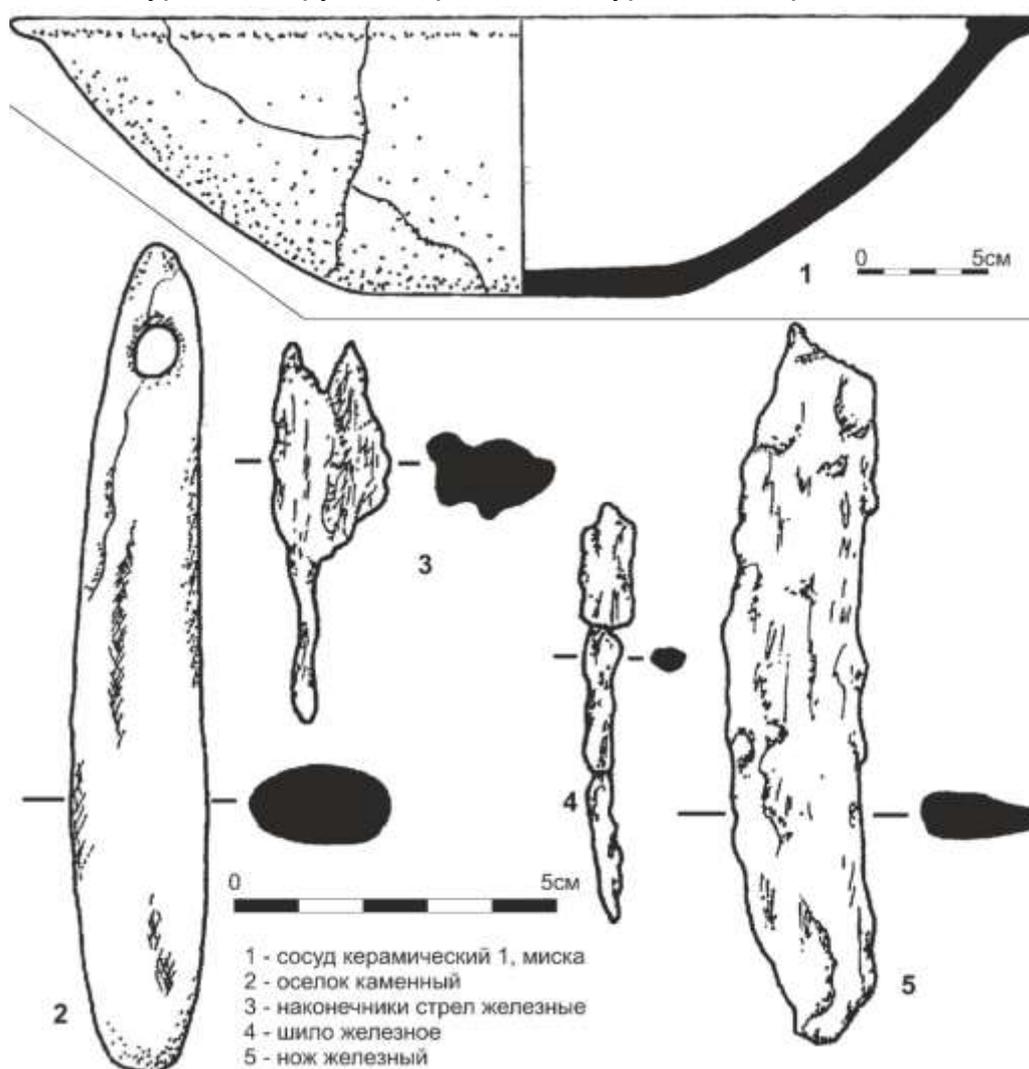

Рис.11. Курганная группа «Троицкое». Курган 3. Погребение 8. Находки.

Рис.12. Курганная группа «Черноярская». Курган 1. Комплекс 1. План.

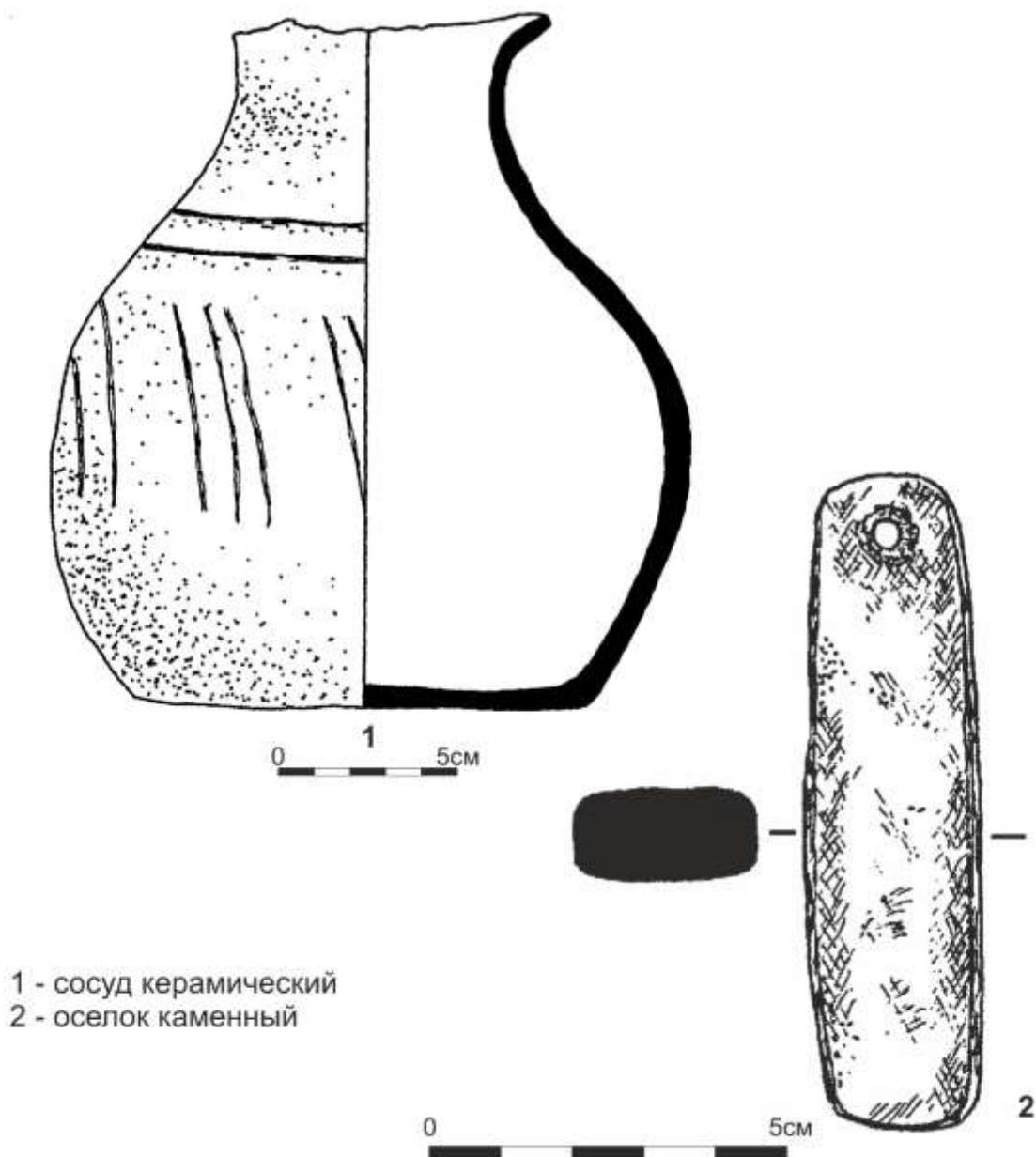

Рис.13. Курганная группа «Черноярская». Курган 1. Комплекс 1. Находки.

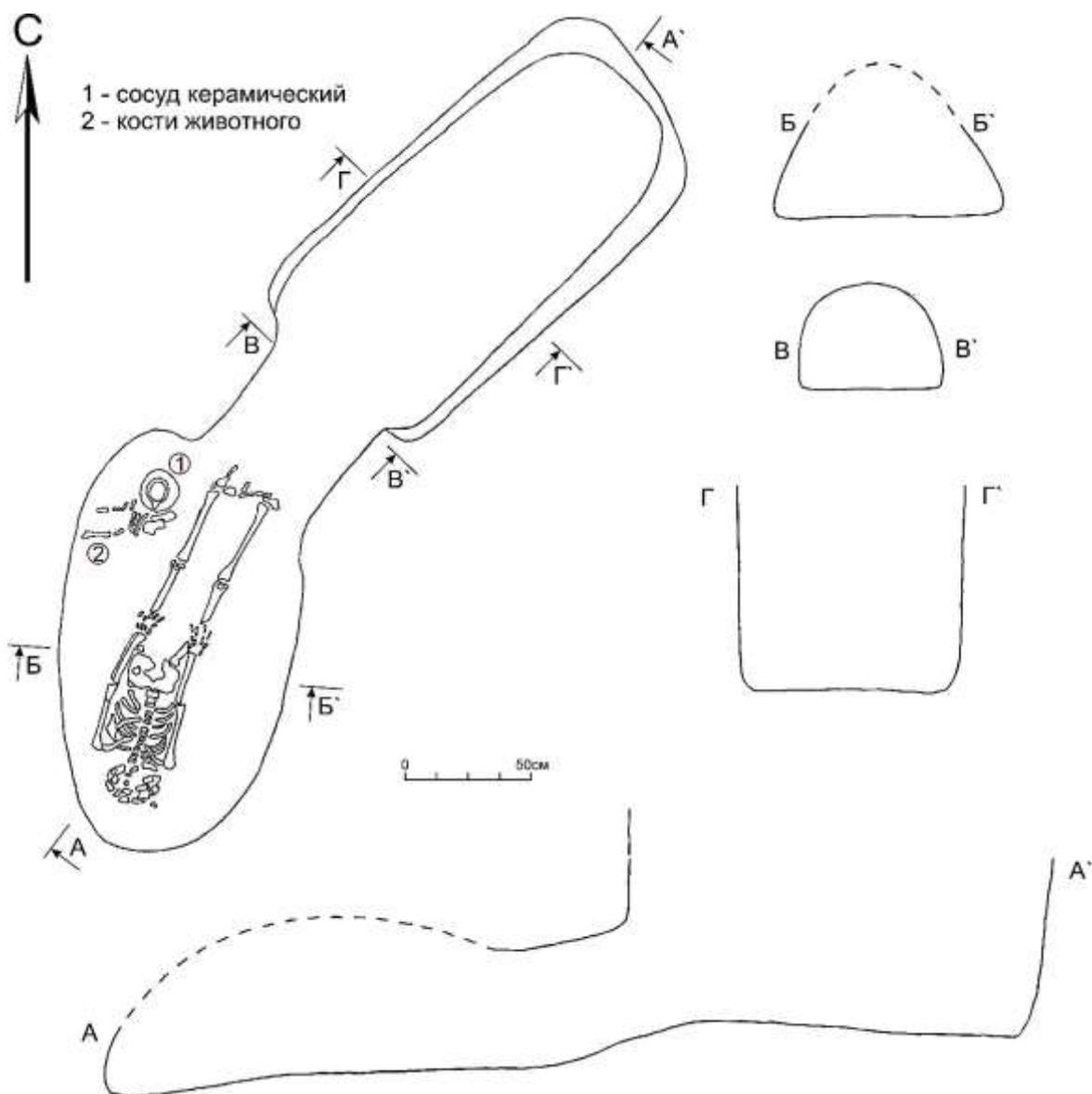
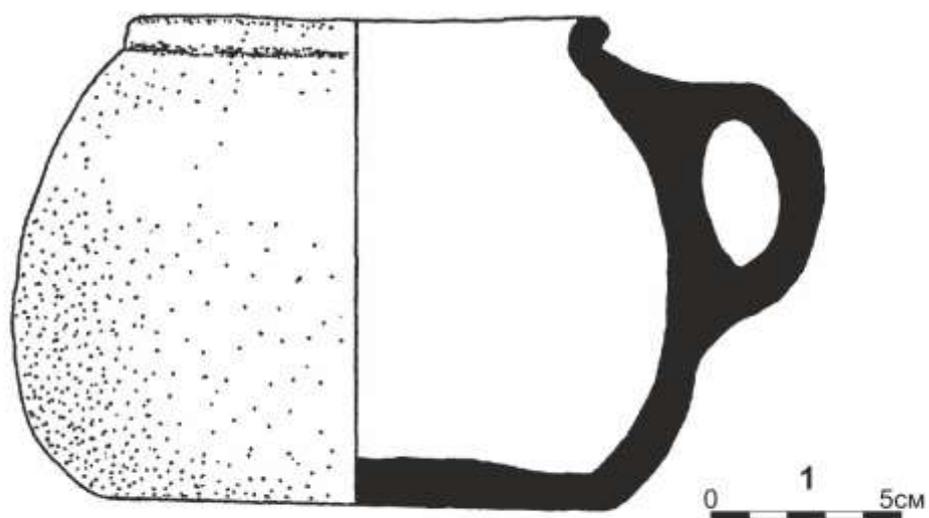

Рис.14. Курганная группа «Черноярская». Курган 1. Погребение 1. План.

1 - сосуд керамический

Рис.15. Курганная группа «Черноярская». Курган 1. Погребение 1. Находки.

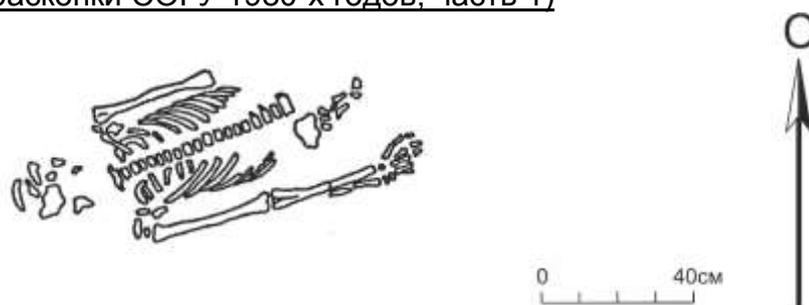
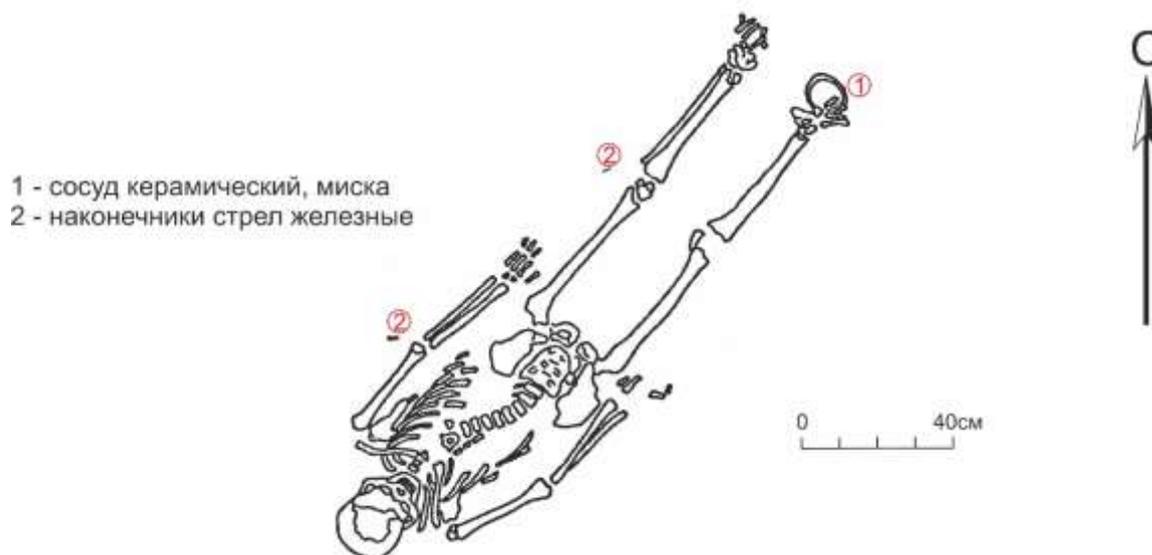
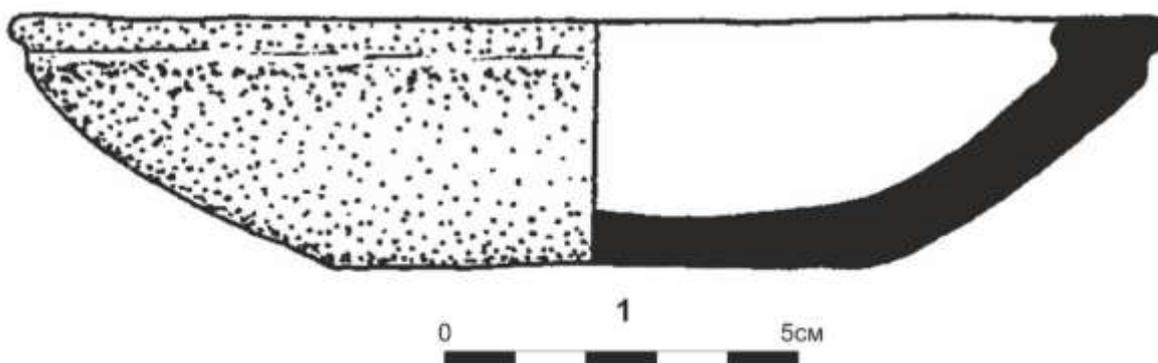

Рис.16. Курганная группа «Киевское». Курган 1. Погребение 1. План.

1 - сосуд керамический, миска
2 - наконечники стрел железные

Рис.17. Курганная группа «Киевское». Курган 1. Погребение 2. План.

1 - сосуд керамический, миска
2 - наконечник стрелы железный

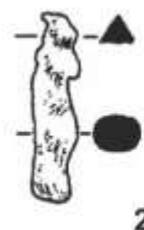

Рис.18. Курганная группа «Киевское». Курган 1. Погребение 2. Находки.

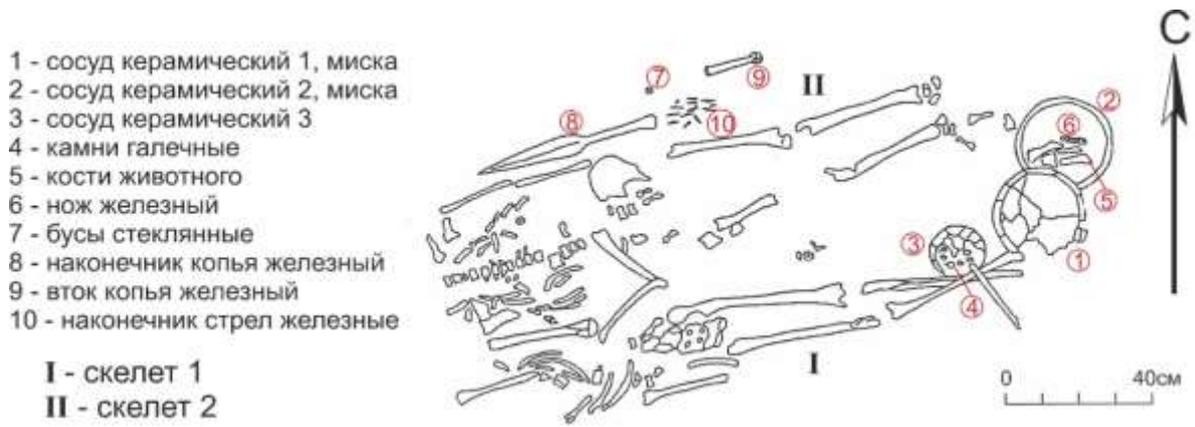

Рис.19. Курганная группа «Киевское». Курган 1. Погребение 5. План.

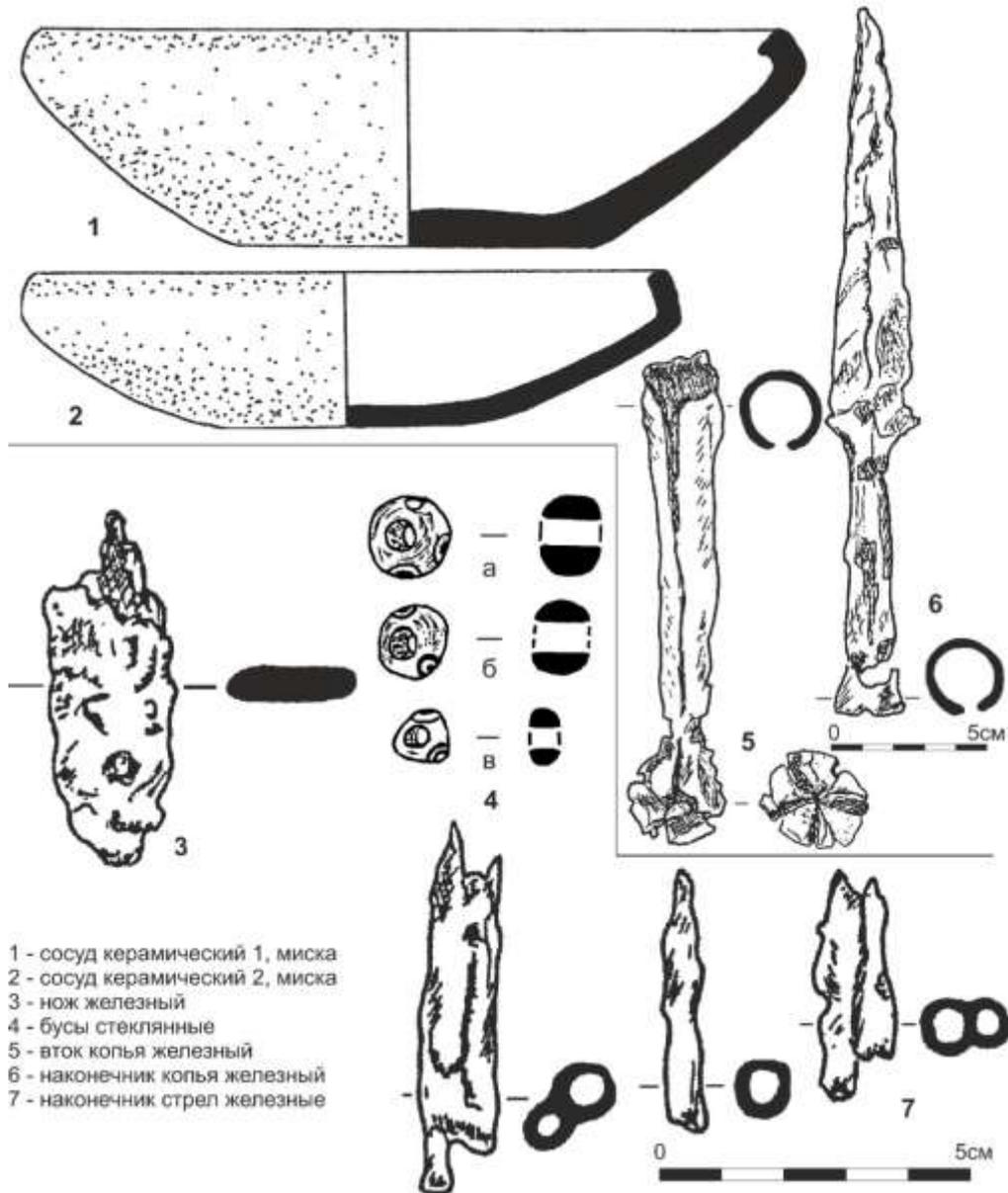

Рис.20. Курганная группа «Киевское». Курган 1. Погребение 5. Находки.

Погребения эпохи раннего железного века из моздокского района Северной Осетии
(раскопки СОГУ 1980-х годов, часть 1)

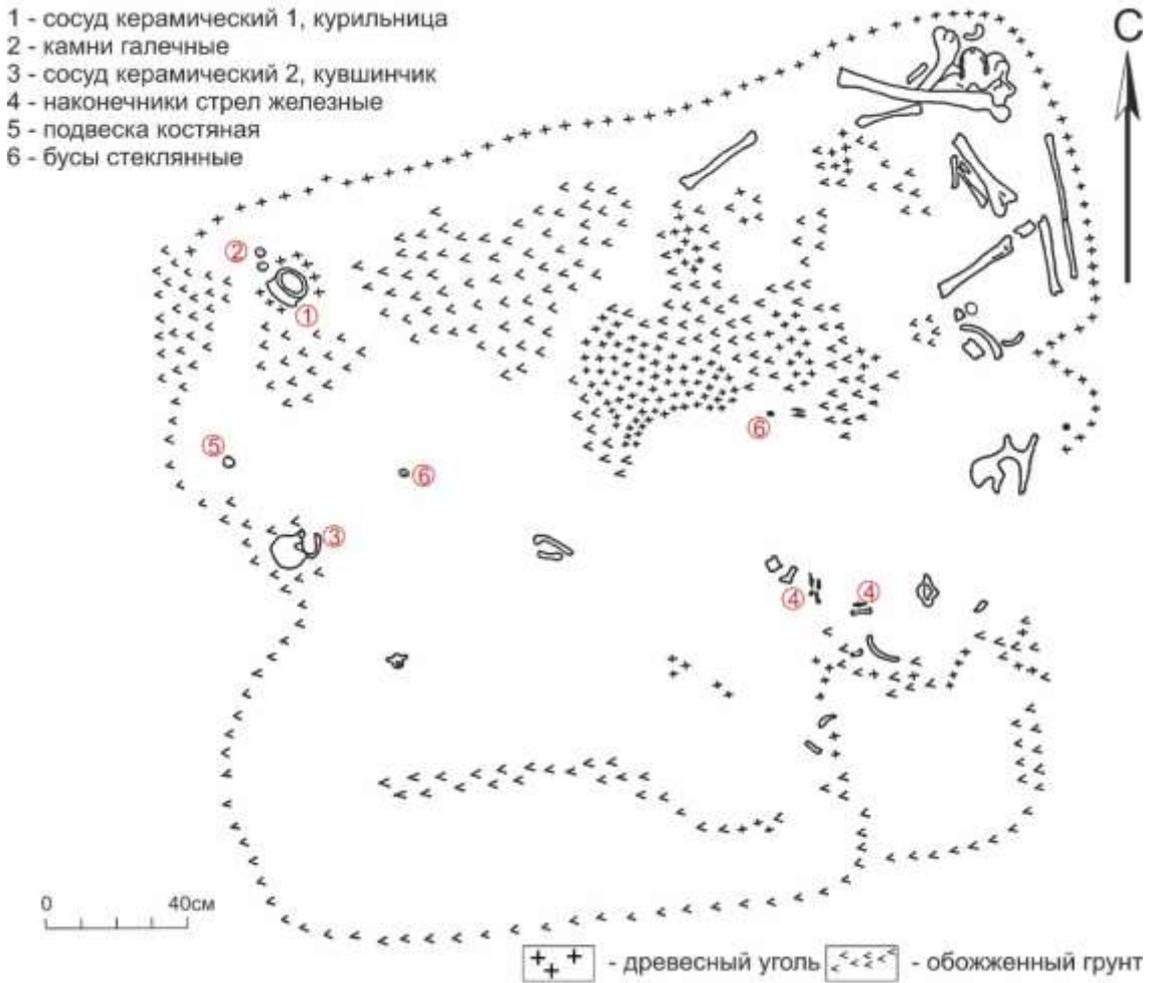

Рис.21. Курганная группа «Киевское». Курган 1. Погребение 8. План.

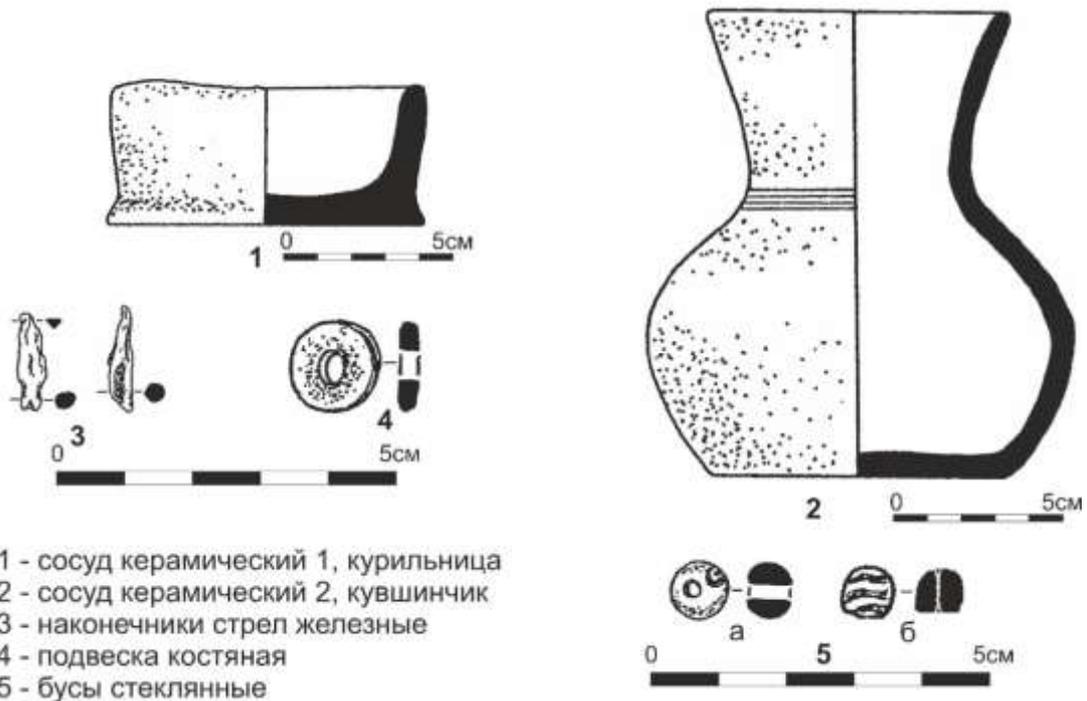

Рис.22. Курганная группа «Киевское». Курган 1. Погребение 8. Находки.

Рис.23. Курганная группа «Киевское». Курган 2. Погребение 2. План.

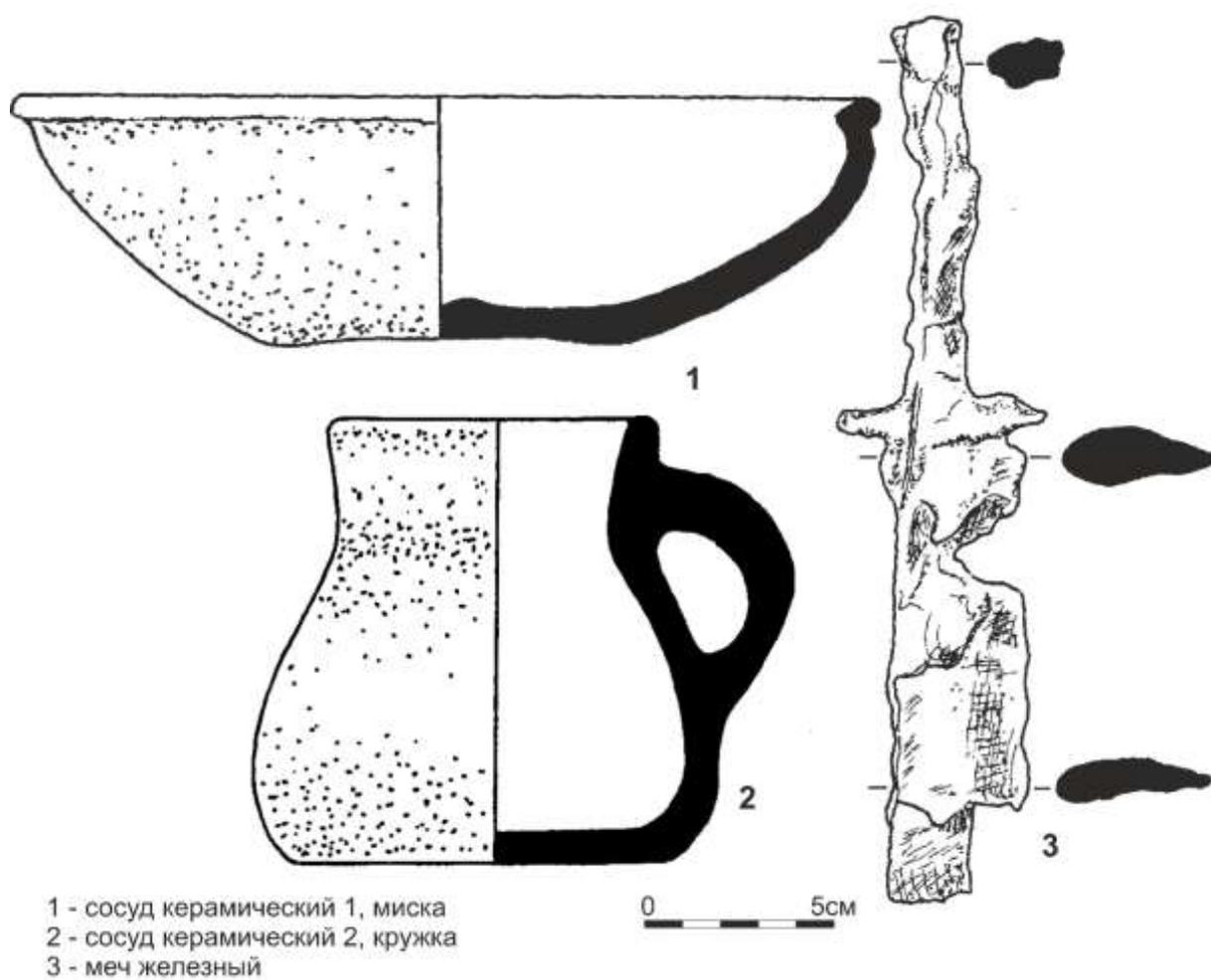

Рис.24. Курганная группа «Киевское». Курган 2. Погребение 2. Находки.

Погребения эпохи раннего железного века из моздокского района Северной Осетии
(раскопки СОГУ 1980-х годов, часть 1)

- 1 - булавка бронзовая
- 2 - пряслице керамическое
- 3 - наконечник стрелы железный
- 4 - фрагмент предмета бронзового

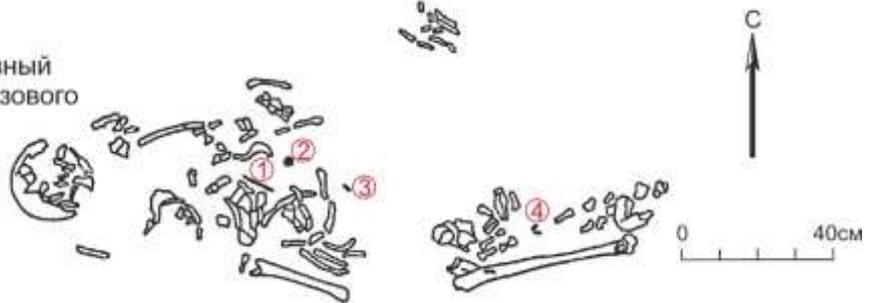
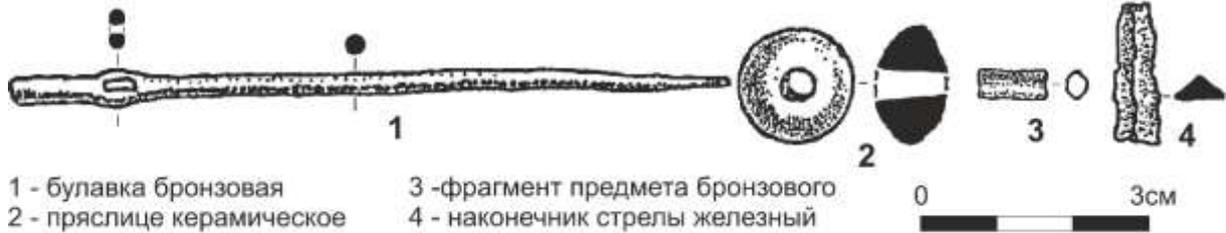
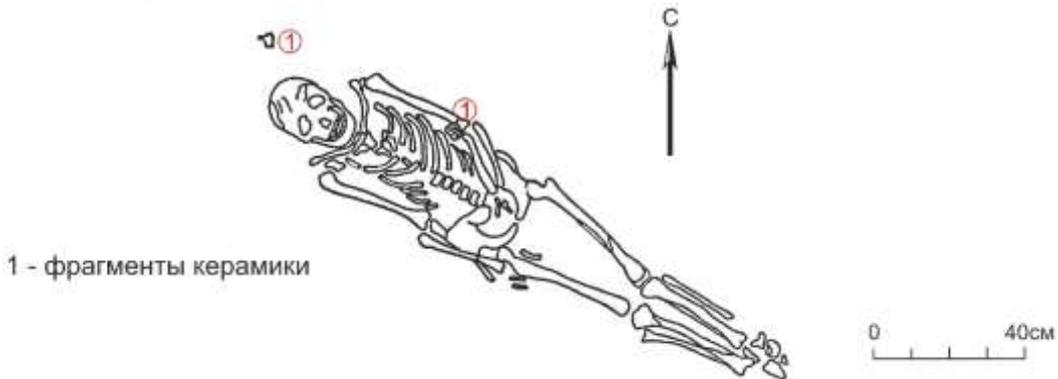

Рис.25. Курганная группа «Киевское». Курган 2. Погребение 4. План.

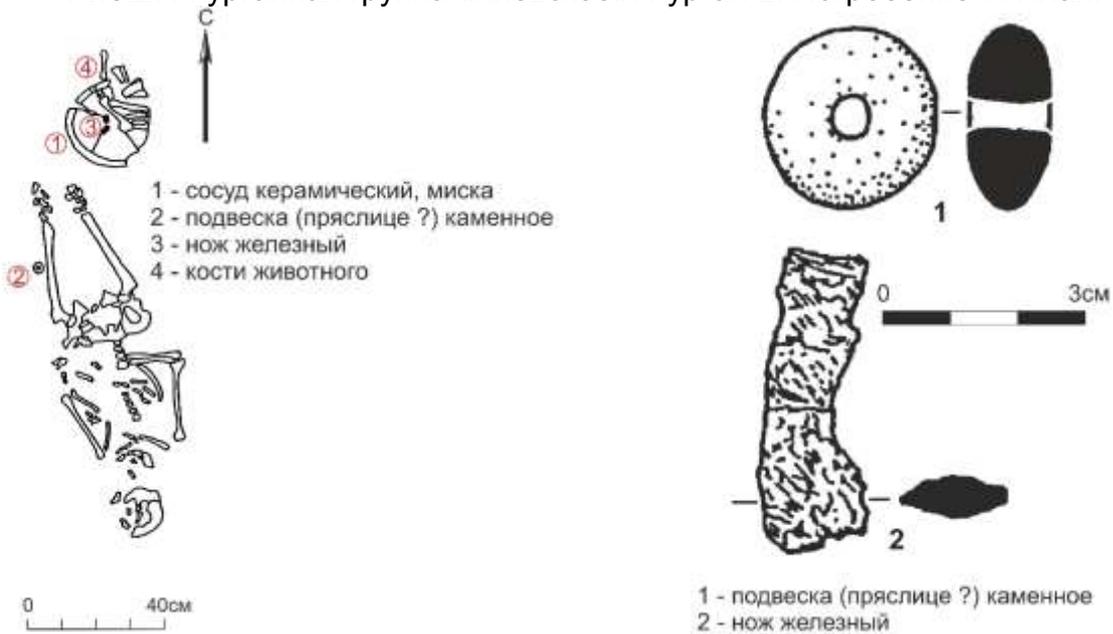
- 1 - булавка бронзовая
- 2 - пряслице керамическое
- 3 - фрагмент предмета бронзового
- 4 - наконечник стрелы железный

Рис.26. Курганная группа «Киевское». Курган 2. Погребение 4. Находки.

- 1 - фрагменты керамики

Рис.27. Курганная группа «Киевское». Курган 2. Погребение 7. План.

- 1 - сосуд керамический, миска
- 2 - подвеска (пряслице ?) каменное
- 3 - нож железный
- 4 - кости животного

- 1 - подвеска (пряслице ?) каменное
- 2 - нож железный

Рис.28. Курганная группа «Киевское». Курган 2. Погребение 11. План.

Рис.29. Курганная группа «Киевское». Курган 2. Погребение 11. Находки.

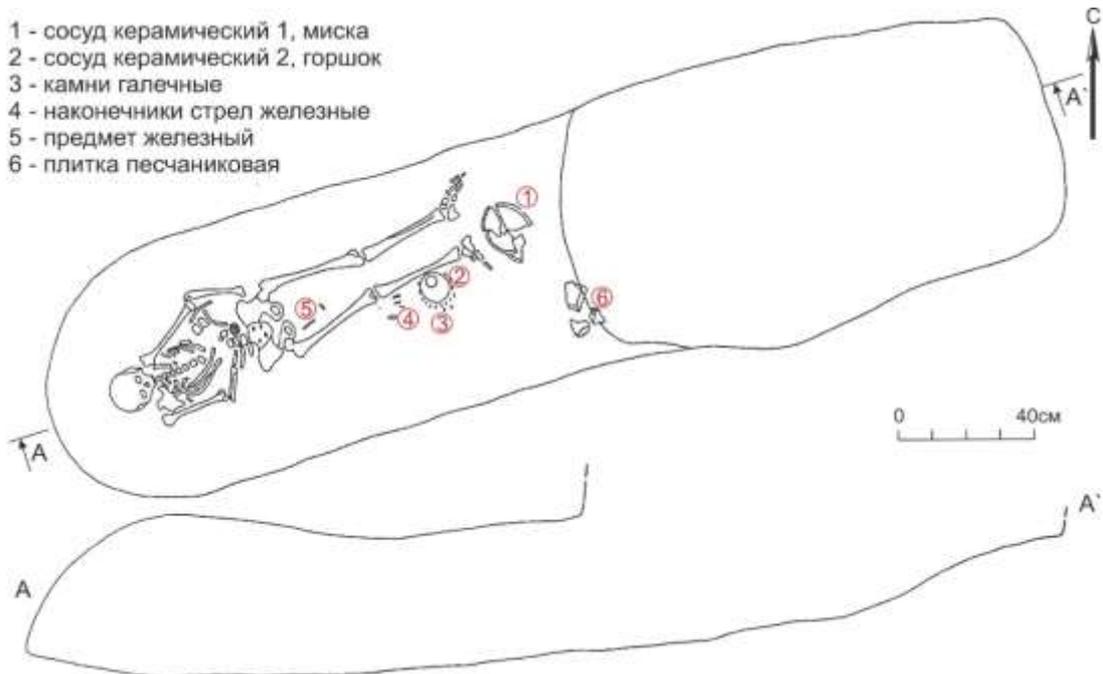

Рис.30. Курганная группа «Киевское». Курган 2. Погребение 10. План.

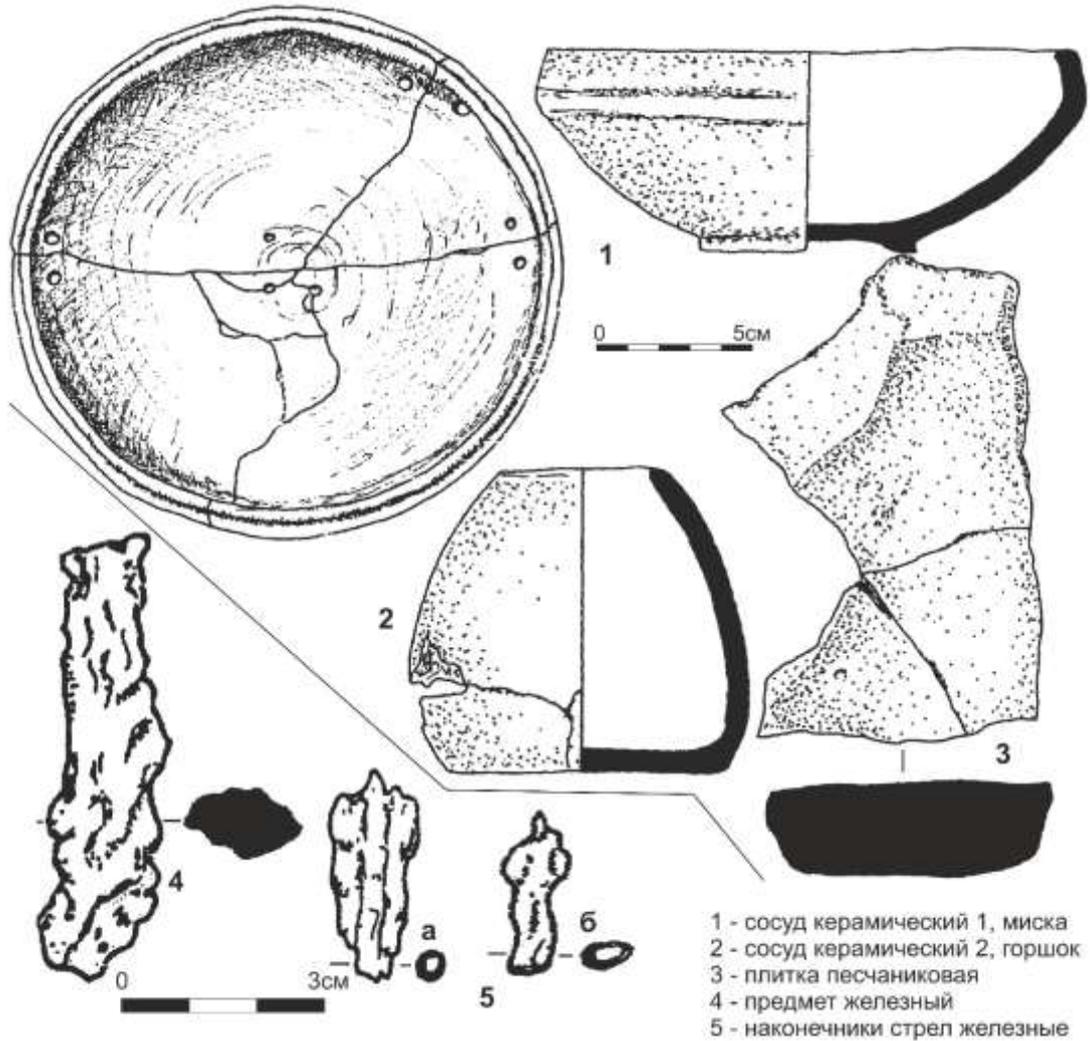

Рис.31. Курганная группа «Киевское». Курган 2. Погребение 10. Находки.

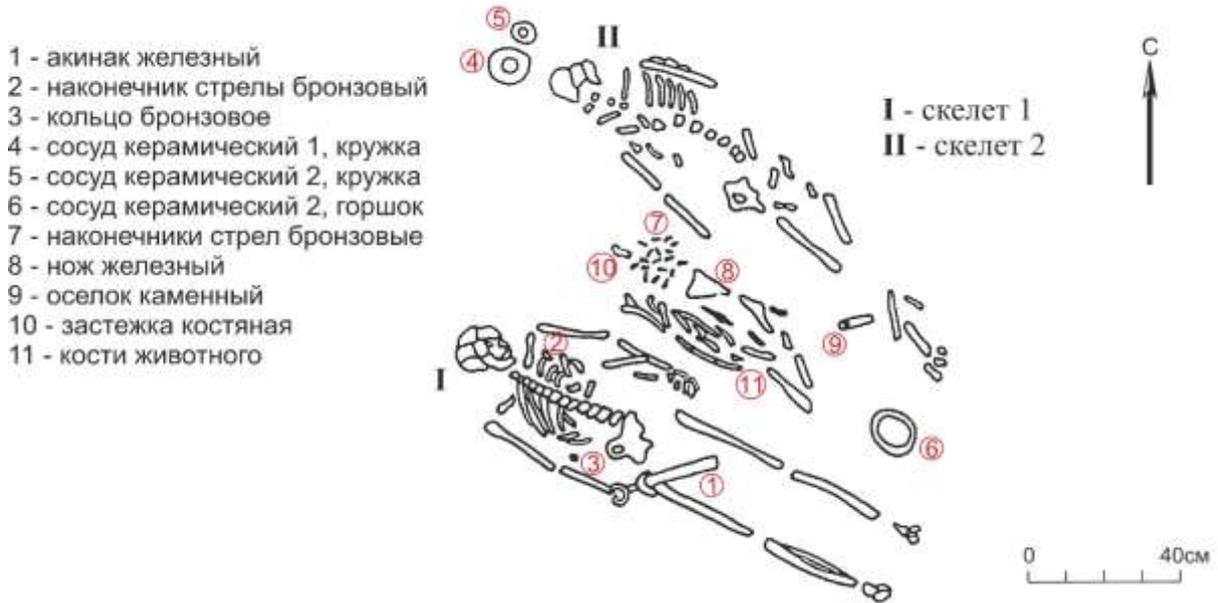

Рис.32. Курганная группа «Павлодольская». Курган 2. Погребение 10. План.

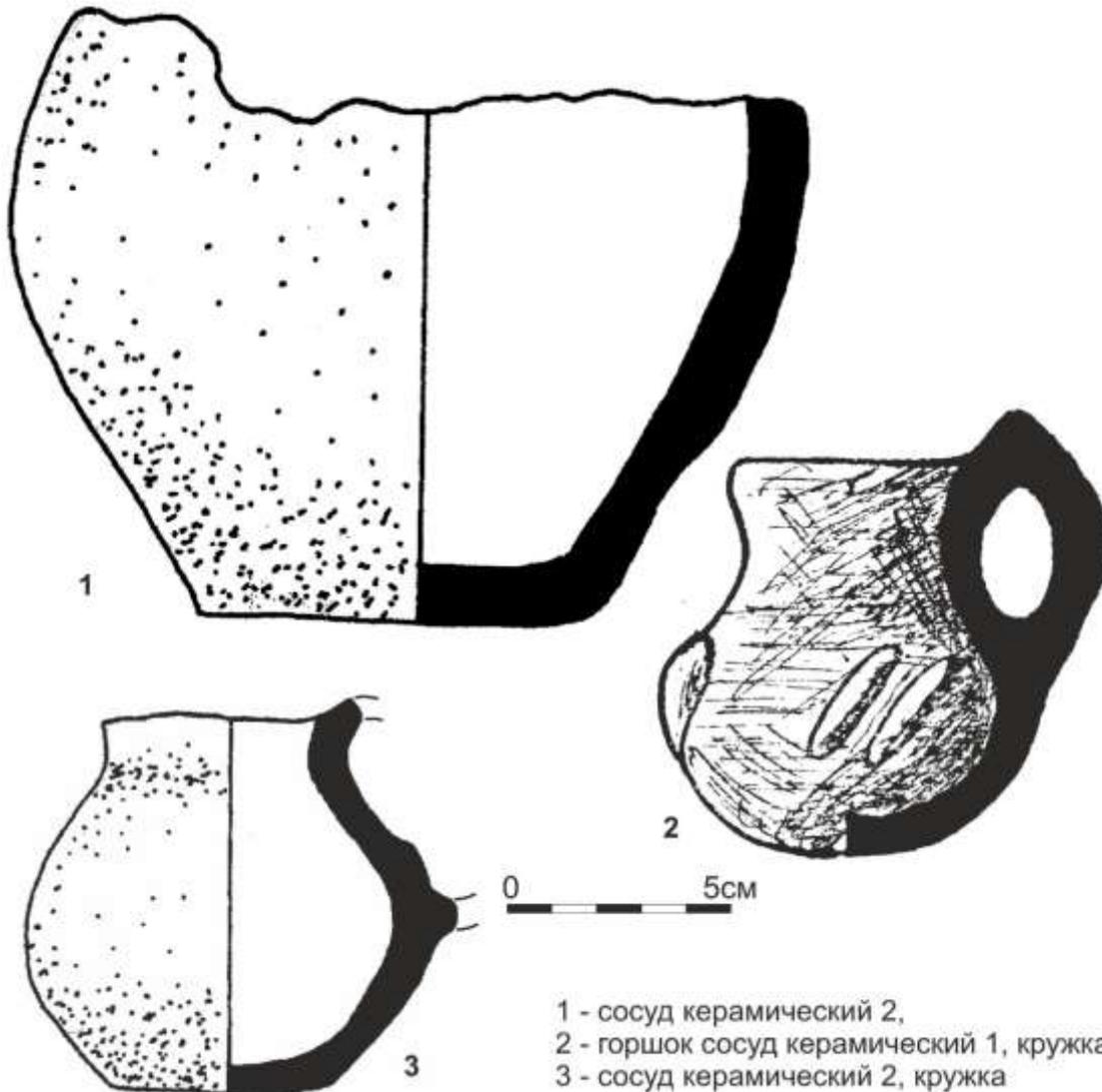

Рис.33. Курганная группа «Павлодольская». Курган 2. Погребение 10. Находки.

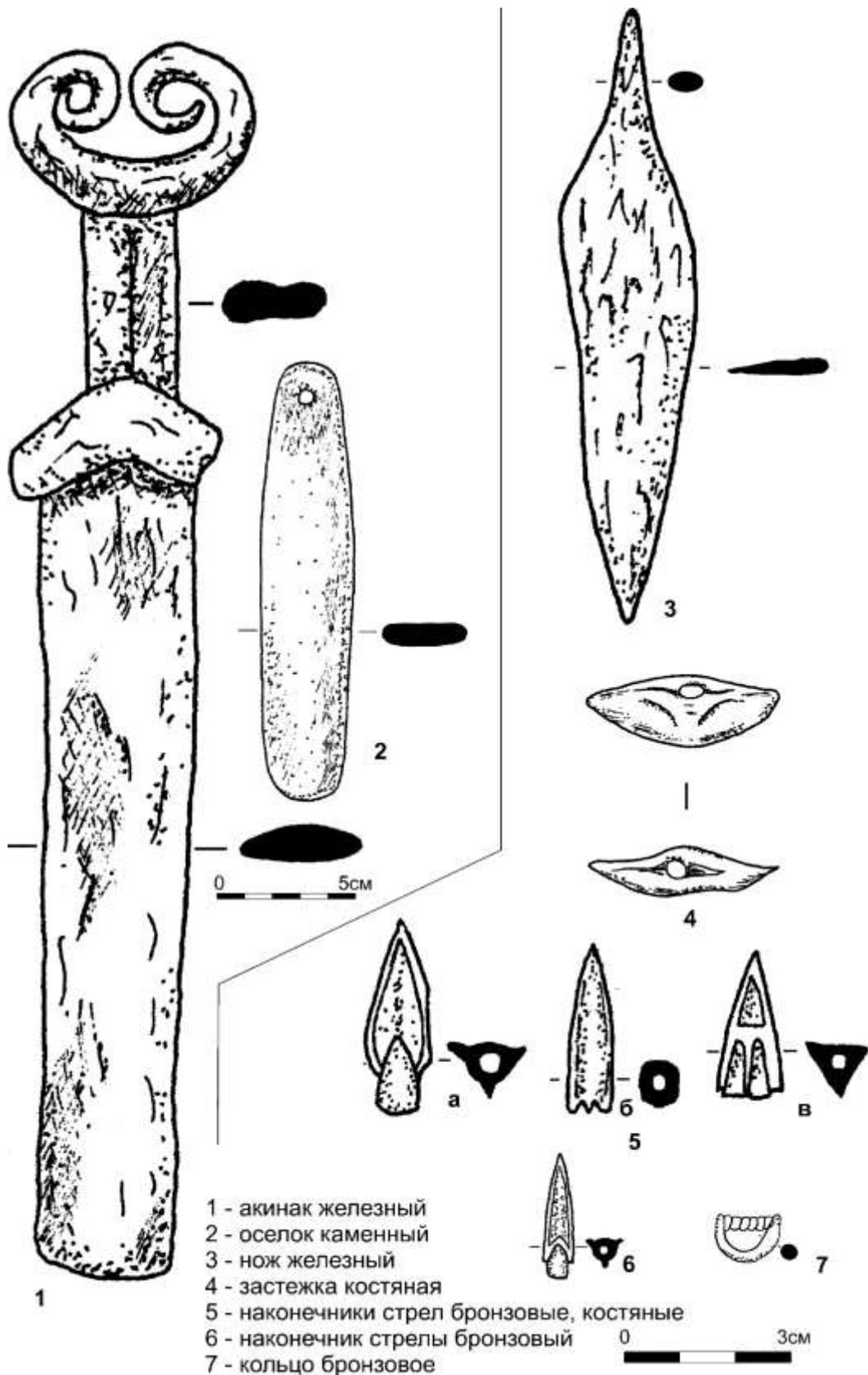

Рис.34. Курганная группа «Павлодольская». Курган 2. Погребение 10. Находки.

Основная масса обнаруженных захоронений относится к различным культурам эпохи бронзы, значительную долю составляют погребения периода раннего железа. К сожалению, столь важный пласт материала до сих пор опубликован частично (Березин, 1983, Виноградов,

Погребения эпохи раннего железного века из моздокского района Северной Осетии
(раскопки СОГУ 1980-х годов, часть 1)

Березин, 1985, Гиджрати, Наглер, 1985, Наглер, Гриднев, 1986, А. Nagler 1996, Козенкова с соавт. 1997, Березин, 2010). Данная статья призвана в какой-то мере восполнить этот пробел.

Следует учесть, что осетинские сборники 1980-х годов давно уже стали библиографической редкостью и малодоступны, часть из упомянутых выше публикаций носила предварительный характер. С этим связано повторное издание некоторых комплексов. Все, описываемые в данной статье, материалы были обнаружены археологическими отрядами под руководством А.О. Наглера (Наглер, 1984, 1985, 1986; 1987). Исключение – погр. 7 кург. 1 у станицы Павлодольской, раскопанное в 1984 г. отрядом В.Л. Ростунова при участии одного из авторов (Ростунов, 1985, с.22–24). Все находки хранятся в Музее древностей Алании Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. Антропологического изучения скелетов не проводилось, предварительное определение костей животных осуществлено автором раскопок.

В статье публикуются 17 комплексов раннего железного века из курганов у населённых пунктов Весёлое, Троицкое, Черноярская, Киевское, Павлодольская. Данная работа является первой частью издания, находки раннего железного века из курганов у сел. Комарово авторы надеются обнародовать позже.

Исследованные в 1984–1987 годах курганы располагаются на довольно компактной территории левого (кроме села Киевское, расположенного на правом берегу) берега р. Терек. Протяжённость этой зоны по линии восток – запад примерно 40 км, с севера на юг не более 15 км. Это позволяет рассматривать их как единую территориальную группу.

Курганная группа «Веселое». Курган 1. Находился на восточной стороне изгиба Терско-Кумского канала, в 3500 м к северу от здания бригады № 1 совхоза «Красная Осетия» (рис.1).

Погребение 2 располагалось в центральной части кургана, на глубине 0,61 м. Форму могильного сооружения в насыпи кургана выявить не удалось. Погребенный лежал на спине, головой на юг с небольшим отклонением на восток, руки вытянуты вдоль тулова, левая нога слегка согнута в колене (рис.2). Тленов, пигментов не зафиксировано. В захоронении был найден следующий инвентарь:

1). Кости особи мелкого рогатого скота, находились северо-восточнее правого локтевого сустава.

2). Нож железный (рис.3, 1). Находился среди костей животного, находка 1. Черешковый, однолезвийный, клинок треугольный в сечении. Спинка изогнута, режущая кромка вогнутая. У основания черешка отверстие для крепления рукояти. Длина 10,4 см, ширина - 2 см, максимальная толщина - 0,4 см.

3). Подвеска костяная (рис.3, 2). Находилась в 0,25 м северо-восточнее середины правой бедренной кости. Предмет продолговатый, поверхность заполирована. Длина - 2,2 см, диам. отверстия - 0,4 см.

4). Оселок каменный (рис.3, 3). В форме усечённого параллелепипеда, в более узком конце – сквозное отверстие. Сделан из жёлтого мелкозернистого песчаника. Длина - 9,2 см, максимальная ширина - 2 см, толщина – 1,3 см.

5). Фрагменты железного предмета (предметов?). Найдены севернее и южнее находок 3 и 4. Распались, форма и назначение неясны.

6). Сосуд керамический 1, кружка (рис.3, 5). 2. Сосуд плоскодонный, одноручный. Тулово с заметным ребром в средней части, горловина невысокая, венчик слабо отогнут наружу. Поверхность серая, залощена. На тулове вертикальные и горизонтальные ряды точечных вдавлений. Высота - 11,4 см. диам. дна - 6 см, диам. венчика - 8,4 см.

7). Галечный камень (рис.3, 6). Найден вплотную с северо-востока к правой голени. Необработанный камень из чёрной, плотной породы. Длина 7,2 см, сечение 1x1,5 см.

8). Сосуд керамический 2, кувшинчик (рис.3, 7). Одноручный, плоскодонный, круговой. Находился там же, где и камень, находка 7. Возможно, камень первоначально был

в сосуде. Лежал на боку, разбит, утрачена значительная часть горловины. Ручка крепилась к венчику и средней части тулова. Поверхность чёрная, лощёная. На месте перехода тулова в горловину две параллельные круговые вдавленные полосы. Высота 18 см, диам. дна 7,5 см. диам. венчика 10,8 см.

9). Фрагмент керамики, ручка (рис.3, 4). Находилась на середине предплечья левой руки. Петлевидная, плоская в сечении наклепная ручка. О размерах и форме сосуда ничего сказать нельзя. Поверхность светло-коричневая, внешняя и боковые стороны покрыты рядами прямых насечек. Размеры: 4.4x6.2 см, сечение ручки 2.7x1.1 см.

Несмотря на достаточно обильный погребальный инвентарь, датировка захоронения вызывает некоторые затруднения ввиду отсутствия узких хронологических реперов. Керамические сосуды (рис.3, 5,7) демонстрируют черты, имеющие свои истоки в местной керамике скифского времени. Это - расширенное в нижней части тулово, иногда со следами оставшейся биконичности, расширяющуюся в верхней части раструбом горловину, круглую в сечении ручку, крепящуюся к верхней части венчика и наиболее широкой части тулова (Козенкова, 1982, с.73, табл.XLVII, рис.1-4; Козенкова, 1998, с.96, табл.XXXIV, рис.7-11,13; Абрамова, 1974а, рис.1:20, 2:7, 3:5, 7:5). Отголоски этой традиции можно видеть в кувшинах типов 5-6 (по М.П.Абрамовой) для керамики I – I вв. до н.э. (Абрамова, 1993, с.42, рис.9:1-5). Сосуды из погр.1 типологически находятся между описанными типами керамики скифского и сарматского времени. Это, крайне осторожно, определяет их датировку в рамках конца IV – III вв. до н.э. Очень похожий кувшинчик из пог.7 кургана 1 мог. Бамутский поворот II в предгорной Чечне авторы датируют в рамках IV-III вв. до н.э. (Бурков, Прокопенко, 2008, с.63-64, рис.23А). Обряд обеих погребений и, частично, инвентарь, имеют очень большое сходство.

Следует отдельно остановиться на ручке от керамического сосуда (рис.3, 4). По форме, технологии и приёмам орнаментации она имеет широкие аналогии среди керамики эпохи средней бронзы Предкавказья, как северокавказской культуры, так и катакомбных древностей (Кореневский, 1990, рис.36:4, 37:1,2; Гей, Клещенко, 2018, рис.39,1, 53:1). К сожалению, сейчас трудно сказать, оказалась ли она случайно в грунтовом заполнении погребения 1 или была целенаправленно положена туда, вторично использована.

Погребение 5. Обнаружено в центральной части кургана на глубине 1,01 м. Форма и размеры погребального сооружения в насыпи кургана не определены. Погребенный лежал на спине, головой на запад, с небольшим отклонением к югу. Левая рука отведена от корпуса и слабо согнута в локте (рис.4).

Инвентарь:

1). Наконечники стрел железные (рис.5, 3). Находились вплотную с севера к левому локтю погребённого. Наконечники трехлопастные, втульчатые, не менее 4-х штук, сильно корродированы. Длина - ок. 3 см, вт.ч. втулка 1.3 – 1.4 см.

2). Ворворка костяная (рис.5, 4). Располагалась вплотную с севера к левой кисти погребённого. Усеченно-конической формы, заполирована от длительного употребления. Диам. нижний - 1,3 см, диам. верхний - 0,8 см, длина - 1.2 см.

3). Сосуд керамический, кружка (рис.5, 1). Находилась в 0,30 м на северо-северо-запад от левого локтевого сгиба, раздавлена грунтом. Сосуд одноручный, плоскодонный, вероятно, изготовлен с применением гончарного круга. Тулово грушевидной формы, горловина невысокая, расширяется вверх, венчик не выделен, округлён. Поверхность серо-чёрного цвета, залощена. На стыке горловины и корпуса три параллельных вдавленных линии. Высота - 17,1 см, диам. дна - 9 см, диам. венчика - 11,3 см.

4). Нож железный (рис.5, 2). Находился вплотную с востока к сосуду, находка 3. Сильно корродирован, форма и размеры точно не определяются. Сохранившаяся длина - 5 см, ширина - 2 см, толщина - 0,4 см.

К сосуду из погр.5 (рис.5, 1) относится всё, сказанное выше о керамике из погребения 2. Вполне вероятно, что оба погребения кургана были совершены, в целом, в одно и тоже время. Найденные здесь же железные втульчатые наконечники стрел (рис.5, 3) появляются в

Погребения эпохи раннего железного века из моздокского района Северной Осетии
(раскопки СОГУ 1980-х годов, часть 1)

Предкавказье в VI в. до н.э. и широко применяются вплоть до рубежа эр. Согласно неоднократно высказываемому мнению В.Р. Эрлиха, «... железные втульчатые наконечники не могут являться такими же хроноиндикаторами, как литые бронзовые» (Эрлих, 2007, с.350-351; Беглова, Эрлих, 2018, с. 154).

Хотелось бы обратить внимание ещё на одну категорию инвентаря. Речь идёт о костяных предметах со сквозными отверстиями (рис.3, 2, рис.3, 4). При разнице в формах они, вероятно, имели близкое предназначение. Об этом говорит заполированность поверхности и, особенно, внутреннего канала изделий – следы длительного контакта с мягким материалом (ткань, кожа). Подобные предметы (ворворки, обоймы и проч.) являются частями конской или оружейной сбруи и имеют очень конкретное предназначение, от которого зависит их форма (Шульга, 2008, с.80-86, рис.57, 59).

Курганная группа "Троицкое". Курган 2. Находился вплотную с востока к автодороге Моздок-Будённовск, сразу после пересечения её с Терско-Кумским каналом (рис.1).

Погребение 3 было обнаружено в центральной части кургана, на глубине 1,6 м. Форма могильной ямы не определена. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на восток. Руки согнуты в локте под прямым углом, кисти сведены вместе на животе, ноги вытянуты. Всё дно погребения было усыпано толстым слоем мела (рис.6).

Инвентарь погребения:

1). Сосуд керамический, кувшинообразный сосуд (рис.7, 1). Находился в ногах погребённого, в 0.15 м западнее ступней. Стоял вертикально, на дне. Сосуд плоскодонный, безручный. Поверхность серо-чёрного цвета, залощена. Горло украшено двумя продавленными параллельными полосами и линией точечных углублений. Две такие же параллельные линии на верхней части сосуда, от которых вниз идут парные борозды. Высота 20,3 см, диам. дна 9,4 см, диам.венчика 11,2 см.

2). Пряжка железная (рис.7, 2). Найдена на стыке ключиц погребённого. Сделана из круглого в сечении прутка. Круглая в плане. Имела язычок, частично обломанный. Сильно корродирована. Диам. 2,9 см, сечение - около 0,7 см.

3). Наконечники стрел железные, не менее 15 штук (рис.7, 3). Найдены в нескольких местах: на левой части грудной клетки, на левом крыле таза, вплотную с севера к середине правой голени, вплотную с северо-запада к сосуду, находка 3. Наконечники железные трехлопастные, втульчатые. Длина до 5.3 см, в том числе втулки 1,7 см.

4). Кости особи мелкого рогатого скота. Найдены вплотную с юго-востока к сосуду, находка 1.

5). Фрагмент керамического сосуда. Находился в районе шеи погребённого, не сохранился.

Верхняя дата погребения определяется находкой круглорамчатой железной пряжки (рис.7,2). По мнению В.Ю.Малашева и С.В.Шараповой появление подобных пряжек в степной части Северного Кавказа относится к середине I в. до н.э., а широкое распространение относится ко времени позже рубежа эр (Шарапова, Малашев, с.174-175). Найденный в погребении сосуд (рис.7, 1) входит в группу 4 корчагообразных сосудов III – I вв. до н.э. по типологии М.П.Абрамовой [Абрамова, 1993, рис.11:17-25] и имеет очень характерный именно для этого периода орнамент. Для более позднего периода I – II вв. н.э. подобные сосуды, отчасти сохраняя форму, полностью утрачивают орнамент (Абрамова, 1993, с.138, рис.51:1,7,9). Таким образом, без большой натяжки, погребение можно отнести к I в. до н.э., чему не противоречат железные втульчатые наконечники стрел.

Погребение 7 было обнаружено в центральной части кургана, на глубине 3,10 м. Форма могильной ямы в насыпи кургана не выявлена. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, с небольшим отклонением к северу (рис.8). Руки вытянуты вдоль

корпуса, кисти прижаты к верхней части соответствующих бедренных костей. Ноги также вытянуты. Под скелетом, кроме ступней, отмечена плотная меловая подсыпка.

1). Сосуд керамический. В 0.20 м на северо-восток ступней находился крупный керамический сосуд. Сильно разрушен, собралась только верхняя часть (рис.9, 1). Возможно, кувшин или подобный сосуд. Тулово округлое, горловина невысокая, расширяется раструбом вверх. Венчик отогнут наружу, поверхность чёрная, залощёная. Верхняя часть тулова украшена двумя параллельными круговыми вдавленными линиями. От нижней линии попарно идут вниз вертикальные полосы. В некоторых фрагментах зафиксированы древние ремонтные отверстия. Сохранившаяся высота - 19,5 см, диам. венчика - 13,4 см.

2). Нож железный (рис.9, 2). Найден среди костей животного, находка 3. Черешковый, однолезвийный. Клинок прямой, сечение клинка треугольное, на черенке сохранились следы деревянной ручки. Длина - 7,5 см, в том числе черенок - 3 см. Ширина - до 1,9 см, толщина обушка - 0,4 см.

3). Кости животного, особи крупного рогатого скота. Находились вплотную с юго-востока к правой ступне погребённого.

Сосуд из данного погребения по форме и орнаментации очень близок к сосуду из предыдущего описанного погребения этого же кургана. Поскольку других датирующих предметов в погребении нет, его можно отнести к довольно широкому периоду III-I вв. до н.э.

Погребение 8 было найдено в западной части кургана, на глубине 2,8 м. Форма могильной ямы в насыпи кургана не выявлена. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад с небольшим отклонением к югу (рис.10). Сохранность скелета очень плохая, кости таза и ног, за исключением ступней, уничтожены поздним перекопом.

1). Сосуд керамический 1, блюдо (рис.11, 1). Находилось в 0.30 м на юг от черепа погребённого. Стояло вертикально, на дне. Плоскодонное, безручное. В форме открытой чаши, венчик отогнут наружу и образует горизонтальную площадку. Поверхность серо-чёрного цвета, тщательно залощена, есть древние ремонтные отверстия. Высота - 11 см, диам. дна - 12 см, диам. венчика - 40,4 см, ширина венчика - 2,8 см.

2). Сосуд керамический 2. Находился в 0.20 м на север от правого плечевого сустава. Совершенно разрушен, форму восстановить не удалось. Поверхность чернолощёная.

3). Оселок каменный. Найден вплотную с востока к сосуду, находка 2. Сделан из галечного камня чёрного цвета, сечение овальное. На более узком краю – двустороннее сверление. Длина - 13 см, сечение 2,2x1,2 см, диам. отверстия - 0,8 см.

4). Нож железный (рис.11, 5). Лежал вплотную с юго-запада к блюду, находка 1. Однолезвийный, вероятно, черешковый, черешок утрачен. Клинок слабо изогнут, режущая кромка вогнута. Длина - 11,3 см, ширина - 2 см, толщина обушка - до 0,4 см.

5). Наконечники стрел железные, 2 шт. (рис.11, 3). Трёхлопастные, черешковые, сильно корродированы. Размеры для наиболее сохранившегося: длина – 6 см, в том числе черешка - 2,4 см.

6). Шило железное (рис.11, 4). Найдено в районе локтевого сустава левой руки. Круглое в сечении, сохранились следы деревянной рукояти. Длина - 6,6 см сечение - до 0,8 см.

7). Кости особи крупного рогатого скота, главным образом, рёбра. Находились внутри керамического блюда, находка 1.

Верхнюю дату погребения определяет находка трёхлопастных черешковых наконечников стрел. К сожалению, из-за сильной коррозии уточнить их форму нельзя. Время появления данных наконечников на Северном Кавказе до сих пор является предметом дискуссии. М.П. Абрамова полагала, что I в. н.э. является временем, когда происходит замещение втульчатых наконечников черешковыми (Абрамова, 1993, с.155). В этом с ней солидаризируется Б.М. Керевов (Керевов, 1988, с.23). По мнению С.П. Кожухова, появление черешковых наконечников на левобережье Кубани относится к I в. до н.э. – началу I в. н.э. (Кожухов, 1992, с.81). И.И. Марченко считает, что в сарматских памятниках правобережья Кубани они встречаются, начиная со второй половины II в. до н.э. (Марченко, 1996, с.65).

Погребения эпохи раннего железного века из моздокского района Северной Осетии
(раскопки СОГУ 1980-х годов, часть 1)

Наиболее раннюю дату, опираясь на погр.140 Тенгинского могильника, дают Е.А. Беглова и В.Р. Эрлих. В данном комплексе было обнаружено значительное (более 200) наконечников, как втульчатых, так и черешковых, целая серия импортных изделий датирует его началом – первой половиной II в. до н.э. (Беглова, Эрлих, 2018, с.155). Подобный разброс в мнениях специалистов затрудняет датировку захоронения 8. Учитывая, что в погребении были *только* черешковые наконечники, следует ориентироваться на более позднюю дату.

Крупное керамическое блюдо относится к типу 2 мисок III–I вв. до н. э. по М.П. Абрамовой (Абрамова, 1993, с.52, рис.14:23-43). Для более позднего периода подобные блюда уже не характерны (Абрамова, 1993, с.142, рис.55). Учитывая всё сказанное выше, можно отнести погребение 8 ко II–I вв. до н. э., скорее ко второй половине этого периода. Вполне вероятно, что все три погребения кургана 3 (погр. 2, 7, 8) составляют одну культурно-хронологическую группу.

Курганная группа «Черноярская», курган 1. Находился у железнодорожной платформы Черноярская, с востока от её (Наглер, 1986, с.52-83) (рис.1).

Комплекс 1 представляет собой погребение, разрушенное при сооружении триангуляционного пункта, находившегося на кургане (рис.12). Его остатки (куски бетона, обломок дерева) обнаружены в заполнении ямы на глубине 0,29 м.

Обнаружен в центральной части кургана. В заполнении ямы были расчищены остатки плохо сохранившихся человеческих костей, на дне найдены фрагменты сосуда и оселок.

1). Сосуд керамический (рис.13, 1). Плоскодонный, безручный, фрагментирован, утрачена часть венчика. Дно широкое, тулово округлое, горловина расширяется вверх раструбом, венчик резко отогнут наружу. По верхней части тулова нанесены две круговые вдавленные параллельные линии, от которых вниз идут 3 пролощенные линии, до придонной части. Высота - 19,7 см., диам. дна - 13,2 см.

2). Оселок, каменный (рис.13, 2). Выполнен из мелкозернистого жёлто-коричневого песчаника. Прямоугольный в плане, сечение также прямоугольное. Круглое сквозное отверстие на одном конце выполнено двусторонним сверлением. Длина - 9,3 см. сечение - 2,6x1,3 см, диам. отверстия – 0,4 см.

Частично сохранившийся инвентарь, тем не менее, связывает это погребение с сарматским временем. Форма сосуда с широким дном, грушевидным туловом, сравнительно узкой горловиной с резко отогнутым наружу венчиком достаточно часто встречаются среди кувшинов сарматской эпохи. Наиболее близки к нашей находке кувшин из погр. 100 Нижне-Джудатского могильника (Абрамова, 1972, с.73, рис.12:40) и погр.79 Чегемского кургана-кладбища (Керефов, 1985, рис.14:36), отличаясь от неё только наличием небольших петлевидных ручек. Первое погребение М.П. Абрамова первоначально отнесла к группе погребений I в. до н.э. – I в. н.э. (Абрамова, 1972, с.14-16, табл. IX), позже удревнила до II в. до н.э. – рубежа н.э. (Абрамова, 1983, с.38, рис.2:1). Второе было отнесено Б.М. Керефовым к группе захоронений II в. - I до н.э. (Керефов, 1985, с.183, табл. VIII). Следовательно, погребение (комплекс 1) кургана 1 у станции Черноярской, скорее всего, следует датировать в рамках II – I вв. до н.э.

Курган 1, погребение 1.

Представляла собой катакомбную конструкцию, располагавшуюся в северо-западном секторе кургана (рис.14). Входная яма прямоугольная, размером 1,96x1,1 м, была ориентирована с северо-востока на юго-запад и имела закругленные углы. Ее дно имело наклон в сторону катакомбы. Дромос был устроен в юго-западной стенке входной ямы. Его овальный свод имел длину до 0,70 м и высоту до 0,50 м. Катакомба «языковидная», камера была ориентирована на северо-восток и имела, размеры 1,9x1,1 м. Дно катакомбы понижалось в направлении север-юг на глубину до 3,28 м. Сохранившиеся части свода позволили провести реконструкцию. Скелет погребенного лежал вытянуто на спине, головой

на юго-запад. Кисти обеих рук были уложены поверх верхней части соответствующих бедренных костей. Тлены, пигменты не зафиксированы.

Инвентарь достаточно скуден:

1). Сосуд керамический, кружка (рис.15). Находился в 0,20 м на запад от нижней части левой голени погребённого, направо от входа в погребальную камеру. Стоял вертикально, на дне, ручкой на юг. Сосуд лепной, плоскодонный, одноручный. Тулово баночной формы, суживается вверх. Горловина не выделена, венчик подчёркнут круговым вдавлением и отогнут наружу. Поверхность тёмно-серая, грубо заглажена. Высота 13,2 см. диам. дна 13,3 см, диам. венчика 13,4 см.

2). Кости животного. Находились вплотную с юго-запада к кружке, находка 1. Представлены кости передних конечностей, ребер и лопаток особи крупного рогатого скота.

Обнаруженная в погребении керамическая кружка относится к типу 2, варианту «а» кружек периода III – I вв. до н.э. по классификации М.П. Абрамовой (Абрамова, 1983, с.47, рис.13:21-23). Наиболее близка к нашей кружка из погребения 14 Чегемского кургана – кладбища (Керефов, 1985, рис.7:23), захоронение отнесено исследователем к группе погребений II – I вв. до н.э. (Керефов, 1985, с.183). Вероятно, этим же временем следует датировать и описанное захоронение.

Курганная группа "Киевское". Курган 1.

Раскопки у сел. Киевское проходили в 1987 г. (рис.1). В связи с выездом осенью того же года на постоянное место жительства в Германию А.О. Наглер не успел закончить и сдать в архив ИА РАН отчёт о полевых работах. Публикация основывается на сведениях из личного архива исследователя, материал хранится в Музее древностей Алании Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова.

Погребение 1 обнаружено в центральной части кургана, на глубине 1,22 м. Скелет лежал на спине головой на запад (рис.16). К сожалению, нижняя часть скелета разрушена. Инвентарь отсутствовал. Погребение отнесено к сарматским условно.

Погребение 2 обнаружено в юго-восточной части кургана, на глубине 2,85 м. Форма могильной ямы на насыпи кургана не выявлена. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, ноги вытянуты, руки уложены вдоль корпуса (рис.17). Тлены, пигменты не выявлены.

Инвентарь немногочислен:

1). Сосуд керамический, миска (рис.18, 1). Находилась вплотную с северо-востока к правой ступне погребённого. Стояла вертикально, на дне. Сосуд плоскодонный, безручный, сероглиняный. Форма открытой чаши, венчик срезан горизонтально и образует горизонтальную площадку. С внешней стороны под венчиком круговая продавленная полоса. Высота - 3,7 см, диам. дна - 6,5 см, диам. венчика - 14,0 см, ширина венчика - 2,1 см.

2). Наконечники стрел железные, 2 шт. (рис.18, 2). Находились по одному у левого локтя и левого колена, с северо-западной стороны. Сильно корродированы, вероятно, втульчатые. Длина - 2,6 см.

Керамическая миска из погребения относится к типу 2 мисок III – I вв. до н.э. по М.П. Абрамовой (Абрамова, 1993, с.52, рис.14:23-43). Оснований для более подробной датировки у нас нет.

Погребение 5, было обнаружено в юго-западной части кургана, на глубине 2,85 м (рис.19). Форму погребального сооружения выявить не удалось. Погребение парное, погребённые располагались вплотную друг к другу, костяк 1 – южный, костяк 2 – северный. Скелеты очень плохо сохранились: отсутствовали черепа и часть костей верхней части скелета. Погребённые лежали вытянуто на спине, головой на запад. К сожалению, положение рук точно выявить не удалось, кости сдвинуты, скорее всего, они были вытянуты вдоль корпуса. Голени костяка 1 перекрещены, правая голень лежала на левой.

Погребения эпохи раннего железного века из моздокского района Северной Осетии
(раскопки СОГУ 1980-х годов, часть 1)

Инвентарь погребения:

1). Сосуд керамический 1, миска (рис.20, 1). Находилась вплотную с востока к ступням костяка 1. Стояла вертикально, на дне, раздавлена, частично налегала на миску, находка 2. Плоскодонная, безручная, венчик загнут внутрь. Сосуд сероглиняный, поверхность заглажена. Высота 5,2 см, диам. дна 8,2 см, диам. венчика 22,3 см.

2). Сосуд керамический 2, миска (рис.20, 2). Находилась вплотную с севера к миске, находка 1, частично под ней. Стояла вертикально, на дне. Плоскодонная, безручная, венчик загнут внутрь. Сосуд сероглиняный, поверхность заглажена. Высота - 7,2 см, диам. дна - 10,2 см, диам. венчика - 24,6 см.

3). Сосуд керамический 3. Находился вплотную с севера к середине голени костяка 1. Совершенно разрушен, форма не восстанавливается.

4). Камни галечные, без следов обработки, закопчены. Находились среди остатков сосуда, находка 3.

5). Кости животного, особи крупного рогатого скота. Найдены внутри миски, находка 2.

6). Нож железный (рис.20, 3). Найден среди костей животного, находка 5. Предмет сильно корродирован, фрагментирован. Точные размеры не устанавливаются. Черешковый, клинок, скорее всего, прямой, однолезвийный. Длина - 5,8 см, ширина - 2 см, толщина - до 0,5 см.

7) Бусы стеклянные. Были найдены:

- Бусина стеклянная, светло-коричневая, с 2 голубыми и белыми "глазками" (рис.20, 4 «а»). Находилась среди ребер левой части грудной клетки костяка - 2. Диам. - 1,4 см, длина - 1 см.

- Бусины стеклянные, голубые, с 3-мя бело-синими "глазками" (рис.20, 4 «б» «в»). Обнаружены на пространстве между коленными сгибами костяков 1 и 2, а также вплотную с севера к втулке наконечника копья, находка 8. Диам. - 1,3-1,0 см, длина - 1,5 см.

8). Наконечник копья железный (рис.20, 6). Лежал параллельно левому предплечью и левому крылу таза костяка 2, остриём на запад. Наконечник копья железный, втульчатый, с длинным листовидным пером. Сечение ромбическое, с выделенным ребром, втулка не сомкнутая. Длина - 23 см, длина втулки - 8,7 см, максимальная ширина - до 3 см, диам. втулки - до 2,3 см.

9). Вток копья, железный (рис.20, 5). Найден в 0,2 м восточнее наконечник копья, находка 8, лежал по линии восток-запад, втулкой на запад. Втулка коническая, не сомкнутая, на её конце кованый шарик. Длина - 16,2 см, диам. втулки 3,6 см. диам. шарика - до 3,6 см.

10). Наконечники стрел, не менее 13 штук (рис.20, 7). Найдены плотной группой между наконечником копья и втоком, располагались, главным образом, остриями на запад. Трехлопастные, втульчатые, сильно корродированы. Длина 4,2 – 6,1 см, ширина 0,7-0,9 см, длина втулки 1,7-2,5 см.

Наиболее близким по форме пера к нашей находке является наконечник копья из погр.190 Тенгинского могильника. Это захоронение датируется в рамках конца III – первой половины II вв. до н.э. (Беглова, Эрлих, 2018, с.175, с.291, рис.182, 4). Точно такой же наконечник копья происходит из погребения 59 (раскопки 1938 г.) Усть-Лабинского могильника, отнесённого Н.В.Анфимовым к третьей хронологической группе, III – начала I вв. до н. э. (Анфимов, 1951, с.183, рис.12,2).

По-прежнему, редкой находкой в погребениях сарматского времени Предкавказья являются втоки от копий (Березин, 2021, с.49, рис.16,2). В погр.140 Тенгинского могильника было найдено сразу три аналогичных предмета (Беглова, Эрлих, 2018, с.153, рис.76,18-20). Следует отметить, что погр.140 Тенгинского могильника являлось не захоронением в полном смысле этого слова, а большой ритуальной площадкой, датируемой в рамках первой половины II в. до н.э. (Беглова, Эрлих, 2018, с.175-176). В нашем случае вток был помещён непосредственно в погребение, к примеру, в погр.4 кург.6 мог. Птичьё-3 (Ставропольский

край) он первоначально находился на перекрытии (Березин, 2021, с.49). Приведённые выше предкавказские аналогии нашему входу были обнаружены в погребениях II - I вв. до н.э.

Найденные в погребении миски относятся к наиболее распространённому типу подобной посуды, использовавшемуся на протяжении всего сарматского времени (Абрамова, 1993, с.52, рис.14:1-21; рис.55:1-4; рис.64:1-8). О железных втульчатых трёхгранных наконечниках стрел уже говорилось выше. На основании вышесказанного, наиболее вероятная датировка погребения - II-I вв. до н. э.

Погребение 8 обнаружено в северной части кургана, на глубине 3 м. Полностью конструкцию могильного сооружения в насыпи кургана выявить не удалось. Зафиксировано большое пятно обожжённого грунта размерами 2,65x2,30 м, вероятно, оконтурившее дно погребения (рис.21). Это пятно ориентировано более длинной стороной по линии запад – восток. Толщина этого слоя достигала 0,25 м. Само дно не имело прокала, вероятно, в яму был сброшен грунт кострища, совершенного на стороне.

Большая группа костей, принадлежавших одному человеку, была обнаружена в северо-восточном углу захоронения. Представлены фрагментированные длинные кости конечностей и нижняя челюсть. Отдельные мелкие кости (позвонки, рёбра, фаланги пальцев), а также небольшие фрагменты фиксировались в восточной и, в меньшей степени, центральной частях погребения.

1). Сосуд керамический, курильница (?) (рис.22, 1). Найдена в северо-западном углу погребения, стояла на дне, с наклоном на северо-восток. Сосуд лепной, плоскодонный, безручный. Имеет форму низкой банки с вертикальными стенками и выделенным дном. Поверхность серая, заглажена. Высота - 4,4 см, диам. дна - 9,3 см, диам. тулова - 6,8 см.

2). Галечные камни, 2 шт. Находились вплотную к курильнице с севера. Не обработаны, имели следы пребывания в огне.

3). Сосуд керамический, корчажка (рис.22, 2). Обнаружен у середины западного края погребения, лежал на боку, горловиной на восток. Сосуд плоскодонный, безручный. Дно широкое, тулово приземистое, грушевидное. Горловина высокая, расширяется вверх раструбом. Поверхность серая, заглажена. На месте стыка корпуса и горловины орнамент тремя продавленными круговыми горизонтальными линиями. Высота - 14,0 см, диам. дна - 8,8 см. диам. венчика - 6,8 см.

4). Наконечники стрел железные, не менее 4 шт (рис.22, 3). Находились на дне, в юго-восточной четверти погребения. Сильно корродированы, вероятно, трехлопастные, втульчатые. Сохранившаяся длина не более 2 см.

5). Подвеска костяная (рис.22, 4). Обнаружена ближе к северо-западному краю погребения. Дисквидная, круглая в плане, из тонкой костяной пластинки. Поверхность заполирована. Диам. - 1,4 см, толщина – 0,4 см.

6). В центральной части погребения найдены две стеклянные бусины (рис.22, 5 «а», «б»):

- бочковидная, зеленая с белыми «глазками» (6б). Длина - 0,9 см, диам. - 1,2 см.

- синего цвета с тёмно-синими полосками (6а). Диам. - 0,8 см.

В рассматриваемом комплексе наиболее интересна находка небольшого керамического сосуда (рис.22, 1). Подобные сосуды с выступающим за линию стенок дном и цилиндрическим, чаще суживающимся вверх, туловом, традиционно рассматриваются как курильницы. Значительное их количество известно из горных посткобанских могильников Кобанского ущелья (Абрамова, 1974б, рис. I, 25; III, 33; IV, 25-27; IX, 9), могильника Ханкальского городища (Чечня) (Петренко, 1980, рис.3, II. 4). Подобные сосуды появились в горных погребениях Кобани, по мнению Е.П. Алексеевой ещё в VI-V вв. до н.э. (Алексеева, 1949, с.201) и просуществовали до первых веков н.э. (Абрамова, 1974б, с.19). Для нас интересен тот факт, что форма керамики, прочно связываемая с аборигенными памятниками, была обнаружена в степном подкурганном захоронении.

Для керамического сосуда (рис. 22, 2) прекрасные аналогии как по форме, так и по орнаментации, обнаруживаются среди восточнокобанской керамики (Козенкова, 1982, табл.

Погребения эпохи раннего железного века из моздокского района Северной Осетии
(раскопки СОГУ 1980-х годов, часть 1)

XLVI, 5-7). Подобные корчажки небольших и средних размеров встречаются на памятниках с территории, главным образом, Чечни как в предскифское, так и в скифское время (Козенкова, 1982, с.72). К костяному предмету относится сказанное выше, по поводу похожих находок из кургана 1 у сел. Весёлое.

В целом, датировка данного погребения представляется нам довольно размытой. Скорее всего, оно относится либо к завершающей фазе скифского времени, либо к началу сарматской эпохи, в рамках конца V – III вв. до н.э.

Курган 2. Погребение 2 обнаружено в центральной части кургана, на глубине 0,56 м. Оно значительно разрушено вспашкой, форма могильной ямы не определяется. От скелета сохранился только череп (рис.23).

Погребальный инвентарь:

1). Сосуд керамический 1, миска (рис.24, 1). Находилась вплотную с запада к черепу. В виде глубокой плоскодонной чаши, дно слабо выгнуто в центральной части. Венчик отогнут наружу, образуя бортик. Сосуд серый, поверхность залощена. Высота - 6,8 см, диам. дна - 9,4 см, диам. венчика - 23,8 см.

2). Сосуд керамический 2, кружка (рис.24, 2). Находилась внутри миски, находка 1, лежала на боку, горловиной на юго-запад. Плоскодонная, одноручная. Дно широкое, тулово грушевидное, горловина высокая, слабо расширяется вверх, венчик скруглён. Ручка крепится под венчиком и в центральной части корпуса. Поверхность серая, лощёная. Высота - 12 см, диам. дна - 9,8 см, диам. венчика - 8,9 см.

3. Меч железный (рис.24, 3). Найден в 0,60 м к северу от миски, находка 1. Сломан в древности на две части, уложенных параллельно друг другу, по линии северо-восток - - юго-запад. Сильно корродирован. Прямой, двулезвийный, реконструируемая длина порядка 60 – 70 см. Навершие утрачено, форма его осталась неясной, перекрестье прямое, сечение клинка, вероятно, линзовидное. Длина ручки - 9,9 см, ширина клинка - до 4 см.

К сожалению, отсутствие информации о навершии меча не позволяет определить его тип, ясно лишь, что это не т.н. «синдо-меотский» меч. Следовательно, он должен датироваться позже IV в. до н.э. О типе мисок, подобном найденной в рассматриваемом захоронении, уже говорилось выше, применительно к погр.8 кург.3 у сел. Троицкое и погр.2 кург.1 у сел. Киевское. Керамическая кружка относится к типу 1 «б» для керамики III-I вв. до н.э. по типологии М.П. Абрамовой, отличаясь от основной их массы только отсутствием орнамента (Абрамова, 1993, с.47, рис.13:11-19). Таким образом, погребение можно датировать только в широких пределах III-I вв. до н.э.

Погребение 4 обнаружено в западной части кургана, на глубине 1,05 м. Форму могильного сооружения установить не удалось. Погребение значительно потревожено, кости сдвинуты (рис.25). Они располагались двумя группами: в западной представлены череп, кости грудной клетки и верхних конечностей, в восточной - одна бедренная кость и много небольших обломков. Тем не менее, общую позу погребённого можно реконструировать. Скорее всего, он лежал вытянуто на спине, головой на запад.

В западной группе костей обнаружены: бронзовая булавка, пряслице, бронзовый фрагмент и наконечник стрелы.

1). Булавка бронзовая (рис.26, 1). Нижняя часть круглая в сечении, верхняя – прямоугольная. В месте перехода предмет расплюсчен и в нём пробито сквозное отверстие. Длина - 9,5 см.

2). Пряслице каменное (рис.25, 2). Биконической формы. Диам. 1,6 см, высота 1,0 см, диам. отверстия 0,6 см.

3). Наконечник стрелы железный (рис.26, 4). Трехлопастный, сильно корродирован. Неясно даже, втульчатый он был или черешковый. Длина 1,9 см.

4). Фрагмент бронзового предмета (рис.26, 3). Находился в восточной группе костей скелета. Имеет форму трубочки из тонкого бронзового листа. Первоначальная форма и назначение неясны. Длина 0,4 см, диам. 0,4 см.

Тип булавок, подобный описанной, появился в середине I тыс. до н.э. в памятниках кобанской культуры Центрального Предкавказья (Козенкова, 1998, с.69). В это время верхние части булавок имеют тот или иной орнамент (Козенкова, 1998, табл. XXIII, 3-5). Образцы из горных районов Северной Осетии сарматского времени уже утрачивают орнамент и приобретают вид, аналогичный нашей булавке (Абрамова 1974б, рис. II, 15; V, 15-17). Не будет большой ошибкой отнести захоронение к периоду III-I вв. до н. э. Остальной инвентарь этому не противоречит.

Погребение 7 обнаружено в юго-западной части кургана, на глубине 1,35 м. Форма могильного сооружения осталась невыясненной. Погребенный лежал на спине, головой на запад-северо-запад (рис.27). Левая рука лежала на тазовых костях, кисть правой на верхней части правого бедра. Фрагменты керамики найдены у черепа и на левом локте.

Погребение отнесено к сарматскому времени по деталям погребального обряда, который будет рассмотрен ниже.

Погребение 10 находилось в восточной части кургана, обнаружено на глубине 1,91 м. Представляло собой катакомбную конструкцию, в которой погребальная камера и входная яма располагались на одной оси (рис.30). Дно камеры опускалось от дромоса, в результате чего ноги погребенного были выше головы. Погребенный лежал вытянуто на спине головой на запад, с небольшим отклонением к югу. Кисть правой руки находилась на животе, кисть левой - на левом тазобедренном суставе. Тлены, пигменты не зафиксированы.

Инвентарь погребения достаточно представителен:

1). Сосуд керамический, миска (рис.31, 1). Найдена вплотную с запада к ступням погребенного. Стояла вертикально, на дне. Сосуд плоскодонный, безручный, гончарный. Дно с хорошо выраженным кольцевым поддоном, тулово в форме чаши, горловина слабо загибается внутрь. Сосуд красного, сквозного обжига, с 4-мя парами сквозных ремонтных отверстий. Высота - 6,7 см, диам. дна - 7,2 см, диам. венчика - 17,8 см.

2). Сосуд керамический, горшочек (рис.31, 2). Находился вплотную с юга к середине правой голени погребенного. Стоял вертикально, на дне. Плоскодонный, лепной, безручный. Тулово грушевидной формы, горловина отсутствует, венчик скруглен. Поверхность серая, заглажена. Сосуд сероглиняный, поверхность заглажена, с явными следами вторичного прокала, закопчена. Высота - 10 см, диам. дна - 9 см, диам. устья - 5,4 см.

3). Галечные камешки, 3 шт., без следов обработки. Небольшие, рисунок отсутствует. Находились внутри сосуда, находка 2, прокалены, со следами копоти.

4). Наконечники стрел железные, 3 шт. (рис.31, 5а, 5б). Обнаружены вплотную с востока к правому коленному сгибу погребенного. Сильно корродированы и фрагментированы. Точные размеры и форма не устанавливаются. Ясно лишь, что они втульчатые, трёхлопастные. Длина - ок. 3,2 см, длина втулки - 1,3 см.

5). Предмет железный (рис.31, 4). Найден между верхними частями бедренных костей погребенного. Корродирован и фрагментирован. В сохранившемся виде представляет собой железный стержень округлого сечения. Длина - 6,7 см, сечение - до 2 см.

6). Плитка каменная. (рис.31, 3). Находилась, во фрагментах, в южной части спуска из входной ямы в погребальную камеру. Выполнена из жёлтого мелкозернистого песчаника. Обе широкие грани имеют следы длительно использования. Размеры: 17x11 см, толщина - до 3.2 см.

Керамическая гончарная красноглиняная миска - явный импорт для района Моздока и, скорее всего, может быть связана с керамической традицией меотских памятников. На материалах Тегинского могильника точно такие же предметы происходят из погребений 16, 85, датирующихся первой половиной II в. до н. э. (Беглова, Эрлих, 2018, с.137, рис.161, 1,2). К третьей хронологической группе (III - начало I в. до н.э.) Усть-Лабинского могильника относит подобные миски Н.В. Анфимов (Анфимов, 1951, рис.9, 6,7).

Погребения эпохи раннего железного века из моздокского района Северной Осетии
(раскопки СОГУ 1980-х годов, часть 1)

Сосуд керамический, находка 2, (рис.32, 2) представляет собой типичный для III-I вв. до н.э. ритуальный сосуд (тип 2 ритуальных сосудов по М.П. Абрамовой) (Абрамова, 1993, с.56-59, рис.20:1-23). Это подтверждается находкой в нём прокалённых галечных камешков. Они встречаются и в более позднее время, но значительно реже (Абрамова, 1993, с.145, рис.56:28,29). Вероятно, не будет большой ошибкой датировать данное погребение в рамках последних двух веков н.э., остальные находки не противоречат этой дате.

Следует обратить внимание ещё на одну деталь погребального обряда данного захоронения - находки фрагментов песчаниковой плитки. Предметы явно были брошены в заполнение входной ямы при совершении погребения, позже один фрагмент просел в погребальную камеру. Можно определённо утверждать, что это были не оселки – точильные камни или их фрагменты. Следы подобного обряда не частое явление в сарматской археологии Северного Кавказа. Достаточно сказать, что в капитальных подборках, выполненных М.П. Абрамовой и Б.М. Керевым, о подобной черте погребального обряда не упоминается вовсе (Абрамова, 1993, с.26-30; Керев, 1988, с.140-141). Вместе с тем, такие находки встречаются в раннесарматских погребениях Нижнего Поволжья (Калиновский кург. мог, кург.19, п.17) и Приуралья (Мечетсайский могильник, кург.3, погр.12,13) (Шилов, 1959, с.376, рис.42;7: Смирнов, 1975, с.102). В последнее время находки разбитых песчаниковых плиток появились и в Центральном Предкавказье (Березин, Калмыков, 2004, с.157; Березин, Лычагин, 2021, с.28-29). Два случая известно на территории Моздокского района Северной Осетии (Наглер, 1984). В одном случае (Комарово, кург. 2, погр. 19) довольно крупные куски песчаниковой плиты находились внутри камеры, у входа. И еще одна находка, (Комарово, кург. 6, погр. 7), представляет собой стоящую вертикально, полностью сохранившуюся, также изготовленную из мелкозернистого красного песчаника, плитку размером 37x21,6 см. Во всех известных нам случаях плитки или их обломки находились во входной яме или в привходовой части погребальной камеры. Сейчас трудно сказать, какую роль они играли в погребальном обряде, но ясно, что ближе к его завершению плитки ломались и бросались в заполнение входной ямы при засыпке могилы.

Погребение 11 было расположено в северо-западной части кургана, на глубине 1,70 м. Форма могильной ямы не выявлена. Погребенный располагался вытянуто на спине, головой на юг, с небольшим отклонением к востоку (рис.28). Сохранность скелета плохая. Ноги ниже коленных суставов утрачены. Правая рука согнута в локте под прямым углом, кисть на животе, левая - разрушена.

Инвентарь погребения невелик:

1). Сосуд керамический, миска. Находилась в ногах погребённого. К сожалению, рисунок предмета утрачен. Сосуд крупный, сероглиняный, с парными ремонтными отверстиями в стенках. Высота - 8,3 см, диам. дна - 14 см, диам. венчика - 28,1 см.

2). Подвеска (пряслице?) каменная (рис.29, 1). Найдена вплотную с запада к середине левой бедренной кости погребённого. Выполнена из плотного серого камня (песчаник?, мергель?), круглая в плане, овальная в сечении. Диам. - 2,8 см, толщина - 0,5 см, диам. отверстия - 0,6 см.

3). Нож железный. Находился внутри миски, находка 1. Сильно корродирован и фрагментирован (рис.29, 2). Однолезвийный, режущая кромка вогнута. Сохранившаяся длина - 4,6 см, максимальная ширина - 1,5 см, толщина спинки - 0,4 см.

Погребение, безусловно, относится к сарматскому времени, однако из-за утраты рисунка сосуда его более точная датировка затруднительна.

Курганная группа «Павлодольская». Курган 1. Был расположен севернее станицы Павлодольской, у трассы Моздок – Прохладный (Ростунов, 1984, с.22-24) (рис.1).

Погребение 7 обнаружено в центральной части кургана, на глубине 0,7 м. Форма могильной ямы не прослеживалась, захоронение парное. Погребенный 1 лежал, вытянуто на спине, головой на запад с небольшим отклонением на север. Руки вытянуты вдоль туловища,

левая - слегка согнута. В области грудной клетки был найден бронзовый наконечник стрелы, направленный вниз. Нельзя исключать, что этот наконечник стрелы и является причиной смерти погребенного. Погребённый 2, лежал в том же положении к северо-востоку от первого. Существует предварительная публикация данного захоронения ((Наглер, Гриднев, 1986, с.64-67).

Умерших сопровождали многочисленным инвентарём:

1). Меч – акинак железный (рис.35, 1). Располагался рукоятью на правой кисти первого погребённого, клинком наискось на верхней части правой бедренной кости. Нижняя часть клинка обломана и утрачена в древности. Навершие рукояти волнитообразное, концы волнот свёрнуты в кольцо. На рукояти по длинной оси нервюра. Перекрестье в виде сломанного бруска, концы которого выступают на 1 см из-за края лезвия. Клинок линзовидный в сечении. Сохранившаяся длина 45 см, в том числе клинок 29 см. Ширина клинка 6 см, максимальная толщина 1.2 см.

2). Наконечник стрелы, бронзовый (рис.35, 6). Находился среди костей грудной клетки погребённого 1. Он также бронзовый, втульчатый, трёхлопастной, втулка выступает на 0.3-0.4 см. Лопасты срезаны к втулке под прямым углом. Длина - 2.2 см.

3). Кольцо бронзовое (рис.35, 7). Находилось вплотную с севера к правому локтевому сгибу скелета 1. Литое, полуовальной формы, прямой участок рифлёный, сечение круглое. Размеры 1.7x1.8 см, толщина 0.5 – 0.8 см.

4). Сосуд керамический, кружка, кувшинчик? (рис.34, 3). Стоял вертикально, на дне, в 0.08 см западнее черепа погребённого 2. Плоскодонный, одноручный (ручка утрачена в древности). Тулово округлое, горловина невысокая, венчик вертикальный. Поверхность серо-чёрная, заглажена, местами подлощена. Примеси в тесте - песок и дресва. Высота - 13.5 см, диам. венчика - 16 см, диам дна – 7.5 см.

5). Сосуд керамический, кружка (рис.34, 2). Стоял вертикально, на дне, вплотную с северо-востока к сосуду, находка 4. Плоскодонный, одноручный. Ручка крепится к верху венчика и верхней части тулова, верх заострён. На тулове три парных наклепных наклонно расположенных валика. Поверхность серая, заглажена, в тесте песок. Высота - 10 см, диам. венчика - 6.4 см, диам. дна - 5.5 см.

6). Сосуд керамический, горшок? корчага? (рис.34, 1). Плоскодонный, вероятно, безручный, верхняя часть утрачена в древности. Дно плоское, выделено уступом. Поверхность серо-коричневая, грубо заглажена, в тесте крупный песок. Сохранившаяся высота - 12 см, диам. дна - 9 см.

7). Наконечники стрел (рис.35, 5), всего 21 штука. Располагались группой между костяками 1 и 2, у северо-западного окончания костей животного, находка 11. Включали в себя:

- Костяные, 5 шт. (рис.35, 5б). Все однотипные, четырёхгранные, пирамидальные, с внутренней втулкой и 4-мя опущенными ниже втулки гранями. Длина -1.6 – 3.1 см.

- Бронзовые, 4 шт. (рис.35, 5в). Трёхгранные, с внутренней втулкой, выступающей на 1-2 мм. Головка сводчатая, концы граней срезаны к втулке под прямым углом. Длина – 2-2.4 см.

- Бронзовые, 12 шт. (рис.35, 5а). Трёхлопастные, с выступающей на 0.3 – 0.6 см втулкой, края граней срезаны к втулке под острым углом. Длина - 2.6 – 3 см.

8). Нож железный (рис.35, 3). Находился среди костей животного, находка 11. Черешковый, однолезвийный, спинка изогнута, режущая кромка заметно сточена. Общая длина - 12 см, черешок - 3.9 см, ширина в средней части - 1.7 см, толщина обушка - 0.3 см.

9). Точильный камень, оселок (рис.35, 2). Найден вплотную с юго-запада к голеням скелета 2. Четырёхгранный, прямоугольный в плане, несколько сужен к концам. Выполнен из серо-коричневого глинистого сланца. Отверстие в верхней части сделано двухсторонним сверлением. Длина - 167.5 см, ширина - 2.9-3.4 см, толщина - 0.4-1.2 см.

10). Предмет костяной, вероятно, застёжка колчана (рис.35, 4). Найдена вплотную с запада к скоплению стрел, находка 7. Сделана из кости животного, неправильной

Погребения эпохи раннего железного века из моздокского района Северной Осетии
(раскопки СОГУ 1980-х годов, часть 1)

бипирамидальной формы, в центре, по короткой оси, сквозное отверстие. Размеры - 3.4x1.5 см, диам. отверстия - 0.8 см.

11). Кости особи мелкого рогатого скота. Располагались между погребёнными, параллельно их скелетам. Представлены все кости, за исключением черепа и нижней части ног. Вероятно, в погребение была положена целая тушка, так как большинство костей сохранило анатомический порядок.

Очень любопытной находкой является железный меч с обломанной нижней частью. Его сохранившаяся длина около 45 см, первоначальная должна была быть порядка 60 см, то есть это полноценный короткий меч. Отметим сразу, что авторы предварительной публикации, в данном случае, не склонны видеть здесь обычай «умерщвления» оружия (Наглер, Гриднев, 1986, с.64). Подобные мечи хорошо известны в Центральном Предкавказье, вопросы их датировки и культурной принадлежности относительно недавно уже подвергались подробному разбору (Березин, Маслов, 2012, с.32-35). Очень близкие по всем параметрам мечи были обнаружены А.П. Мошинским в погр.7 могильника Гастон Уота в Дигории. Исследователь датирует их «около середины V в. до н.э.» (Мошинский, 2006, с.16). На материалах Нижнего Поволжья П. М. Соколов датирует эти мечи второй половиной V в. до н.э. (Соколов, 2009, с.134, рис.6). Наш меч можно уверенно отнести к изделиям местных мастеров, воспроизводивших скифские образцы с зооморфным навершием, копируя лишь форму и не вдаваясь в суть композиции (Березин, Маслов, 2012. С.35).

Бронзовые втульчатые наконечники стрел представленных типов, согласно последней разработке О.И. Куринских, имеют наибольшее распространение в рамках конца V-IV вв. до н.э. (Куринских, 2011, с.51, рис.5). Впрочем, эти данные лишь подтверждают выводы, сделанные корифеем советской сарматологии ещё в 1964 г. (Смирнов, 1965, с.305). Костяные пирамидальные наконечники стрел (рис.34:5б) имеют очень широкий диапазон бытования, от VI в. до н.э. и вплоть до первых веков н.э. [Абрамова, 1974а, с.207], и не могут быть использованы для уточнения даты.

Костяной предмет (рис.34:4), судя по месту его расположения у наконечников стрел, связан с колчаном и, скорее всего, является колчанной застёжкой. Прямых аналогий ему мы не обнаружили. Тоже касается бронзового предмета, находка 3 (рис.34:7), вероятно, связанного с портупеей, он находился вблизи рукояти меча.

Кружка-кубок с округлым туловом близка к типам, имевшим широкое распространение для скифского времени в ареале кобанской культуры (Абрамова, 1974а, рис.1:3,20; 2:7;3:5; Батчаев, 1985, табл.51:32). Тоже можно сказать и о орнаментальном мотиве из парных, чаще – одиночных, наклонно расположенных, овальных налёпов (Козенкова, 1982, табл. XLVIII:7, табл. LI, 6; табл. LIII), более свойственных восточной части ареала, нежели западной. В тоже время необходимо отметить значительное возвышение ручки над венчиком, оформленное в виде треугольного выступа, не характерное для позднекобанской керамики. Очень близкие по форме и размерам сосуды, именуемые кубками, выделены В.П. Копыловым и К.К. Марченко в тип II лепной керамики Елизаветинского городища на Нижнем Дону. Они не выходят за рамки V в. до н.э. (Копылов, Марченко, 1980, с.157). Авторы видят аналогии этим сосудам в: «...погребальном инвентаре населения Северного Кавказа и Днепровского лесостепного левобережья» (Копылов, Марченко, 1980, с.158). На наш взгляд данная кружка-кубок является ещё одним типом предмета, возникшим в процессе межкультурного общения. В целом, наиболее вероятная датировка данного погребения - середина – вторая половина V в. до н. э.

Основные детали погребального обряда приведены в таблице:

Сводная таблица погребального обряда.

Погребение	Тип могилы	Кол-во погр.	Пола погребённых	Ориентация погребённых	Датировка	Примечания
Весёлое, к.1, п.2	Грунт. яма (?)	1	Вытянуто на спине	Юго-восток	Кон. IV – III вв. до н.э.	Кости м.р.с.
Весёлое, к.1, п.5	Грунт. яма (?)	1	Вытянуто на спине	Запад-юго-запад	Кон. IV – III вв. до н.э.	
Троицкое, к.2, п.3.	Грунт. яма (?)	1	Вытянуто на спине	Восток	I в. до н.э.	Кости м.р.с. Кисти рук на животе. Меловая подсыпка.
Троицкое, к.2, п.7.	Грунт. яма (?)	1	Вытянуто на спине	Запад	II - I в. до н.э.	Меловая подсыпка
Троицкое, к.2, п.8.	Грунт. яма (?)	1	Вытянуто на спине	Запад-юго-запад	I в. до н.э.	
Черноорская к.1, компл. 1	Обряда нет, 1 скелет.				II - I в. до н.э.	
Черноорская к.1, п. 1	Катакомба	1	Вытянуто на спине	Юг	II - I в. до н.э.	Кости м.р.с. Кисти рук на верхней части бедренных костей.
Киевское, к.1, п.1	Грунт. яма (?)	1	Вытянуто на спине	Запад	Сарматское время (?)	
Киевское, к.1, п.2	Грунт. яма (?)	1	Вытянуто на спине	Юго-запад	III - I в. до н.э.	
Киевское, к.1, п.5	Грунт. яма (?)	2	Вытянуто на спине	Запад	II - I в. до н.э.	Перекрещены голени
Киевское, к.1, п.8	Обряда нет, 1 скелет				Конец V – III вв. до н.э.	Древесный уголь, обожжённый грунт.
Киевское, к.2, п.2	Обряда нет, 1 скелет				III - I в. до н.э.	
Киевское, к.2, п.4	Грунт. яма (?)	1	Вытянуто на спине (?)	Запад	III - I в. до н.э.	
Киевское, к.2, п.7	Грунт. яма (?)	1	Вытянуто на спине	Северо-запад	Сарматское время	Кисть левой руки на крыле таза
Киевское, к.2, п.10	Катакомба	1	Вытянуто на спине	Запад-юго-запад	II - I в. до н.э.	Кисть правой руки в паховой области, левой на крыле таза.
Киевское, к.2, п.11	Грунт. яма (?)	1	Вытянуто на спине	Юг	Сарматское время	Кисть левой руки на животе.
Павлодольская, к.1, п.7	Грунт. яма (?)	2	Вытянуто на спине	Северо-запад	V в. до н.э.	

Наиболее ранним захоронением из числа описанных выше является парное погребение из кургана у станицы Павлодольской. В предварительной публикации оно было отнесено к VI – V вв. до н. э. и связано савроматами (Наглер, Гриднев, 1986, с.67). Мы склонны согласиться с такой интерпретацией, уточнив датировку до середины – второй половины V в. до н. э. Свообразным культурным индикатором для подобного рода захоронений, количество которых в Предкавказье продолжает расти, служит находка грубых лепных плоскодонных горшков с выделенной придонной частью (Березин, 2010, с.44-45, 47).

Ко второй группе можно отнести погребения 2 и 5 из кургана у сел. Весёлое и, возможно, из кург.1, п.8 у сел. Киевское. Они являются своеобразным мостиком между скифским и сарматским временем, хотя в отношении погребения у сел. Киевское речь может идти, скорее, о размытой датировке. Тем не менее, только в этих погребениях находились костяные предметы от сбруйных или, скорее, портупейных, ремней. Они активно использовались в савроматское и раннее прохоровское время, заменяясь впоследствии изделиями из металла (Хазанов, 1971, с.13; Мошкова, 1974, рис.2: 2,3). Довольно архаично выглядит керамика, о чём уже упоминалось выше.

Остальные 13 захоронений, в целом, датируются III – I вв. до н.э., при этом, в тех случаях, когда погребение можно датировать более узко, вырисовывается дата в рамках II – I вв. до н.э. К сожалению, форма могильного сооружения (катакомба) уверенно зафиксирована

Погребения эпохи раннего железного века из моздокского района Северной Осетии
(раскопки СОГУ 1980-х годов, часть 1)

только в двух случаях (Черноярская, к.1, п.1 и Киевское, к.2, п.10). В абсолютном большинстве случаев форма могильной ямы не выявлена, однако можно предполагать использование простой прямоугольной грунтовой ямы. Косвенно это подтверждает находка в погр.3 и 7 кург.2 у сел. Троицкое чёткого прямоугольного контура меловой подсыпки под скелетом. Все захоронения одиночные, кроме п.5 к.1 у сел. Киевское. Можно предположить, что парные погребения совершались в исключительных случаях, к примеру, при одновременной смерти близких родственников.

Во всех случаях, когда удалось установить позу погребённого это – вытянутое на спине положение. Из 12-ти случаев установленной ориентировки 8 приходится на западный сектор, 2 – на южный, 1 – восточный и 1 точно на юго-запад. Такой расклад полностью подтверждает закономерности, выявленные М.П. Абрамовой (Абрамова, 1993, с.35) для степных подкурганых погребений Предкавказья. В 5-ти случаях отмечены различные манипуляции с положением кистей одной или обеих рук на живой, грудь, паховую область, верхнюю часть бедра. В одном случае отмечены перекрещенные голени. Об уверенной связи этих деталей погребального ритуала с сарматами, по крайней мере, для Центрального Предкавказья, одному из авторов уже не раз доводилось писать (Березин, Лычагин, 2021, с.36-37).

Напутственная пища в виде костей животного для данной группы отмечена в 5-ти случаях, 1 - мелкий рогатый скот, 4 - крупный рогатый скот. Это расходится с обычной статистикой, когда среди костей животного преобладает мелкий рогатый скот (Абрамова, 1993, с.36).

При внимательном рассмотрении деталей погребального обряда вырисовываются микрогруппы погребений. Так, только в обоих погребениях кургана 2 у сел. Троицкое встречена плотная меловая подсыпка. Погребения кург. 1 у сел. Весёлое имеют очень схожие типы керамики. Эти захоронения, расположенные в одном кургане, могли принадлежать членам одной семьи.

Об исторической интерпретации третьей группы погребений степей среднего течения Терека одному из авторов уже доводилось довольно подробно писать (Березин, 2010, с.47). Не повторяясь, скажем, что мы солидаризируемся с мнением В.Б. Виноградова, связывавшего их с сарматским племенным союзом сираков (Виноградов, 1966; Виноградов, 1966, с.48-55).

В двух погребениях у села Киевское (кург.1, погр.8 и кург.2, погр.4) были обнаружены предметы (керамическая «курильница» и бронзовая булавка), свойственные горным районам Северной Осетии. Это может быть свидетельством пребывания в примоздокских степях, возможно, временного, в рамках сезонных перекочёвок со стадами скота, части горного населения. О вероятности подобных процессов уже шла речь (Козенкова с соавт. 1997, с.17).

Материалы впускных погребений эпохи раннего железа, исследованные в Моздокском районе Северной Осетии 1980-х годах отражают полутысячелетнюю историю населения этого уголка Центрального Предкавказья.

Литература

- Абрамова, 1972.** Нижнее-Джулатский могильник. – Нальчик: Эльбрус. – 62с.
Абрамова 1974а. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА – № 2 – М.: Наука. – С.195 –212.
Абрамова 1974б. Памятники горных районов центрального Кавказа и рубежа и первых веков н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы – М: ГИМ. – С.3–31.
Абрамова М.П., 1983. О хронологии ранней группы погребений Нижне-Джулатского могильника. // КСИА – Вып. 176 – М: Наука. – С.34–39.

- Абрамова М.П., 1993.** Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в.н. э.) / Отв. ред. Н.Л. Членова – М: ИА РАН. – 240с.
- Анфимов Н.В., 1953.** Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. // МИА – т№ 23 – М:-Л.: Изд-во АН СССР – С.155 – 209.
- Батчаев В.М., 1985.** Древности скифского и предскифского периодов. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. – Вып. 2. –Нальчик: Эльбрус. – С. 7 – 115.
- Беглова Е.А. Эрлих В.Р., 2018.** Меоты Закубанья в сарматское время. По материалам Тенгинского грунтового могильника – М.-СПб: Нестор-История. – 384с.
- Березин Я.Б., 1983.** Новые погребения последних веков до н.э. в Среднем Притеречье. // Кочевники Азово-Каспийского междуморья /Отв. ред. Т.Б. Тургиев – т Орджоникидзе: Изд-во СОГУ: – С. 97–101.
- Березин Я.Б. Калмыков А.А., 2004.** Курган у посёлка Доброжеланный Ставропольского края. // МИА Северного Кавказа – Вып.3 /Отв. ред. Е.И. Нарожный – Армавир: РИЦ АГПУ. – С.151 – 185.
- Березин Я.Б., 2010.** Сарматские погребения на территории Среднего Притеречья (по материалам раскопок 1980-х годов). // Археологический журнал – № III–IV /Под ред Е.И. Нарожного, Армавир: ЦАИ АГПУ. – 32-50.
- Березин Я.Б. Маслов В.Е., 2012** Скифский меч из могильника «Энергетик-3». // ИАА – Вып.11 – Армавир-Краснодар-Москва /отв.ред. Р.М. Мунчаев. – С.32 – 36.
- Березин Я.Б., 2021** Сарматские погребения курганного могильника Птичьё-3 (по материалам раскопок ГУП «Наследие»). // Археологическое наследие: материалы и интерпретации – Вып.2 /Отв.ред. Р.Ф. Фидаров – Владикавказ: институт истории и археологии РСО-Алания – Владикавказ. – С.42–78.
- Березин Я.Б., Лычагин А.В., 2021.** Сарматские погребения Прикумья, Ставрополье. (По материалам раскопок ГУП «Наследие»). //МИА Северного Кавказа – Вып. 19 /Отв. ред. Е.И. Нарожный – Армавир-Карачаевск: Изд-во КЧГУ. – С.23–56.
- Бурков С.Б. Прокопенко Ю.А., 2008.** Подкурганые погребения раннего железного века – эпохи раннего средневековья с территории предгорной Чечни /Отв. ред. Б.А. Раев – Ставрополь: Орион. – 384с.
- Гей А.Н. Клещенко А.А., 2018** Большой Петропавловский могильник. Публикация и интерпретация материалов раскопок. Труды Северокавказской археологической экспедиции – Т.1 // М: ИА РАН /Отв.ред. М.В. Андреева. – 220 с.
- Виноградов В.Б., 1963.** Сарматы Северо-Восточной Кавказа. (Труды ЧИНИИ – Т VI) /Отв. ред. К.Ф. Смирнов – Грозный. – 178с.
- Виноградов В.Б., 1966.** Локализация Ахардея и сиракский союз племён. // СА – № 4, М: Наука, – С.38– 50.
- Виноградов В.Б., 1968.** Об интерпретации сарматских погребальных памятников Предкавказья III вв. до н.э.- I в.н.э. // СА – № 1 – М: Наука. – С.48–55.
- Виноградов В.Б., Березин Я.Б., 1985.** Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н.э. – IV в.н.э. // Античность и варварский мир /Отв. ред: А.В. Исаенко – Орджоникидзе: Изд-во СОГУ. – С.43–63.
- Гиджрати Н., Наглер А., 1985.** Сарматское погребение у сел. Комарово Моздокского района СО АССР (предварительная публикация). // Античность и варварский мир /Отв. ред. А.В. Исаенко – Орджоникидзе: Изд-во СОГУ. – С.130–137.
- Иессен А.А., Пиотровский Б.Б., 1940.** – Моздокский могильник. // Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. – Вып. 1 – Л: Гос. Эрмитаж – 56с.
- Керефов Б.М., 1985.** Чегемский курган-кладбище сарматского времени. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. – Вып. 2 – Нальчик: Эльбрус. – С.135-228.
- Керефов Б.М., 1988.** Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии /Отв.ред. М.П. Абрамов – Нальчик: Эльбрус. – 191с.
- Кожухов С.П., 1994** Вооружение и конское снаряжение у племён Закубанья меото-сарматского времени. Автореф. дисс... канд. ист.наук – М.

Погребения эпохи раннего железного века из моздокского района Северной Осетии
(раскопки СОГУ 1980-х годов, часть 1)

- Козенкова В.И., 1982.** Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ – В2-5 /Отв.ред. Н.Л. Членова – М: Наука. – 147с.
- Козенкова и др. 1997. Козенкова В.И., Сосранов Р.С., Черджиев Э.Л.** К вопросу о межлокальных контактах в кобанской культуре (курган у с. Садового в Северной Осетии) // МИА России – № Т.1: Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы /Отв. ред. Р.М. Мунчаев и В.С. Ольховский – М.: ИА РАН. – С. 14–18.
- Козенкова В.И., 1998.** Материальная основа быта кобанских племён. Западный вариант // САИ – В2-5 –М: ИА РАН. – 200с.
- Копылов В.П. Марченко К.К., 1980.** Лепная керамика Елизаветовского могильника на Дону. // СА – № 2 – М: Наука. – С.155-160.
- Корневский С.Н.1990** Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья /Отв.ред. Н.Я. Мерперт – М: ИА АН СССР. – 174с.
- Куринских О.И., 2011.** Наконечники стрел ранних кочевников левобережного Илека VI – I вв. до н.э. // РА – № 3. – С.42 – 54.
- Марченко И.И. 1996.** Сираки Кубани – Краснодар: Изд-во КубГУ. – 219с.
- Мошинский А.П., 2006.** Древности горной Дигории VII-V вв. до н.э. //Тр. ГИМ – Вып. 154 – М: Изд-во ГИМ. – 208с.
- Мошкова М.Г. 1974.** Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры / Отв. ред. К.Ф.Смирнов – М: Наука. –51с.
- Наглер А.О., Гиджрати Н.И., 1984.** Отчет о работах в Моздокском районе Северо-Осетинской АССР в 1983 г. // НАО ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11854. № 11854а.
- Наглер А.О., 1985** Отчет о работах в Моздокском районе Северо-Осетинской АССР в 1984 г. // НАО ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10584, № 10584а.
- Наглер А.О., 1986.** Отчет о раскопках курганов в Моздокском районе Северо-Осетинской АССР в 1985 г. // НАО ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10396. № 10396а.
- Наглер А.О., 1987.** Отчет о раскопках курганов в Моздокском районе Северо-Осетинской АССР в 1986 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11302. № 11302а.
- Наглер А.О. Гриднев В.В., 1986.** Новые материалы эпохи раннего железа из Моздокского района СО АССР. // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа /Отв. ред. Т.Б. Тургиев – Орджоникидзе: Изд-во СОГУ. – С. 64 – 67.
- Ростунов В.Л., 1985.** Отчёт об археологических раскопках двух курганов у станицы Павлодольской Моздокского района СОАССР в 1984 г. // НОА ИА РАН, Р – 1. № 11855, 11855а.
- Смирнов К.Ф., 1964.** Савроматы. Ранняя история и культура сарматов – М: Наука. – 369с.
- Соколов П.М. 2009.** Клинковое оружие кочевников Нижнего Поволжья скифского времени. // НАВ – Вып.10 /Под ред. А.С. Скрипкина – Волгоград: Изд-во ВолГУ. – С.119 – 136.
- Тменов В.Х., 1975.** Курганы эпохи бронзы у станицы Новоосетинской Моздокского района СО АССР. // МАДИСО – Т.III /Отв. ред. В.А. Кузнецов – Орджоникидзе: Изд-во СОНИИ. – С.113-133.
- Шарапова С.В. Малашев В.Ю., 2022.** Хроноиндикаторы I-III в. н.э. из лесостепных памятников Тоболо-Прииртышья. // НАВ –Т2 1 – № 1 Волгоград: Изд-во ВрлГУ. – С.171 – 192.
- Шульга П.И. 2008.** Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. – Ч.1. – Барнаул: Азбука: /Отв.ред. Ю.Ф. Кирюшин. – 276с.
- Хавзанов А.М., 1971.** Очерки военного дела сарматов /Отв.ред. Б.И. Вайнберг, – М: Наука – 132с.
- Эрлих В.Р., 2007.** Железные наконечники стрел из Прикубанья: проблемы типологии и хронологии. //Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. // МИА России – № 8 – М: РАН. – С.1–532.
- Nagler A., 1996.** Kurgane der Mozdok-Steppe in Nordkaukasien // Archäologie in Eurasien; 3. (Espelkamp 1996).

РАСКОПКИ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА «БУРГУСТА I»
В КРАСНОСУЛИНСКОМ РАЙОНЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ²⁰

© В.А. Ларенок¹, О.П. Ларенок²

¹ ООО «Южархеология», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;

² Ассоциация «Южархеология», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена публикации погребальных комплексов различных периодов эпохи бронзы и средневековья из курганного могильника «Бургуста I». Приводится описание стратиграфии погребений и их расположение в хронологической последовательности. Захоронения эпохи бронзы составляют четкую стратиграфическую колонку всех периодов. Самым ранним является погребение ямной культуры. Дальнейшее сооружение насыпи происходит в катакомбный период и дополняется в финал средней бронзы комплексами днепро-донской бабинской культуры. Завершает эпоху бронзы ряд впускных погребений срубной культуры. Финальным этапом в строительстве курганного комплекса является сооружение средневекового святилища, устроенного на вершинах насыпей курганов 5 и 6.

Ключевые слова: эпоха бронзы, период средневековья, ямная культура, катакомбная культура, днепро-донская бабинская культура, срубная культура, половецкое святилище, Нижний Дон.

EXCAVATIONS OF THE BURIAL GROUND "BURGUSTA I" IN THE KRASNOSULINSKY
DISTRICT OF THE ROSTOV REGION

© V.A. Larenok¹, O.P. Larenok²

¹ ООО «Yuzarheology», Rostov-on-Don, Russian Federation;

² Assessment «Yuzarheology», Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the publication of the burial monuments of different periods of the Bronze Age and Middle Ages from the burial mound of Burgusta I. It describes the stratigraphy of the burials and their location in chronological order. A description is also given of the medieval sanctuary arranged on the tops of the burial mounds 5 and 6.

Key words: Bronze Age, Middle Ages, Yamnaya culture, Catacombnaya culture, Dnieper-Donskaya Babino culture, Srubnaya culture, Polovtsian sanctuary, Lower Don.

Изучение погребального обряда имеет важное историческое значение, для понимания духовного мира племен, существовавших в древности. Для полного его осмысления необходим анализ археологических источников, входящих в общее понятие погребального комплекса. Данный термин является своеобразным отражением определенных нормы поведения, религиозных верований, социального значения захороненного, и представлений о системе мироздания в целом.

Наиболее объективным и доступным методом в определении временной принадлежности той или иной культурной группы являются данные о стратиграфии погребальных комплексов. Как неоднократно отмечалось, именно стратиграфия курганных могильников даёт более верную картину в хронологическом соотношении (Литвиненко, 2000, с. 79). При правильно прослеженной информации о порядке залегания слоев земли можно реконструировать поэтапное возведение курганной насыпи со всеми её конструктивными особенностями. Такая возможность возникла при исследовании курганного могильника «Бургуста I». Археологические раскопки на данном памятнике были проведены в 2017 году экспедицией Ассо-

²⁰ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 20-39-90033 и 20-09-00469.

В.А. Ларенок, О.П. Ларенок
Раскопки курганного могильника «Бургуста I» в Красносулинском районе
Ростовской области

циации «Южархеология» по проекту строительства линии газопровода близ города Гуково Красносулинского района Ростовской области.

Территориально курганный могильник находится в Красносулинском районе Ростовской области в восточной части Донецкого кряжа, западнее хутора Калинин на водоразделе реки Кундрючьей, левого притока реки Северский Донец, между водоточными балками рек Большая Бугутка и Гнилуша.

Исследуемая курганная группа состояла из цепочки насыпей, протянувшихся в направлении с северо-запада на юго-восток; цепочка состояла из семи курганов, из которых № № 3,4,5,6 представляют собой центральную и единую, «сросшуюся» цепь насыпей, высотой от 2,5 до 3,5 м. Курган № 7, высотой 2,2 м располагался в северо-западной части могильника, обособленно от остальных курганов (рис. 1). В линию реконструкции газопровода не попали курганы № 1 и № 2, расположенные к юго-востоку от основной цепи, и № 8, находящийся к северо-западу от неё.

Формирование основных насыпей курганов происходило в различные периоды эпохи бронзы и окончательно было завершено в средневековье. Поверхности курганов были выложены рваными плитами песчаника разных размеров, образуя своеобразный каменный панцирь. На всех курганах были зафиксированы грабительские ямы, частично разрушившие погребения. Также часть погребений была нарушена норами байбака и других мелких грызунов.

Первый этап формирования курганного могильника происходил в период ранней бронзы – погребение № 20 ямной культуры в кургане № 7 (рис. 2, 2). Насыпь кургана № 3 возникает во время катакомбной культуры (погребение № 10А). К этому же времени относятся впускное погребение № 17 кургана № 7 и № 9 кургана № 3.

Племена днепро-донской бабинской культуры возводят в центральной части могильника насыпи – курган № 4 – погребение № 4, курган № 5 – погребение № 11, курган № 6 – погребение № 1 и в дальнейшем производят досыпку кургана № 3 над погребением № 12 (рис. 2,3-4), и кургана № 5 над погребением № 10 (рис. 4 - 4-12) (Ларенок В., Ларенок О., 2018, с. 219-221; Ларенок О., 2020. с. 217-221). Около курганов № 3 и № 4 формируется поминальная площадка, на которой были обнаружены фрагменты сосудов с налепными валиками и обломки костей животных. Еще один своеобразный погребальный комплекс сооружается около кургана № 5 и образует насыпь кургана № 6. Он был совершен на погребённой почве, на которую была высыпана зола с комочками обожжённой глины, фрагментами лепных сосудов, обломков кремня и обломками кальцинированных костей животных. Само сожжение было совершено на стороне. Насыпь, перекрывшая поминальную площадку, была возведена из «дерновых» блоков. Такой способ построения кургана характерен для племен днепро-донской бабинской культуры. В некоторых комплексах этого времени, как, например, в КМ Репный I, такие дерновые конструкции складываются над каждым погребением и закрываются одной общей насыпью. В ряде работ специалистов такая методика построения индивидуальных «курганчиков» обозначена термином «микронасыпь» (Глебов, 2002, Литвиненко 2006, Писларий, 1991, Прокофьев, 2002).

В финальный этап бронзового века происходит досыпка насыпей курганов №№ 3, 4, 5, 7. С этим периодом связано наибольшее число погребений в могильнике – 30 захоронений, относящихся к срубной культуре. Особую группу из них составляют погребения № 3 кургана № 3 и № 2 кургана № 5. Место для их сооружения в древности выбрано в седловинах между насыпями. Сходное по обряду с ними погребение № 1 кургана № 4, предположительно, можно также отнести к самому началу существования срубной культуры.

Характерной чертой погребений всей эпохи бронзы в рассматриваемом курганном комплексе является преобладание дополнительных сооружений в захоронениях, выполненных из камня или дерева, иногда с добавлением камыша (таблица 1). Количество же погребений, совершенных в обычных грунтовых ямах, не сопровождающихся какими-либо кон-

структивными особенностями, минимально и составляет 10% от общего числа. Хронологически такие захоронения представлены тремя культурами разных периодов эпохи бронзы – катакомбной (курган 3, погребение 10А), бабинской (курган 4, погребение 5) и срубной (курган 7, погребения 15 и 19). Основной массив погребений с различными конструкциями можно разделить на несколько групп, основанных на типе используемого материала и способе применения.

Первая группа представлена сооружениями из камня и составляет наибольший процент от общего числа захоронений – 65%. В гораздо меньшей доле отмечено использование дерева – 17%, конструкции из которого объединены во вторую группу. Также выделены комбинированные кладки с обоими видами сырья, которые составляют лишь 9% от общего количества.

Конструкции из камня можно разделить на две подгруппы, связанные между собой общим архитектурным элементом в виде перекрытия могильной ямы. Первая подгруппа состоит из закладов нескольких видов. Большую часть составляют ямы с каменными перекрытиями из рваных разноразмерных плиток песчаника, уложенных в один или несколько ярусов. В одном случае была прослежена дополнительная прослойка над камнем перекрытия в виде истлевшего камыша (курган 5, погребение 5). Такие заклады были сделаны исключительно над захоронениями срубной культуры. В двух погребениях средней бронзы использовалась многослойная забутовка колодца (курган 3, погребение 10А). Еще в одном случае плита закрывала вход в основную камеру катакомбы (курган 7, погребение 17).

Вторую подгруппу составляют более сложные конструкции, в которых в дополнение к перекрытию делается облицовка стен могильной ямы массивными плитами песчаника. Таким образом, получалась имитация каменного ящика со своеобразной крышкой в виде заклада и без дна (рис. 4.5). В одном случае, камнем были закрыты не все стены, а только две по широкой части ямы (курган 3, погребение 7). В процентном соотношении, доля таких погребений составляет 10%, от общего количества и датируется срубной культурой эпохи поздней бронзы.

Следующая группа отличается только применением деревянных конструкций в погребальной архитектуре. Но при этом сохраняется общий принцип построения сооружений и их типов. Таким образом, во вторую группу были отделены захоронения, сопровождающиеся перекрытиями из досок или бревен, уложенные поперек могильной ямы, и имитацией деревянных ящиков, накрытых сверху широкими плашками. В отличие от каменных сооружений, для данной группы характерно использование камышового настила как одного из слоев конструкции. Такая дополнительная прослойка укладывалась поверх деревянных перекрытий и только потом засыпалась грунтом. В одном случае, плашки были выложены в специально сделанные выемки, образующие заплечики ямы (курган 3, погребение 12). За исключением одного погребения (курган 7, погребение 20), все захоронения с деревянными конструкциями относятся к днепро-донской бабинской культуре периода финала средней бронзы (таблица 1).

Комбинированные сооружения с деревом и камнем представлены только многослойными закладами, без оформления стенок ящика. Единственной особенностью группы является наличие дополнительного конструктивного элемента в виде оградки около одного из захоронений (курган 3, погребение 4). В двух конструкциях из 5 была прослежена прослойка из камышового настила. Расположение слоев перекрытия в таких случаях имело следующую последовательность: деревянный настил, уложенный поперек ямы, на который помещался камыш и сверху перекрывался рваными плитами песчаника разного размера.

Отличия в архитектуре погребальных комплексов, связанные с применением различных материалов, являются определяющим признаком в дополнение к данным стратиграфии. Таким образом, возможно реконструировать более детально поэтапное появление захоронений в могильнике в рамках узкого хронологического периода. Наиболее понятна ситуация с погребениями ямной и катакомбной культур. Дополнительные конструкции этих захоронений являются типичными для раннего и среднего периодов бронзы и имеют широкое рас-

В.А. Ларенок, О.П. Ларенок
Раскопки курганного могильника «Бургуста I» в Красносулинском районе
Ростовской области

пространение. Применение дерева племенами днепро-донской бабинской культуры в погребальной архитектуре характерно для ранних этапов IA и IB. По наблюдениям Р.А. Литвиненко, каменные конструкции являются редким типом могильных сооружений и составляют 3,7% от общей массы захоронений днепро-донской бабинской культуры (Литвиненко, 2006, с. 172).

В последующий хронологический период, характеризующийся миграцией представителей срубной культуры, происходит сооружение сложных комбинированных комплексов. В таких конструкциях использование дерева сводится к минимуму и совсем исчезает в развитый период. Доминирующее число захоронений с каменными сооружениями определяется началом нового промежуточного этапа поздней бронзы и связано с активной разработкой Донецкого месторождения. Смену в приоритете использованного материала И.А. Писларий связывает с проникновением этого элемента обряда с Северного Кавказа, Кубани, Тамани и Крыма (Писларий, Филатов, 1972, с. 76-77). Отмечая при этом, что погребения срубной культуры в каменных ящиках не известны в Поволжье, считающимся местом происхождения культуры (Писларий, Филатов, 1972, с. 79).

Единственное погребение № 16А раннего железного века, открытое в кургане № 7, было впущено в насыпь времени эпохи поздней бронзы (рис. 2,1). Само захоронение было разрушено грабительским лазом. Сохранились только фрагменты костей двух погребенных, лежавших, вероятно, вытянуто на спине, головой к западу. Под ними удалось проследить следы подстилки в виде белого тлена.

Последний период «строительства» курганного могильника относится к эпохе средневековья. В это время на насыпях курганов 5 и 6, сооруженных в эпоху средней и поздней бронзы, половцами было возведено святилище с каменными изваяниями, представляющее собой единый поминальный комплекс.

Для обустройства места под святилище на кургане 6 была устроена еще одна насыпь из темного серого комковатого суглинка. Её поверхность выложена каменным панцирем, занимавшим как вершину кургана, так и его склоны. Панцирь состоял из разноразмерных плиток серого песчаника, лежавших в один слой. На склонах насыпи верхние камни «сползли» на нижние и частично их перекрывали. На вершине кургана была обустроена каменная площадка овальной формы размерами 12x12,5 м. На площадке среди плиток песчаника были найдены остатки поминальной тризны в виде мелких обломков костей животных. В центре насыпи, вероятно, находились три изваяния. Эта часть святилища была разрушена в середине прошлого века, на поверхности хорошо была видна заплывшая грабительская воронка размерами в верхней части 2,8x3,50 м, которая прорезала все насыпи кургана и входила в материк. В заполнении ямы на дне находилось каменное изваяние, вероятно, сброшенное туда грабителями. Оно представляло собой антропоморфную женскую фигуру в виде массивной стелы из серого окварцованного песчаника (рис. 5,3). На ней широким желобком была выделена голова с рельефными дугообразными бровями, глазами в виде небольших лунок. Рельефом в виде треугольника обозначен нос. Ниже на 0,50 м от груди расположен «поясок» – два горизонтальных желобка. Размеры: высота – 2,34 м, ширина в верхней части – 0,45 м, внизу – 0,25 м, максимальная ширина – 0,65 м, толщина – 0,45 м.

Обломки еще двух «баб» лежали среди камней панциря у грабительской воронки. Один из них – нижняя часть фигуры в виде фрагмента стелы из ракушечника трапециевидной формы (рис. 5,1). Ширина верхней широкой части – 0,43 м, нижней узкой – 33 см. Сохранившаяся высота – 68 м, толщина – 15 см. Второй фрагмент также представлял собой основание антропоморфного, вероятно, стелловидного изваяния из ракушечника (рис. 5,2). Он также имело трапециевидную форму. Высота обломка – 65 см, толщина – 9 см. Ширина фрагмента вверху – 45 см, ширина внизу – 40 см.

Позднее территория поминального комплекса была расширена. На поверхности в центре насыпи кургана № 5, расположенного с востока от насыпи кургана 6, также была обустроена

плоская площадка, но не овальной, а прямоугольной формы, закрытая каменными плитами песчаника, и проложенная далее на запад через седловину между курганами 5 и 6 в виде широкой «дорожки» до панциря первоначального святилища. Для прокладки каменной «дорожки» через седловину была совершена подсыпка грунтом. На новой площадке было установлено еще одно изваяние. В южной поле насыпи кургана 5 во время проведения раскопок была обнаружена заплывшая яма размером 3х2,60 м, ориентирована длинной осью по линии ССВ-ЮЮЗ - перекоп середины XX века, когда, по рассказам местных жителей, на кургане была установлена цистерна для заправки горючим сельскохозяйственной техники. В насыпи этой ямы собраны фрагменты каменного женского изваяния из мягкого белого известняка (рис. 5,4). Обломки сохранились от разных частей скульптуры. С помощью нескольких методов была создана графическая, фотограмметрическая и 3D реконструкции «бабы» (Завершинская, 2018, с. 16).

Так как центральные части каменных площадок святилища были уничтожены, можно предположить, что первоначально оно выглядело следующим образом. Поверхность кургана № 6, была выровнена и представляла собой плоскую площадку овальной формы, которую закрывал каменный панцирь, спускавшийся также по склонам насыпи. В центре святилища были установлены три изваяния, обращенные по сложившейся у половцев традиции, лицами на восток. Позднее территория поминального комплекса была расширена. На поверхности в центре насыпи кургана № 5 была обустроена плоская площадка прямоугольной формы, закрытая каменными плитами песчаника и продолженная далее на запад, в виде «дорожки» через седловину, между курганами 5 и 6 до панциря первоначального святилища. На новой площадке установили еще одно изваяние, оно тоже должно было быть обращено лицом на восток и спиной к «бабам» первоначального комплекса (рис. 4, 13).

Каменные конструкции подобных ритуальных поминальных комплексов традиционны для половецкой духовной культуры и расположены они обычно на насыпи одного кургана. Площадки овальной, прямоугольной или квадратной формы, возводимые на насыпях курганов эпохи бронзы, хорошо известны в степях юго-восточной Европы. На территории современной Ростовской области эти памятники обычно находятся на водоразделах правого берега реки Дон, рек Миус, Северский Донец и их притоков, т.е. там, где есть природные выходы известняков и песчаников. Половецкие святилища с каменными площадками и изваяниями исследованы в Куйбышевском районе в могильнике «Самарский II» на кургане позднебронзового века № 1 (Ларенок П., 1998, с. 104-105; табл. LXXXVI; Ларенок В., 2001, с.81-82, рис. 2), в кургане 1 могильника «Таврия I» в Неклиновском районе (Ларенок П., 1998, с.58-59; табл. XLVIII; Ларенок В., 2001, с. 79-81, Рис. 1), в курганном могильнике Ливенцовский VII в городе Ростове-на-Дону (Гугуев, Гуркин, 1992, с. 114-124, рис. 10), в могильнике «Октябрьский I» Красносулинского района (Прокофьев, 2002, с. 114-119), под городом Новошахтинском в могильнике «Ново Соколовский I» (Прокофьев, Прокофьева, 2009, с. 181-192). Обычно ритуальный комплекс находится на насыпи одного кургана в группе, возведенного в эпоху бронзы. Однако, в 1979 году в журнале «Советская Археология» М.Л. Швецовым была опубликована статья, в которой автор приводит примеры расположения по два поминальных сооружения в одном могильнике и отдельных изваяний или их фрагментов, на курганах, находившихся рядом (Швецов, 1979, с. 199). Это могильник в микрорайоне «Текстильщик» города Донецка с двумя каменными конструкциями и обломками изваяний, у села Новоселовка Тельмановского района Донецкой области (сейчас – Донецкой Народной республики РФ), где в одной курганной группе, состоявшей из шести насыпей, на трех, отдельно стоявших цепью друг за другом курганах №№ 2, 3 и 5, сохранились остатки трех половецких святилищ разных конструкций; у с. Астахова Свердловского района Ворошиловградской области (сейчас – Луганской Народной республики РФ) с кольцевидным каменным сооружением и остатками трех изваяний в кургане № 4 и фрагментом основания каменной бабы в кургане № 10 (Швецов, 1979, с. 199 – 207).

Таким образом, в могильнике «Бургуста I» святилище уникально, так как расположено на двух, соединенных каменной перемышкой курганах.

В.А. Ларенок, О.П. Ларенок
 Раскопки курганного могильника «Бургуста I» в Красносулинском районе
 Ростовской области

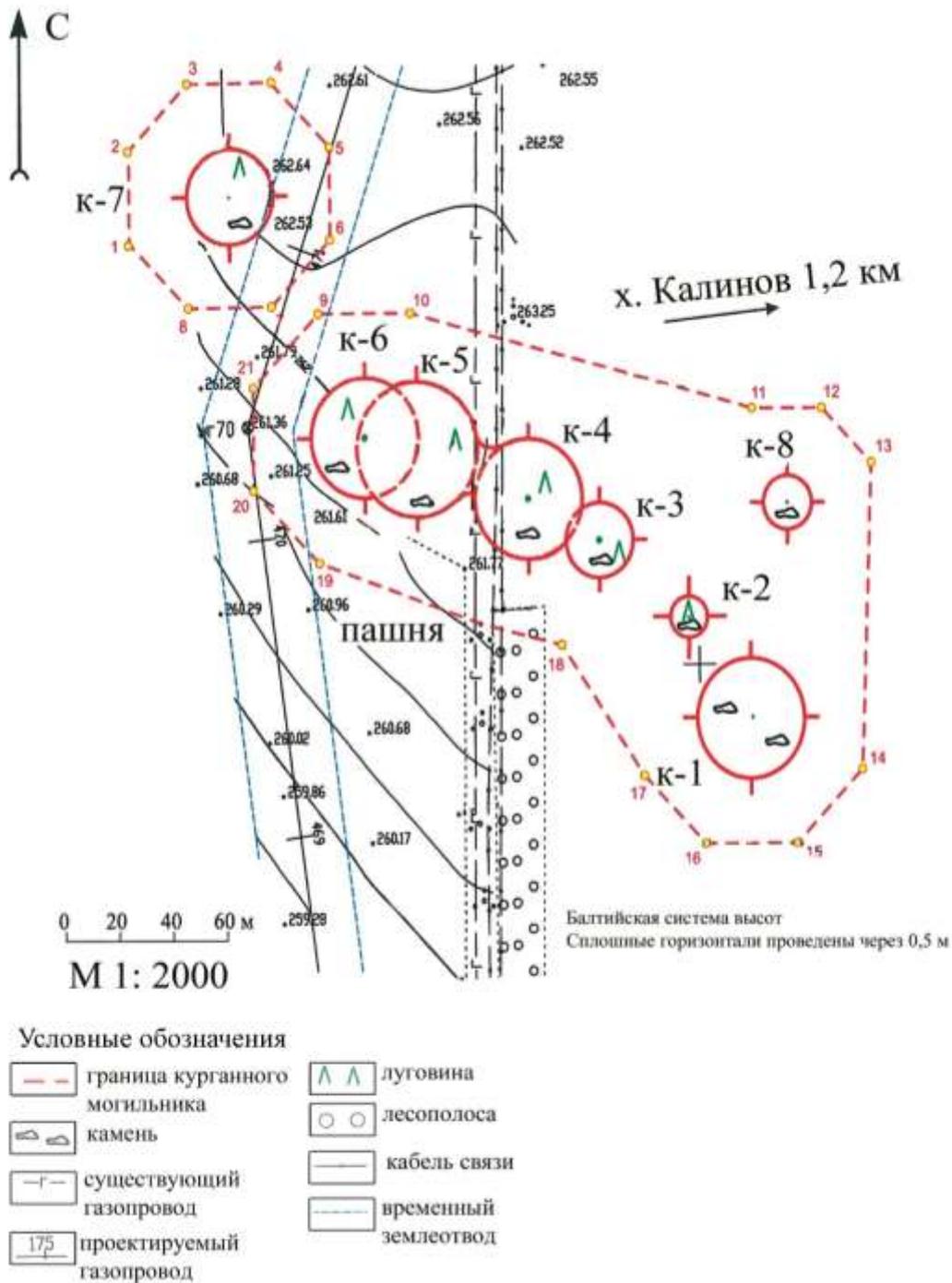

Рис.1. План-схема курганного могильника «Бургуста I» в Красносулинском районе Ростовской области.

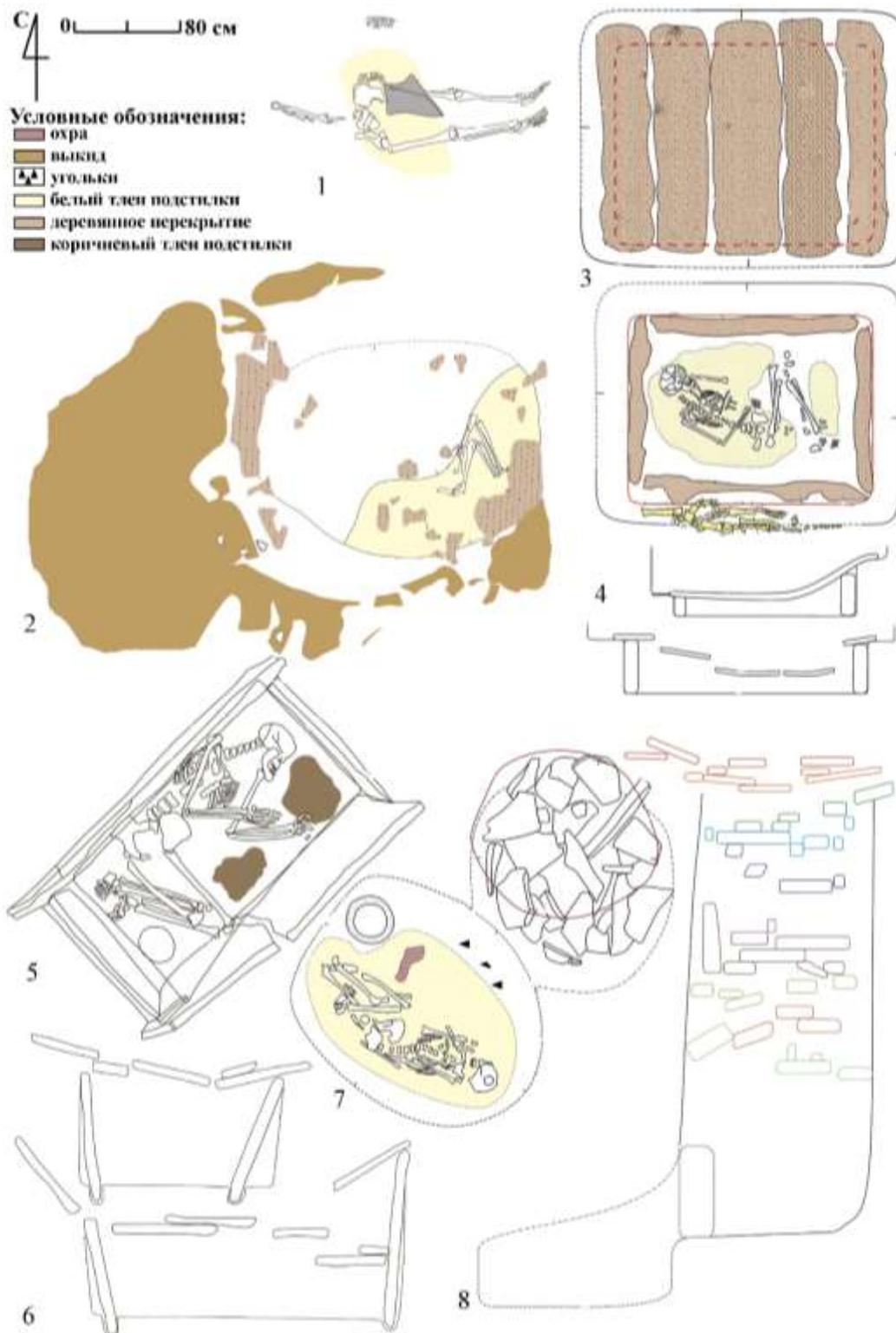

Рис.2. Погребения разных временных периодов из курганного могильника «Бургуста I»

I. Ямная культура: 1 – курган 7, погребение 20.

II. Катакомбная культура: 7-8 – курган 3, погребение 10.

III. Днепро-донская бабинская культура: 3-4 – курган, погребение 12.

IV. Срубная культура: 5-6 – курган 7, погребение 11.

V. Эпоха средневековья: 1 – курган 7, погребение 16А.

В.А. Ларенок, О.П. Ларенок
 Раскопки курганного могильника «Бургуста I» в Красносулинском районе
 Ростовской области

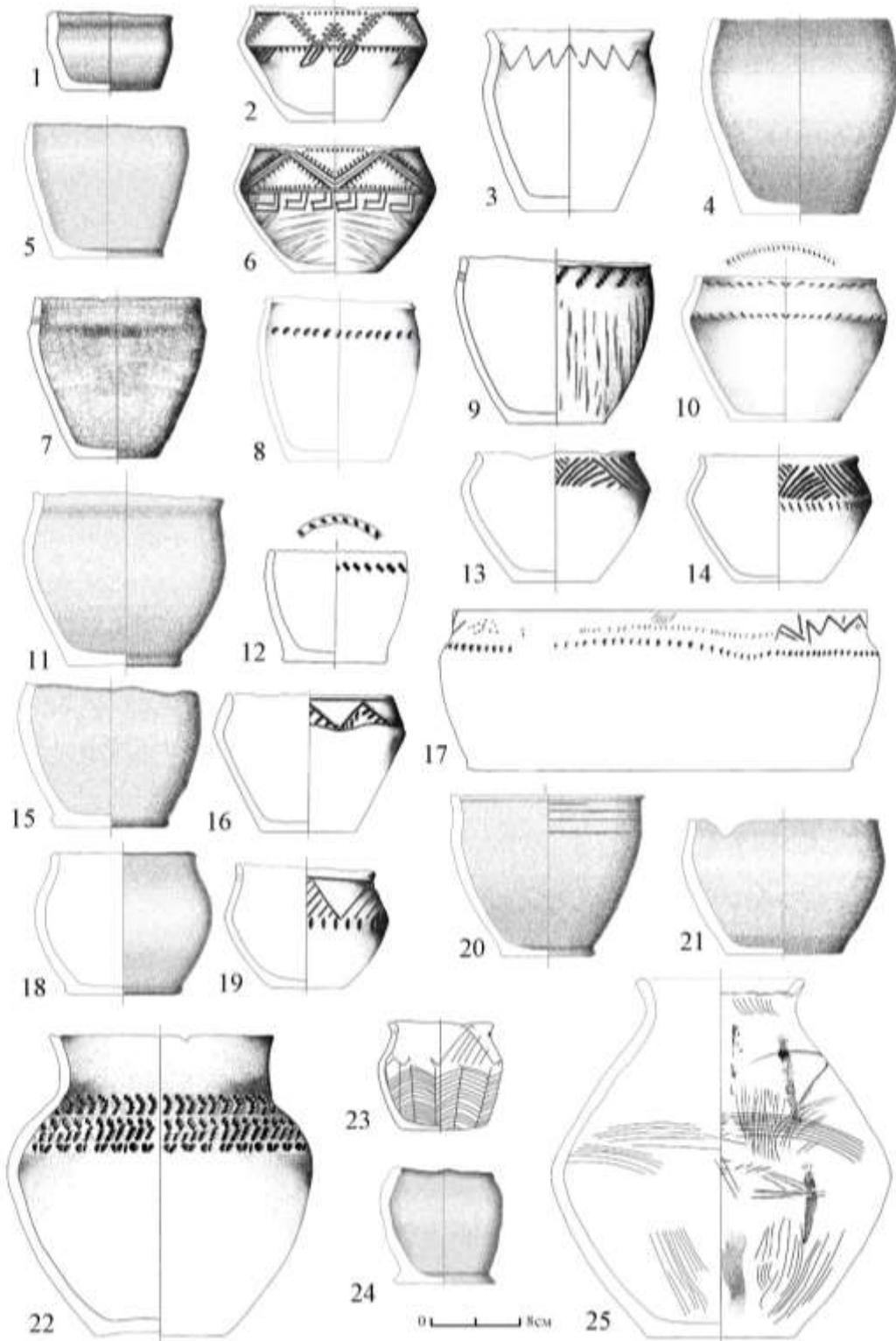

Рис.3. Курганный могильник «Бургуста I». Сосуды из погребений позднего бронзового века.

Курган 3: 1 – погребение 2, 2 – погребение 6, 3 – погребение 7, 6 – погребение 4, 8 – погребение 9, 22 – погребение 10. Курган 4: 10 – погребение 1, 25 – погребение 4. Курган 5: 5 – погребение 2, 7 – погребение 2, 9 – погребение 5, 11 – погребение 3, 23-24 – погребение 10. Курган 7: 12 – погребение 4, 13 – погребение 5, 14 – погребение 7, 15 - погребение 8, 16 – погребение 10, 17 – погребение 11, 18 – погребение 15, 19 – погребение 16, 20 – грабительский лаз, 21 – погребение 18.

Рис.4. Курганный могильник «Бургуста I». Поминальный и погребальный инвентарь из комплексов днепро-донской бабинской культуры бронзового века и половецкие изваяния.

Курган 5, погребение 3: 10-11 – бронзовые височные кольца; погребение 11: 1-9 – нашивные бронзовые диски, двурожковые бусины, бронзовые трубочки пронизи, бусины из речных раковин, пастовый бисер, бусы из сердолика, сверленные клыки собаки, очковидные подвески; 13 – каменное изваяние (реконструкция).

Курган 6, половецкое святилище: 14 – каменное изваяние. Курган 7, погребение 9: 12 – фрагмент деревянного сосуда с бронзовой накладкой. 13 - курганный могильник «Бургуста-I». Курганы 6, 5. Реконструкция половецкого святилища.

Автор М. П. Завершинская.

В.А. Ларенок, О.П. Ларенок
Раскопки курганного могильника «Бургуста I» в Красносулинском районе
Ростовской области

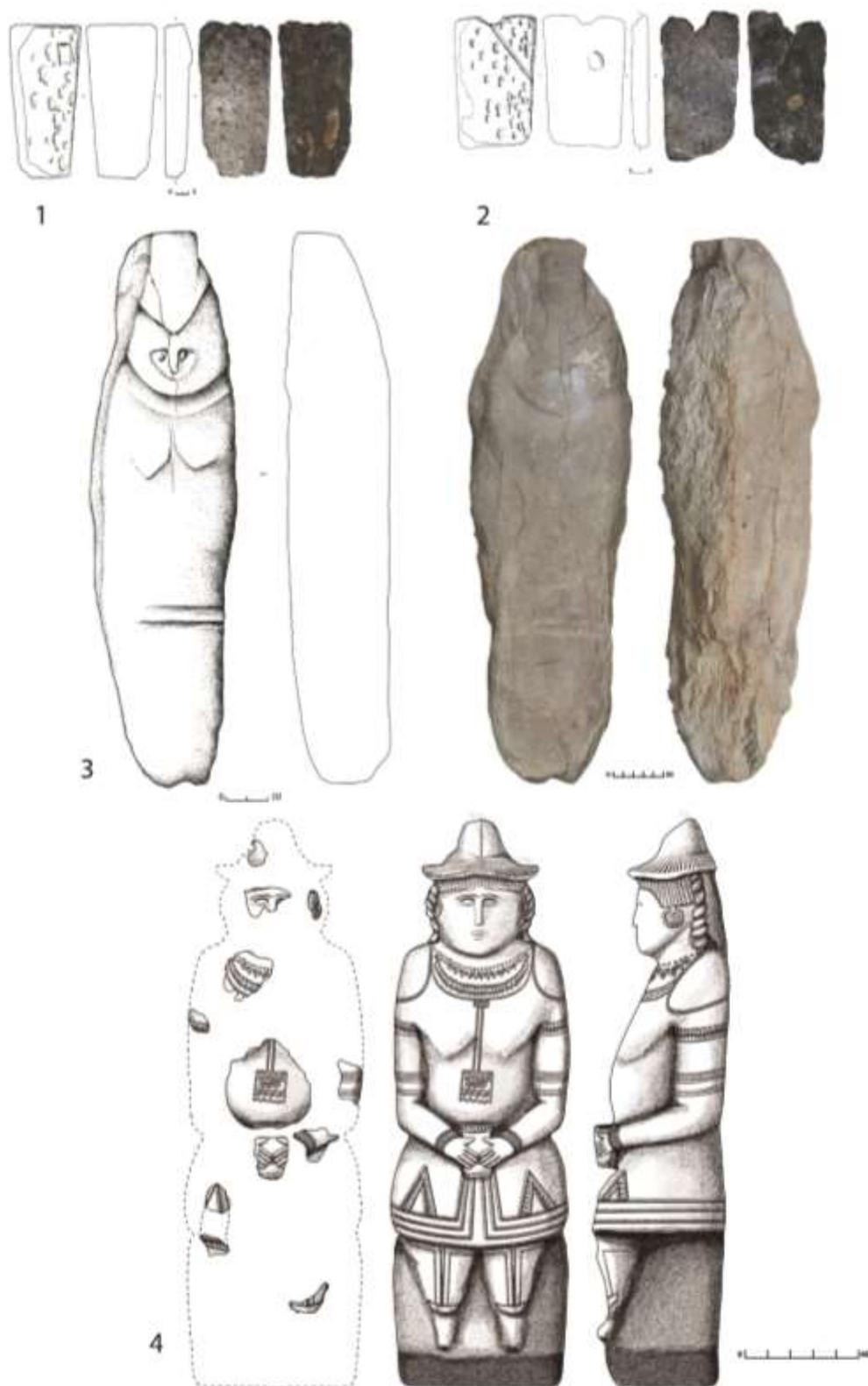

Рис 5. Курганный могильник «Бургуста-I». Курган 6.
1-2 – фрагменты каменных изваяний. 3 – каменное изваяние в виде стелы. Курган 5.
4 - реконструкция изваяния. Автор М.П. Завершинская.

Таблица 1. Погребения эпохи бронзы из КМ Бургуста 1.								
Шифр	перекрытие	ящик	камыш	поза	пол/возраст	подстилка	кости животного	время
К7/П20	дерево	-	-	Скорчено, на спине, головой на З	18-35 лет	белая	-	ЯКИО
К3/П10 А	-	-	-	СПБ, головой на ЮВ	М., 30-40 лет	белая, охра	-	ККИО
К3/П10	камень	-	-	Расчленен, СПБ, головой на ЮЗ	М., 25-35 лет	белая, охра, угольки	-	ККИО
К7/П17	камень	-	-	СЛБ, головой на З	10-12 лет	белая	-	ККИО
К3/П12	дерево	дерево		СЛБ, головой на З	М., 18-20 лет	коричневая	«очучело»; корова	ДДБК
К4/П3	дерево	-	+	Сильно разрушено	-	-	-	ДДБК
К4/П4	дерево	дерево		Расчленен, головой на З	М., 20-25 лет	коричневая, мел	«очучело»; лошадь	ДДБК
К4/П5	-	-	-	СЛБ, головой на З	М.	белая	-	ДДБК
К5/П10	дерево	-	+	парное – СЛБ, головой на З	М.	белая	«очучело»; баран	ДДБК
К5/П11	дерево	-	+	СПБ, головой на В	Ж., 18-20 лет	белый, коричневый	«очучело»; лошадь	ДДБК
К3/П1	камень	-	-	кенотаф	-	-	кости лошади	СКИО
К3/П2	камень	-	-	кенотаф	-	-	-	СКИО
К3/П4	камень + дерево + ограда		+	кенотаф	-	-	ребро лошади	СКИО
К3/П6	камень	-	-	разрушено	-	-	-	СКИО
К3/П7	камень	камень	-	СЛБ, головой на С	ребенок			СКИО
К3/П8	камень	-	-	СПБ, головой на С	-	-	-	СКИО
К3/П9	камень	-	-	СЛБ, головой на СВ	-	посыпка охрой	-	СКИО
К3/П11	камень	-	-	разрушено	ребенок	-	-	СКИО
К4/П1	камень + дерево	-	+	СЛБ, головой на ВСВ	до 10 лет	коричневая	-	СКИО
К5/П2	камень, ограда		+	СЛБ, головой на ВСВ	М., 35-40 лет	-	кости лошади и быка	СКИО
К5/П3	камень, части оградки		-	СПБ, головой на СВ	25-30 лет	-	-	СКИО
К5/П4	камень	камень	-	СЛБ, головой на СВ	младенец	белая	-	СКИО
К5/П5	камень	-	+	СПБ, В	35-45 лет	-	-	СКИО
К5/П6	камень + дерево	-	-	СПБ, В	ребенок	-	-	СКИО
К5/П7	камень	-	-	СЛБ, В	4-6 лет	коричневая, белая	-	СКИО
К7/П1	камень	-	-	разрушено	-	-	-	СКИО
К7/П3	камень	-	-	СЛБ, СВ	1-2 года	коричневая	-	СКИО
К7/П4	камень	-	-	разрушено	Ребенок	-	-	СКИО
К7/П5	камень	-	-	разрушено	-	-	-	СКИО
К7/П6	камень	-	-	разрушено	ребенок	-	-	СКИО
К7/П7	камень	-	-	разрушено	6 месяцев	-	-	СКИО
К7/П8	камень	камень	-	СЛБ, СВ	3 года	коричневая	-	СКИО
К7/П9	камень	-	-	СЛБ, ВСВ	2 года	белая	-	СКИО
К7/П10	камень	-	-	разрушено	6-10 лет	-	-	СКИО
К7/П11	камень	камень	-	СЛБ, СВ	М., 35-45 лет	-	-	СКИО
К7/П14	камень + дерево	-	-	СЛБ, ВСВ	М., 30-40 лет	белая	-	СКИО
К7/П15	-	-	-	СЛБ, В	25-30 лет	-	-	СКИО
К7/П16	камень + дерево	-	-	СЛБ, СВ	25-30 лет	-	-	СКИО
К7/П18	камень	-	-	разрушено	1 год	-	-	СКИО
К7/П19	-	-	-	СЛБ, ЮВ	ребенок	-	-	СКИО

В.А. Ларенок, О.П. Ларенок
Раскопки курганного могильника «Бургуста I» в Красносулинском районе
Ростовской области

Примечание к таблице: ЯКИО – ямная культурно-историческая общность; ККИО – катакомбная культурно-историческая общность; ДДБК – днепро-донская бабинская культура; СКИО – срубная культурно-историческая общность. СЛБ – скорченно, на левом боку, СЛП – скорченно, на правом боку.

Время сооружения и функционирования святилища могильника «Бургуста I» определяется по типам обнаруженных на нем изваяний. Сохранившуюся каменную бабу из кургана № 6 С.А. Плетнева и другие исследователи относят к поздней половецкой скульптуре, к так называемым стелловидным статуям, появившимся в конце XII века. Этот тип скульптуры продолжал существовать, вероятно, даже во время Золотой Орды в конце XIII – начале XIV вв. (Плетнева, 1974, с. 70; Гераськова, 1999, с. 408-430; Красильников, Тельнова, 2000, с. 229-231). Облик женского изваяния кургана 5, воссозданного по обломкам, по элементам оформления и типу скульптуры можно отнести к типу III А или III Б – круглой скульптуре по классификации С.А. Плетневой, характерной для XII века и существовавшей вплоть до монгольского нашествия (Плетнева, 1974, с. 69-70, с. 68, рис. 35). Таким образом время возникновения поминального комплекса могильника «Бургуста-I» мы можем отнести к концу XII века. А использовать его как святилище половцы могли вплоть до конца XIII века. Интересно сочетание в святилище двух разных типов каменных изваяний: так называемой круглой скульптуры и трех стелловидных. Судя по полевым наблюдениям, на первом сооружении установлены стелы, обычно соотносимые с поздней половецкой скульптурой, а на втором, пристроенном позднее, находилось изваяние, выполненное в технике округлой скульптуры, получившей распространение в период расцвета половецкого общества.

Схожие погребальные комплексы, которые местные жители называют «верблюдами», образованные несколькими сросшимися насыпями, находятся в непосредственной близости от исследованного могильника. Примерно в 10 км к югу от памятника «Бургуста I», на водоразделе рек Гнилуша и Кундрючьей, располагались курганные группы Ребриковка II и Кисилев II имеющие аналогичную хронологию (Прокофьев, 2004, с. 250, с.274). Территориальная близость курганных комплексов определенно неслучайна. Искусственное изменение окружающего ландшафта методом возведения новых насыпей имело смысл не только в обозначении священных культовых мест, но и в маркировке пространства. Такие пункты становились определителями обитания той или иной культурной группы, а также служили маршрутными ориентирами для путников (Пыслару, 2017, с.149). В процессе формирования торговых взаимоотношений и налаживании контактов между представителями различных культур курганы также имели немаловажную роль в пространственном ориентировании (Пыслару, 2017, с. 150).

Литература

- Гераськова Л.С., 1999.** Новое в изучении монументальной скульптуры кочевников средневековья // *Stratum plus. Археология и культурная антропология* – № 5: Неславянское в славянском – С-Петербург-Одесса - Кишинев-Бухарест. – С. 408–430.
- Глебов В.П., 2004.** Исследования курганных могильников Репный I, Раскатный I, Калинов II // *Труды археологического научно-исследовательского бюро (АНИБ)*. – Т.1 – Ростов-на-Дону. – С. 57–157.
- Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992.** Половецкое святилище середины XI - начала XIII веков на правом берегу Дона (опыт исследования семантики культового комплекса) // *Донские древности* – Вып. 1 – Ростов-на-Дону. – С. 7–33.
- Завершинская М.П., 2018.** Фотограмметрия и 3D моделирование в археологической реконструкции (на примере половецкого изваяния из курганного могильника Бургуста I) // *Актуальная археология* – Вып. 4. Комплексные исследования в археологии. Тезисы Международной научной конференции молодых ученых. – СПб. – С. 16–19.
- Красильников К.И., Тельнова Л.И., 2000.** Половецкие изваяния среднего Подонцовья: типология, эволюция, хронология (по материалам коллекций Луганской области) // *Сте-*

пи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии, – Т. 1 – Донецк. – С. 227–245.

- Ларенок В.А., 1998.** Курганный могильник «Самарский II» // Каталог Курганы северо-восточного Приазовья. Материалы и исследования Таганрогской археологической конференции. – Вып. III – Ростов-на-Дону. – С. 102–119.
- Ларенок В.А., 2001.** Половецкие изваяния из фондов Таганрогского музея-заповедника // Донская археология – № 1-2 – Ростов-на-Дону. – С. 79–89.
- Ларенок В.А., 2017.** Половецкое святилище курганного могильника «Бургуста I» // VIII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы международной археологической конференции – Краснодар. – С. 120–123.
- Ларенок В.А., Ларенок О.П., 2018.** Биспиралевидные подвески из кургана № 5 курганного могильника «Бургуста I» Красносулинского района // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» – Карачаевск. – С.219–221.
- Ларенок П.А., 1998.** Курганные могильники «Таврия I-III» // Каталог. Курганы северо-восточного Приазовья. Материалы и исследования Таганрогской археологической конференции, – Вып. III – Ростов-на-Дону. – С. 56–90.
- Ларенок О.П., 2020.** Парное погребение бабинской культуры из курганного могильника Бургуста I // Актуальная археология. – Вып.5. Тезисы Международной научной конференции молодых ученых. – СПб. – С. 217–221.
- Литвиненко Р.А., 2000.** К относительной хронологии культур конца средней – начала поздней бронзы бассейна Северского Донца // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк. – С. 76–79.
- Литвиненко Р.А., 2006.** Днепро-Донская бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд) // Материалы и достижения в археологии Восточной Украины. – Луганск. – С. 157
- Писларий И.А., Филатов А.П., 1972.** Тайны степных курганов. – Донецк. – С. 137 с.
- Писларий И.А., 1991.** Погребальный обряд племен культуры многоваликовой керамики // Древняя история населения Украины – Киев. – С. 52–66.
- Плетнева С.А., 1974.** Половецкая каменная скульптура //САИ. – Вып. Е4-2 – М.: Наука. – 200 с.
- Прокофьев Р.В., 2002.** Исследование курганов у с. Киселево Красносулинского района // Историко- археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. – Вып. 18 – Азов. – С. 114–119.
- Прокофьев Р.В., 2004.** Курганы с камнем на правом берегу Северского Донца // Историко- археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2003 году. – Вып. 20 – Азов. – С.240–326.
- Прокофьев Р.В., Прокофьева Т.Е., 2009.** Раскопки курганов в окрестностях г. Новошахтинска // Археологические записки – Вып. 6. – Ростов-на-Дону. – С. 181–193.
- Пыслару И., 2017.** Ландшафт и археологические культуры // I Международная научно-практическая конференция. Добродеевские чтения – М. – С. 147–151.
- Швецов М.Л., 1979.** Половецкие святилища //СА – № 1 – М. – С. 199–210.

РАСКОПКИ КУРГАНА 2 КУРГАННОЙ ГРУППЫ «ГОСТАГАЕВСКАЯ-1»

© Л.Э. Голубев

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований
им. Т.М. Керашева, г. Майкоп, Российская Федерация

Аннотация. Представленная работа вводит в научный оборот материалы раскопок кургана № 2 из курганной группы «Гостагаевская-1». Данное погребение принадлежит мужчине-воину, относящееся к так называемому дружинному сословию из племени, обитавшего в Северо-Восточном Причерноморье Северного Кавказа в конце XII в. – начале XIV в.

Также в научный оборот вводятся два женских погребения, относящихся к эпохе «позднего железного века» I- III вв., которые подстилали курганную насыпь.

Ключевые слова: Северо-Восточное Причерноморье, курган, погребения, сабля, стрелы, колчан, украшения, бусы.

EXCAVATIONS OF THE MOUND 2 KG «GOSTAGAEVSKAYA-1»

©L.E. Golubev

I.M. T.M. Kerashev Adyghe Republican Institute for Humanitarian Studies, Maykop, Russian Federation

Abstract. The presented work introduces into scientific circulation the materials of the excavation of mound No. 2 from the kurgan group «Gostagaevskaya-1». The presented burial belongs to a war man belonging to the so-called druzhinny estate from a tribe that lived in the Northeastern Black Sea region of the North Caucasus at the end of the XII century – the beginning of the XIV century.

Also, two female burials belonging to the era of the "late Iron Age" of the I- III centuries are being put into circulation. They laid the mound mound.

Keywords: North-Eastern Black Sea region, burial mound, burial, saber, arrows, quiver, jewelry, beads.

Данная работа продолжает серию публикаций, посвященных раскопкам 2014 г. курганной группы «Гостагаевская-1». На страницах предыдущего выпуска «МИА Северного Кавказа» уже публиковалась часть материалов, относящихся к «групповым» парным погребениям этого могильника (Голубев, Полицын, 2022, с. 115-128). Кроме того были опубликованы сведения о воинских захоронениях сопровождавшихся тушами коней (Верещагин, Голубев, 2020, с. 176-191). Также в научный оборот введены и материалы раскопок курганов № 48 и № 51 (Голубев, 2022, с. 32-41). Отдельные публикации были посвящены выразительным погребальным комплексам из этого же курганного могильника (Голубев, Схатум, 2017, с. 69-78; Голубев, Полицын, Пьянков, Схатум, 2021, с. 214-228).

Средневековая курганная группа «Гостагаевская-1», перекрывала позднеантичный некрополь, который я предварительно датую I-III вв. К сожалению, ранний памятник был открыт уже в процессе раскопок и нам не удалось определить его границы. Материалы части ранней группы публикуются впервые, хотя небольшое информационное сообщение о них было сделано А.В. Галушко (Галушко, 2015, с. 114-119). В дальнейшем планируется полное издание исследованной части позднеантичного некрополя. К сожалению, антропологический анализ выполнен не полностью, ограничился только половозрастными данными.²¹

Курган № 2 (рис. 1, I-2) располагался на СЗ окраине могильника, занимая небольшой подъем к ЮЗ по склону кряжа. Высота насыпи с ЮЗ - 0,44 м, с СЗ - 1,82 м, с ЮВ - 1,75 м, с СВ - 0,53 м. Диаметр – 12 м. Насыпь кургана хотя и была повреждена при вырубке и раскор-

²¹ К сожалению, переданные на исследования материалы раскопок «Гостагаевская-1» мы не можем получить обратно для более детального исследования в другой лаборатории.

Раскопки кургана 2 курганной группы «Гостагаевская-1»

чевке деревьев на ней, сохранила полусферическую форму и немного оплыла к СВ, вниз по склону. В площади кургана было исследовано 3 погребения. Насыпь была возведена над средневековым погребением № 3; погребения № № 1, 2 относятся к грунтовому могильнику финала эпохи «железа», которые были перекрыты поздним погребальным сооружением.

Погребение № 1 (рис. 2, 1) находилось в ЮВ секторе насыпи на расстоянии от R СВ 2,9 м и к Ю (к черепу 1) на глубине от R0 -2,72 м, в материковой глине. Скелет плохой сохранности лежал в подпрямоугольной яме головой на В, череп завалился к С; скелет пожилого мужчины. Погребение было разрушено до груди погребением № 2, которое было положено по одной оси.

Инвентарь: слева от черепа лежал глиняный трехручный небольшой канфар на кольцевом поддоне высотой 6 см, диаметр поддона – 3,2 см, венчика – 6,6 см, ручки овальные в сечении 1,1x0,8 см (рис. 2, 2). Возможно, к этому же погребению относятся найденные рядом в насыпи фаянсовая бусина голубого цвета с косыми насечками размером 1,9x1,5 см (рис. 2, 3) и арбалетовидная фибула 5,6x2,71x0,1 см (рис. 2, 4). А также – мелкий серебряный предмет с отверстием 1x0,5 см (рис. 2, 5).

Погребение № 2 находилось в ЮВ секторе. Погребение было совершено в подпрямоугольной яме по оси СВ - ЮЗ почти по одной с погребением № 1 с небольшим отклонением к северу, на глубине -2,71 м от R0, в материковом слое. Скелет средней сохранности, лежал вытянуто на спине головой на СВ, череп завалился к Ю, руки вытянуты вдоль туловища. Под пахом черный органический тлен. Судя по инвентарю (рис. 3, 1-5), погребение было женским.

Инвентарь: под шеей и черепом в два ряда лежали стеклянные бусы желтого цвета, из которых 6 уплощённые овальные, средний размер 2x1,4x0,4 см, 10 шаровидных, средний размер 0,7 см, в ожерелье эти два вида бус чередовались между собой (рис. 3, 1). Гешировые бусы, черны цвет, средний размер 0,5x0,5 см (рис. 3, 2). С внутренней стороны левого локтевого сустава на черном тлене лежала билоновая лучковая фибула с большой примесью меди 7,7x3,6x0,4 см (рис. 3, 3). На запястье левой руки с внутренней стороны и левого крыла таза на черном органическом тлене лежало билоновое зеркало с растительным орнаментом на внешней стороне и с небольшой ручкой, а также – с отверстием-петелькой в ней 5,1x4,1x0,1 см (рис. 3, 4). На безымянном пальце правой руки в черном органическом тлене находился перстень из бронзовой проволоки. Он плохой сохранности, метал на кольце расплюсчен 0,3x0,1 см, щиток витой в виде спирали 0,8x0,2 см (рис. 3, 5).

Погребение № 3 (рис. 4, 1), центральное, располагалось в центре насыпи прямо под R, на глубине 2,16 м от R0, в материковой глине. Захоронение было совершено в прямоугольной яме (2,4x0,85 м) вытянутой по оси ЮЗ – СВ, в которую была положена деревянная колода. Скелет плохой сохранности лежал, вытянуто на спине, головой на ЮЗ, череп покоился на затылке, руки были вытянуты вдоль туловища.

Инвентарь: справа, между черепом и правым плечом, черно-глиняная жаровня с древесным углем, сделанная из фрагмента черно-глиняного сосуда, тесто пористое с примесью кварца (13,5x8,4x0,7 см) (рис. 4, 2), там же находился фрагмент ручки, вероятно, от того же сосуда (4,3x3,2x1,1 см) (рис. 4, 3). От левого колена до левой височной кости острием вверх, режущей частью лезвия от туловища лежала сабля общей длиной 119,5 см (рис. 5, 1). Черен (9x1,5x0,4 см) снабжён долем, на котором у перекрестия сохранилось обкладка со следами кожи (3x4,6 см). Перекрестие (6 см) с уплощёнными шаровидными окончаниями (1,4x0,9 см), нижний край утрачен (рис. 5, 2). На торце детали рукояти скреплялись оголовьем цилиндрической формы с вытянутыми мысками и сквозным шплинтом, один конец которого выступал как петелька для темляка (2,3x2,1x0,2 см) (рис. 5, 3). Клинок у перекрестия шириной 2,5 и толщиной 0,7 см: в центре – 2,5x0,7 см, острие четырехгранное, ромбическое в сечении (2,1x0,7 см). Наконечник ножен цилиндрической формы, овальный в сечении (5,1x3x1,6 см) (рис. 5, 4).

Рядом с рукоятью сабли лежала железная корродированная пряжка размерами в 3,1x2,6x0,3 см (рис. 5, 5). На груди с левой стороны находилось 6 бронзовых литых пуговиц

1,3x0,8x0,1 см (рис. 6, 1), типы которых ныне хорошо известны не только по другим захоронениям из курганов могильника «Гостагаевский-1» (Голубев, Полицын, 2022, с. 124, рис. 2, 17-23; с.125, рис.3, 3-5; с.126, рис.4, 26-28; с. 128, рис.6, 12-15; Голубев и др., 2021, с.223, рис. 2, 5-9, 11-15, с. 228, рис.7, 6-7 и др.), в золотоордынское время используя на обширной территории от Каспийского моря до Крыма включительно (Нарожный, 2020, с.216, Рис.1, 1-14).

На позвоночнике погребенного, в районе пояса, отмечена костяная конусовидная пуговица-пронизь, украшенная геометрическим и циркульным орнаментом (1,9x1 см) (рис. 6, 2). С противоположной стороны – фрагмент костяной пуговицы-пронизи (1,8x0,3 см) (рис. 6, 3). Справа от локтевого сустава и под тазом лежал нож (12,4x1,5x0,4 см) (рис. 6, 4), рядом – железная пряжка, аналогичная первой, сильно корродированная (3x2,8x0,4 см), со следами кожаного ремня (рис. 6, 5). Под правым и левым тазобедренными суставами в черном органическом тлене лежали два бронзовых кольца диаметром 2,7x0,3 см (рис. 6, 6). Между ножом и правым крылом таза находился свинцовый предмет – «шайба» (2,7x1,5x0,4 см) (рис. 6,7). Рядом, под краем правого тазового крыла, находилась небольшая бронзовая пряжка с железным язычком, на который была намотана железная проволока (1,8x1,6x0,2 см) (рис. 6, 8). С внутренней стороны правого бедра лежали 7 корродированных черешковых наконечников стрел, 6 из которых однотипные – с пером ромбовидных очертаний, в сечении плоских, (2,7x1,8x0,2 см); точную длину черешка установить не удалось, вероятно, в среднем, они были в 5,4 см (рис. 7, 1-6). Седьмой наконечник – бронебойный, перо вытянуто, ромбическое в сечении (4,3x1x0,7 см) (рис. 7, 7). Вместе с наконечниками стрел находились железные фрагментированные детали ножен сабли со следами ткани (рис. 7, 8), две фрагментированные крупные колчаные петли (1 – 9,3x1,4x0,7 см: рис. 7, 9; 2 – 8,2x1,3x0,7 см: рис. 7, 10). Этот тип деталей колчанов широко использовался на территории Восточной Европы у представителей различных этнических групп, включая и поздних кочевников (Нарожный, 2005, с. 115, рис.50, 1-5).

Впритык к скоплению стрел с севера лежала тонкая костяная декоративная накладка на колчан или, скорее всего, на лук (Нарожный, Плютов, 2009, с. 275–280) украшенная геометрическим и циркульным орнаментами (11,5x0,8x0,2 см) (рис. 7, 11). Подобные накладки на луки также хорошо известны на обширной территории не только Восточной Европы, включая поздних кочевников (Нарожный, 2005, с.106, рис.45, 1-15; Нарожный, Плютов, 2009, с. 275-280), а также, у средневековых кочевников, например, с территории Алтая (Рахимов, Мамиров, 2022, с. 60-167.).

В 10 см к В от наконечников стрел находилась комбинированная пуговица, состоящая из костяной основы, на которую накладывалась бронзовая пластина, крепившаяся к основе при помощи припаянной петельки, проходящей через нее в центре, где с тыльной стороны в петельку выставлялся, вероятно, железный стержень-засов (1,1x0,3 см) (рис. 6, 9).

В заполнении погребения были найдены зубы косули (рис. 7, 12), ломаный кусок кремня для огнива (2x2,4 см) (рис. 7, 13).

Погребения №№ 1, 2 представляют эпоху поздней античности и, вероятно, были совершены, как указывалось выше, в I-III вв., т.е. задолго до появления на этом месте средневековых курганных насыпей.

Канфары, подобный публикуемому канфару из погребения № 1, был найден в погребении позднеантичного могильника «Мысхако» – в погребении № 203 и датируется I-III в. (Онайко, Дмитриев, 1980, с. 121). Также – в некрополе «Широкая Балка», где были отнесены к I-II вв.; иногда такие предметы встречаются и в комплексах начала III в. (Население ..., 2011, с. 250-251).

Фибула из погребения № 1, согласно точке зрения А.К. Амброза, относится к т.н. «Неаполитанскому варианту» и датируется I в. до н.э. – I в. н.э. (Амброз, 1966, с.22, табл. 3, 5-6). Тип фибулы из погребения № 2 встречается достаточно часто в могильниках Северо-Восточного Причерноморья и датируется концом II в. – III в. (Амброз, 1966, с. 51, табл. 9, 12-13).

Л.Э. Голубев

Раскопки кургана 2 курганной группы «Гостагаевская-1»

к.г. Гостагаевская - 1

к.2

план

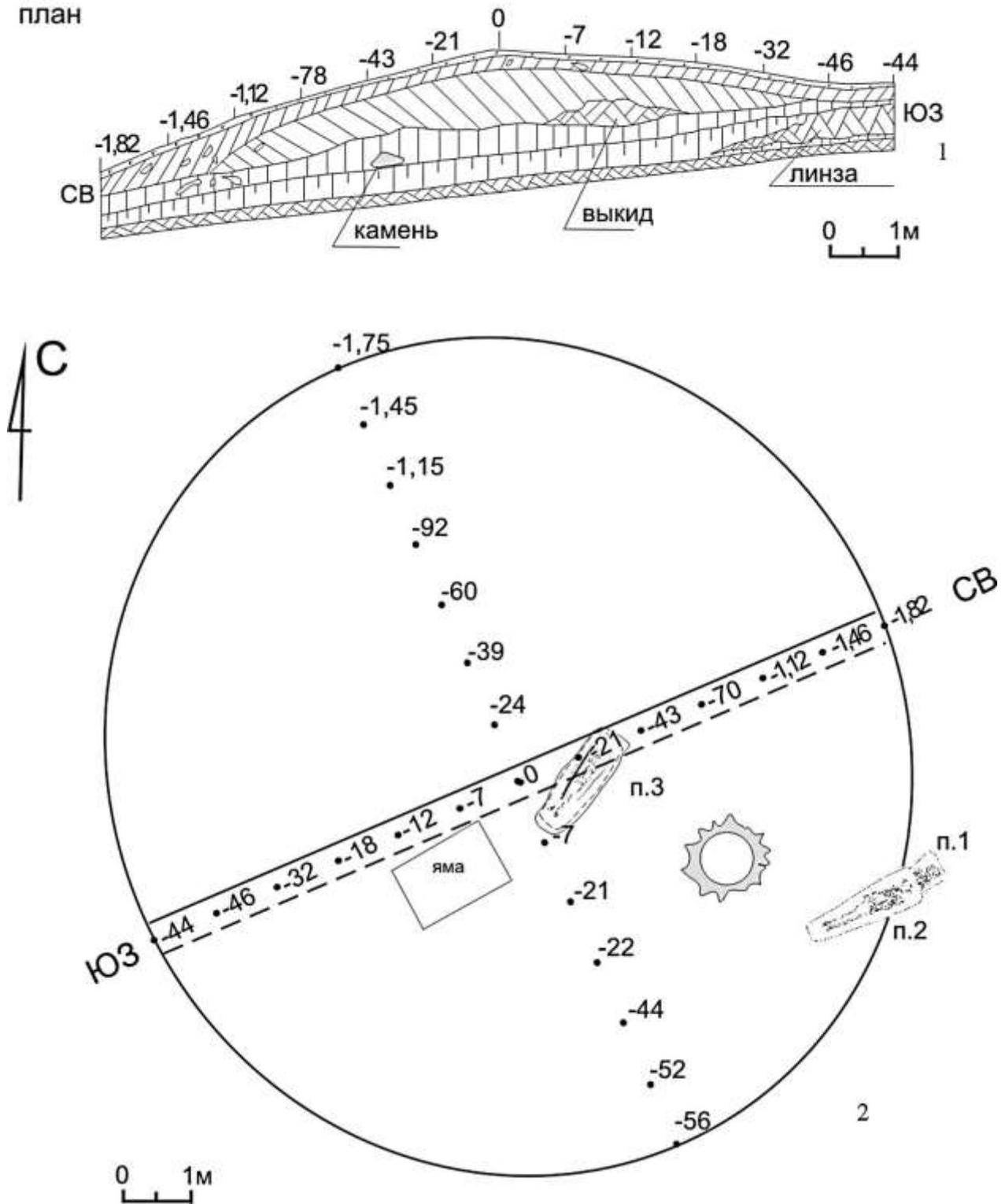

Рис.1. 1 - стратиграфический разрез; 2 - план кургана.

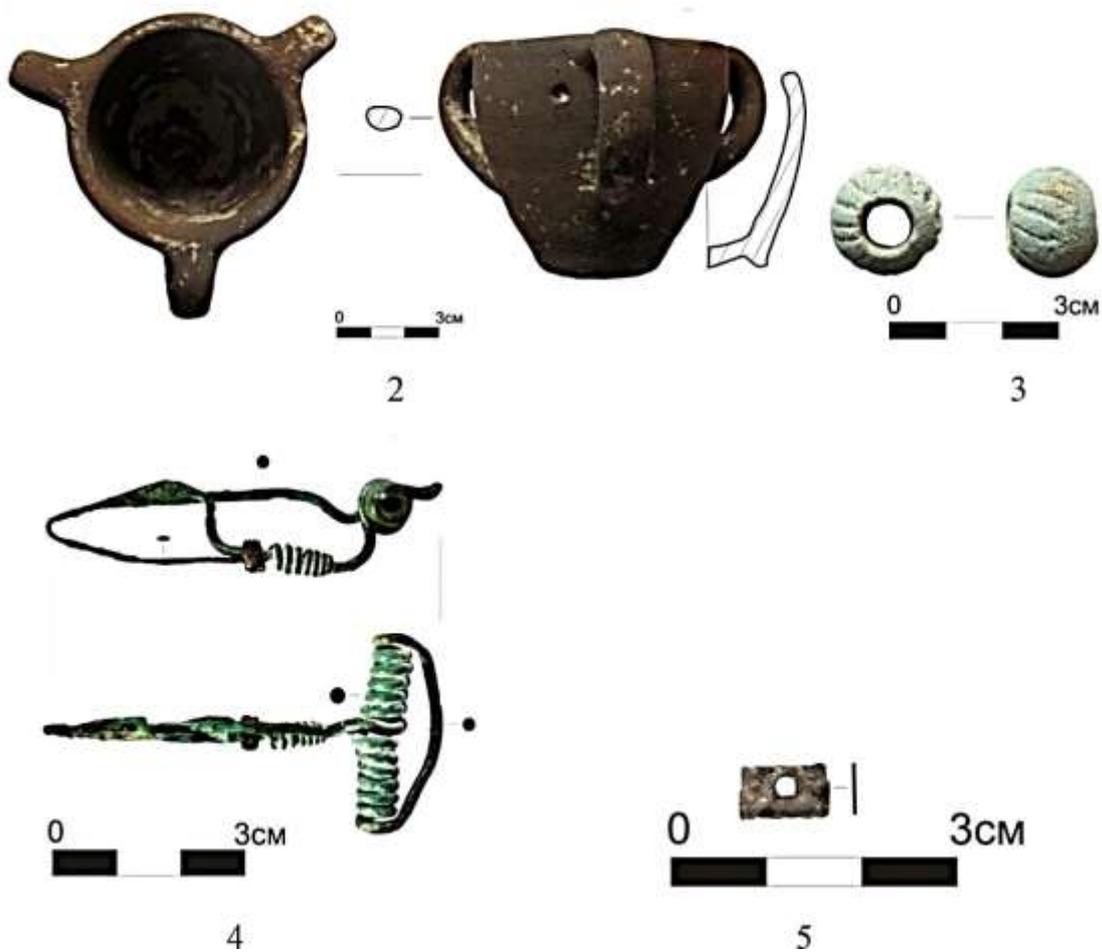
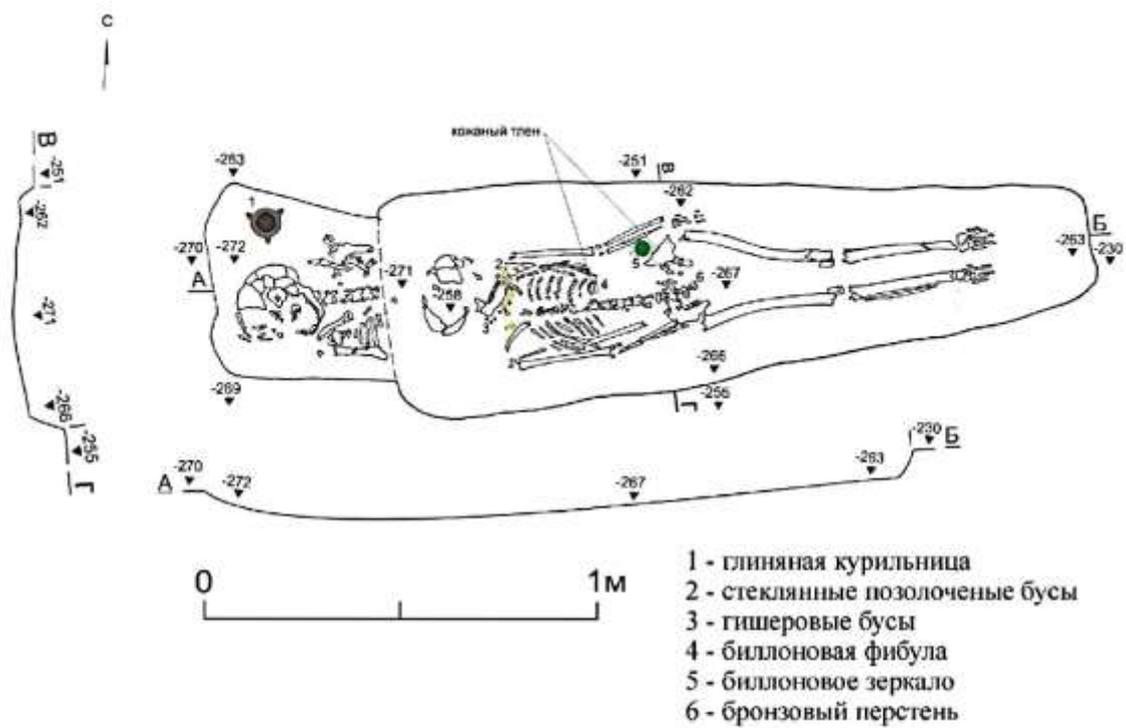

Рис.2. 1 - план погребений № № 1, 2. 2 - канфар. 3 - постова бусина. 4 - фибула, бронза. 5 - серебряный предмет пронизь.

Рис.3. 1 - ожерелье из стеклянных бус. 2 - гишеровые пронизи. 3 - фибула, биллон. 4 - зеркало, биллон. 5 - бронзовый витой перстень.

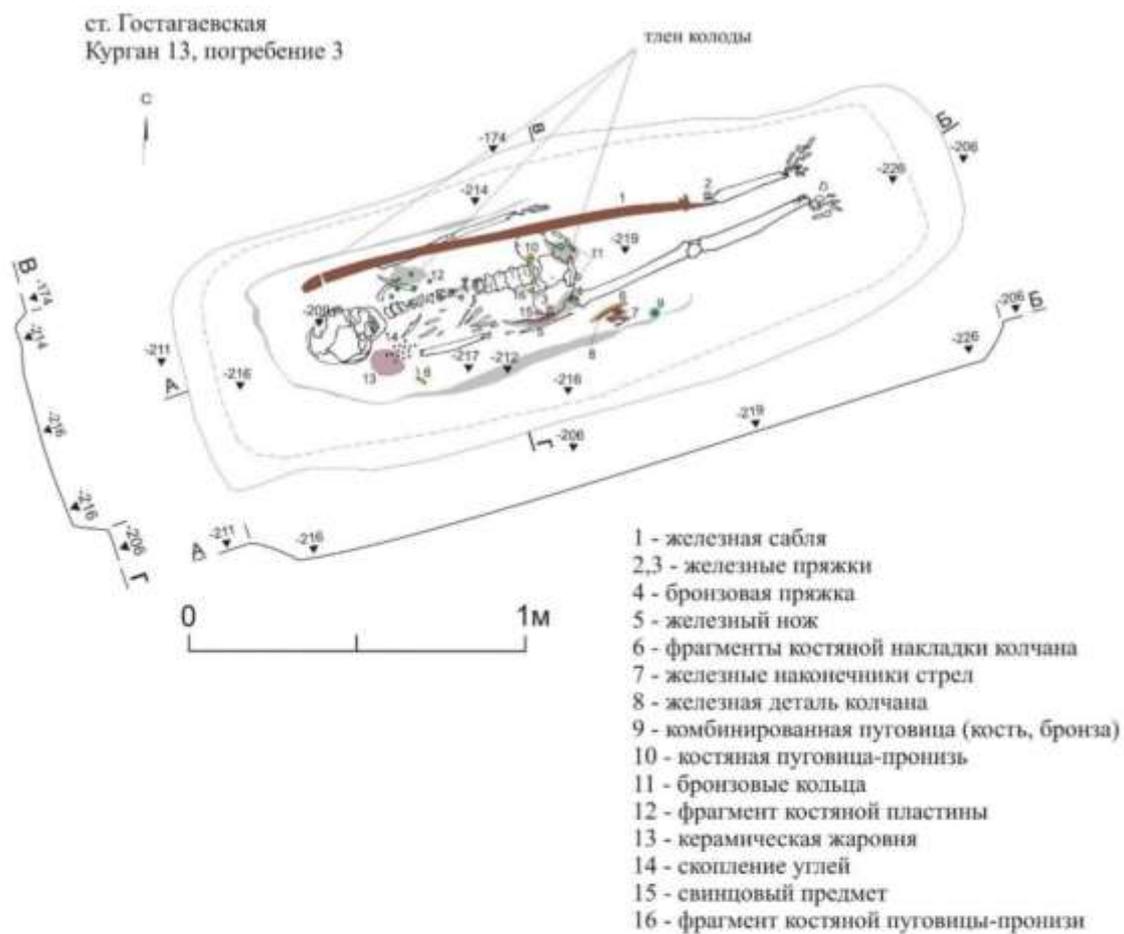

Рис.4. 1 - план погребения № 3. 2 - фрагмент стенки сосуда.
3 - фрагмент ручки сосуда.

Л.Э. Голубев
Раскопки кургана 2 курганной группы «Гостагаевская-1»

Рис.5. 1 - сабля. 2 - эфес сабли, железо. 3 - навершие рукояти, железо. 4 - наконечник ножен, железо. 5 - железная пряжка.

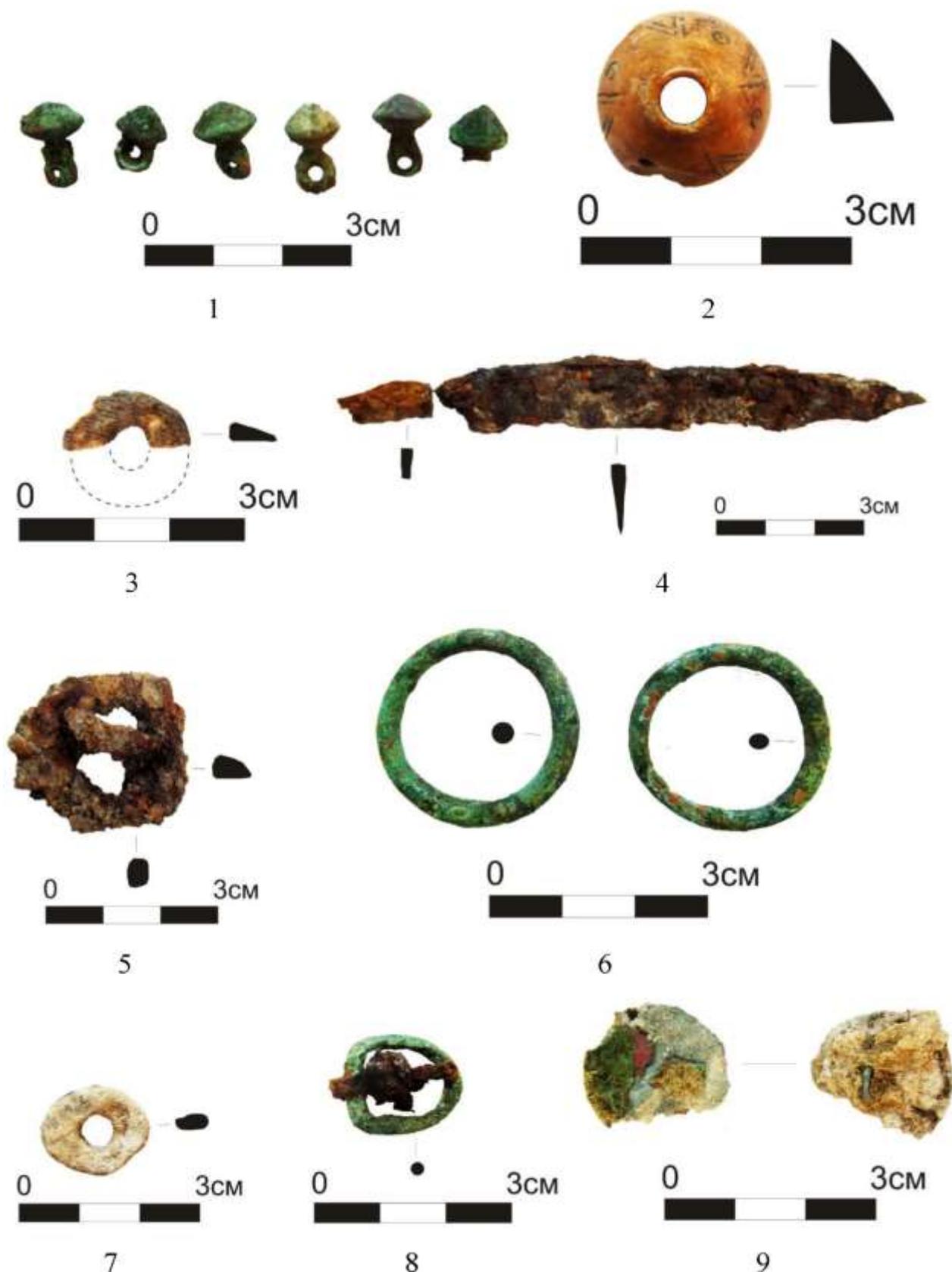

Рис.6. 1 - бронзовые пуговицы. 2 - костяная пуговица-пронизь. 3 - фрагмент костяной пуговицы-пронизы. 4 - нож, железо. 5 - пряжка, железо. 6 - кольца, бронза. 7 - свинцовый предмет – «шайба». 8 - пряжка, бронза, железо. 9 - комбинированная пуговица, кость, бронза, железо.

Л.Э. Голубев
Раскопки кургана 2 курганной группы «Гостагаевская-1»

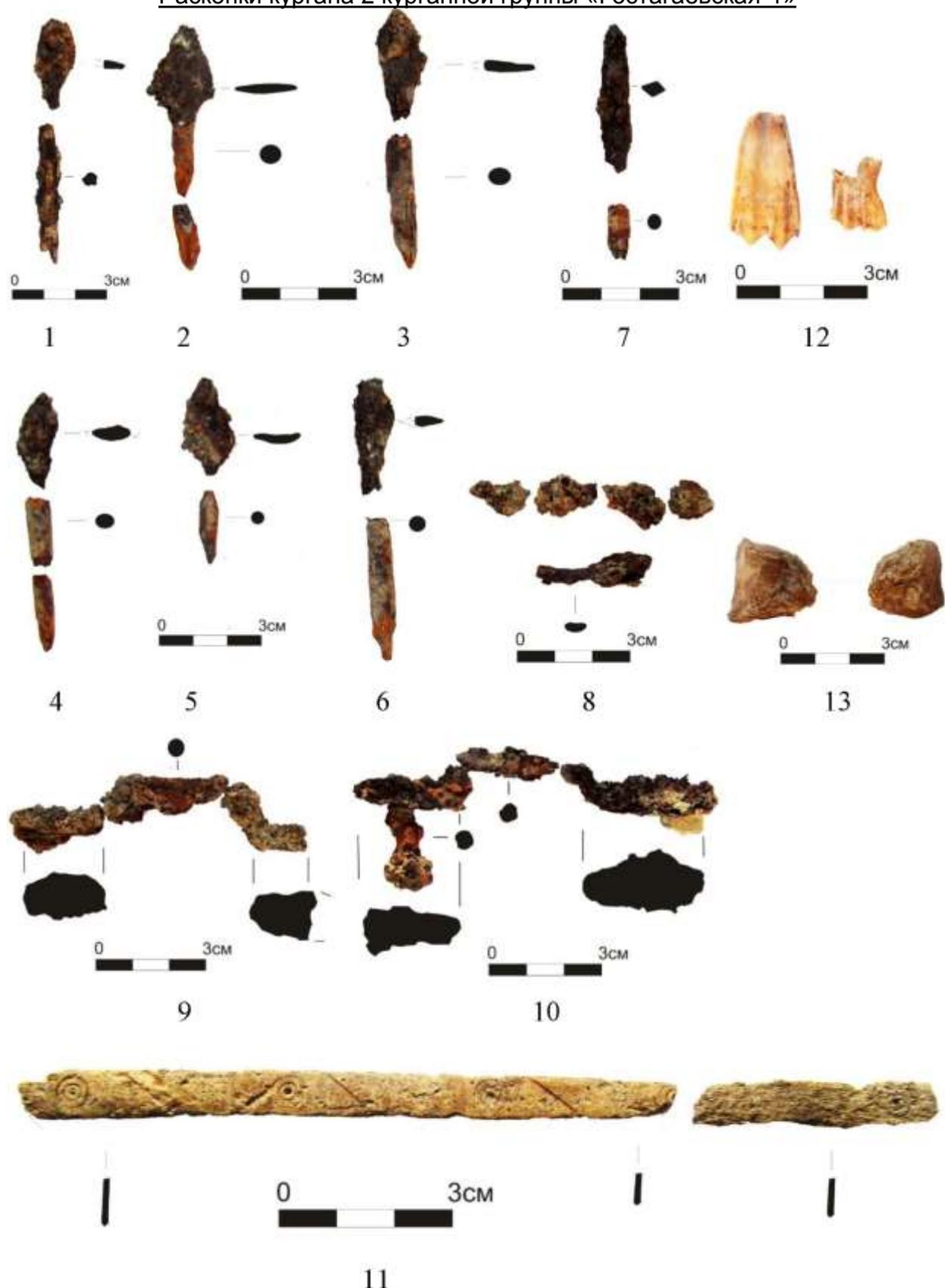

Рис.7. 1-6 - наконечники стрел, железо. 7 - наконечник стрелы, бронебойный, железо. 8 - железные детали колчана. 9, 10 - железные колчаные петли. 11 - костяная деталь колчана. 12 - зубы косули. 13 - кремневый отщеп для огнива.

Фаянсовая бусина из погребения № 1 находит аналогии также в некрополе «Широкая Балка» (Население ..., 2011, с. 306, рис. 41, 11-114), в могильнике «Мысхако», и датируется I в. – III в. (Мысхаковский могильник, 2020, с. 175, рис. 148, 48-49, с. 188).

Бусы из погребения № 2 были представлены двумя видами: стеклянные бусы бочко-видной формы с золотой прокладкой внутри, Е.М. Алексеева в своей классификации относит такие бусы к типу 25 и датирует их I-IV вв. (Алексеева, 1978, с. 65, табл. 26, рис. 68). Аналогичные бусы были найдены и в некрополе «Широкая щель» (Население ..., 2011, с. 307, рис. 242, 165); такие же гешировые бусы в большом количестве были представлены и в материалах могильника «Широкая щель» (Население ..., 2011, с. 306, рис. 241, 45-46, 48), на «Мысхако» и датируются широко: с III в. до н.э. по III в. н.э. (Мысхаковский могильник, 2020, с. 193).

В погребении № 2 из украшений, как отмечалось выше, был найден витой бронзовый перстень, аналогии которому есть в нескольких захоронениях некрополя «Широкая щель» конца I в. до н.э. – первых веков н.э. (Население ..., 2011, с. 294-295, рис. 238, 59, об.2).

В погребении было найдено биллоновое зеркало-подвеска, которое, вероятно, было прикреплено к поясу с левой стороны и хранилось в специальном кожаном или войлочном футляре-кисете. Такие зеркала были широко распространены в Севером Причерноморье и на Северном Кавказе в I-III вв., причем орнаментированные из них датируются II-III вв (Хазанов, 1963, с. 65-67, рис.4; Вагнер, 2012, с. 171-172; Кононов, 2017, с. 259-265). Ближайшие аналогии им мы находим в расположенных в относительной близости позднеантичных некрополях «Широкая щель» и «Цемдолины» (Население ..., 2011, с. 299-300, рис. 240; Аспургиане ..., с. 178, рис. 116).

Проведя анализ материала погребений №№ 1, 2 можно сделать вывод о том, что они были совершены одним из местных оседлых племен, обитавших в этой местности в I-III вв. Погребение № 1 было совершено в I в. а погребение № 2, частично перекрывавшее его, ориентировочно, могло быть совершено в III в. н. э., когда наземные признаки первого захоронения уже никак не прослеживались на дневной поверхности земли. Материалы ранней группы могильника «Гостагаевская-1» ныне готовятся к публикации и, как представляется нам, будут интересны специалистам.

Обряд погребения под курганной насыпью над средневековым захоронением, скорее всего, относится к могильнику, характерному для средневековых предков современных адыгов Причерноморья, хотя он и имеет многие общие черты с тюрко-кочевническими погребальными памятниками, как считает Е.И. Нарожный, ныне известными не только на территории Средней Кубани, но и Ставрополя, и даже Украины (Нарожный, Тищенко, 2021, прим.8). Основные отличия «адыгских» от кочевнических захоронений – это, прежде всего, строгая ориентировка покойника головой на запад, большое количество курганных насыпей, сконцентрированных как в компактные группы, так и в обширные могильники, а также – отсутствие или наоборот, наличие ряда предметов в могиле. Одним из главных «адыгских» признаков является расположение сабли рядом с покойником острием к голове, и если она не всегда встречается во всех могильниках этой этнической группы, то в кочевнических погребениях такого обычая нет, или по крайней мере, мне это неизвестно (Голубев, 2020, с. 213-220).

Погребение № 3 было совершено, вероятно, в деревянной колоде, или деревянном гробу, скрепление деталей которого совершалось при помощи пазов, т.е. без металлических гвоздей и скоб. Сохранился всего лишь тлен погребального сооружения из дерева, который не дает четкого представления о конструкции. Захоронения в гробу или колоде были достаточно распространены на евразийском пространстве и бытовали как у предков современных адыгов, так и кочевников (Адыги, 1974, с. 52; Федоров-Давыдов, 1966 с. 130). Вероятно, что погребение в колоде предками современных адыгов было перенято ими у соседних или интегрирующихся в адыгскую средневековую среду кочевников (Дружинина, 2018, с. 176).

Другим и очень важным в обряде данного погребения является жаровня из стенки сосуда с древесным углем. Присутствие древесного угля – от использования углей, от неболь-

Раскопки кургана 2 курганной группы «Гостагаевская-1»

шого количества, до полной засыпки им усопшего, как раз считается маркером погребений средневековых адыгов. Случаи использования «жаровни» для этого круга памятников мне неизвестны.

В погребении № 3 были найдены и другие характерные наборы – предметы для захоронений мужчин, относящихся к дружинному сословию. В первую очередь – это оружие: длинная кавалерийская сабля, колчан со стрелами, детали лука отсутствовали, хотя сам деревянный лук мог и не сохраниться.

Сабельная полоса аналогична большинству сабель, найденных в представляемом курганном могильнике (Верещагин, Голубев, 2020, с. 169-171). Датирующими маркерами являются детали эфеса и ножен. Навершие, согласно типологии А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной, датируются широко – с XII в. по первую половину XIII в., хотя и встречаются в XIV в. (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 132, рис. 5, 7-9). По классификации У.Ю. Кочкарова такие навершия относятся к типу III и имеют широкую датировку – XII-XIII вв. (Кочкаров, 2008, с. 38, табл. XVI).

Перекрестия арочной формы с шаровидными окончаниями согласно типологии А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной, относятся к типу I вариантам 2 и 3, и в большей степени датируются XII в. – первой половиной XIII в. (Евглевский, Потемкина, 2000, с.129-130, рис. 4, 2,3). Классификация, разработанная У.Ю. Кочкаровым дает более четкую датировку перекрестий данных сабель, он их относит к типу Па X-XII вв. и к типу Пб X-XI вв. (Кочкаров, 2008, с.32). Сами же сабли, снабженные такими перекрестиями, этот автор датирует, соответственно, X-XIII вв. и XI-XIII вв. (Кочкаров, 2008, с.64, табл. XVIII, 4, табл. XIX,6). На мой взгляд, такие арочные перекрестия с шаровидными окончаниями в XIII в. исчезают и на их смену приходят сабли с ассиметричными гардами с преимущественно расплюснутыми ромбовидными окончаниями. Наконечник ножен имеет вытянутую уплощено-цилиндрическую форму и является самым распространенным видом гарнитуры (Евглевский, Потемкина, 2000, с.133-133, рис. 6, 3).

Наконечники стрел находились внутри деревянного колчана, от которого остались железные фрагментированные детали; к сожалению, их реконструировать не удалось. Восстановить получилось две колчаные петли. Сам колчан был декорирован костяной накладкой²², украшенной геометрическим орнаментом. Накладка крепилась с внешней стороны футляра, вероятно, при помощи клея. Черешковые наконечники стрел были сильно корродированы, и были двух типов: первый был представлен 6 экземплярами, по классификации А. Ф. Медведева, эти изделия ближе всего подходят к типу 45, и им датируются IX-XII вв. (Медведев, 1966, с. 67, табл. 30б, рис. 41). Второй тип, четырехгранный, в сечении ромбовидный, перо целиком не сохранилось. Подобные наконечники широко были распространены в XII-XIV вв. (Медведев, 1966, с. 85, табл. 30д, рис. 94). Найденные в погребении две железные пряжки, вероятно, были деталями подвесов колчана и сабли.

Костяные орнаментированные пуговицы-пронизи были частой находкой в погребениях курганной группы «Гостагаевская-1»: как в женских, так и в мужских погребениях. Данные изделия были широко распространены в Северо-Восточном Причерноморье и часто встречаются в погребениях. Известный археолог В.Е. Флерова связывает распространение этого декоративного изделия с провинциально-византийским импортом, так и с подражанием им, изделие датирует широко – X-XIV вв. (Флерова, 2001, с.103). Бронзовые кольца, найденные в мужских погребениях данного могильника, всегда располагаются парой, как правило, ниже пояса или ниже таза, в районе сочленения бедренных костей. Это говорит о том, что эти изделия являются деталями крепления мужских чулок к поясу.

Погребальный материал из кургана 2 курганной группы «Гостагаевская-1» позволяет сделать вывод: погребение в нем было совершено приблизительно в конце XII-XIII вв. и принадлежало представителю одного из племен предков современных адыгов.

²² Выше мы уже указывали на то, что другие авторы рассматривают такие накладки, как накладки, но не на колчаны, а на луки (Нарожный, Плютов, 2009).

Литература

- Адыги, 1974.** Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / под ред. В. К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус. – 636 с.
- Алексеева Е.М., 1978.** Античные бусы Северного Причерноморья. // САИ – Г1-12 – М.: Наука. – 120 с.
- Амброз А.К., 1966.** Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. -IV в. н.э. // САИ – Д1-30. –М.: Наука. – 144 с.
- Аспургиане., 2008.** Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора. 2008. По материалам Цемдолинского могильника. Коллективная монография /под ред. А.А. Малышева. (Серия Некрополи Черноморья. Вып. II). – М.: ИА РАН. –302 с.
- Вагнер Е.В., 2012.** История изучения сарматских бронзовых зеркал // Вестник ВолГУ. – Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – № 1(21) – С. 168–176.
- Верещагин В.В., Голубев Л.Э., 2020.** Всадники «шегаков» // ВАА. – Майкоп: Изд-во: «Маргарин Олег Григорьевич». – С. 176–191.
- Галушко А.В., 2015.** Позднеантичные погребения из курганной группы «Гостагаевская-1» в окрестностях г. Анапы Краснодарского края // X Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы». – Ростов-на-Дону. – С.114–119.
- Голубев Л.Э., 2020.** О кочевническом влиянии «половецкого времени» на погребальную культуру племен Северо-Восточного Причерноморья // ДК – Вып. 24. – С. 213-220.
- Голубев Л.Э. 2022.** Раскопки средневековых курганов № 48 и № 51 группы «Гостагаевская-1» близ г. Анапы. // ДК – Вып. 25. – С. 32–41.
- Голубев и др., 2021.** Голубев Г.Э., Полицын Е.Б., Пьянков А.В., Схатум Р.Б. Курган 9 могильника «Гостагаевская-1» из окрестностей города Анапа // Вопросы Археологии Адыгеи. – Майкоп. – С. 214–228.
- Голубев Л.Э., Полицын Е.Б., 2022.** «Парные» погребения курганного могильника «Гостагаевская 1» близ Анапы // МИА Северного Кавказа –Вып. 20 /Под ред. Е.И. Нарожного. – Армавир-Карачаевск: Изд-во КЧГУ. – С. 115-128.
- Голубев Л.Э., Схатум Р.Б., 2017.** Воинское средневековое захоронение из могильника «Гостагаевский 1» // VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Социально-экономическое развитие населения Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы международной археологической конференции (Краснодар, 31 мая-02 июня 2017) – Краснодар: Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына. – С. 69-78.
- Дружинина И.А., 2018.** Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII-XVIII вв. как источник по истории адыгских народов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М. - 479 с. + Прил. (143 с.: ил.).
- Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000.** Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т.1 /Под ред. А.В. Евглевского. – Донецк: Изд-во ДонГУ. – С. 117-179.
- Кононов В.Ю., 2017.** Орнаментированные зеркала-подвески с боковой ручкой (хронология, мода и влияния) // Международная научная конференция «XVIII Боспорские чтения». Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. – Симферополь-Керчь. – С. 259–265.
- Кочкаров У.Ю., 2008.** Вооружение воинов Северо-Западного Кавказа VIII-XIV вв. (оружие ближнего боя). – М.: Таус. – 176 с.
- Медведев А.Ф., 1966.** Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII-XVI вв. // САИ – Вып. Е1-63. – М.: Наука. – 184 с.

Раскопки кургана 2 курганной группы «Гостагаевская-1»

- Мысхакский некрополь, 2020.** Мысхакский некрополь раскопки 1978-1979 гг. Коллективная монография /Под ред. А.А. Малышева. (Серия: Некрополи Черноморья. – Вып. V) – М. – 220 с.
- Нарожный Е.Н., 2005.** Средневековые кочевники Северного Кавказа (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды) /Под ред. В.Б. Виноградова – Армавир. АГПУ. – 210 с.
- Нарожный Е.И., 2020.** Три заметки о северокавказских археологических материалах XIII-XV вв. // МИА Северного Кавказа –Вып. 18 /Под ред. Е.И. Нарожного – Армавир-Краснодар: НАО «Наследие Кубани». – С.202 –217.
- Нарожный Е.И., Плютов В.И., 2009.** Костяные орнаментированные накладки на луки из средневековых кочевнических захоронений XIII-XIV вв. (некоторые аспекты изучения) // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы международной конференции /Под ред. И.И. Марченко. – Краснодар. – С. 275–280.
- Нарожный Е.И., Тищенко И.Б., 2021.** Инвентарь из разрушенного кочевнического захоронения в кургане № 11 курганной группы «Кирпили –7» // МИА Северного Кавказа – Вып. 19 /Под ред. Е.И. Нарожного. – Армавир-Карачаевск. – С. 95-115.
- Население., 2011.** Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху: по материалам некрополя в Широкой балке. Коллективная монография /Под ред. А.А. Малышева. (Серия Некрополи Черноморья. – Вып. IV). – М.: ИА РАН –410 с.
- Онайко Н.А., Дмитриев А.В., 1980.** Раскопки античного могильника у пос. Мысхако // АО 1979 года. – М.: Наука. – С. 121-122.
- Рахимов К.А., Мамиров О.У., 2022.** Средневековое оружие Уструшаны (по материалам Эски Хавас) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). – Барнаул. № 17. – С.160 – 167.
- Фёдоров-Давыдов, Г.А., 1966.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники – М.: Изд-во. Московского университета. – 276 с.
- Флёрова В.Е., 2001.** Резная кость Юго-Восточной Европы IX-XII веков: искусство и ремесло. – СПб.: Алетейя. – 256 с.
- Хазанов А.М., 1963.** Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА – № 4. – С. 306.

СКАЛЬНЫЙ МОГИЛЬНИК ДЖАЛАН-КОЛ I – МАРКЕР НЕИЗВЕСТНОГО МАРШРУТА СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ОТВЕТВЛЕНИЯ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ?

© **О.С. Чагаров¹, А.Ю. Айбазов², Ш.Х. Джилкиев³ Х.Б. Хасанов⁴, Ш.Х. Байчоров⁵**

¹ Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация;

² Археологический музей Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева г. Карачаевск, Российская Федерация;

³ ООО «Кавказгеоресурс», г. Усть-Джегута, Карачаево-Черкессия, Российская Федерация;

⁴ Книжное издательство Карачаево-Черкесской Республики, г. Черкесск, Российская Федерация;

⁵ Автономное некоммерческая организация по поддержке и развитию туризма «Карачаево-Черкессия туризм» г. Черкесск, Российская Федерация.

Аннотация. В результате военно-политических событий, произошедших во второй половине VI в. в Средней Азии, связанных с ирано-византийскими войнами и войнами между Тюркским каганатом и Ираном, основная ветка Великого шелкового пути пролегла через Северный Прикаспий и горные перевалы Северо-Западного Кавказа в обход территории, подконтрольной Ирану.

В конце XIX в. исследователями М.М. Ковалевским и И.И. Иванюковым недалеко от аула Хасаут (кар.-бал. – Схауат) впервые были исследованы необычные для Северо-Кавказского региона погребальные сооружения – раннесредневековые захоронения в скалах. К середине XX в. советские археологи в Кисловодской котловине и в верховьях Кубани обнаружили и изучили более 70 скальных могильников, связь которых с северокавказским «Шелковым путем» на сегодняшний день у исследователей сомнений не вызывает. Археологические работы последних пяти лет в бассейне Верхней Кубани выявили еще один скальный могильник, который, возможно, является маркером ранее неизвестного маршрута Северокавказского ответвления Великого шелкового пути.

Ключевые слова: Верхняя Кубань, перевальные дороги, скальные могильники, Миндимиянская дорога, Даринская дорога, «Шелковый путь», хазарское время, Иран, Византия, Джалан-Кол.

DZHALAN-KOL I ROCK BURIAL GROUND AS A MARKER OF AN UNKNOWN ROUTE OF THE NORTH CAUCASIAN BRANCH OF THE SILK ROADS

© **O.S. Chagarov¹, A.Yu. Aybazov², Sh.H. Dzhilkiev³, Kh.B. Khasanov⁴, Sh.Kh. Baychorov⁵**

¹ Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;

² Archaeological Museum of Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev, Karachayevsk, Russian Federation;

³ LLC «Kavkazgeoresurs», Ust-Dzheguta, Russian Federation;

⁴ Deputy Director of a book publishing house, Karachay-Cherkess Republic Cherkessk, Russian Federation;

⁵ Director of the autonomous non-profit organization for the support and development of tourism "Karachay-Cherkessia tourism; Cherkessk, Russian Federation.

О.С. Чагаров, А.Ю. Айбазов, Ш.Х. Джилкиев, Х.Б. Хасанов, Ш.Х. Байчоров
Скальный могильник Джалан-Кол I – маркер неизвестного маршрута
северокавказского ответвления Великого Шелкового пути?

Abstract. As a result of the military and political events that took place in the second half of the 6th century in Central Asia, related to the Iranian-Byzantine wars and the wars between the Turkic Khaganate and Iran, the main route of the Silk Roads changed and started to run through the Northern Caspian and the mountain passes of the Northwest Caucasus, bypassing the territory controlled by *Iran*.

At the end of the 19th century, researchers M.M. Kovalevsky and I.I. Ivanyukov discovered the early medieval rock burials near the village of Khasaut (kar.-bal. – Shauat), which were unusual burial structures for the North Caucasus region. By the mid-20th century, Soviet archaeologists had discovered and studied over 70 rock burials in the Kislovodsk basin and in the upper reaches of the Kuban. The connection of these rock burials with the North Caucasian Silk Roads was confirmed by various studies.

The archaeological investigations of the Upper Kuban basin started in 2018 has revealed another rock burial, which may be a marker of a previously unknown route of the North Caucasian Silk Roads.

Keywords: Upper Kuban, Silk Roads, rock burials, Mindimiyan road, Khazar period, Iran, Byzantium, Dzhalan-Kol.

Скальный могильник Джалан-Кол I выявлен в полевой сезон 2018 года во время проведения разведочных работ Верхнекубанским отрядом ИА РАН в бассейне р. Джалан-Кол. О местонахождении скального могильника ранее также сообщал сотрудник «Управления Карачаево-Черкесской Республики по охране и использованию объектов животного мира и водных биологических ресурсов» Б.К. Алботов, которому мы выражаем искреннюю благодарность. В археологической науке о существовании данного памятника точных сведений нет, кроме сообщения Я.А. Федорова и У.Ю. Эльканова об обнаружении вблизи зимней кошары в урочище Джалан-Кол погребения в деревянной колоде, укрытого в пещере. Авторы заметки пишут, что погребение в пещере было расположено в 2-х км от кошары, не уточняя направление. По их данным, погребение принадлежало подростку с искусственной деформацией черепа (Федоров, Эльканов, 1979, с.72). В нашем же случае речь идет о 5-6 разрушенных каменных гробницах и об одном индивиде, сохранившемся в частично мумифицированном виде и погребенном в деревянной колоде (рис.3). Погребение с мумифицированными остатками мягких тканей принадлежало индивиду женского пола в возрасте 40-50 лет (Чагаров и др., 2021, с. 332). Кроме того, обнаруженный в 2018 году скальный могильник в урочище Джалан-Кол, расположен на расстоянии не менее 5-ти км к северо-западу от кошары.

Могильник находится на юго-западной стороне хребта, расположенного между ущельями рек Аман-Кол и Джалан-Кол, который примыкает к плато Оба-Сырты (кар.-бал. – хребет с могилами или могильный хребет). Хребет зигзагообразной формой тянется от плато Оба-Сырты до ущелья Кубани с северо-востока на юго-запад. В средней части хребта, где субальпийские луга переходят в лес, с юго-западной стороны имеется выход песчаника с включением пластов более твердых пород. С обратной, северо-восточной стороны, хребет частично покрыт лесом, пространство над самой скалой представляет собой поляну подтреугольной в плане формы и площадью около 0,5-1 га (рис.2). Высота местоположения могильника над уровнем моря 1780 м. Могильник представляет собой скалу высотой 20-25 м и длиной около 250 м. В средней части скалы находится небольшой грот, на полу грота располагаются каменные гробницы размерами 1-1,5X2-2,5 м (рис.3). Потолок грота обвалился, в результате чего большой фрагмент песчаника объемом примерно 18-20 м³ обрушился на гробницы. Упавшая часть скалы существенно затрудняет исследование находящихся на полу погребений (рис.3). Доступными для исследования были две каменные гробницы, разрушенные грабителями (рис.3). В северо-западном углу грота, в пространстве между упавшей частью скалы и коренной скалой, вперемешку с кусками камня находились фрагменты деревянных гробов или колод, погребальной одежды и мумифицированные человеческие останки (рис.3). Со слов местного жителя Ю.Д. Урусова известно, что одно из погребений в деревян-

ной колоде находилось прямо на «полу» грота, также он сообщил, что оно имело «сидячую позу». Сообщение о такой позе погребенной, подтвердило изучение положения тазобедренных суставов мумифицированного индивида при помощи компьютерного томографа (Чагаров и др., 2021, с. 325–341).

Несмотря на то, что на могильнике Джалан-Кол I пока фрагментов шелковых тканей не найдено (представляется, что это связано с многократным разграблением могильника), обряд и характер погребальных сооружений могильника, показывают его близость со скальными могильниками II типа (Демаков, 1990, с. 35-48; Савченко, 1999, с.125-140; Иерусалимская, 2012, с. 33-38), а погребальный инвентарь позволяет датировать его VIII-IX вв. (Ковалевская, 1981, с. 177; Габуев, 2005, с. 53; рис. 4).

Одним из самых известных погребальных памятников VIII-IX вв. в бассейне Верхней Кубани является скальный могильник Мощевая Балка, расположенный в верховьях Большой Лабы, который известен, в первую очередь, отличной сохранностью погребального инвентаря, в том числе предметов органического происхождения (Савченко, 1999, с.147-168). В целом же количество скальных могильников на территории Северного Кавказа насчитывается более 70: на территории бывшей Чечено-Ингушетии – 4²³, на территории Кабардино-Балкарии – 4, в Верхнем Прикубанье – более 60, при этом абсолютное большинство из них приходится на территорию Карачаево-Черкесии. Наиболее известные скальные могильники: Мощевая Балка, Ильич, Бескес, Гамовское ущелье, Подорванная балка, Шубшурук, Кубрановская балка, Инал, Алты-Айгыр, Сары-Тюз, Малый Гиляч, Индыш, Гнакызы, Рим-Гора, Хасаут и ряд других (Минаева, 1971, с. 75-100; Алексеева, 1992, с. 121; Ковалевская, 2005, с. 166-167).

По поводу возникновения этих ярких погребальных памятников исследователями высказаны разные точки зрения. Одной из популярных является мнение, связывающее появление скальных могильников с нехваткой земли в условиях горной тесноты (Минаева, 1971, с. 4). Другая, менее популярная версия, рассматривает скальные погребения как зороастрийское наследие (Рудницкий, 2001, с. 80-81). Однако последняя точка зрения сколь-нибудь заметной поддержки у исследователей не получила (Коробов, 2004, с. 90-91). Достаточно популярным является предположение, связывающее скальные могильники с миграцией какой-то группы раннесредневекового тюркского населения из Южной Сибири под эгидой тюркютов, впоследствии оказавшейся под властью хазар, и призванной охранять юго-западные рубежи Хазарского каганата (Ковалевская, 1981, с. 89; Биджиев, 1983, с. 59; Ковалевская, 1984, с. 156, 174; Демаков, 1990, с. 39; Коробов, 2004, с. 92). Солидным доводом, в пользу последней точки зрения являются результаты палеогенетических исследований индивидов, погребенных в скальных могильниках Хасаут I и Хасаут III (Доде и др., 2016, с. 273).

Возникновению Хазарского каганата предшествовали события, в том числе, затронувшие регион исследования, по этой причине необходимо вкратце коснуться некоторых перипетий военно-политической истории предхазарской эпохи.

Во второй половине VI в. под ударами союзных тюрко-иранских сил с политической карты Азии исчезает государство эфталитов. Вскоре вслед за этим начинается противостояние между бывшими союзниками. Камнем преткновения становится желание правителей тюрков продолжить караванную торговлю шелком с Византией через территорию, подконтрольную Ирану. Кроме этого, тюрки объявили о своем желании получать дань, которую

²³ По уточненным на сегодняшний день данным, на этой территории выявлено и учтено их гораздо больше. Специфичной особенностью большинства из этих могильников является то, что их количество появляется, судя по нескольким монетным находкам эпохи Золотой Орды, в нескольких скальниках, они – золотоордынского времени. Начало активизации миграций сюда носителей данного погребального обряда относят к первой пол. XIII в. Интересно, что такие могильники прямо соседствуют с некрополями местного населения высокогорной Чечни и Ингушетии, вплоть до границ с Дагестаном. Имея тесные связи с аборигенным населением, носители скального обряда захоронений сохраняют его неизменным вплоть до XVII-XIX вв., о чем свидетельствуют, например, находки в некоторых из таких скальников курительных трубок этого времени (Нарожный, 1996, с. 32–35).

О.С. Чагаров, А.Ю. Айбазов, Ш.Х. Джилкиев, Х.Б. Хасанов, Ш.Х. Байчоров
Скальный могильник Джалан-Кол I – маркер неизвестного маршрута
северокавказского ответвления Великого Шелкового пути?

персы платили эфталитам на протяжении длительного времени. Однако, тюрки в противостоянии с Ираном потерпели ряд неудач (Артамонов, 2002, с. 153-155). Сложившаяся ситуация закономерно привела к сближению Тюркского каганата с Византией, которые поспешили обменяться посольствами и заключили ряд договоров против Ирана. Это, в свою очередь, привело к перемещению основной ветки Великого Шелкового пути на Северный Кавказ (Иерусалимская, 1967, с. 55-58). В связи с этими событиями представляют некоторый интерес сведения византийского дипломата и историка VI в. Менандра Протектора о посольстве византийцев к тюркютам (Дестунис, 1860, с. 370-383). Особенно интересны сведения Менандра в части повествования о возвращении посольства обратно в Византию после встречи посла Земарха с правителем западных тюрков ябгу-каганом Истеми. Назад Земарх возвращался в сопровождении тюркского тархана по имени Тагма, группы тюрков и согдийцев, которые должны были его сопровождать до самой Византии. На обратном пути, когда Земарх со своими спутниками оказался в земле угуров²⁴ – вассалов ябгу-кагана, он был ими предупрежден о том, «что в лесистых местах, около реки Кофин, засели четыре тысячи персов и поджидают римлян, чтобы взять их в плен, как скоро те пойдут мимо них. Начальник угуров, именем Дизавула²⁵ управлявший сим народом, дал Зимарху наполненные водой кожаные мехи, для того чтобы ему и спутникам его проездом по безводной степи утолять жажду. Поезд встретил на пути озеро; миновав этот обширный водоем, Зимарх доехал до тех озер, в которые впадает и в которых теряется река Кофин. Отсюда он отправил лазутчиков для осмотра и разведки: в самом ли деле засели там персы. Лазутчики, осмотрев те места, донесли Зимарху, что не видно никого» (Дестунис, 1860, с. 382-383). Под озерами, в которые «впадает и в которых теряется река Кофин», то есть Кубань, вероятно, имеются в виду кубанские плавни, если это отождествление верное, то понятно почему лазутчики не обнаружили засаду персов, так как от плавней до лесистых мест в бассейне Кубани остается не один день пути. Продолжив путь, «римляне приехали в Аланию с большим страхом. Они в особенности опасались племени оромусхов». В данном отрывке говорится о племени оромусхов, в которых некоторые исследователи видят некие кавказские племена (Жданович, 2014, с. 16). Однако нет никаких причин видеть в них исключительно кавказские племена, так как из текста не вполне ясно, на каком именно участке пути (от Азовского побережья и до предгорий и гор Кавказа) их опасалось посольство: на протяжении всего пути? Или на каком-то отдельном его участке, или в предгорьях – в горах Алании? «Достигнув Алании, – излагает далее автор, – римляне хотели представиться Сародию, владельцу этой страны, вместе с провожавшими их турками²⁶. Сародий принял дружелюбно Зимарха и людей его, но объявил, что туркские посланники допущены будут к нему не иначе как по сложении оружия. Это подало повод к спорам, продолжавшимся три дня. Зимарх был посредником между спорящими. Наконец турки, сложив оружие, как требовал Сародий, были к нему допущены. Князь аланский предупредил Зимарха, чтобы он не ехал по дороге Миндимиянов, потому что близ Суании находились в засаде персы. Он советовал римлянам возвратиться домой по дороге, называемой Даринской. Зимарх, узнав об этом, послал по дороге Миндимиянской десять человек носильщиков с шелком, чтобы обмануть персов и заставить их думать, что шелк послан наперед и что на другой день явится он и сам. Носильщики пустились в путь, а Зимарх, оставив слева дорогу Миндимиянскую, на которую, полагал он, персы сделают нападение, поехал по дороге Даринской и прибыл в Апсилию. Он достиг Рогатории, потом и Понта Эвксина. Он отправился на судах до реки Фасий и наконец прибыл в Трапезунт. Отсюда на общественных лошадях приехал в Византию, был представлен царю и донес ему обо всем. Так кончилось путешествие Зимарха в землю тюрков и обратно» (Дестунис, 1860, с. 382-383).

²⁴ Возможно, имеются в виду болгары-утигуры.

²⁵ Истеми-каган, правитель Западно-Тюркского каганата.

²⁶ Имеются в виду тюркюты.

Данный источник интересен по нескольким причинам:

1. События происходят во второй половине VI в., то есть фактически речь идет о переговорах, в результате успеха которых основная ветка Великого Шелкового пути переместилась на Северный Кавказ;

2. В источнике упоминаются две дороги, ведущие в Закавказье: Миндимиянская и Даринская, локализация которых в бассейне Верхней Кубани несомненна (Кузнецов, 1993, с. 5-70; Афанасьев, 1979, с.4-6; Гаглойты, 1966, с. 144; Ковалевская, 2005, с. 104-115);

3. События, описанные в источнике, происходят примерно за столетие до начала хазарского периода и соответственно до распространения в предгорьях и горах Верхней Кубани скальных могильников, связываемых многими исследователями с Северокавказской веткой Великого Шелкового пути (Иерусалимская, 201, с. 33-66; Савченко, 1999, с. 147-169; Кузнецов, 1993, с. 47-67).

Основные версии связывают дорогу Миндимиянов с перевалом Нахар и Клухорским перевалом, а Даринскую дорогу с Клухорским или Санчарским перевалами (Афанасьев, 1979, с. 5; Ковалевская, 2005, с. 107; Каминская, 1988, с. 203; Кузнецов, 1993, с. 96; Савченко, 1999, с. 125-140). Существует также ряд менее популярных версий (Гадло, 1979, с. 100; Воронов, 1988, с. 167-169; Жданович, 2014, с.17; Ртвеладзе, 2015, с. 361-363), не вдаваясь в детальный анализ которых, можно лишь подчеркнуть, что перевальных путей в верховьях Кубани, ведущих в Закавказье, гораздо больше, чем количество дорог, упомянутых в источнике. Возникает закономерный вопрос. Если перевальных путей больше, почему упоминаются только лишь две дороги?! Быть может, это связано с тем, что в источниках упомянуты наиболее удобные и по этой же причине наиболее популярные перевальные пути? Конечно, на этот вопрос нужно ответить утвердительно, очевидно, что более безопасные и удобные для перемещения вьючных животных тропы были наиболее популярны. А возможно, просто не было необходимости Сародию сообщать Земарху о других дорогах в силу нецелесообразности в связи с политической ситуацией в Закавказье (Ковалевская, 2005, с. 109). И тем не менее, причина упоминания только двух дорог может быть несколько иной. Перевалы, которые ведут в Закавказье, выходят к ущельям двух относительно крупных рек, впадающих в Черное море:

1. Ущелье р. Кодори, куда ведут тропы по Клухорскому перевалу, перевалу Нахар и Марухскому перевалу через ущелье р. Чхалта;

2. Ущелье р. Бзыбь, куда ведут тропы по перевалам Санчарский, Чмахара, Адзапш, Лаба, Дамхурц, Наур, Чурхурская щель, Кизгич (рис.1).

Из этого следует, что несколько маршрутов, идущих с севера по перевалам Главного Кавказского хребта, переходя в Закавказье, сходятся и получают два основных пути, ведущих к черноморскому побережью. Ущелье р. Бзыбь выходит к морю в районе Пицунды, а путь, следующий по ущелью р. Кодори (Военно-Сухумская дорога), выходит к морю в районе селения Варча, юго-восточнее г. Сухуми. Исходя из этих географических и ландшафтных реалий, кажется более правильной точка зрения И.В. Каминской о разветвленном характере торговой дороги, проходящей по перевалам Цегеркер (Лаба), Санчаро, Адзапш, расположенным в верховьях р. Большая Лаба и её притоков (Каминская, 1988, с. 203). Такое мнение поддержал В.А. Кузнецов, который, однако, ранее придерживался иной версии (связывающей Даринский путь с Тебердинским ущельем и Клухорским перевалом), тем самым изменив свою точку зрения и высказав следующее видение ситуации: «... Даринский путь, как это вытекает из контекста Менандра, находился западнее и по территории мисимиян не проходил. Этот путь мог быть приурочен к легкодоступному Санчарскому перевалу, куда сходятся верховья рек Большой Зеленчук и Большая Лаба, и он мог пролегать по любому из этих ущелий, выводя в Бзыбскую Абхазию» (Кузнецов, 1993, с. 96). Надо сказать, что в сообщении Менандра нет информации, исключающей частичное прохождение Даринской дороги по территории Миндимиян (Мисимиян). Из сообщения Менандра ясно только то, что дорога Даринская проходила западнее дороги Миндимиян, но это не означает, что Даринская дорога частично не могла проходить по их земле. Подобно предположению И.В. Каминской

О.С. Чагаров, А.Ю. Айбазов, Ш.Х. Джилкиев, Х.Б. Хасанов, Ш.Х. Байчоров
Скальный могильник Джалан-Кол I – маркер неизвестного маршрута
северокавказского ответвления Великого Шелкового пути?

относительно торгового пути в Бзыбском направлении, можно рассматривать маршруты и Кодорского направления как дорогу не с одним, а с несколькими маршрутами. Тем более это оправдано, если отождествление миндимиян и мисимиян и их локализация в верховьях Кодори соответствует действительности (Гаглойты, 1966, с. 144; Меликишвили, 1959, с. 65; Анчабадзе, 1959, с. 8-10, 19). С учётом места проживания мисимиян можно с одинаковой вероятностью предполагать, что перевалом, которым Земарх отправил в персидскую засаду носильщиков шелка, мог быть как Клухорский, так и перевал Нахар, поскольку оба перевала ведут в верховья р. Кодори. Кроме этих перевалов в страну Миндимиян ведет Марухский перевал, который по ущелью р. Чхалта сообщается с ущельем р. Кодори (рис. 1).

Первым перевалом Нахар с Миндимиянской дорогой связал Г.Е. Афанасьев, по справедливому замечанию которого, это близлежащий к Суании перевал (если под нею понимать нынешнюю Сванетию), и он может быть отождествлен с Миндимиянской дорогой (Афанасьев, 1979, с. 5). При этом надо иметь в виду, что географические границы Суании Менандра могли несколько отличаться от границ современной Сванетии, поэтому априорное совмещение границ Суании и Сванетии требует дополнительных аргументов. В качестве такого аргумента приводится мнение Ю.С. Гаглойты о тождестве миндимиян и мисимиян, которые проживали в верховьях р. Кодори, что, следовательно, свидетельствует о том, что этническая территория сван не распространялась на восточные районы нынешней Абхазии и соответствовала современным своим границам (Гаглойты, 1966, с. 144). Несколько иного взгляда касаясь Миндимиянской дороги придерживается Ю.Н. Воронов, отождествляя её с Баксанским ущельем и перевалом Донгуз-Орун (Воронов, 1988, с. 167-169). В любом случае, указание Менандра на то, что «Зимарх, оставив слева дорогу Миндимиянскую, на которую, полагал он, персы сделают нападение, поехал по дороге Даринской и прибыл в Апсилию», говорит о том, что при принятии любой из вышеперечисленных реконструкций маршрута Земарха в верховьях Кубани точно можно сказать одно, то, что путь Земарха лежал западнее Кубанского ущелья. Упоминаемые Менандром события происходят во второй половине VI в., как уже выше было отмечено, когда завязываются союзнические отношения между Тюркским каганатом и Византийской империей на фоне их противостояния Ирану (Артамонов, 2002, с. 153-155; Кузнецов, 1992, с. 95-96; Ковалевская, 2005, с. 104-105). Отказ Ирана пропускать через свою территорию шелк привел к тому, что основной маршрут Великого Шелкового пути пролегал через Северный Прикаспий, по предгорьям, горам и перевалам Северо-Западного Кавказа в западное Закавказье, подконтрольное Византии (Иессен, 1950; Иерусалимская, 1967, с. 55-57). Однако, торговые пути, идущие по территории Верхней Кубани в Закавказье, возможно, функционировали и до установления контактов между тюрками и Византией, и, вероятно, имели местное значение, но вполне допустимо, что и до этих событий основная ветка Великого Шелкового пути могла периодически перемещаться на Северный Кавказ, в зависимости от военно-политической ситуации в Средней Азии и Южном Прикаспии.

К концу VII в. союзники Византии - тюрки, сходят с исторической арены, а их место занимают хазары (Артамонов, 2002, с.189-209; Ковалевская, 2005, с. 110-111). И если присутствие тюрков в Верхней Кубани по археологическим данным не прослеживается, то памятники, связываемые с хазарами и/или их союзниками, фиксируются вполне отчетливо. «Мы знаем о сооружении монументальной крепости Хумара с тюркскими руническими надписями на блоках стен VIII в. ...», также археологические работы «... выявили на аланской крепости «Указатель» смену аланского строительного горизонта тюркским, скорее всего болгарским: постройки предшествующего периода разрушены, сровнены с землей, перекрыты камнем, и на этой каменной площадке за крепостными стенами предшествующего археологического периода встала юрта, небольшая, очевидно, вся обвешанная изнутри шелковыми тканями и коврами; а центральное положение в крепости, сам факт ее существования должны были продемонстрировать силу завоевателей. Мы не можем четко датировать эти события – скорее всего, это конец VII – начало VIII в., время враждебных отношений алан с

Хазарским каганатом и арабо-хазарских войн» (Ковалевская, 1984, с. 172). Похожая ситуация наблюдалась и на соседних с «Указателем» аланских укреплениях (Аржанцева, 2007, с.75). О тюркской миграции в верховья Кубани в связи с арабо-хазарскими войнами писал В.А. Кузнецов (Кузнецов, 1974, с. 88-94). С болгарами Е.П. Алексеева связывала поселения, датированные VII-VIII вв., в Усть-Джегутинском районе рядом со скальным могильником Гнакызы, расположенным в одноименной балке неподалеку от аула Кызыл-Кала (Алексеева, 1963, с. 20). Вероятно, с тюркским влиянием или даже с присутствием какой-то группы раннесредневековых тюрок связаны находки каменных изваяний воинов в верховьях Большого Зеленчука, Урупа, Мары и Индыша. Эти изваяния уникальны для раннего средневековья Северного Кавказа и нигде больше на территории региона не встречаются (Кузнецов, 1993, с. 242; Биджиев, 1993, с. 95; Демаков, 1990, с. 34-44). В контексте темы данной заметки интересны находки похожих изваяний в верховьях р. Мара и в окрестностях городищ Джашырын-Кала и Сынла, в верховьях р. Индыш (Федоров, Текеев, Эльканов, 1978, с.147; Алексеева, 1992, с.122; Демаков, Орфинская, 2001, с.123-134). Название урочища и городища Сынла (кар.-балк. памятники, надгробья) говорит само за себя и свидетельствует, видимо, о том, что здесь была большая концентрация каменных статуй (Сысоев, 1904, с.159-166; Мизиев, 1966, с. 24-25; Хапаев, 2013, с. 332). Ряд исследователей с хазарскими конфедератами в лице тюрок-болгар в верховьях Кубани связывают некоторую часть скальных могильников (II тип скальных погребений по А.А. Демакову), распространившихся с рубежа VII-VIII вв. и функционировавших до конца IX в., а по данным некоторых археологов - вплоть до XII в. (Биджиев, 1983, с. 59-60; Ковалевская, 1984, с. 155; Демаков, 1990, с. 39-47; Коробов, 2004, с. 92). Интересен факт, что одежда и предметы вооружения на изваяниях раннего типа (I тип по Х.Х. Биджиеву) совпадают с одеждой и предметами вооружения, найденными в скальных погребениях, в том числе и на Мощевой Балке, что, возможно, говорит о синхронности изваяний и части скальных могильников типа Мощевая Балка – Гамовское ущелье (Демаков, Орфинская, 2001, с.123-134). Несмотря на то, что прямых свидетельств, позволяющих прочно связать происхождение скальных могильников с миграцией в бассейн Верхней Кубани неких тюрок – союзников хазар, пока нет и вопрос их этнической принадлежности остается открытым, следует отметить возникновение этого нехарактерного (для северокавказского региона в целом и для Северо-Западного Кавказа в частности) типа памятников именно в хазарское время на территории, где в VIII-IX вв. активно функционировали торговые дороги. Этот факт отчасти позволяет видеть в носителях нового погребального обряда население, переселенное в горы хазарами с целью усиления контроля над торговыми путями (Коробов, 2004, с. 83-99). Так или иначе, связь этих памятников с Северокавказской веткой Великого Шелкового пути несомненна (Иерусалимская, 2012, с.85-116).

Возвращаясь к вопросу о разветвлённых торговых дорогах в верховьях Кубани, необходимо сказать несколько слов о ландшафтном окружении могильника Джалан-Кол I, поскольку это имеет важное значение для понимания возникновения могильника именно в этой местности. Хребет, на юго-западной стороне которого был устроен (под скальным навесом) могильник, приближаясь к ущелью Кубани, постепенно понижается и на месте впадения р. Джалан-Кол в Кубань полностью завершается (рис.1). Таким образом понятно, что, двигаясь по гребню хребта или по ущелью р. Джалан-Кол, можно спуститься в ущелье Кубани, вероятно, таким же маршрутом и далее вверх по течению Кубани до перевала Нахар, ведущим в Закавказье, двигались торговые караваны в средневековье. Интересно, что еще в начале – середине XX в. жители селений Малого Карачая добирались в Большой Карачай именно по этому маршруту Малый Карачай – Гум-Баши – Оба-Сырты (Бийчесын) – Джалан-Кол – Кубанское ущелье – Большой Карачай. Так, к примеру, два путника во времена Гражданской войны, возвращаясь из Кисловодска, на перевале Гум-Баши поворачивают в сторону Бийчесына (у современного горнолыжного комплекса), а затем, пройдя мимо плато Оба-Сырты, спускаются через урочище Джалан-Кол в Кубанское ущелье (Узденов, 2004, с. 80-81). Похожим маршрутом, по соседнему Худесскому ущелью, добирался из Карт-Джурта в Кисловодск исследователь древностей Верхней Кубани А.Н. Дьячков-Тарасов: «Распрощавшись с

О.С. Чагаров, А.Ю. Айбазов, Ш.Х. Джилкиев, Х.Б. Хасанов, Ш.Х. Байчоров
Скальный могильник Джалан-Кол I – маркер неизвестного маршрута
северокавказского ответвления Великого Шелкового пути?

В.М. Сысоевым, оставшимся в Карт-Джурте для производства раскопок, мы покинули Карт-Джурт и сейчас же вступили в ущелье, держа путь на северо-восток. Колесной дороги не было: была тропинка, по которой можно было пройти или проехать верхом, местами приходилось слезать с лошадей и пешком взбираться на крутизну ... Перед нами открылось море гор: ряды хребтов, ущелий, плоскогорья, слившиеся в золотистой дали с горизонтом, сейчас же показали нам, что перед нами знаменитое плоскогорье Бийчесын, приют многочисленных кошей... Полчаса мы провели на берегу озера, напились сытного вкусного айрану, привезенного с соседнего коша и двинулись далее, продолжая подыматься все выше и выше. Дорога была хорошая по вершинам хребтов... Было шесть часов, когда я решил ввиду густоты тумана остановиться на ночлег; к тому же до Бермамытской скалы оставалось верст 18, а внизу, по словам проводников, был кош» (Дьячков-Тарасов, 1900, с. 108-109).

Предлагаемый маршрут: Кисловодская котловина – Гум-Баши – Оба-Сырты – урочище Джалан-Кол – Кубанское ущелье – ущелье р. Махар – перевал Нахар, является альтернативным маршруту, предложенному В.Б. Ковалевской: Кисловодская котловина – Гум-Баши – устье р. Мара – Кубанское ущелье – ущелье р. Махар – перевал Чипер и/или Гондарай (Ковалевская, 2005, с. 107). Если нанести на карту эти два маршрута, территория от развилки до схождения образует участок как бы подтрапещиевидной формы, основаниями ориентированный в широтном направлении и расположенный так, что участок маршрута Гум-Баши – Джалан-Кол является восточной боковой стороной трапеции (рис.1). Это наглядно показывает преимущество данного маршрута, так как он более чем в два раза короче маршрута по ущельям р. Мары и р. Кубани. Кроме того, кажется бессмысленным длительный спуск с перевала Гум-Баши по ущелью Мары к Кубани, а затем подъем вверх по течению последней при больших затратах времени и энергии, если только не было необходимости пройти мимо многочисленных средневековых поселений, тянувшихся от нынешнего п. Мара-Аягы до городища Гиляч; но далее от Гиляча, где начинаются теснины Аман-Ныхыт, (кар.-балк. – гибельный путь) вплоть до аула Карт-Джурт нужно было двигаться по безлюдному и опасному участку без малого 20-25 км, что было не совсем безопасно, учитывая не то что бы средневековые, но даже реалии XIX века. В то время как маршрут от перевала Гум-Баши до урочища Джалан-Кол представлял собой путь по плоскогорью и по гребню хребтов и, как в своё время справедливо заметил А.Н. Дьячков-Тарасов, «дорога была хорошая по вершинам хребтов...» (Дьячков-Тарасов, 1900, с. 108-109). Подводя итог, можно сделать ряд важных выводов:

1. Могильник Джалан-Кол I относится к типу погребальных памятников, связываемых исследователями с Северокавказским ответвлением Великого Шелкового пути;
2. Могильник Джалан-Кол I, возможно, маркирует один из ранее неизвестных маршрутов Северокавказского участка Великого Шелкового пути: Кисловодская котловина – Гум-Баши – Оба-Сырты – Джалан-Кол – Кубанское ущелье – ущелье р. Махар – перевал Нахар (Махар) – р. Клыч – р. Кодори – г. Сухуми (рис. 1);

Если точка зрения о разветвлённом характере Миндимиянской дороги верна, то вполне возможно, что одна из ветвей, возможно даже основная ветка этой дороги, совпадала с описанным маршрутом. В любом случае, существование торгового пути на этом маршруте сомнений не вызывает.

Итак, обнаружение и исследование могильника Джалан-Кол I подтверждает мнение археологов о приуроченности скальных могильников типа Мошевая Балка – Гамовское ущелье к долинам и ущельям рек, у истоков которых расположены перевалы, ведущие в Закавказье. Ранее могильники данного типа были известны во всех ущельях западнее Кубани: в ущелье Большой Лабы – могильник Мошевая Балка, в ущелье Урупа – могильник Гамовское ущелье (балка), в ущелье Большого Зеленчука – могильник Подорванная балка, в Тебердинском ущелье – несколько могильников в окрестностях Сентинского храма и на р. Гоначхир – на подступах к Клухорскому перевалу, и, наконец, в ущелье Кубани – могильник Джалан-Кол I, обнаруженный в полевой сезон 2018 года и расположенный в верховьях одноименной реки – правого притока Кубани, впадающего в нее на 27-м км автодороги «Карачаевск – Уч-

кулан». По информации, полученной от жителей аула Каменномостского, Джалан-Кол I далеко не единственный скальный могильник в горной части бассейна Кубани. Так, могильники, устроенные подобным же образом под скальными навесами и в гротах, имеются в урочищах Сынчыкыла и Ёремырза в верховьях правого притока Кубани – р. Кара-Сырх, а также в урочищах Одаллы и Къанамат в верховьях р. Джанукку, которая также является правым притоком р. Кубань. О существовании аналогичных могильных сооружений в урочище Джаулаула (кар.-бал. – солонцы) в бассейне р. Кыйыр-Кол, левого притока р. Кубань, известно со слов жителей аула Нижняя Теберда.

Таким образом, в случае подтверждения информации, полученной от местных жителей, количество скальных могильников II типа в бассейне Верхней Кубани возрастет, и появится возможность для более полной реконструкции системы путей сообщения, действовавших в хазарское время в верховьях Кубани. А дальнейшее комплексное археолого-генетико-антропологическое изучение материалов из скальных могильников, возможно, прольет свет на вопрос об этнической принадлежности носителей обряда погребения, связанного со скалами.

Литература

- Алексеева Е.П., 1963.** Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. – М.: Наука – 87 с.
- Алексеева Е.П., 1992.** Археологические памятники Карачаево-Черкесии. – М.: Наука. – 216с.
- Аржанцева И.А., 2007.** Каменные крепости алан // РА – № 2. – М.: Наука. – С. 75-88.
- Артамонов М.И., 2002.** История хазар. – СПб.: СПбГУ. – 543 с.
- Афанасьев Г.Е., 1979.** К вопросу об экономических связях раннесредневекового населения Кисловодской котловины Малокарачаевского района (вторая половина V – первая половина VIII вв.) // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии / Отв. ред. В.И. Марковин. – Черкесск: КЧНИИ. – С. 4-13.
- Биджиев Х.Х., 1993.** Тюрки Северного Кавказа. Черкесск. – 308 с.
- Воронов Ю.Н., 1992.** Еще раз о раннесредневековых перевальных путях через Западный Кавказ // XVII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). – Майкоп: «Адыгея». – С. 68-69.
- Габуев Т.А., 2005.** Аланский всадник. Сокровища князей I—XII веков: Каталог выставки – М.: ГМИНВ – 74 с: илл.
- Гаглойты Ю.С., 1966.** Аланы и вопросы этногенеза осетин. –Тбилиси: «Мецниереба». – 241 с.
- Демаков А.А., 1990.** К вопросу об этнической принадлежности скальных захоронений // Вопросы древней и средневековой истории Карачаево-Черкесии. –Черкесск: КЧНИИ. – С. 36-48.
- Демаков А.А., Орфинская О.В., 2001.** Об одном типе каменных статуй Верхнего Прикубанья // Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). – Самара. – С.123-129.
- Дестунис С.Ю., 1860.** Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. – СПб. типографии Леонида Демиса – 694 с.
- Доде З.В., Чжанг Цюаньчао, Чжоу Ян, Ван Шоуцзюань, 2016.** Предварительные данные о находках тканей и применении ДНК-диагностики к антропологическим материалам из погребений Хасаутских скальных могильников 1 и 3 (раскопки 2015 г.) // XXIX «Крупновские чтения». Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. Материалы Международной научной конференции. (Грозный, 18-21 апреля 2016 г.) – Грозный: Изд-во ЧГУ, – С. 208-209.
- Жданович О.П., 2014.** Посольство Земарха в ставку тюркского кагана (перевод и комментарии фрагментов труда Менандра Протектора) // Золотоордынское обозрение. – № 2 – Казань. – С. 22-32.

О.С. Чагаров, А.Ю. Айбазов, Ш.Х. Джилкиев, Х.Б. Хасанов, Ш.Х. Байчоров
Скальный могильник Джалан-Кол I – маркер неизвестного маршрута
северокавказского ответвления Великого Шелкового пути?

- Иессен А.А., 1950.** Отчет Кубанской экспедиции Государственного Эрмитажа 1950 года. // НОА ИА РАН. Р-1. Ф.1. № 549.
- Иерусалимская А.А., 1967.** О Северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье // СА – № 2. – М.: Наука. – С. 38-44.
- Иерусалимская А.А., 2012.** Мошевая Балка. Необычный археологический памятник на северокавказском шелковом пути. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. – 382 с.
- Ковалевская В.Б., 1981.** Северокавказские древности // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука. – С. 89-91
- Ковалевская В.Б., 1984** Кавказ и аланы. – М.: Наука. – 192 с.
- Ковалевская В.Б., 2005.** Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – М.; Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН. – 398 с.
- Кузнецов В.А., 1974.** Аланы и тюрки в верховьях Кубани // АЭС – Вып. 1. – Нальчик: «Эльбрус». – С. 76-94.
- Кузнецов В.А., 1993а.** Нижний Архыз в X-XII веках (К истории средневековых городов Северного Кавказа). – Ставрополь: «Кавказская библиотека». – 461 с.
- Кузнецов В.А., 1993б.** Алано-осетинские этюды. – Владикавказ: «Кавказская здравница». – 183 с.
- Меликишвили А.Г., 1959.** К истории Древней Грузии. – Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР. – 506 с.
- Мизиев И.М., 1966.** Отчет об археологических работах в Кабардино-Балкарской АССР и Карачаево-Черкесской автономной области в 1966 году. // НАО ИА РАН. Р-1 Ф-1 № 3747.
- Минаева Т.М., 1971.** К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. – Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во. – 247 с.
- Нарожный Е.И., 1996.** «Пещеры» Бамутского и Келийского могильников. Чечня и Ингушетия // Из практики кавказоведческих изысканий. Опыт вузовской лаборатории (1986–1996 гг.) / Отв. ред. В.Б. Виноградов. – Армавир- Грозный: РИЦ АГПИ, 1996. – С. 32–35.
- Ртвеладзе Э. В., 2015.** ΔΑΡΕΝΗΣ ΑΤΡΟΠΟΝ: маршрут византийского посольства Зимарха по Средней Азии и Кавказу // Проблемы истории, филологии, культуры. – Вып. 1 (47). – М. – С. 354-365.
- Рудницкий Р.Р., 2001.** О зороастризме у алан в VII-IX вв. // ИАА – Вып. 7. – Армавир-М. – С. 79.
- Савченко Е.И., 1999.** Мошевая Балка – узловой пункт Великого Шелкового пути на Кавказе // РА – № 1. – М.: Наука. – С. 125-140.
- Сысоев В.М., 1904.** Археологическая экскурсия по Закубанью // Материалы по археологии Кавказа. – Вып. IX. – М.: Товарищество: типография А.И. Мамонтова. – С. 141-169.
- Узденов А.А., 2004.** Слово – словно нить ... – Москва-Ставрополь: Сервис-школа. – 264 с.
- Фёдоров Я.А., Текеев Г.Х.-У., Эльканов У.Ю. 1979.** Работы Карачаево-Черкесского областного краеведческого музея // АО – М.: ИА АН СССР – С. 147.
- Хапаев С.А., 2013.** Географические названия Карачая и Балкарии. М.: «Эльбрусид». – 576 с.
- Чагаров О.С., 2018.** Отчет о раскопках Верхнекубанского отряда ИА РАН в бассейне р. Джалан-кол в Карачаевском районе Карачаево-Черкесской Республики в 2018 г. (Открытый лист № 2183) // НОА ИА РАН Р-1. Ф-1 № 61550.
- Чагаров О.С., Галеев Р.М., Добровольская М.В., 2021.** Мумифицированное погребение из скального могильника Джалан-Кол I в верховьях Кубани // КСИА – Вып. 265. – М. – С. 325-341.

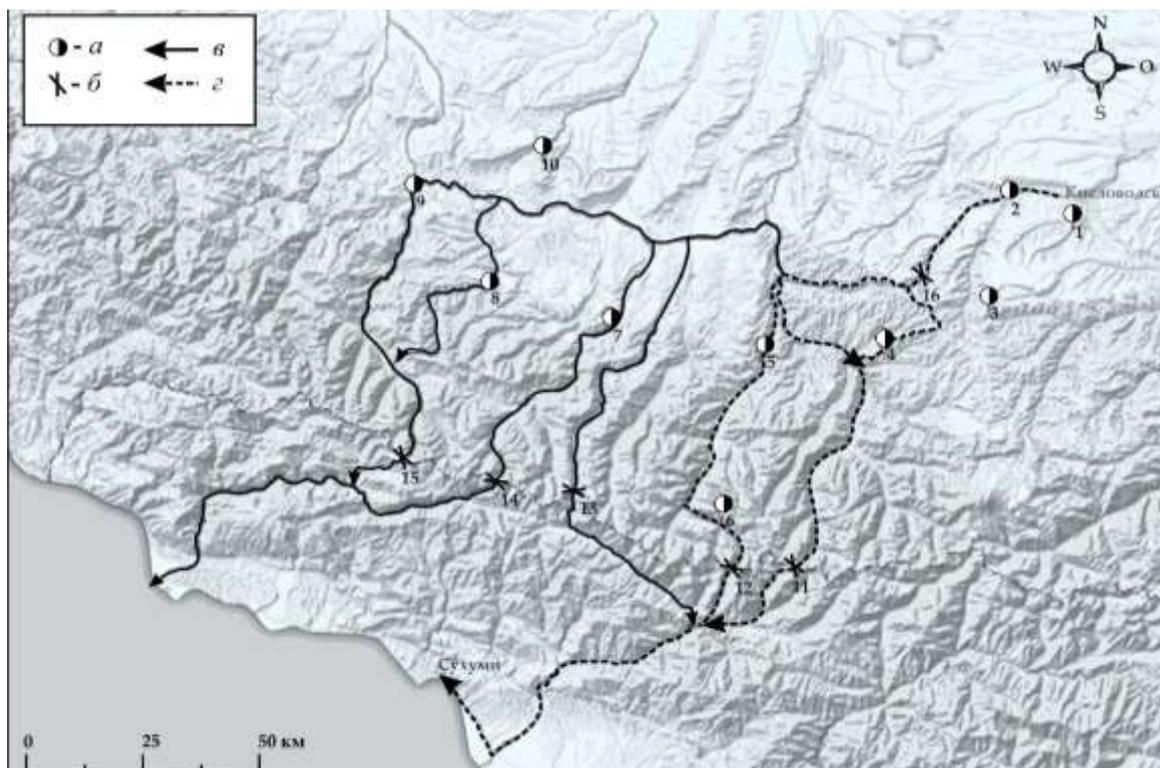

Рис.1. Перевалы и месторасположения скальных могильников VIII-IX вв. на карте Верхней Кубани.

Скальные могильники II типа: 1 – Мосейкин мыс; 2 – Джагинский I; 3 – Хасаут; 4 – Джалан-Кол I; 5 – Сентинская гора; 6 – Гоначхир; 7 – Подорванная Балка; 8 – Гамовская Балка; 9 – Мощевая Балка; 10 – Ильич.

Перевалы: 11 – Нахар; 12 – Клухорский; 13 – Марухский; 14 – Наурский; 15 – Санчарский; 16 – Гум-Баши.

Условные обозначения: а – скальные могильники II типа; б – перевалы; в – ответвления Даринской дороги; з – ответвления Миндимиянской дороги.

Рис.2. Урочище Джалан-Кол. Вид на плато Оба-Сырты с северо-запада.

О.С. Чагаров, А.Ю. Айбазов, Ш.Х. Джилкиев, Х.Б. Хасанов, Ш.Х. Байчоров
Скальный могильник Джалан-Кол I – маркер неизвестного маршрута
северокавказского ответвления Великого Шелкового пути?

Рис.3. Скальный могильник Джалан-Кол I. Вид с юго-запада.

Рис.4. Могильник Джалан-Кол I. Находки из каменных гробниц:
1 – стеклянная бусина; 2 – нашивка из перламутра; 3 – раковина каури;
4 – височное кольцо; 5-6 – детали ременной гарнитуры.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ
С ОСТАТКАМИ «КОНСКИХ ШКУР» ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ КИСЛОВОДСКА:
ВОПРОСЫ ИНТЕПРЕТАЦИИ

© С.Н. Савенко

Пятигорский краеведческий музей, г. Пятигорск, Российская Федерация

Аннотация. В статье проводится детальный анализ около 20 редких ранне-средневековых культовых комплексов из погребальных памятников окрестностей города Кисловодска (Северный Кавказ). Они представлены неполными конскими скелетами (череп, кости конечностей, хвостовые позвонки и некоторое другое), определяемыми как остатки шкур. Выделяется три вида комплексов: 1) в структуре человеческих захоронений; 2) во входных ямах катакомб без камер и человеческих погребений; 3) в самостоятельных грунтовых ямах, связь которых с конкретными человеческими могилами не устанавливается. Определена датировка комплексов в пределах середины VII – середины VIII вв. н. э. Автор предполагает привнесенный для района Кисловодска характер данных обрядов. Их происхождение связывается с тюркско-угорской этнокультурной средой. Дополнительным источником выступают полученные данные о физических и породных характеристиках лошадей. Они также, в основном, свидетельствуют о восточном по отношению к Северному Кавказу центральноазиатском их происхождении. Все это, очевидно, указывает на существование в указанный период достаточно тесных разнообразных контактов местных алан и представителей тюркских и угорских общностей, приводивших к восприятию и выработке новых обрядовых норм.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кисловодская котловина, археология, раннее средневековье, ритуальные конские захоронения, анализ, интерпретация.

EARLY MEDIEVAL BURIALS WITH REMNANTS OF "HORSE SKINS" FROM
THE VICINITY OF KISLOVODSK: INTERPRETATION ISSUES

© S.N. Savenko

Pyatigorsk Museum of Local Lore, Pyatigorsk, Russian Federation

Abstract: The article provides a detailed analysis of about 20 rare early medieval cult complexes from funerary monuments in the vicinity of the city of Kislovodsk (North Caucasus). They are represented by incomplete horse skeletons (skull, limb bones, tail vertebrae, and some other), defined as the remains of skins. There are three types of complexes: 1) in the structure of human burials; 2) in the entrance pits of catacombs without chambers and human burials; 3) in independent ground pits, the connection of which with specific human graves is not established. The dating of the complexes within the mid-VII - mid-VIII centuries AD is determined. The author assumes the nature of these rites introduced for the Kislovodsk region. Their origin is associated with the Turkic-Ugric ethnocultural environment. An additional source is the data obtained on the physical and pedigree characteristics of horses. They also mostly testify to their eastern origin in relation to the North Caucasus and actually Central Asian origin. All this obviously indicates the existence of quite close and diverse contacts between local Alans and representatives of Turkic and Ugric communities during this period, which led to the perception and development of new ritual norms.

Keywords: North Caucasus, Kislovodsk basin, archeology, early Middle Ages, ritual horse burials, analysis, interpretation.

Для начала уточним, что в данной статье и, вообще, в моих авторских публикациях, термин «захоронение» используется не только как синоним понятий «могила», «погребение»

**Раннесредневековые захоронения с остатками «конских шкур»
из окрестностей Кисловодска: вопросы интерпретации**

и т.п., применяемых для обозначения сооружений и содержания древних и средневековых похоронных действий в отношении умерших людей. Но он применяется и более широко в качестве определения любых помещенных в землю остатков ритуальных действий, связанных с погребально-поминальными и иными жертвенными культурами.

Статья посвящена анализу и вопросам интерпретации особой категории сопровождающих человеческие погребения или обособленных раннесредневековых ритуальных комплексов и захоронений центральных районов Предкавказья, представленных не полными конскими скелетами, а только их частями: череп, нижние кости конечностей, иногда хвостовые и шейные позвонки и некоторое другое. Подобные погребальные остатки давно интерпретируются исследователями (С.А. Плетнева, Г.А. Федоров-Давыдов, Е.А. Халикова, Е.П. Казаков, В.А. Иванов, Е.В. Круглов, Ю.С. Худяков, С.П. Нестеров и др.) как конские шкуры, при этом нередко данный термин приводится в кавычках. Я также использую данное наименование в кавычках, потому, что полной гарантии того, что это во всех случаях были именно шкуры, мы дать не можем. А.Г. Атавин применил к подобным артефактам определение - «чучела коней» (Атавин, 1984, с.134-143), которое, кроме него почти никто не использовал и не использует. Данная разновидность погребальных элементов в захоронениях известна в памятниках степной зоны и контактных областей Евразии от Приуралья и Сибири вплоть до Центральной Европы середины I – начала II тыс. н. э. В предгорно-плоскостной зоне Центрального Предкавказья, как мне известно, они до настоящего времени достоверно засвидетельствованы только в окрестностях Кисловодска.

Комплексы с неполными конскими скелетами выявлялись на памятниках округа города-курорта Кисловодск с конца 1950-х гг. Так, в черновых записях кисловодского археолога-любителя Н.Н. Михайлова (1902-1971) указано, что две лошадиных головы (не скелета –!) были найдены возле разрушенных катакомбных захоронений у городища VI-IX вв. н. э. «Отстойник» (Михайлов, Архив, № 3649, л.1). С середины 1990-х гг. данное городище называется «Горное Эхо» (см.: в работах И.А. Аржанцевой, С.Н. Савенко и др.). В ходе работ еще одного авторитетного археолога-любителя Кавминвод из Пятигорска А.П. Рунича (1911-1986) конца 1960-х - первой половины 1970-х гг. факты захоронения конских черепов с костями конечностей зафиксированы на могильниках «Лермонтовская скала» № 2, погребения № № 3 и 14 (Рунич, 1968, с.10, рис.17, I; его же, 1973, с.4, рис.9), Мокрая Балка № 1 - погребение № 85 (Рунич, 1971, с.12, рис.20, 24-25), на Кугульском катакомбном могильнике (Рунич, Фонд. № 4335, л.4).

В 1977 г. М.П. Абрамова (1931-1993) выявила комплекс с частями конского скелета во входной яме катакомбы № 5 могильника Директорская Горка (Абрамова, 1982, с.138, рис.1, 9-10). Этот погребальный элемент не называется и не может однозначно считаться шкурой, т.к. в дромосе и катакомбе не обнаружен череп лошади, но найдены кости таза, что для остатков шкур нехарактерно. При этом, по некоторым другим признакам этот жертвенный комплекс можно сближать и соотносить с интересующими нас ритуальными остатками.

Еще один случай фиксации конского черепа с костями передних конечностей был отмечен в интересном объекте на территории могильника «Клин-Яр» № 3 во время его раскопок в середине 1980-х гг. В.С. Флеровым. Там такой комплекс располагался в длинной и глубокой входной яме – дромосе без камеры («кенотафе») вместе с полным конским скелетом и многочисленными другими ритуальными остатками (Флеров, 1993, с.224-230; его же, 2000, с.53-55, рис.9, б-в). Череп с костями передних конечностей В.С. Флеров как остатки шкуры не определял.

До начала 1990-х гг., названные нами комплексы почти не вводились в научный оборот и не интерпретировались. Только М.П. Абрамова провела обобщенную оценку элементов обряда, выявленного ею нетипичного для района Кисловодска захоронения, и соотнесла их с каменными оградками и культовыми тайниками ранних тюрок в Сибири и европейских аваров в Венгрии (Абрамова, 1982, с.138). А.П. Рунич в первоначальной публикации материалов могильника Мокрая Балка № 1 ограничился выборочной характеристикой раскопанных

погребений и о части конского скелета во входной яме катакомбы № 85 вообще не упоминал (Рунич, 1975, с.132-150). И даже позже в монографическом издании материалов Мокрой Балки № 1, подготовленном Г.Е. Афанасьевым в 2001 г., описание сохранившейся части катакомбы № 85 с конским комплексом дано обобщенно, без каких-либо историко-культурных трактовок [Афанасьев, Рунич, 2001, с.155,172, рис.97, 1-2].

В 1991 г. В.А. Фоменко, совместно с автором данных строк, раскопал на могильном поле «Мачты» интересное и насыщенное находками катакомбное захоронение № 3 (1991) с ритуальным комплексом в виде неполного конского скелета во входной яме. Данное захоронение, по согласованию с держателем Открытого листа, было в 1993 г. мною опубликовано без чертежей и рисунков, но с аналогиями, предварительной датировкой и интерпретацией. В тезисной форме тогда были высказаны идеи, как представляется, не потерявшие актуальности и сегодня. В частности, речь шла в чертах обряда рассматриваемого захоронения, и ряда подобных комплексов района. Указывалось на присутствие явных культурных параллелей с уральско-сибирскими тюркскими и угорскими памятниками, к примеру, караякуповской культурой, в которой присутствовали сопровождающие комплексы «конских шкур» [Савенко, 1993, с.104-106]. Таким образом, в данной публикации была впервые выдвинута и обоснована версия определения подобных раннесредневековых ритуальных комплексов Кисловодской котловины как остатков конских шкур. В статье было еще несколько оригинальных высказываний, которые были упущены специалистами. В данной работе я вернусь к ним еще раз, с надеждой на заинтересованную реакцию коллег.

В 1992-1993 гг. автор статьи осуществлял на могильнике «Мачты» стационарные научные и спасательные исследования, в процессе которых были обнаружены: еще одно катакомбное погребение № 17 с культовым конским комплексом во входной яме и 4 захоронения «конских шкур» в отдельных небольших ямах (№№ 12-14, 21). В особом комплексе № 21 содержались плотно уложенные остатки скелетов, возможно шкур, более 20 особей животных, в том числе 14 взрослых лошадей и жеребят (по 7 особей обоих возрастных категорий), 3 коровы, олень, осел или кулан. Определения были выполнены авторитетным в регионе палеонтологом и палеозоологом Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе, кандидатом биологических наук А.К. Швыревой. Помимо указанных, был расчищен еще один ритуальный комплекс № 22 с остатками черепа и отдельными костями конечностей животного плохой сохранности, видовая принадлежность которого однозначно не определена. Явные конские признаки на сохранившихся частях скелета отсутствуют.

В докладе 1994 г. по проблеме участия угро-финнов в этнокультурных взаимоотношениях на Северном Кавказе в эпоху раннего средневековья я уже определенно, хотя и не вдаваясь в детали, стал говорить о комплексах с частями конских скелетов как захоронениях шкур, и присоединился к мнению, что они в существенной мере характерны для угорских племен, в частности, древних венгров [Савенко, 1994, с.41].

В 1994-1996 гг. на уже названном выше известном могильнике Кисловодской котловины – «Клин-Яр» № 3 совместной российско-британской экспедицией под руководством А.Б. Белинского (Россия) и Г. Харке (Великобритания) были осуществлены масштабные раскопки, в ходе которых также находились комплексы с частями конских скелетов. Долгое время эти материалы только обобщенно и частично вводились в научный оборот. Лишь относительно недавно в 2018 г. они были детально опубликованы на английском языке. В монографии, в частности, содержатся и данные о богатом катакомбном захоронении № 360 элитного участка, в дромосе которого также было два ритуальных комплекта, состоящих из конских черепов и нижних костей конечностей, и полное захоронение лошади. Кроме этого, остатки конских шкур расчищены в дромосе – «кенотафе» № 388 и трех самостоятельных ритуальных комплексах, располагавшихся, вероятно, в отдельных ямах или углублениях (не зафиксированы) между захоронениями: № № 1/1995;2/1995;1/1996. Разрозненные части конского черепа и кости конечностей ног были и в дромосе катакомбы № 9 могильника Клин-Яр № 4, выявленном и раскапываемом в 1996 г. Все указанные комплексы интерпретируются

**Раннесредневековые захоронения с остатками «конских шкур»
из окрестностей Кисловодска: вопросы интерпретации**

авторами монографии как «конские» или «лошадиные» шкуры [Belinskij, Harkte, 2018, s.304-325; 383-384; 402-409; fig.123, 221, plate 6, 1].

Таким образом, еще к середине 1990-х гг. были накоплены данные о 17 погребальных объектах Кисловодска и окрестностей, в которых находились ритуальные комплексы с частями конских скелетов, прямо или предположительно трактуемые как остатки шкур. Об обнаружении комплексов с подобными «конскими шкурами» в ходе раскопок других памятников региона мне неизвестно.

Представим более подробно неопубликованные комплексы и конские остатки во входной яме катакомбы № 85 могильника Мокрая Балка № 1, опубликованные Г.Е. Афанасьевым в посмертном соавторстве с А.П. Руничем очень кратко.

Погребение № 3 (1968) могильника у Лермонтовской скалы 2 было устроено в срезанном дорогой склоне. Яма вытянутой формы или дромос (А.П. Рунич) шириной – 60 и глубиной от поверхности – 160 см, ориентированный по линии юго-восток – северо-запад, сохранился на длину 110-120 см. В юго-западной части расчищена закладка из плитообразных камней размерами в плане 56x44 и высотой 60 см. В северо-восточной короткой стенке ямы отмечено углубление размерами 30x33 см в виде входа в камеру, но самой камеры не было. В свободном пространстве ямы располагался череп на правом боку и кости нижних сочленений конечностей лошади у нижней челюсти. Передней частью череп лежал в сторону предполагаемого входа в камеру к северо-востоку (рис.1, 1).

Форма ямы захоронения № 14 данного могильника иная. Она - широкая подпрямоугольная, размерами в плане – 128x98 см, и глубиной от поверхности – 130 см. Вытянута по линии юго-восток – северо-запад. В отчете указано, что в яме находился череп мордой вверх, передние конечности по сторонам, часть позвонков и ребер лошади ниже (юго-восточнее) черепа. Передней частью череп был направлен к северо-западу (рис.2, 1). Перед мордой лежало 2 железных стремена с петлевидными несомкнутыми путлищами и дуговидной подножкой с продольным ребром жесткости посередине нижней стороны подножки (рис.2, 2). Размеры: высота -127-130, диаметр корпуса – 95-97 мм. За стременами были железные двухзвенные с двухкольчатыми различных размеров окончаниями удила с псалиями, имевшими один конец прямой, уплощенный (в виде «лопаточки») с заovalенным окончанием, второй – изогнутый, овальный в сечении с небольшим овальным утолщением на окончании. Посередине псалиев имеется прямоугольная в плане и в сечении рамка для крепления уздечного ремня. На окончаниях звеньев укреплены дополнительные кольца для поводного ремня. Длина звеньев – 105 мм, высота псалиев – 133-135 мм (рис.2, 3).

Под данным комплексом находилась самостоятельная катакомба № 15 с парным взрослым захоронением, один из костяков в котором был смещен (рис.2, 4). Погребенные сопровождалась единственным керамическим сосудом типа кружки, орнаментированным тремя умбоновидными выступами и вертикальными пролощенными полосами (рис.2, 5). Связь катакомбы с конским комплексом, по всей вероятности, была только планиграфической. Очевидно, хронологическое различие комплексов, – катакомба - более ранняя по отношению к захоронению «шкур» или частей туши коня с деталями сбруи. Обрядовая связь этих комплексов не устанавливается.

Череп и кости конечностей лошади в катакомбе № 85 (1971) «Мокрой Балки» № 1 располагались возле плиты полностью разрушенной камеры (рис.1, 2). Череп носовой частью был обращен к западу с небольшим отклонением к северу и направлен в сторону входа, перекрытого закладной плитой. Кости конечностей располагались южнее (ниже) черепа на дне. В отчете А.П. Рунича говорилось, что сохранились только части передних конечностей. Нет уверенности в том, что другие кости скелета коня отсутствовали. Значительная часть входной ямы катакомбы также была снесена. Перед мордой лошади расчищены двухзвенные железные удила с разновеликими двухкольчатыми завершениями звеньев. Примечательная деталь состоит в том, что удила в погребении находились и окислились в полностью развернутом состоянии, как они обычно находятся во рту лошади. По общему виду данные удила

аналогичны обнаруженным в комплексе захоронения № 14 могильника Лермонтовская скала № 2. Длина звеньев – 103-106 мм (рис.1, 3). Так что и по размерным показателям сравниваемые образцы очень близки.

На одном из участков катакомбного могильника городища Кугуль, кроме катакомбных захоронений, были и грунтовые, а также – ритуальные комплексы. Один из ритуальных комплексов без установленной индивидуальной нумерации, условно называемый мною ритуальный комплекс А, был устроен в погребальном сооружении. Оно состояло из частично разрушенной, входной ямы (дромоса), шириной – 46-48 и глубиной – 176 см, и небольшого подбоя длиной – 59 и глубиной – 35 см. Конструкция была вытянута по линии север – юг. В углубленной небольшой камере и частично во входной яме перед входом расчищены: конский череп на правом боку, лежавший затылком к стенке подбоя, носовой частью к югу (в сторону дромоса). Он располагался сверху костей конечностей. Перед носом лошади были остатки еще трех «шкур» или неполных туш (?) мелких рогатых животных, вероятно, коз. Никакого погребального инвентаря в данном захоронении выявлено не было (рис.1, 4).

Целый ряд ритуальных комплексов сходного с рассмотренными типа выявлен на могильном поле «Мачты» - части обширного могильника Луначарка № 1 возле городища «Горное Эхо» («Отстойник») на юго-западной окраине Кисловодска. Комплексы с «конскими шкурами» встречались здесь на трех участках могильного поля общей площадью 110х 35-40 м (рис.3).

Ритуальный комплекс № 12 (1992) [Савенко, 1992, с.41-42] был устроен в подпрямоугольной яме размерами 114х71х84 см. В центральной части расчищен фрагментированный конский череп, лежавший с уклоном на правый бок, носовой частью к югу с нижними костями конечностей, которые частично располагались под черепом, у его носовой части и на остатках черепа сверху (рис.4, 1). Лабораторный анализ репрезентативных костей, выполненный А.К. Швыревой, позволил установить следующее. Кости принадлежали старой особи высотой по холке – 145,7 см, длинноногой, с хорошими скаковыми качествами, полутонконового восточного типа, стоящего близко к физической характеристике арабских скакунов.

Ритуальные комплексы №№ 13 и 14 (Савенко, 1992, с.44-46) размещались в южной части могильного поля. Остатки «шкур лошади» из ритуального комплекса № 13 (1992) лежали в яме усложненной конструкции. В плане она была вытянутой неправильно подпрямоугольной формы. Стенки сужались ко дну. В северо-восточной части был устроен выступ неправильной формы. Размеры ямы в плане – 156х66 см. Наибольшая глубина от дневной поверхности – 111 см. Сверху в яму при засыпке были опущены крупные и мелкие камни различных форм. Яма была ориентирована по линии север-северо-запад – восток-юго-восток. Череп располагался на выступе на левом боку, носовой частью к югу. Кости конечностей размещались отдельно, на дне углубленной части ямы (рис.4, 2). Между костями ног лежал фрагмент лезвия железного обоюдоострого меча, длиной – 206, шириной – 34-37 мм (рис.4, 3). Палеозоологически был определен индивидуальный возраст лошади – 4-4,5 года. Она – восточного типа, высотой по холке 141,7 см, близкая к арабским, полутонконогая с хорошими скаковыми качествами (А.К. Швырева).

Ритуальный комплекс № 14 (1992) частично был разрушен. Он находился в подпрямоугольной яме к сохранившимся размерами – 88х66 см. На глубине 54-56 см от дневной поверхности размещались раздавленный череп и кости ног. Череп лежал на правом боку передней частью в западном направлении. Кости ног – севернее и южнее черепа (рис.4, 4).

Катакомба № 17 (1993) с ритуальным комплексом во входной яме исследована во время полевого сезона следующего года [Савенко, 2020, т1, с.105-108; т.2, с.132-141, рис.199-211]. Она имела определенное конструктивное сходство, почти аналогичную ориентировку и, возможно, определенную связь в одном могильном ряду с названной выше обобщенно опубликованной катакомбой № 3 (1991). Имеется возможность привести более детальное описание всего захоронения, что представляется целесообразным.

Пятно мешанного серого с желтовато-серыми включениями заполнения входной ямы (дромоса) имело вытянутую подтрапециевидную форму. Длина пятна по продольной оси –

**Раннесредневековые захоронения с остатками «конских шкур»
из окрестностей Кисловодска: вопросы интерпретации**

246 см. Ширина у восточной короткой границы – 81 см, у западной – 48 см, в средней части – 76 см. У западной короткой границы заполнения выявилась компактная выкладка из четырех плит овальной, подтрапециевидной и подпрямоугольной формы и мелких камней общими размерами 60x53 см. Толщина плит - 8-13 см. Между камнями просматривались кости животного (-ных). Еще один известковый камень или плита, стоявшая вертикально и перпендикулярно продольной оси, расчищена в средней части заполнения на расстоянии 140 см от восточной короткой границы. В восточной части пятна заполнения на уровне зачистки (глубина около 50 см) выявилась неправильно овальная прослойка жженного грунта и древесных угольков. Размеры прослойки – 26x 20 см, толщина – 1-3 см.

После снятия выкладки из камней было установлено, что сразу под ней лежал череп лошади, обращенный носовой частью к юго-западу или в сторону, противоположную входу в камеру, на левом боку. Рядом с ним и частично под ним располагались кости конечностей (пястные кости, кости путового сустава, копыта). По аналогиям с другими подобными находками, этот комплекс был трактован как ритуальное захоронение шкуры коня.

За черепом к востоку находились два железных псаля на разной глубине. Корпус псалий уплощен во взаимно перпендикулярных плоскостях; верхний конец многоугольный, на нижней его уплощенной части - две подпрямоугольных прорези для крепления узды, нижний заостренный подквадратный в сечении конец расширен, конец отогнут (рис.5, 7). Отсутствие самих железных удилов может свидетельствовать, что они были отделены от псалий.

Возле псалий была железная подпрямоугольно-рамчатая с выгнутой передней частью рамки пряжка с обломанным язычком. Длина - 36,5 мм; ширина - 24,5 мм (рис.5, 3). Ближе к черепу была рамка от еще одной железной пряжки лировидной формы. В сечении она уплощенно-подтрапециевидная. Язычок обломан, окислен. Размеры: длина - 43 мм; ширина - 29,5 мм (рис.5, 4). Еще одна железная пряжка расчищена под нижней челюстью конского черепа. Она округло-рамчатая, с длинным, прогнутым в средней части хоботковым язычком. Диаметр рамки - 15,5x14,5 мм, длина язычка - 25 мм (рис.5, 5). Непосредственной на передней части нижней челюсти конского черепа расчищено 5 бронзовых шпилек (?). Они дуговидны изогнутые, в сечении овальные. Длина - 4-7 мм., в сечении - 1 мм (рис.5, 6). У носовой части верхней челюсти расчищена также полоска органического тлена темно-коричневого цвета длиной 16-17 и шириной 2-3 см. В ходе расчистки и выборки грунта было установлено, что данный комплекс был устроен в грунте заполнения и находился выше дна ямы в этом месте на 35-40 см.

В средней части ямы располагались 2 крупные плиты. На глубине 68-70 см от дневной поверхности в восточной части заполнения входной ямы стало фиксироваться крупное скопление фрагментов керамических сосудов в мешаной прослойке грунта, отличающегося по цвету от окружающего заполнения. Этот слой толщиной 30-40 см начинался на расстоянии 50-70 см к западу от восточной короткой стенки и спускался через входной лаз в камеру. Но до дна конструкции он доходил только во входном лазе, а во входной яме и в камере заканчивался на высоте 5-30 см от пола. Ниже шли более светлые слои заполнения с включением, особенно в камере, материковых комков и прослоек. Ко дну она вновь расширилась, а по северной стенке превысила на 9-10 см размеры на верхнем уровне фиксации. Положение данного слоя явно свидетельствует, что он образовался позднее первоначального захоронения в катакомбе.

Плиты в средней части входной ямы стояли непосредственно на ее дне. Крупная известковая плита, размерами - 68x54x20 см, была под углом и опиралась на песчаниковый блок размерами - 48x46x26 см. Между ними на полу лежала еще одна плита размерами 35x27x14 см. Есть основания полагать, что эти плиты являлись закладом катакомбы, отодвинутым в среднюю часть входной ямы при вторичном проникновении в камеру. Но группа плит могла и специально отделять часть входной ямы, где было совершено ритуальное захоронение шкуры взнузданного боевого коня. В придонном слое заполнения входной ямы

между плитами и слоем битой керамики и частично под последним были расчищены кости скелета взрослого человека (кости рук, ребра и их фрагменты, отдельные позвонки), также попавшие сюда при вторичном проникновении в камеру.

Размеры входной ямы у дна составляли: длина – 235 см, ширина в восточной части – 72 см, в средней – 75 см и в западной - 59 см. Дно было горизонтальным, но имело небольшой прогиб (10-12 см) в средней части. Наибольшая глубина составляла 120-125 см от дневной поверхности.

Входной лаз подпрямоугольной с заovalенными углами формы имел размеры 48x42 см. Но далее к камере он существенно расширялся, приобретал подтрапециевидную форму с сужением кверху, и достигал размеров 74x61 см. Длина лаза по дну составляла 82 см. В грунте заполнения в лазе продолжался слой битой керамики, опускающийся далее в камеру.

Верхняя часть свода камеры была обрушена. Камера оказалась полностью заполнена мешаным и материковым грунтом. Она имела вытянутую по линии север – юг подпрямоугольную форму с заovalенными углами. Продольная ось камеры располагалась перпендикулярно продольной оси входной ямы. Порог имел высоту 54 см. Длина камеры по продольной оси составляла 210 см, ширина в средней части 97 см. Дно почти ровное. Глубина в средней части - 185 от дневной поверхности. Свод был зафиксирован по дальней стенке камеры на высоту 80-85 см. Реконструируемая его высота определяется примерно в пределах 105-110 см.

В передней части заполнения на участке 90x60 см продолжался слой битой керамики. В придонном слое и непосредственно на дне камеры находились смещенные и частично фрагментированные кости скелета взрослого погребенного. Они располагались в основном в южной части камеры, где были: фрагментированный череп, кости ног и таза, крестец, позвонки и часть ребер. Нижняя челюсть, отдельные позвонки и ребра расчищены в северной половине камеры на дне ближе к ее середине.

И здесь налицо были признаки ограбления или ритуального смещения захоронения в период, отстоящий от первичного погребения на достаточно продолжительное время, необходимое для разложения трупа и распад связей между костями. Никаких предметов, которые можно было бы соотнести с погребенным, в камере найдено не было. К инвентарю захоронения могли принадлежать разбитые сосуды в слое, насыщенном фрагментами керамики. Но не исключено, что они располагались первоначально не в камере, а во входной яме. Возможно, предметы инвентаря были изъяты при ограблении, но нетипичным является то, что отсутствуют даже мелкие вещи, которые часто остаются в камерах после их разграбления.

В слое битой керамики удалось собрать части и восстановить форму четырех сосудов.

1. Сосуд в виде крупного горшка светло-серого - серого цвета. Поверхности заглажены, но внутренняя – неровная, шероховатая. С орнаментом в виде поперечных горизонтальных вдавленных и заглаженных полос; на средней части корпуса 7 полос, на верхней - три полосы. Размеры: высота - 364 мм, диаметр тулова - 322 мм, венчика - 176 мм, горла - 158 мм, дна - 134 мм (Рис.5, 8). **2.** Горшочек с корпусом в виде шарового слоя и низким отогнутым венчиком. По краю венчика косые насечки, на верхней части корпуса горизонтальная волнистая линия. Цвет поверхности и в изломе темно-серо-коричневый. Поверхности заглажены. Внутри выявляется разная направленность линий заглаживания: венчик – горизонтально, тулово – вертикально. Размеры: высота 156 мм; диаметр тулова – 186 мм; венчик 132 мм; дна - 105 мм (рис.5, 9). **3.** Часть сосуда с ручкой. Ручка от края венчика на верхнюю часть тулова, цвет поверхности серый, темно-серый, пятнистый, в изломе – коричневый. Поверхности заглажены полосками различной направленности. Высота 205, диаметр тулова 203 мм (рис.5,10). **4.** Части горшка - венчик и донце. С отогнутым венчиком, цвет поверхности заглажены, светло-серо-желтый, в изломе – серый, светло-серый. На дне клеймо в виде двух полос, кружка с центральными выступом между ними. Диаметр венчика - 156 мм, диаметр дна - 114 мм (рис. 5, 11). Обращает на себя внимание явно кухонный характер керамической посуды, выявленной в погребении.

Раннесредневековые захоронения с остатками «конских шкур»
из окрестностей Кисловодска: вопросы интерпретации

Сложный по составу ритуальный комплекс № 21 (1993) был обнаружен в средней части могильного поля в раскопе II 1993 г. [Савенко, т.1, с.120-121; т.2, с.160-164, рис.233-238]. Границы пятна заполнения ямы были зафиксированы только на уровне предматерикового слоя. Яма была подпрямоугольной с заovalенными углами и вытянута по линии юг-юго-восток – север-северо-запад. Размеры пятна на уровне фиксации составляли: длина по продольной оси – 137 см, ширина у север-северо-западного края – 56 см, у юго-юго-восточной и в средней части – 60 см (рис.6, 1).

Стенки ямы были, в основном, вертикальные, кроме север-северо-западной, сужающейся ко дну в нижней части. Дно горизонтальное, почти ровное, с небольшим уклоном в северном направлении (до 8 см). Длина ямы по дну – 124 см, ширина в среднем - 60 см, нижняя часть устроена в песчаниковом материке.

Сразу после начала выборки заполнения внутри ямы стали фиксироваться скопления костей животных. В яму были плотно уложены в один-два, иногда и в три слоя черепа животных с костями нижних частей конечностей. Черепа преимущественно на левом боку (есть и на правом), носовыми частями в основном к северо-западу, отдельные - к западу. Состав, положение костей и их компактная укладка позволяют уверенно предположить, что здесь были захоронены шкуры животных. По уже упомянутому предварительному определению А.К. Швыревой, в состав комплекса входило более 20 особей, из которых: 7 взрослых лошадей, 7 жеребят, осел или кулан, 3 коровы, олень и несколько мелких рогатых животных (овца, коза). Из семи взрослых лошадей точно определены 2 кобылы и конь. Остальные – неопределенные по полу. По зубной эмали и другим признакам был предположен смешанный - с восточными и западными чертами тип лошадей. Так, по высоким копытам предположено североазиатское происхождение некоторых особей. Все остатки скелетов животных залежали на глубине от 116 до 147 см от дневной поверхности в заполнении и на дне ямы.

В заполнении среди костей были встречены также другие находки: фрагменты железных предметов - трехгранный наконечник стрелы и предмет неясного назначения, возможно, также часть наконечника (рис.6, 2-3) и осколки керамических сосудов (около 20 фрагментов стенок, венчиков и донцев от не менее 3-4-х сосудов) (рис. 6, 1-13).

Возможно, к рассматриваемой категории относился и разрушенный комплекс № 23 (рис.6, 15), в котором также могли быть череп и кости конечностей лошади. Но из-за плохой сохранности принадлежность костей лошади однозначно не установлена.

Следует отметить, что в раскопе II (1993) могильника «Мачты» площадью 14 кв. м. было только три, не связанных с захоронениями людей, культовых или ритуальных комплекса. Человеческих погребений не было. На доследованной в 1992 г. значительно большей разрушенной площади в южной части могильного поля также были выявлены и доследованы отдельные ритуальные комплексы и два конских захоронения. Эти обстоятельства позволяют предполагать наличие на могильном поле особых участков или площадок ритуальных действий и захоронений.

В связи с тем, что погребения с интересующими нас комплексами в могильнике Клинья № 3 обстоятельно опубликованы, ограничимся обобщенными их характеристиками. Они важны для нас сейчас и потому, что большая часть материалов некрополя издана на английском языке, что представляет некоторые трудности для ознакомления с ними у русскоязычных исследователей, не владеющих этим языком в достаточной мере.

Дромос № 8 располагался в сильно насыщенном катакомбами участке могильника. Рядом с ним находилась еще одна входная яма № 16 без камеры. Вытянутой подпрямоугольной формы. Ориентирован был по линии север - юг с отклонением к западу. Являлся самым длинным из выявленных к тому времени В.С. Флеровым – 550 см. Глубина дромоса у закладной плиты – 240 см от дневной поверхности. Ширина колебалась в пределах – 55-66 см. Дальняя от закладной плиты стека («торец» - В.С. Флеров) имела четыре ступеньки.

В заполнении дромоса выявлены различные ритуальные элементы, включающие останки животных и предметы инвентаря. На расстоянии 55 см от торца и на глубине 75 см

от дневной поверхности расчищены череп и кости передних ног лошади. Череп носовой частью был направлен к передней стенке ямы, т.е. к предполагаемому входу в камеру. Около нижней челюсти под резцами в сложенном состоянии располагались железные, плохой сохранности, двухзвенные удила, грызла которых с однокольчатыми окончаниями [Флеров, 2000, с.131, рис.31, 4]. Над черепом были отдельные древесные угли.

Кроме этого комплекса в дромосе находился полный конский скелет, лежавший на дне на животе, с подогнутыми ногами, и направленным к передней стенке истлевшим черепом, причем череп лежал не на дне, а на подсыпке, а среди костей были древесные угольки. Под тазовыми костями был раздавленный керамический котел с внутренними ручками. Под сочленениями передних ног располагалась лопатка барана и фрагменты стеклянного сосуда пурпурного цвета. Другие фрагменты этого сосуда были рассыпаны в различных частях дромоса. В грунте заполнения в придонном слое были скопления камней крупных и средних размеров. Между камнями и вокруг них собраны десятки фрагментов керамических сосудов, среди которых было 2 кувшина. Сосуды явно были разбиты брошенными сверху камнями. Здесь же находилась бронзовая округлая заклепка с четырехгранным стержнем и несколько ребер барана. Отдельным скоплением были положены предметы перед закладной плитой: костяные обкладки лука, бронзовые пряжки с прямоугольной рамкой и геральдическим щитком, поясная литая накладка с двумя конскими головками, обоймы от ремня и истлевший железный предмет.

Примечательно, что в конструкции, не имевшей камеры, у передней короткой стенки была установлена крупная закладная плита с подкладками, качественно обмазанная глиняным раствором. При очень тщательной фиксации стратиграфии грунта и всех находок вторичный перекоп заполнения установить не удалось и весь сложный обряд был оценен как одноэтапный [Флеров, 2000, с.53-55].

Катакомба № 360 была одной из самых богатых из числа раскопанных на могильнике Клин-Яр № 3 и принадлежала, по всей вероятности, представителям социальной верхушки раннесредневекового аланского общества, и располагалась на элитном участке некрополя. Дромос, ориентированный по линии север-юг, имел длину 560 см, ширину 54-65 см и наибольшую глубину от дневной поверхности - 266 см. Южная, противоположная от входа в камеру короткая стенка имела 4 ступеньки. На верхнем уровне фиксации пятна заполнения и границ дромоса, на расстоянии 305-306 см от южного торца, имелось расширение восточной стенки боковым уступом вытянутой подпрямоугольной формы шириной 20-30 см и глубиной 35-45 см. В средней части этого расширения и частично в его границах значительно выше (173 см) ото дна дромоса расчищена «конская шкура» с черепом, лежавшим по продольной оси конструкции затылочной частью ко входу в камеру. Под ней находился второй подобный комплект конских костей. Возле конских останков фиксировались зольные прослойки и древесные угольки. Такие же прослойки примерно на том же уровне встречались и в южной части заполнения дромоса.

В средней части дромоса вдоль восточной стенки была выложена вертикальная кладка из плит и камней в 7-9 звеньев, отгораживающая часть перерезанной камеры № 359. Напротив кладки в западной стенке дромоса была выбрана небольшая ниша продолговатой формы. В этом месте в придонном слое (12-20 см ото дна) на правом боку спиной к каменной кладке с подогнутыми ногами и черепом в сторону входа в камеру лежал полный скелет лошади. Возле черепа и к северу от него выявлялась зольная прослойка. В заполнении был также разбитый керамический кувшин с носиком-словом возле каменного заклада, золотая фибула с альмандиновыми вставками и некоторые другие находки.

Заклад состоял из крупных плит и камней – закладок и подкладок. Перпендикулярная к дромосу овальная в плане камера размерами - 254x185 см. Высота свода - 145 см. Глубина дна камеры от дневной поверхности – 420 см. Она имела припорожную яму и нишу в западной стенке. В припорожной яме были: бронзовый клепаный котел с железной ручкой, фрагменты железной кольчуги и детали поясного набора из серебряных, позолоченных и золотых элементов. На полу камеры расчищены частично сохранившиеся останки двух погребенных,

Раннесредневековые захоронения с остатками «конских шкур»
из окрестностей Кисловодска: вопросы интерпретации

вероятно, вытянутого на спине мужчины и слабо скорченной на правом боку женщины, в сопровождении многочисленным ценных предметов. Оба были ориентированы на запад. В погребальный инвентарь входили: набор керамических сосудов возле ниши, состоящий из двух кружек и крупного кувшина с носиком-сливом, в их окружении был и стеклянный кубок с ячеистой поверхностью; крупный железный меч с богато оформленными золотыми и серебряными обкладками и наконечником ножами, навершием рукоятью и портупейным набором накладок, обойм и наконечников, располагавшийся вдоль мужского костяка справа от плеча вниз; не менее изящно оформленный железный кинжал, располагавшийся под мечом; большое число бронзовых, серебряных и золотых деталей поясных и сбруйных ремней, встречавшиеся в разных частях камеры, в том числе и в ногах мужского костяка, где располагались также фрагментированные железные удила, а чуть выше и ближе к мечу – стремяна; железные трехлопастные наконечники стрел между мечом и дальней стенкой припороженной ямы. С женским костяком были связаны: золотые серьги с пирамидальными подвесками из шариков различных размеров; серебряное зеркало; бронзовая «скалочка», разнообразные бусы и подвески; золотая брошь со стеклянной вставкой; серебряная брошь с соколиными головками; бронзовые браслеты и некоторое другое [Belinskij, Harkte, 2018, s.304-325].

Дромос № 388 был ориентирован нетипично для могильника по линии восток – запад. Он подпрямоугольной формы со срезанным юго-восточным углом и выпуклой западной стенкой. Длина его – 222, ширина – 70-75, глубина – 218 см. В срезанной части юго-восточного угла были устроены 2 неровные узкие ступеньки. В западной стенке полуовальное углубление в боковую сторону – вход в предполагаемую камеру подтреугольной формы со скошенным вглубь дном. Перед западной стенкой с углублением в заполнении ямы на глубине 108-128 см от поверхности (87-110 см ото дна) располагался череп лошади, лежавший на левом боку носовой частью к юг-юго-западу. Ближе к западной стенке и юго-западу от черепа несколькими скоплениями лежали кости нижних костей конечностей. Никаких сопровождающих находок не выявлено [Belinskij, Harkte, 2018, s.383-384].

Три отдельных комплекса остатков «конских шкур» без сопровождающих предметов встречены в межмогильном пространстве [Belinskij, Harkte, 2018, s.384]. Ямы или углубления для захоронения не зафиксированы. Ритуальный комплекс № 1/1995 выявлен вблизи с южным торцом стенки дромоса катакомбы № 357 на расстоянии 45 см к востоку от него и на глубине 60-80 см от дневной поверхности. Череп лошади лежал на левом боку носовой частью на север. Нижние кости конечностей располагались южнее черепа. Близость расположения и уровней залегания позволили предположить связь комплекса с катакомбой № 357.

Комплекс № 2/1995 включал только кости ног лошади. Череп не сохранился или не был положен. Не выявлено и копыт. Глубина залегания костей – 54-94 см от дневной поверхности. Располагались на расстоянии 50 см к востоку от северного конца дромоса катакомбы № 363. На этом основании предположена культурно-хронологическая и ритуальная близость этих комплексов.

Комплекс № 1/1996 по виду был сходен с комплексом № 1/1995. Он также состоял из черепа лошади, лежавшего носовой частью к северу, но правом боку. Южнее его были скопления костей ног, включая копыта. Глубина залегания костей – около 100 см от поверхности. Планиграфически комплекс располагался вблизи – 15 см к востоку, от северо-восточного угла дромоса сарматкой катакомбы № 379. Связь данных комплексов на указанных основаниях предполагалась, но она не обязательна.

Последний (по времени выявления) из зафиксированных случаев находки рассматриваемых комплексов может быть связан с дромосом катакомбы № 9 могильника Клинь-Яр № 4. Дромос вытянутой подпрямоугольной формы, размерами 350x53-66x184 см, был ориентирован по линии восток – запад с небольшим отклонением к северу. У восточной торцевой стенки имелась одна ступенька. В заполнении дромоса на разных уровнях выявлены отдельные объекты и предметы, и их скопления. Так, на глубине около 150-160 см (20-35 см ото дна) в восточной части дромоса расчищено 3 скопления мелких предметов в остатках сумоч-

ки из ткани и вблизи них. Здесь были найдены многочисленные и разнообразные бусы из стекла, янтаря и полудрагоценных камней; височные и иные подвески из бронзы и камня. Бронзовый кольцевой амулет с девятью утолщениями и выступами; детали поясного набора из бронзы; мелкие, возможно, обувные пряжки; обоймы, пластинки; несколько небольших фрагментов железной кольчуги. В средней части заполнения дромоса и ближе к его стенкам, также на разных уровнях, но выше каменных плит средних размеров, лежавших горизонтально на уровне 15-20 см ото дна, находились смещенные кости конского черепа, лежавшего по продольной оси дромоса (нижние челюсти и верхняя часть – в разные стороны), и нижних сочленений ног. Исследователи предположили, что данный комплект также был связан с «конской шкурой». В заполнении также встречались фрагменты раннесредневековой и кобанской (?) керамики.

Входное отверстие в камеру подтрапещевидного профиля было заложено крупной плитой с двумя массивными подставками и подкладками из более мелких камней, сложенных на растворе из желтой глины и частично обмазанных им. Овальная камера размерами 192х138 см (глубина дна от дневной поверхности – 274 см) содержала останки скелетов двух или трех частично смещенных погребенных. Точно устанавливается взрослый женский скелет, лежавший слабоскорченно на правом боку, и один или два ребенка. В состав инвентаря входили: три керамические кружки и часть кувшинчика; детали двух небольших деревянных предметов; железный нож; бронзовые накладки, нашивки, пластинки, серьга, брошь, фибула, кольца, поясная пряжка; бусы из стекла и янтаря; обсидиановый отщеп; мелкие кости животных [Belinskij, Harkte, 2018, s.402].

Для полноты картины приведем здесь и данные об опубликованном М.П. Абрамовой комплексе катакомбы № 5 (1977) могильника «Директорская Горка», также представляющем для нас определенный интерес. Катакомба была обозначена в поверхностном слое, сохранившемся почти по всему периметру, удлиненно-подпрямоугольной каменной выкладкой, внешними размерами 195х 204 см. Она имела входную яму (дромос) вытянутой формы (передняя часть разрушена перекопом) размерами 265х 50-65 см, ориентированную по линии юг-юго-восток – север-северо-запад. Камера подтрапещевидной в плане формы размерами 240-210х 215 см, располагалась перпендикулярно к входу. Высота порога – 95 см. Свод провалился, и высота его не устанавливалась.

В юго-восточном конце входной ямы находился разбитый крупный кувшин с носиком-сливом. В северо-западной части выделялся мощный жженный слой с древесными углями, в котором был железный наконечник копья с плоским пером (общая длина – 310 мм). У северо-восточной стенки находились железные стремена с ровными подножками и петлевыми путлищами, сильно фрагментированные удила с дополнительными кольцами и псалиями и прямоугольная подпружная пряжка. В углистом слое найдены также: фрагменты жженных костяных пластин от седельного канта, части серебряных с позолотой орнаментированных поясных накладок, фрагменты железного ножа и кожи. От конского захоронения сохранились только кости ног, таза и отдельные позвонки. М.П. Абрамова считала, что во входную яму были положены части туши коня, но, возможно, что и здесь были остатки шкуры, чему противоречат только кости таза.

С.Н. Савенко
Раннесредневековые захоронения с остатками «конских шкур»
из окрестностей Кисловодска: вопросы интерпретации

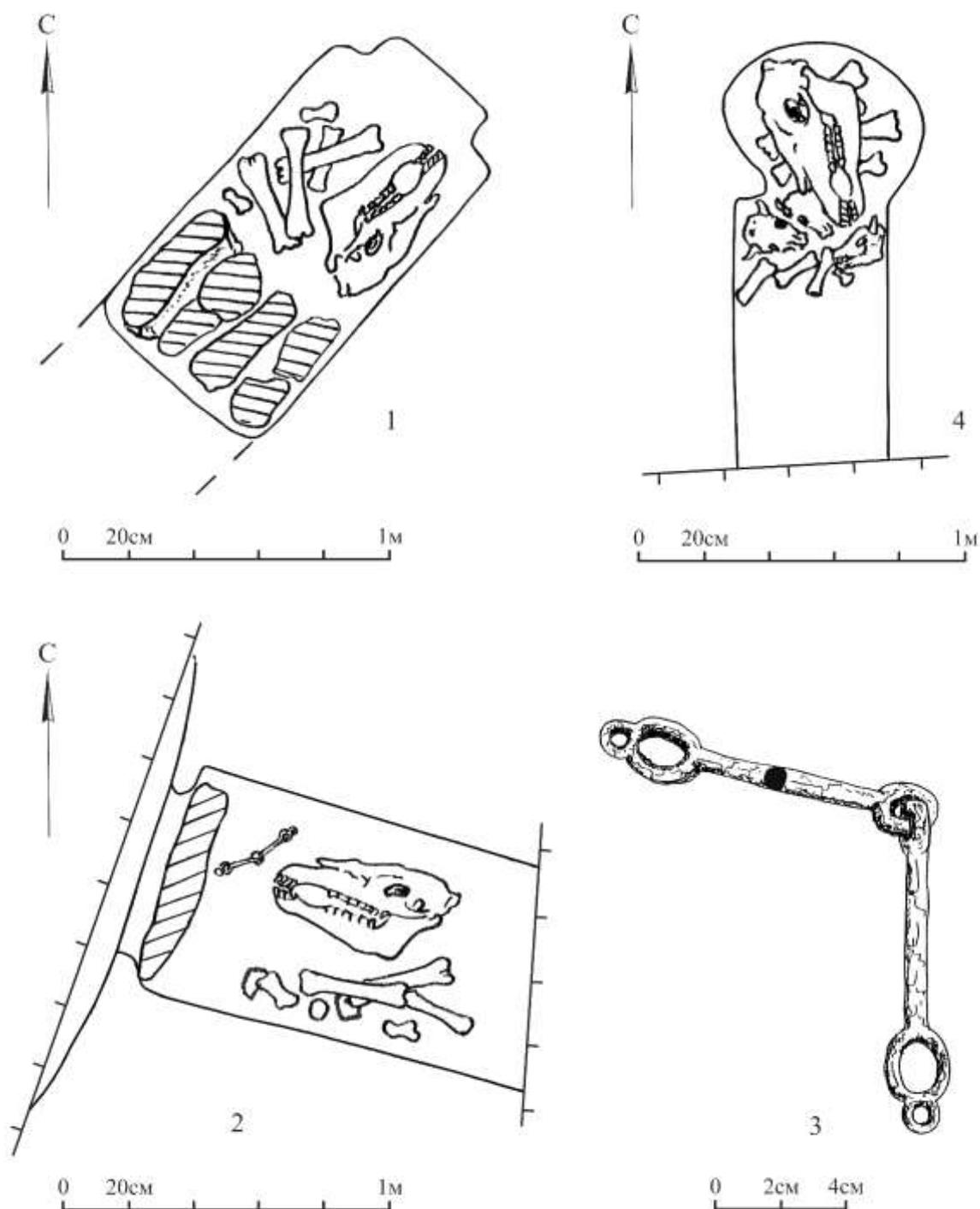

Рис.1. Погребальные и ритуальные комплексы с конскими шкурами с территории Кавказских Минеральных Вод. 1 – план комплекса погребения № 3 (1968 г.) могильника «Лермонтовская Скала» № 2; 2 – план разрушенной катакомбы № 85 (1971 г.) могильника «Мокрая Балка» № 1; 3 – удила железные из входной ямы катакомбы № 85 (1971 г.) могильника «Мокрая Балка» № 1; 4 – план разрушенного ритуального комплекса на могильнике «Кугульский» № 1.

Рис.2. Комплекс захоронений № 14 и № 15 могильника «Лермонтовская Скала» № 2.
1 - план комплекса № 14; 2 – железные стремена из захоронения № 14;
3 – удила с псалями железные из комплекса № 14; 4 – план катакомбы № 15;
5 – кружка керамическая из катакомбы № 15.

С.Н. Савенко
 Раннесредневековые захоронения с остатками «конских шкур»
 из окрестностей Кисловодска: вопросы интерпретации

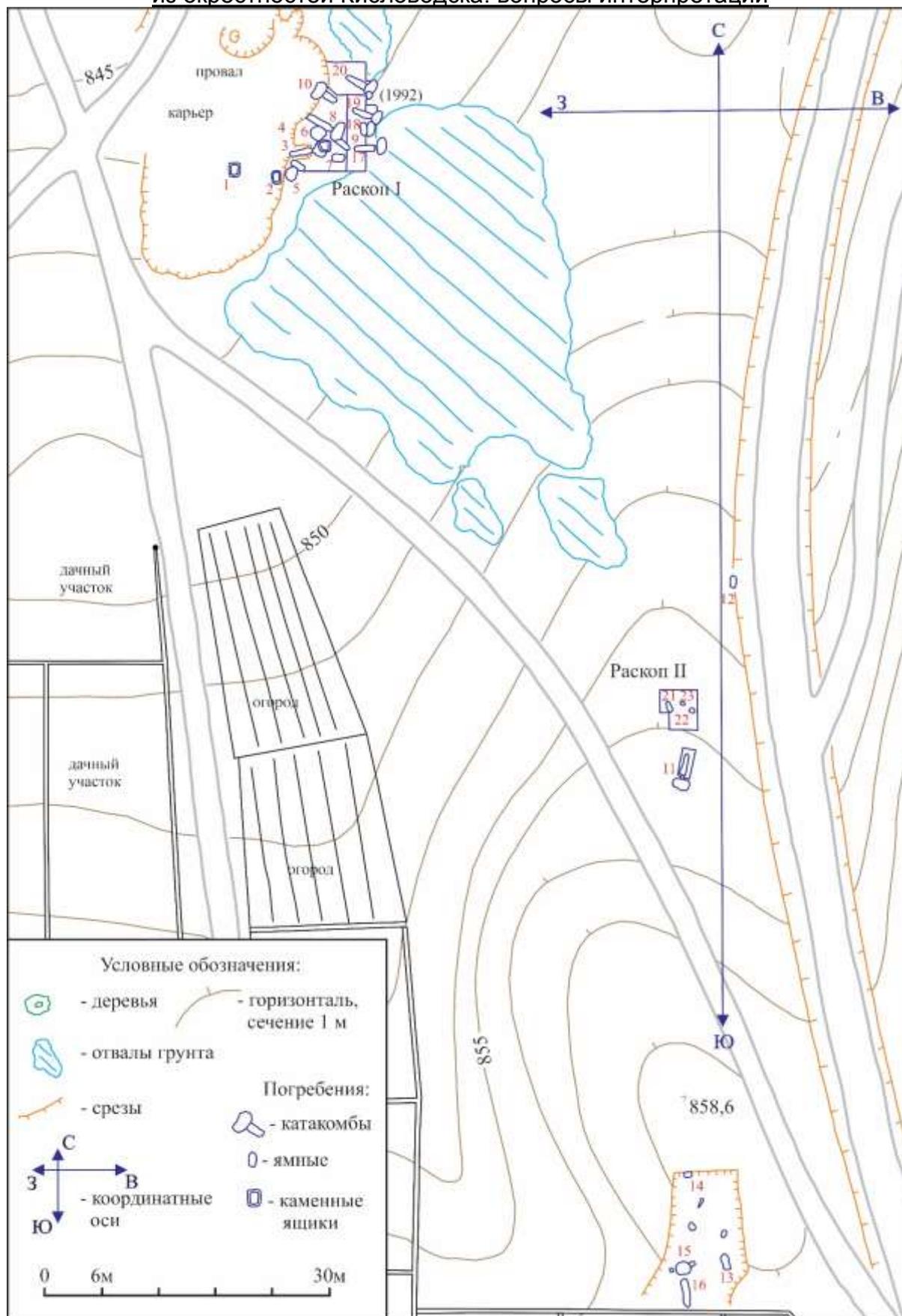

Рис.3. Общий план могильника Мачты. Раскопы 1991–1993 годов.

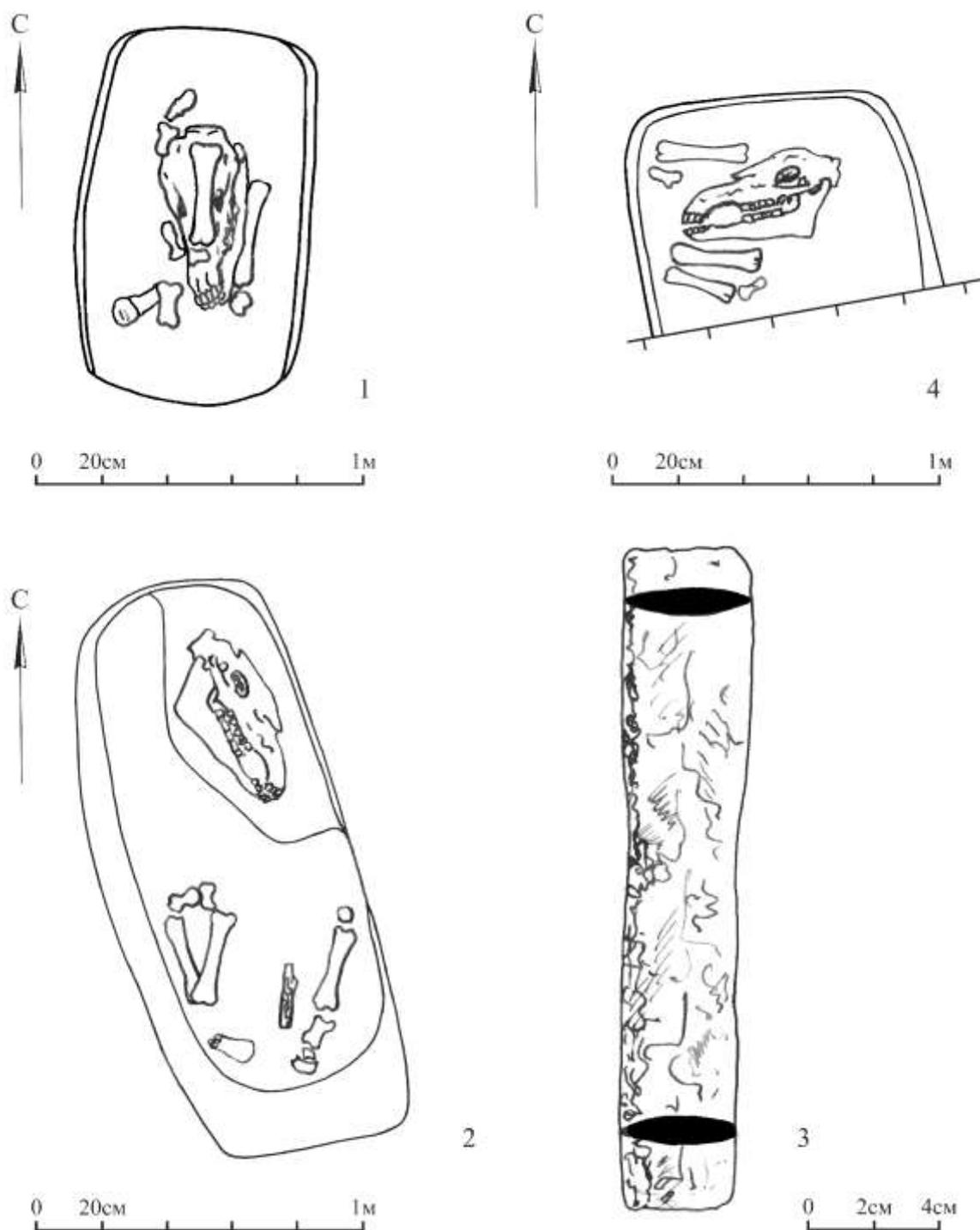

Рис.4. Планы и инвентарь ритуальных комплексов № 12, № 13 и № 14 (1992 г.) могильника «Мачты».

- 1 – план ритуального комплекса № 12;
- 2 – план ритуального комплекса № 13;
- 3 – фрагмент меча железного из ритуального комплекса № 13;
- 4 – план ритуального комплекса № 14.

С.Н. Савенко
 Раннесредневековые захоронения с остатками «конских шкур»
 из окрестностей Кисловодска: вопросы интерпретации

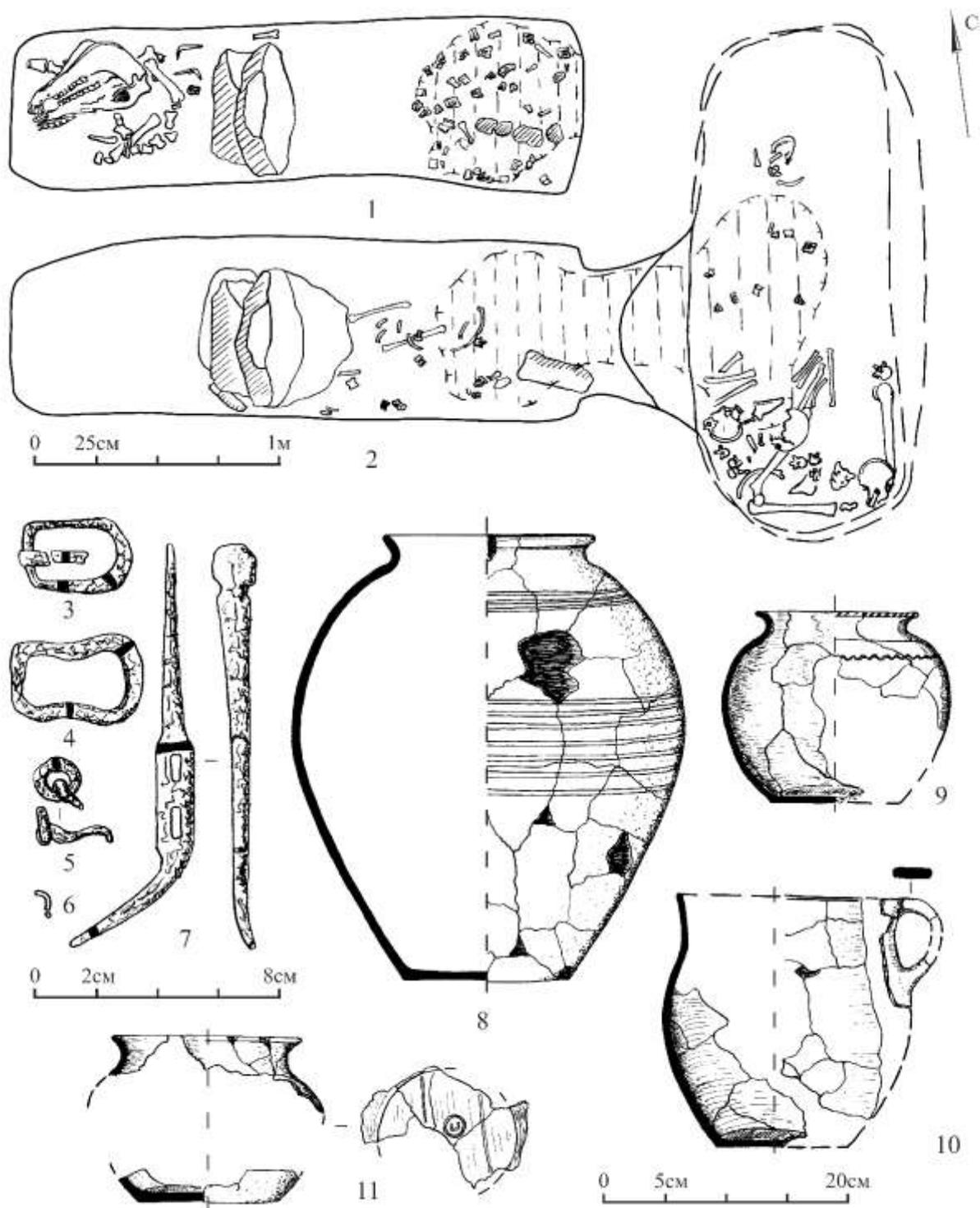

Рис.5. Планы и инвентарь катакомбы № 17 (1993 г.) могильника «Мачты».
 1 – план 2-го уровня фиксации входной ямы; 2 – план погребения после расчистки;
 3 – пряжка железная; 4 – пряжка железная; 5 – пряжка железная;
 6 – штырьки бронзовые, 3 шт.; 7 – псалий железный; 8 – сосуд керамический;
 9 – сосуд керамический; 10 – сосуд керамический; 11 – сосуд керамический.

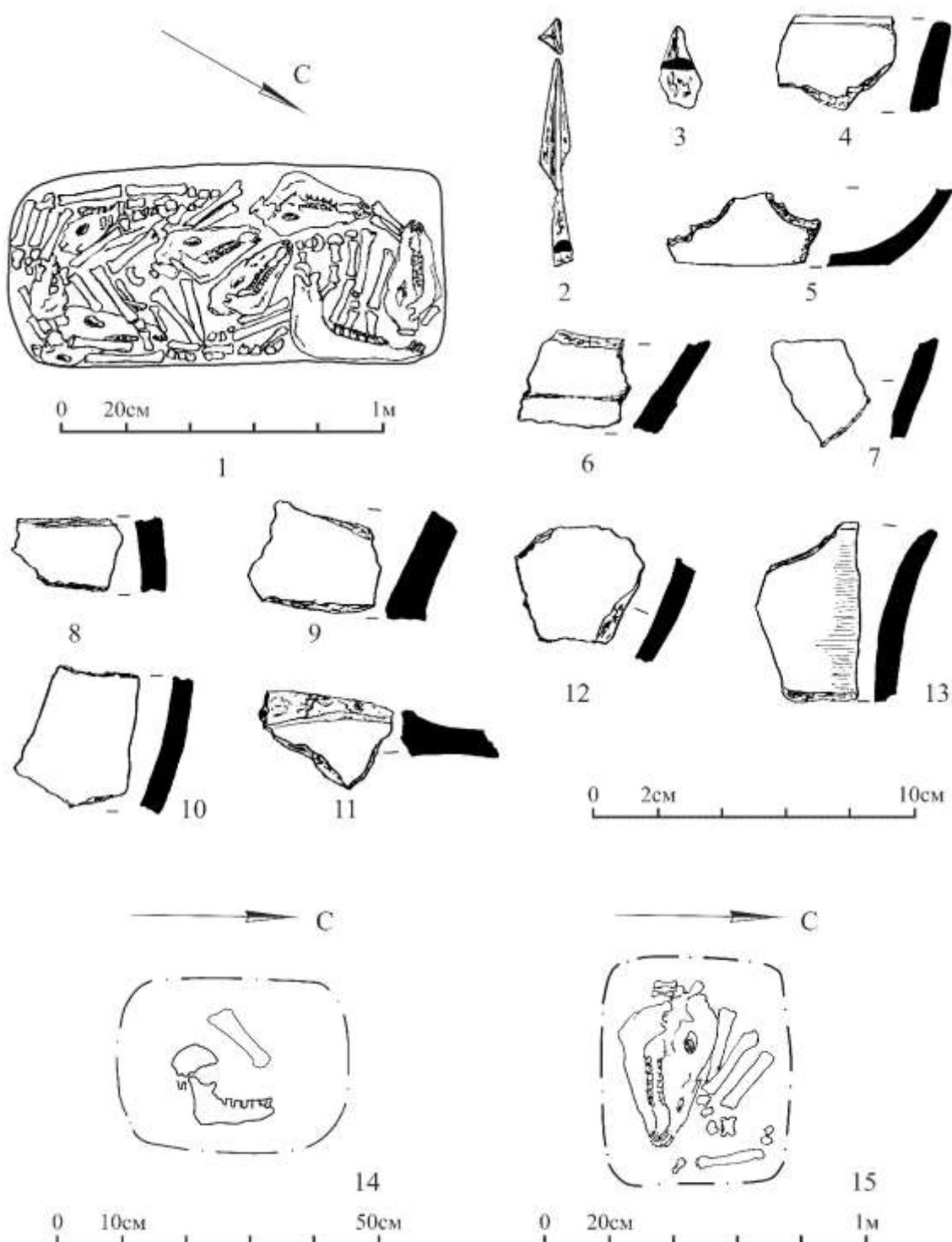

Рис.6. Планы и инвентарь ритуальных комплексов № 21, № 22 и № 23 (1993 г.) могильника «Мачты».
 1 – план ритуального комплекса № 21; 2 – наконечник стрелы железный;
 3 – фрагмент наконечника стрелы железного; 4-13 – фрагменты сосудов керамических; 14 – план ритуального комплекса № 22;
 15 – план ритуального комплекса № 23.

**Раннесредневековые захоронения с остатками «конских шкур»
из окрестностей Кисловодска: вопросы интерпретации**

Внутри камеры находились смещенные скелеты мужчины, женщины и ребенка в сопровождении частично сохранившегося обильного погребального инвентаря. Собраны части трех фрагментированных керамических сосудов в виде кружки со стилизованной зооморфной двухпетельчатой ручкой, кувшинчика со сливом-трубкой, крупного кувшина с носиком-сливом. Все сосуды были высококачественными изделиями, выполненными на гончарном круге, хорошо лощены и декорированы. В анатомическом порядке лежала только средняя часть детского скелета, возле которого располагались бронзовые браслеты с расширенными, заходящими друг за друга концами и биконическими утолщениями в средней части (диаметр – 52 мм), перстень с золотой обкладкой щитка, железный нож, овально-рамчатая бронзовая пряжка с неподвижным орнаментированным щитком.

Остальные предметы находились в различных частях камеры среди смещенных костей. Здесь обнаружены: железная подпрямоугольная подпружная пряжка, трехлопастной наконечник стрелы, колчаный крюк, навершие рукояти ножа; серебряные с позолотой пластинчатые накладки различной формы (круглые, овальные, крестовидные, фигурные), орнаментированные геометрическими и растительными элементами; фрагменты золотых пластинок; ременные обоймы, одна из которых с золотой обкладкой. Среди сдвинутых костей найдена уникальная позолоченная поясная овально-рамчатая пряжка с подвижным пятиугольным щитком и орнаментированным язычком. Поверхность щитка разделена на геометрические элементы (крестики, ромбики), заполненные голубой эмалью.

В погребении также встречены золотая серьга с колечком из зерни, надетая на более крупное серебряное кольцо, двухсоставная стеклянная бусина, фрагменты деревянной чаши с бронзовыми оковками, части тонких дощечек со следами красной краски и фрагменты от некоторых других предметов [Абрамова, 1982, с140-147].

Проанализируем рассматриваемые комплексы по показателям, признакам и особенностям. Большинство комплексов содержит остатки конских скелетов, состоящих из черепов и костей нижних сочленений конечностей, порой, только передних. Реже присутствуют хвостовые, отдельные шейные или спинные позвонки. В отдельных случаях – ребра и некоторые другие кости конских скелетов. Устойчивыми признаками «конских шкур» оправдано считать наличие комплектов из черепов, сочленений нижних конечностей и хвостовых позвонков. Остальные варианты являются отклонениями, которые могли быть как случайными, так и преднамеренными.

Чаще всего в одном комплексе присутствуют остатки одной «шкур» или неполного конского скелета. Но встречены названные выше исключения: два комплекта «шкур» в богатой катакомбе № 360 в могильнике «Клин-Яр» № 3 и уникальное ритуальное захоронение 14 конских «шкур» и около десятка «шкур» других животных в одной яме № 21 могильника Мачты.

Обобщенная оценка представленных материалов позволяет считать, что рассматриваемые комплексы распадаются на три основных вида:

1) ритуальные комплексы, в структуре погребальных сооружений для человеческих захоронений (во входных ямах катакомб № 85 могильника «Мокрая балка» № 1; № 3 (1991) и № 17 (1993) «Мачты»; № 360 «Клин-Яр» № 3; № 9 «Клин-Яр» № 4);

2) комплексы во входных ямах, в которых камеры с человеческими погребениями отсутствовали (входная яма погребения № 3 (1968) могильника «Лермонтовская скала» № 2; Кугульский комплекс, дромос № 8 из раскопок В.С. Флерова и дромос № 388 на участке, исследованном А.Б. Белинским и Г. Харке могильника Клин-Яр № 3);

3) отдельные комплексы в самостоятельных грунтовых ямах, связь которых с конкретными человеческими могилами точно не устанавливается и может только предполагаться («Кугуль», «Лермонтовская скала» № 2 погребение № 14, «Мачты» № № 12-14, 21 и 23-?, Клин-Яр № 3 комплексы № 1/1995, № 2/1995, № 1/1996)).

Отличие третьего вида ритуала было отмечено А.Б. Белинским и Г. Харке как размещение «лошадиных шкур» между могилами и определено ими как «новый элемент обрядности» [Belinskij, Harkte, 2018, p.20]. Однако, как мы видели, такой элемент присутствует и на других некрополях, например, могильнике «Мачты». Вторая разновидность - комплексы в дромосах – «кенотафах», устроенных, как и входные ямы катакомб, но не содержавшие камер с человеческими захоронениям, могла занимать промежуточное положение между первым и третьим видами.

Фактически во всех случаях остатки конских скелетов были компактно уложены. Кости конечностей располагались возле или под черепом (в редких исключениях отдельные кости на черепе). Ситуаций, когда можно предполагать «растянутость конской шкуры» в наших материалах не выявлено. Нижние конечности отчленялись обычно до уровня запястья. Более высоких уровней отчленения не выявлялось.

Попытки установления предпочтений в ориентировке комплексов по направлению носовых частей черепов в целом не дали какой-либо ясной картины. Из 16 зафиксированных вариантов отмечена следующая картина направлений: к Ю – 4, ЮЮЗ – 1, З – 2, ЗЗС – 1, СЗ – 2, ССЗ – 1, С – 2, СВ – 1, ВВС – 2. Относительно преобладают положения в южный и западный сектора. Но, вероятно, этот показатель варьировал по могильникам и зависел от особенностей ориентировок погребальных сооружений на них. Примечательная ситуация выявляется в тех комплексах, когда «шкуры» укладывались во входных ямах (дромосах) катакомб или дромосах с предполагаемыми камерами. В большем числе случаев, за исключением катакомбы № 17 «Мачты» и № 360 «Клин-Яр» № 3, черепа в комплексах шкур обращались носовыми частями в сторону камер. Эта тенденция проявлялась и, когда камеры отсутствовали, но предполагались.

Относительно устойчивыми признаками первого и второго видов комплексов является сопровождение их деталями конской сбруи (удила, стремяна, подпружные пряжки), реже деталями уздечного набора, обкладками седла. Помимо этого, к ним могли иметь отношение располагавшиеся во входных ямах (дромосах) фрагментированные керамические сосуды или их части, различные мелкие предметы, отдельные виды вооружения.

Часто подобные комплексы сочетаются со следами огня - со жженными прослойками, пятнами и скоплениями древесных углей. Кроме конских костей встречаются кости, или, возможно, также останки шкур других, в основном мелких рогатых животных, а в богатых комплексах и катакомбах в дромосах были дополнительно и полные скелеты лошадей (дромос № 8 и катакомба № 360 в могильнике «Клин-Яр» № 3).

В отдельных ритуальных комплексах большинство указанных выше деталей отсутствует, кроме некоторых предметов (фрагмент железного меча в комплексе № 13, наконечника стрелы и фрагментов керамики в комплексе № 21 могильного поля «Мачты»), но присутствуют факты сочетания со шкурами других животных («Кугуль», «Мачты» № 21).

В тех случаях, когда устанавливается состав и степень богатства инвентаря человеческих погребений, с которыми связаны неполные конские ритуальные комплексы, можно констатировать принадлежность погребенных как к числу состоятельных воинов, так и другим категориям погребенных, включая захоронения, в которых нет предметов вооружения и явных «мужских» вещей (катакомбы № 17 (1993) м-ка «Мачты» и № 9 могильника «Клин-Яр» № 4, «Белинский – Харке»).

Таким образом, мы наблюдаем, как минимум, две (если объединять первый и второй вариант) обрядовые традиции, связанные с рассматриваемыми ритуальными комплексами, обладающими некоторыми совпадающими деталями, но характеризующиеся и существенными отличиями. Хотя обе традиции, очевидно, были связаны с системой поминальных действий, они явно различались процедурно. Если захоронение остатков шкур во входных ямах или дромосах катакомб, скорее всего, совершалось на завершающем этапе процедуры погребения в камерах гробниц, либо создания символических могил для погибших (умерших - ?) на чужбине, или вскоре после его совершения погребальной церемонии, то отдельные ритуальные комплексы могли возникать и спустя значительное время после захоронений умер-

**Раннесредневековые захоронения с остатками «конских шкур»
из окрестностей Кисловодска: вопросы интерпретации**

ших людей. Возможно, сроки поминальных процедур или жертв покойным регламентировались, к примеру, как в традиционно распространенных схемах - спустя 3, 9, 40 дней или даже через год и более после времени похорон. Они также могли вообще относиться не к конкретным захоронениям, а связываться с могильником в целом или родовым участком на его территории. Для однозначных оценок отдельных захоронений «конских шкур» и останков других животных полученных материалов недостаточно. Необходимы более представительные и детально зафиксированные источники. Как отмечалось выше, такие комплексы могли иметь как конкретный, так и обобщенный поминальный характер, а также быть связанными с еще не выявленными и не раскопанными человеческими погребениями. Следует иметь в виду также, что на других территориях в эпоху раннего средневековья отмечены случаи, когда неполные конские скелеты или «шкур» фигурируют в качестве закладных жертв в бытовых постройках. Такие факты, к примеру, зафиксированы на хазарских памятниках [Плетнева, 1999, рис.65,2].

Имеются основания говорить об определенной хронологической близости комплексов. Об этом свидетельствуют типы стремян, удила, разновидности псалиев, подпружных пряжек, а также другие предметы в погребениях, с которыми связаны «шкур» (детали поясных наборов, браслеты, перстни, серьги и т.п.).

По поводу датировки ряда из рассматриваемых нами комплексов высказаны мнения специалистов. Так В.С. Флеров еще в публикации 1993 г. рассуждал по поводу хронологии комплекса в дромосе № 8 из раскопанных им захоронений на могильнике «Клин-Яр» № 3. Он указывал, что по ряду признаков – наличие керамического трехручного кувшина определенного вида, пряжки с геральдическим щитком и нахождение дромоса среди катакомб, не выходящих по времени за пределы середины VIII в. н.э., можно датировать комплекс, как и весь могильник в целом «не позднее второй половины VII – первой половины VIII в. н.э.» [Флеров, 1993, с.225-226]. Т.е. тогда мы имели неконкретную обтекаемую датировку с четко определенным только верхним хронологическим пределом. В монографической публикации всех раскопанных им раннесредневековых материалов В.С. Флеров вновь вернулся к вопросу о датировке данного комплекса и определил теперь его более конкретно - вторая половина VII – начало VIII вв. н.э. [Флеров, 2000, с.54-55].

В первой предварительной публикации материалов погребения № 3 (1991) могильника «Мачты» оно было датировано концом VII в. н.э. Эта узкая датировка была условной и основывалась, в частности, на сходстве инвентаря и элементов обряда с комплексами караякуповской культуры южного Приуралья [Мажитов, 1981, с.16-17, рис.8; Степи Евразии..., 1981, с.27-28, 118, рис.15 п и др.]. Эти комплексы А.К. Амброз и В.Б. Ковалевская [Амброз, 1975, с.297; Ковалевская и др., 1973, с.287] датировали концом VII – первой половиной VIII в. н.э. Такие исследователи как В.Ф. Генинг [Генинг, 1972, с.270-272], Г.И. Матвеев [Матвеев, 1975, с.19] и некоторые другие полагают, что носители караякуповской культуры пришли в Приуралье в конце VII в. н.э. из Южной Сибири. Тогда же, но вряд ли раньше, элементы этой культуры вполне могли проникнуть и в Предкавказье через Южный Урал или непосредственно из Сибири.

В качестве второго аргумента предложенной датировки было использовано мнение А.К. Амброза об отнесении геральдических фигурных деталей поясов к последней трети VII в. [Амброз, 1989, с.61]. Однако возможно, что предложенный подход является несколько односторонним, т.к. по поводу поясов с геральдическими элементами есть и другие точки зрения. Так, Г.Е. Афанасьев на материалах Мокрой Балки № 1 отнес подобную garnитуру ко второй половине VI – первой четверти VII в. н.э., хотя один из ранних наборов с сасанидской монетой Кавада I (488-531), с учетом предложенной поправки, исследователь определяет первой четвертью VII в. н.э. [Афанасьев, 1979, с.44, рис.1, с 47]. В.Б. Ковалевская датирует такой тип поясов в пределах VI-VII вв. н.э. [Ковалевская, 1981, с.177, рис.61, 1-4]. Аналогии этим предметам и другим изделиям из комплекса, например, подпружным костяным пряжкам, имеются в представительных инвентарных наборах других могильников Кисловодской

котловины VI-VII вв. н.э., к примеру, в «Кугульских склепах» [Рунич,1979, с.238-240, рис.5]. В связи с вышесказанным теоретически возможно расширение хронологических границ рассматриваемой комплекса в пределах с начала VII до начала VIII в. н.э. Но и узкая датировка в пределах конца VII – начала VIII вв. также приемлема. Более основательная проработка вопроса хронологии данного комплекса остается актуальной. Но это требует его специальной обстоятельной публикации, что не входит в задачи данной статьи.

Для хронологических определений материалов «Кдин-Ярского» № 3 В.Ю. Малашевым и О.И. Гавритухиным были применены те же методики классификации форм керамической посуды и ременной гарнитуры, как и для материалов этого некрополя из раскопок В.Е. Флерова и для «Мокрой Балки» № 1. Дополнительно О.И. Гавритухин рассмотрел также датирующие возможности стеклянных сосудов и некоторых фибул, а С.Н. Савенко определил место монетных находок на могильнике на фоне общей панорамы их распространения в границах Северного Кавказа [Belinskij, Harkte,2018, s.37-105]. Т.е., и в этом случае предметы конской сбруи специальной классификационно-хронологической проработке не подвергались. Поэтому можно пока говорить о датировке интересующих нас ритуальных комплексов по материалам погребений, в состав которых они входили. Так, особо богатая катакомба № 360 датирована авторами монографии серединой VII в. н.э. [Belinskij, Harkte,2018, s.215]. А все интересующие нас комплексы, по всей вероятности, также попадают в пределы с середины VII до середины VIII вв. Этому соответствуют состав и хронологические оценки связанных с ними категорий вещей. Убедительная, на мой взгляд, хронологическая аргументация была приведена М.П. Абрамовой для комплекса катакомбы № 5 могильника Директорская горка, которая датировала его, как и все исследованные погребения первой половиной VIII в. н.э. [Абрамова, 1982, с.148].

Комплекс из разрушенной катакомбы № 85 могильника «Мокрая Балка» № 1 не вошел не в одну из предложенных Г.Е. Афанасьевым (1975-1979,2001), В.Б. Ковалевской (1995), В.Ю. Малашевым (1995), В.Ю. Малашевым и И.О. Гавритухиным (1998) хронологических периодизаций материалов эталонного могильника в связи с недостаточной его представительностью для предпринятых указанными исследователями подходов к датировке на основании рассчитанной системы запаздывания монетных находок (Г.Е. Афанасьев), ранжирования комплексов (В.Б. Ковалевская), классификации керамических сосудов (В.Ю. Малашев) и ременных гарнитур (О.И. Гавритухин). Но дать самостоятельную хронологическую оценку двухзвенных удил с разновеликими двухкольчатыми окончаниями из данного комплекса вполне возможно. Такая разновидность относится к типу кольчатых удил с неподвижными кольцами на концах грызл. Данная разновидность представлена в кочевнических древностях Восточной Европы и Средней Азии во второй половине VII – первой половине VIII в. н.э. [Степи Евразии...,с.107, рис.4а, 19, 25 и др.]. В классификации восточноевропейских кочевнических удил VII-X вв. н.э. А.В. Крыганова указывалось, что к таким удилам применялся не очень удачный термин «удила с восьмеркообразными окончаниями» и они нередко сосуществуют с геральдическими пряжками. Обнаружены, в основном, в памятниках VII – первой половины VIII вв., а в древностях Среднего Поволжья и Южного Урала встречаются и с конца VIII до X века. Отмечена и важная морфологическая особенность, существовавшая до середины VIII в. н.э. – все кольца грызл, включая конечные, выкованы в одной плоскости. Во второй половине VIII в. они, почти без исключения, становятся взаимно перпендикулярными [Крыганов, 1989, с.97]. Имеет значение и замечание ученого о том, что при определении подобных удил нужно быть осторожным потому, что у некоторых из них могли быть утрачены дополнительные подвижные кольца или костяные псалии.

Очень сходные по конструкции удила, как говорилось, были и в комплексе № 14 могильника «Лермонтовская скала» № 2, но они еще сочетаются со стержневыми псалиями и дополнительными подвижными кольцами. Абсолютно аналогичные псалии с однокольчатыми на концах грызл удилами встречены у тюрок Саяна-Алтая в комплексе конца VII – начала VIII в. н.э. могильника «Монгун-Тайга» [Степи Евразии...,с.122, рис.19, 70]. Поэтому и наш

**Раннесредневековые захоронения с остатками «конских шкур»
из окрестностей Кисловодска: вопросы интерпретации**

комплект вполне может укладываться в хронологический диапазон второй половины VII – первой половины VIII в. н.э.

Следует рассмотреть также стремяна. Они относятся к типу «восьмеркообразных» с выгнутой относительно ровной в поперечном сечении подножкой с центральным ребром жесткости. Как установил еще А.К. Амброз, подобный тип стремян появился в VII в. н.э. и они присутствовали среди хронологически важных форм вещей аварских могил VII – начала VIII вв. н.э. и древнетюркских могил Сибири [Амброз, 1973, с.84, рис.2, 19-42]. Есть они на Алтае, в курганах, отнесенных А.А. Гавриловой к катандинскому и кудергинскому типам [Гаврилов, 1965, с.63, рис.8, 8; табл. XII, 10, XIX, 22; XXI, 11; XXXI, 20] и в материалах карякуповской культуры Приуралья [Степи Евразии..., с.118, рис.15, 15-16]. Очень близкий тип стремян Н.А. Мажитов относил к числу датирующих для VIII века признаков древностей Южного Урала [Мажитов, 1993, с.128, рис.3, 21б]. А.В. Крыганов, специально разрабатывавший типологию и хронологию восточноевропейских кочевнических стремян VII-X вв. н.э., отнес такие стремяна к типу 2, образцы которого, возникнув в VII веке, в IX-X вв. в Восточной Европе встречались уже как анахронизм, а вот на Южном Урале и в Сибири продолжали оставаться популярными [Крыганов, 1988, с.110-111].

Датировка набора инвентаря катакомбы № 17 затруднена в связи с тем, что комплект керамических форм нетипичен для могильников «Кисловодской котловины» и всего Центрального Предкавказья. Горшки вообще редки в раннесредневековых катакомбах, рассматриваемых районов. Они более характерны для бытовых объектов, а хронология керамики поселений остается пока слабо разработанной. Железные прямоугольно рамчатые и лировидные пряжки встречаются в захоронениях VII-VIII вв. н.э., например, в «Мокрой Балке» № 1 [Афанасьев, 1980, с.147-148, 151]. Аналогия типу псаляя встречена в комплексе погребения № 11 в могильнике «Узун-Кол» в Верхнем Прикубанье. В комплексе есть также лировидные железные пряжки и геральдические поясные накладки. Примечательно замечание Т.М. Минаевой о том, что подобные экземпляры были в «древнейшей» части Борисовского могильника и датировка комплекса узункольской могилы № 11 VII в. н.э. [Минаева, 1960, с. 202-203, рис.10, 1]. В.Б. Ковалевской удила с указанными псаляями были отнесены к концу VII – началу VIII вв. н.э. [Ковалевская, 1981, с.178, рис.62, 101]. В связи с приведенными аналогиями, погребение можно обобщенно датировать второй половиной VII – началом VIII в. н.э. В этом случае можно считать комплексы катакомб № 3 и № 17 близкими по времени и культурно и подчеркнуть то обстоятельство, что они относятся к самому позднему горизонту раскопанной части могильника.

Итак, хронология большинства датированных комплексов во входных ямах (дромосах) катакомб тяготеет к периоду в пределах с середины VII до середины VIII в. н.э. С датировкой самостоятельных комплексов вопрос сложнее в связи с тем, что они содержат мало датирующих предметов. Но у нас нет оснований для того, чтобы существенно отделять их от времени внутрипогребальных ритуальных комплексов.

По поводу этнокультурной интерпретации комплексов необходимо указать следующее. Еще дореволюционные российские авторы выявляли сопровождающие погребенных захоронения частей коня (шкур - ?) в степных районах Восточной Европы и предлагали их этническое отождествление с половцами или печенегами (Н.Е. Бранденбург), с половцами или торками (В.А. Городцов), только с торками (А.А. Спицын). Позже стали учитывать особенности ориентировки костяков. Погребенных, ориентированных на запад, считали торками, а на восток, – половцами [Спицын, 1899, с.156-160; Городцов, 1905, с.121]. С целью этнической атрибуции использовалась выдержка из труда знаменитого арабского путешественника ибн-Фадлана о погребальном обряде кочевников гузов.

Обратимся к выдержке из Исшхедской рукописи, в которой говорится: «... А если умер человек из их (числа), то для него роют большую могилу наподобие дома, берут его, надевают на него куртку и его пояс, его лук, кладут в его руку чашу из дерева с набидом, оставляют перед ним сосуд с набидом, принося все его имущество и кладут с ним в этом до-

ме. Потом сажают его в нем и покрывают настилом дом над ним, накладывают над ним наподобие юрты из глины, берут его лошадей в зависимости от их численности и убивают из них сто голов или двести, или одну голову и съедают их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И действительно, они растягивают все это на деревяшках и говорят: «Это его лошади, на которых он поедет верхом в рай». Если же он убил человека и был храбр, то вырезают изображения из дерева по числу тех, кого он убил, и помещают на его могиле, и говорят: «Вот его отроки, которые будут служить ему в раю». Иногда же они упускают (не заботятся) убивать лошадей день или два. Тогда приходит к ним какой-нибудь старик из старейшин и говорит: «Я видел такого-то, то есть умершего, во сне и он сказал мне: «Вот ты видишь, что меня перегнали мои товарищи, и потрескались мои ноги от следования за ними, и я не могу их догнать, и остался один». При этих обстоятельствах они берут его лошадей, и убивают их, и растягивают на его могиле...» [Мец, 1948, с.48-49]. Приведенные детали описания данного обряда ибн-Фадланом могут помочь в трактовках некоторых характеристик и наших комплексов.

К середине XX века стало ясно, что захоронения с остатками «конских шкур» или неполных конских комплексов в памятниках степной зоны Евразии встречаются с конца сарматской эпохи вплоть до начала II тысячелетия н.э. К.Ф. Смирнов относил помещение черепа и конечностей лошади в погребениях середины I тысячелетия н.э. к чуждой сарматам тюркской культуре [Смирнов, 1962, с.270]. На востоке Евразии обряд был известен у хунну Забайкалья, а на Западе - в Карпатской котловине у венгров X в. Поэтому с начала 1970-х гг. развиваются две основные линии этнической атрибуции захоронений «шкур» - тюркская и угорская. В связи с разработкой проблемы протовенгров в Приуралье и Прикамье Е.А. Халикова называла обряд положения шкуры коня с черепом, костями конечностей и хвостовыми позвонками среди признаков, типичных для ранневенгерских захоронений [Халикова, 1976, с.146-150] [45]. И.П. Засецкая обосновывала гуннскую принадлежность этого обрядового элемента [Засецкая, 1977, с.94-99]. Но, при этом, исследователь указывала, что подобные комплексы отмечены в Верхнем Приобье, в могильниках одинцовской культуры, а с гуннской эпохи – в Центральном Казахстане, Приуралье и Поволжье, в Крыму [Засецкая, 1986, с.104]. На территории самой Венгрии периода «обретения родины» И. Фодор стал связывать этот обряд с печенегами [Fodor, 1982, p.315, fig.55]. С печенегами подобные комплексы соотносила и С.А. Плетнева [Плетнева, 1990, с.19-36]. Активно участвуя в разработке проблематики протоболгар и протовенгров в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье, А.Х. Халиков обосновал положение о том, что наиболее ранние из достоверных случаев положения шкур коней в погребения для I тысячелетия н.э. отмечены в азелинской культуре Прикамья II-III вв. н.э. (Халиков, 1990, с.5-15). Более ранних подобных комплексов не известно и на сегодняшний день. Последний факт может свидетельствовать о связи истоков ритуала положения конских шкур в погребениях именно с угорским этнокультурным миром. Но следует помнить давно установленное положение о том, что тюркские этнические сообщества древних болгар, хазар и вплоть до печенегов нередко включали в свой состав и финно-угорские лесные племена [Плетнева, 1958, с.162].

О связи обряда захоронения «конских шкур» с представителями различных общностей и групп тюркского кочевого мира писали также В.А. Могильников [Степи Евразии..., 1981, с.192], Ю.С. Худяков [Худяков, 1983, с.152], А.Г. Атавин [Атавин, 1984, с.134-143; Его же, 2008а, с.28-29; Его же, 2008б, с.78-82, 91-92], С.П. Нестеров [Нестеров, 1990, с.63-67] и другие специалисты, высказывавшие, при этом, неоднозначные мнения. Так, Ю.С. Худяков указал, что в связи с весьма широким распространением данного обряда в Западной Сибири, Среднем Поволжье, Северном Причерноморье и Венгрии исключается возможность идентификации его только с одной определенной этнической общностью [Худяков, 1983, с.152]. А.Г. Атавин, отмечавший существование подобных захоронений у тюрков Алтая и Тувы VI-IX вв., у носителей сротскинской культуры VIII-IX вв., кимаков Казахстана IX-X вв., карлуков Семиречья VIII-IX вв. и других тюркских племен, смог выявить особенности обряда по степени и уровням отчленения конечностей лошадей и установил, что с приходом в восточ-

**Раннесредневековые захоронения с остатками «конских шкур»
из окрестностей Кисловодска: вопросы интерпретации**

ноевропейские степи половцев стали чаще хорониться полные туши лошадей или их «чучела» с ногами, отчлененными по колено или выше [Атавин, 1984, с.134-139]. В ходе развития данной темы в последние десятилетия Е.В. Круглов выдвинул еще одну версию, которая продолжает разрабатываться и в настоящее время. Он предположил для раннесредневековых комплексов, что «растянутые конские шкуры» - это тюркская древнеболгарская обрядовая черта, а уложенные в ногах погребенных обращенный к костяку человека череп и кости конечностей можно отождествлять с протовенграми в составе Хазарского каганата [Круглов, 1990, с.46-50]. Об этом же писали Г.П. Казаков (1981,1989 и др.), считавший сложенные «шкуры» угорскими, и позднее другие исследователи [Аксенов, Тортика, 2001, с.202, 208, рис.5, 1, 4-7 и др.]. Подчеркнем еще раз, что в нашей выборке все конские остатки компактно сложены.

Приведенный неполный перечень работ, связанных с изучением и интерпретацией захоронений со «шкурами лошадей» в погребальных комплексах, позволяет искать истоки данного обряда в тюркско-угорской среде. В связи с тем, что он имеет подчеркнутую специфику даже в сравнении с полными конскими захоронениями, есть основания считать, что для его появления в Кисловодской котловине необходимы были тесные контакты носителей обряда с местным населением или непосредственное присутствие тюрко-угорских групп в Центральном Предкавказье. Такие разнообразные как конфликтные, так и мирные контакты по данным письменных источников имели место на протяжении всего раннего и начала развитого средневековья.

Хронология комплексов не позволяет их увязывать сегодня с прямым гуннским влиянием, в то время как захоронения полных туш коней V-VI вв. н.э. на Северном Кавказе известны и были даже рядом с изучаемыми комплексами могильного поля «Мачты». Это захоронение № 6 (1992) с конским скелетом в оригинальной свернутой в кольцо позе также встречающейся в раннем тюркском мире [Молодин, Новиков, Соловьев, 2003, с.74-75, рис.8-9].

Не может быть прямой связи наших материалов и с печенегами, появившимися в степях Причерноморья и Предкавказья в конце IX-X в. н.э. и, тем более с половцами. Рассматриваемая категория погребально-ритуальных комплексов близка по времени к периоду активности авар (вторая половина VI в.), других раннетюркских групп раннеболгарского круга и раннему этапу (вторая половина VII - середина VIII в. н.э.) существования Хазарского каганата. Кстати, следует иметь в виду, что в подкурганых захоронениях с подквадратными ровиками, соотносимых рядом исследователей (А.И. Семенов и др.) с собственно хазарским обрядом погребения, остатки «шкур» также присутствовали [Флерова, 2001, с.166, 168, рис.2, 3, 5; с.169, рис.3, 2-3]. Возможной представляется, уже предполагавшаяся мною, связь носителей обряда с перемещавшимися с востока на запад предками венгров – саварами или ранними мадьярами. Примечательно то обстоятельство, что несколько комплексов находились во входных ямах катакомб – погребальном сооружении, типичном для аланских племен Северного Кавказа. Интересно и то, что в ряде случаев при ограбленности или ритуальном смещении погребений в камерах конские шкуры оставались нетронутыми. Это может свидетельствовать об уже отмечаемой выше разновременности совершения погребений в камерах и устройства поминальных комплексов. Теоретически допустима даже различная этнокультурная принадлежность групп населения или представителей сообществ, совершавших различные обрядовые действия. Но любой из вариантов, очевидно, свидетельствует о достаточно тесных контактах алан и представителей тюркско-угорской этнической среды, приводивших к восприятию и выработке новых и синкретических обрядовых норм.

Интересны данные о физических и породных характеристиках лошадей, установленные А.К. Швыревой по материалам могильников «Мачты» и «Клин-Яр» № 3. Особенно обстоятельная проработка была осуществлена по клинярским лошадям [Belinskij, Harkte, 2018, s.184-202]. Не имея возможности останавливаться на данном вопросе подробно, укажу только на важное в культурологическом отношении обстоятельство. Большая часть определен-

ных костных остатков принадлежала лошадям пород или разновидностей, включавших восточные по отношению к Северному Кавказу и Кавказу в целом, и собственно центрально-азиатские породно-генетические признаки. По ним лошади характеризовались, в частности, как особи восточного типа, высокие по холке, полутонконогие с хорошими скаковыми качествами, близкие к арабским скакунам или находящиеся на стадии формирования арабской породы. И только некоторые были более приземистыми животными. Такие средневековые лошади были среди различных использовавшихся и разводимых пород у тюркоязычных племен Центральной Азии, о чем писали С.П. Нестеров [Нестеров, 1990, с.15-51] и другие авторы. Это обстоятельство может дополнительно свидетельствовать в пользу привнесения обряда захоронения конских «шкур».

Следует остановиться и на фактах использования огня в анализируемых ритуальных комплексах. С работ 1930-х гг. А. Алфельди обряд сожжения увязывается с признаками тюркской, в частности, гуннской кочевнической культуры (Alföldi, 1932). В последние десятилетия выделена целая группа богатых и обширных комплексов с ритуальным применением огня типа Вознесенки, Перещепино, Глодос, относимых к тюркской духовно-культурной традиции [Амброз, 1982, с.204-222 и др.] Значительно меньшими по масштабам, но сходным по некоторым деталям с названными комплексами являются так называемые поминальные сооружения или святилища в виде каменных оград с ритуальными очагами, заполненными наборами глиняной посуды и другими предметами инвентаря (поясные детали, конская сбруя, амулеты, бусы и некоторое другое), также выявленные в окрестностях Кисловодска. Один из подобных объектов в районе Замка коварства и любви неоднократно публиковался В.А. Кузнецовым [Кузнецов, 1985, с.206-213]. Другой частично разрушенный комплекс был исследован автором статьи в 1980 г. на поселении Острый мыс [Савенко, 1981, с.116]. Интересно, что в углах каменной кладки вокруг очага и под каменными столбиками на площади комплекса фиксировались черепа и кости конечностей (шкур - !?) мелких рогатых животных, вероятно, баранов. Нам известно 5 сооружений в Кисловодской котловине, и ее непосредственной округе (Замок, Горное Эхо, Директорская Горка, Острый Мыс, Эшкакон), которые можно отнести к данному типу. Прямоугольная каменная выкладка отмечена на поверхности без раскопок на территории Катыхинского катакомбного могильника. К числу указанных комплексов, или к их разновидностям, могли принадлежать и так называемые «землянки» с мощными жжеными слоями и инвентарными наборами внутри них на территории поселения Аланская крепость. В одной из таких «землянок» обнаружен поясной набор из геральдических прорезных серебряных деталей [Афанасьев, 1975, с.60, рис.5]. В Кисловодской котловине встречались и другие подобные объекты.

Вероятно, определенную связь с анализируемыми комплексами имеют ямки с обильным жженым слоем и пережженными и частично деформированными предметами конской сбруи, поясными накладками, наконечниками стрел, фрагментированными керамическими сосудами, разрушенные на Кугульском могильнике, а также ритуальные комплексы в скальных захоронениях (к примеру, Катыхинская балка. Могильник № 3).

Анализ всех указанных объектов, также, по всей вероятности, относящихся к концу VII – VIII в. н.э., – тема специального основательного исследования.

Литература и архивные материалы

- Абрамова М.П., 1982.** Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа // СА. – № 2. – С.135–155.
- Аксенов В.С., Тортика А.А., 2001.** Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII-X вв. Проблема поливариантности обряда и этно-исторической интерпретации // Степи Евразии в эпоху средневековья. – Т.2: Хазарское время /Гл. ред. А.В. Евглевский – Донецк: Изд-во ДонНУ. – С.191–218.
- Амброз А.К., 1973.** Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV-VIII вв. н.э.) // СА – № 4. – С.81–98.

Раннесредневековые захоронения с остатками «конских шкур»
из окрестностей Кисловодска: вопросы интерпретации

- Амброз А.К., 1975.** Рецензия на кн.: G. Faider-Feytmans. Les necropoles merovingiennes. Les collections d'archeologie regionale du Musee de Mariemont. 1970 // СА – № 2 – С.296–299.
- Амброз А.К., 1982.** О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. – М.: Наука – С.204–222.
- Амброз А.К., 1989.** Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. – М.: Наука– 134с., ил.
- Атавин А.Г., 1984.** Некоторые особенности захоронений тучел коней в кочевнических погребениях X-XIV вв. // СА – № 1 – С.134–143.
- Атавин А.Г., 2008а.** Погребения VII- начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Древности Юга России. Памяти А.Г. Атавина /Отв. ред. Г.Е. Афанасьев – М.: ИА РАН: ТАУС. – С.28–70.
- Атавин А.Г., 2008б.** Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны Юга России в конце IX – первой половине XIII в. (печенеги, торки, половцы) // Древности Юга России. Памяти А.Г. Атавина /Отв. ред. Г.Е. Афанасьев. – М.: ИА РАН: ТАУС. – С.71–105.
- Афанасьев Г.Е., 1975.** Поселения VI-IX вв. н.э. района Кисловодска // СА – № 3. – С.53-61.
- Афанасьев Г.Е., 1979.** Хронология могильника Мокрая Балка // Проблема хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья // КСИА – Вып.158 – М.: Наука. – С.43–51.
- Афанасьев Г.Е., 1980.** Пряжки катакомбного могильника «Мокрая Балка» у г. Кисловодска // Северный Кавказ в древности и средние века – М.: Наука – С.141–152.
- Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001.** Мокрая Балка. – Вып.1: Дневник раскопок. – М.: Научный мир. – 252с.: ил.
- Гаврилова А.А., 1965.** Могильник Куд ергэ как источник по истории алтайских племен. – М.-Л.: Наука. – 144с.: ил.
- Генинг В.Ф. 1972.** Южное Приуралье в III-VII вв. н.э. (проблема этноса и происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. – М.: Наука – С.221–295.
- Городцов В.А., 1905.** Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г.// Тр. XII Археологического съезда. – Т.1 /Под ред. гр. П.С. Уваровой – М. – С.110–130.
- Засецкая И.П., 1977.** О роли гуннов в формировании культуры южнорусских степей IV-V вв. н.э. // АСГЭ – Вып. 18. Л.: Аврора. – С.94–99.
- Засецкая И.П., 1986.** Гунны в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья – Саратов: Изд-во Саратовского ГУ – С.98–113.
- Ковалевская В.Б., 1981.** Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. // Археология СССР в 20-ти томах / Отв. ред. С.А. Плетнева – М.: Наука. – С.83–188.
- Ковалевская В.Б., Краснов Ю.А., Амброз А.К., 1973.** Рецензия на кн.: Erdely I., Oktozi E., Genning V. Daz Graberfeld von Nevolino // СА – № 2 – С.280–298.
- Круглов Е.В., 1990.** Памятники авиловского типа и проблема их этнокультурной атрибуции // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов – Пенза: Пензенский государственный объединенный краеведческий музей – ПО «Полиграфист» – С. 46–50.
- Крыганов А.В., 1988.** Восточноевропейских кочевнических стремена второй половины VII-X вв. н.э. // Вестник Харьковского университета – № 316: История. – Вып.22. – Харьков: Изд-во Харьковского университета. – С.108–114.
- Крыганов А.В., 1989.** Восточноевропейские кочевнические удила VII – X вв. // Вестник Харьковского университета. – № 343: История. – Вып.23. – Харьков: Изд-во при Харьковском университете. – С.95–101.
- Кузнецов В.А., 1985.** Поминальный комплекс VIII в. в окрестностях Кисловодска // СА – № 3 – С.206–213.

- Мажитов Н.А., 1981.** Курганы Южного Урала VIII-XII вв. – М.: Наука. – 164с.: ил.
- Мажитов Н.А., 1993.** Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII-XI вв.) // Хронология памятников Южного Урала – Уфа: Уф. НЦ РАН, ИИЯЛ – С.119–140.
- Матвеев Г.И., 1975.** Памятники кара-якуповского типа в Приуралье // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. – Вып.5. – Куйбышев – С.13–22.
- Мец Н.Д., 1948.** К вопросу о торках // КСИИМК – № 23 – С. 45–49.
- Минаева Т.М., 1960.** Поселение в устье р. Узун-Кол // СА – № 2. – С.193–207.
- Михайлов Н.Н. Архив** // Фонды Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость». – НВФ. № 3649. – Л.1.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И., 2003.** Погребальные комплексы древнетюркского времени могильника Кальджин – 8 // Археология, этнография и антропология Евразии. – № 2 (14). – С.71–86.
- Плетнева С.А., 1958.** Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. // МИА. – № 62 – Т. I. – М.: Изд-во АН СССР. – С. 151–226.
- Плетнева С.А., 1990.** Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела – Белой Вежи). – М.: Наука. – 102с.
- Плетнева С.А., 1999.** Очерки хазарской археологии / Науч. ред. и послесловие В.Я. Петрухина. – М.: «Мосты культуры» - Иерусалим: «Гешарим», 5759. – 248с. + 124 Рис.
- Рунич А.П., 1968.** Отчет об археологической разведке в окрестностях Кисловодска за 1968 год. // НОА ИА РАН. Р-И. № 3636.
- Рунич А.П., 1971.** Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1971 год. // НОА ИА РАН. Р-И. № 4633.
- Рунич А.П., 1973.** Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1973 год. // НОА ИА РАН. Р-И. № 5009.
- Рунич А.П., 1979.** Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА – № 4. – С.232–247.
- Рунич А.П. Фонд** // Фонды Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость». ОФ. № 4335.
- Савенко С.Н., 1981.** Работы на раннесредневековых памятниках // АО – 1980. М.:Наука. – С.116.
- Савенко С.Н., 1992.** Работы на могильнике у городища «Отстойник» и поселении «Десять пещер» в городской черте города Кисловодска в 1992 г. // НОА ИА РАН. Р-И. № 17111.
- Савенко С.Н., 1993.** Воинский комплекс конца VII в. н.э. с уральско-западносибирскими чертами из могильника «Мачты» близ Кисловодска // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. – Томск: ТГУ. – С.104–106.
- Савенко С.Н., 1994.** К проблеме участия угро-финнов в этнокультурных взаимоотношениях населения Предкавказья в эпоху раннего средневековья // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. – Кисловодск: СЦВШП, КФ СГОКМ, КНИФСЦ –С.38-41.
- Савенко С.Н., 2020.** Отчет об охранных раскопках на территории города Кисловодска и его окрестностей в 1993 году. Открытый лист № 637 (форма № 4) от 16 августа 1993 года. // НОА ИА РАН. Ф-1.Р-1.№ 66234. 257л. № 66235 – альбом иллюстраций. 202л., 285 ил.
- Смирнов К.Ф., 1962.** Археологические статьи в Трудах Саратовского музея краеведения // СА – № 4. – С.270–274.
- Спицын А.А., 1899.** Курганы киевских торков и берендеев // Записки Российского Археологического общества. –т.IX – Вып.1-2 – СПб – С.156–160.
- Степи Евразии., 1981.** Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР / А. К. Амброз, В. Б. Ковалевская, И. Л. Кызласов и др.; Редкол.: С.А. Пленева - гл. ред. тома и др. – М.: Наука 30 –т 2 с.: ил.

Раннесредневековые захоронения с остатками «конских шкур»
из окрестностей Кисловодска: вопросы интерпретации

- Флеров В.С., 1993.** О северокавказских котлах с внутренними ушками // Новое в средневековой археологии Евразии – Самара. – С.224–230.
- Флеров В.С., 2000.** Аланы Центрального Предкавказья V-VIII веков: обряды обезвреживания погребенных. – М.: ИА РАН, ПолиМедиа. – 164с.: ил.
- Флерова В.Е. 2001.** Подкурганые погребения восточноевропейских степей и пути сложения культуры Хазарии // Степи Евразии в эпоху средневековья. – Т.2: Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский – Донецк: Изд-во ДонНУ – С.163–190.
- Халикова Е.А., 1976.** Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА – № 3 – С.141–156.
- Халиков А.Х., 1990.** Протоболгары и протовенгры в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе – Казань – С.5–15.
- Alföldi Andreas, 1932.** Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Archaeologia Hungarica (Acta Archaeologica Musei Nationalis Hungarici edd. L. Marton und N. Fettich) – Band 9. – Budapest – 90 S., 20 Textabb., 36Taf.
- Belinskij Andrej B. and Harkte Heinrich. 2018.** Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus). Excavations 1994-1996 in the iron Age to early medieval cemetery. Archaeology in Eurasia – Band 36 – Habelt-Verlag- Bonn: Deutsches Archäologisches Institut Eurasien-Abteilung. – 416s. +7 plates.
- Fodor I., 1982.** In Search of a New Homeland: The Prehistory of the Hungarian People and the Conquest. By István Fodor. Translated by Helen Tarnoy. Budapest: Corvina Kiadó. [originally published Budapest: Gondolat, 1975, under the title Verecke Híres Útján ...]. xlii, 322 pp. + 48 pp. plates. Illustrations. Maps.

ЭЛИТАРНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
(X-первая половина XIII вв.)

© В.А. Иванов

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. В статье автор дает археологическую характеристику «элитных» погребений кочевников эпохи средневековья в степях Восточной Европы – огузов, печенегов, половцев/кипчаков. В качестве критерия используется номинация «комплекс богатства и власти», предложенная археологами, изучающими погребения древних тюрков Алтая и Монголии. Полученные статистические результаты показывают, что в погребениях перечисленных кочевых племен подобные комплексы присутствуют и среди них можно выделить как представителей воинской мужской, так и женской «элиты». У первой это элементы кочевнической «паноплии» в её различных количественных представительствах. У огузов и печенегов наиболее представительным признаком «элитарности» является сабля иногда в сочетании с украшениями конской узды. У половцев – один из элементов доспеха (шлем или кольчуга) и та же сабля. Пояса, украшенные металлическими накладками, ни по частоте встречаемости в погребениях, ни по качеству декоративного оформления в категорию основных признаков «элитарности» у рассматриваемых кочевников не входили.

Набор погребального инвентаря представительниц женской «элиты» не отличается особой выразительностью. В качестве основного признака «элитарности» половецких женщин выступает сложный головной убор, фактически известный только на каменных изваяниях.

Ключевые слова: огузы, печенеги, половцы/кипчаки, элита, доспех, сабля, каменные изваяния.

ELITE BURIALS OF THE MEDIEVAL NOMADERS OF EASTERN EUROPE
(X-first half of the XIII centuries)

© V.A. Ivanov

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla,
Ufa, Russian Federation

Abstract: In the article, the author gives an archaeological description of the «elite» burials of nomads of the Middle Ages in the steppes of Eastern Europe - the Oghuz, Pechenegs, Polovtsy/Kipchaks. As a criterion, the nomination «complex of wealth and power», proposed by archaeologists studying the burials of the ancient Turks of Altai and Mongolia, is used. The obtained statistical results show that such complexes are present in the burials of the listed nomadic tribes, and among them both representatives of the military male and female "elite" can be distinguished. In the first, these are elements of nomadic «panoply» in its various quantitative representations. Among the Oghuzes and Pechenegs, the most representative sign of «elitism» is a saber, sometimes in combination with horse bridle decorations. The Polovtsians have one of the elements of armor (a helmet or chain mail) and the same saber. Belts decorated with metal plates, neither in terms of frequency of occurrence in burials, nor in terms of the quality of decorative design, were included in the category of the main signs of «elitism» among the nomads in question. The set of grave goods of representatives of the female «elite» is not particularly expressive. The main sign of the «elitism» of Polovtsian women is a complex headdress, which is actually known only on stone sculptures.

Keywords: oghuz, Pechenegs, Cumans/Kipchaks, elite, armor, saber, stone statues.

В.А. Иванов
Элитарные захоронения средневековых кочевников Восточной Европы
(X-первая половина XIII вв.)

Имущественная и социальная стратификация средневековых кочевников Восточной Европы – печенегов, огузов, кипчаков/половцев – исторический факт, не подлежащий сомнению в отечественной историографии. Об этом писали практически все исследователи XIX-XX вв. В своих дискурсах они опирались главным образом на средневековые нарративы Константина Багрянородного и Ахмеда ибн Фадлана (X век), епископа Бруно (XI век), Анны Комниной (XII век), русские летописи. Интерпретируя приведенные указанными авторами сведения, исследователи внутри кочевых сообществ выделяют ханов и солтанов, князей-военачальников (беев или беков – родовых старейшин), свободных воинов («добрые мужи») и рабов (челядь, колодники) [Плетнева, 1958, с. 192-200; Федоров-Давыдов, 1966, с.218-222]. По мнению С.А. Плетневой и Г.А. Федорова-Давыдова, социальная дифференциация кочевников прослеживается по результатам анализа погребений: богатые и бедные погребения у половцев [Плетнева, 1958, с. 194], погребения с золотыми вещами у кочевников X-XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 220-221].

Г.А. Федоров-Давыдов оперировал данными 27 погребений, определенных им как богатые. В общей сложности они составляют 12% от общего количества кочевнических погребений, проанализированных автором в контексте интересующей нас темы. А от общего количества погребений, материал которых был в той или иной степени использован исследователем, они составляют всего 2,7%. Естественно, эта цифра не отражает реального состояния имущественного и социального расслоения в кочевнических сообществах Восточной Европы в эпоху средневековья. Не отражает она и состояния источниковой базы по археологии средневековых кочевников. Во-первых, за истекшие после выхода монографии Г.А. Федорова-Давыдова без малого 60 лет количество исследованных кочевнических погребений в Восточной Европе более чем удвоилось²⁷. Что существенно изменило наши представления о характере и количественном соотношении богатых и бедных погребений. Во-вторых, сейчас в археологии прочно утвердилась номинация «элитные погребения», изучение которых в контексте интересующей нас темы «имеет принципиальное значение при реконструкции социальной истории номадов древности и средневековья. Раскопки таких памятников, несмотря на частые случаи ограбления, позволяют получить наиболее яркие материалы. Определение структуры элиты и особенностей организации высших слоев общества способствует уточнению уровня развития и специфики устройства рассматриваемого социума в целом. Именно поэтому изучению и интерпретации «элитных» археологических комплексов традиционно уделяется повышенное внимание» [Серегин, 2015, с. 131].

Коллеги, изучающие археологию древних тюрок Саяно-Алтая и Монголии, на материале древнетюркских погребений предложили номенклатуру морфологических признаков «элитных» погребальных комплексов, включающую в себя размеры и конструкцию могил и надмогильных сооружений, количество коней, сопровождавших погребенного, количество и качество погребального инвентаря. Эмпирическим путем ими было установлено, что первые два признака оказываются не работающими. Поэтому за основу «элитарности» древнетюркских погребений ими были взяты количество и качество погребального инвентаря [Серегин, 2015, с. 133-134].

Автор этих строк также в свое время попытался сопоставить социальную структуру кочевников Золотой Орды, реконструируемую по средневековым нарративам, с количеством и качеством т.н. всаднических погребений XIII-XIV вв. Поволжья и Южного Предуралья (Иванов, 2009). Однако полученные им выводы о корреляции этих признаков с социальной стратификацией золотоордынских кочевников были скептически восприняты исследователями синхронных памятников из других регионов Степи – Дон, Степное Предкавказье. И

²⁷ В компьютерной базе, собираемой автором этих строк в течение многих лет, сейчас содержатся данные по 2237 погребениям X-XIV вв. Из них 23,2% составляют погребения огузов и печенегов (X-XI вв.), 19,6% - кипчаков/половцев домонгольского периода (XII – первой половины XIII вв.), 42,4% - кочевников золотоордынского времени (XIII-XIV вв.) – кипчаков и собственно монголов

оценены только как отражение особенностей погребальных памятников кочевников Волго-Уральского региона (Чхаидзе, Дружинина, 2013). Поэтому, очевидно, с моей стороны в данном случае будет целесообразным последовать опыту алтайских коллег и принять за основной признак «элитных» погребений количество и качество сопровождающего инвентаря. Тем более, что, как показывает опыт работы с кочевническими погребальными памятниками Восточной Европы, такой признак, как размеры и конструкция могил и надмогильных сооружений у печенегов, огузов, кипчаков/половцев и золотоордынских кочевников не несет никакой дифференцирующей информации, а т.н. всаднические захоронения очевидно должны использоваться как дополнительный признак.

Цель настоящей работы – показать полноту и частоту распространения «элитарной» морфологии в имеющихся выборках погребальных комплексов средневековых кочевников Восточноевропейских (они же – Южнорусские) степей X-первой половины XIII вв. – огузов, печенегов, половцев/кипчаков, проследить её динамику во времени и пространстве кочевнического этнокультурного мира.

Общепризнано, что показателем имущественного и социального статуса погребенного у кочевников²⁸ является: для мужчин – количество и качество предметов вооружения²⁹, наборные пояса, котлы-казаны (или вообще металлическая посуда), убрание конской узды; для женщин – украшения головы и рук из драгоценных металлов, ожерелья, одеяния из импортных тканей, головные уборы сложной конструкции (бокка), дополнительные аксессуары костюма (зеркало, сумка), украшения обуви.

Погребения с оружием (воинские) составляют 45,6% от всех погребений огузо-печенежского времени (237 из 519³⁰). Среди них погребений с максимально полной «паноплией» (кольчуга, сабля, железные наконечники стрел и/или костяные накладки лука) всего три: Казанский, кург. 3 в Крыму, Челкар III, кург. 12 и Кара-Оба, кург. 1 в Западном Казахстане. Ясно, что в этих погребениях захоронены представители воинской элиты. Причем, конское захоронение – череп, кости ног и удила – найдено только в погребении Кара-Оба а в погребении Челкар III, кроме оружия, были найдены удила, одно стремя и бляха-решма от конской узды.

Погребений с кольчугами или их фрагментами³¹ известно три: Барановка, к. 23, Благовка, к. 5, Ханская могила. Из них только в Благовке найдены также стрелы и лук.

Далее, исходя из качественных показателей предметов вооружения, следуют захоронения с саблями (12,5% от всех погребений рассматриваемого периода). Из них 5,8% содержали также стрелы и лук (Быковский I и II, Вербки V, Верхне-Погромное, Верхний Балыклей II, Гашунский, Джанкой II, Зеленки, Карасу I, Колобовка, Лола-2, Саркел, Пришиб, Рахинка, Челкар III, и др.), а 7,1% - захоронения конской шкуры (череп и кости ног) или только принадлежностей конской сбруи. Следует отметить, что среди погребений воинов-сабельников выделяются погребения, содержащие также полный набор уздечных украшений (решма+уздечные накладки) (Ново-Каменка, к.5, Ченин, к.8), только решму (Верхне-Погромное, к.3, Волжский, к.2, Новоникольский, к.7) или только уздечные накладки (Зеленки, к. 312, Кураевский, к.6, Новоузенск, к.2).

В этой же группе погребений присутствуют и погребения с наборными поясами (Быковский II, к. 3, Верхне-Погромное, к. 1 и 3, Верхний Балыклей II, к. 6 и 7, Волжский, к. 2, Новоузенск, к. 2, Рясные могилы, к. 1, Челкар, Ченин, к. 8, Черноярский, к. 2 и Сор-Айдин/Новая Казанка).

Из других воинских захоронений отметим погребения копейщиков, составляющих 3,8% среди 45,6% огузо-печенежских погребений с оружием и четыре погребения с боевыми

²⁸ Конечно, не только у кочевников, но в данном случае мы говорим только о них.

²⁹ Полнота т.н. «паноплии».

³⁰ Данный объем выборки означает нижний порог значимости признака = 0,7% при степени вероятности = 0,95 (Генинг и др., 1990, с. 64).

³¹ Которые с известной степенью условности тоже можно считать «элитными». Заметим, что шлемы в огузских и печенежских погребениях не найдены вообще.

Элитарные захоронения средневековых кочевников Восточной Европы
(X-первая половина XIII вв.)

топорами (Вербки V, к. 1, Заяры, к. 1, у Разсыпного леса, к. 7 и Широкое, к. 6). Погребение Вербки V – это погребение сабельника, сопровождаемое конским захоронением. Всадническим является и погребение в могильнике Широкое, где найдены ещё удила и бляха-решма, но не найдено никакого другого оружия. У Разсыпного леса найдены ещё наконечники стрел и удила в зубах конского черепа.

«Элитные» женские погребения огузо-печенежского периода выделяются устойчивым сочетанием таких украшений как серьга, браслет, перстень и ожерелье из бус [Иванов, Крыласова, 2006, с. 18]. В реальности подобные сочетания украшений в погребениях встречаются редко – около 1% всех погребений огузо-печенежского времени (Быковский I, к. 10, Восточный Маныч III, к. 10, Саркел, к. 37, Старица, к. 7, Кой-Су, к. 17).

В общем же указанные виды украшений у рассматриваемых кочевников встречаются, в отличие от оружия, нечасто: перстни – 4,5% всех погребений, браслеты – 3,0%, серьги – 9,9%³², ожерелья – 8,1%.

Сюда же следует отнести и украшения обуви, представляющие собой фигурные бляшки из бронзы или серебра, нашитые на мысок сапога (1,3% погребений рассматриваемого периода). Из них 0,8% погребений содержали также браслеты или перстни.

Кроме того, в двух погребениях – Увак и Киляковка, к. 4 – вместе с обувными украшениями были найдены фрагменты шелковых тканей от одежды, по своему качеству (украшенные растительными узорами и расшитые золотыми нитями) доступной далеко не каждому кочевнику [Федорова-Давыдова, 1969, с. 262; Мыськов, 1993, с. 76].

Среди заведомо женских погребений с украшениями выделяется небольшая группа «всадниц», т.е. сопровождаемых захоронением конской шкуры – 1,5% всех погребений рассматриваемого периода (Большемихайловка IV, к.2; Желтый Яр, к. 1; Кривая Лука-5, к. 4; Лакедемоновский, к. 11; Лапас, Молчанка-I, к. 2; Саркел, к. 37; Широкое III, к. 1).

Металлическая посуда в погребениях огузо-печенежского времени встречается крайне редко – 1,1% всех погребений. Самым примечательным в этом плане погребением является погребение из могильника Уркач I (к. 15), где были найдены две чашки из золота и электра [Бисембаев, 2003, с. 89].

Таким образом, у огузов и печенегов X-XI вв. выделяется группа погребений, которые, по принятой нами морфологии, могут интерпретироваться как «элитные». «Комплекс власти и богатства»³³ представлен у них доспехом (кольчуга), саблей, возможно, копьем, наборным поясом и сбруей, украшенной металлическими накладками и бляхой-решмой – в мужских погребениях; серьгами, браслетом, перстнем, ожерельем и украшениями обуви – в женских. (рис.2). В последних также встречаются бронзовые птицевидные подвески и подвески-«копоушки» (в общей сложности 7,1 % всех погребений). Вместе с обувными украшениями они являются этнографическим признаком убранства именно огузского женского костюма [Иванов, Крыласова, 2006, с. 104]. Судя по материалам погребений Увак; Киляковка, к. 4; Заяры, к. 1) они входили в комплекс поясных украшений представительниц огузской кочевой знати. И, вне всякого сомнения, подобные пояса выполняли охранительную функцию.

Элементы «паноплии» **половцев/кипчаков** домонгольского периода в комплексах имеющейся выборки (438 погребений)³⁴ представлены следующими количественными

³² Но они встречаются и в мужских воинских погребениях.

³³ По Н.Н. Серегину.

³⁴ Что означает нижний порог значимости признака = 0,9%.

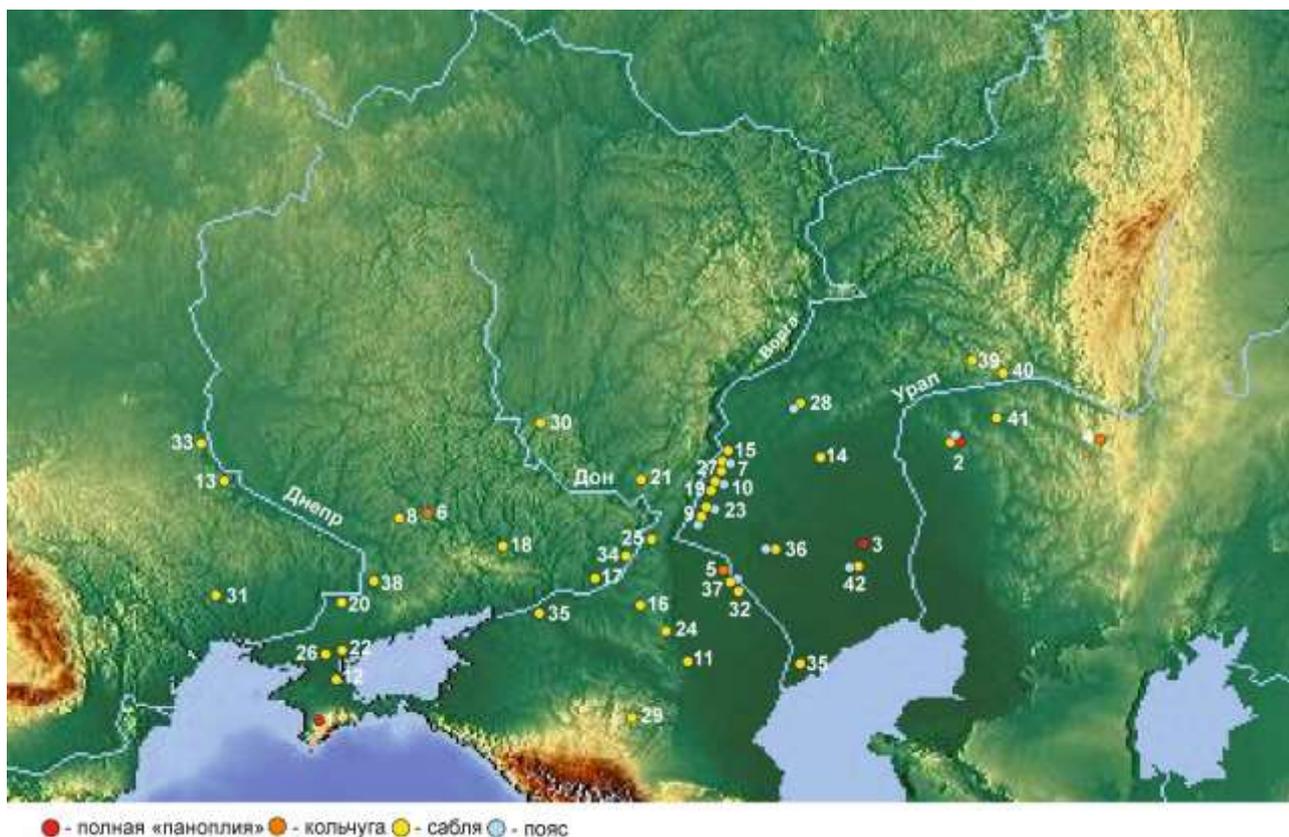

Рис.1. Карта «элитных» погребений огузов и печенегов (X-XI вв.).

- 1 – Казанская; 2 – Челкар III; 3 – Кара-Оба; 4 – Ханская могила; 5 – Барановка;
 6 – Благовка; 7 – Быковский; 8 – Вербки; 9 – Верхне-Погромное; 10 – Балыклей;
 11 – Гашунский; 12 – Джанкой II; 13 – Зеленки; 14 – Кара-Су I; 15 – Колобовка;
 16 – Лола II; 17 – Саркел; 18 – Пришиб; 19 – Рахинка; 20 – Благовещенка;
 21 – Верхняя Маевка; 22 – Водославка; 23 – Волжский; 24 – Иджил;
 25 – Колпачки; 26 – Ново-Каменка; 27 – Новоникольский; 28 – Новоузенск;
 29 – Новоселицкое; 30 – Светлогорский; 31 – Соколовский; 32 – Старица;
 33 – Степанцы; 34 – Тормосин; 35 – Центральный; 36 – Ченин; 37 – Черноярский;
 38 – Широкое; 39 – Яман; 40 – Красный Яр; 41 – Покровское;
 42 – Сор-Айдин (Новая Казанка).

показателями. В целом частота встречаемости погребений с оружием в половецкой выборке заметно превышает таковую у огузов и печенегов – 63,2% от всей выборки. Из них 3,4% содержат полный доспех, т.е. шлем и кольчугу. Относительно полная «паноплия» (шлем+кольчуга+сабля+лук со стрелами) представлена в 2,5% половецких погребений (Ажинов, к. 1; Балабинский, к. 12; Берестняги, к. 53; Курчанская станица I, к. 1; Самойловка, к. 2; Малаи, к. 3; Дмитриевская, к. 1 и 4; Кривуша-84, к. 1; Пролетарский, к. 8; Хавалы IV, к.2)³⁵.

Следующую группу составляют три погребения только со шлемами – Верхне-Янченков, к. 11; Ладожская, к. 22 и Слиненко (отдельное разрушенное погребение). К сожалению, мне неизвестно, имели ли место публикации материалов раскопок Каховского отряда Института археологии АН УССР в 1986 г. в Херсонской области под руководством А.И. Кубышева. Судя по опубликованным исследователем кратким сообщениям, тогда в окрестностях сел Каирка и Слиненко были раскопаны многочисленные курганы, в большинстве которых «встречались погребения средневековых кочевников XII-XIII вв. Среди инвентаря — железные сабли, наконечники стрел, изделия и украшения из дерева и

³⁵ Сразу отмечу, что из них только три погребения – Малаи, к.3; Кривуша-84, к. 1; Пролетарский, к. 8 – не содержат признаков всадничества.

В.А. Иванов
Элитарные захоронения средневековых кочевников Восточной Европы
(X-первая половина XIII вв.)

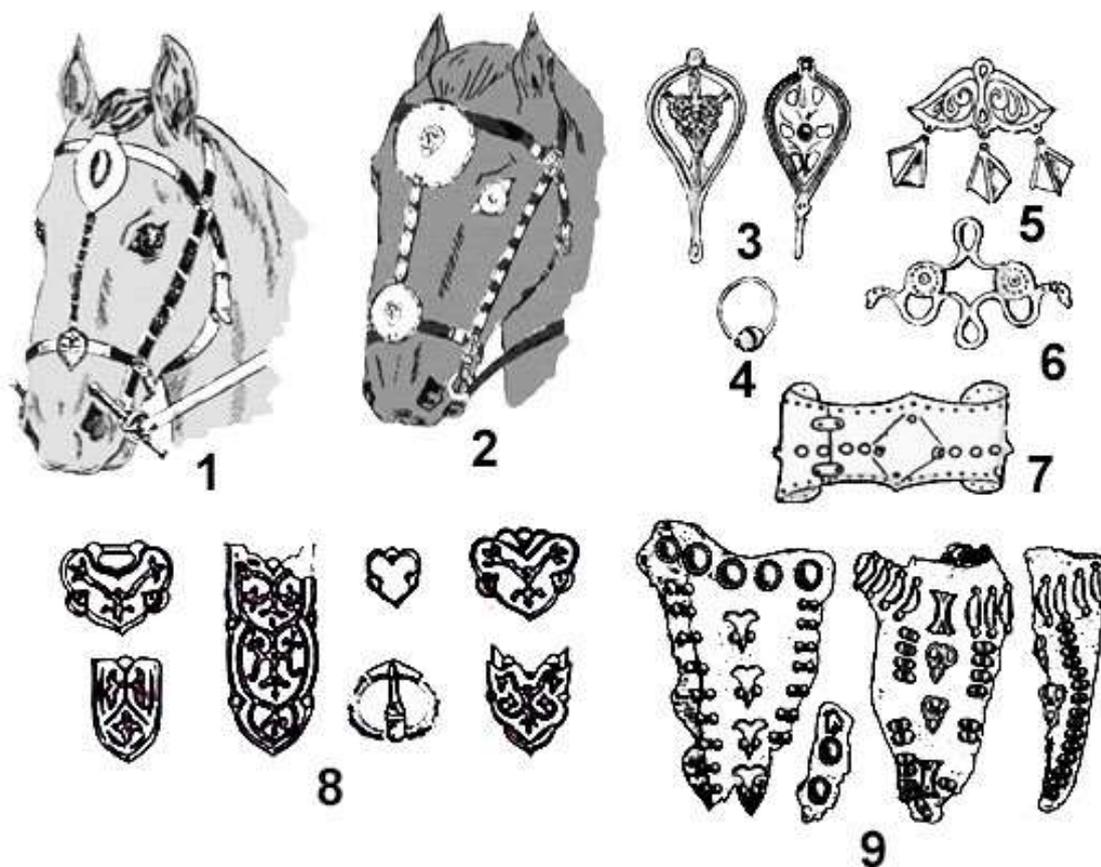

Рис.2. «Комплекс богатства и власти» огузов и печенегов.

1, 2 – украшения огузской узды (Е.П.Мыськов); 3 – подвески-«копоушки»; 4 – серьга;
5, 6 – птицевидные подвески; 7 – браслет; 8 – детали поясного набора;
9 – обувные украшения.

кости, костяные накладки лука. В кургане у с. Слиненко в разрушенном погребении найден железный древнерусский шлем с кольчужной бармицей. Все средневековые погребения сопровождались скелетами лошадей (или череп и кости ног) с удилами и стремянами» [Кубышев, 1988, с. 301]³⁶. Исходя из этого, можно предположить, что и погребение у с. Слиненко могло содержать и другое оружие, и быть всадническим.

Погребения, из доспехов содержащие только кольчугу, составляют почти 3% от всех половецких захоронений (Николаевка, к. 4; Овальный, Пелипенковская I, к. 1; Рясные могилы (Байки), к. 5; Совхоз Красный, к. 6; Терновка, к. 2; Траповка, к.1; Никифорово; Щуркинское поле, к. 1; Юрьев Польской; Шумаевский II, к. 7; Тузлуки, к. 9; Южный-84, к. 2).

Все они, кроме кольчуги, содержат саблю и лук со стрелами и почти половина из них (1,3% из 3% - всаднические).

Следующее по значимости и ценности оружие – сабля (без доспехов) – найдена в 23,7% половецких погребений. Из них 13,2% содержат ещё и лук со стрелами. Большинство погребений сабельников – всаднические (почти 16%). Причем из этих процентов 2,7% погребенных сопровождались целой конской тушей (Вербки II, к. 4; Гадоска, к. 222; Кагарлыцкая слобода, к. 336; Краснополка, к. 271; Мартыновка, к. 3; Плоское, к. 49;

³⁶ Насколько мне известно из интернета, сам автор скончался в 2001 году.

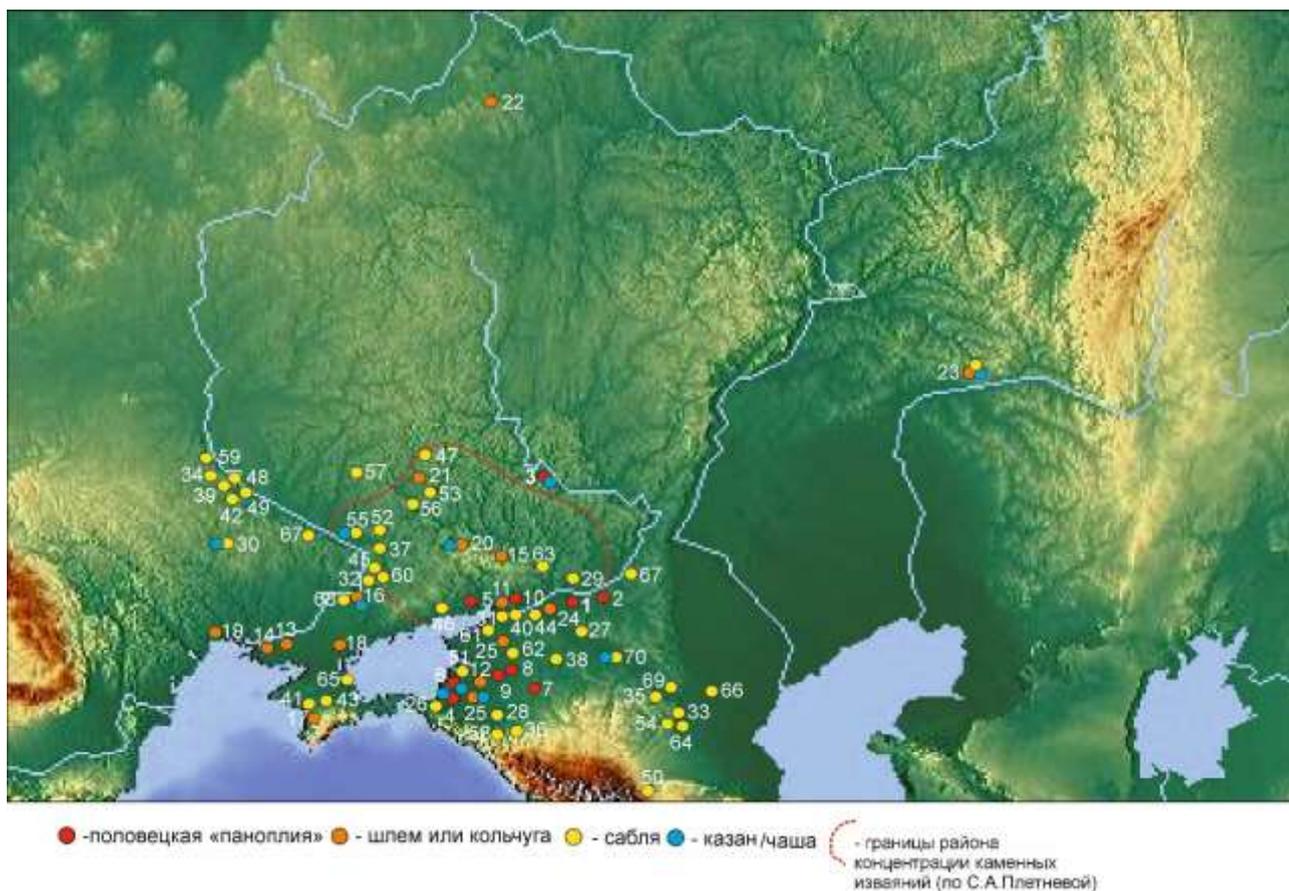

Рис.3. Карта «элитных погребений» половцев/кипчаков (XII-первая половина XIII вв.).

- 1 – Ажинов; 2 – Балабинский; 3 – Берестняги; 4 – Курчанская; 5 – Самойловка;
 6 – Малаи; 7 – Дмитриевская; 8 – Кривуша; 9 – Пролетарский; 10 – Хавалы IV;
 11 – Верхн. Янченков; 12 – Ладожская; 13 – Слиненко; 14 – Николаевка;
 15 – Пелипенковская; 16 – Рясные могилы; 17 – совхоз Красный;
 18 – Терновка; 19 – Траповка; 20 – Никифорово; 21 – Щуркино поле;
 22 – Юрьев-Польской; 23 – Шумаевский; 24 – Тузлуки; 25 – Южный 84;
 26 – Абинская; 27 – Архаринский; 28 – Ахметовская; 29 – Богоявленский;
 30 – Брацлов; 31 – Бубнов Ерик; 32 – Вербки II; 33 – Восточный Маныч;
 34 – Гадомка; 35 – Гашунский; 36 – Губская; 37 – Дмухайловка; 38 – Долина Восточного Маныча;
 39 – Зеленки; 40 – Елизаветка; 41 – Земля Плешковой;
 42 – Кагарлыцкая слобода; 43 – Казанская; 44 – Каирка; 45 – Каменка;
 46 – Каменский; 47 – Ковалевка; 48 – Краснополка; 49 – Кагарлык;
 50 – Кужорская; 51 – Лебеди; 52 – Марьевка II; 53 – Николаевский;
 54 – Новоселицкое; 55 – Пески; 56 – Студеное; 57 – Пролетарское;
 58 – Псебайская; 59 – Россава; 60 – Рясные могилы; 61 – Сонино;
 62 – хут. Веселый; 63 – Усть-Белокалитвенск; 64 – Цаган-Усн; 65 – Целинный;
 66 – Чограй VIII; 67 – Харинка; 68 – Ясиноватая; 69 – Волга-Чограй; 70 – Лола II.

Степанцы, к. 103; Усть-Белокалитвенск; Черевков, к. 1; Яблоновка, к. 2; Лебедевка VIII, к. 6; Смелое, к. 1).

Украшения конской узды в половецких погребениях встречаются редко – 6,1%. В комплекте с доспехами они найдены только в Юрьеве-Польском и Берестнягах. Зато в комплекте с саблями встречаются чаще – 2,5% из 6,1% погребений с уздечными накладками.

Целые поясные наборы в половецких погребениях вообще большая редкость. Найдены они в шести погребениях, из которых два – Ажинов II, к. 1 и Великая Могила – женские.

В.А. Иванов
Элитарные захоронения средневековых кочевников Восточной Европы
(X-первая половина XIII вв.)

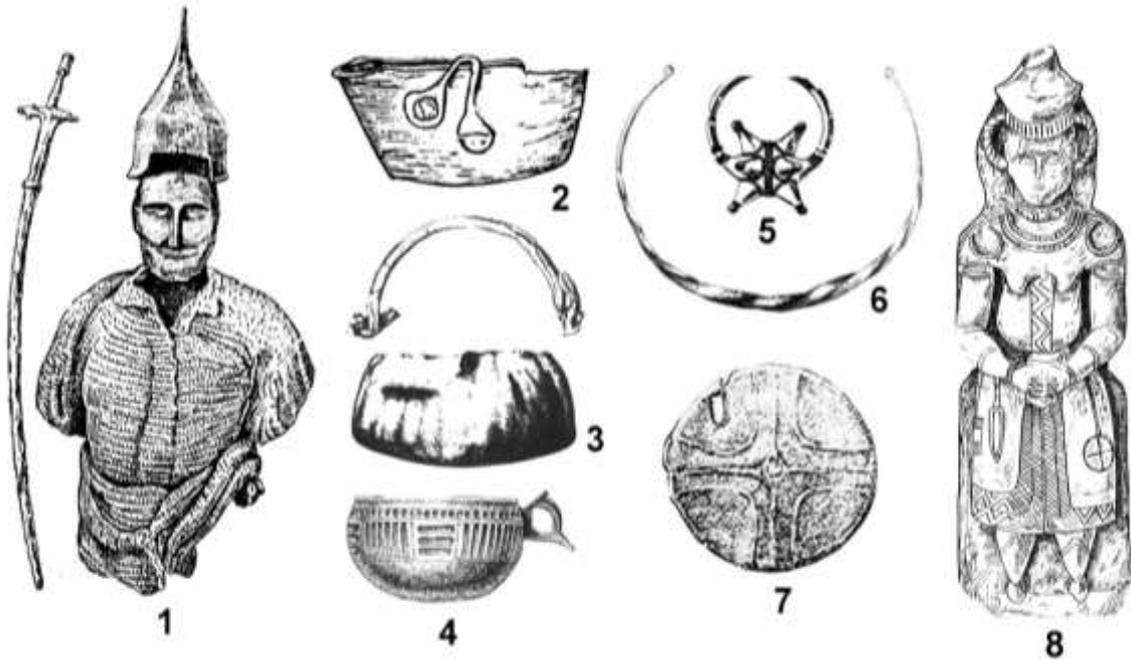

Рис.4. «Комплекс богатства и власти» половцев.

1 – широко известный комплекс из мог. «Берестняги» (кург. 53) помещен здесь как пример наиболее полной половецкой «паноплии»; 2, 3 – казаны; 4 – бронзовая чаша; 5 – серьга; 6 – гривна; 7 – зеркало; 8 – каменное изваяние (Днепропетровский музей, Плетнева, 1974, табл. 11).

Знаком мужского воинского статуса (на мой взгляд – безусловным) была гривна. Найдена она в 5% половецких погребений. Из них 3,4% - воинские погребения, в которых гривна встречена вместе с доспехом: Ажинов I, к.1; Макеевка; Маяк II, к. 3; Никифорово; Дмитриевская, к. 1; Южный-84, к. 2 или саблей: Каменский; Николаевский, к. 4; Пески, к. 2; Сухая Калина, к. 1; Редкодуб I, к. 3; Канал Волга-Чограй 42, к. 1; Смелое, к. 1; Николаевка I, к. 4.

Половецкие пояса рассматриваемого периода немногочисленны (в виде отдельных пряжек, накладок и целых поясов они в общей сложности найдены в 18,3% половецких погребений). Из них только пряжки представлены в 13,9% погребений, а отдельные накладки и целые поясные наборы – в 2,5% и 1,3% соответственно. Половецкие наборные пояса внешне невыразительны, что наглядно отразилось и в оформлении половецких каменных изваяний XI- начала XIII вв. [Плетнева, 1974, с. 36]. А пояса, найденные в археологических комплексах, как правило, украшены мелкими, слабо воспринимаемыми визуально бронзовыми накладками (Лебедевка VI, к. 11).

Хотя по материалам половецких каменных изваяний гривны являются одним из основных аксессуаров женского убранства. С.А. Плетнева отмечала, что они изображены на подавляющем большинстве женских статуй и только на нескольких мужских [Плетнева, 1974, с. 45]. Каменные статуи, олицетворявшие собой культ предков, устанавливались в память конкретных людей. По крайней мере, на это указывают индивидуальные черты в изображении лиц на статуях. Позволить себе такое увековечивание памяти предка могли только представители высших слоев половецкого общества. И в этом смысле изображение на статуе гривны (а то и нескольких) имеет вполне определенный социальный смысл.

Металлические сосуды – котлы-казаны – найдены в 8,9% половецких погребений. Их типологический и семантический анализ в свое время был проведен М.Л. Швецовым. Исследователь выделил три типа котлов и обосновал их датировку половецким временем (XII-XIII

вв.). Автор отмечал, что в погребениях с казанами присутствуют предметы вооружения (Швецов, 1980).

Здесь нужно отметить один нюанс: источниковая база по погребениям с казанами у М.Л. Швецова и автора этих строк различаются, а количество погребений с казанами совпадают – М.Л. Швецов оперировал данными из 37 комплексов, в моей базе содержатся данные по 39 погребениям с металлическими сосудами. «Общими» у нас с ним оказались только семь памятников – могильники Лола II, Ровенский, Иловля, Нижняя Козинка, Никифоровка, Красный Подол, Ново-Ивановка.

Произошло это потому, что мой коллега получал данные в основном из архивных и фондовых источников³⁷ Института археологии АН УССР и областных музеев УССР [Швецов, 1980, с.201-202], а я – из публикаций.

По данным, имеющимся в моей базе, почти в половине погребений с металлическими сосудами (4,1%) присутствовало оружие: Азов I, к. 6; Берестняги, к. 53; Брацлов; Группа 13-й км, к. 3; Лола II, к. 8 и др. Примерно то же самое М.Л. Швецов наблюдал по своим данным. В итоге он пришел к выводу, с которым я не могу не согласиться, о том, что «мы можем, по видимому, считать установку казанов в погребение социальным элементом погребального обряда «поздних кочевников» XII - начала XIII в. Захоронения с казанами принадлежали, вероятно, представителям родовой и племенной аристократии кочевого общества, а казаны, как и боевые наборные пояса, являлись атрибутами, подчеркивающими высокое социальное положение умерших» [Швецов, 1980, с.200].

Погребения половчанок в контексте археологических признаков их «элитности» весьма редки. З.В. Доде применительно к женскому костюму половецкого времени у кочевников Северного Кавказа отмечает, что характерным признаком костюма женщины-матери были сложные головные уборы, представлявшие собой шляпы с высокой тульей и изогнутыми полями, с которой спускалась лопасть, закрывавшая косы, войлочные валики-«рога», украшенные серебряными кольцами, в которые продевались косы, круглые шапочки с цепочками, спускающимися по щекам к ушам³⁸ [Доде, 2001, с. 54]. Комплексы с подобными находками составляют 3,6% половецких погребений. Среди них известны погребения, в которых в комплексе с головным убором присутствуют медный котел (Полковое, к. 3; Нижняя Козинка; Ново-Ивановка, к. 1), зеркало (Водяное, к. 5; Зеленки, к. 299; Ново-Ивановка, к. 1; Филатовка, к. 9; Радуга, к. 14), гривна (Новотитаровская, к. 6; Нижняя Козинка; Ново-Ивановка, к. 1).

И ещё одна примечательная деталь: из всех женских погребений с головными уборами 1,3% - всаднические (Аккермень, к. 5; Водяное, к. 5; Зеленки, к. 317; Ново-Ивановка, к. 1; Терновка, к. 16; Шахаево, к. 3).

Половецкая погребально-поминальная «элитность» в первую очередь выражается в установке каменных статуй, которых, по данным С.А. Плетневой, известно 1021 [Плетнева, 1974, с. 15]. Основной район их концентрации – Северное Приазовье и Среднее Прикубанье. За пределами этих регионов найдено менее 5% половецких статуй [Плетнева, 1985, с.252]. Что касается «элитных» погребений, содержащих «комплексы власти и богатства», то среди них, конечно, наиболее выразительными являются погребения мужчин-воинов. По составу и качеству сопровождающего инвентаря их можно разделить на три ранга. Первый – комплексы с полным набором доспехов; второй – с отдельным элементом доспеха (шлем или кольчуга), третий – комплексы с саблями. Среди них, как было сказано выше, присутствуют погребения, содержащие казан и/или гривну – тоже маркеры социального ранга (рис.4). Если не обязательным, то, во всяком случае, часто встречающимся признаком обряда погребений перечисленных рангов являются показатели их «всаднической» принадлежности в виде захоронений конской шкуры, целой конской туши или конской сбруи. Изложенные выше данные позволяют нам сделать следующие **выводы**:

³⁷ Которые так и остались архивными и фондовыми.

³⁸ Все эти данные автор приводит со ссылкой на С.А. Плетневу, которая выделила их на материале каменных изваяний.

Элитарные захоронения средневековых кочевников Восточной Европы
(X-первая половина XIII вв.)

У кочевников рассматриваемого периода – огузов, печенегов и оловцев/кипчаков – присутствовал «комплекс богатства и власти»³⁹. У мужчин это дорогостоящее оружие, явно городского ремесленного производства, помещаемое в могилы его владельца в соответствии с имущественным и социальным статусом: либо в виде комплекта-«паноплии», либо в виде его отдельных элементов; у женщин – комплект головных, шейных, ручных украшений. Отличительной особенностью «комплекса богатства и власти» огузских женщин являлись обувные украшения, как правило, в сочетании с браслетом и перстнем. Этот факт представляется весьма примечательным, поскольку руки, украшенные перстнями или браслетами, и ноги, обутое в расшитые металлическими бляшками сапоги, являются столь же бросающейся в глаза деталью, что пояс и головной убор.

Пояс, конечно, играл определенную роль в обозначении социального статуса субъекта. Но, судя по частоте его встречаемости в погребальных комплексах и скромности декора, в отличие от тюрок, аланов или угров-мадьяр, у огузов, печенегов и половцев-кипчаков эта его роль была не первостепенной. Более значимыми, по-видимому, являлись подвешенные к поясу аксессуары: у огузских женщин – птицевидные подвески и подвески-«копоушки», у половчанок – металлические зеркала. Последние хотя и найдены всего лишь в 4,3% половецких погребений, но зато едва ли не в обязательном порядке изображены в подвешенном к поясу виде на женских половецких статуях.

Маркёром социального положения половчанки являлся сложный головной убор, известный в его различных типах по половецким статуям и представленный в виде отдельных деталей в отдельных погребальных комплексах.

«Элитные» погребения кочевников рассматриваемого периода какой-либо своей особенностью географии не обнаруживают: у огузов и печенегов комплексы с признаками «элитности» встречены в основном в Волго-Уральских степях, т.е. там, где известны 27,1% кочевнических погребений X-XI вв. (рис.1). Главным образом, это погребения огузов с поясами, браслетами и обувными украшениями⁴⁰. У половцев картина как раз обратная: в Волго-Уральских степях выявлены 9,6% всех известных половецких погребений XII – первой половины XIII вв. [Иванов и др., 2014, с.380, рис.10] и среди них только два (женское и мужское) имеют признаки «элитности»⁴¹ (Шумаевский II могильник, кург. 6 и 7) [Моргунова и др., 2003, с. 91-93, 107-117] (рис. 3).

Половецкие «элитные» захоронения не обнаруживают какой-то устойчивости в своем географическом соотношении с каменными статуями. Некоторые из них, конечно, встречаются в условных границах районов концентрации статуй, обозначенных С.А. Плетневой [Плетнева, 1974, с.16, рис.3; 1985, с.252], однако в большинстве своем оказываются за их пределами (рис.3).

Конечно, очевидно, что половецкий «комплекс богатства и власти» в его полном виде представлен на каменных изваяниях. Более того, как считала С.А. Плетнева, даже в позах статуй, как мужских, так и женских, отражалось социальное положение субъекта: стоящие мужские статуи изображают представителей половецкой военной аристократии, а стоящие женские – их жен; тогда как сидящие – это изображения глав богатых семейств и их жен. Первые умножали богатство путем военных захватов и грабежа, вторые оберегали и реализовывали его в мирной жизни [Плетнева, 1974, с. 75-76]. И следует отметить, что женщины в этой структуре также имели свое место: женские погребения с казанами наглядное тому свидетельство. Но известно, что непосредственно с погребениями изваяния не связаны. Поэтому пока невозможно судить о том, насколько полно этот комплекс отражался в ассортименте погребального инвентаря половцев и половчанок, запечатленных на каменных изваяниях. Не

³⁹ Возможно, правильнее было бы говорить – знатности.

⁴⁰ То есть, относящиеся ко времени до начала вытеснения огузов и печенегов половцами/кыпчаками из Заволжья.

⁴¹ Бронзовая и серебряная чаши, кольчуга, сабля-палаш.

исключено и то обстоятельство, что к некоторым, наиболее выразительным и дорогостоящим элементам этого комплекса, было отношение сугубо прагматичное: те же самые доспехи передавались по наследству, а в могилы, если и помещались, то в каких-то исключительных случаях.

Считаю необходимым отметить и тот факт, что значительная часть погребений, содержащих элементы «комплекса богатства и власти» являлись «всадническими». Так что конь (точнее – его захоронение вместе с человеком) также может считаться одним из элементов этого комплекса.

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01153, <https://rscf.ru/project/22-28-01153/>

Литература

- Бисембаев А.А., 2003.** Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII-XVIII вв.). – Уральск – 232 с.
- Генинг и др., 1990.** Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии: анализ погребальных памятников. Киев: «Наукова думка»– 300 с.
- Доде З.В., 2001.** Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН — 136 с.
- Иванов В.А., 2009.** Социальный мир Золотой Орды и его отражение в археологических материалах // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII-XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. – Казань: Изд. «Фэн» АН РТ – С. 15 –23.
- Иванов В.А., Крыласова Н.Б., 2006.** Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). – Пермь – 162 с.
- Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Филиппук Я.В., 2014.** Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа: Изд-во БГПУ – 396 с.
- Кубышев А.И., 1988** Исследования Херсонской экспедиции // АО 1986 года. – М.: Наука – С. 299–301.
- Моргунова и др. 2003.** Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. – Оренбург: Изд-во ОГПУ – 392 с.
- Мыськов Е.П., 1993.** Погребения кочевников IX-XI вв. на Ахтубе // Древности Волго-Донских степей. – Вып. 3. – Волгоград: ВГПИ – С. 69–83.
- Плетнева С.А., 1958.** Печенеги, торки и половцы в Южнорусских степях // МИА –№ 62 – С. 151-226.
- Плетнева С.А., 1974.** Половецкие каменные изваяния. // САИ – Вып. Е4-2. – М.: Изд-во «Наука» – 199 с.
- Плетнева С.А., 1985.** Донские половцы // «Слово о полку Игореве» и его время. – М.: Наука – С. 249–281.
- Серегин Н.Н., 2015.** «Элитные» погребальные комплексы раннесредневековых тюрков Центральной Азии // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии: колл. монография /Отв. ред. П.К. Дашковский – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та – С. 131-143.
- Федорова-Давыдова Э.А., 1969.** Погребение знатной кочевницы в Оренбургской области // Древности Восточной Европы. М. – С. 262-266.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. – М.: Изд-во Московского университета – 270 с.
- Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2013.** Отражение социальной стратификации в погребальной обрядности кочевников Степного Предкавказья золотоордынского времени: продолжение дискуссии // Поволжская археология. № 2 (4) – С. 171-178.
- Швецов М.Л. 1980.** Котлы из погребений средневековых кочевников // СА– № 2. – С. 192-202.

Раздел. 3: Конфессиональные воззрения населения Северного Кавказа
Section 3: Confessional views of the population North Caucasus

ВОТИВНЫЕ ПРИНОШЕНИЯ РИМСКОГО И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ
ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА «КАШТАНЫ 1»
(АДЛЕРСКИЙ РАЙОН ГОРОДА-КУРОРТА СОЧИ)

©Т.А. Прохорова, Д.Э. Василенко

НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. В статье публикуются скопление и отдельные предметы римского и средневекового времени, обнаруженные в периферийной части археологического комплекса «Каштаны 1» (Адлерский район г.-кур. Сочи). Контекст обнаружения позволяет отнести их к вотивным приношениям, оставленным при посещении святилища, расположенного выше, на отроге г. Кизиловая.

Ключевые слова: Северо-Восточное Причерноморье, междуречье Хосты и Псахо (приток р. Кудепсты), г. Кизиловая, Адлерский район города-курорта Сочи, село Каштаны, археологический комплекс «Каштаны 1», вотивные приношения, римское время, раннее средневековье.

VOTIVE OFFERINGS OF ROMAN AND EARLY MEDIEVAL TIMES FROM THE
ARCHAEOLOGICAL COMPLEX «CHESTNUTS 1»
(ADLER DISTRICT OF THE RESORT CITY. SOCHI)

©Т.А. Prokhorova, D.E. Vasilinenko

NAO «Heritage of Kuban», Krasnodar, Russian Federation

Abstract. The article publishes votive offerings of the Roman time and early Middle Ages from archaeological complex «Kashtany 1» («Chestnuts 1») (Adler district of Sochi city).

Keywords: North-Eastern Black Sea region, Khosta river, Kizilovaya mountain, Adler district of Sochi city, archaeological complex «Kashtany 1» («Chestnuts 1»), votive offerings, Roman time, early Middle Ages.

Археологический комплекс «Каштаны 1» расположен в междуречье Хосты и Псахо (приток р. Кудепсты), на южном отроге г. Кизиловая и его восточном склоне (рис. 1).

Памятник был выявлен в 2010 г. сотрудниками ООО «Южно-Российский центр археологических исследований». Определен как поселение с остатками каменных строений в его западной части на отроге г. Кизиловая. По подъемному материалу он предварительно был отнесен к VI – X вв.

В следующем году отрядом ОАО «Наследие Кубани» под руководством Т.А. Прохоровой в зоне проектируемого строительства АГРС, в восточной, периферийной части комплекса у подножья отрога было заложено 7 раскопов общей площадью 429,21 м². Также было исследовано 5 небольших всхолмлений, отнесенных первооткрывателями памятника к курганам (рис. 2). Повторно были осмотрены остатки каменных строений, не попадающих в площади раскопов.

В ходе проведенных исследований было установлено, что часть исследованных всхолмлений имеет естественное происхождение, часть является отвалами, образованными при строительстве газопровода Майкоп-Самурская-Сочи.

Вотивные приношения римского и раннесредневекового времени из археологического комплекса «Каштаны 1» (Адлерский район города-курорта Сочи)

Рис.1. Схема расположения археологического комплекса «Каштаны 1».

Во всех исследованных раскопах были прослежены участки культурного слоя, насыщенные керамическими остатками. Были выявлены две стратиграфические последовательности. Верхний слой темно-серых (серо-коричневых суглинков) мощностью от 0,1 до 0,3 м содержал фрагменты керамических сосудов VIII – X вв. и, возможно, более позднего времени. Подстилающий слой серо-желтой супеси имел такую же толщину. Он содержал большое количество керамических фрагментов V – VIII вв.

На раскопе I в этом слое было обнаружено 7 объектов: керамические сосуды, в количестве от одного до пяти, прослеженные стоящими на доньях, ручка бронзового кувшина, 2 скопления украшений и предметов хозяйственного инвентаря, большее из которых сопровождалось серебряной монетой.

На раскопе III и вблизи него было обнаружено три антропоморфных каменных изваяний. В слое серо-желтой супеси здесь были обнаружены отдельные предметы, аналогичные предметам из комплексов раскопа I.

Керамический комплекс исследованной части памятника, антропоморфные изваяния являются отдельными предметами исследований, готовящимися авторами к публикации.

Настоящей статьей в научный оборот вводится ситуация, включающая близко расположенные объекты 1, 2, 5, 6 из квадратов 2, 5, 6 раскопа I: ручка бронзового кувшина, украшения, монета, предметы хозяй-

ственного инвентаря, керамический круговой сосуд и лепной сосуд, предположительно составляющие единый комплекс, а также синхронный им объект 7, прослеженный в квадрате 11.

Объект 5 был обнаружен в бровке квадратов 5 и 6 на уровне древней предматериковой поверхности. Ямы или иной конструкции при его расчистке не было прослежено, но окружающий грунт был насыщен угольками. Объект представляет собой скопление, составленное из 38 предметов. Находки были зафиксированы на площадке размером 0,98x0,67 м. Основная их масса обнаружена на отметках -1,31-1,38 м (рис. 3).

- монета: дидрахма города Кесарии, римская провинция Каппадокии, чекан от имени императора Адриана (117–138 гг. н.э.). Чекан 121–122 гг. н.э. На аверсе: голова императора Адриана, вправо с короткими волосами и короткой бородой, в лавровом венке. Легенда по часовой стрелке: «ΑΔΡΙΑΝΟΣ ΣΕΒΑΣΤΟΣ». На реверсе: гора Аргей, на вершине ее стоит в

рост, обнаженная фигура с державой и скипетром в руках. Легенда по часовой стрелке: «УПАТОС Г ПАТНР ПАТР»⁴²;

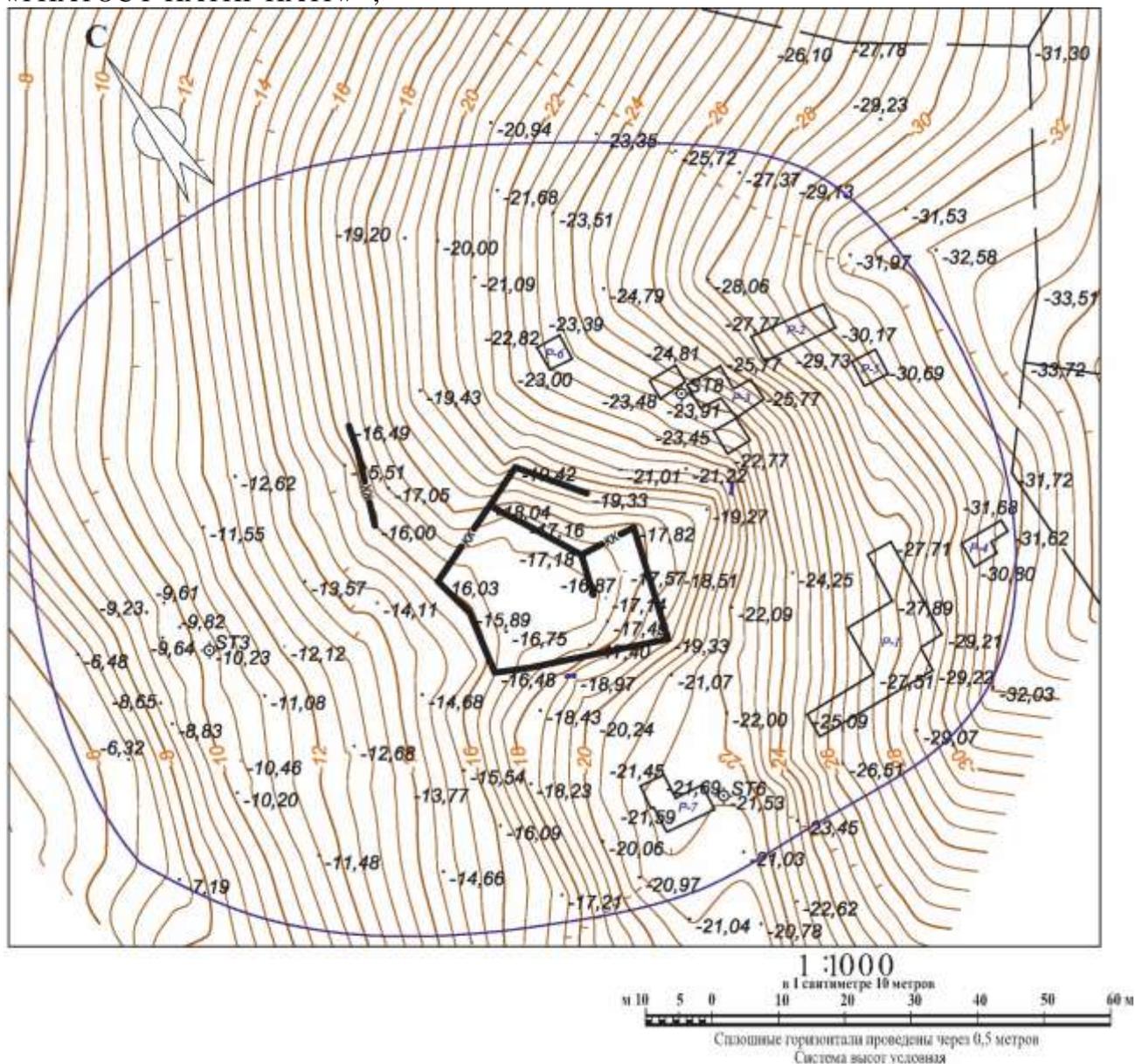

Рис.2. Топографический план археологического комплекса «Каштаны 1».

- серебряное зеркало с двумя рельефными окружностями на обороте. Диаметр 4,66 см, толщина 0,2 см (рис. 4.2);

- серебряная крестовидная фибула с дуговидным корпусом. Приемник был приклепан к спинке через сквозное отверстие в крестовине. Ножка не сохранилась. Длина изделия 9,05 см, ширина спинки 0,7-1,3 см;

- бронзовые браслеты. Найдено 3 целых и два во фрагментах. Два браслета изготовлены из прямоугольных в сечении стержней. Стержень полностью сохранившегося браслета согнут в кольцо с несомкнутыми концами. Браслеты орнаментированы. Орнамент в форме шести четырехугольных бусин, украшенных циркульным орнаментом в виде окружности с точкой в центре. Диаметр браслета 6,06 см, ширина 0,4 см (рис. 5.1, 5.2). Два других - изготовлены из округлого в сечении металлического дрота. Стержни согнуты в кольца с несомкнутыми концами. Края расплющены, в сечении подпрямоугольные, с прочерченным орнаментом. Один из этих браслетов орнаментирован четырьмя циркульными окружностями с

⁴² Авторы приносят сердечную благодарность А.В. Пьянкову, взявшему на себя труд по определению монеты.

Вотивные приношения римского и раннесредневекового времени из археологического комплекса «Каштаны 1» (Адлерский район города-курорта Сочи)

точкой в центре. Окружности разбиты на пары, между которыми прочерчены по две параллельные линии. Диаметр браслета 6,05 см (рис. 5.3) Другой орнаментирован циркульным орнаментом в виде окружностей с точкой в центре, также разбитых на пары, между которыми прочерчены по две параллельные линии (рис. 5.4).

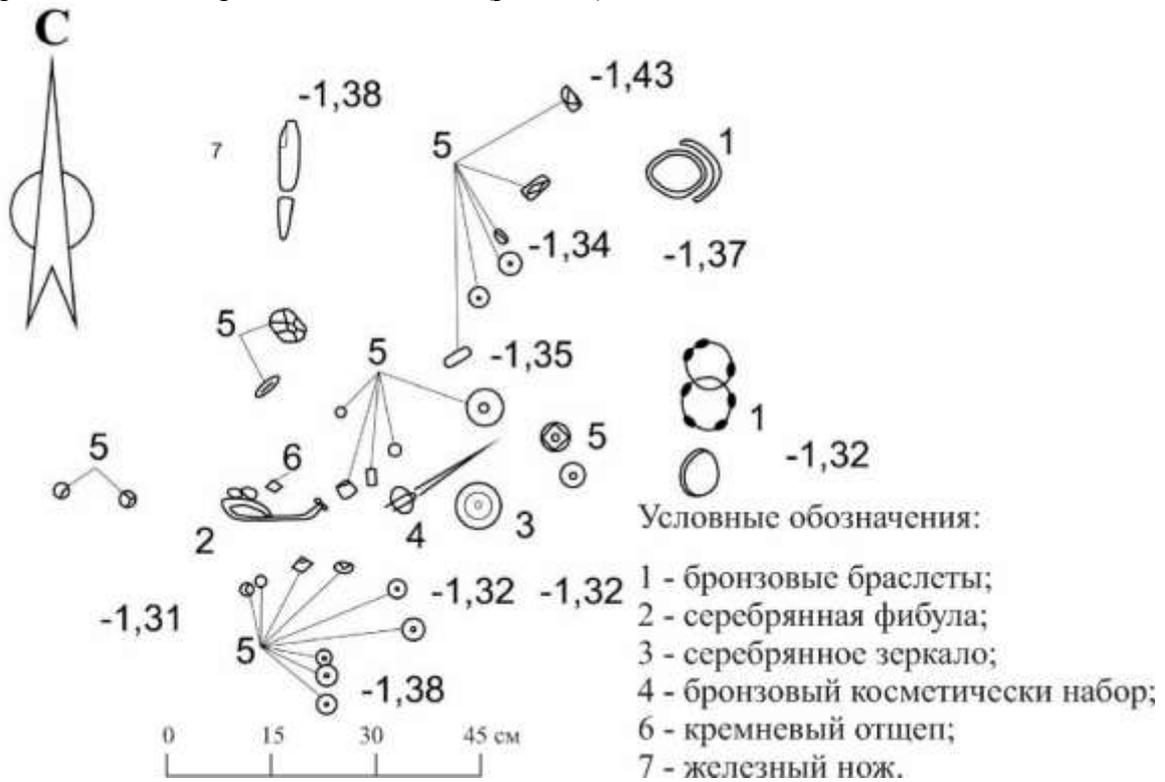

Рис.3. Раскоп 1. Квадраты 5, 6. Объект 5. Схема расположения артефактов.

Рис.4. Раскоп I. Квадраты 5, 6. Объект 5. Изделия из серебра.

1 - монета; 2 - зеркало; 2 - спинка фибулы.

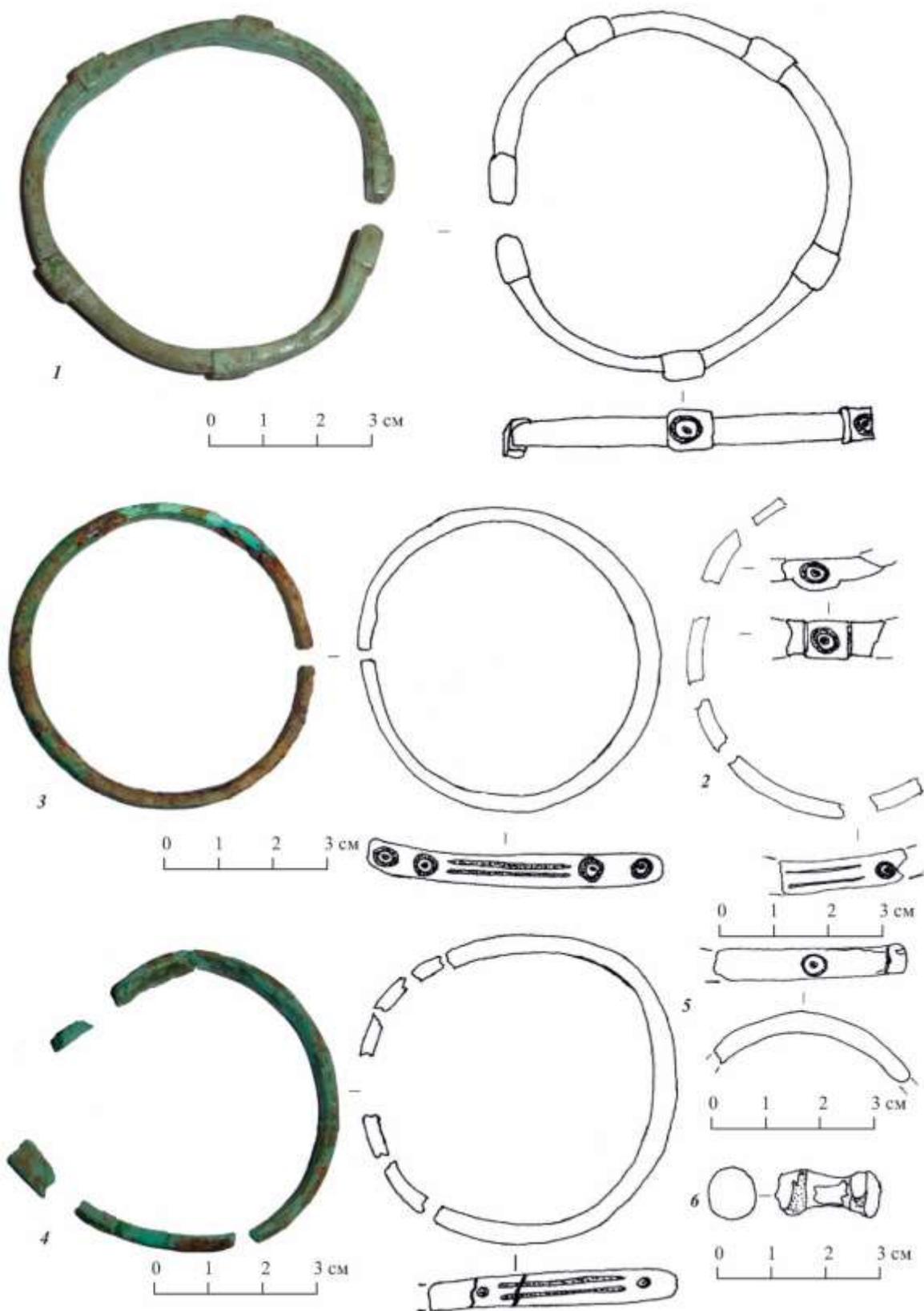

Рис.5. Раскоп I. Квадраты 5, 6. Объект 5. Изделия из бронзы.
1-5 - браслеты; 6 - заклепка (?).

Т.А. Прохорова, Д.Э. Василенко
 Вотивные приношения римского и раннесредневекового времени из археологического комплекса «Каштаны 1» (Адлерский район города-курорта Сочи)

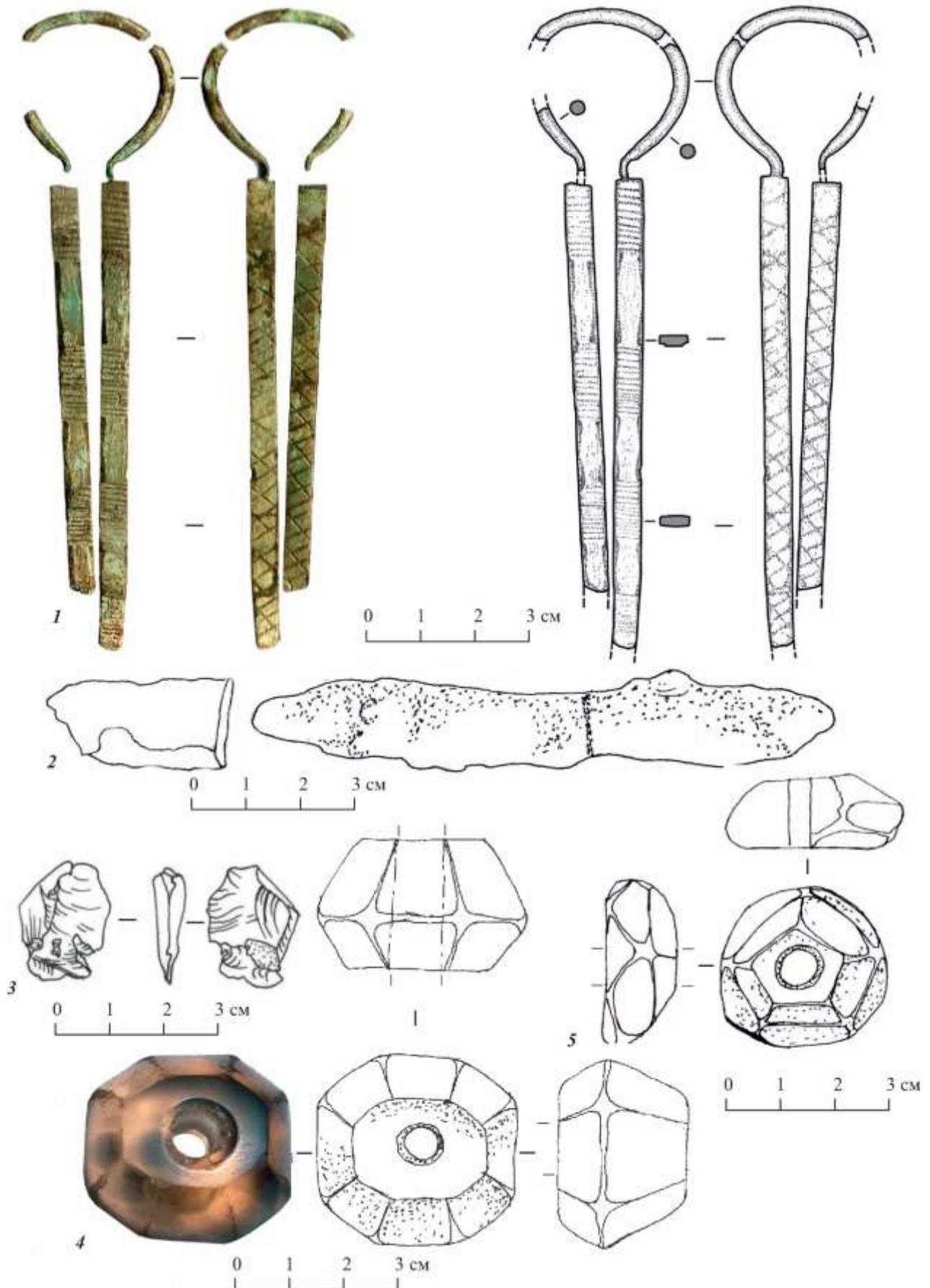

Рис.6. Раскоп I. Квадраты 5, 6. Объект 5. 1 - косметический набор; 2 - нож; 3 - отщеп; 4, 5 - бусы. 1 - бронза; 2 - железо; 3 - кремний; 4 - горный хрусталь.

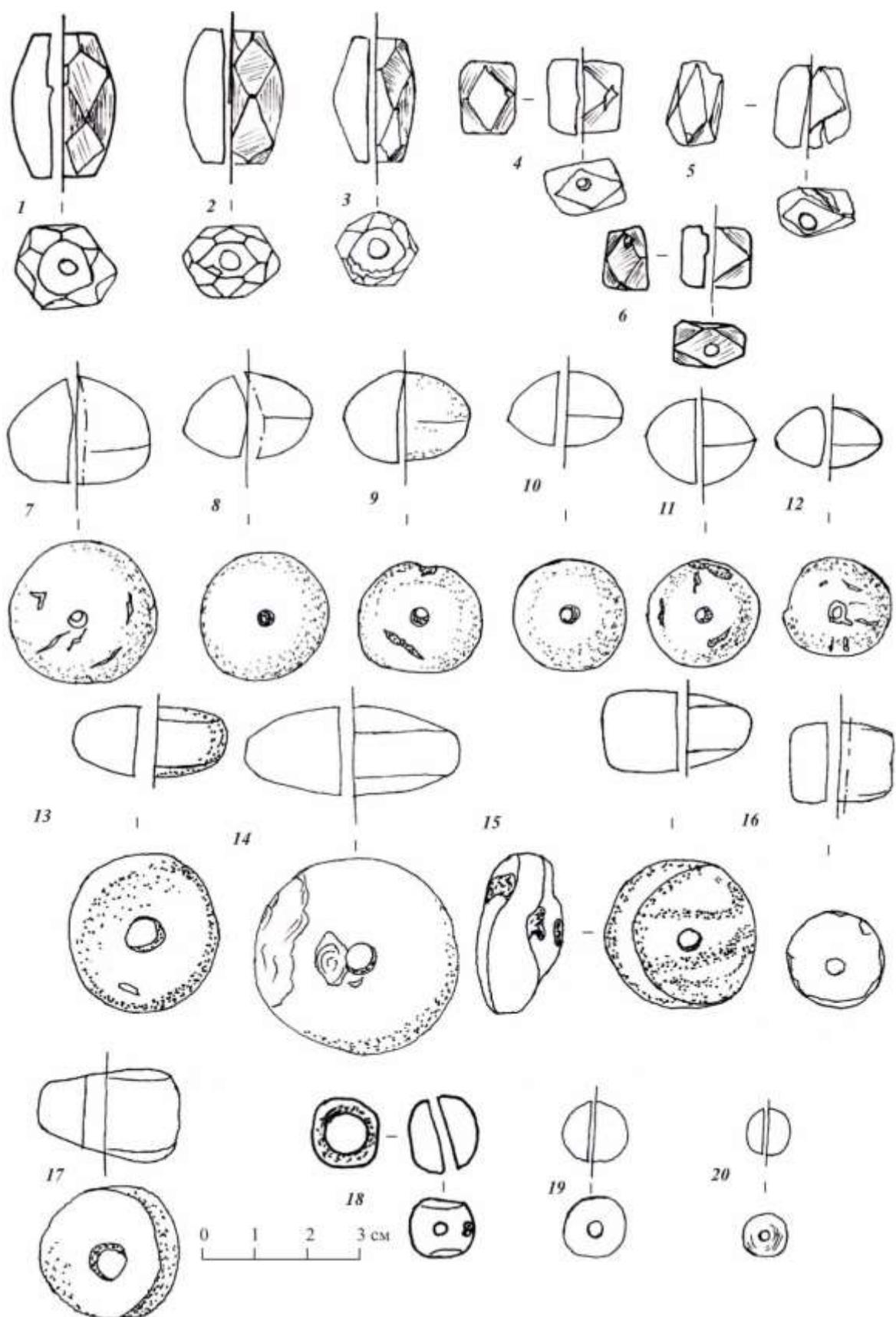

Рис.7. Раскоп I. Квадраты 5, 6. Объект 5. 1-20 - бусы.
1-12 - горный хрусталь; 13-18 - янтарь; 19, 20 - сердолик.

Вотивные приношения римского и раннесредневекового времени из археологического комплекса «Каштаны 1» (Адлерский район города-курорта Сочи)

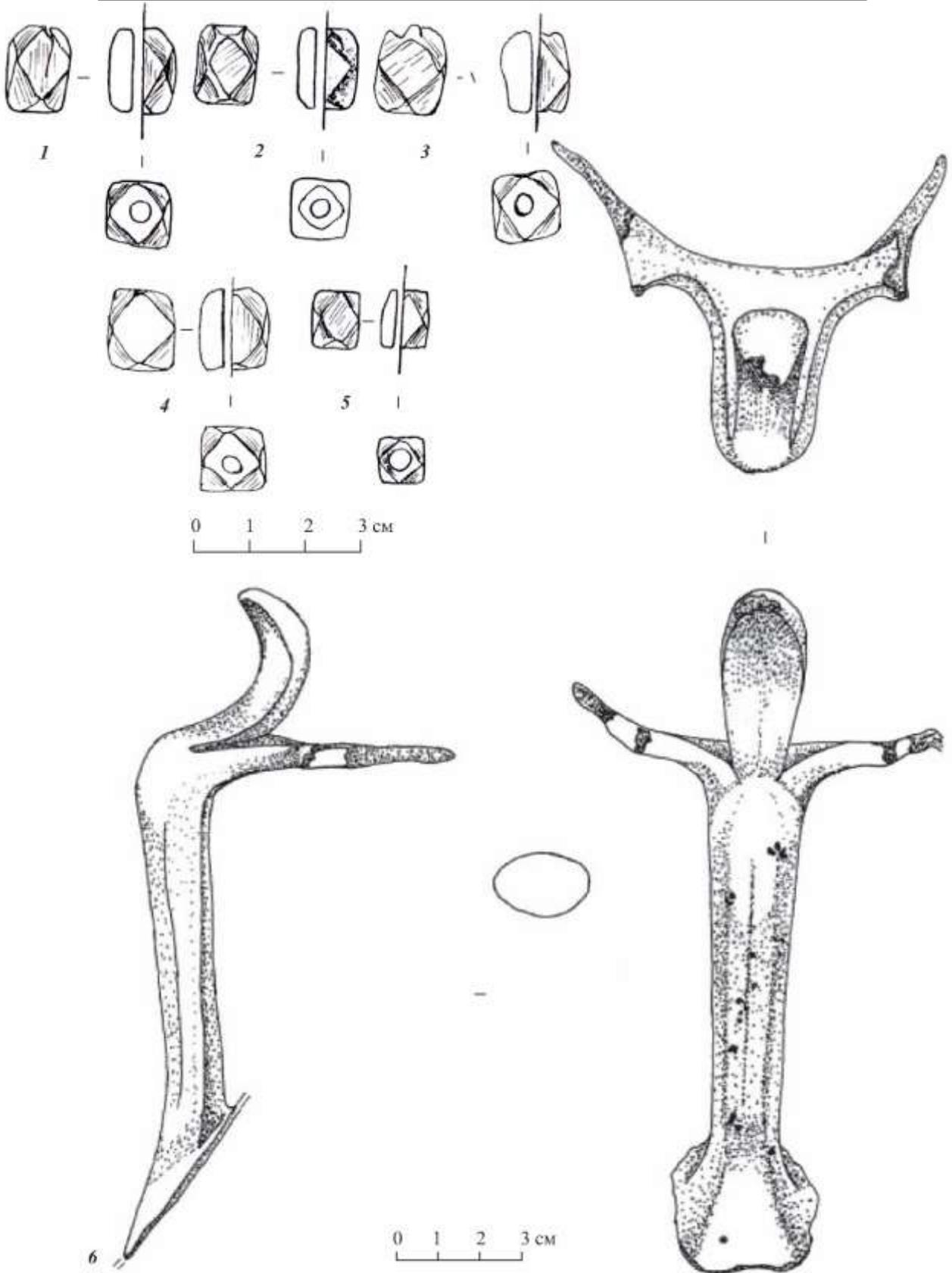

Рис.8. Раскоп I. 1-5 - квадраты 5, 6. Объект 5. Бусы стеклянные. 6 - квадрат 2. Объект 1. Ручка бронзового сосуда.

Рис.9. Раскоп I. Квадрат 2. Объект 1. Ручка бронзового сосуда.

Т.А. Прохорова, Д.Э. Василенко
Вотивные приношения римского и раннесредневекового времени из археологического комплекса «Каштаны 1» (Адлерский район города-курорта Сочи)

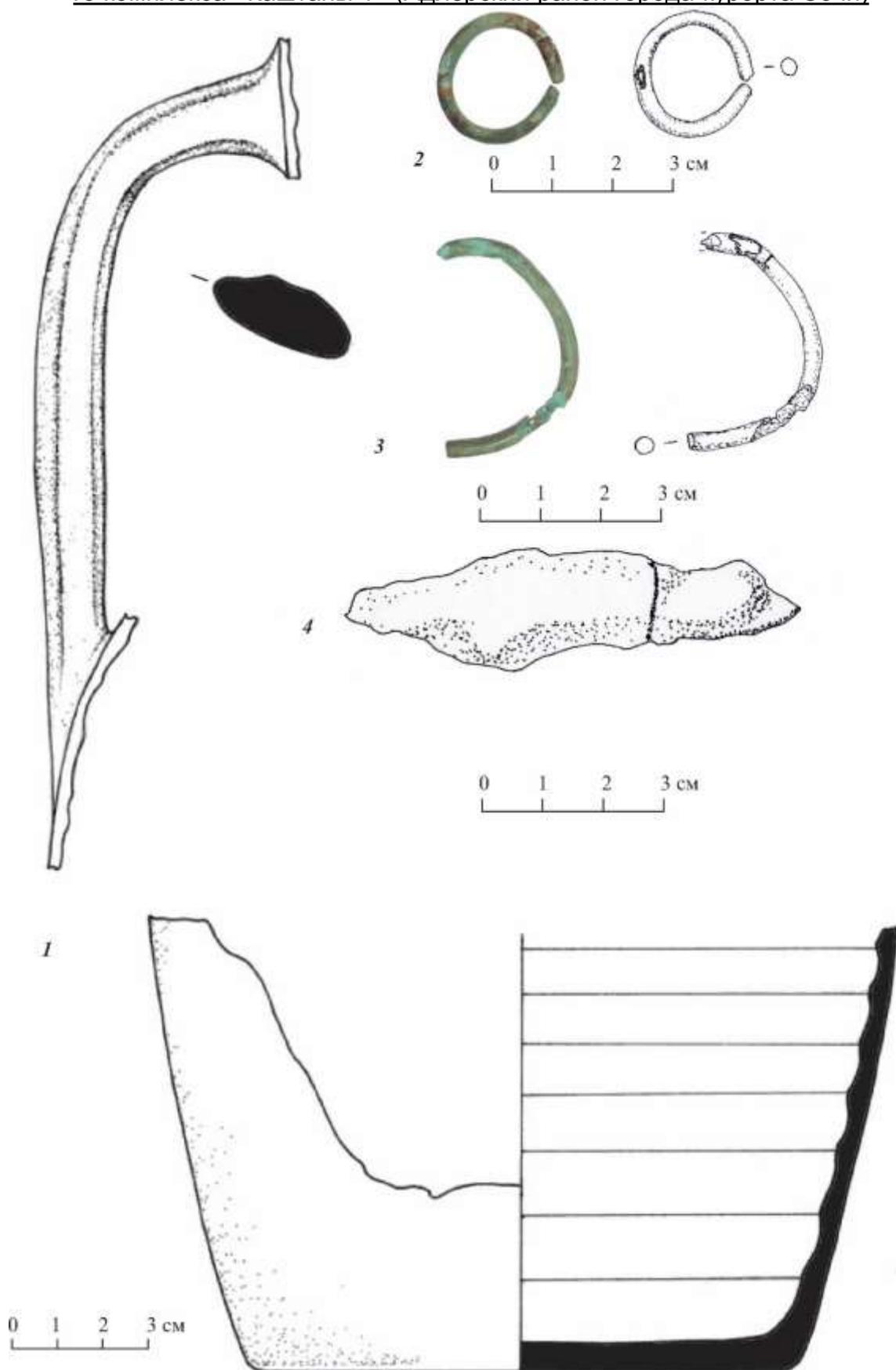

Рис.10. 1 - раскоп I, квадраты 5, 6. Объект 6. Круговой красноглиняный кувшин.
2-4 - раскоп I, квадрат 11, объект 7. 2, 3 - браслеты, 4 - нож.
1 - керамика; 2,3 - бронза; 4 - железо.

Фрагментированный браслет из подпрямоугольного в сечении металлического дрота, орнаментированный циркульным орнаментом в виде окружности с точкой в центре. Диаметр браслета около 6 см. Диаметр дрота 0,7 см (рис. 5.5);

- бронзовая заклепка. Изготовлена из округлого в сечении металлического стержня, расклепанного по краям. Длина изделия 2,1 см, диаметр дрота 0,55 см (рис. 5.6);

- бронзовый туалетный набор. Кольцо с двумя прикрепленными к нему подвижными удлинёнными пластинами. Пластины орнаментированы с одной стороны врезным сетчатым орнаментом, с другой стороны участки горизонтальной штриховки, чередующиеся с перпендикулярно расположенными к ним линейными отрезками. Длина подвижных пластин около 11 см, ширина 0,5 см, диаметр кольца 2,5 см (рис. 6.1);

- железный нож. Спинка ножа прямая, лезвие вогнуто, короткий черенок для ручки. Длина изделия 10,93 см (рис. 6.2);

- отщеп-скол с нуклеуса. Галечный красно-коричневый кремнь. Прослеживаются следы подработки и следы формирования углового резца. Размеры 2,0x1,1x1,5 см (рис. 6.3);

- бусы из горного хрусталя. 14 единиц:

- 2 крупные граненые. Бипирамидальная восемнадцатигранная бусина. Длина 3,6 см, ширина 3,35 см, высота 2,25 см (рис. 6.4). Усечено-коническая бусина. Диаметр 1,7 см, длина 2,7 см (рис. 6.5);

- 3 малые граненые, продольно вытянутые, бочковидной формы со сложной огранкой.

Грани четкие, четырехугольных очертаний, геометрически правильной и неправильной формы. Длины и диаметры: 2,7x1,7 см, 2,43x1,77 см, 2,3x1,43 см (рис. 7.1-3);

- 3 малые граненные, четырнадцатигранные. Длины и диаметры: 1,46x1,37, 1,47x1,28, 1,3x1,1 (рис. 7.4-6);

- 6 шаровидных. Длины и диаметры: 2,67x1,94 см, 2,32x1,54 см, 2,0x1,6 см, 2,1x1,1,4 см, 1,98x1,51 см, 2,0x1,05 см (рис. 7.7-12);

- янтарные бусы. 6 единиц:

- бусина дисковидная с линейным нарезным декором. Диаметр 2,97 см, высота 1,3 см (рис. 7.13);

- 4 дисковидных и дисковидно-конической формы. Диаметры и высоты: 3,9x1,4 см, 1,62x0,5-2,55 см, 1,68x1,3 см, 2,36x0,79-1,55 см.

- 1 округлая бусина. Размеры 1,1x1,0x0,6 см (рис. 7.18);

- 2 сердоликовые шаровидные бусины диаметрами 1,1 и 0,74 см (рис. 7.19-20);

- бусы сине-фиолетовые полиэдрические со скругленными углами. 5 единиц. Три бусины имеют размеры 1,36x1,4 см (рис. 8.1-3), остальные - 1,29x1,06 и 1,04x0,78 см (рис. 8.4-5).

Объект 1 был обнаружен в южной части квадрата 1, на отметке -1,57 от R₀, в нижней части слоя серо-желтой супеси, на расстоянии 2,5 м к северо-востоку от объекта 5. Объект – ручка бронзового сосуда. Ручка выгнута в верхней части, овальная в сечении, дужки ассиметричные. В верхней части украшена фигурным завитком, отклоненным вверх и в наружную сторону. Длина ручки 15 см (рис. 8.6, 9).

Между объектами 5 и 1 были прослежены объекты 6 и 2.

Объект 6 бы обнаружен в перекрестии бровок квадратов 5, 6 на расстоянии 0,30 м к северо-востоку от объекта 5. Объект – красноглиняный круговой кувшин с одной сложно-профилированной в сечении ручкой. Дно плоское. Глина оранжевая с мелкими примесями. Диаметр дна 12 см (рис. 10.1).

Далее, к востоку от него, на расстоянии 1,2 м в квадрате 2 на глубинах – 1,35 м от R₀ был прослежен объект 2 - лепной сосуд плохой сохранности, рассыпавшийся при выемке из грунта.

Объект 7 был обнаружен в северо-западной части квадрата 11 на отметке -1,10 м от R₀. Состоял из трех предметов:

- два бронзовых браслета из округлого в сечении дрота, согнутого в кольцо. Края не сомкнуты. Диаметр первого из них 3,93-4,3 см. Толщина дрота 0,54 см (рис. 10.2). От второго

Вотивные приношения римского и раннесредневекового времени из археологического комплекса «Каштаны 1» (Адлерский район города-курорта Сочи)

браслета сохранилась половина. Он также изготовлен из круглого в сечении дрота. Диаметр браслета около 6,68 см, толщина дрота 0,57 см.;

- железный черешковый нож с горбатой спинкой и вогнутым лезвием. Черенок обломан. Длина сохранившейся части 9,6 см.

Практически все категории инвентаря, происходящего из объектов, имеют аналогии в исследованных и датированных погребальных комплексах Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа.

Отмечено, что провинциальное серебро Кейсарии Каппадокийской было основным средством денежного обращения в Южном Причерноморье. Это объясняется тем, что Колхида стала частью провинции Каппадокии либо в 72 г., либо в правлении Домициана. Римляне могли контролировать только те районы Южного Причерноморья, которые находились под защитой приморских крепостей и размещенных в них гарнизонов. Возможно, что серебро Кессарии Каппадокийской использовалось для выплаты жалования римским войскам, дислоцированным в колхидской части провинции Каппадокия. Именно здесь концентрируется большая часть находок кессарийского серебра, включая клады из Герзеула, Набакеви, Пицунды [Абрамзон, Иванина, 2010. С. 26]. Отсюда кессарийские монеты могли распространяться в соседствующий регион.

В богатом воинском погребении, открытом в 1942 г. на территории нынешнего пгт. Красная Поляна в Адлерском районе находились три серебряные каппадокийские монеты, одной из которых была именно дидрахма Адриана чекана 121–122 гг. н.э.

Также известны еще четыре серебряные монеты Кейсарии Каппадокийской II – III вв., предположительно происходящие из окрестностей с. Казачий Брод в Адлеровском же районе [Розов, 2018, с. 183, 184, рис. 2, 17-20, 185, 189].

По мнению авторов, достаточно близкой аналогией ручки бронзового сосуда из объекта 1 является ручка бронзового сосуда из Ольвии [Штерн, 1911. С. 37. Табл. IV. 6.]. Этот кувшин был отнесен Д.Б. Шеловым к группе сосудов, определенных А. Радноти как «нерасчлененных» [Шелов, 1983, с. 63]. А. Радноти же производство бронзовых сосудов этого типа было отнесено к концу I – началу II в. [Radnoti, 1938, p. 160, 161].

Погребальные комплексы, содержащие зеркала с двумя рельефными окружностями на обороте, отнесенные к таксону 2б (Ковалевская, Албегова, Пьянков, Евсюкова, 2006) датированы А.В. Пьянковым по материалам могильника «Бжид» 1 в пределах второй половины V – первой половиной VI вв. Им также было отмечено, подобные зеркала известны и в могильниках «Дюрсо» и «Борисовский» и в более поздних комплексах, что предварительно определяет широкую дату для зеркал этого таксона в пределах второй половины VI – VII вв. (Ковалевская, Албегова, Пьянков, Евсюкова, 2006).

Крестовидные фибулы были распространены, главным образом, в памятниках цебельдинской культуры в Абхазии, где датируются в широком диапазоне IV–VI вв. [Мастыкова, 2009. С. 46]. На территории Северо-Восточного Причерноморья они известны в погребениях могильников Сопино и Бжид 1 и единично на территории г.-кур. Сочи. Отмечено, что лучковые крестовидные фибулы с приклепанным приемником, подобные фибуле из объекта 5 происходят из комплексов середины V–VI вв. [Пьянков, 2006, с. 298 – 301].

Браслеты из бронзового литого дрота с призматическими утолщениями, орнаментированные врезными кругами с точечными углублениями в центре имеют параллели в абхазском материале [Гей, Бажан, 1997, с. 85. Табл. 12, рис. 7]. Браслеты этого типа известны в могильниках «Борисово» и «Бжид» 1. Здесь они датированы серединой VI – серединой VII вв. [Пьянков, 2006, с. 302].

Браслеты из округлого в сечении металлического дрота с расплюснутыми концами и прочерченным орнаментом из циркульных окружностей, разделенных параллельными линиями (рис. 5.3,4), видимо, является локальным типом, ранее не отмеченным в публикациях.

Браслеты из металлического округлого стержня без декора, подобные браслетам из объекта 7 (рис. 10.1,2) были широко распространены в Европе в эпоху Великого переселения народов. Точные хронологические позиции этой категории инвентаря невозможно определить вне контекста, поскольку они известны в комплексах всего I тыс. н.э. [Мастыкова, 2009. С. 67].

Туалетные наборы отмечены на ряде памятников Европы, Северного Кавказа. Они многочисленны в Абхазии, в погребениях цебельдинской культуры. Следует отметить сходство орнаментации цебельдинских наборов и набора из объекта 5 [Гей, Бажан, 1997, с. 87. Табл 14, рис. 1–5]. В Северо-Восточном Причерноморье они известны в погребениях 483 и 516 могильника Дюрсо [Мастыкова, 2009, с. 90].

Крупные граненые хрустальные бусы отмечены в погребениях ряда памятников Северо-Восточного Причерноморья («Дюрсо», «Бжид 1») и Западного Предкавказья. Примечательно, что в погребении 57 могильника «Бжид 1» подобная бусина найдена совместно с крестовидной фибулой и дисковидной янтарной бусиной с линейным нарезным декором [Ковалевская, Албегова, Пьянков, Евсюкова, 2006. Рис. 41, 3, 4, 8].

Значительное количество их происходит из памятников Абхазии. Они известны в некрополе Цибилуим, в могилах, содержащих инвентарь, характерный для последней трети IV – середины V в. [Мастыкова, 2009, с. 98]. Следует отметить, что по мнению Ю.Н. Воронова и Н.К. Шенкао, граненые хрустальные бусы появляются в воинских погребениях Цибилуима с середины VI в. [Воронов, Шенкао, 1982, с. 130].

По мнению А.В. Мастыковой, особое распространение подобные бусы получают в середине V – VI вв. [Мастыкова, 2009, с. 100].

Малые граненые хрустальные бусы столь же распространены в указанных регионах. В некрополе Цибилуима эти бусы, предположительно являющиеся средиземноморскими импортами, отмечены в погребениях начиная с последней трети IV по последнюю треть VII вв.

Крупные и средние шаровидные хрустальные бусы столь же широко распространены. В некрополе Цибилуима их хронология соответствует хронологии малых граненых бус [Мастыкова, 2009, с. 101].

Крупные и средние янтарные бусы дисковидной и диско-конической формы отмечены на ряде памятников Северного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья. В некрополе Цибилуима такие бусы отмечены в погребениях первой трети IV – середины V в. Также они известны в комплексах середины V - последней трети VII вв. [Мастыкова, 2009, с. 95].

Сердоликовые шаровидные бусы имеют весьма широкое распространение. Следует отметить их нахождение в некрополе Цибилуима, где они отмечены в погребениях последней трети IV – середины VI вв. [Мастыкова, 2009, с. 102].

Сине-фиолетовые стеклянные полиэдрические бусы известны в Северном Причерноморье, Северном Кавказе, Южном Причерноморье. Здесь, в могильнике «Шапка-Абгыздраху» они отмечены в составе инвентаря погребений, датированных концом IV – первой половиной – серединой V в. В некрополе Цибилуима подобные бусы позиционируются от последней трети II до последней трети VII вв. [Мастыкова, 2009, с. 106].

Степень сохранности сосуда из объекта 6 не позволяет его атрибутировать.

Таким образом, рассмотрев хронологические позиции предметов, составляющих комплекс, можно отметить, что большую часть его можно предварительно датировать V – VI вв. с возможностью последующего уточнения.

Появление же в Северо-Восточном Причерноморье двух предметов из комплекса – серебряной монеты Кессарии Каппадокийской и бронзового сосуда уместно, по мнению авторов, отнести к середине - концу II в.

Нахождение разновременных престижных предметов в рамках одного комплекса позволяет рассматривать его как votivные (посвятительные) дары, принесенные к антропоморфным изваяниям, находящимся у подножья хребта и (или) к сооружению на его вершине.

Нахождение монеты римского времени среди раннесредневековых предметов говорит об одновременном приношении разновременных материалов. Вероятно, престижные пред-

Т.А. Прохорова, Д.Э. Василенко

Вотивные приношения римского и раннесредневекового времени из археологического комплекса «Каштаны 1» (Адлерский район города-курорта Сочи) меты римского времени до совершения обряда приношения находились в ином (домашнем или родовом) святилище.

К сожалению, каменное сооружение на вершине хребта было только осмотрено. План и конструктивные особенности его остаются неизученными. Было установлено, что центральную часть сооружения занимает обработанная каменная плита, ориентированная углами по сторонам света. Размеры плиты 3,37x0,56-1,61x0,40-0,48 м. В южной части плиты выдолблен желоб.

Нужно отметить также, что в раскопах I и III было обнаружено несколько фрагментов строительной керамики. Многолетние наблюдения в долинах рек Кудепста и Мзымта показывают, что находки строительной керамики, здесь, как правило, являются свидетельством возможности нахождения христианского храма или иного культового объекта.

Возможно предположение о том, что ко времени начала христианизации населения региона, к VI в. или несколько позднее, сооружение на хребте было перестроено или же на его месте был возведен христианский храм.

Ритуальные действия в рамках «народного православия» могли быть перемещены к подножью хребта.

Нельзя не отметить, что указанное сооружение находится в зрительных взаимосвязях с Леснянской II базиликой, возведение которой отнесено ко второй половине VI в., и остатками Леснянской крепости. Это может свидетельствовать о том, что сооружение выполняло не только литургические функции, но также могло являться сигнально-сторожевым постом, входящим в единую сигнальную систему оповещения и контроля в долине р. Кудепсты [Василенко, Кравченко, 2018, с. 408, 409].

Подтвердить или опровергнуть одно из этих предположений возможно только по результатам, по меньшей мере, археологических разведок с осуществлением локальных земляных работ на территории каменного сооружения.

Литература и архивные материалы

- Абрамзон М.Г., Иванина О.А. 2010.** Античные монеты (Серия: Нумизматическая коллекция). – Т. II. – Київ: Мистецтво – 320 с., ил.
- Василенко Д.Э., Кравченко Д.С. 2018.** К вопросу о возможности программного моделирования зрительных взаимосвязей средневековых памятников района Псеашхинского перевального пути // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа». Материалы Международной научной конференции. (Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.) /Отв. ред. У.Ю. Кочкаров – Карачаевск.: Изд-во КЧГУ им. У.Д. Алиева. – С. 407–410;
- Ковалевская и др., 2006. Ковалевская В.Б., Албегова З.Х., Пьянков А.В., Евсюкова А.Н.** Компьютерное картографирование массовых типов раннесредневековых металлических зеркал с центральной петелькой // Археология и геоинформатика. – Вып. 3. – М. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/agis/AGIS-3/Kovalevskaja/page1.html> (дата обращения: 18.12.2022);
- Гей О.А., Бажан И.А. 1997.** Хронология эпохи «готских» походов (на территории Восточной Европы и Кавказа). – М.: Отдел научно-технической информации Пушкинского научного центра РАН. – 146 с.;
- Журавлев Д.В., Трейстер М.Ю., Хрисанова О.П. 2009.** Художественное серебро «Мзымтенского клада» (предварительная информация // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: материалы международной научной конференции. – СПб.: Нестор-История – С. 449 – 459;

- Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. 1982.** Вооружение воинов Абхазии IV -VII вв. // Древности великого переселения народов V--тVIII вв. Советско-Венгерский сборник. – М.: Наука. – С. 121 – 165;
- Пьянков А.В. 2006.** Юго-восточные связи населения Краснодарского Причерноморья в III-VII вв. н.э.: по материалам могильников // Первая абхазская международная археологическая конференция, посвященная памяти Ю.Н. Воронова. Древние культуры Кавказского Причерноморья и их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия. Материалы конференции. – Сухум. – С. 297 – 303;
- Штерн Э.Р. 1911.** Несколько античных бронз из коллекции Одесского музея // ЗОООИД. – Т. XXIX. – Одесса. «Славянская» типография. – С. 21 – 44;
- Розов В.Н. 2018.** Античные монеты из находок в районе Сочи // Древности Боспора: Международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. – Т. 22. – М.: ИА РАН. – С. 177 – 193;
- Мастыкова А.В. 2009.** Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. – М.: ИА РАН. – 502 с.: ил.;
- Шелов Д.Б. 1983.** Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе // СА –№ 4. – С. 57 – 69);
- Radnoti A. 1938.** Die römischen Bronzegefäße von Pannonien. (Dissertationes Pannonicae, – Ser. II, – No. 6.) –Budapest: Royal Hungarian University Press. – P. 220; 57 plates.

Раздел 4: Комплекс вооружения, снаряжения и военное дело населения
Северного Кавказа

Section 4: The complex of weapons, equipment and military affairs of the population
of the North Caucasus

НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КОЛЧАНОВ ДАРГАВССКОГО МОГИЛЬНИКА

© А.А. Туаллагов

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН ФНЦ «Владикавказский научный центр РАН,
г. Владикавказ, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена находкам, составляющих колчан элементов из двух катакомб аланского могильника у с. Даргавс. На основании данных находок невозможно точно восстановить конструкции самих колчанов. Но имеющиеся им синхронные аналогии с других территорий позволяют произвести это в определенном приближении. В целом, образцы из могильника у с. Даргавс представлены двумя типами колчанов полуцилиндрической формы. Они, несомненно, различались своими конструктивными элементами. Стрелы в них укладывались в противоположных направлениях. Колчаны входят в круг образцов, использовавшихся различным населением периода Хазарского каганата на достаточно широкой территории.

Ключевые слова: археологические находки, колчаны, Даргавсский могильник, аланы, хазарский период.

SOME ELEMENTS OF THE QUIVERS OF THE DARGAVS BURIAL GROUND

© A. A. Tuallagov

V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies – the Filial of the
Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences (IHSS VSC RAS), Vla-
dikavkaz, Russia

Abstract. The article is devoted to the finds of the elements that make up the quiver from two catacombs of the Alanian burial ground near the village Dargavs. On the basis of these finds, it is impossible to accurately reconstruct the designs of the quivers themselves. But the synchronous analogies they have from other territories allow them to do this in a certain approximation. In general, samples from the burial ground near the village of Dargavs are represented by two types of semi-cylindrical quivers. They undoubtedly differed in their constructive elements. Arrows in them fit in opposite directions. Quivers are included in the range of samples used by various populations of the period of the Khazar Khaganate over a fairly wide area.

Keywords: archaeological finds, quivers, Dargavs burial ground, Alans, Khazar period.

В 2008 г. на аланском катакомбном могильнике у горного с. Даргавс (Северная Осетия-Алания) была исследована катакомба № 71, содержащая коллективное захоронение. Катакомба датирована временем не ранее второй половины VIII – начала IX вв. (Успенский, Албегова [Царикаева), 2021, с.44, с.48]. У входа в камеру был погребен мужчина в вытянутом на спине положении. Рядом с ним располагались останки женщины, погребенной в скорченном положении, на правом боку. Другая женщина была погребена в вытянутом на спине положении, вдоль противоположной от входа в камеру западной стенки.

Вдоль левой голени с внешней стороны второй женщины зафиксирован фрагмент деревянного предмета прямоугольной формы с берестяным покрытием. На нем располагались два железных трехлопастных, черешковых наконечника стрел. Они зафиксированы в его нижней части, по направлению к стопе погребенной, с соответствующим направлением их

Некоторые элементы колчанов Даргавского могильника

остриев. Бесспорно, находка представляет фрагмент колчана, в котором располагались стрелы острием вниз. Подтверждением является железный колчанный крюк с частично сохранившимся кожаным ремнем, продетым в треугольную рамку для подвешивания. Он располагался между костями ног погребенной. Признаки наличия пряжек или петель отсутствовали.

Между черепами двух погребенных женщин обнаружен фрагмент кожаного пояса с бронзовыми накладками. Несколько ниже него зафиксирован фрагментированный деревянный предмет сегментовидной формы с выемчатым резным орнаментом. Плохое состояние на момент находки привело к дальнейшей утрате его небольшой части. Размеры сохранившейся части: длина – 82 мм, высота – 40 мм.

Изначально находка была предположительно идентифицирована как фрагмент шкатулки [Дзаттиаты, 2014, с. 44]. Видимо, к тому подталкивали место находки, между женщинами и идентичность ее орнамента некоторым образцам традиционного осетинского орнамента, представленного на деревянных изделиях. Однако тогда же была определена прямая аналогия находке в лице вставного деревянного дна колчана из Мощевой Балки [Туаллагов, 2014, с. 255–257, с.259, рис. 1; 2017, с. 28–33, с.37, рис. 1, 2]. Данная аналогия сегодня справедливо приведена и другими исследователями [Успенский, Албегова (Царикаева), 2021, с. 63, с.195, рис. 51, 14]. На дне колчана из катакомбы № 71 с внутренней стороны отмечались следы от остриев наконечников стрел, что подтверждает соответствующий способ укладки стрел в колчан. Следует полагать, что в даргавском погребении колчан был разобран, а его части, соответственно, помещены в разных местах. В данном случае показательно, что в области груди погребенной в центральной части камеры женщины зафиксирован фрагмент деревянного лука длиной 239 мм.

Тип колчана из «Мощевой Балки» (тип II, по В. Н. Каминскому) был тщательно изучен В.Н Каминским. Исследователь датировал находку первой половиной VIII в. Колчан изготовлен из ольхи, длина – 85,4 см. В его верхней части представлен предохранительный щиток – карман, высота – 10–13 см. Борта щитка плавно переходят в невысокий бортик – 5–6 мм по всей задней стенке. На верхнем торце кармана фиксируются два спаренных отверстия, как предполагалось, для крепления кожаного клапана, закрывавшего колчан в походных условиях. Поверхность колчана обклеивалась кожей, но чаще берестой. Береста закреплялась по всей длине передней части колчана полоской, изготовленной из тополя. На бортике, по верх бересты, приклеивались узкие деревянные полоски. В расширяющуюся нижнюю часть вставлялось деревянное сегментовидное орнаментированное с внешней стороны дно, закреплявшееся деревянными штифтами.

Через два сквозных овальных отверстия на бортике (расстояние – 23,2 см) продевался кожаный ремень для подвешивания колчана к поясу. В «Мощевой Балке» колчан располагался на левой ноге погребенного. Остатки ремня шли к его правому боку, что указывало на его ношение на правом боку. Остатки металлических пряжек или петель для подвешивания отсутствовали, что сопоставимо с даргавской находкой. Соединение с поясом было постоянным, о чем свидетельствуют сложные узлы на креплениях. В целом, детали колчана типа II были обнаружены в «Мощевой Балке» и в Нижнем Архызе. Вместимость данного типа составляла 20–25 стрел.

По заключению В.Н. Каминского, решающее значение на развитие подобных колчанов у алан и адыгов оказали колчаны сарматов и кобанцев предшествующего периода. Полагалось, что впервые у аланов такой тип колчана с сегментовидным дном, украшенным тонкой золотой фольгой с чешуйчатым орнаментом, фиксируется по находке V в. из Кугульских склепов Пятигорья, хотя точную форму колчана установить невозможно [Каминский, 1986, с. 29–30, 38, рис. 3, 2; 1990, с. 147–153]. В данном случае речь шла о находке в склепе № 2, которая первоначально определялась как деревянный выступ от ножен меча или сабли, обложенный позолоченной серебряной фольгой с чешуйчатым орнаментом, прибитой бронзовыми гвоздиками с обложенными листовым серебром шляпками (Рунич, 1979, с. 236, с.238, рис. 4, 5, 6).

Именно орнаментированные днища полагаются отличительной чертой колчанов типа II от типа I. Среди таких образцов [Каминский, 1986, с. 30, 36, рис. 1, 3, 4] представлен и полный аналог даргавской находки [Каминский, 1986, с. 36, рис. 1, 5]. Но в последнем наличие деревянных штифтов или отверстий для крепления не зафиксировано. Ношение колчана с правой стороны не исключало, что допускалось и ношение с левой стороны, как, например, представлено на изображении воина с цилиндрическим колчаном на фрагментированном бронзовом наконечнике от поясного набора из той же «Мощевой Балки» [Каминский, 1986, с. 40, рис. 5, 4]. Сегодня в коллекции Государственного Эрмитажа представлены как фрагменты таких колчанов, так и почти полностью сохранившийся экземпляр [Иерусалимская, 2012, с. 282–285]. Возможно, подобный колчан, размером 82×12–15 см, был представлен в катакомбе № 341 могильника «Клин-Яр III» середины VII–второй половины VIII вв. [Belinskij, Härke, 2018, p. 237, fig. 55, 7, p. 240].

Отмечалось, что после X в. в аланских погребениях образцы колчанов с карманом не фиксируются, что не исключает их существования [Каминский, 1990, с. 153]. К сожалению, сами находки остатков колчанов не привели к возможности их точной реконструкции, а известные экземпляры или находки их деревянных днищ в аланских и иных памятниках [Уварова, 1900, с. 98, рис. 93; Кузнецов, 1959, с. 104; 1961, с. 71, 73, рис. 9, 92; Рунич, 1963, с. 242–243; Булава, 2008, с. 280] заметно отличаются. Такие колчаны имели цилиндрическую форму.

Предполагается, что колчаны типа II могли использоваться и населением, оставившим Дагомский катакомбный могильник (РСО-Алания) [Успенский, Албегова (Царикаева), 2021, с. 63]. К сожалению, точно определить конструкцию колчанов данного могильника не представляется возможным, хотя автор раскопок логично отмечает, например, возможное наличие кармана у берестяного колчана (длина 70–75 см) из катакомбы № 1, т. к. стрелы были найдены в пятне древесного тлена. Интересно, что этот колчан мог быть предварительно поврежден. Катакомба датируется второй половиной VI – началом-первой четвертью VII вв. [Шестопалова, 2019, с. 17, с.90–91, с.200–202, с.255, рис. 9]. Вместе с тем, полагаемое расположение кармана колчана затрудняет его отнесение к колчанам типа II, либо следует полагать, что карман был отделен от футляра и уложен рядом с ним. С другой стороны, конфигурация пятна тлена более напоминает остатки горита. Данные экземпляры, изготовленные из дерева, кожи или бересты, были зафиксированы [Каминский, 1986, с. 30], например, в материалах VIII–IX вв. «Мощевой Балки» [Милованов, Иерусалимская, 1976, с. 43; 1992, с. 32, кат. 125] и X–XII вв. могильника «Рим-Гора» [Рунич, 1970, с. 204, рис. 7, 23, с.206]. Но они, насколько можно судить, были меньшей длины. Горит и фрагменты горитов фиксируются и позднее в катакомбах «Змейского» могильника и в иных памятниках [Уварова, 1900, с. 347, таб. СXXX, 6; Кузнецов, 1961, с. 84, 90, рис. 17, 92, рис. 21].

В других катакомбах Даргавского могильника также фиксировались элементы колчанов [Туаллагов, 2017, с. 33; Успенский, Албегова (Царикаева), 2021, с. 63]. Но, как представляется, особое внимание следует обратить на материалы исследованной в 2001 г. катакомбы № 36. Катакомба датируется концом VIII–первой половиной IX вв. [Дзаттиаты, Успенский, 2016, с. 166]. У входа в камеру зафиксированы аморфные пятна костного тлена, свидетельствующие о погребении здесь нескольких человек. Сопутствующий инвентарь указывает на несомненное присутствие среди них женщины. В центре камеры, видимо, первым был погребен один человек [Дзаттиаты, 2014, с. 29–30, с.123, таб. LXXIV, с.125, таб. LXXVI; Дзаттиаты, Успенский, 2016, с. 152, рис. 2, с.154].

Слева от погребенного была уложена сабля, между которой и стенкой камеры зафиксированы железные черешковые наконечники стрел и колчаный крюк с овальной поперечной петлей. Судя по наконечникам стрел, они укладывались в колчан остриями вверх [Успенский, Албегова (Царикаева), 2021, с. 63]. Иных элементов, указывающих на колчан, в погребении не фиксировалось. Однако обращают на себя внимание находки фрагментов железных предметов, располагавшихся в районе аморфного пятна костного тлена у входа в камеру. Они остались без своего определения [Дзаттиаты, 2002, с. 7, с.10; 2014, с. 30, Дзаттиа-

Некоторые элементы колчанов Даргавсского могильника

ты, Успенский, 2016, с. 159]. Среди них представлен и предмет (рис. 1) в форме двух железных параллельных стержней, концы которых соединены между собой фрагментированными пластинами [Дзаттиаты, 2014, с. 128, таб. LXXIX, 88; Дзаттиаты, Успенский, 2016, с. 158, рис. 4, 85]. Длина стержней – ~14,8 см, длина фрагментов пластин ~6,5 см и ~8,9 см, толщина пластин – ~0,2 см.

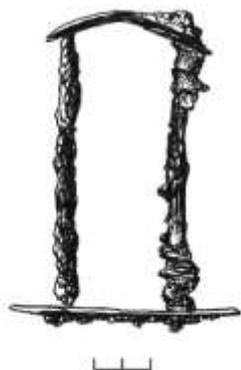

Рис.1. Железный фрагмент колчана из катакомбы № 36 «Даргавсского» могильника.

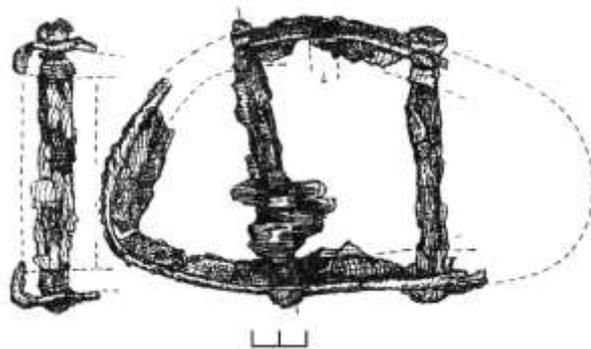

Рис.2. Железный фрагмент колчана из погребения № 1, кургана № 3 могильника «Дружба» «(Парусимов, 1998).

Вместе с тем, существует прямая аналогия [Туаллагов, 2017, с. 34] находке среди материалов подбойного погребения № 1, кургана № 3 могильника «Дружба» (Зимовниковский район, Ростовская область). Здесь слева от костяка погребенного воина были обнаружены фрагменты колчана с железными наконечниками стрел и костяными обкладками лука (Парусимов, 1998, с. 107, рис. 54, 5). Среди фрагментов колчана и фиксируется аналогичный даргавскому предмет (рис. 2), но в более сохранившейся форме [Парусимов, 1998, с. 108, рис. 55, б], позволяющей реконструировать сегментовидную форму замыкавшихся по периметру пластин или пластины.

Данный предмет представлял собой соединение дна колчана с вертикальными стенками посредством железных стержней и пластины. Кроме того, сохранились роговые обкладки крышки кармана колчана [Парусимов, 1998, с. 108, рис. 55, 11]. Расстояние от роговой обкладки крышки, возле которой обнаружены наконечники стрел, до железной оковки дна – 90–95 см. Колчан подвешивался с помощью железной петли, а его верхняя часть могла быть украшена бронзовой накладкой, крепившейся тремя заклепками [Парусимов, 1998, с. 42]. Судя по расположению, как и в даргавском погребении, стрелы были уложены в колчан наконечниками к устью. Возможно, элементом подобной конструкции колчана является железный фрагмент, зафиксированный в подбойном погребении № 1 кургана № 2 могильника Успенский-2, датируемом VIII в. [Березин, Нарожный, 2017, с. 100, с.110, рис. 1, 112, рис. 3, 3]. Отметим, что оба погребения представлены в курганах с ровиками хазарского периода.

Расположение стрел в колчане наконечниками к устью, как отмечалось выше, фиксируется для дагомского колчана. В катакомбе № 55 Дмитриевского могильника зафиксирован тлен от колчана, представленный остатками кожаного футляра и деревянного дна. Судя по пятну тлена, длина колчана – 85 см, ширина – 12 см. Наконечники стрел, датируемые концом IX–первой половиной X вв. [Плетнева, 1999, с. 112], располагались выше устья [Плетнева, 1967, с. 77, рис. 20, 7]. Футляр был прошит кожаным шнуром и скреплен скобами, через которые мог продеваться ремень [Плетнева, 1989, с. 71].

Такое же расположение стрел представлено для берестяного колчана в катакомбе I Маяцкого селища. Длина стрел – 75–80 см. К колчанному набору относились железная скоба, медная обойма с прорезью для ремня и медный крюк [Винников, Афанасьев, 1991, с. 12,

рис. 4, 15, 16, рис. 6, 3, 4, 11]. Судя по представленному рисунку, наконечники стрел выходили за пределы устья колчана. Следов наличия кармана или крышки не фиксируется. Поэтому следует предполагать, что данный колчан, как и дмитриевский, имел отличную от приведенных выше конструкцию. То же, видимо, относится и к колчану из катакомбы № 12 «Старосалтовского» могильника первой половины IX в. [Аксёнов, 1999, с. 139, 144, рис. 2, 1, 6, 10]. Вместе с тем, по представленной реконструкции дмитриевского колчана, ему приписывается наличие кармана [Плетнева, 1999, рис. 95].

Костяные накладки крышки колчана зафиксированы в подбойном погребении № 1, кургана № 6 могильника «Чилгир» (Калмыкия) VIII–IX вв., относящегося к единому этнокультурному кругу с подбойным погребением № 1, кургана № 3 могильника «Дружба» [Матюхин, Ляхов, 2012, с. 130, 132, 137, рис. 4, 1, 138, рис. 5, 12]. Отмечаются [Матюхин, Ляхов, 2012, с. 130] более поздние железные аналоги X–XI вв. из погребения № 1, кургана № 6 у с. Новая Квасниковка (Саратовская область) [Ляхов, 1997, с.230, рис. 3, с.221, рис. 4, 1, 2, с.224] и синхронные аналоги, но с другими параметрами среди материалов «Дмитриевского» [Плетнева, 1989, с. 70, рис. 32, кат. 173, 72, рис. 33, кат. 169] и «Маяцкого» могильников [Винников, Плетнева, 1998, с. 192, рис. 78, И].

Исследователи отмечали, что, если ранее стрелы помещались в колчаны наконечниками вниз, то с V в. их укладывали наконечниками вверх. Изменение, отмечаемое у многих народов на различных территориях, связывали с увеличением ассортимента наконечников стрел, требовавшим от лучника опознавания нужной стрелы по такому наконечнику, а также с неудобством при извлечении стрел, вложенных наконечниками вниз, что отрицательно сказывалось на скорострельность и продолжительность стрельбы [Каминский, 1986, с. 33–34; 1990, с. 152–153; 1993, с. 91–92]. Но материалы из катакомбы № 71 «Даргавского» могильника и некоторые другие указывают на продолжение случаев укладки стрел в колчаны наконечниками вниз и после V в. [Туаллагов, 2017, с. 32].

Интересно, что при вскрытии даргавской катакомбы железные стержни были обнаружены в вертикальном положении, что может дополнительно подтвердить наличие лежащей горизонтально соответствующей части колчана. Сопоставление с аналогом из погребения в могильнике «Дружба» также указывает, что некоторое искривление одной из соединяющих пластин было не результатом последующей деформацией, а изначальной формой, определяемой сегментовидной формой дна. Надо полагать, что колчаны из катакомб № № 36 и 71 имели полуцилиндрическую форму, в целом. Показательно, что если в катакомбе № 71 части колчана и лука были уложены вместе с женщинами, то составляющие колчана в катакомбе № 36 были разделены, и часть колчана была помещена с погребенной женщиной у входа в камеру катакомбы.

Точно установить конструкцию колчана из могильника «Дружба» не представляется возможным. Но, в целом, как отмечали исследователи, население Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья хазарского времени использовали два типа колчана. Они были берестяными и деревянными, имеющими железный каркас и обтянутыми кожей. Некоторые, вероятно, имели роговую обкладку поверхности. Крепились колчаны посредством железных колчаных крюков и петель [Иванов, 2002, с. 37–38]. Надо полагать, что, как находка из катакомбы № 71 Даргавского могильника расширила территорию использования соответствующего типа колчана хазарского времени [Туаллагов, 2017, с. 31], так и находка из катакомбы № 36 того же периода расширила территорию бытования еще одного типа колчана. В целом, следует полагать, что аланские воины имели различные конструкции колчанов, которые использовались и воинами иноэтничного населения периода Хазарского каганата.

А.А. Туаллагов
Некоторые элементы колчанов Даргавского могильника
Литература

- Аксёнов В.С., 1999.** Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita Antiqua*. – № 2 – С. 137-149.
- Березин Я.Б., Нарожный Е.И., 2017.** Погребения средневековых кочевников курганного могильника «Успенский-2» на северо-западе Ставрополя (раскопки ГУП «Наследие») // *МИА Северного Кавказа /Под ред. Е.И. Нарожного. – Армавир–Краснодар: НАО «Наследие Кубани» – Вып. 17 – С. 97-118.*
- Булава Л.А., 2008.** К проблеме алано-адыгских связей XI–XIII вв. // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971–2006 гг. /Под ред. А.Б. Белинского – М.; Ставрополь, – С. 279-280.*
- Винников А.З., Афанасьев Г.Е., 1991.** Культурные комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгарско-Венгерской экспедиции). – Воронеж: Изд-во ВГУ– 192 с.
- Винников А.З., Плетнева С.А., 1998.** На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. – Воронеж: Изд-во ВГУ – 216 с.
- Дзаттиаты Р.Г., 2002.** Отчет Даргавской археологической экспедиции СОИГСИ и СОГО-МИАЛ полевого сезона 2001 г. Владикавказ, 2002 // *Научный архив СОИГСИ – Отд. История – Ф. 6 – Оп. 1 – Д. 262 – Инв. № 2497. – 29 с.*
- Дзаттиаты Р.Г., 2014.** Аланские древности Даргавса. – Владикавказ: Ир – 239 с.
- Дзаттиаты Р.Г., Успенский П.С., 2016.** Катакомба хазарского времени из Даргавского могильника // *РА. – № 2 – С. 150-168.*
- Иванов А.А., 2002.** О комплексе вооружения кочевников хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // *Хазарский альманах. – Харьков: «Каравелла» – С. 35-40.*
- Иерусалимская А.А., 1992.** Кавказ на шелковом пути. Каталог временной выставки. – СПб.: Государственный Эрмитаж – 70 с.
- Иерусалимская А.А., 2012.** Мошевая Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа – 384 с.
- Каминский В.Н., 1986.** Воинское снаряжение раннесредневековых племен Северо-Западного Кавказа (по материалам могильника Мошевая Балка) // *Культура и быт адыгов (этнографические исследования). – Майкоп: Адыгейский ордена «Знак Почета» НИИ экономики, языка, литературы и истории – Вып. VI – С. 9-40.*
- Каминский В.Н., 1990.** Вооружение аланских племен Северного Кавказа (I–XIII вв.). Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. М. // *Научный архив СОИГСИ. – Отд. История – Ф. 6 – Оп. I – Д. 206 – Инв. № 1505. – 240 с.*
- Каминский В.Н., 1993.** Военное дело алан Северного Кавказа // *Древности Кубани и Черноморья. Понтийско-кавказские исследования – Вып. I. – Краснодар: ТОО «Скифская галерея» – С. 90-114.*
- Кузнецов В.А., 1959.** К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа // *СА – № 2 – С. 97-118.*
- Кузнецов В.А., 1961.** Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 года) // *Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Труды археологической экспедиции 1953–1957 гг. Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство – Т. 1 – С. 62-135.*
- Ляхов С.В., 1997.** Новые кочевнические погребения и отдельные находки X–XI вв. Нижнего Поволжья // *Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 г. – Саратов: ТОО «Орион» – Вып. 2 – С. 217-232.*
- Матюхин А.Д., Ляхов С.В., 2012.** Курган хазарского времени из северной Калмыкии // *Археологическое наследие Саратовского края. – Саратов: Издательство «Научная книга» – Вып. 10 – С. 127-140.*

- Милованов Е.А., Иерусалимская А.А., 1976.** Лук из Мошевой Балки // Сообщения Государственного Эрмитажа. – Л.: Аврора – Вып. XLI. – С. 40-43.
- Парусимов И.Н., 1998.** Раскопки курганов в Зимовниковском районе // Труды Новочеркасской археологической экспедиции. – Новочеркасск – Вып. 3-110 с.
- Плетнева С.А., 1967.** От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура) // МИА СССР. – М.: Наука – № 142 – 198 с.
- Плетнева С.А., 1989.** На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). – М.: Наука – 288 с.
- Плетнева С.А., 1999.** Очерки хазарской археологии // Серия «Современные исследования». – М.: Мосты культуры – Иерусалим: Гешарим – 239 с.
- Рунич А. П., 1963.** Катакомбные могильники в районе Кисловодска // СА – № 3 – С. 241-244.
- Рунич А.П., 1970.** Катакомбы Рим-Горы // СА – № 2 – С. 198-210.
- Рунич А.П., 1979.** Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА – № 4 – С. 232-247.
- Туаллагов А.А., 2014.** Аланские колчаны раннего средневековья Северного Кавказа // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье: материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 28–30 мая 2014 г.). – Краснодар: Традиция – С. 255-259.
- Туаллагов А.А., 2017.** Аланские колчаны раннего средневековья Северного Кавказа // ALANICA. Сборник избранных статей доктора исторических наук А.А. Туаллагова. К 50-летию со дня рождения. – Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН – С. 28-38.
- Уварова П.С., 1900.** Могильники Северного Кавказа // МАК. – М.: Товарищество Типографии А.И. Мамонтова – Вып. VIII. – 381 с.
- Успенский П.С., Албегова (Царикаева) З.Х-М., 2021.** Древности Центрального Кавказа VII–XIII вв. (по материалам Даргавского могильника). – М.: ИА РАН – 272 с.
- Шестопалова Э.Ю., 2018.** Древний Дагом. По материалам археологических раскопок Дагомского катакомбного могильника VI–VIII вв. – Владикавказ: ИПЦ ИП Цопанова А.Ю. – 409 с.
- Belinskij A.B., Härke H., 2018.** Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery // *Archaeologie in Eurasien* – Bonn: Habelt Verlag – Bd. 36. – XVIII+416 s.+7 pl.

КРЕМАЦИОННОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С СЕЛИЩА «КРЫМСКОЕ 7»*

© У.Ю. Кочкаров¹, А.В. Сурков²

¹ Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

² ООО «Археологическое общество Кубани», г. Ростов-на-Дону,
Российская Федерация

(*Работа выполнена при поддержке Гранта РФФИ № 20-59-07002 МОН РОО_а)

Аннотация. В 2020 г. ООО «Археологическое общество Кубани» провело археологические раскопки на селище «Крымское 7», расположенном между х. Красный и г. Крымск Крымского района Краснодарского края. В ходе работ выявлено средневековое кремационное погребение VIII-X вв.

Ключевые слова: Краснодарский край, средневековье, кремационный могильник, оружие, снаряжение коня.

CREMATION BURIAL FROM THE VILLAGE «CRIMEAN 7»

© U.Y. Kochkarov¹, A.V. Surkov²

¹Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation

² Limited Liability Company «Archaeological Society of Kuban», Rostov-on-Don,
Russian Federation

Abstract: LLC «Archaeological Society of Kuban» conducted archaeological excavations at the settlement «Krymskoe 7», located between kh. Krasny and Krymsk in the Krymsky district of Krasnodar Krai in 2020. During the field works was found a medieval cremation burial of the VIII-X centuries.

Keywords: Krasnodar Krai, the Middle Ages, cremation burial ground, weapons, horse equipment.

Летом-осенью 2020 г. ООО «Археологическое общество Кубани» провело археологические раскопки на селище «Крымское 7», расположенном между х. Красный и г. Крымск Крымского района Краснодарского края.

Памятник был выявлен в 2019 г. в ходе обследования территории под проектируемый водовод и подготовки раздела по сохранению памятников экспедицией ООО «Западно-кавказская археологическая экспедиция» под руководством Ю.Г. Луневой.

Селище «Крымское 7» расположено в Крымском районе Краснодарского края (рис. 1, 1), в 979 м к югу-юго-востоку, по направлению от ж/д переезда через автодорогу «Крымск – Славянск-на-Кубани», расположенного к северу от г. Крымск и в 3,104 км к северо-востоку по направлению от кольцевой развязки автодорог «Крымск – Славянск-на-Кубани», «Крымск – Киевское», ул. Новороссийская, ул. Черноморская, расположенной на северо-западной окраине г. Крымск, в левобережной пойме р. Адагум.

Селище подовальной формы, вытянуто по линии север-юг и расположено на слабовыраженной возвышенности. Перепад высот составляет около 1 м. Размеры селища с севера на юг – 270 м, с запада на восток – 200 м (рис. 1, 2).

Памятник тяготеет к краю слабовыраженной древней речной террасы, поверхность распаивается. В его центральной части, с северо-востока на юго-запад, территорию памятника пререзает автомобильная дорога «Крымск – Славянск-на-Кубани», вдоль дороги стоят опоры ЛЭП 10 Кв.

На селище «Крымское 7» при раскопках исследовано 9774 кв.м. На памятнике выявлено 15 археологических объектов: одна хозяйственная яма, различные скопления керамики и обмазки, два погребения, одно из которых периода Великой Отечественной войны, второе хронологически не определено. Индивидуальные находки представлены орудиями труда –

У.Ю. Кочкаров, А.В. Сурков
Кремационное погребение с селища «Крымское 7»

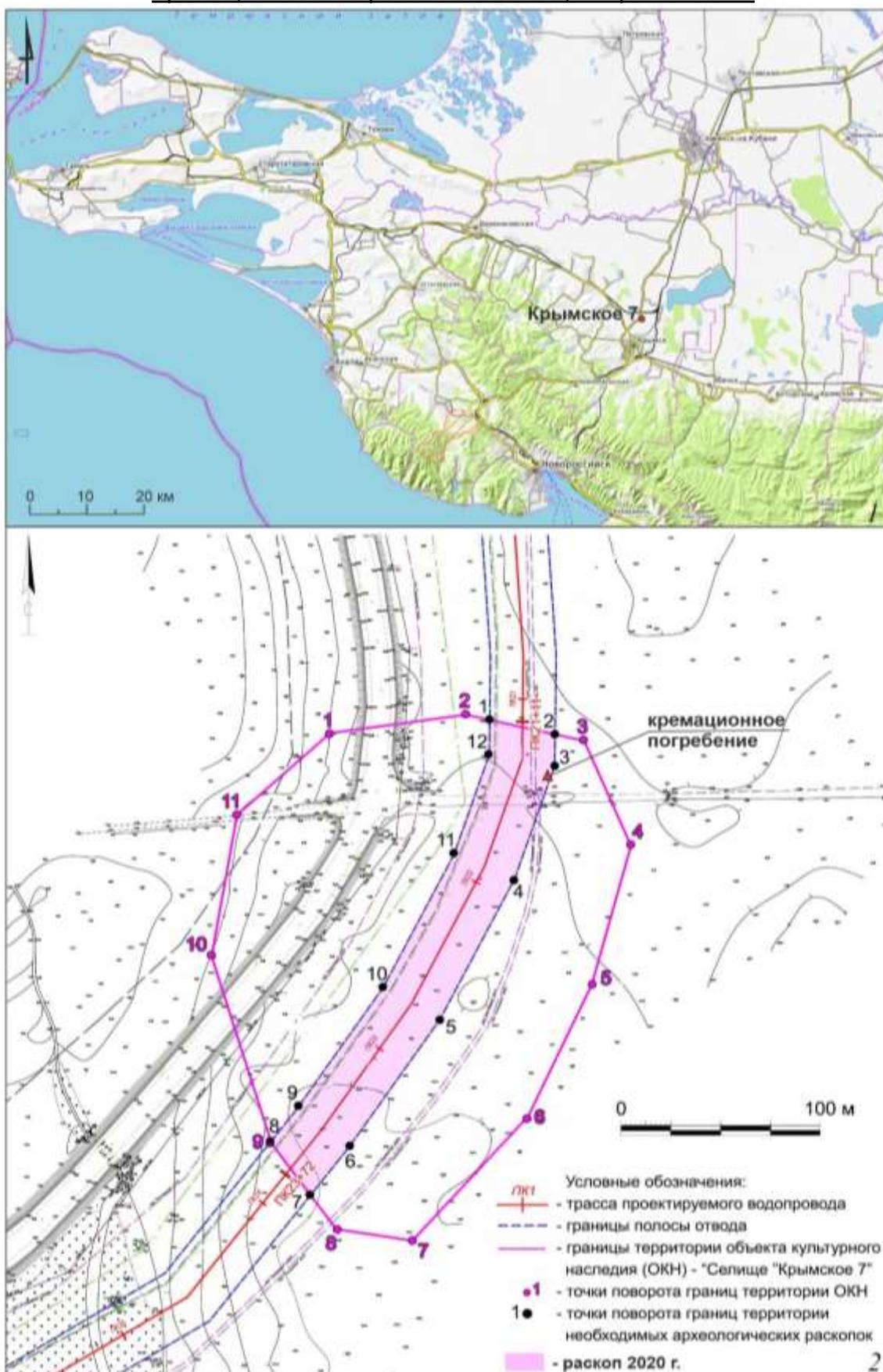

Рис.1. Карта Краснодарского края с нанесением места работ (1) и топографический план (2) с границами раскопа на селище «Крымское 7».

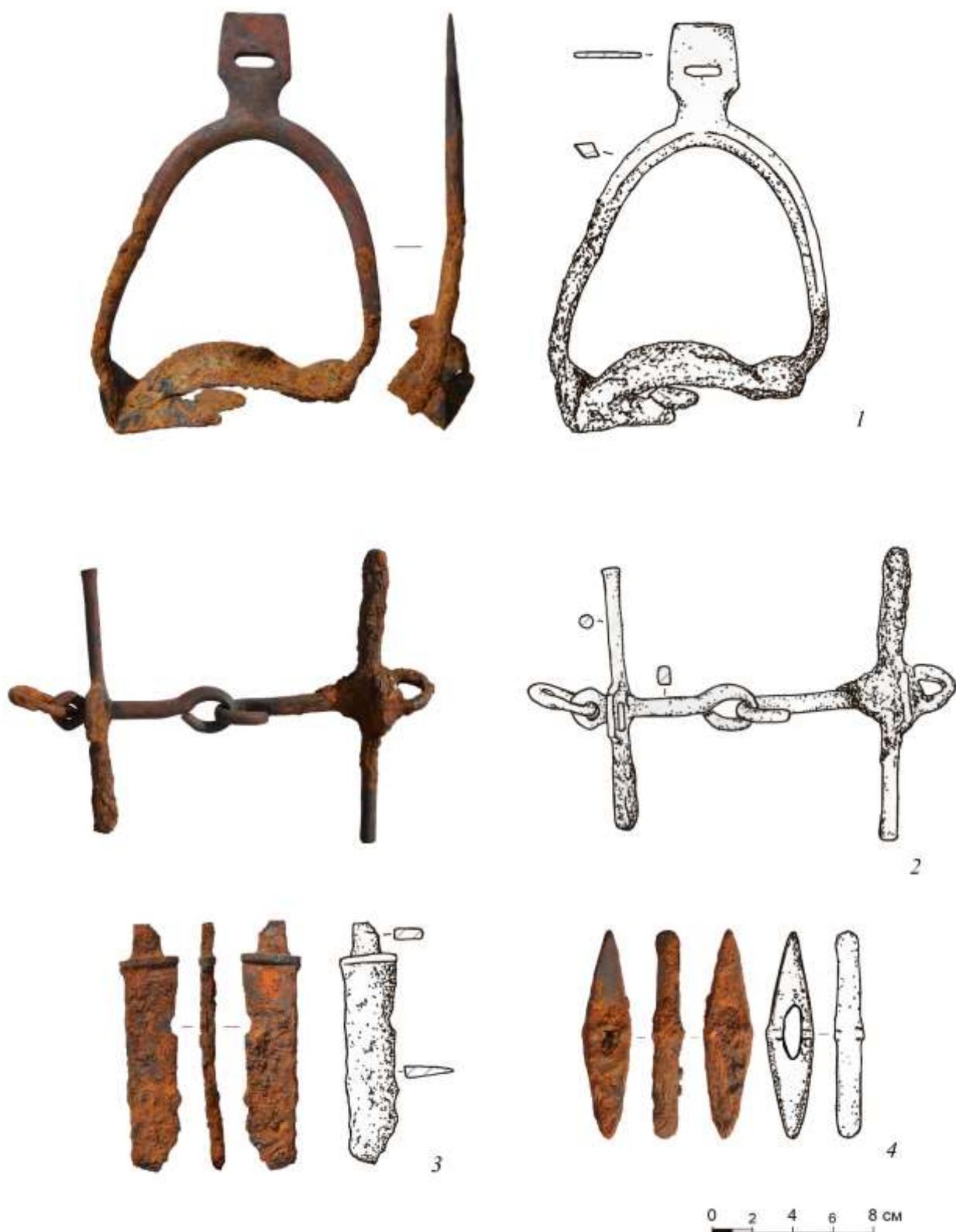

Рис.2. Находки из разрушенного кремационного погребения с селища «Крымское 7». 1 – стремя; 2 – удила; 3 – кинжал.

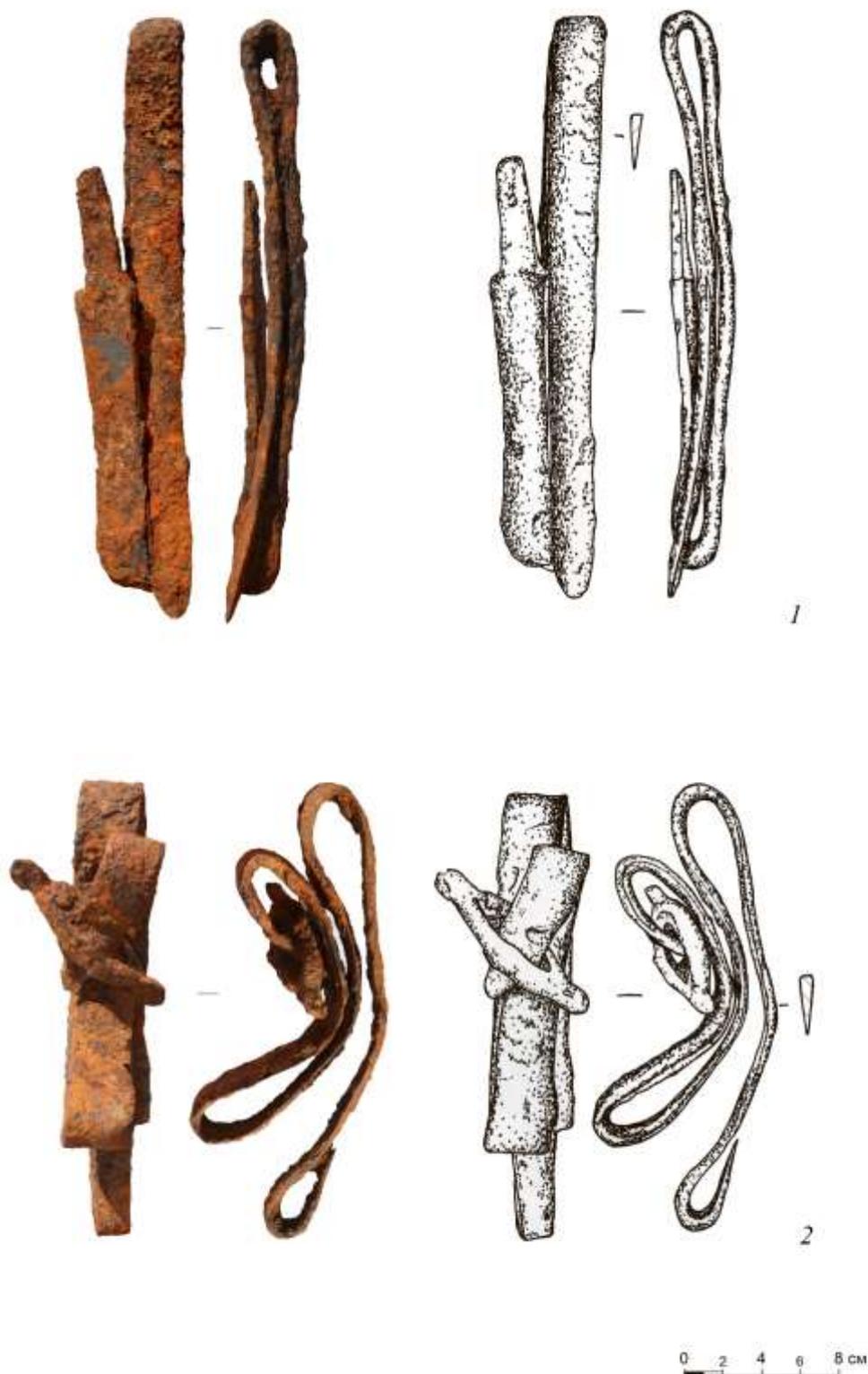

Рис.3. Находки из разрушенного кремационного погребения с селища «Крымское 7».
1-2 – сабли.

пряслица, кварцитовые орудия, обломок топора/молотка из шлифованного камня; украшениями – бусина, костяная застежка и предметами вооружения.

Массовый материал из слоя памятника включает в себя, в первую очередь, обломки лепной посуды, встречается амфорная и сероглиняная кружальная посуда, кости животных, фрагменты глиняной обмазки. Время бытования памятника датируется VII-VI веками до н.э.

Предметы эпохи средневековья представляют собой разбитый плантажной распахкой единый комплекс – две сабли, кинжал, два перекрестия сабель, стремя и удила. Комплекс, вероятно, был связан с погребением средневекового времени (IX-X вв. н.э.), совершенным по обряду кремации.

Все перечисленные предметы обнаружены во втором пласте квадрата 6 и имеют явные следы термического воздействия.

Железный кинжал (рис. 2, 3): сохранившаяся длина кинжала 12,4 см, ширина 2,7, толщина 0,5 см.

В связи с малочисленностью находок кинжалов в средневековых памятниках, о них написано мало. В работе А.Н. Кирпичникова лишь упоминается существование на территории Древней Руси кинжалов [Кирпичников, 1966, с. 72-73]. Одной из самых значительных работ, посвященных этому виду оружия, является статья А.К. Амброза, вышедшая в «Советской археологии» 1986 года [Амброз, 1986, с. 53-73]. Статья посвящена т.н. кинжалам VI-VIII вв. с двумя выступами на ножнах, которые встречаются по всей Восточной Европе и Азии.

Отдельная работа по кинжалам, происходящим из кремационных погребений VIII-X вв., опубликована У.Ю. Кочкаровым. По типологии автора данный кинжал относится к типу II. Это кинжалы с односторонней заточкой лезвия, имеют слабовыраженный изгиб спинки клинка, который придается ему за счет наклона рукояти и немного опущенного конца клинка. Линия лезвия почти прямая, клинок на всем протяжении однолезвийный [Кочкаров, 2010, рис. 2Б, с. 159].

Подобные кинжалы известны на многих памятниках – Сухая Гомольша, у с. Тополи и др. VIII-X вв. в Подонье [Михеев, 1985, с. 126, рис. 17, 17; Кухаренко, 1951, с. 99-107, рис. 30, 3; Крыганов, 1989, с. 98-114, рис. 2, 17].

Идентичные кинжалы встречены в материалах Уйбатского чаатаса [Кызласов, 1983, с. 46-52, с. 136, рис. 27, 28]. На одном из изображенных кинжалов также имеется два дола. На рассматриваемой автором территории кинжалы датируются VI-VII вв.

Аналогии кинжалам типа II, вероятно, можно видеть и на изображениях древнетюркских каменных изваяний [Евтюхова, 1941, с. 119-134].

Со стороны лезвия перекрестие удерживалось небольшой обоймой-опорой. В отличие от сабельных обойм, эти не имеют тяж-язычка, который выходил на острый конец лезвия. Вероятно, он не нужен был на кинжалах: менее массивные, чем сабли, они не могли так «портить» ножны, как это делали тяжелые клинки сабель.

Кинжалы, известные у народов Северного Кавказа, в этнографическое время несли в себе кроме боевого, эстетическую, так и информационную нагрузку, которая соответствовала статусу их владельцев, например, о принадлежности к разряду «князей» и «дворян» и их состоятельности и т.д. [Кочкаров, 2008, с. 78]. По всей видимости, погребения с кинжалами могли принадлежать людям с достаточно высоким социальным при их жизни статусом, об этом косвенно говорит и то, что их очень редко находят в погребениях и, как правило, с богатым инвентарем.

По мнению А.Н. Кирпичникова, кинжалы в составе снаряжения «русского рыцаря» распространяются в XIII в. Автор считает, что они появляются лишь в «эпоху утяжеления вооружения как средство поражения бронированного противника в тесном бою» [Кирпичников, 1966, (I), с. 72-73].

Ритуально согнутые или преднамеренно сломанные сабли составляют довольно многочисленную группу сабель из нескольких кремационных могильников VIII-X вв. В нашем материале присутствуют две сабли. Обе были согнуты при помещении их в могилу. В рассмат-

У.Ю. Кочкаров, А.В. Сурков
Кремационное погребение с селища «Крымское 7»

риваемое время обычай подобной «порчи» оружия был распространен на огромной территории Евразии, начиная от Хакассии [Кызласов, 1980, с. 145; 1983, с. 37-38] на востоке и до Украины на западе [Кухаренко, 1951, с. 99 – 108].

Длина клинка первой сабли около 75 см, сохранившаяся часть рукояти около 12 см, ширина клинка 2,9 см (рис. 3, 2), на окончании верха клинка надето перекрестие длиной 10 см (рис. 3, 2). Аналогии перекрестию мы можем видеть в погребении могильника Дюрсо [Дмитриев, 2003, табл. 90, 43]

Вторая сабля обнаружена также во втором пласте кв. 6. Длина ее клинка около 78 см, ширина 2,6 см, длина рукояти 5,5 см (рис. 3, 1).

Железное перекрестие сабли (рис. 2, 4) размерами 10,2x2,4x1,2 см. Подобные перекрестия также хорошо известны в кремационных могильниках Причерноморья [Дмитриев, 2003, табл. 90, 44].

Аналогичные сабли широко распространены в кремационных памятниках VIII-X вв. Причерноморья [Кочкаров, 2008, с. 142-143] и Подонья [Михеев, 1985, с. 119-120].

Проведенные металлографические анализы средневековых клинков показали, что при изготовлении сабель кузнецами применялись весьма разнообразные технологии. Их отковывали из цельносталей или сварных (пакетированных) заготовок, используя сложные технологические схемы – варка, наварка, двухполосная сварка, применяли цементацию клинка, изготовленного из железа [Розанова, Терехова, 2004, с. 47-59]. Интересен и факт более тщательной обработки обоюдоострого конца сабель, в то время как на основной части лезвия располагалась структура мягкой низкоуглеродистой стали или даже железа. Эти исследования еще раз подтверждают предположение о колюще-рубящей функции сабель [Завьялов, 2004, с. 87].

Железные удила (рис. 2, 2). Размеры 20 x 14,5 см. Подобные удила известны в кремационных могильниках Сухая Гомольша в Подонье и могильника Дюрсо Северном Причерноморье [Михеев 1985, с. 119, рис. 10, 14; Дмитриев, 2003, табл. 91, 11].

Железное стремя (рис. 2, 1). Размеры: 20x13,5x0,9 см. Стремена этого типа широко распространены в памятниках VIII-IX вв. [Михеев, 1985, с. 119, рис. 10, 2,3; Дмитриев, 2003, с. 240, табл. 73, 9-10]. Относятся к типу Б1, по П.В. Красильникову, и довольно часто встречаются в памятниках раннебулгарского времени на территории Татарстана, Ульяновской и Самарской областей [Красильников, 2012, рис. 2, 1-4]. А.Н. Кирпичников относит эти стремяна к типу VI, который автор датирует IX-XI вв. [Кирпичников, 1973, с. 45, рис. 29].

На непосредственную культурную близость кремаций Северного Причерноморья и Подонья и на их возможную генетическую связь обращали внимание многие исследователи средневековой истории Северного Кавказа и всей лесостепной полосы Восточной Европы [Дмитриев, 1978, с. 49; Михеев, 1982, с. 165; Плетнева, 1990, с.83; Тарабанов, 1994, с. 58-59; Пьянков, Тарабанов, 1998, с. 18–24, 2004, с. 280-281].

Тот факт, что в материалах могильников предшествующего времени нет однолезвийных мечей или палашей, которые могли бы быть прототипами сабель, может, на наш взгляд говорить о двух вещах: они еще не выделены или же эти клинки не местного происхождения и они принадлежали населению, оставившему кремационные погребальные памятники.

Происхождение кремационного обряда на территории Северного Причерноморья и Подонья исследователи связывали с различными этносами, но наиболее вероятной нам представляется мысль о тюркском происхождении населения, оставившего эти могильники [Дмитриев, 1979, с. 55-56; Кызласов, 2003, с. 458- 459].

Литература

- Амброз А.К., 1986.** Кинжалы VI-VIII вв. с двумя выступами на ножнах //СА – № 4. – С. 53–73.
- Дмитриев А.В., 1978.** К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII – нач. IX века в районе Новороссийска- Геленджика // Тезисы докладов конференции. VIII «Крупновские чтения». – Нальчик. – С. 49.
- Дмитриев А.В., 2003.** Могильник Дюрсо-эталонный памятник древностей V-IX вв. // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV-XIII века. /Отв. ред. тома Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. Гл. ред. Б.А. Рыбаков – М.:Наука – С.200 – 206.
- Евтюхова Л.А., 1941.** Каменные изваяния Северного Алтая. // Труды ГИМ. – Вып. XVI. – С. 119 – 134.
- Завьялов В.И., 2004.** Археометаллографические исследования железных предметов из могильника у аула Ленинахабль (Адыгея). // КСИА. – Вып. 216. – С. 79 – 87.
- Красильников П.В., 2012.** К вопросу о типологии стремян с памятников раннебулгарского времени // Труды КАЭЭ. –Пермь. – С. 360 –367.
- Кирпичников А.Н.,1966.** Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. // САИ. – Е1-36. (I). – М.-Л.– 176 с.
- Кирпичников А.Н., 1973.** Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // САИ – Е1-36. – М. – 140 с.
- Кочкаров У.Ю., 2008.** Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII-XIV вв. (оружие ближнего боя). – М.:ТАУС –176 с.
- Кочкаров У.Ю., 2010.** Кинжалы Северо-Западного Предкавказья VIII-X вв. // РА –№ 1. –М. – С. 157 – 160.
- Крыганов А.В., 1989.** Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения). // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск. С. 98–114.
- Кухаренко Е.И., 1951.** О некоторых археологических находках на Харьковщине. // КСИ-ИМК. – Вып. 41. – М. – С. 99 – 108.
- Кызласов И.Л., 1980.** Аскизские курганы на горе Самохвал (Хакассия) // Средневековые древности евразийских степей /Под ред. С.А. Плетневой. – М.: Наука – С. 135 – 165.
- Кызласов И.Л., 1983.** Аскизская культура в Южной Сибири X -XIV вв. // САИ – Вып. Е3-18. – М.: Наука – 136 с.
- Михеев В.К., 1982.** Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша. // СА. – № 2. – С. 156 –166.
- Михеев В.К., 1985.** Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков: Изд-во «Вища школа» при Харьковском гос. ун-те. – 148 с.
- Плетнева С.А., 1990.** Хазарские проблемы в археологии. //СА – № 2. – С. 77 –92.
- Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 1998.** Кремационные погребения Кубани и Подонья Салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство. // Древности Кубани. – Вып.13. – Краснодар. – С. 18–24.
- Пьянков А.В, Тарабанов В.А., 2004.** Воинский комплекс 25 из Молдавановского могильника (раскопки 1989 года). // МИА Северного Кавказа – Вып.3 /Под ред. Е.И. Нарожного. – Краснодар: РИЦ АГАИ – С. 276-293
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 2004.** Технология изготовления кузнечных изделий из могильника Дюрсо близ Новороссийска: (К проблеме различных производственных традиций). // КСИА. – Вып. 216 – С. 47 –59.
- Тарабанов В.А., 1994.** Кремационные погребения VIII–X вв. на территории Краснодарского края и их этническая принадлежность. // XV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов – Кисловодск – С. 58–59.

Раздел 5: Из истории развития средневековых городов
Северного Кавказа
Section 5: From the history of the development of medieval cities
North Caucasus

ИЛЬИЧЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ – АЛАНСКАЯ СТОЛИЦА МАГАС? НОВЫЕ ПОДХОДЫ
К СТАРОМУ ВОПРОСУ

© **Джон Латам-Спринкл**

Отдел истории Университета Гента, Бельгия

Аннотация. Статья дает оценку недавним обсуждениям местоположения средневекового города Магаса – столицы северокавказского княжества Алании в X веке. Первая часть статьи резюмирует известную информацию о Магасе из арабоязычных, персидских и китайских письменных источников X–XIV веков. Следующая часть статьи кратко освещает некоторые недавние предположения о местонахождении Магаса. Третья часть суммирует ранее высказанные аргументы автора в пользу идентификации Магаса с Ильичевским городищем в Отрадненском районе в восточной части Краснодарского края. Наконец, статья отвечает на критику этого предположения, особенно на аргумент, что это городище расположено слишком далеко на западе, чтобы считаться Магасом. Пытаясь дать ответ, автор излагает аргументы в пользу локализации основной территории аланских правителей на Поурупье и верхнем течении Большой Лабы.

Ключевые слова: Алания, средневековье, Магас, формирование политики, Ильичевское городище, Поурупье, Верхняя Кубань, Северный Кавказ, монгольские нашествия, церковная архитектура, археология

WAS IL'ICHEVSK HILLIORT THE ALAN CAPITAL MAGAS? NEW APPROACHES TO
AN OLD QUESTION

© **Dr. John Latham-Sprinkle**

Department of History, Ghent University, Belgium

Abstract: This article assesses recent discussions over the location of the city of Magas, capital of the North Caucasian kingdom of Alania in the 10th century. The article's first part summarises the information known about Magas from Arabic, Persian and Chinese written sources of the 10th-14th centuries. Following this, the article briefly outlines several recent suggestions which have been made regarding the location of Magas. The third section of the article summarises the author's previous arguments in favour of the identification of Magas with Il'ichevsk hillfort in eastern Krasnodar Krai (see also Latham-Sprinkle, 2022). Finally, the article addresses several recent criticisms of this position, notably the argument that this site is too far to the west to be identifiable with Magas. In response, the author argues that there is good reason to believe that the original 10th century core territory of the Alan kings was located farther west than previously believed, in the Urup and upper Bol'shaia Laba valleys of Karachai-Cherkassia and eastern Krasnodar Krai.

Keywords: Alania, Middle Ages, Magas, formation of polities, Il'ichevsk hillfort, Urup river region, Upper Kuban, North Caucasus, Mongol invasions, church architecture, archaeology.

Местоположение города Магаса (арабский: معس , т.е.مغس; персидский: مکس, مگس ; китайский: 木柵山) является одним из самых спорных вопросов средневековой археологии Се-

Джон Латам-Спринкл
Ильичевское городище – аланская столица Магас?

Новые подходы к старому вопросу

верного Кавказа⁴³. Поиск столицы северокавказского аланского королевства IX-XII веков начался на самых ранних этапах научных исследований средневекового Северного Кавказа и продолжается до сих пор. Целями данной статьи являются, во-первых, изложение средневековых источников о Магасе; во-вторых, попытка кратко охарактеризовать аргумент, недавно опубликованный автором в статье британского журнала *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, который предполагает, что Магас может быть отождествлен с Ильичевским городищем на границе Краснодарского края и Карачаево-Черкесской Республики (Latham-Sprinkle, 2022); и, в-третьих, ответить на некоторые критические замечания к этому подходу.

Магас в письменных источниках

Упоминания города Магас в письменных источниках X–XIV вв. немногочисленные. Кроме общего отсутствия северокавказских письменных исторических, административных или судебных источников ни один византийский, грузинский или армянский источник не дает информации о Магасе. Однако молчание о Магасе этих дискурсивных традиций следует рассматривать не как свидетельство о незначительности города, а как элемент более общего отсутствия интереса по обществам Северного Кавказа. Поэтому мы полагаемся на арабскую географическую традицию, персидские хроники и монгольско-китайские биографии для поиска информации о Магасе⁴⁴.

1) **Аль-Масуди.** Единственный описавший Магас во время правления аланских королей источник — «*Мурудж аззахаб ва ма'адин ал-джавахир*» аббасидского путешественника и географа Абуль-Хасан Али ибн аль-Хусейн аль-Масуди (332-6/ 943-7) (al-Mas'ūdī 1962, p.173; al-Mas'ūdī 1966, p.228-30)⁴⁵. Хотя аль-Масуди сам никогда не путешествовал в Аланию, по всей вероятности, его повествование впитало опыт мусульманского работоторговца, который путешествовал по Северному Кавказу и соседним степным регионам. Эта точка зрения подтверждается важностью мусульманских работоторговцев в описании аль-Масуди битвы *Валандар в 320 г. а.х./ 932 г. н. э. (al-Mas'ūdī 1962, p.178; al-Mas'ūdī 1966, p.237). Эта дата связана с его рассказом об Алании, так как аль-Масуди подчеркнул, что король Алании отступился от христианства именно после 320 г. а.х. Использование этой даты означает, что информация аль-Масуди об Алании может быть связана с отчетом этой группы работоторговцев. Таким образом, важность упоминания аль-Масуди об Алании заключается в его близости к самостоятельному рассказу очевидца.

Рассказ аль-Масуди дает нам следующую информацию о Магасе. Город являлся основной резиденцией аланского князя и его двора (*дар мамлакат аль-лан*), но не единственной, правитель вел перипатетический образ жизни и имел другие места для проживания. Местоположение города в центре густонаселенного региона подразумевается, но не указывается прямо. Важный элемент отчета аль-Масуди, который также косвенно связан с описанием Магаса, заключается в том, что аланские князи недавно (т.е. в середине 930-х годов) отвергли христианство и изгнали византийских священников из Алании.

2) **Джувейни.** Все другие упоминания Магаса относятся к эре монгольского нашествия на Северный Кавказ в 1237-1240 гг., во время которого Магас был осажден и захвачен.

⁴³ Статья была написана при поддержке фламандского совета по научным исследованиям (Fonds voor Wetenschappelijk Onderzoek) (проект номер 12ZP222N, «The Northwest Caucasian Slave Trade and the Making of Global Slavery, 1261-1475»).

⁴⁴ Этот список исключает спорные источники, которые исследователи попытались связать с Магасом (Hudūd al-Alam, 1970, p.160-161; Minorsky, 1952, p.233-234); краткие сведения, которые только отмечают что город Магаса взялся монголами (de Rachewiltz, 2004, p.164), и заметки, которые повторяют информацию предыдущих источников (Yāqūt al-Ḥamawī, 1861, p.51-52).

⁴⁵ В старой литературе, название аль-Масуди иногда приписывается «Абул-кассим». Однако, такого автора никогда не существовало, он был фиктивным путешественником, изобретенным шведским писателем Абрахамом Д'Оссоном, который использовал описание Кавказа аль-Масуди (d'Ohsson 1828, p. I-III).

Старейший по дате из этих источников – «*Та'рих-и джахангушай*» персидского придворного Ала ад-дин Ата Малик ибн Мухаммед Джувейни (649-659/ 1252-60) (Juvainī, 1912, p.224-5; Juvainī 1958, p.268-70). К сожалению, довольно географически запутанное упоминание Джувейни о Магасе дает мало информации о местонахождении города и даже подразумевает его расположение в Руси.⁴⁶ Более того, очевидно, что интересующие нас детали о локализации и истории Магаса не были главной задачей автора, целью которого было прославление Чингизидов и принижение их врагов. Например, большая часть описания Магаса в «*Та'рих-и джахангушай*» отдана расширенному каламбуру о названии города, которое может переводиться с персидского как «муха». Трактование Джувейни направлено на анимализацию жителей аланского города и оправдание их убийства. Поэтому невозможно истолковывать буквально отчет Джувейни о быстрой победе монголов над защитниками Магаса.

Джувейни описывает Магас как огромный город с 270 000 убитых жителей. Тем не менее, согласно Джувейни, Магас находился в густом лесном районе, и инженерам монгольского войска нужно было прорубить путь через лес для подвоза мангонелей (*муджаник*). Точной информации об обороне Магаса Джувейни не дает; использованное хронистом слово для «стен» - *бара* - обобщенное, и не указывает были ли стены Магаса каменными или нет (например, то же слово было использовано для описания стен из сырцового кирпича центральноазиатского города Отрара [Juvainī, 1912, p.64; Juvainī, 1958, p.83; см. также: Jansen et al., 2003, p.39]. По словам Джувейни, через несколько дней (*чанд руз*) после подвоза катапульта на позиции город пал.

Как известно, число упомянутых хронистом жителей Магаса маловероятное [Minorsky, 1952, p.222-3; Нарожный, 2021a. с.41-2]. Однако другие детали этого описания тоже сомнительны, судя по противоречиям других, более точных, источников. Длительность осады в изложении Джувейни короткая, в отличие от трех месяцев Юань-Ши (см. ниже). Более того, в противоположность претензии Джувейни об эффективности мангонелей, Юань-Ши описывает прямой штурм крепостной стены с использованием лестниц [Храпачевский, 2009. с.172]. Таким образом, нам следует быть осторожными в наших интерпретациях отчета Джувейни из-за этих противоречий. Самое важное, что описание покорения Магаса в «*Та'рих-и джахангушай*» служило риторической цели автора, не будучи прямо историческим в отношении точного учета прошлых событий.

3) **Рашид ад-Дин.** Отчет хулагуидского министра Рашида ад-Дин Фазлуллах ибн Абуль-Хайр Али Хамадани о покорении Магаса фигурирует в его монументальной универсальной хронике «*Джами ат-Таварих*» (710/1311-12) [Rashīd al-Dīn, 2016a. p.599; Rashīd al-Dīn, 2012, p.232]. Хотя он имеет некоторые сходства с пропагандистскими целями Джувейни, в результате использования официальных монгольских архивов отчет Рашида ад-Дина о монгольских походах на Северном Кавказе дает более конкретные сведения (Rashīd al-Dīn, 2012, p.x-xi). Мы узнаем, что два монгольских тумена (армии), первой под командованием Мункэ и Кадана, второй под командованием Гуюк и Бури, понадобились, чтобы покорить город Магас. По словам хрониста, осада Магаса продолжалась 1 месяц и 15 дней. Далее в хронике Рашид ад-Дин отмечает достижения Мункэ, включая захват «начальника племен асов Аджис» (*мугдам-и агвам-и ас аджис*). Был ли Аджис командующим Магаса не ясно и, учитывая, что имя Аджис фигурирует в шаблонном списке покоренных вражеских начальников, к утверждению, что он был главным лидером алан, стоит относиться скептически [Rashīd al-Dīn, 2016b, p.729; Rashīd al-Dīn, 2012, p.285].

Существует несколько расхождений в историографии о предоставленной Рашидом ад-Дином дате осады Магаса, которые происходят от перевода дат с китайского календаря в календарь хиджры и перевода с персидского на русский в сборнике В.Г. Тизенгаузена [Тизен-

⁴⁶ Эта ошибка привела несколько специалистов к попытке найти Магас на Руси, но большинство исследователей отрицали эти теории [Тизенгаузен, 1941, с.21; Ostrowski, 1998, p.465-470; Minorsky, 1952, с.234; Туаллагов, 2017, с.534-546].

Джон Латам-Спринкл
Ильичевское городище – аланская столица Магас?
Новые подходы к старому вопросу

гаузен, 1941, с.37]. По персидскому тексту хроники осады Магаса происходила зимой, в конце китайского года свиньи (*сал-и хук*), но «тот поход» (*ан черик*) все еще продолжался, когда начался новый китайский год мыши (*сал-и муш*). Весной, после падения Магаса, часть монгольского войска была выделена, чтобы захватить «Тимур Каналка», т.е. Дербент.⁴⁷ По комментарию Рашида ад-Дина, год свиньи соответствовал 636 г.х. (т.е. с 14 августа 1238 г. до 5 июля 1239 г.), и Тизенгаузен дополнял соответствие между китайским годом мыши и мусульманским 637 годом (т.е. с 6 июля 1239 г. до 23 июня 1240 г.). Однако последнее соответствие не фигурирует в персидском тексте хрониста Рашида ад-Дина и, в любом случае, годы по календарю хиджры и по китайскому календарю не совпадают точно. Эта проблема видна в тексте «*Джами ат-Таварих*», т.к. завершение 636 года г.х. приходится на июль, но начало китайского года мыши приходится на зиму. Однако мы узнаем, что кампания против Магаса закончилась зимой, начавшись в китайском году свиньи и закончившись в китайском году мыши. При переводе даты по историческому китайскому календарю начало года мыши приходилось на 26 января 1240⁴⁸. Таким образом, расхождения между датами падения Магаса в источниках «*Джами ат-Таварих*» и «*Юань-Ши*» нет, и мы можем датировать осаду аланского города зимой 1239-40 годов.

4) **Юань-Ши.** Последними важными источниками об осаде Магаса являются несколько кратких биографий слуг китайской-монгольской династии Юань, которые содержатся в китайской династической истории «*Юань-Ши*» (1369) [Храпачевский, 2009. с.242; Храпачевский, 2013, с.47; Allsen, 1987, p.5-40; Alemanu, 2000, p.415]. По стандартной китайской исторической практике эта история была составлена при последующей династии Мин, но, по всей вероятности, биографии были основаны на более старых записях императорского двора династии Юань (Humble, 2017, p.1-19). Парадоксальная ценность описаний осады Магаса в этих источниках состоит в том, что сами описания аланского города не так важны для общей цели работы. Биографии в «*Юань-Ши*» представляют собой прославление деятельности предков важных императорских слуг и косвенно их потомков. Дискурсивная задача биографий в «*Юань-Ши*», таким образом, напоминает предназначение династических хроник Джувеини и Рашида ад-Дина. Однако, в отличие от последних, место действия сюжетов биографий не так важно, как сами действия. В источнике, который прославляет командующего захватившего город войска, говорится о мощности захваченного города, что прямо укрепляет аргументы работы. В источнике, который прославляет индивидуального солдата в той же армии, точная планировка вражеской крепости не играет такую центральную роль. Например, размер стен крепости не так важен, как то, что солдат захватил стены аланского города (или русского, китайского, и т.д.). Тем не менее, существование стен и другие малые детали важны в создании «эффекта реальности»: формировании достоверного образа [Barthes, 1989. p.137-40]. Так как эти малые детали лишь косвенно соответствуют главной цели работы, по сравнению с донесениями о Магасе в императорских хрониках Рашида ад-Дина и Джувеини, шанс искажения описаний Магаса в целях пропаганды в биографиях «*Юань-Ши*» меньше.

Интересующих нас биографий в «*Юань-Ши*» три. Они описывают штурм Магаса. Интересно, что все эти биографии относятся не к монголам, а к членам покоренных народов: тангутам (Шири-Гамбу), половцам (Бальдучак) и аланам (Матарша). И Шири-Гамбу, и Бадур приняли участие в прямом нападении на Магас, поэтому кажется, что первая волна штурмовых отрядов состояла из монгольских союзников и пленников - тактика, использованная в осадах других городов [Biran 2015. p.31]. Кроме их участия мы ничего не знаем о действии Матарши и Бальдучака в захвате Магаса. Однако биография Шири-Гамбу дает более инте-

⁴⁷ В переводе В.Г. Тизенгаузена указано, что этот отряд также занял «область Авир», но это место не фигурирует в персидском издании текста Рашид ад-Дин Мухаммада Рушана.

⁴⁸ См.: <https://ytliu0.github.io/ChineseCalendar/>. Этот конвертер основывается на китайской книге *Sānqiān Wūbāiniǎn Lìrì Tiānxiàng* (Zhang, 1997).

ресную информацию. Во-первых, в ней приводится точная дата осады: с одиннадцатой луны года свиньи (*цзи-хай*) (27 ноября— 26 декабря 1239 г.) до первой луны весной следующего года (года мыши; 6–24 февраля 1240 г.). Эти даты совпадают не только с краткой запиской в исторической части «*Юань-Ши*» [Храпачевский, 2009. с.175], но также, как мы видели, с хроникой Рашида ад-Дина. Во-вторых, биография Шири-Гамбу подтверждает, что оборонительное преимущество Магаса было основано на ландшафте расположения города. В-третьих, мы узнаем о том, что у Магаса также были и стены, которые в отличии от описания в хронике Джувейни, все еще стояли во время последнего штурма. В-четвертых, биография Шири-Гамбу сообщает о том, что не все население города было убито, а что часть была взята в плен, включая 11 человек плененных солдатом по имени Не Юнь-Типод под командованием Шири-Гамбу.

Таким образом, средневековые письменные источники о Магасе говорят нам о следующем:

1. Магас был оккупирован, как минимум, с начала X века до середины XIII века.
2. Город был столицей аланского княжества в X веке.
3. Магас обладал значительными естественными оборонительными преимуществами и был сильно укреплен. Эта фортификация была настолько мощной, что двум монгольским туменам пришлось осаждать город в течение трёх месяцев до начала штурма. Несмотря на попытки осаждающих пробить брешь в стенах города катапультами, для взятия города был необходим прямой штурм.
4. Монгольская армия под командованием генералов Мункэ и Гуюка захватила Магас в феврале 1240 г. После штурма большая часть населения была убиты или порабощена.

Местонахождение Магаса по археологическим данным. Некоторые из подходов

Как правильно отметили В.Б. Виноградов и Е.И. Нарожный, имеющаяся информация о местоположении Магаса по письменным источникам немногочисленна и достаточно расплывчата, что порождает многочисленные интерпретации [Нарожный, 2021а, с.39]. Тем не менее, четыре изложенных выше «критерия» для идентификации Магаса могут исключить большинство этих предположений. Предлагаемые местонахождения Магаса уже были изложены в нескольких недавних статьях [Нарожный, 2016; Туаллагов, 2017; Нарожный, 2021б, с.145; Latham-Sprinkle, 2022, p.3-9], и поэтому нет необходимости повторять все детали. Вкратце городища, которые предварительно были идентифицированы как Магас, или не могут датироваться X–XIII вв. (Али-Юрт, Алхан-Кала, Манхуегъепс), или не имеют следов и признаков монгольского штурма (Кяфар, Нижний Архыз, Верхний Джулат). Интересна теория Л.Э. Голубева о том, что Магас был не одним реальным городом, а репрезентацией всей Алании, что возможно, но маловероятно [Голубев, 2017, с.50-51]. Это предположение не объясняет, почему Магас был описан непосредственно как единый город в трех дискурсивных традициях разных веков (арабская географическая традиция в X веке, персидская историческая традиция в XIII–XIV веках и китайская биографическая традиция в XIV веке).

В этом контексте недавно появился интересный аргумент Е.И. Нарожного, что городище Нижний Джулат в Республике Кабардино-Балкария могло быть Магасом [Нарожный, 2021а; 2021б; 2022]. У этого предположения есть одно важное преимущество: в раскопчном материале Нижнего Джулата есть данные об уничтожении оборонительных сооружений вокруг цитадели в XIII веке [Чеченов, 1968; Зиливинская, 2015, с.113-18]. Важность этого открытия в том, что, включая Нижний Джулат, только три известных автору городища на Северном Кавказе имеют слои разрушения, связанные с периодом нашествия монголов. Однако полагаю, что одного этого доказательства недостаточно, чтобы приравнять Нижний Джулат к Магасу. XIII век на Северном Кавказе известен как период широкомасштабного насилия. По хронике Рашида ад-Дина кажется, что поход Мункэ в Алании длился с конца его кампании против черкесов в конце года свиньи (зимой 1238-1239 гг.) до штурма Магаса следующей весной (1240 г.) [Rashīd al-Dīn, 2016a, p.599; Rashīd al-Dīn, 2012, p.232]. Кроме того, био-

Джон Латам-Спринкл
Ильичевское городище – аланская столица Магас?
Новые подходы к старому вопросу

графии в Юань-Ши дают представление о хаотической ситуации в Алании в 40-х годах XIII века. Например, Ваймас, жена аланского союзника монголов Ханхуса, была вынуждена сама возглавить войско убитого мужа, чтобы защитить его земли [Храпачевский, 2009, с.245]. Сын другого аланского союзника монголов Арслана тоже погиб в сражении с аланским войском под руководством Дуергэ [Храпачевский, 2009, с.244; Alemany, 2000, p.408-9]. Ясно, что в таких условиях должны были быть атакованы и уничтожены многочисленные городища и поселения помимо Магаса, или непосредственно монголами, или во время гражданских войн после их нашествий. Поэтому, невозможно приравнять одно городище со слоями разрушения XIII века к Магасу без дополнительного подтверждения. Самое важное то, что любая предполагаемая локация города должна свидетельствовать не только о нашествии в XIII веке, но и о влиянии аланских правителей, чьей столицей был город Магас.

Ильичевское городище – город Магас?

Единственное из ныне известных нам городищ, которое соответствует четырем установленным в процессе исследования средневековых источников «критериям» для локализации Магаса – Ильичевское городище в Отрадненском районе Краснодарского края. Конечно, наше знание средневековых городищ Северного Кавказа неполное, а понимание несовершенное. Возможно, что раскопки на каком-либо другом городище могут доказать, что это поселение было Магасом. Однако в настоящее время ни одно раскопанное городище на Северном Кавказе не является лучшим кандидатом на роль Магаса, чем Ильичевское.

Автор этих строк уже изложил аргументы в пользу отождествления Ильичевского городища со средневековым городом Магасом (Latham-Sprinkle, 2020; Latham-Sprinkle, 2022). Поэтому эта статья только резюмирует высказанную точку зрения и добавляет новые сведения. В двух словах: археологический памятник – Ильичевское городище – отвечает каждому из «критериев» для идентификации Магаса:

1) Ильичевское было населено, как минимум, с X века до середины XIII века нашей эры. Первая дата основана на раскопках храмов № 2 и № 6, проведенных В.Н. Каминским и И.В. Цокур (Каминской) [Каминский, Каминская, 1996, с.172-8; Каминский, Каминская, 2008, с.487-8]. Судя по стратиграфическим данным в отчетах Каминского и Каминской, эти храмы были построены в конце IX века или в самом начале X века. Эта дата была основана на том факте, что мусор из строения храма № 6 заполнил полуземлянку IX века, которая датировалась на основе открытия фрагментов горшков, кувшинов, корчаг с налепными валками, кружек, и стеклянных сосудов. Эта датировка подтверждалась данными из могильников в скалах вокруг Ильичевского (балках Сосенки, Балабанка, Гамовских, реках Кува, Уруп), где были найдены фрагменты керамики, стеклянные и деревянные сосуды, бронзовые украшения, украшения из морских раковин, и железные орудия VI-XIII веков, помимо бронзовых и золотых индикаций VIII-IX вв. включая один из солида византийского императора Ираклия I (610- 641 гг.) [Ложкин, 1984, с.49-53; Каминская, 2008, с.568-9; Пьянков, Симонянц, 2020, с.8-15]. *Terminus post quem* оккупации Ильичевского можно определить на базе височного кольца XIII века, которое было найдено вместе с черепом ребенка, очевидно погибшего в ходе разрушения храма № 5 (Каминский, Каминская, 1996, с.172). Хотя несколько монет и железных крестов золотоордынской эры были найдены вокруг Ильичевского городища, прямым указанием на послемонгольскую оккупацию городища они не послужили [Ложкин, Малахов, 1996, с.202-209; Маслова, 2001].

2) Данные о храмах № 2 и № 6 свидетельствуют о том, что аланские правители контролировали религиозную жизнь Ильичевского городища. Вскоре после их постройки оба эти храма были снесены без признаков пожара или военных действий [Каминский, Каминская, 1996, с.175-176]. Можно связать эту практику с аналогичным сносом Сентинского храма в середине X века. Д.В. Белецкий и А.Ю. Виноградов связали снос храмов Сенты и Ильичевского с временным отказом от христианства аланским правителем после его поражения от хазарского каганата около 932 года, о котором писал аль-Масуди [Белецкий, Виноградов,

2011, с.37]. Самое интересное, что в 960-х годах храм Сенты находился под патронажем аланских правителей, о чем свидетельствует известная надпись 965 года [Белецкий, Виноградов, 2011, с.241-5]. Можно предположить, что и Сентинский, и Ильичевские храмы были снесены по приказу аланского правителя, что указывает на то, что ранние храмы Ильичевского городища также находились под патронажем аланских правителей. В письмах византийского патриарха Николая Мистика (914-925) часто отмечается близкая связь между аланским двором и судьбой христианства в Алании. По словам патриарха, успех христианизации брачных обычаев зависит от «постоянного совета к начальнику (аланского) народа», чье принятие христианства позволило византийским миссионерам начать свою миссию в Алании [Nicholas, 1973, p.279-281, 433-435]. Конечно, следует скептически относиться к аристократическому уклону патриарха, который, подобно другим церковным авторам, переоценил важность княжеской инициативы в распространении христианства (Sterk, 2010). Судя по отсутствию в аланском княжестве государственных структурах, например, письменного делопроизводства, маловероятно, что у аланских правителей X века была власть, чтобы заставить принявшие христианство северокавказские народы отказаться от своей религии, кроме в «основной области», вокруг которой они регулярно путешествовали во время своего «полюдь» [Кобищанов, 1995, с.236-264]. Таким образом, то, что церкви Ильичевского городища были разобраны, как в и Сентах, убедительно свидетельствует о том, что эта «основная область» аланского княжества находилась в районе Верхней Кубани, а именно, на Поурупье.

Есть два дополнительных аргумента, которые говорят в пользу предположения о том, что Ильичевское городище было княжеской резиденцией в начале X века или позднее. Во-первых, Д.В. Белецкий и Ю.А. Виноградов предполагают, что храм № 3 мог содержать княжеский склеп в нефе [Белецкий, Виноградов, 2011, с.284-285]. К сожалению, кажется, что археолог-краевед М.Н. Ложкин, проводивший раскопки храма № 3 так и не подготовил полный отчет [Пьянков, Симонянц, 2020, с.9]. Поэтому, хотя мы и имеем краткие упоминания этого «княжеского» склепа в изданиях М.Н. Ложкина [Ложкин, 1973, с.274-275; 1984, с.58], отсутствие полного описания этого склепа означает, что без новых раскопок невозможно быть уверенным в социальном статусе погребенного.

Во-вторых, из грузинской хроники «*Матиане картлиса*» следует, что главная зимняя резиденция аланского правителя находилась на Верхнем Прикубанье. Судя по хронике, около 1068 года аланский король Дургулель со свитой знати ездил в Грузию по абхазскому пути, который проходил между городом Кутаиси и Аланией [Kartlis Tskhovreba, 2008, p.295; Kartlis Tskhovreba, 2014, p.161-2]. Дургулелю пришлось прервать свое пребывание в Грузии из-за наступления зимы, и он вернулся в Аланию по этому же пути. С учетом сложности путешествий по Кавказу зимой, можно предположить, что зимняя резиденция аланского правителя должна была находиться в том регионе, куда он вернулся из Грузии, т.е. в Верхнем Прикубанье.

3) Как сообщают М.Н. Ложкин, В.Н. Каминский и И.В. Цокур (Каминская), Ильичевское городище было сильно укреплено [Ложкин, 1973, с.270; Каминский, Цокур, 2001, с.171; Цокур, 2001, с.257]. Как описывает М.Н. Ложкин оборонительные линии Ильичевского городища: «Городище защищено ... с севера (со стороны степи) перекрыто системой рвов, валов и оборонительных стен. Остатки двух каменных стен прослеживаются и в узкой южной части плато ... Первая линия обороны (ров и вал) возведена с напольной (северной и северо-восточной) стороны городища ... Оплывшие ров и вал тянутся на расстояние около 1 км с запад на восток ... В 3 км к югу от первой линии обороны наблюдается вторая, состоящая тоже из рва и вала ... и имеет длину 425 м. Следы третьего рва и вала длиной 70 м видны на расстоянии 1,3 км к югу от второй линии обороны ... В 1 км к югу при въезде на «Поляну летней МТФ», заметны следы предполагаемой оборонительной стены ... В 1 км к югу-западу прослеживается вторая стена ... В 7 км юго-западнее «Поляны летней МТФ» обнаружены еще две крепостные стены, перекрывавшие седловину между р. Гамовской и балкой Перевертайкой, выходящей к р. Уруп. Внешне они прослеживаются как задернованные каменные валы, поросшие лесом. Высота валов до 1,0, ширина 6,5, длина северной стены 130, южной –

Джон Латам-Спринкл
Ильичевское городище – аланская столица Магас?

Новые подходы к старому вопросу

85 м» [Ложкин, 1973, с.270]. Кроме того, скалы рек Кува и Уруп служили естественной линией обороны. Площадь, заключенная в оборонительные линии Ильичевского городища, составляет около 600 га. По сравнению с другими средневековыми городами, это огромное городище превосходит по размерам любой другой средневековый город в Западной Европе до XIV века, кроме Парижа [Cesaretti et al, 2016].

И представляется особенно интересным то, что южная стена городища была построена с помощью строительного раствора. Как отмечают В.Н. Каминский, И.В. Цокур и М.С. Гаджиев, в центральной части Северного Кавказа такую методику строительства использовали только в оборонительных стенах, построенных иностранными мастерами, например, как на городище Хумара, на Верхней Кубани (КЧР) и, «касарской стене» в Алагире (РСО-Алания) [Каминский, Цокур, 2001, с.171-172; Албегова, 2010, с.36-39; Гаджиев, 2013, с.51-63]. Учитывая огромные размеры Ильичевского городища, это говорит о политическом влиянии и международных связях его правителей.

Таким образом, если отчеты М.Н. Ложкина, В.Н. Каминского и И.В. Цокур являются достоверными, можно сказать, что у Ильичевского городища были многочисленные стены, валы, рвы, и другие линии обороны [Нарожный, 2021а, с.42-4; 2021б, с.145]. Как мы отмечали выше, не следует ожидать, что стены Магаса были уничтожены монгольскими катапультами и поэтому остается вероятность того, что Ильичевское городище было Магасом. Конечно, возможно, что оборонительные сооружения Ильичевского сильно обветшали за 60 лет, прошедшие с момента первоначального осмотра городища М.Н. Ложкиным. Поэтому, как Е.И. Нарожный верно заметил, этот вопрос могут решить только новые археологические работы [Нарожный, 2022, с.139].

4) Несмотря на оборонительную мощь городища, остатки храма № 5 свидетельствуют о нападении на городище в середине XIII века [Каминский, Каминская, 1996, с.172; Филиппов, 2012, с.9]. В ходе своих раскопок В.Н. Каминский и И.В. Каминская нашли остатки обгорелых досок кровли храма. Кроме того, археологи нашли скелет ребенка на паперти храма, который может быть датирован серединой XIII века на основе найденного в руинах храма № 5 височного кольца. Также в стенах храма был найден наконечник стрелы монгольского типа. Но самым главным является то, что остатки обгорелой кровли храма не удалили, и останки ребенка не похоронили. Поэтому, похоже, что отмеченные следы разрушения храма были не случайными, а прежнее население городища не могло перестроить церковь или даже похоронить погибших. Вместе с очевидной датировкой скелета, все, ныне известные сведения о храме № 5, вполне документируют предположение, что храм был разрушен в результате монгольского похода. Они очень напоминают археологические данные о монгольских набегах в Венгрии в 1241-42 годах, где тоже были найдены скелеты непогребенных тел и остатки сожженных сооружений, которые не были восстановлены после разрушения [Lazlovsky et al, 2018, с.423-7].

Итак, памятник Ильичевского городища отвечает всем четырем «критериям» для локализации Магаса. Есть сведения об оккупации городища с десятого до тринадцатого века, о присутствии княжеских элит, о мощной его фортификации и о военном нападении на него в середине XIII века.

Можно также добавить еще один аргумент в пользу этой точки зрения. Возможно, что до нас дошли приблизительные координаты политического центра Алании – т.е. города Магаса. Эти координаты сохранились в арабской географии Ибн Саида аль-Магриби (675/ 1276-685/ 1286) (Ibn Sa'īd al-Maghribī, 1970, p.196-7)⁴⁹. Согласно географу, «город Алании» (*мадинат эллания*) находился на 46° широты и на 69° долготы. В этом контексте можно переводить «город» как «политический центр», следуя конвенции исламизированной географии, в которой центры политической власти были представлены как города [Kaplony, 2008, с.143-

⁴⁹ То же описание Алании также было перефразировано в географии Абу-ль-Фида (721/ 1321) (Abū al-Fidā, 1848, p.287-289).

8]. Конечно, координаты этого «города» очень неточные, и не следует пытаться использовать их как координаты на современной карте. Однако можно определить приблизительное положение «города Алании» относительно координат других известных нас местоположений на Кавказе. Это, возможно, поскольку средневековые географы исламизированной традиции вычисляли долготу с использованием расстояния между пунктами на карте из-за отсутствия точных часов [Mercier, 1992, p.175-8]. Мы знаем, что Ибн Саид рассчитывал каждый градус долготы как 98,666 километров (66,66666 римских миль). Каждый градус широты, который мог быть рассчитан измерением положения Солнца, может быть вычислен как расстояние в 102,12 километров (69 римских миль). Поэтому мы можем предполагать, что «город Алании» находился примерно в 49,333 км к востоку от «города Абхазии» (46° широты 68° 30' долготы) (может быть, Сухум или Пицунда). «Город Алании» тоже был примерно в 434,13 км к западу и в 34,04 км к северу от Дарьяла (45° 40' широты 73° 24' долготы). Если бы мы пытались буквально интерпретировать эти координаты, они бы не имели смысла из-за своего противоречия друг другу (434 км к западу Дарьяла – это к северу от Абхазии, а не к востоку). Однако, ввиду несовершенства картографических методов XIII века, особенно в таких гористых районах как Северный Кавказ, география Ибн Саида создает у нас впечатление того, что политический центр Алании находился к востоку от Абхазии и к западу-северо-западу от Дарьяла, намного ближе к Абхазии, чем к Дарьялу. Такое расположение общих черт соответствует Верхней Кубани. Хотя география Ибн Саида не дает нам точного местонахождения Магаса, источник служит дополнительным подтверждением тому, что политический центр Алании находился на Верхней Кубани.

Было ли Ильичевское городище Магасом? Критика

Это подтверждение важно в свете некоторой недавней критики версии об идентификации Ильичевского городища с Магасом. Если конкретнее, утверждалось, что Ильичевское городище не может быть идентифицировано как Магас потому, что это городище находится в дальнем западном районе аланской культурной зоны.

В одном варианте этого аргумента специалисты в пользу определения Магаса с каким-либо городищем в Чечне или Ингушетии иногда ссылаются на арабскую географию Ибн Руста [Кодзоев, 2003, с.24-7]. Этот источник был написан примерно в 290/ 903- 300/ 913 годах на основе более древнего описания Кавказа, которое датируется примерно 870 г. [Савенко, 2017, с.22]. В отчете Ибн Руста об Алании географ комментирует, что после трехдневного путешествия из территории Сарира (локализуемое в долине реки Авар Кой-Су в Дагестане), путешественник приходит к «князю Алании» (*малик ал-Лан*) [de Goeje, 1892, p.148; Minorsky, 1958, p.169]. Эта речь была истолкована как указание на то, что локация резиденции аланского правителя, т.е. Магас, было в трех днях пути из Сарира, и поэтому местоположение аланской столицы приходилось предполагать на территориях современных республик Чечни или Ингушетии. Однако из текстовой истории этого отрывка ясно, что смысл слов «*малик ал-Лан*» – это *полития* Алании, а не правитель Алании. По традиции арабской географии, возможно, что упоминание правителя используется для обозначения всей политики, *pars pro toto*. То, что замечание Ибн Руста относится именно ко всему княжеству Алания, становится ясным благодаря персидскому переводу того же отчета в географической части «*Зайн ал-Ахбар*» историка Гардизи (ок. 440/ 1049- 443/ 1052) [Gardīzī, 1984, p.595]. В этом переводе автор дополнил объяснение, что место, до которого путешественник доходит после трехдневного пути из Сарира является *границей* (*сархад*) Алании. Таким образом, этот отрывок из географии Ибн Руста и Гардизи относится не к Магасу, а границе аланского королевства.

Ядро проблемы, с которым мы сталкиваемся здесь в том, что термин «Алания» использовался во многих значениях и в дошедших до нас средневековых источниках, и в современной научной литературе. Смыслы слов: «Алания», «алан» или «аланский» включают политическую единицу, географический-этнографический район, археологическую культуру, восточноиранский язык и его носителей, этническое единство (самоидентификация или

Джон Латам-Спринкл
Ильичевское городище – аланская столица Магас?
Новые подходы к старому вопросу

определение сторонними лицами) и население, имевшее биологические контакты. В случае средневековых источников об аланах мы сталкиваемся с этой проблемой различных значений терминов «Алании» и «аланы», особенно часто географическое-этнографический и политическое смыслы. Ситуация сложная, но первое значение преобладает в арабских источниках IX-XII веков, опираясь на конвенции классической сасанидской географии. В этих более старых среднеперсидских источниках этноним «аланы» был общим термином для обозначения племен центральной части Северного Кавказа и степей к северу. Например, в потерянной сасанидской хронике «*Хвадай-намак*», на основе которой было создано описание алан в новоперсидском эпосе «*Шахнаме*», название «алан» относилось к различным группам Северного Кавказа и степей [Alemany, 2000, p. 347-361]. Это использование повлияло на исламизированную арабоязычную и новоперсидскую традицию географии, так как большинство ранних описывавших алан географов происходили из Ирана (ат-Табари, Ибн Хордадбех, Ибн ал-Факих, Ибн Руста, анонимный автор географии «*Худуд аль-Алам*»). Эта сасанидская этнографическая-географическая традиция была источником использования этнонима «алан» для обозначения всех племен и народов центрального Северного Кавказа в таких работах, как «*Китаб ал-алак ан-нафиса*» (Ибн Руста) и «*Худуд аль-Алам*». Ситуация осложняется тем, что в этих работах географическое и политическое понятия термина «алан» пересекаются самым конкретным образом тем, что у аланского народа есть князь. Однако, даже в старших арабских описаниях Алании полития уже полностью сформирована [Ibn Khurradādhbih, 1889, p.125, 163; Ibn al-Faqīh, 1973, p.351-353; de Goeje, 1892, p.148; Minorsky, 1958, p.169]. Как следствие этих проблем, данные этих ранних арабских географических работ нельзя использовать как доказательство ни точного местонахождения первоначального ядра аланского княжества, ни процесса его формирования. Чтобы пролить свет на эти вопросы, нужно рассмотреть другие источники.

Чтобы привести другие источники для обсуждения, можно впервые ответить и на другую критику идентификации Ильичевского городища с Магасом. Некоторые исследователи также считают, что по стратегическим причинам, например, для обороны столицы местоположение Магаса должно было быть в центре Алании, а не на его западной границе [Кодзоев, 2021, с.8-10]. Однако сравнительные сведения из других средневековых политий доказывают, что столица не обязательно должна была находиться в географическом центре территории и могла располагаться около границы или в другом доступном месте (Bogdanovic, 2016). Например, столицы Первого Болгарского царства – Плиска и Великий Преслав находились в самом южном районе территории под властью болгарских царей, часто в непосредственной близости от византийских войск, как во время византийских походов в Болгарию в 811 и 969 годах. Наоборот, с VII до XI веков, Константинополь находился в северном краю византийской территории. Тот же принцип применяется и в современных государствах, например, Россия. Если бы мы не знали, где расположена Москва и искали бы столицу современной России таким же образом, как неизвестную столицу Алании, считали бы мы, что Москва находится в западной Сибири?

На это можно было бы ответить, что историческое формирование России отличается от Алании и Москва находится в историческом ядре России, из которого Московское, а затем и Российское государства расширялись. Однако, полагаю, что подобное территориальное расширение с запада на восток могло иметь место и для Алании. Существуют сведения в пользу позиции, что первоначальное ядро территории аланских правителей было расположено на Верхней Кубани и, возможно, именно на Поурупье.

Как мы видели выше, в XI и XIII веках грузинские и арабские источники локализовали политическое ядро аланского княжества на Верхней Кубани. Однако, использование термина «Алания» для обозначения политии в этом же районе гораздо старше. С чисто исторической (в отличие от археологической) точки зрения, ранняя история Алании особенно неясная, из-за почти полного и общего молчания византийской и арабоязычной исторических традиций с середины VII до конца VIII века. Кроме даты первого формирования Алании не

ясно, было ли аланское княжество IX-XII веков династическим и/или идеологическим продолжением ранних политий VI и VIII веков, отмеченных византийскими хронистами Прокопием Кесарийским, Агафием Миринейским, Менандром Протектором и Феофаном Исповедником [Alemany, 2000, p.170-172, 183-187, 194-204], а также его отношения с многочисленными северокавказскими племенами, отмеченными в «Армянской географии» VII века [Alemany, 2000, p.281-284; см.: также Ковалевская, 2005, с.106-110; Коробов, 2019, с.104-110]. Тем не менее, оставив в стороне эти дискуссии, возможно локализовать аланское княжество X века через сравнение отчета аль-Масуди и письма Николая Мистика. Аланская полития, описанная в географии аль-Масуди, определенно совпадает с аланским княжеством, упомянутым в письмах византийского патриарха, что демонстрируется заметками аль-Масуди о присутствии византийских священников в Алании до 932 года. Поэтому, если бы мы могли идентифицировать местонахождение отмеченной Николаем Мистиком аланской политии, то мы могли бы стать на шаг ближе к определению местоположения Магаса и ядра аланского княжества X-XII веков. Логично предположить, что Николай Мистик использовал общепринятую византийскую географическую терминологию о народах Северного Кавказа. Итак, важно, что византийские источники VI-IX веков постоянно называют аланов народом Северо-Западного Кавказа, а именно, соседями абхазов и сванов. Прокопий (553 г.) прямо говорит, что сваны «граничат с аланами» [Alemany, 2000, p.194]. Агафий (ок. 579-582 гг.) отмечает, что аланы достаточно близки к мисимианам, народу Ингурского ущелья, чтобы последние боялись, что аланы могут захватить их крепость Бухлоос [Alemany, 2000, p.170-171; см. также: Ковалевская, 2005, с.105; Воронов, 2008а, с.316; Воронов, 2008б, с.485]. «Письмо Анастасии» (666 г.), часть досье об изгнании Максима Исповедника в Абхазии, подтверждает местонахождение крепости Бухлоос на границе Алании, так как аланы недавно захватили эту крепость [Allen & Neil, 2002, p.138-9]. Жития Апостола Андрея Епифанием Монахом (ок. 843 г.) локализует в Алании другую крепость, Фуста, которая согласно Агафию, ранее находилась в Мисимиане [Alemany, 2000, p.170-171; Виноградов, 2005, с.313]. Наконец, хронист Феофан Исповедник (810–15 гг.) прямо заявляет, что Алания граничит с Абхазией [Alemany, 2000, p.200-204]. Из-за недостаточности наших знаний об Алании в этом периоде невозможно прямо использовать эти источники VI-IX веков, чтобы локализовать политический центр аланского княжества X-XII веков. Хотя мы не можем быть уверены в *политической* непрерывности между аланскими политиями VII-IX веков и княжеством X-XII веков, мы можем с уверенностью утверждать, что существовала *дискурсивная* непрерывность в византийских источниках VI-X веков. Иными словами, когда Николай Мистик использовал термин «Аланию» и автор, и читатели письма знали, что он имел в виду регион, располагающийся через Главный Кавказский хребет от Абхазии – т.е., проще говоря, Верхняя Кубань. Подтверждение этого аргумента в том, что Николай Мистик прямо заявляет, что аланский правитель был обращен в христианство при посредничестве абхазского князя [Nicholas, 1973, p.281]. Как мы видим, княжество Алании, которое описывает Николай Мистик, совпадает с аланской политией, описанной в географии аль-Масуди. Поэтому можно считать, что центр христианства и политической власти Алании – Магас, был расположен где-то на Верхней Кубани.

Этот аргумент подтверждается другими, более ранними письменными источниками об аланском княжестве развитого средневековья. Ясно, что аланские правители проводили набеги на касогов и зихов Западного Кавказа, по всей вероятности, чтобы захватывать рабов. Очень ценным является отчет в главе 42 работы «Об управлении империй» (ок. 948-952 гг.), традиционно приписываемый византийскому императору Константину VII Багрянородному [Constantine Porphyrogenitus, 1985, p.186-189]. В описании Восточного Причерноморья в главе 42 отмечается, что нужно было зихам укрыться от аланских набегов на островах возле побережья. По всей вероятности, эти «острова» ныне являются частями Таманского полуострова, так как до осушения находящихся там болот жители района называли себя «островитянами» (*хытук*) [Хотко, 2016, с.51-52] касогов в географии аль-Масуди [Mas'ūdī 1962, p.174; al-Mas'ūdī 1966, p.230-1]. Как мы видели, источником информации аль-Масуди, вероятно, мог быть кто-то из работорговцев, который путешествовал по Северному Кавказу. В своем опи-

Джон Латам-Спринкл
Ильичевское городище – аланская столица Магас?
Новые подходы к старому вопросу

сании он подробно останавливается на физической красоте и ценности касогов, отражая «взгляд» работоторговца [Evans, 2016, p. 267-268]. Описание подразумевает, что источником этих рабов являлись аланы, которые были «более мощнее, чем» (*мустажим ала*) касоги. Интересно, что как в «Об управлении империй», аль-Масуди отмечает, что нужно было касогам бежать от аланов в крепости по берегу моря. По словам аль-Масуди, главный фактор в неравенстве силы между аланами и касогами была унификация аланских сил под руководством аланского короля. Можно предположить, что у аланского правителя была функция руководства доходившими до берега Черного моря набегами на касогов за рабами. Это делает более вероятным предположение, что резиденция и основная территории аланского правителя находились поблизости от границы касогской культурной зоны. Таким образом территориальная близость Ильичевского городища к границе аланской культурной зоны представляет собой аргумент в пользу его идентификации с Магасом, а не против.

Можно задаться вопросом: если первоначальное ядро северокавказской Алании находилось на Верхней Кубани, а именно, в бассейне рек Уруп и Большой Лабы, существуют ли другие археологические подтверждения этого предположения? Полагаю, что некоторые городища и могильники на Поурупье и в верхнем течении Большой Лабы показывают те характеристики, которые мы могли бы ожидать от региона, о котором писали Николай Мистик и аль-Масуди.

Как известно, при описании Алании аль-Масуди отмечает плотную сеть поселений – в буквальном переводе, сопоставимое с рыболовной сетью [al-Mas‘ūdī 1962, p.173; al-Mas‘ūdī 1966, p.228-230]. В этом контексте, интересно, что Ильичевское городище не единственное большое городище Поурупья и верхнего течения Большой Лабы. Следует отметить городища IX-XII веков около современных селений Пхия (два городища), Курджиново, Первомайский, Уруп (два городища), Медногорский, Ильич (два городища, включая вышеупомянутое) и «Куньша», не считая некоторых других средневековых городищ с неопределенной датировкой и многочисленных скальных могильников [Гадло, 1972; Алексеева, 1992, с.25-31; Цокур, 2001]. Особый интерес представляют городища Первомайское и Куньша. Первое имело площадь около 60 га, две перекрывающих друг друга церкви, следы мощных фортификационных сооружений, по-видимому, также разрушенных в результате известных событий середины XIII века [Алексеева, 1992, с.29; Каминский, Каминская, 1996, с.176; Каминский, Цокур, 2001, с.170-181]. К сожалению, второе городище почти не исследовано. Но, по единственной доступной мне статье, это городище, кажется, чрезвычайно важным [Цокур, 2001, с.93-96]. И.В. Цокур сообщает, что у городища площадь около 400 га, больше, чем средневековые города Иерусалим, Дербент и Дамаск. В ходе краткого осмотра одного участка в 6 га, археолог нашла остатки 20 усадеб и 9 церквей, из общего количества в 30 церквей на всей территории городища. Такое число церквей, определенных только поверхностным обследованием, сравнимо с другими большими средневековыми городами, например, Велико Тырново [Curta, 2019, с.436]⁵⁰. Таким образом, Ильичевское городище не было изолированным, а находилось в центре множества городищ и поселений.

Известно, что Поурупье находится внутри аланоязычного региона, что подтверждают некоторые топонимы [Миллер, 1887, с.9], а также в границах аланской археологической культуры, о чем свидетельствует традиции керамического производства и погребальной обрядности [Ложкин, 1984, с.29-51; Каминский, 2008, с.357; Пьянков, Симонянц, 2020, с.15 и др.]. Характерные элементы аланской археологической культуры известны на территории Поурупья и в верхнем течении Большой Лабы включают в себя характерные типы кувшинов, боевых топоров, бусы, ножи, фибулы и котлы, очень схожие с погребальным инвентарем из других могильников аланской культуры VII-XII веков, например, «Амгата», «Мокрая Балка», «Хасаут», «Чми» и «Балта». Огромное количество характерной красноглиняной керамики

⁵⁰ По недавним отчетам краеведов в интернете, церкви на городище Куньша больше не видны из-за действий «черных археологов».

тоже известно в городищах в долинах рек Урупа и Большой Лабы, особенно на городище «Куньша» [Цокур, 2001, с.93]. Важно, что такие артефакты известны не только в X-XII веках, но и в IX в., т.е. в период становления аланского княжества. Хотя такие лингвистические следы и элементы материальной культуры не позволяют нам определить ни этническую самоидентификацию, ни политические структуры населения долин Урупа и Большой Лабы, мы можем утверждать, что эти элементы демонстрируют тесные культурные и экономические связи между западной Верхней Кубанью и центральными частями Северного Кавказа. Таким образом, мы можем считать Поурупье и верхнее течение Большой Лабы частями более широкой центральнокавказской культурной зоны.

Однако Поурупье и верхнее течение Большой Лабы отличаются от более восточных районов Северного Кавказа тем, что здесь были найдены следы распространения более раннего христианства и его принятия местной знатью. На известном могильнике «Мощевой Балки» около реки Большая Лаба были найдены фрагменты от христианских церковных стеклянных лампадок VIII-IX вв. [Иерусалимская, 2012, с.353-354; Прокопенко, Чаплыгина, 2017, с.70-71]. Можно также отметить открытие на Урупском городище № 1 краеведом Е.А. Миловановым двух малых зальных церквей, одна из которых имела полукруглую апсиду [Милованов, 1973; Ложкин, 1984, с.53-54]. Интересно, что по словам Милованова, найденные на Урупском городище фрагменты керамики относились только к VIII-X векам, а не к X-XII, что предполагает, что церкви построили на раннем этапе распространения христианства в Алании⁵¹.

Самой важной характеристикой ранних церквей Поурупья является выраженное абхазское влияние на их архитектуру. Как мы видели, описанное Николаем Мистиком аланское княжество совпадает с описанной аль-Масуди аланской политией с Магасом в качестве столицы. Николай Мистик также явным образом приписывает крещение аланского правителя по инициативе князя абхазов. Поэтому, если мы ищем археологические данные раннего официального принятия христианства в Алании, особый интерес представляют сведения об абхазском влиянии. В этом контексте очень важно, что Поурупье представляет собой единственный регион на Северном Кавказе, где присутствуют базилики в абхазском стиле [Каминский, Каминская, 1996, с.178; Белецкий, Виноградов, 2011, с.283-286]. Несмотря на то, что точная датировка этих церквей спорная, в целом общепринятый вариант, что две из церквей этого типа [Ильичевская церковь № 6 и в Курджиново № 1] могут датироваться периодом до 932 г., т.е. ранним периодом официальной христианизации Алании, по причине их демонтажа в первой половине X века, т.к. она без следов гибели от пожара. Об этом ясно свидетельствует и абхазское влияние, и покровительство местных элит в одно и то же время с тем, когда Николай Мистик описывает обращение населения Алании в христианство при поддержке абхазского правителя.

Заключение

В общем и целом следует признать: археологических данных недостаточно для окончательного доказательства того, что Ильичевское городище было Магасом, а Поурупье являлось основной территорией аланских правителей. Наше знание средневековой археологии Поурупья и верхнего течения Большой Лабы недостаточно развито, чтобы прийти к такому твердому заключению. Однако известных нам сведений достаточно, чтобы считать: археологическая картина соответствует ожиданиям характеристик региона, в которых по письменным источникам могло бы находиться «ядро» северокавказской Алании. Можно поставить вопрос: если регион, в котором были найдены и крупнейшие из известных науке городища на Северном Кавказе, и сведения о раннем официальном принятии христианства, не являлся центром аланского княжества, то почему в нем существовали эти города и церкви? Независимо от корректности изложенной в этой статье теории о локализации Магаса, очевидна

⁵¹ Стоит отметить, что Урупское № 1 городище никогда не было раскопано профессиональными археологами, поэтому датировки церкви предварительные.

Джон Латам-Спринкл
Ильичевское городище – аланская столица Магас?
Новые подходы к старому вопросу

необходимость новых исследований в этих областях, особенно на городищах «Куньша» и «Ильичевское». В заключение, вернемся к словам Е.И. Нарожного [Нарожный, 2021а, с.39]. Корень «проблемы Магаса» – недостаточность сведений из дошедших до нас источников. Поэтому единственным путем к решению этой проблемы является поиск новых данных, которые могут появиться только через новые археологические исследования. Только при значительно лучшем понимании археологии Поурупья мы сможем понять, было ли Ильичевское городище Магасом или нет.

Литература

- Албегова З.Х., 2010.** Арабский форпост в горах // Достояние поколений – № 1.8 – С.34.
- Алексеева Е.П., 1992.** Археологические памятники Карачаево-Черкесии. – М: Наука. Издательская фирма «Восточная литература» – 216 с.
- Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю., 2011.** Нижний Архыз и Сенты – древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Кавказа. – М: Индрик – 392 с.
- Виноградов А.Ю., 2005.** Греческие предания о св. апостоле Андрее. – Т.1. Жития. (Библиотека «Христианского Востока», 3) – СПб: Изд-во СПбГУ – 351 с.
- Воронов Ю.Н., 2008а.** Из истории византийско-аланских связей в VI-VII вв. // Материалы по изучению историко-культурно наследия Северного Кавказа. – Вып. VIII: Крупновские чтения 1971-2006 гг. /Под ред. А.Б. Белинского – М: Памятники исторической мысли – С.316.
- Воронов Ю.Н., 2008б.** Еще раз о раннесредневековых перевальных путях через Западный Кавказ // Материалы по изучению историко-культурно наследия Северного Кавказа. – Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006 /Под ред. А.Б. Белинского – М: Памятники исторической мысли – С.485–486.
- Гаджиев М.С., 2013.** Хумара: некоторые строительные параллели и проблемы датировки укрепления // Очерки средневековой археологии Кавказа. К 85-летию со дня рождения В.А. Кузнецова /Отв. ред. В.И. Козенкова – М.: ИА РАН – С.51–63.
- Гадло А.В., 1972.** Исследование средневекового поселения р. Кува // АО 1971 года – М: Наука – С.164–165.
- Голубев Л.Э., 2017.** Адыги в XIII–XV веках. Социально-экономическое и политическое развитие /Отв. ред. А.Ю. Чирг – Краснодар: ИП Вольная Н.Н., – 192 с.
- Маджар, 2015.** Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа /Авт. науч. проекта Э.Д. Зиливинская. – Нальчик: Изд. отдел КБИГИ – 184 с.
- Иерусалимская А.А., 2012.** Мошевая Балка. Необычный археологический памятник на Северном шелковом пути – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа – 246 с.
- Цокур (Каминская) И.В., 2001.** Город на караванной тропе // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. – № 1-2 – С.93–96.
- Каминская (Цокур) И.В., 2008.** Исследование Ильичевского городища на Урупе // Белинский А.Б. Материалы по изучению историко-культурно наследия Северного Кавказа. – Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006 /Под ред. А.Б. Белинского. –М: Памятники исторической мысли – С.487–488.
- Каминский В.Н., Каминская (Цокур) И.В., 1996.** Новые исследования христианских храмов малых форм в Западной Алании // ИАА – № 2 – С.172–181.
- Каминский В.Н., Цокур (Каминская) И.В., 2001.** О фортификации у алан Северного Кавказа // МИА Кубани – Вып.1 /Отв. ред. И.И. Марченко – Краснодар: КубГУ – С.168–181.
- Каминский В.Н., Каминская (Цокур) И.В., 2008.** Исследования Первомайского городища в долине рек Большой Лабы // Материалы по изучению историко-культурно наследия Северного Кавказа. – Вып. VIII.: Крупновские чтения 1971–2006 /Отв. ред. А.Б. Белинский – М: Памятники исторической мысли – С.383–384.
- Кобищанов Ю.М., 1995.** Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизации /Отв. ред. И.В. Следзевский. – М: Росспен – 320 с.
- Ковалевская В.Б. 2005.** Кавказ: скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э.- I тыс. н.э. М: ИА РАН – 398 с.
- Кодзоев Н.Д., 2003.** Магас: по археологическим и письменным источникам – Магас: Сердало – 116 с.
- Кодзоев Н.Д., 2021.** О местонахождении средневекового Магаса на территории современной Ингушетии // Материалы международной научно-практической конференции «Магас: древний и

- современны» /Отв. ред. Н.Д. Кодзоев и М.Б. Долигева – Магас: ИНИИИ им. Ч.Э. Ахриева – С.6–13.
- Коробов Д.С., 2019.** Аланы Северного Кавказа: Этнос, археология, палеогенетика /Научн. ред В.А. Кузнецов – М.-СПБ: Нестор-История – 156 с.
- Ложкин М.Н., 1973.** Новые памятники средневековой архитектуры в Краснодарском крае // СА. – № 4. – С.270–277.
- Ложкин М.Н., 1984.** Аланы на Урупе (археологический очерк) // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии /Отв. ред. В.А. Кузнецов, А.Г. Кучиев и В.Х. Тменов – Орджоникидзе: СО НИИ – С.29–58.
- Ложкин М.Н., Малахов С.Н., 1996.** Железные кресты византийского-кавказского типа из Отрадненского музея // ИАА – Вып. 2 – М.-Армавир: ИА РАН-АКМ – С.202–209.
- Маслова Е.А., 2001.** Монетные находки с Ильичевского городища (памяти М.Н. Ложкина: 1910-1999 гг.) // Археология, этнография и краеведение Кубани: материалы IX краев. межвуз., аспирант.-студ. конф. – Армавир-Краснодар / URL: http://annales.info/life/small/kuban9.htm#_Точ382395654.
- Миллер В.Ф., 1887.** Осетинские этюды. – Ч.3. – М.: Тип. Е.Г. Потапова – 215 с.
- Милованов Е.А., 1973.** Средневековое городище на Урупе // АО 1972 года. – М: Наука – С.139.
- Нарожный Е.И., 2016.** Локализация городища Магаса «продолжает оставаться дискуссионной, а, возможно, и никогда окончательно не решенной» // Априори. Серия: гуманитарные науки – № 4 – С.1-34 / <http://www.apriori-journal.ru/seria1/4-2016/Narozhnyj.pdf>.
- Нарожный Е.И., 2021а.** Где же находился город Магас? // Материалы международной научно-практической конференции «Магас: Древний и современны». /Отв. ред. Н.Д. Кодзоев и М.Б. Долигева – Магас: ИНИИГИ им. Ч.Э. Ахриева – С.39–46.
- Нарожный Е.И., 2021б.** О «новом предложении» локализации столицы средневековой Алании – «потерянного» города Магаса (версия J.E. Latham-Sprinkle, University of Ghent в Бельгии) // Социально-гуманитарный вестник – Всероссийский сборник научных трудов. – № 28. – С.144–147.
- Нарожный Е.И., 2022.** Городище «Нижний Джулат» в Кабардино-Балкарии // Археология евразийских степей. – № 4 – Казань: ИА АН РТ. –С.136–46.
- Прокопенко Ю.А., Чаплыгина С.Ф., 2017.** Центральное Предкавказье в пространстве влияния Великого Шелкового пути и других транскавказских торговых магистралей в V- начале XIII в. – Ставрополь: Печатный двор – 272 с.
- Пьянков А.В., Симонянц И.В., 2020.** Археология Поурупья: полевые и кабинетные исследования в 60-90-е гг. прошлого века (к 110-летию со дня рождения М.Н. Ложкина) // Отрадненские историко-краеведческие чтения. – Вып. VIII /Отв. ред. С.Г. Немченко. – Армавир: Изд-во И.П. Шурыгина В.Е. – С.7–21.
- Савенко С.Н., 2017.** Характеристика социального развития аланского общества Северного Кавказа по материалам катакомбных могильников X-XII вв. н.э. // «Археология евразийских степей – Вып. 24 /Отв. ред. А.Г. Ситдинов – Пятигорск- Казань: Изд. дом «Казанская недвижимость» – 384с.
- Тизенгаузен В.Г., 1941.** Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды –Т.2: Извлечения из персидских сочинений, обработанных А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным /Отв. ред. П.П. Иванов – М.-Л.: Изд-во АН СССР – 307 с.
- Туаллагов А.А., 2017.** Магас – столица Алании. // Alanica. Сборник избранных статей доктора исторических наук А.А. Туаллагова. К 50-летию со дня рождения – Владикавказ: СОИГСИ – С.527–52.
- Филиппов С.К., 2012.** М.Н. Ложкин и Н.В. Анфимов – первооткрыватели и исследователи Ильичевского городища // Вопросы истории Поурупья. – Вып. I: Ильичевское городище как памятник средневековой археологии и церковной архитектуры. Материалы краевой научной конференции, посвященной 50-летию открытия и изучения Ильичевского городища (Станица Отрадненская, 9-10 августа 2012 г.) /Отв. ред. С.Н. Малахов и С.Г. Немченко – Армавир: Издатель Шурыгин Б.Е. – С.7–10.
- Хотко С.Х., 2016.** Черкесские княжества в XIV-XV веках: вопросы формирования и взаимосвязи с субэтническими группами // Историческая и социально-образовательная мысль – Т. 8. – № 2. – Ч. 1. – С. 46–58.
- Храпачевский Р.П., 2009.** Золотая Орда в источниках (Материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи) – Т.III. Китайские и монгольские источники – М: Центр по изучению военной и общей истории – 336 с.

Джон Латам-Спринкл
Ильичевское городище – аланская столица Магас?
Новые подходы к старому вопросу

- Храпачевский Р.П., 2013.** Половцы-куны в Волго-уральском междуречье (по данным китайских источников). – М.: ЦИВОИ – 128 с.
- Цокур И.В., 2001.** О реставрации фундаментов христианских храмов у х. Ильич в Отрадненском районе // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края /Отв. ред. Б.А. Раев – Краснодар: Комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края – С.257–280.
- Чеченов И.М., 1968.** Раскопки городища Нижний Джулат в 1967 году // УЗ КБ НИИ – Т.25. – Нальчик – С. 29–160.
- Abū al-Fidā, 1848.** Abū al-Fidā, Ismā'il ibn 'Alī, tr. Reinaud, M. *Geographie d'Aboulfeda* – Т.2. – Paris: Imprimerie nationale.
- Aleman Agusti., 2000.** Sources on the Alans. – Leiden: Brill.
- Allen Pauline & Neil, Bronwen., 2002.** Maximus the Confessor and His Companions: Documents from Exile. – Oxford: Oxford University Press.
- Allsen Thomas T., 1987.** Mongols and North Caucasia // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 7. – Pp.5-40.
- al-Mas'ūdī, tr., 1962.** Pellat, Charles. *Les prairies d'or*. –Т.1. – Paris: Société Asiatique.
- al-Mas'ūdī ed. Pellat Charles., 1966.** *Murūj al-dhahab wa-ma'ādin al-jawhar*. – Bd.1. – Beirut: Publications de l'Universite Libanaise.
- Barthes Roland., 1989.** The Discourse of History // *The Rustle of Language*. New-York: Hill and Wang. – Pp.127–140.
- Biran Michal., 2015.** Encounters Among Enemies: Preliminary Remarks on Captives in Mongol Eurasia // *Archivum Eurasia Medii Aevi*, 21. – Pp. 27–42.
- Bogdanovic Jelena., 2016.** The Relational Spiritual Geopolitics of Constantinople, the Capital of the Byzantine Empire // Christie, Jessica Joyce, Bogdanovic, Jelena, Guzman, Eulogio. *Political Landscapes of Capital Cities* – Boulder: University Press of Colorado – Pp.97–154.
- Cesaretti Rudolf; Lobo Jose; Bettencourt Luis M.A.; Ortman Scott G.; Smith, Michael E., 2016.** Population-Area Relationship for Medieval European Cities // *Plos One*. – Vol. 11/10. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0162678>
- Constantine Porphyrogenitus, 1985.** Ed. Moravcsik, Gyula; Jenkins, Romilly James. *De Administrando Imperio*. -- Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies.
- Curta Florin., 2019.** *Eastern Europe in the Middle Ages (500-1300)*. – Leiden: Brill
- D'Ohsson Abraham., 1828.** Des peuples du Caucase et des pays au nord de la Mer Noie et de la Mer Noie et de la Mer Caspienne, dans le dixième siècle, ou, voyage d'Abou-el-Cassim. – Paris: Didot Père et Fils.
- De Goeje M.J., 1892.** *Bibliotheca Geographorum Arabicorum* – VII. – Leiden: Brill.
- De Rachewiltz Igor., 2004.** *The Secret History of the Mongols*. – Leiden: Brill.
- Evans Nicholas., 2016.** *Mountains, Steppes and Empires. Approaches to the North Caucasus in the Early Middle Ages*. PhD Thesis, Wadham College – Oxford.
- Gardīzī 'Abd al-Ḥayy ibn al-Zahhāq ed. Ḥabībi 'Abd al-Ḥayy., 1984.** *Tārīkh-i Gardīzī*. – Tehran: Duniyā-yi Kitāb.
- Hudud al-Alam., 1970.** *The regions of the world: a Persian geography of 372 A.H. -982 A.D.* 2nd edition, ed. Minorsky, Vladimir; Barthold, Vasily; Bosworth, C. Edmund. Oxford: Oxford University Press.
- Humble, Geoffrey Frank., 2017.** *Biographical Rhetorics: Narrative and Power in Yuanshi Biography*. PhD Thesis, University of Birmingham.
- Ibn al-Faqīh tr. Masse Henri., 1973.** *Abrege du Livre des Pays*. – Damascus: Institut Français de Damas.
- Ibn Khurradāhbīh 'Ubayd Allāh ibn 'Abd Allāh, 1889.** tr. De Goeje, M.J., *Kitāb al-Masālik wa-al-mamālik*. – Leiden: Brill.
- Ibn Sa'īd al-Maghribī., 1970.** ed. 'Arabī, Ismā'īl. *Kitāb al-Jughrāfiyā*. – Beirut: al-Maktab al-Tijārī.
- Jansen, Michael; Childe, Francis; Lin Chih-Hung, Roland; Ley, Karsten., 2003.** *Preservation and Restoration of the Ancient City of Otrar*. Technical Report. – Paris: Division of Cultural Heritage, UNESCO.
- Juvainī 'Atā Malik ibn Muḥammad., ed. Qazvini, Muhammad; Browne, E.G., 1912.** *Tārīkh-i Jahān-gushā*. – Leiden: Brill.
- Juvainī 'Atā Malik ibn Muḥammad., 1958.** tr. Boyle, J.A. *The History of the World-Conqueror*. Manchester: Manchester University Press.

- Kaplony Andreas., 2008.** Comparing al-Kashghari's Map to his Text: on the Visual Language, Purpose and Transmission of Arabic-Islamic Maps // Kaplony, Andreas; Foret, Philippe. *The Journey of Maps and Images on the Silk Road.* -Leiden: Brill.
- Kartlis Tskhovreba,** ed. *Met'reveli, Roin.* –Tbilisi: Artanuji Publishing.
- Kartlis Tskhovreba, 2014.** trans / ed. Met'reveli, Roin; Jones, Stephen. – Tbilisi: Artanuji Publishing.
- Latham-Sprinkle John., 2020.** A New Proposal Regarding the Location of the Alan Capital *Magas // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI «Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию «Крупновских чтений» и 50-летию Дербентской археологической экспедиции (Махачкала, 20-25 апреля 2020 г.) – Махачкала: Тавраевъ – С.452–453.
- Latham-Sprinkle John., 2022.** The Alan Capital *Magas: A Preliminary Identification of its Location // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. – Vol. 85 – Issue 1. – Pp.1–20. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0041977X22000453>
- Lazlovsky Jozsef; Pow Stephen; Romhanyi Beatrix F. Ferenczi, Laszlo Pinke Zsolt., 2018.** Contextualising the Mongol Invasion of Hungary in 1241-2 // *Hungarian Historical Review.* – № 7/3. – Pp. 419–50.
- Mercier Raymond B., 1992.** *Geodesy* // Harley J.B.; Woodward David. *The History of Cartography, Vol. 2, Book 1: Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies.* – Chicago: University of Chicago Press.
- Minorsky Vladimir., 1952.** *Caucasica III: The Alān Capital *Magas and the Mongol Campaigns* // Bulletin of the School of Oriental and African Studies – № 14/2 – Pp.221-38.
- Minorsky Vladimir., 1958.** *A History of Sharvan and Darband in the 10th-11th Centuries.* – Cambridge: W. Heffer & Sons.
- Nicholas, Patriarch of Constantinople., 1973.** Ed.: Jenkins, Romilly James; Westerink, Leendert Gerrit. *Letters.* Washington, D.C.: Center for Byzantine Studies.
- Ostrowski Donald., 1998.** *City Names of the Western Steppe at the Time of the Mongol Invasion* // Bulletin of the School of Oriental and African Studies – Vol. 61 - Issue 3. – Pp. 465–75. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0041977X00019297>
- Rashīd al-Dīn Faḡl Allāh., 2012.** Ed. Thackston, W.M. *Classical Writings of the Medieval Islamic World: Persian Histories of the Mongol Dynasty.* – V.3. – London: I.B. Tauris
- Rashīd al-Dīn Faḡl Allāh., 2016a.** Ed. Raushan, Muhammad; Mousavi, Mostafa. *Jāmi‘ al-Tavārikh (Tārikh-i Mubāarak-i Ghāzānī) (Vol.1).* – Tehran: Miras-e Maktoob.
- Rashīd al-Dīn Faḡl Allāh., 2016b.** Ed. Raushan, Muhammad; Mousavi, Mostafa. *Jāmi‘ al-Tavārikh (Tārikh-i Mubāarak-i Ghāzānī) (Vol.2).* – Tehran: Miras-e Maktoob.
- Sterk Andrea., 2010.** 'Representing' Mission from Below. *Historians as Agents and Interpreters of Christianisation* // *Church History* – № 79/2. – Pp.271–304.
- Yāqūt b. 'Abdullah al-Rūmī al-Hamawī., 1861.** Ed. Barbier de Meynard, Charles Adrien Casimir. *Dictionnaire géographique, historique et littéraire de la Perse et des contrées adjacentes, extrait du Mo'djem el-bouldan de Yaqout, et complété a l'aide de documents arabes et persans pour la plupart inédits.* Paris: Imprimerie Impériale.
- Zhāng Péiyu., 1997.** *Sānqiān Wūbāiniān Liri Tiānxiāng.* Zhengzhou: Elephant Press.

ОСМАНСКАЯ КРЕПОСТЬ АНАПА:
ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ, ДАННЫЕ КАРТОГРАФИИ, АРХЕОЛОГИЯ

© А.М. Новичихин

Анапский археологический музей, г. Анапа, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу письменных источников, картографических материалов и археологических данных по истории османской крепости Анапа. Особое внимание уделено результатам изучения выявленных при раскопках в Анапе археологических объектов турецкого времени.

Ключевые слова: крепость Анапа, письменные источники, картографические материалы, археология османского периода, фортификация, строительные остатки.

THE OTTOMAN FORTRESS OF ANAPA:
WRITTEN SOURCES, DATA CARTOGRAPHY, ARCHEOLOGY

©A.M. Novichikhin

Anapa Archaeological Museum, Anapa, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of written sources, cartographic materials and archaeological data on the history of the Ottoman fortress of Anapa. Special attention is paid to the results of the study of archaeological sites identified during excavations in Anapa of the Turkish period.

Keywords: Anapa fortress, written sources, cartographic materials, archeology of the Ottoman period, fortification, building remains.

Османская крепость Анапа играла важную роль в истории русско-турецких отношений конца XVIII - начала XIX вв. К настоящему времени от этой, некогда грозной, крепости сохранились лишь восточные ворота и остатки небольшого участка крепостного рва. Изучение истории крепости требует комплексного подхода с привлечением всего доступного массива письменных источников, картографических материалов и данных, полученных при археологических исследованиях в Анапе. Отметим, что археологические материалы османского времени все еще являются малоизученными и мало востребованными. В то же время, их важность в значительной мере обусловлена тем, что Анапа, в отличие от других, расположенных в Северном Причерноморье турецких крепостей, дольше всех, вплоть до 1828 г., находилась под властью Оттоманской Порты и, соответственно, содержит культурные слои с материалами османского времени, отсутствующими в археологических напластованиях городов и селений других регионов. Например, Крыма, где «археологизация» турецких слоев завершается в 1783 г. [Науменко, 2020, с. 418-461].

Письменные источники. История Анапы османского времени весьма неравномерно отражена в письменных источниках. Период от завоевания турками-османами Анапы в 1475 г. и до начала строительства здесь турецкой крепости в 1781 г. освещен лишь отрывочными упоминаниями. Зато история османской крепости Анапа с 1781 по 1828 г. описана весьма подробно.

О завоевании Анапы османским флотом под командованием Гедик Ахмет-паши в 1475 г. упоминает Эвлия Челеби, посетивший Анапу в 1641 г. и впоследствии кратко ее описавший [Брун, 1875, с. 182, 183; Веселовский, 1914а, с. 6; 1914б, с. 30; Челеби, 1979, с. 111-112]. В хронике Ибн-Кемалья (начало XVI в.) сообщается о повторном завоевании Анапы (Анабы) османами в 1479 г. в ходе совместного с войсками Крымского хана похода в Черкессию, из этого сообщения также следует, что в Анапе был оставлен турецкий гарнизон [Некрасов, 1990, с. 52-53].

Далее в истории турецкой Анапы следует продолжительная лакуна. Эвлия Челеби в середине XVII в. описывает хорошо сохранившуюся, но заброшенную крепость, формально счи-

А.М. Новичихин
Османская крепость Анапа:

письменные источники, данные картографии, археология

тающуюся резиденцией воеводы Таманского санджака, но в реальности не имеющую гарнизона и используемую местными пастухами для зимовки овец и коз [Челеби, 1979, с. 112].

Сведения Челеби о заброшенности анапской крепости подтверждаются и содержащейся в османском трактате начала XVIII рекомендации использовать ее развалины для добычи камня, необходимого для постройки укреплений в Темрюке [Весела, 1969, с. 126-127].

Ш. Пейсонель в середине XVIII в. сообщает, что Анапа (Агджа) – маленькая крепость, со 100-150 жителями и 10-12 пушками, в гарнизоне которой нет янычар [Пейсонель, 1974, с. 190].

События, связанные со строительством в 1781-1783 гг. османской крепости Анапа, и первые годы ее истории подробно описаны в «Истории, касающейся высокого Османского государства» («Вакаи-и девлет-и алие-йи Османие») турецким историком XIX в. Джевдет-пашой на основании записок Мехмеда Гашима – секретаря первого коменданта крепости Фераха Али-паши. Подробный анализ сведений Джевдет-паши осуществлены историком Анапы Н.И. Веселовским⁵² и турецким исследователем Ченгизом Федакяр [Веселовский, 1914а, с. 10-20; 1914б, с. 34-44; Fedakâr, 2010; 2015, s. 276-289; Федакяр, 2019, с. 1-28]. Из этих и других описаний следует, что в конце XVIII – начале XIX в. Анапа была значимой приграничной крепостью и городом⁵³, в котором помимо солдат и офицеров гарнизона проживало до 500 семейств мирного населения. Этнический состав был разнообразным: турки, татары, черкесы, армяне, греки⁵⁴, цыгане⁵⁵. С конца 1780-х гг. Анапа попадает в сферу военных интересов России, что способствует появлению большого числа российских письменных источников о крепости, связанных, главным образом, с походами русских войск на Анапу в 1788, 1790, 1791, 1807, 1809 и 1828 гг., а также с трехлетним пребыванием в Анапе российского гарнизона в 1809-1812 гг. Сводка и анализ этой группы источников содержатся «Военно-историческом очерке города Анапы» Н.И. Веселовского [Веселовский, 1914а, с. 20-74; 1914б, с. 44-98].

Интереснейшую группу письменных источников по истории Анапы османского времени представляет переписка анапских пашей с представителями российской военной и казачьей администрации. Отдельные документы этой переписки привлекались в начале XX в. Ф.А. Щербиной, детальный анализ всего доступного комплекса материалов предпринят в недавнем исследовании В.И. Колесова и Д.В. Сень [Колесов, Сень, 2020, с. 602-645].

К категории письменных источников относятся также происходящие из Анапы эпитафические памятники османского времени. Это вывезенная из Анапы в 1809 г. в Одесский музей древностей мраморная плита со стихотворным посвящением султану Селиму III с благодарностью за восстановление Анапской крепости авторства известного османского хронографа Османа Сурури [Мурзакевич, 1877, с. 507-508; Веселовский, 1914а, с. 33-34; 1914б, с. 57-58; Спафарис, 1915, с. 147-159; Приймак, 1998, с. 32-35; Новичихина, 1999, с. 52-56; Чедия, 2017, с. 56-69] и собранная Анапским археологическим музеем коллекция османских надгробий с эпитафиями конца XVIII – начала XIX вв. [Зайцев, Новичихин, 2021, с. 241-264].

Картографические материалы. В книге Н.И. Веселовского приведена русская военная карта Анапы, составленная в связи с осадой и штурмом крепости в 1828 г. На ней обозначены крепостные укрепления, русские осадные сооружения, планировка городских кварталов [Веселовский, 1914а, с. 60-61, табл. V; 1914б, с. 84, 85, табл. V]. В 1911 г. во 2-м томе «Военной энциклопедии» был опубликован план осады и штурма Анапы русским отрядом под командованием И.В. Гудовича в 1791 г., на котором также обозначены укрепления крепости, городские кварталы, месторасположение осаждавших крепость русских войск и маршруты движения штурмовых колонн [Анапа, 1911, с. 414-420].

⁵² О Н.И. Веселовском, археологе и историке Анапы [Новичихин, 2020, с. 111-116].

⁵³ Согласно османским документам 1782-1829 гг. Анапа имела статус города [(kasaba):(Sezen, 2017, s. 9)].

⁵⁴ Об армянах и греках в османской крепости Анапа подробнее [Колесов, 2021, с. 178-185].

⁵⁵ О цыганах в турецкой Анапе [Новичихин, 2003, с. 158-160]

Турецким исследователем Ченгизом Федакяром были обнаружены и опубликованы две османские карты Анапы, одна из которых относится ко времени после 1792 г., вторая, судя по указанию, что крепость возвращена Россией Турции, – к периоду после 1812 г. На первом плане обозначены лишь контуры османской крепости, на втором – указаны названия крепостных бастионов (батарей) [Fedakâr, 2010, ек. 2, ек. 7; Федакяр, 2019, приложение 1, приложение 2]/

Две карты Анапы конца XVIII в. были обнаружены в Российском государственном военно-историческом архиве и опубликованы А.В. Демидовым.

Первая, носящая название «План новостроящейся крепости Анапы в 1798 г.» (рис. 1, 1), представляет собой схематическую карту крепости, судя по всему, воспроизведенную по памяти побывавшим в Анапе лазутчиком, но содержащую подробную экспликацию основных объектов крепости, включающую названия бастионов (батарей). На карте обозначены дом паши, мечети, казармы янычар, пороховые погреба, кладбище, маяки, тюрьма, место расположения торговых лавок. Карта, несмотря на схематизм, является ценнейшим источником для изучения топографии османской крепости [Демидов, 2018, с. 177, 178, рис. 1].

Вторая карта (рис. 1, 2), снабженная экспликацией на французском языке, относится к периоду 1791-1793 гг. и отображает начальный этап восстановления османами крепости, после разрушений, причиненных ей штурмом под руководством И.В. Гудовича. На ней обозначены строящиеся укрепления (валы), места расположения крепостных, ворот, батарей, казарм, кухонь [Демидов, 2018, с. 180, рис. 2].

Существенным дополнением к картографическим материалам служат графические изображения крепости, сделанные современниками, большая часть которых приведена Н.И. Веселовским [Веселовский, 1914а, табл. III, VI, IX, X; 1914б, табл. III, VI, IX, X]. Нельзя, однако, не отметить, что некоторые из них, например, «Осада крепости Анапа под командою генерал-адъютанта Меньшикова 28 мая 1828 года» [Веселовский, 1914а, табл. VI; 1914б, табл. VI], носят явно стилизованный характер и едва ли могут служить надежным изобразительным источником.

Археологические данные. Археологическое исследование османских слоев Анапы началось одновременно со стационарными раскопками городища Горгиппии, поскольку последние перекрыты культурными отложениями турецкого времени: не раскопав их, невозможно достигнуть культурных остатков античной эпохи. В отчетах Анапской археологической экспедиции 1960-1972 гг., возглавляемой И.Т. Кругликовой, содержатся краткие описания открытых при раскопках участков культурного слоя и объектов османского времени, из чего следует, что турецкому археологическому материалу не придавалось важного значения. Отношение к строительным остаткам турецкого времени прекрасно иллюстрирует содержащаяся в отчете за 1971 г. фраза: «Над помещением № 26 было в 1969 г. раскопано турецкое помещение № 23, испортившее южную часть помещения и две стены помещения» [Кругликова, 1971, л. 79].

Та же тенденция характерна и для периода с 1973 по 1996 гг., когда Анапскую археологическую экспедицию возглавляла Е.М. Алексеева. Культурные слои и объекты османского времени фиксировались и кратко описывались, но подробной характеристики полученного при их исследовании материала не производилось. Тем не менее, изучение отчетов Анапской археологической экспедиции, хранящихся в фондах Анапского археологического музея и в научно-отраслевом архиве Института археологии РАН, позволяет сделать некоторые, во многом предварительные, выводы об особенностях археологического наследия османского периода истории Анапы.

Заметный вклад в изучение материальной культуры османской Анапы внесли сотрудники Анапского археологического (до 1977 г. – Анапского краеведческого) музея. Ими были зафиксированы случайные находки отдельных предметов турецкого времени, поступившие на хранение в музей, в числе которых фрагменты мраморных надгробий с надписями, керамические курительные трубки, керамическая и металлическая посуда, монеты, ружейные кремни, свинцовые пули и др.

Остатки фортификационных сооружений. Уже Н.И. Веселовский отмечал, что «от прежней стены остались только каменные городские ворота, да местами земляной вал; весь камень был разобран русскими поселенцами на постройку домов и возведение заборов» [Веселовский, 1914а, с. 71; 1914б, с. 95].

По сообщению Н.И. Веселовского, в 1913 г. капитаном С.А. Толузаковым производились исследования остатков русских осадных сооружений 1791 и 1828 гг., по результатам которых было отмечено, что их «сохранилось довольно много, но все они находятся теперь в жалком виде» [Веселовский, 1914а, с. 71; 1914б, с. 95].

Небольшой фрагмент оборонительной стены турецкого времени был расчищен на осыпавшемся участке берега близ Анапской метеостанции Анапской археологической экспедицией под руководством И.Т. Кругликовой в 1960 г. Из отчета следует, что «стена сложена на известковом растворе из местных камней песчаника. Стена была одновременно и оборонительной в верхней части и подпорной внизу». Удалось проследить вырубленную в материковой скале траншею, в которую был впущен фундамент стены из 2-3 рядов необработанных камней на известковом растворе, под которым был обнаружен фрагмент турецкой курительной трубки. Стена, от которой сохранились только нижние ряды кладки, была двухпанцирной: внешний панцирь был сложен из хорошо отесанных «мощных» каменных блоков (размер одного из них – 107х34х19 см), забутовка состояла из необработанных камней и кусков античной черепицы. Сохранившаяся высота стены – 1,8 м, прослеженная толщина – 2,2 м. Стена сложена на известковом растворе серого цвета [Кругликова, Кошеленко, 1960, л. 11, 19].

В 1991 г. в связи с предстоящей реставрацией сохранившихся от османской крепости восточных ворот («Русских ворот») вдоль их северной стены Анапской экспедицией Института археологии РАН была заложена траншея, призванная выявить остатки фортификационных сооружений и выяснить конфигурацию оборонительного рва. К сожалению, ни в архиве Анапского археологического музея, ни в научно-отраслевом архиве Института археологии РАН не удалось отыскать экземпляра отчета, содержащего описание этих работ. В альбоме к отчету Анапской экспедиции, хранящемся в Анапском археологическом музее, имеется план и профилировка бортов указанной траншеи (рис. 2, 1, 2). На чертежах видно, что со стороны крепости склон вала имеет ступенчатый профиль (Алексеева и др., 1991, рис. 1, рис. 2). Можно предположить, что это связано с укладкой камней крепостной стены или каменной обкладки вала с внешней стороны, хорошо видных на литографии 1855 г. из британской газеты «Illustrated Times» (рис. 2, 3) (Illustrated Times, 1855, p. 4; Константинов, 2014, рис. 6).

Исследование городских кварталов. В отчетах об археологических исследованиях отмечалось наличие культурного слоя турецкого времени, который характеризовался находками керамических курительных трубок, фарфоровых пиал, глиняной посуды с зеленой поливой, желобчатой черепицы-татарки, чугунных ядер и их фрагментов. На основании присутствия указанных материалов в заполнении к турецкому времени было отнесено несколько ям. В некоторых случаях к турецкому времени относились обрывки открытых в указанном слое каменных стен, указывающих на наличие построек.

В 1963 г. на раскопе «Город» было исследовано подвальное помещение, отнесенное к турецкому времени (рис. 3). Стены постройки, сложенные на глиняном растворе из средних и мелких камней, были ориентированы по сторонам света. Помещение имело три каменных стены – северную, восточную и южную, западная стена, судя по всему, была деревянной. Длина восточной стены – 3,2 м, длина северной и южной стен – 3,2 м. Сохранившаяся высота каменных кладок на некоторых участках достигала 1,2 м. Площадь помещения составляла 7 кв. м. По углам стояли деревянные столбы диаметром 0,1-0,15 м. Пол был вымощен каменными плитами, чередующимися с деревянными плахами. Поверх каменной вымостки пол был покрыт частично сохранившимся деревянным настилом из досок [Кругликова, 1963, л. 20, 21].

В 1969 г. также на раскопе «Город» было исследовано относящееся к турецкому времени подвальное помещение 23 площадью 15 кв. м., образованное четырьмя каменными стенами, сохранившимися на высоту до 1 м. В западной стене находился заложённый камнями дверной проем шириной 0,7 м. Пол помещения был земляным, однако к северной стене примыкала каменная вымостка шириной до 2 м, ограниченная от остального пространства помещения поставленными на ребро камнями и вследствие этого, приподнятая на 0,3 м выше уровня пола. В заполнении помещения встречена турецкая керамика, курительные трубки, найдены две османских монеты [Кругликова, 1969, л. 2-4].

В 1968 г. под стенами сложенных на известковом растворе казарм XIX в. в слое с археологическим материалом турецкого времени были исследованы остатки двух, параллельных двухпанцирных с забутовкой каменных кладок, и обложенный камнем колодец с примыкающими к нему каменной вымосткой и поилкой для животных из четырех поставленных на ребро каменных плит [Кругликова, 1967, л. 13-15]. Еще один обложенный камнем колодец турецкого времени, также с примыкающей к нему вымосткой, был исследован на раскопе «Кубанский II» в 1969 г. [Кругликова, 1969, л. 7].

Остатки небольшого дома турецкого времени, представлявшие собой два смежных наземных помещения с каменными стенами (помещения 61 и 62), были открыты при раскопках на территории заповедника «Горгиппия» в 1980 г. Помещения имели небольшую площадь: помещение 61 – около 4 кв. м., помещение 62 – 7,3 кв. м. В обоих помещениях были глинобитные полы, покрытые сажей в результате пожара. В заполнении помещений найдены фрагменты керамики и монеты турецкого времени, а также осколок чугунного ядра. В том же году были исследованы остатки помещения 70, также наземного. Площадь помещения в отчетной документации не указана, судя по чертежам она составляла около 30 кв. м. Помещение прямоугольной формы с каменными стенами, вытянуто по линии юг-север. Вдоль восточной стены были плашмя уложены пять плоских камней, судя по всему, служивших базами для деревянных опор. Следы пола не прослежены. Судя по совпадению уровня каменных баз и подошвы стен, постройка не имела заглубленного в землю фундамента. В заполнении помещения встречены фрагменты позднеантичной и турецкой керамики [Алексеева, Нестеренко, 1980, л. 113-115].

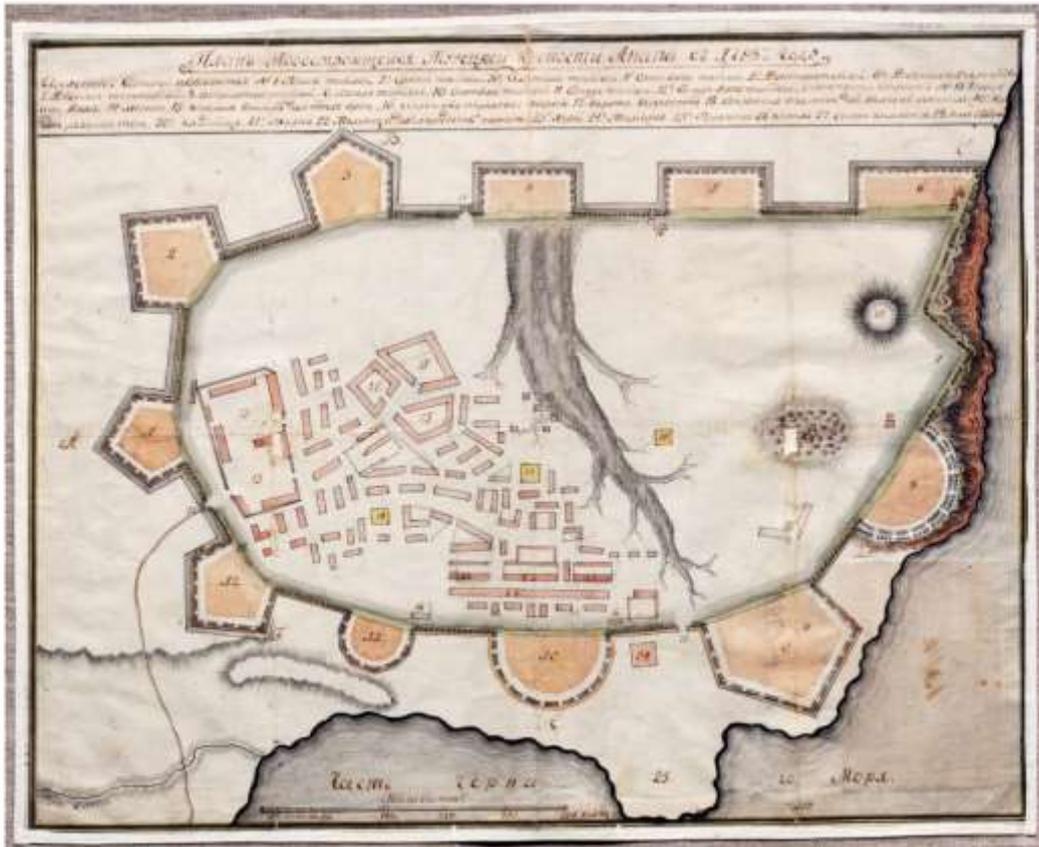
В 1976 г. на раскопе «Город», в северной части будущего археологического заповедника «Горгиппия» были открыты остатки монументального сооружения турецкого времени. Было зафиксировано четыре каменных стены шириной 0,6-0,65 м, расположенных по линии восток-запад. К стенам примыкали мощные каменные опоры, сложенные на известковом растворе (рис. 4, 1). По мнению автора раскопок Е.А. Савостиной, они напоминают опоры пилонов арочного перекрытия, и открытое при раскопках в 1976 г. здание представляло собой постройку типа рынка [Савостина, 1976, л. 1, 2, фото. 1, фото 2; Цветаева, 1976, л. 1].

В раскопе на месте строительства пансионата «Океан» в 1982 г. обнаружены остатки сильно поврежденной перекопом нового времени турецкой постройки с каменными стенами и яма, в заполнении которой встречены фрагменты керамических курительных трубок и чугунные ядра периода русско-турецких войн [Алексеева, Шавырин, 1982, л. 57, 58].

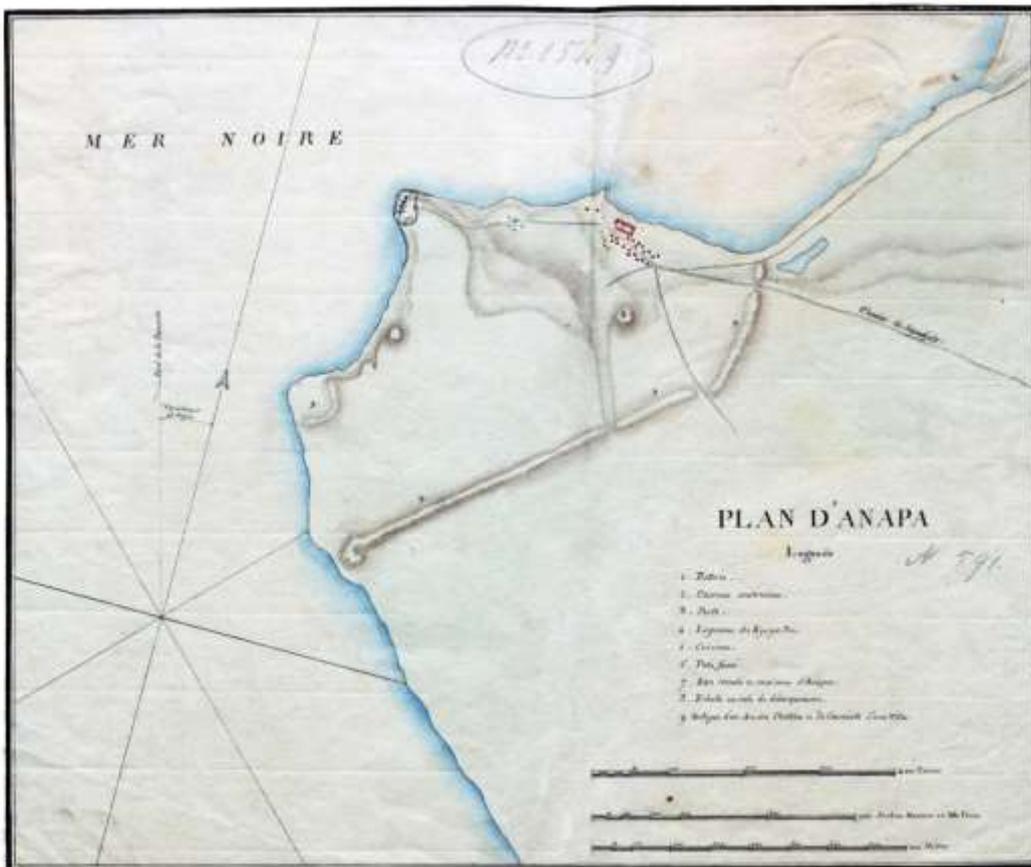
Помимо остатков строений при раскопках в Анапе был открыты относящиеся к турецкому времени ямы, вымостки, колодцы и другие археологические объекты.

Так, в 1965 г. на раскопе «Город» (территория современного археологического заповедника «Горгиппия») была открыта яма с керамическим материалом турецкого времени в заполнении, на дне которой обнаружены чугунное ядро и человеческий череп с проломленной височной костью [Кругликова, 1965, л. 17]. Яма турецкого времени с человеческим черепом в заполнении была обнаружена на раскопе «Город» и в 1977 г. [Цветаева, 1977, л. 3].

А.М. Новичихин
Османская крепость Анапа:
письменные источники, данные картографии, археология

1

2

Рис.1. Планы крепости Анапа конца XVIII в.
1-2 - (по: Демидов, 2018, рис. 1, рис. 2).

А.М. Новичихин
Османская крепость Анапа:
письменные источники, данные картографии, археология

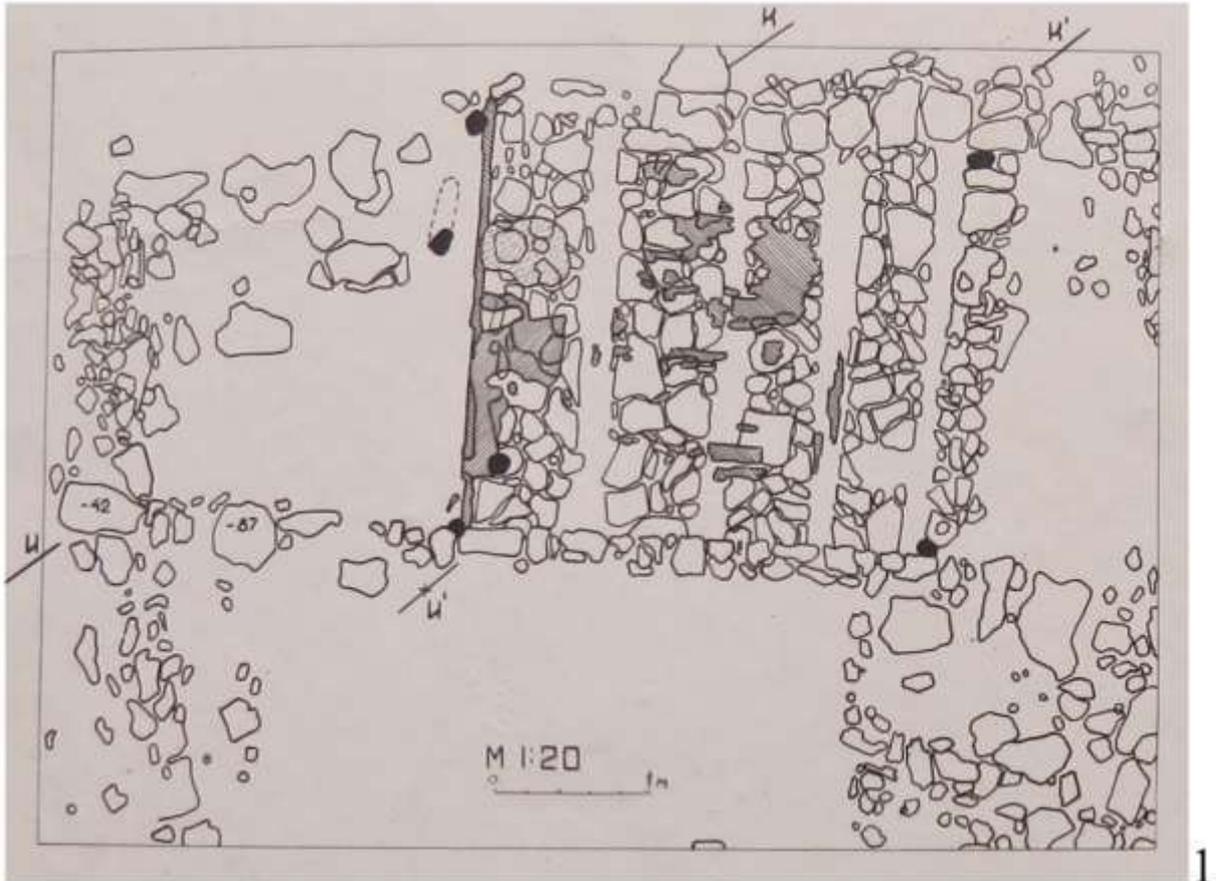

Рис.3. Помещение турецкого времени, открытое при раскопках в Анапе в 1963 г.
1 – план; 2 – фото [Кругликова, 1963, л. 20-21].

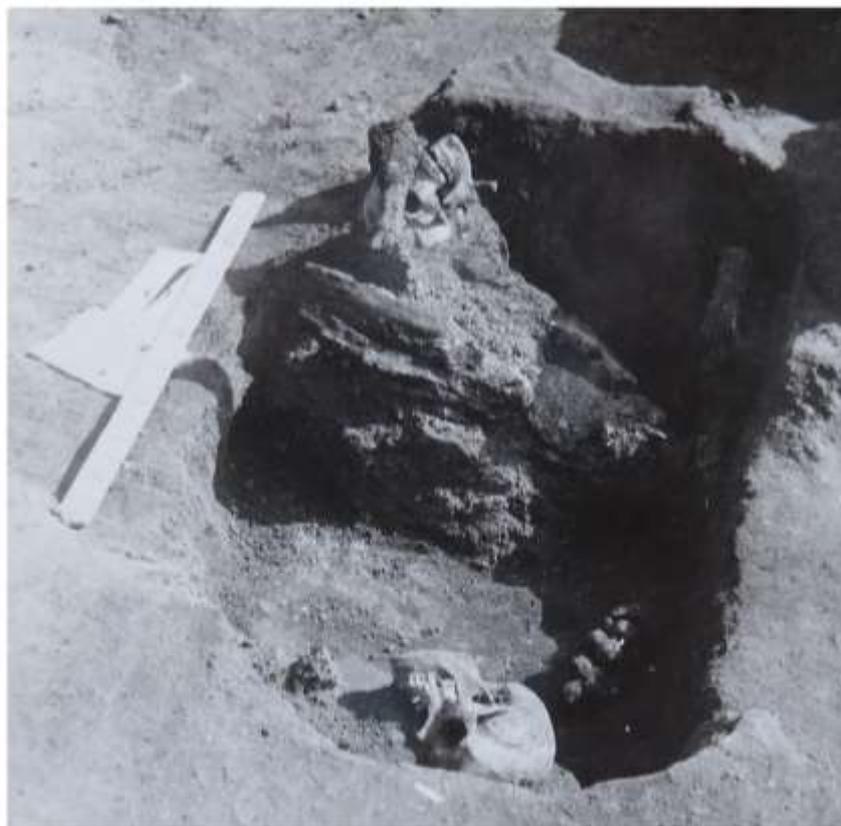

Рис.4. Некоторые объекты Анапы турецкого времени.

- 1 – постройка турецкого времени с каменными основаниями опор, открытая в Анапе при раскопках в 1976 г. (фото). (По: Савостина, 1976).
- 2 – ритуальное погребение периода русско-турецких войн, открытое в Анапе при раскопках в 1976 г. (фото) [Цветаева, 1976, фото 65].

А.М. Новичихин
Османская крепость Анапа:

письменные источники, данные картографии, археология

В 1975 г. на раскопе «Город» в слое турецкого времени был расчищен человеческий скелет, заваленный камнями и медной посудой, в числе которой были таз, жаровня, две полоскательницы. Слой османского времени на прилегающей территории был насыщен керамическими находками: фрагментами фаянсовых кофейных чашечек и керамических курительных трубок, чугунными ядрами разного калибра [Алексеева, 1975, л. 137].

В 1976 г. в западной части раскопа «Город» было открыто ритуальное захоронение периода русско-турецких войн: в яме, длиной 1,5 м, шириной – 0,8 м и глубиной около 0,5 м под завалом из камней и обломков деревянных плах обнаружены чугунное ядро с шипами и отверстием, а в противоположных концах ямы лежали два человеческих черепа. Над одним из черепов лежал поломанный на части железный кинжал (предположительно, кортик), а между черепами – уложенные в два ряда 14 чугунных картечин, поверх которых лежала истлевшая кожаная сумка с медной бляхой (рис. 4, 2). По мнению автора раскопок Г.А. Цветаевой, погребение может быть связано с казнью «русских пленных во время русско-турецкой войны» [Цветаева, 1976, л. 2, фото 65].

К турецкому времени относятся также сложенные из плоских дикарных плит водостоки, открытые на территории археологического заповедника «Горгиппия» и в траншее по ул. Набережная в 1981 г. Водостоки имели стенки из вертикально установленных плоских плит, дно и перекрытие из таких же плит, уложенных горизонтально. Водостоки под небольшим наклоном были направлены в сторону моря [Нестеренко, 1981, л. 43, 44].

Ряд наблюдений позволяет утверждать, что мостовые и вымостки, выложенные во II–III вв. н.э. из больших каменных плит, использовались в турецкое время [Алексеева, 1981, л. 76].

В 1983 г. на территории археологического заповедника «Горгиппия» в раскопе, заложенном вдоль южного борта, открыто три круглых в плане ямы с земляными стенками, заполненных гумированным грунтом с фрагментами керамики турецкого времени, в том числе керамических курительных трубок, чайников и фаянсовых чашечек для кофе [Алексеева, Шавырин, 1983, л. 4].

В 1985 г. на этом же участке у южного борта была открыта вымостка из крупных плит дикарного камня судя по всему извлеченных из более ранней вымостки позднеантичного времени. Вымостка сооружена поверх грунтовой подушки толщиной 15-25 см, содержащей керамический материал античного и турецкого времени. С вымосткой связаны две круглые в плане ямы и каменная кладка, видимо, ограждавшая мощный двор с запада. В гумированном грунте, перекрывавшем вымостку, и в заполнении ям встречены фрагменты турецкой поливной керамики, курительных трубок, обломки костей животных, древесные угольки, железные гвозди, чугунные ядра и картечь [Алексеева, 1985, л. 10-12].

В том же году на раскопе в северо-восточном углу заповедника «Горгиппия» было открыто две ямы и выложенный камнем круглый колодец, диаметром 1,5 м. Объекты содержали фрагменты керамики античного и турецкого времени, в заполнении колодца встречены обломки характерной для османского времени керамической черепицы-татарки [Алексеева, 1985, л. 23-25].

В 1986 г. на раскопе в северо-восточном углу заповедника «Горгиппия» была выявлена еще одна яма турецкого времени. В заполнении кроме фрагментов керамики античного и османского периодов обнаружен человеческий череп, скопление серебряных османских монет, две, лежавшие рядом с монетами кремневые поделки – очевидно, ружейные кремни [Алексеева, Беляева, 1986, л. 42, 43].

Яма с керамическим материалом турецкого времени и вымостка из булыжника, при расчистке которой были обнаружены фрагменты турецкой керамики и сложенная пополам серебряная османская монета, были открыты на территории археологического заповедника «Горгиппия» при раскопках в 1987 г. [Алексеева, Беляева, Асанова, 1987, л. 58].

В результате раскопок турецких слоев Анапы был получен выразительный комплекс археологических находок, характеризующих материальную культуру населения османской крепости конца XVIII – начала XIX вв. Представительная коллекция археологических, нумизматических и эпиграфических материалов османской эпохи из раскопок, сборов и случайных находок хранится в Анапском археологическом музее [Новичихин, 1991; Зажигина, 1998, с. 37-39; Зайцев, Новичихин, 2021, с. 241-264]. Их изучение – дело будущего. Археологические материалы османского времени из Анапы могут и должны стать полноценным историческим источником.

Литература и архивные материалы

- Алексеева Е.М., 1975** Анапская экспедиция 1975 г. Отчет о работе экспедиции. – Ч. II // НА АМ. А1-19 (II).
- Алексеева Е.М., 1981.** Анапская экспедиция Института археологии АН СССР. Отчет о работе в 1981 г. // НА АМ. А1-27.
- Алексеева Е.М., 1985.** Анапская экспедиция 1985 г. Отчет // НА АМ. А1-32, 32а.
- Алексеева Е.М., Антипина Е.Е., Беляева В.Н., Пилипко В.Н., Тихонова Т.С., Шавырин А.С., 1991** Отчет о работе Анапской экспедиции Института археологии РАН и Горгиппийской экспедиции Краснодарского историко-археологического музея-заповедника (альбом) // НА АМ. А1-41а.
- Алексеева Е.М., Беляева В.Н., 1986.** Анапская экспедиция 1986 г. Отчет // НА АМ. А1-34.
- Алексеева Е.М., Беляева В.Н., Асанова М., 1987.** Анапская экспедиция. Отчет о работе в 1987 г. // НА АМ. А1-35.
- Алексеева Е.М., Беляева В.Н., Зуйков Ю.В., Пилипко В.Н., Тихонова Т.С., Шавырин А.С., 1990.** Отчет о работе Анапской экспедиции в 1990 г. // НА АМ. А1-39.
- Алексеева Е.М., Нестеренко Н.Д., 1980.** Отчет о работе Анапской экспедиции Института археологии АН СССР в 1980 г. // НА АМ. А1-26.
- Алексеева Е.М., Шавырин А.С., 1982.** Отчет о работе Анапской экспедиции в 1982 г. // НА АМ. А1-28.
- Алексеева Е.М., Шавырин А.С., 1983.** Отчет о работе Анапской экспедиции Института археологии АН СССР и Краснодарского государственного историко-археологического музея в 1983 г. // НА АМ. А1-30.
- Анапа, 1911.** Анапа // Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И. Сытина, 1911. – Т. II. – 324 с.
- Брун Ф., 1875.** Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря // ЗООИД. – Т. IX. – С. 161-188.
- Весела З., 1969.** Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – Т. II. – М.: Наука. – С. 98-139.
- Веселовский Н.И., 1914а.** Военно-исторический очерк города Анапы. – Петроград.: Типография главного управления уделов. – 74 с.
- Веселовский Н.И., 1914б.** Веселовский Н.И. Военно-исторический очерк города Анапы // Записки разряда военной археологии и археографии Императорского Русского военно-исторического общества. – Т. III. – СПб.: Типография Главного управления уделов. – С. 27-98.
- Демидов А.В., 2018.** К вопросу об участии французских инженеров в строительстве турецкой крепости Анапа // ИАА. – Вып. 14. – С. 176-181.
- Зажигина Л.Ю., 1998.** Археологические материалы турецкого времени в собрании Анапского музея // Древности Кубани. – Вып. 7. – Краснодар. – С. 37-39.
- Зайцев И.В., Новичихин А.М., 2021** Памятники османской эпиграфики из собрания Анапского археологического музея // Из истории культуры народов Северного Кавказа. – Вып. 14. – Ставрополь. – С. 241-264.
- Колесов В.И., 2021.** Когда «чужие» были среди «своих»: армяне и греки в османской Анапе (последняя треть XVIII в. – 1828 г.) // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Материалы IV Международной научной конференции. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ. – С. 178-185.
- Колесов В.И., Сень Д.В., 2020.** «Препровождая здесь дошедшее от почтеннейшего анапского Муштафы-паши оригинальное письмо и перевод с оного...». Практики российско-османской

А.М. Новичихин
Османская крепость Анапа:

письменные источники, данные картографии, археология

коммуникации в Северном Причерноморье (1792-1828 гг.) // МАИАСП. № 12. – С. 602-645.
Doi: 10.24411/2713-2021-2020-00019.

- Константинов В.А., 2014.** Анапа и ее округа накануне и в период Крымской войны (начало 1840-х – 1856 гг.) // Синдика, Горгиппия, Анапа: исследования по археологии и истории. Сборник научных трудов к 100-летию А.И. Салова. – Краснодар-Анапа. – С. 116-133.
- Кругликова И.Т., Кошеленко Г.А., 1960.** Отчет о раскопках в Анапе в 1960 г. // НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2151.
- Кругликова И.Т., 1963.** Отчет о раскопках в Анапе в 1963 г. // НА АМ. А1-2.
- Кругликова И.Т., 1965.** Отчет о работе Анапско-Керченской экспедиции в 1965 г. // НА АМ. А1-3.
- Кругликова И.Т., 1967.** Отчет о раскопках Горгиппии в 1967 г. Анапско-Керченской экспедиции ИА АН СССР // НА АМ. А1-6.
- Кругликова И.Т., 1969.** Отчет о раскопках Горгиппии в 1969 г. // НА АМ. А1-9.
- Кругликова И.Т., 1971.** Отчет Анапской экспедиции 1971 г. // НА АМ. А1-13.
- Мурзакевич Н., 1877.** Анапская крепостная надпись Одесского музея // ЗООИД. – Т. X. – С. 507-508.
- Науменко В.Е., 2020.** Введение в османскую археологию Крыма. О предмете научной дисциплины и основных направлениях современных исследований // Археология евразийских степей. – № 6. – С. 418-461.
- Некрасов А.М., 1990.** Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). – М.: Наука. – 128 с.
- Нестеренко Н.Д., 1981.** Анапа. Набережная // Алексеева Е.М. Анапская экспедиция Института археологии АН СССР. Отчет о работе в 1981 г. // НА АМ. А1-27.
- Новичихин А.М., 1991.** Клады истории. Турецкий период в археологических находках // Советское Черноморье. 5 июля. – № 107 (9289).
- Новичихин А.М., 2003.** О времени появления цыган на Кубани // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2002 год. Дикаревские чтения (9). – Краснодар: Крайбиблколлектор. – С. 158-160.
- Новичихин А.М., 2020.** Н.И. Веселовский – археолог и историк Анапы // Таврические студии. – № 22. – С. 111-116.
- Новичихина (Зажигина) Л.Ю., 1999.** Анапская надпись 1797 г. (к вопросу о «судьбе одного исторического памятника») // Древности Кубани. – Вып. 14. – Краснодар. – С. 52-56.
- Пейсонель К., 1974.** Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик: Эльбрус. – С. 180-202.
- Приймак Ю.В., 1998.** Анапские события 1807 года и судьба одного исторического памятника // Древности Кубани – Вып. 9. – Краснодар. – С. 32-35.
- Савостина Е.А., 1976.** Отчет о раскопе «Город-76» // Анапская экспедиция Института археологии АН СССР. Отчет о работе в 1976 г. // НА ИА РАН. Р 1, № 6635.
- Спафарис И.С., 1915.** Принадлежащие музею Императорского Одесского археологического общества истории и древностей предметы с арабскими, персидскими и турецкими надписями // ЗООИД – Т. XXXII. – С. 146-198.
- Федакяр Д., 2019.** Крепость Анапа // International Journal Russian Studies. – № 1/8. – С. 1-28.
- Цветаева Г.А., 1977.** Раскоп «Город» // Савостина Е.А. Отчет о работе Анапской экспедиции в 1977 г. // НА АМ. А1-23.
- Чедия А.Р., 2017.** Тарихи как источник по истории османских владений на Западном Кавказе // Вестник Московского университета. – Сер. 13: Востоковедение. – № 1 – М. – С. 56-69.
- Челеби Эвлия, 1979.** Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. – Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука. – 290 с.
- Цветаева Г.А., 1976.** Западная часть раскопа // Анапская экспедиция Института археологии АН СССР. Отчет о работе в 1976 г. // НА ИА РАН. Р 1, № 6635.
- Fedakâr Cengiz, 2010.** Anapa Kalesi: Karadeniz'in Kuzeyinde Son Osmanlı İstihkâmi (1781-1801) (Doktora Tezi). – İstanbul. – 276 s.
- Fedakâr Cengiz, 2015.** Anapa Kalesi // Yeni Türkiye. – 81. – S. 276-289.
- Illustrated Times. 1855.** 14 July.
- Sezen Tahir, 2017.** Osmanli yer adlari. Ankara. – 1140 s.

Раздел 6: Нумизматика региона. Section 6: Numismatics of the region

ТМУТАРАКАНСКИЕ ПОДРАЖАНИЯ XI В.:
НОВЫЕ НАХОДКИ НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

© А.В. Пьянков¹, А.И. Бабиец², Е.Б. Полицын³

¹ ООО «Западно-кавказская археологическая экспедиция»,
г. Краснодар, Российская Федерация;

² ООО «Региональный центр археологического наследия»,
г. Новороссийск, Российская Федерация;

³ ООО «АРХГЕОЮГ», г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. В 2010 г. на Таманском полуострове были найдены две необычные находки. Первая является серебряным подражанием византийскому милиарисию императора Константина X Дуки (1059–1067 гг.), но высказывались и другие мнения. На лицевой стороне схематично изображена стоящая фигура с имитацией круговой нечитаемой надписи. Этих подражаний не много. Публикуемое подражание является отдельным вариантом подобных монет. Вторая находка напоминает брактеаты с изображением архангела Михаила, находимые ранее на Таманском полуострове. Нашу находку отличает небольшой размер, небрежный оттиск и её материал – медь. Оба подражания изготовлены в г. Тмутаракани в XI в. в период правления в городе русских князей Ростислава и Олега (Михаила).

Чеканка первого подражания была вызвана нехваткой денег на местном рынке и продолжалась недолго, так как, сегодня известно немного таких подражаний. Вторая монетовидная пластинка являлась плохой имитацией известных брактеатов, поскольку изготовлена крайне небрежно, что делало маловероятным использование её как украшения или культового предмета. Учитывая, что в Тмутаракани в качестве денег служили деградированные подражания византийским милиарисиям, вероятно, публикуемое подражание служило тем же целям.

Ключевые слова: Таманский полуостров, Тмутараканская земля, случайные находки, милиарисий, брактеат, подражание, чеканка, денежное обращение, русский князь, внутренний рынок.

TMUTARAKAN IMITATIONS OF THE XI CENTURY:
NEW FINDS ON THE TAMAN PENINSULA

©A.V. Pyankov¹, A.I. Babiets², E.B. Politsyn³

¹ LLC «West Caucasian Archaeological Expedition», Krasnodar, Russian Federation;

² LLC Regional Center for Archaeological Heritage, Novorossiysk, Russian Federation;

³ LLC «ARHGEOYUG», Krasnodar, Russian Federation

Abstract. In 2010, two unusual finds were found on the Taman Peninsula. The first is a silver imitation of the Byzantine miliaris of Emperor Constantine X Doukas (1059–1067), but other opinions have also been expressed. On the front side, a standing figure is schematically depicted with an imitation of a circular unreadable inscription. There are not many imitations. The published imitation is a separate version of such coins. The second find resembles bracteates with the image of the Archangel Michael, found earlier on the Taman Peninsula. Our find is distinguished by its small size, careless print and its material - copper. Both imitations were made in the city of Tmutarakan in the 11th century. during the reign in the city of Russian princes Rostislav and Oleg (Michael).

The minting of the first imitation was caused by a lack of money in the local market

Тмутараканские подражания XI в.: новые находки на Таманском полуострове

and did not last long, as few such imitations are known today. The second coin-shaped plate was a poor imitation of the famous bracteates, as it was made extremely carelessly, which made it unlikely to be used as an ornament or a cult object. Considering that degraded imitations of the Byzantine miliarisiones served as money in Tmutarakan, it is likely that my published imitation served the same purpose.

Keywords: Taman peninsula, Tmutarakan land, chance finds, meliarisium, bracteate, imitation, coinage, money circulation, Russian prince, domestic market.

В 2010 г. на Таманском полуострове и в Крымском районе были обнаружены две монетовидные находки. Со временем они стали доступны для изучения авторами и в настоящий момент обсуждается возможность их приобретения. Монетовидные находки оказались: одна подражанием византийскому милиарисию, а вторая – подражанием таманскому брактеату с изображением архангела.

Поскольку подражания византийскому милиарисию со стоящей фигурой и подражание брактеату с архангелом встречаются не часто, то введение в научный оборот этих находок для пополнения нумизматической базы данных является необходимым для изучения истории и культуры региона в тмутараканский период. Ниже приводится описание находок.

Подражание 1: (илл. 2, 1,3) подражание византийскому милиарисию, серебро, вес: 0,49 г., d: 16 мм, t: 0,4 мм, *соотношение осей:* 11 ч.

Лицевая сторона: схематическое изображение стоящей фигуры с раскрытыми крыльями, анфас, переданный рельефными линиями. Голова имеет форму круга, нос – прямой валик, плавно расширяющийся вниз с отклонением влево; глаза круглые выпуклые. Верхняя половина туловища пятиугольная, с расширением в верхней части, она отделена от трапециевидной нижней части рельефным пояском. Голова как бы насажена на него и шея отсутствует. Обе руки являются продолжением линий верхней части пятиугольника и под прямым углом подняты вверх, они завершаются крестовинами с круглыми выпуклыми окончаниями. Возможна другая интерпретация рук – обе короткие и держат по кресту с круглыми концами. Ноги прямые короткие, ступни направлены в разные стороны. Одежда обозначена двумя вертикальными линиями в верхней части тулова и слегка расходящимися вверх, а в нижней части – две линии слегка расходятся вниз. По краю монетного кружка расположены рельефные квадратики, нанесённые нерегулярно и небрежно.

Обратная сторона: имеет имитацию четырёхстрочной надписи, переданной рельефными квадратами, которые нанесены нерегулярно с нарушением линии строк и сами квадратики расположены небрежно. Возможно, что нижняя строка – это остатки имитации круговой надписи.

Сохранность: монетный кружок сильно обрезан, обе стороны подражания имеют раковины и трещины и следы ударов, заметны признаки расслоения металла, на лицевой стороне, в нижней части монетной пластинки оттиск заметно слабее.

Техника изготовления: первоначально был изготовлена отливка, раскованная в тонкий лист, из которого был вырезан монетный кружок, после чего двумя штемпелями были нанесены изображения на обеих сторонах монеты. Круглые глаза изготовлены в последнюю очередь ударами специального чекана, рабочий конец был выполнен в виде трубочки или полукруга.

Происхождение: подражание милиарисию было найдено в 2010 г. на Таманском полуострове в 10 км к востоку от ст. Тамань и в 3 км к северо-западу от пос. Виноградный на поле между высотами Комендантская и Чиркова. Поле представляет собой пространство со скудной растительностью, вероятно, используется под пастбище.

Литература: Безуглов, 2002, с. 52, цв. вкл. 8, 3; Бабаев, 2009, с. 67-71, рис. IVb.5.

Впервые серебряное подражание со стоящей фигурой и поднятыми вверх руками упомянул С.И. Безуглов в тезисах доклада 6-й Всероссийской нумизматической конференции, проходившей в г. Санкт-Петербурге в 1998 г.; исследователь тогда кратко описал сразу 2 монеты этого типа, принадлежащим двум разным вариантам – с нимбом и без него (Безуг-

лов, 1998, с. 44). Позднее исследователь полноценно опубликовал те же 2 варианта монеты с фотоснимками в статье, посвящённой некоторым типам подражаний византийским серебряным милиарисиям бытовавшим на Таманском полуострове в X–XI вв. (Безуглов, 2002, с.51-52, фото на цвет. вкл. 8, 2-3).

1

2

Рис.1. Места находок монетовидных предметов в 2010 г.:
1 – карта Таманского полуострова, фрагмент (А – площадь находки подражания византийского милиарисия); 2 – карта Крымского района, фрагмент (А – площадь находки подражания таманскому брактеату с архангелом).

Тмутараканские подражания XI в.: новые находки на Таманском полуострове

В своих работах С.И. Безуглов предложил в качестве прототипа подражаний со стоящей фигурой серебряную монету в 2/3 милиарисия, выпущенную императором Константином X Дукой, правившего в 1059–1067 гг. (Безуглов, 1998, с. 44; 2002, с. 53, 54).

Кроме того, исследователь предположил, что выпуск этих подражаний осуществил князь Ростислав Владимирович, внук Ярослава Мудрого, правивший в Тмутаракани недолго, в 1064–1066 гг. (Безуглов, 1998, с. 44; 2002, с.56). В пользу своего мнения автор указал, во-первых, на нехватку качественной серебряной монеты на тмутараканском рынке в это время, во-вторых, на непродолжительность правления Ростислава и, соответственно, небольшое количество сохранившихся подражаний этого типа в отличие от подражаний, например, Василия II и Константина VIII, которых известно значительно больше (Безуглов, 2002, с. 56).

Правда С.И. Безуглов недоумевал по поводу того, что прототипом подражаний послужил милиарисий неполного веса, редкий по мнению исследователя и в самой Византии (Безуглов, 2002, с. 56). Однако судя по некоторым нумизматическим каталогам обычный и полноценный милиарисий Константина X Дуки стоит сегодня в два раза дороже монеты в 2/3 милиарисия, кроме редких её вариантов, но интересующий нас вариант монеты является обычным типом (David R. Sear, 2000, p.362, kat. 1850-1852B). Следовательно, население Тамани скорее было знакомо с неполновесным милиарисием, чем с милиарисием обычного веса.

Для нас интересна работа А.Я. Сергеева «Варварский чекан на Тамани», которая вышла раньше статьи С.И. Безуглова, в 2001 г., но из-за иной интерпретации интересующих нас подражаний её нужно рассматривать отдельно (Сергеев, 2001, с.61-88). Автор в этой статье публикует ещё один экземпляр подражания «со стоящей фигурой», но пишет о нескольких, и высказывает свои наблюдения по поводу этих монет (Сергеев, 2001, с.87, 88, табл. 4, 50).

Исследователь не согласился с суждениями С.И. Безуглова о подражаниях этого типа. Во-первых, Сергеев отнёс монету «со стоящей фигурой» к племенному чекану, при этом, какое племя он имел ввиду автор не сообщил. Во-вторых, А.Я. Сергеев не согласился с мнением С.И. Безуглова, что прототипом подражания является монета в 2/3 милиарисия императора Константина X Дуки поскольку монета императора является редкой и на Тамани не встречается, а моделирование детской фигуры из образа Богоматери в полный рост, очень затруднительно (Сергеев, 2001, с. 87). В свою очередь А.Я. Сергеев предложил в качестве прототипа подражаний милиарисий Иоанна Цимисхия, где бюст императора помещён в центре круглого медальона, по четырём сторонам которого расположены кресты из рельефных точек (Сергеев, 2001, с. 87).

На наш взгляд, нет ничего проще чем моделировать упрощённое схематичное изображение стоящей фигуры с поднятыми руками из образа Св. Девы Марии. Изобразить на плоскости подобное может любой ребёнок. Работа гравёра по изготовлению штемпелей здесь не особо сложная. О редкости 2/3 милиарисия Константина X говорилось выше. Что касается прототипа, то монета с фигурой Богоматери более подходит для базового изображения, чем бюст императора в медальоне. А наличие варианта монеты Константина с точечными крестами-виньетками по сторонам фигуры Св. Девы Марии делает её прямым образцом для подражаний.

Заметим, что А.Я. Сергеев назвал эти подражания побочным продуктом более ранних подражаний Василия II и Константина VIII не случайно, поскольку на них псевдонадписи передавались рельефными квадратиками, то есть, так же, как и на более поздних подражаниях Константина X (Сергеев, 2001, с. 87).

Особо следует упомянуть каталог собрания монет-подражаний А.Я. Сергеева, изданный уже после его смерти, где приведены 3 имитации монеты Константина X (Сергеев, 2012, с.152, 235, кат. №№ 588-590). Из 3-х подражаний один экземпляр с квадратиками на оборотной стороне и сквозным отверстием для подвешивания, один экземпляр - брактеат, а один отчеканен более сложным способом в несколько операций (Сергеев, 2001, с.87; 2012, с. 152, 235, кат. №№ 588-590). Вопрос о техники чеканки третьей монеты здесь не рассматривается. Это тема для отдельного исследования.

В 2009 г. К.В. Бабаев издал монографию под названием «Монеты Тмутараканского княжества», где собрал все известные та тот момент монеты и подражания византийским монетам, выпускавшиеся в Тмутаракани в X-XI вв. (Бабаев, 2009). Это сочинение, несмотря на ошибки и неточности, представляет определённый интерес, прежде всего, как более полное собрание находок. Автор в небольшой главе IV описывает подражания «со стоящей фигурой», разделив их на 3 группы и 12 вариантов, сопроводив 8-ю иллюстрациями (Бабаев, 2009, с. 67-73, табл. 5, илл. на стр. 70). Автор согласен с мнением С.И. Безуглова, что прототипом этому подражанию послужила серебряная монета в $\frac{2}{3}$ милиарисия Константина X Дуки, и с его выводами о причине и времени их чеканки (Бабаев, 2009, с. 72, 73). Остаётся сожалеть, что автор привел в своей книге снимок варианта $\frac{2}{3}$ милиарисия, где по сторонам фигуры Богородицы Одигитрии над её ладонями изображены крупные точки, а не виньетки в виде точечных крестов, то есть не тот вариант, который послужил образцом для изготовления большей части подражаний. Правда, это было отчасти оправдано тем, что у одного подражания (по Бабаеву - IVa1) вместо креста в одной руке сфера (Бабаев, 2009, рис. IVa1). Ближе всего публикуемому подражания монета из каталога К.В. Бабаева согласно его классификации обозначенная как ГУЪ5 (Бабаев, 2009, с. 70, IVb5), но наш экземпляр отличается от него более редкое расположение квадратиков на лицевой и оборотной сторонах и заметным нарушением симметрии строчек псевдонадписи.

Рис.2. Монетовидные предметы из находок 2010 г.:
 1 – подражание византийскому милиарисию,
 2 – подражания таманскому брактеату с архангелом.

Тмутараканские подражания XI в.: новые находки на Таманском полуострове

Обратимся ко второму подражанию.

Подражание 2: (илл. 2, 2,4) подражание тмутараканскому брактеату, медь, вес: 0,66 г., *d*: 17x16,5 мм, *t*: 0,6 мм.

Лицевая сторона: схематическое рельефное изображение стоящей фигуры человека с крыльями переданной выпукло-вогнутыми линиями, в фас; голова дана кругом не сомкнутым у туловища, глаза выпуклые разного размера, нос в виде крупного вытянутого треугольника; под головой горизонтальная прерывистая линия передающая верхнюю часть туловища, концы которой переходят в расправленные крылья с двумя - четырьмя прямыми маховыми перьями, от горизонтальной линии отходят вниз и в стороны - руки, завершающиеся короткими выступами отходящими в стороны; вокруг головы был нимб, от которого сохранились лишь следы у плеч; туловище передано прямоугольником, не соединяющимся вверху с линией плеч, которое разделено вертикальной и горизонтальной линиями делящими туловище на 4 части; от пояса вниз с обеих сторон туловища изображены треугольник и неправильная геометрическая фигура, образуя полы одеяния, нижний край которой передан выпуклой линией; часть линий поданы рельефными точками, ноги обозначены неясными короткими черточками. С левой стороны туловища проходит косая рельефная линия от правого плеча до пояса, а между маховыми перьями правого крыла и краем монеты изображена вертикальная линия со стреловидным навершием, вероятно, изображение копья.

Обратная сторона: здесь повторяется изображение лицевой стороны, но обратные линии переданы вогнутыми канавками и ямками.

Сохранность: обе стороны подражания покрыты окислами, выступающие линии потёрты, на лицевой стороне на правом крае монеты след от удара твёрдого предмета с округлой или овальной поверхностью, который смял участок диска и завернул его край на лицевую сторону в форме полукруга; на обороте имеется небольшая заусеница.

Техника изготовления: кружок вырезан из раскованного тонкого листа, удар штемπεля был нанесён с обратной стороны, между заготовкой и твердой основой была проложена мягкая прокладка.

Происхождение: имитация таманского брактеата была найдена в 2010 г. между станциями Гостагаевской и Варениковской, в 1,5 км от хут. Школьного, к востоку от горы Гнилой на поляне в редком лесу.

Литература: близкие аналогии: Безуглов, 2002, с. 57, цв. вклейка 8, 8; Зайцев, 2007, с. 10, табл. 5, 17; Бабаев, 2009, с. 73-78; рис. Vb5-10; Пьянков, Тиханов, 2014, с. 81-82, рис. 1.

Приоритет в публикации брактеата с архангелом так же принадлежит С.И. Безуглову. Исследователь ввел в научный оборот монетовидную выпукло-вогнутую пластинку в 2002 г. в уже упомянутой работе из Донской археологии по таманским подражаниям (Безуглов, 2002, с. 57, цвт. вклейка 8, 8).

Автор кратко описывает брактеат со стоящим в рост крылатым архангелом Михаилом со щитом в ногах и надписью ХМЛЪ. Безуглов пишет о таких артефактах во множественном числе, хотя и приводит фотографию лишь одного экземпляра. В этой работе исследователь сообщает так же о брактеатах с погрудными изображениями архангела, но иллюстраций не приводит. Вероятно, автору были известны и другие подобные артефакты, но эти экземпляры были недоступны для изучения.

С.И. Безуглов оставляет открытым вопрос о функциональном назначении таких брактеатов, и предлагает отнести их изготовление ко времени правления в Тмутаракани князя Олега Святославича после возвращения его из византийского плена, то есть, в период 1083-1094 гг. (Безуглов, 2002, с. 57). Поскольку печати и монеты князя Олега (Михаила) с изображениями архангела Михаила уже были известны, то и таманские брактеаты с архангелом были отнесены автором к чеканке этого князя (см. Янин, 1970, с. 26-29, кат. № 29, табл. 3, 29; Кропоткин, Макарова, 1973, с. 250-254, рис. 3; 4, 1-4; 4, 1,2; приложение, №№ 1-4; Безуглов, 2002, с. 57; Янин, Гайдуков, 1998, с. 22, 115, кат. 29а, табл. 2, 29а; Пьянков, Завьялов, 2002, с. 129, 130, рис. 1, цвт. вклейка).

Ещё один брактеат был опубликован В.В. Зайцевым в 2007 г. во 2-м сборнике «Средневековая нумизматика Восточной Европы». Автор в статье; «О новых находках древнерусских монет X-XI вв. привел фотоснимок брактеата с архангелом Михаилом в полный рост, анфас и кратко упомянул, что эти артефакты встречаются на Таманском полуострове вместе с вариантами, имеющими поясное изображение архангела (Зайцев В.В., 2007, с. 10, табл. 5, 17). Исследователь не ссылаясь на работу С.И. Безуглова, но также датировал изготовление подобных брактеатов временем Олега Святославича (Зайцев В.В., 2007, с. 10).

В книге К.В. Бабаева типу V отведена отдельная глава, в которой собраны разные варианты таманских брактеатов: артефакты со знаком Рюриковичей, с архангелом Михаилом, стоящим анфас в полный рост и брактеаты с поясным изображением архангела⁵⁶ (Бабаев, 2009, с.73-83, табл. 7, рисунки на стр. 75, 77,79, 80, V.1, Va2-Va4, Vb5-Vb8, Vb10-Vb12). Эта глава отличается отсутствием ясных критериев классификации. Поэтому К.В. Бабаев объединил в один тип не только разные варианты, но и разные типы брактеатов. Заметим, что до настоящего времени нет доказательств совместной находки «слипшихся» брактеатов разных типов: со знаком Рюриковичей и с архангелом, о чём сообщает автор.

Бабаев учёл 6 брактеатов с архангелом Михаилом, стоящим в полный рост, анфас, с нимбом, со щитом в ногах и надписью. На одних артефактах архангел держит в правой руке трость (или меч), а в левой сферу (или в руке ничего нет). Автор не отвечает однозначно на вопросы какой князь выпускал эти брактеаты и когда это было? Возможно, не верный подход к классификации путает автора и мешает ему разобраться в этом вопросе.

Можно вспомнить ещё одну публикацию брактеата со стоящим в полный рост архангелом, анфас, найденного в Анапском районе Краснодарского края у станицы Гостагаевской (Пьянков, Тиханов, 2014, с. 81, 82, рис. 1). Этот артефакт близок типу V вариантов b5-b 10, но в правой руке он держит трость, а в левой - сферу. Брактеат имеет заметную утрату в форме сегмента. Вероятно, из-за этого, не сохранилась вертикальная надпись.

Но наша находка не является полным аналогом упомянутых брактеатов, а скорее упрощённым подражанием им. Она сильно обрезана и схематична и многие детали, изображённые на прототипах, отсутствуют. Публикуемый артефакт не имеет аналогий, что затрудняет соотнесение его с конкретным князем. Но наша находка с архангелом, скорее всего, является упрощённой имитацией брактеата с архангелом Михаилом времени князя Олега Святославича и, следовательно, был изготовлен позднее.

Трудно видеть в этом брактеате культовый предмет или украшение. Он больше напоминает медные деградированные подражания византийскому милиарисию Василия II и Константина VIII и, скорее всего, мог использоваться аналогично.

Однако христианское имя Михаил имел не только Олег Святославич (1081-1094 гг.), но и князя Ростислав Владимирович (1064-1066 гг.). А наше подражание только предположительно отнесено ко времени Олега. Правильно будет подобный артефакт датировать серединой - второй половиной XI в.

Публикуемые находки единичны и не смогут однозначно решить проблемы тмутараканского периода в истории региона, но они существенно пополняют нумизматическую базу данных этого времени.

Литература

- Бабаев К.В., 2009.** Монеты Тмутараканского княжества. - М.: «Древлехранилище». - 104 с.: ил.
- Безуглов С.И., 1998.** К характеристике некоторых таманских подражаний византийскому серебру X-XI вв. // VI Всероссийская нумизматическая конференция /Отв. ред. В.М. Потин - М. С. 44-45.
- Безуглов С.И., 2002.** К характеристике некоторых таманских подражаний византийскому серебру X-XI вв. // Донская археология. № 1-2. - С. 51-56.
- Зайцев В.В., 2007.** О новых находках древнерусских монет X-XI вв. // Средневековая нумиз-

А.В. Пьянков, А.И. Бабиец, Е.Б. Полицын

Тмутараканские подражания XI в.: новые находки на Таманском полуострове

матика Восточной Европы. Вып. 2. - М.: «Древлехранилище». - 216 с.: ил. **Кропоткин В.В., Макарова Т.И., 1973.** Находка монеты Олега-Михаила в Корчеве // СА, № 2. - С. 250-254.

Пьянков А.В., Завьялов С.Л., 2002. О новой находке монеты тмутараканского князя Олега-Михаила // Донская археология. № 3-4. - С.129-130.

Пьянков А.В., Тиханов А.А. 2014. Находка брактеата с архангелом Михаилом в окрестностях станицы Гостагаевской в 2013 г. // Синдика, Горгиппия, Анапа: исследование по археологии и истории. Сборник научных трудов к 100-летию научных трудов А.И. Салова. /Отв. ред. А.М. Новичихин. Краснодар; Анапа, 2014. - С. 81, 82.

Сергеев А.Я., 2001. Варварский чекан на Тамани // Нумизматика в Историческом музее. Нумизматический сборник. Часть XIV. Посвящается памяти Светланы Алексеевны Яниной /Отв. ред-ры А.С. Беляков, А.А. Молчанов. - М., 2001. (Труды ГИМ. Вып.115.). - С.61-88.

Сергеев А.Я., 2012. Монеты варварского чекана на территории от Балкан до Средней Азии. Каталог коллекции А.Я. Сергеева в ГИМ /Под редакцией Г.М. Муравьевой и В.Н. Клешинова. - М.: ГИМ. - 256 с.

Янин В.Л., 1970. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Том. I. Печати X - начала XIII в. - М. - 326 с.

Янин В.Л., Гайдуков П.Г., 1998. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Том. III. Печати, зарегистрированные в 1970 - 1996 гг. М. - 501 с.: ил.

David R. Sear, 2000. Byzantine coins and their values. Seaby. Spink and son Ltd. - London. - 526 P.

Раздел 7: Юбилей коллеги:
Section 7: Colleague's anniversary

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ГЕЯ С 70-ЛЕТНИМ ЮБИЛЕЕМ!

А.А. Клещенко, Л.И. Авилова, У.Ю. Кочкаров

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Публикуемый краткий очерк посвящен юбилею признанного и одного из ведущих отечественных специалистов-археологов – А.Н. Гея (ИА РАН). В очерке приводится обзор наиболее важных и судьбоносных, жизненных и творческих этапов жизни и научной деятельности Александра Николаевича. Дается в нем и общая оценка признания его как высококлассного специалиста, результатов научного вклада в развитие археологической науки Дона, Северного Кавказа и Восточной Европы.

Ключевые слова: эпоха энеолита-бронзы, древние культуры Дона, Северного Кавказа и Восточной Европы, специалисты-археологии России, юбилей ученого.

ALEXANDER NIKOLAEVICH GAY HAPPY 70TH ANNIVERSARY!

A.A. Kleshchenko, L.I. Avilova, U.Y. Kochkarov

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation

Abstract. The published short essay is dedicated to the anniversary of the recognized and one of the leading Russian specialists-archaeologists – A.N. Gay (IA RAS). The essay provides an overview of the most important and fateful, vital and creative stages of Alexander Nikolaevich's life and scientific activity. It also gives a general assessment of his recognition as a high-class specialist, the results of his scientific contribution to the development of the archaeological science of the Don, the North Caucasus and Eastern Europe.

Keywords: the epoch of the Eneolithic-Bronze Age, ancient cultures of the Don, the North Caucasus and Eastern Europe, Russian archaeologists, anniversary of the scientist

3 июня 2023 г. исполнилось 70 лет Александру Николаевичу Гею, кандидату исторических наук, заведующему отделом археологии бронзового века Института археологии РАН.

Александр Николаевич родился в интеллигентной семье. Его прадед был смотрителем псковских гимназий, дед – русским революционером, видным советским политическим деятелем, первым секретарем ЦК РКП(б) Белоруссии (впоследствии репрессирован), отец – литературоведом, доктором философских наук, заслуженным деятелем науки РФ.

А.А. Клещенко, Л.И. Авилова, У.Ю. Кочкаров
Александра Николаевича Гея с 70-летним юбилеем!

Александр Николаевич закономерно выбрал судьбу ученого. Еще в школьные годы он принимает участие в кружке юных археологов при Музее истории и реконструкции Москвы под руководством А.Г. Векслера, выезжая в экспедиции с В.В. Сидоровым.

После окончания школы Александр Николаевич поступает на кафедру археологии Московского университета. В студенческие годы он участвует в работе крупнейших археологических экспедиций МГУ: Гнёздовской, под руководством Д.А. Авдусина, Новгородской, под руководством В.Л. Янина, а также в раскопках палеолитических стоянок (Авдеевская и Елисеевичи) под руководством М.Д. Гвоздовер и Л.В. Греховой.

В 1976 году Александр Николаевич поступает в аспирантуру Института археологии АН СССР, где его научным руководителем становится Н.Я. Мерперт. По совету Николая Яковлевича в этом же году Александр Николаевич впервые принимает участие в работе Донской экспедиции ИА под руководством И.С. Каменецкого, в составе которой проводит первые самостоятельные исследования на Самсоновском поселении эпохи неолита-бронзы в Ростовской области.

В 1979 году Донская экспедиция переносит основные исследования на территорию Краснодарского края, в связи с чем получает название Северо-Кавказская (СКАЭ). А уже в 1981 году Игорь Сергеевич Каменецкий поручает Александру Николаевичу нелегкую работу начальника СКАЭ – на тот момент одной из самых больших экспедиций ИА АН СССР. С тех пор, вот уже более 40 лет, А.Н. Гей является бессменным ее руководителем. За эти годы экспедицией были исследованы более двухсот курганов (в основном – эпохи энеолита и бронзового века), среди которых такие известные могильники как Лебеди, Малаи, Останний, Пластуновский, а также грунтовые некрополи, дольмены в долине реки Абин, поселенческие памятники, в том числе – энеолитическое поселение Мысхако. Экспедицией были проведены сотни разведочных исследований. Территория работ СКАЭ огромна: Краснодарский и Ставропольский края, Адыгея, Ростовская область, Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия.

После исследований на поселении Мысхако под Новороссийском на излете советской эпохи (1990 и 1991 гг.) работы Северо-Кавказской экспедиции приостанавливаются. В 1993–2001 годах Александр Николаевич участвует в работе Донской (Потуданской) экспедиции под руководством В.И. Гуляева и Е.И. Савченко и одновременно проводит небольшие разведки и раскопки в Предкавказье.

Окончательно Александр Николаевич возвращается на Северный Кавказ в 2003 году – с началом стационарных исследований в долине реки Абин. В течение восьми полевых сезонов здесь были обнаружены и исследованы десятки дольменных и средневековых памятников. «Дольменная эпопея» заканчивается в 2010 году. А уже в следующем году Северо-Кавказской экспедицией был раскопан уникальный раннескифский курганный могильник Дыш в Адыгее.

В 2013–2017 годах Северо-Кавказская экспедиция на короткий период вливается в состав крупнейшей в Институте археологии Южной экспедиции. Ее начальником был назначен А.Н. Гей. Территория работы экспедиции в эти годы связана в основном с западными районами Предкавказья, г. Сочи, а также с Ростовской областью. В последние годы отряды СКАЭ под общим руководством А.Н. Гея продолжают исследования в различных районах Предкавказья.

В работах СКАЭ в разные годы принимали участие многие известные ученые-археологи: И.С. Каменецкий, Е.И. Савченко, Д.С. Коробов, Я.М. Паромов, В.И. Мельник, Г.Г. Пярых, И.А. Сорокина, Л.Б. Орловская, С.А. Науменко, О.А. Ульянова, А.А. Малышев, В.Н. Чхаидзе, У.Ю. Кочкаров, И.А. Дружинина, А.А. Клещенко, П.С. Успенский, А.Н. Черкасов, А.А. Шевченко, Е.А. Мальцева (Клещенко), А.А. Трошина и другие. Для части из них работы в СКАЭ оказались стартом в научной карьере, и они по праву считают Александра Николаевича своим учителем и другом.

Полевые исследования в Ростовской области и Краснодарском крае определили круг научных интересов Александра Николаевича. Продолжая выполнять нелегкие обязанности руководителя экспедиции, в 1985 году он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Переход от неолита к бронзовому веку в степной полосе Северного Причерноморья (о роли мариупольской провинции в формировании степных скотоводческих культур эпохи бронзы)», которая имеет научную значимость по сей день.

Параллельно с работой над диссертацией Александр Николаевич начинает заниматься темой колесного транспорта эпохи ранней – средней бронзы. В ее основу во многом легли результаты работ СКАЭ в Прикубанье. В серии статей, а позже – в монографическом исследовании 2000 года Александр Николаевич охарактеризовал такой яркий феномен эпохи бронзового века как новотиторовская археологическая культура.

Основной круг научных интересов Александра Николаевича охватывает эпоху энеолита и бронзовый век Юго-Восточной Европы и Кавказа. Он автор более 130 статей и монографий, среди которых, помимо работ по новотиторовской культуре, важнейшими являются исследования по эпохе ранней бронзы, катакомбным и дольменным памятникам, а также палеодемографии и палеосоциологии древнего населения Северного Кавказа.

В 2001 году Александр Николаевич становится заведующим отделом эпохи бронзы (ныне – отдел археологии бронзового века) ИА РАН, которым продолжает руководить и по сей день. За эти годы в отделе были защищены две докторские и семь кандидатских диссертаций (три из которых – под научным руководством Александра Николаевича), проведены десятки конференций и мероприятий, изданы значимые научные сборники.

Немаловажную часть научно-организационной работы Александра Николаевича составляет участие в редколлегии журнала «Российская археология» и преподавательская деятельность в Государственном академическом университете гуманитарных наук. Долгое время он состоял в Научном совете по полевым исследованиям РАН, а также является активным рецензентом полевых отчетов.

Невероятная самоотверженность в поле, академическая образованность и широкая научная эрудиция, логика изложения мыслей, искусство литературного стиля, природная интеллигентность и умение найти компромисс в сложных жизненных и научных вопросах – вот лишь небольшой список талантов и достоинств Александра Николаевича, снискавший ему искреннее уважение, привязанность и любовь коллег, друзей и учеников.

Все они сердечно поздравляют Александра Николаевича с Днем Рождения и желают крепкого здоровья, новых научных успехов, счастья и спокойствия в его большой семье!

С Юбилеем, дорогой Александр Николаевич!

Раздел 8: Памяти коллеги
Section 8: Memory of a colleague

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ПИНКУСОВИЧА МОШИНСКОГО
(1954-2022 гг.)

© Д.В. Журавлев¹, А.Ю. Скаков²

¹ Отдел археологических памятников Государственного исторического музея,
г. Москва, Российская Федерация

² Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

IN MEMORY OF ALEXANDER PINKUSOVICH MOSHINSKY
(1954-2022)

© D.V. Zhuravlev¹, A.Yu. Skakov²

¹ Department of Archaeological Monuments of the State Historical Museum,
Moscow, Russian Federation

² Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation

4 ноября 2022 г., неожиданно, полный творческих замыслов, из жизни ушел выдающийся археолог-кавказовед Александр Пинкусович Мошинский. Северная Осетия утратила своего неутомимого исследователя, мы лишились друга и Учителя, российская и мировая наука потеряла яркого ученого.

Александр Пинкусович родился 3 июля 1954 г. в семье рабочего. После окончания школы он работал экспедитором в издательстве «Мысль». В декабре 1972 г. А. Мошинский был призван в ряды Советской армии, где служил в строительных частях до ноября 1974 г.

Еще в 12 лет А. Мошинский попал в археологический кружок при ГМИИ им. А.С. Пушкина, который, возможно, и определил его дальнейший путь в жизни. Кружком руководил известный антиковед И.Р. Пичикян. Связи между бывшими кружковцами, среди которых было много известных впоследствии ученых, сохранялись всю жизнь.

В 1975 г. А. Мошинский поступил на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова где учился на вечернем отделении, и закончил его в 1981 г. А.П. Мошинский специализировался в области археологии античных городов Северного Причерноморья, его научным руководителем была доцент Ирина Владимировна Яценко. Несколько лет А.П. Мошинский работал на раскопках греко-скифского городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму и относящегося к нему некрополя у пос. Заозерное. Одной из первых статей молодого ученого стала публикация части его дипломной работы, посвященная погребальному обряду некрополя IV–III вв. до н.э. у пос. Заозерное (1988), которая до сих пор часто цитируется исследователями греческого погребального обряда в Северном Причерноморье. А.П. Мошинский прекрасно разбирался во многих вопросах, связанных с античной археологией и в свое время посоветовал одному из авторов заняться «белым пятном» – римской краснолаковой керамикой.

Помимо «Чайки», А.П. Мошинский работал в ряде других экспедиций на юге СССР. В 1980-х гг. он принимал активное участие в работе экспедиции ГИМ на Куликовом поле, был соавтором нескольких статей и заметок. Более того, он стал героем «Куликовского фольклора» («Тихо спит курган на Смолке, а в тени Мошинский спит»).

А.П. Мошинский
(3 июля 1954 –
4 ноября 2022)

Д.В. Журавлев, А.Ю. Скаков

Памяти Александра Пинкусовича Мошинского (1954-2022 гг.)

С 16 декабря 1974 г. А.П. Мошинский работал в Государственном историческом музее, сначала лаборантом отдела истории СССР периода капитализма и трех революций, а с 4 апреля 1978 г. – лаборантом отдела археологических памятников. С 20 апреля 1981 г. он младший научный сотрудник этого отдела, позднее – старший научный сотрудник и заведующий сектором раннего железного века. В Отделе археологических памятников А.П. Мошинскому достался фонд Кавказа эпохи поздней бронзы – раннего железного века, что предопределило смену научной специализации молодого исследователя В Историческом музее А.П. Мошинский, помимо хранительской работы активно занимался выставочной деятельностью. Он активно участвовал во многих выставках Отдела археологических памятников, в создании новой экспозиции в 1996 г. В конце 1980-х гг., совместно с грузинским археологом Т.И. Бибилури, А.П. Мошинский готовил к публикации и экспонированию коллекцию материалов из Грузии, хранящихся в Историческом музее. К сожалению, по не зависящим от него причинам эта работа не была завершена, но в 1991 г., в Москве, в грузинском культурном центре «Мзиури» на Арбате, состоялась выставка «Археология Грузии», а в 2000 г. выставка «Сакартвело (Грузия) – культура, история» экспонировалась в Музее современной истории России. Одним из кураторов проекта был А.П. Мошинский.

А.П. Мошинский был автором концепции и куратором выставки «Конь и всадник» (21 марта – 29 сентября 2003 г.), которая, помимо Исторического музея, экспонировалась в Липецке и Иркутске. Под его научной редакцией был издан информативный буклет, позднее переработанный и переизданный.

В 1999 г. А.П. Мошинский от Исторического музея участвовал в выставке «Рождение времени» в г. Кассель (Германия), а в каталог выставки он дал находки каменного идола и счетных камней-фишек из кобанского поселения Сауар. Под руководством А.П. Мошинского была осуществлена реэкспозиция 5го зала, посвященного Евразии в скифскую эпоху. В 2013 г. А.П. Мошинский входил в авторскую группу по проведению российско-германской выставки «Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое-первое тысячелетия до новой эры», написал статью для каталога, отобрал часть экспонатов из хранимого им фонда. Последняя выставка, в которой он принял участие, предоставив экспонаты из хранимого им фонда, в том числе, из собственных раскопок.

А.П. Мошинский активно участвовал в российских («Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа и многие другие) и международных (Тбилиси, Барселона, Сухум) научных конференциях.

Много лет А.П. Мошинский занимался кобанской (и не только) керамикой из коллекции В.И. Долбежева. К сожалению, большая часть этой работы так и осталась не опубликованной. Первоначально Александр Пинкусович предполагал защищать кандидатскую диссертацию по керамике центрального варианта кобанской культуры. Была проделана огромная работа, отрисован большой массив керамики, но все это столкнулось с нерешаемой в тот момент проблемой – фактическим отсутствием достоверно зафиксированных погребальных комплексов. Строить хронологию керамики на основании находок из грабительских раскопок второй половины XIX в. не представлялось возможным. Сейчас, благодаря широкомасштабным раскопкам ряда могильников, ситуация изменилась, но в 1980-е гг. она казалась просто безнадежной. Тем не менее, интерес к керамике не оставлял исследователя и позже. Вместе с М. Навротом в 2016 г. А.П. Мошинский издал коллекцию керамики с территории Грузии, в том числе из Самтаврского могильника, происходящую из числа коллекций, перемещенных из Германии в СССР после Великой Отечественной войны. В 2019 г. Александр Пинкусович опубликовал фундаментальную статью о взаимодействии и взаимосвязанности между «кобанской» и «колхидской» керамическими традициями, допустив при этом миграцию мастеров-гончаров из Колхиды в Дигорию.

А.П. Мошинский в 1985 г. воссоздал Северо-Кавказскую экспедицию ГИМ, в первые годы она вела активные разведки в Дигорском ущелье Северной Осетии и продолжила исследования на хорошо известном и многократно исследованном могильнике Верхняя Рутха.

В качестве курьеза Александр Пинкусович любил рассказывать о сосуде, части которого были обнаружены еще Е.И. Крупновым в конце 1930-х гг., а части – его экспедицией. Он так и называл его: «сосуд из раскопок Крупнова-Мошинского». Именно работы на Верхней Рутхе обратили внимание исследователя на докобанские древности эпохи поздней бронзы. Сначала, вместе с Валентиной Ивановной Козенковой, которую по праву можно считать еще одним учителем Александра Пинкусовича в науке, он выделил протокобанский период. Позже, после новых находок, А.П. Мошинский снова обратился к этой тематике. В 1987 г. экспедиция А.П. Мошинского открыла два ярких и, можно сказать, эталонных памятника кобанской культуры в Дигории – позднекобанское поселение Сауар и относящийся к нему могильник Гастон Уота VII–IV вв. до н.э. В 1993 г., рядом с лагерем экспедиции, был открыт могильник Кари Цагат, с погребениями протокобанской эпохи и аланского времени. Вплоть до 2022 г., практически ежегодно, в последние годы почти без финансирования, экспедиция А.П. Мошинского продолжала исследования в Дигории. Исследования могильника Гастон Уота шли до 1998 г., далее работы велись на поселении Сауар и могильнике Кари Цагат. На поселении Сауар нам поочередно и довелось работать с А.П. Мошинским. Значение полученных материалов трудно переоценить. Кобанские поселения вплоть до настоящего времени исследовались эпизодически, за исключением монографически опубликованных Змейского и Сержень-Юрта. Уникальность памятника и в особой специфике исследованного участка – квартала гончарных печей и металлургических горнов, с несколькими культовыми комплексами. Сам Александр Пинкусович называл Сауар «городом мастеров» или «городом колдунов».

Опять же, за немногим исключением, для центрального варианта кобанской культуры (или центрально-кобанской культуры, как совершенно оправданно считал Александр Пинкусович) отсутствовали научно исследованные могильники и погребальные комплексы, почти весь материал, как мы отметили выше, происходил из грабительских раскопок. То же самое относится и к аланским погребальным памятникам горной части Северной Осетии – они здесь никогда не исследовались, весь имеющийся материал был депаспортизирован и перемешан. Еще хуже обстояло дело с докобанскими древностями, поэтому исследования двух коллективных погребений на могильнике Кари Цагат фактически открыли этот исторический период.

Опираясь на полученный в ходе полевых исследований материал, А.П. Мошинский возобновил работу над диссертацией, изменив её тему. 31 мая 2004 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Древности горной Дигории VII–IV вв. до н.э.: систематизация и хронология». В 2006 г. диссертация была опубликована в виде монографии «Древности Горной Дигории VII–IV вв. до н.э. Систематизация и хронология», получившей Премию И.Е. Забелина (Забелинскую премию) Государственного Исторического музея.

В дальнейшем А.П. Мошинским был подготовлен великолепный альбом-каталог кобанских (а также, в меньшей степени, протокобанских и, в незначительном количестве, сармато-аланских) древностей из фондов ГИМ «Древние бронзы Кавказа» (2010 г.). В последние годы он активно работал над вторым изданием этого альбома в серии «Золотая коллекция Исторического музея», но эта работа осталась незавершенной. Много лет А.П. Мошинский трудился над полным изданием погребальных комплексов могильника Гастон Уота, в недавнее время эта книга была сдана в печать. Ждет издания огромный материал из раскопок поселения Сауар; Александр Пинкусович собирался, при участии одного из авторов этого текста, приступить к его подготовке после выхода в свет монографии по могильнику. Наконец, публикации ждут великолепные материалы протокобанского и аланского времени из могильника Кари Цагат. Материалы Сауара и Кари Цагата постепенно вводились в научный оборот, в первую очередь, производственные и культовые комплексы поселения, «киммерийская» стела, пинтадеры, но до монографического издания дело не дошло. Кроме того, все эти годы А.П. Мошинский плодотворно занимался и иными, смежными проблемами – семантикой кобанского искусства, технологией бронзового производства. Предварительно, не учитывая подготовленные к печати, но еще не увидевшие свет работы, можно обозначить

Д.В. Журавлев, А.Ю. Скаков
Памяти Александра Пинкусовича Мошинского (1954-2022 гг.)

три направления, в которых А.П. Мошинский, опираясь на свои и чужие исследования, учитывая весь объем накопленного материала, изменил существующие научные парадигмы, совершив своего рода «перевороты» в науке. Во-первых, это проблематика протокобанского периода или предкобанской эпохи. Концепция переходной «протокобанской группы» или «протокобанского периода» была выдвинута В.И. Козенковой в 1980-х гг., в дальнейшем обоснована ею с участием А.П. Мошинского (1995 г.). Период был датирован в рамках третьей четверти II тыс. до н.э. Позже А.П. Мошинский, опираясь на материалы могильника Кари Цагат, значительно удревнил протокобанские древности, считая более оправданным говорить о предкобанской эпохе, в рамках которой выделяется несколько хронологических периодов и культур (2000, 2001, 2002, 2008, 2009, 2010). К аналогичным выводам тогда же пришел и один из авторов этого текста (Скаков, 2001, 2003а, 2003б, 2004). В дальнейшем тенденция к удревнению «протокобани» была подкреплена целым рядом исследований, в первую очередь, Р.А. Мимохода (Мимоход, 2013), и стала доминирующей. Сейчас речь идет уже об «уходе нижней границы протокобанской эпохи по калиброванным датам в конец III тыс. до н.э.» (Мимоход, 2013, с. 261).

Во-вторых, именно А.П. Мошинский, опять же, совместно с одним из нас, поставил вопрос о существовании не кобанской культуры с локальными вариантами, развивающейся обособленно от колхидской культуры, а кобано-колхидской культурно-исторической общности, в рамках которой выделяются кобанская и колхидская культурно-исторической области, каждая из которых, в свою очередь, состоит из нескольких культур (2008 г.). Ранее, целым рядом исследователей, несогласных с господствующей концепцией Е.И. Крупнова – В.И. Козенковой, вопрос ставился исключительно о выделении кобанской культурно-исторической общности. Безусловно, существование кобано-колхидской культурно-исторической общности не предполагает единого центра культурогенеза, формирование культур в ее рамках имело полицентричную основу.

Третьим важнейшим направлением научного поиска для А.П. Мошинского стало исследование механизма взаимоотношений скифов и местного кобанского населения в горных районах Северного Кавказа. Этой теме был посвящен целый ряд его работ (1997, 2004, 2014 и др.). Важное значение, в том числе, для изучения этногенеза народов Северного Кавказа, имеет вывод А.П. Мошинского о том, что при наличии в V–IV вв. взаимопроникновения элементов кобанской и скифской культур, «в горной Дигории скифское население как таковое в V–IV вв. до н.э. отсутствовало. Вероятно, такая же ситуация была во всей горной зоне Центрального Кавказа» (Мошинский, 2014, с. 93).

В 2007 г. в Северо-Осетинском государственном объединенном музее истории, архитектуры и литературы (СОГОМИАЛ) в Владикавказе прошла выставка «В поисках Дигорского Фарна», посвященная 25-летию Северо-Кавказской экспедиции. В 2022 г. режиссер Инна Макиева сняла документальный фильм «Мошинский. 40 лет в Осетии». Александра Пинкусовича знали, ценили и любили в Северной Осетии.

В экспедиции А.П. Мошинского была создана уникальная атмосфера, опирающаяся на непререкаемый авторитет «Начальника», как его называли, и на слаженную и работоспособную команду, состоявшую из людей различного возраста и разной профессиональной принадлежности. На «День археолога» 15 августа ежегодно ставилась «опера» с «ариями» её участников, по замысловатым сюжетам, основанным на сказках, мифах, фольклоре и литературных произведениях. На 15 августа делалась и стенгазета «Не наступите мимо» (в горных условиях повесить ее не было возможности, поэтому она лежала буквально на земле). Сложился особый экспедиционный сленг, собранный в неоднократно изданном (в домашних условиях) «САДИКОБЯЗЕ» – «Словаре современного археологического диалекта дигоркобанского языка».

Будучи абсолютно далек от преподавательской деятельности, А.П. Мошинский, тем не менее, оставил ряд учеников. Кроме авторов этого текста можно назвать и А.А. Кадиеву,

и Е.Е. Васильеву. Возможно, в кавказскую археологию пойдут некоторые студентки и студенты с горящими глазами, уже не один год участвовавшие в раскопках А.П. Мошинского.

Уход из жизни Александра Пинкусовича Мошинского стал большой потерей как для его друзей и коллег, так и для археологии Кавказа.

Литература:

Мимоход Р.А., 2013. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. (Материалы охранных археологических исследований. – Том 16). – М.: ИА РАН – 568 с.

Мошинский А.П., 2014. Кавказ и скифы в V-IV вв. до н.э. (по материалам Горной Дигории) // Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников. (Труды ГИМ. – Вып. 201). /Науч. ред. Д.В. Журавлев, Н.И. Шишлина. – М. – С. 82–93.

Скаков А.Ю., 2001. Хронология протокобанских памятников // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. – Самара –С.233–238.

Скаков А.Ю., 2003а. Об одной категории протокобанских украшений // РА. – № 1. – С. 91–102.

Скаков А.Ю., 2003б. Сурьмяные украшения Дигорского ущелья протокобанской эпохи // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции – Ч. II – М. – С.18–22.

Скаков А.Ю., 2004. Протокобанская эпоха на Кавказе // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа (28-31 мая 2001 г.) – Сухум – С. 188–196.

СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ А.П. МОШИНСКОГО

1. Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Мошинский А.П. Гоняный М.И., Гласко М.П., Археолого-географические исследования на Куликовом поле // АО 1982 года – М.: Изд-во «Наука» – 1984. – С. 94-95

2. Гоняный М.И., Мошинский А.П. Разведки и раскопки в районе Куликова поля // АО 1984 года. – М.: Изд-во «Наука» – 1986 – С. 47.

3. Мошинский А.П. Раскопки экспедиции ГИМ на могильнике Верхняя Рутха // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. (Суздаль, 1987 г.). – М.: «Наука» – 1987. – С. 179-180.

4. Мошинский А.П. Исследования могильника Верхняя Рутха // АО 1985 года. М.: Изд-во «Наука» – 1987. – С. 148.

5. Мошинский А.П. Жертвенник могильника Гастон Уота // XV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. 19-22 апреля 1988 г. /Отв. ред. В.А. Кузнецов. – Махачкала – 1988. – С. 37-38.

6. Мошинский А.П. Новая интерпретация кобанских птицевидных блях // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. /Отв. ред. В.А. Кузнецов – Орджоникидзе: СОНИИ – 1988 – С. 34-42.

7. Мошинский А.П. Погребальный обряд некрополя IV—III вв. до н. э. у поселка Заозерное (Крым) // СА –1988 – № 4 – С. 127-137.

8. Гоняный М.И., Мошинский А.П., Недошивина Н.Г. Исследования в районе Куликова поля // АО 1986 года – М.: Изд-во «Наука» – 1988. – С. 57.

9. Мошинский А.П. Раскопки могильника Верхняя Рутха // АО 1986 года. – М.: Изд-во «Наука», –1988. – С. 138-139.

10. **Мошинский А.П.** Каталог коллекций В.А. Городцова (№ № 72-79) // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. (Труды ГИМ. – Вып. 68). /Отв. ред. С.В. Студзицкая. – М. – 1988. – С. 50-51, 53.
11. **Мошинский А.П.** Подготовка к печати статьи Д.Л. Талис. К анатомии некоторых классификаций // Археологические исследования на юге Восточной Европы (Труды ГИМ – Вып. № 70). /Отв. ред. М.П. Абрамова. – С. 150-191.
12. **Мошинский А.П.** Керамический комплекс памятников кобанской культуры в Дигории в V-IV вв. до н.э. // XVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Тезисы докладов). – Ставрополь – 1990. – С. 58-59.
13. **Мошинский А.П.** Клад кобанских бронз из урочища Джи-Джи // Проблемы археологии Евразии. (Труды ГИМ. – Вып. 74). /Отв. ред. С.В. Студзицкая. – М. – 1990 – С. 79-83.
14. **Журавлев Д.В., Мошинский А.П.** Гончарный производственный комплекс позднекобанского времени на поселении Сауар в Дигории // РА. – 1992. – № 2. – С. 171-180.
15. **Мошинский А.П.** Контакты Северного Кавказа со степью и Закавказьем // XVII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. /Отв. ред. И.М. Чеченов. – Майкоп – 1992. – С. 44-45.
16. **Журавлев Д.В., Мошинский А.П.** Исследования на поселении Сауар в 1988-1991 гг. // XVII «Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа». (тезисы докладов). /Отв. ред. И.М. Чеченов. – Майкоп – 1992 – С. 42.
17. **Мошинский А.П.** Штандарты из могильника Гастон Уота // Вещь в контексте культуры. Материалы научной конференции. Февраль 1994 года. /Науч. ред. и сост. Дмитриева Т.Н., Хршановский В.А. – СПб.: ГМИР, ИИМК РАН – 1994. – С. 93-94.
18. **Мошинский А.П.** Хронология позднекобанского могильника Гастон Уота // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. (тезисы докладов). /Отв. ред. И.М. Чеченов. – Кисловодск – 1994. – С. 39-40.
19. **Мошинский А.П.** Исследования в Дигорском ущелье Северной Осетии // АО 1993 года. – М. 1994. – С. 118.
20. **Журавлевым Д.В., Мошинский А.П.** Поясные пряжки из могильника Гастон Уота в Северной Осетии // РА. – 1994. – № 1. – С. 157-165.
21. **Мошинский А.П.** Штандарты из кобанского могильника Гастон Уота // Исторический музей - энциклопедия отечественной истории и культуры. Забелинские научные чтения 1993. (Труды ГИМ. – Вып. 87). – М. – 1995. – С. 360-370.
22. **Козенкова В.И., Мошинский А.П.** Кобанская культура Кавказа: генетические корни и условия формирования (третья четверть II тыс. до н.э.) // ИАА – Вып. 1. /Отв. ред. Р.М. Мунчаев. – Армавир-Москва, – 1995. – Вып.3 – С. 48-52.
23. **Мошинский А.П.** Образ хозяина зверей в кобанской пластике // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.А. Иессена, /Науч. ред. Ю.Ю. Пиотровский. – СПб: ГЭ – 1996. – С. 111-113.
24. **Мошинский А.П., Скаков А.Ю.** Работы Северо-Кавказской экспедиции ГИМ в 1991-1995 гг. // Отчетная сессия Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991-1995 гг. Тезисы докладов. // Ред. Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов. – М. – 1996. – С. 35-37.
25. **Мошинский А.П., Скаков А.Ю.** Железоделательная мастерская на поселении Сауар // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). (Москва, апрель 1996 г.). Тезисы докладов. /Отв. ред. Г.Е. Афанасьев. – М. – 1996 – С. 116-117.
26. **Мастыкова А.В., Мошинский А.П.** Стекланные бусы могильника Гастон Уота. // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). (Москва, апрель 1996 г.). Тезисы докладов. /Отв. ред. Г.Е. Афанасьев. – М. – 1996 – С. 113-114.
27. **Мастыкова А.В., Мошинский А.П.** Glass bead's production in the IV C. BC: technological methods (on the basis of the North Caucasus materials) // International symposium on archaeometry. Program and abstracts. – Illinois – 1996. – P. 69.

28. **Мошинский А.П.** Работы в Дигорском ущелье Северной Осетии // АО 1995 года – М. 1996. – С. 234-235.
29. **Мошинский А.П.** Взаимосвязь населения горных районов Северного Кавказа со скифами (по дигорским материалам) // РА – 1997 – № 3 – С. 33-45.
30. **Мошинский А.П.** Погребальный обряд могильника Гастон Уота // Археологический сборник Погребальный обряд. (Труды ГИМ. – Вып.93). /Отв. ред. И.В. Белоцерковская. – М. – 1997. – С. 38-46.
31. **Мошинский А.П., Скаков А.Ю.** Работы в Дигорском ущелье Северной Осетии // АО 1996 года – М. – 1997. – С. 220-221.
32. **Мошинский А.П.** Закавказская золотая серьга из Дигории // XX юбилейные международные «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Железноводск. Тезисы докладов. /Ред. И.М. Чеченов, В.А. Кузнецов, А.Б. Белинский, Л.С. Марченко. – Ставрополь: ГУП «Наследие» – 1998. – С. 92-93.
33. **Мошинский А.П., Переводчикова Е.В.** Скифский звериный стиль в кобанских могильниках Дигории // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. (22-26 ноября 1998 года). Тезисы докладов. /Ред. В.Я. Кияшко, В.А. Ларенок, В.В. Потапов – Ростов-на-Дону – 1998 – С. 5-26.
34. **Мошинский А.П.** Оружие кобанской культуры с территории Северной Осетии в собрании ГИМ (коллекция В.И. Долбежева). Каталог // Археологический сборник. (Труды ГИМ. – Вып. 96). /Отв. ред. С.В. Студзицкая. – М. – 1998. – С. 109-127.
35. **Мошинский А.П.** Золотое руно как символ власти в мифологии эллинов и скифов // Вопросы истории культуры. V. Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили, кафедра истории культуры. Тбилиси: Изд-во «Ирмиса», 1998. С. 14-20.
36. **Мошинский А.П.** Браслеты из могильника Гастон Уота (Северная Осетия) // Древности Северного Кавказа. /Отв. ред. В.И. Марковин. – М.: ИА РАН – 1999 – С. 136-151.
37. **Мошинский А.П.** Idol mit 23 Rechensteinen // Geburt der Zeit. Eine Geschichte der Bilder und Begriffe. – Kassel – 1999 – S. 32.
38. **Мошинский А.П.** Die Bestattung eines “Priesters” der Koban-Kultur im Gräberfeld Gaston Uota, Nordkaukasien // Eurasia antiqua. – Band 5. – Berlin – 1999 – S. 217-231.
38. **Мошинский А.П., Скаков А.Ю.** Культовый комплекс в производственном квартале поселения Сауар // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Тезисы докладов юбилейной конференции, посвященной 60-летию кафедры археологии исторического факультета Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова (Москва, 20-24 декабря 1999 года). – М. – 1999. – С. 146-148.
39. **Мошинский А.П., Скаков А.Ю.** Работы в Дигории // АО 1997 года. – М.: Эдиториал УРСС, –1999. – С. 181-182.
40. **Мошинский А.П.** О правомерности выделения Дигорской культуры // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. (тезисы докладов). /Ред. А.Б. Белинский, В.А. Кузнецов, С.Н. Савенко, И.М. Чеченов – Кисловодск – 2000. – С. 102-104.
41. **Мошинский А.П., Скаков А.Ю.** Новые исследования по кобанской культуре // РА – 2000. – № 2. – С. 205-212.
42. **Вальчак С.Б., Мошинский А.П.** Несколько предметов вооружения и узды из Северной Армении // ИАА – Вып. 6 – Армавир - М. – 2000. – С. 3-8.
43. **Мошинский А.П.** Ажурные булавки протокобанской эпохи (к вопросу об относительной хронологии Дигорской культуры) // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции. (г. Ставрополь, 12-15 апреля 2001 г.). /отв. ред. В.А. Шаповалов. – Ставрополь: Изд-во СГУ, – 2001. – С. 18-21.
44. **Мошинский А.П., Скаков А.Ю.** Культы кобанского поселения Сауар (Северная Осетия) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. (МИАР. – № 3). / Отв. ред. М.П. Абрамова, В.И. Марковин. – М. – 2001. –С. 86-102.
45. **Мошинский А.П., Скаков А.Ю.** Исследования в Дигорском ущелье // АО 1999 года. – М.: «Наука», – 2001. – С. 160-161.

- 46. Бибилури Т.И., Мошинский А.П.** Культурно-исторические ценности из Сакартвело в собрании Государственного Исторического музея. Альбом археологических памятников – М.: «Эгри» – 2001.
- 47. Мошинский А.П.** The Cult of the Double-Edged Axe in the Northern Caucasus // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. – Vol. 7 – No.1-2. –Leiden-Boston-Köln – 2001. – P. 71-84.
- 48. Иванчик А.И., Мошинский А.П.** Two Bronze North Caucasian Helmets from the State Historical Museum (Moscow) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. –Vol. 7. – No.3-4. – Leiden –Boston- Köln, – 2001. – P. 287-306.
- 49. Мошинский А.П.** Исследования в Дигорском ущелье // АО 2001 года. –М.: ИА РАН. –2002. – С. 294-295.
- 50. Мошинский А.П.** Протокобанская эпоха на Северном Кавказе // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. (тезисы докладов). /Ред. А.Б. Белинский, С.Н. Савенко. – Эссентуки-Кисловодск, – 2002. – С. 102-104.
- 51. Мазур Л.Д., Мошинский А.П.** Культурный комплекс у с. Лесгор // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. (тезисы докладов). /Ред. А.Б. Белинский, С.Н. Савенко. – Эссентуки-Кисловодск, – 2002–С. 82-83.
- 52. Мошинский А.П.** Пектораль из Толстой Могилы как символ царской власти // Донская археология – № 1-2 (14-15) – 2002 – С. 84-88.
- 53. Мошинский А.П.** Место Горной Дигории в кобанской культурно-исторической области. Дигорская культура, дигорская группа памятников центрально-кобанской культуры, дигорский вариант центральной позднекобанской культуры // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. /Отв. ред. Н.И. Шишлина. – Ч. II. – М.: ГИМ – 2003 – С. 16-18.
- 54. Мошинский А.П.** Кобанский воин-всадник // VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции. (г. Ставрополь, 24-26 апреля 2003 г.). /Отв. ред. А.А. Кудрявцев. – Ставрополь: СГУ – 2003. – С. 40-43.
- 55. Мошинский А.П., Годорова А.А.** Средневековые бусы из могильника Кари Цагат // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (г. Ставрополь, 24-26 апреля 2003 г.). /Отв. ред. А.А. Кудрявцев. – Ставрополь: СГУ – 2003 – С. 74-76.
- 56. Мошинский А.П.** Научный редактор, вступительный раздел, каталожные описания (№ № 32, 37, 55-57, 109-115). // Конь и всадник: взгляд сквозь века. Выставка 21 марта – 29 сентября 2003 г. Буклет к выставке. – М.: ГИМ – 2003. – С. 7-8, 25, 28, 34-35, 55-57.
- 57. Мошинский А.П., Скрипникова М.И., Молчанов Э.Н.** Современное состояние почвенного покрова, его устойчивость, конструкционные особенности древних и современных террасовых систем в Кавказском регионе // Устойчивое развитие горных территорий: проблемы регионального сотрудничества и региональной политики горных районов. – Владикавказ – 2003.
- 58. Мошинский А.П.** Древности горной Дигории VII-IV вв. до н.э.: систематизация и хронология. Автореферат дисс. ... к.и.н. – М. – 2004 –21 с.
- 59. Мошинский А.П., Переводчикова Е.В.** Скифский звериный стиль в кобанских могильниках Дигории // Боспорские исследования. –Вып. VII. /Ред.-сост. В.Н. Зинько. – Симферополь-Керчь – 2004. – С. 5-26.
- 60. Мошинский А.П.** Кобанская культурно-историческая область и горная Дигория // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова. (XXIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. /Отв. ред. Л.Т. Яблонский. – М.: ИА РАН – 2004 –С. 130-131.
- 61. Балашов А.Ю., Мошинский А.П.** Аланские катакомбы X-XI веков на могильнике Кари Цагат // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова. (XXIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. /Отв. ред. Л.Т. Яблонский. – М.: ИА РАН – 2004. – С. 131-132.

- 62. Мошинский А.П.** Аксессуары костюма населения горной Дигории в VII-IV вв. до н.э. // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. /Гл. ред. В.И. Гуляев. – М.: Институт археологии РАН – 2005 – С. 490-503.
- 63. Мошинский А.П.** На краю мира. // Мастера бронзового века. Золотой блеск эпохи. /Гл. ред. А.Журавлев. – М.: Бук Хаус – 2005. – С. 68-87.
- 64. Мошинский А.П.** Древности Горной Дигории VII-IV вв. до н.э. Систематизация и хронология. (Труды ГИМ. – Вып. 154). – М. – 2006. – 208 с.
- 65. Мошинский А.П.** Керамическое производство в Горной Дигории в V в. до н.э. // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. /Отв. ред. И.М. Чеченов. – Нальчик – 2006 – С. 139-141.
- 66. Мошинский А.П.** Гончарное производство в Горной Дигории в V – начале IV в. до н.э. // Северный Кавказ мир кочевников в раннем железном веке. (МИАР – № 8). /Отв. ред. В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев. – М. – 2007 – С. 321-343.
- 67. Мошинский А.П.** The Scythians and the Caucasus in the 5th-4th c. B.C. // Scythians, Sarmatians, Alans. Iranian-Speaking Nomads of the Eurasian Steppes – Barcelona –2007 – P. 35-36.
- 68. Мошинский А.П.** Археологические экспозиции: проблемы при создании и пути их решения // Сохранение и актуализация историко-культурного наследия народов Северного Кавказа и формирование толерантной личности музейными средствами. –Краснодар – 2007.
- 69. Мошинский А.П.** Протокобанская эпоха на Северном Кавказе и археологические культуры // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. /Отв. ред. А.А. Туаллагов. – Владикавказ: СОИГСИ – 2008 – С. 261-264.
- 70 Мошинский А.П., Скаков А.Ю.** Древние металлурги Горной Осетии // Изд. дом «Руда и металлы». Специальный выпуск. Посвящен Государственному Историческому музею. – М. – 2008 – С. 5-9.
- 71. Мошинский А.П., Скаков А.Ю.** Кобано-колхидская культурно-историческая общность: внутренняя структура и отражающие ее понятия // Вс.Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения (I Всероссийские Миллеровские чтения). Тезисы докладов. /Отв. ред. З.В. Канукова. (Владикавказ, 19-20 ноября 2008 г.) – Владикавказ: ИПО СОИГСИ. – 2008. – С. 28-29.
- 72. Мошинский А.П.** Дигорская культура и Дигорско-Рачинский металлургический очаг // Древность: историческое знание и специфика источника – Вып. IV: Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского. (14-16 декабря 2009 года). /Отв. ред. А.С. Балахванцев – М.: ИВ РАН – 2009. – С. 87-90.
- 73. Мошинский А.П.** Древние бронзы Кавказа – М. – 2010. – 200 с.
- 74. Мошинский А.П.** Протокобанский период, Кобан I или предкобанская эпоха? // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа Магас. 26-30 апреля 2010 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. /Отв. ред. М.Б. Мужухоев – Магас: ООО «Пилигрим» – 2010 –С. 256-257.
- 75. Мошинский А.П.** Дигорско-рачинский металлургический очаг и Дигорская культура // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержания докладов. (Тбилиси, 25-27 июня 2009 года) /Отв. ред. Г. Гамбашидзе – Тбилиси – 2010 – С. 204-205.
- 76. Мошинский А.П.** Научный редактор, вступительный раздел, каталожные описания (№ № 4, 13-15, 32, 36) // Конь и всадник: взгляд сквозь века. Буклет к выставке. – Иркутск – 2010. – С. 4, 6, 14, 22, 24.
- 77. Мошинский А.П.** Дигорская культура. Проблемы выделения и хронологии // Древность: историческое знание и специфика источника. Вып. V: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского. 12-14 декабря 2011 года. /Отв. ред. А.С. Балахванцев, Г.Ю. Колганова. – М.: ИВ РАН – 2011 – С. 148-152.
- 78. Мошинский А.П.** Раскопки позднекобанского поселения Сауар в 2006-2009 гг. // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. /Отв. ред. Х.М. Мамаев. – Грозный-М. – ИА РАН – 2011 – С. 192-203.

79. Мошинский А.П. Литье по составной восковой модели на Северном Кавказе во II-I тыс. до н.э. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23-28 апреля 2012 г. /Отв. ред. М.С. Гаджиев. – Махачкала: Мавраевъ – 2012 – С. 213-214.

80. Мошинский А.П. «Киммерийская» стела из Горной Дигории // Образы времени. Из истории древнего искусства. К 80-летию С.В. Студзицкой. (Труды ГИМ. – Вып. 189). / Отв. ред. И.В. Белоцерковская – М. – 2012. – С. 74-79.

81. Мошинский А.П. Новые культовые комплексы V в. до н.э. на поселении Сауар // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. (Труды ГИМ –Вып. 191). /Отв. ред. Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов. – М. – 2012 – С. 181-188.

82. Мошинский А.П. Статья «Археолог», каталожные описания // Кавказский словарь. Земля и люди – М. – 2012 – С. 272-273, 330-332.

83. Мошинский А.П. Изображение колесницы на сосуде V в. до н.э. из Горной Дигории // *Tyragetia. Serie nouă – Vol. VI (XXI) – nr. 1. Archeologie Istorie Antică. – Chişinău – 2012 – С. 185-188.*

84. Мошинский А.П. Воины, металлурги, художники Северного Кавказа эпохи бронзы // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое - первое тысячелетия до н.э. Каталог выставки. /Науч. ред. Ю.Ю. Пиотровский. – СПб.: Изд-во «Чистый лист» – 2013. – С. 218-226.

85. Мошинский А.П. Каталожные аннотации (43 описания: № № 301.2-15, 302.1.1-1.3, 303.1, 304.1-2, 305.1, 306.7-17, 308.1, 309.1, 310.1) // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое - первое тысячелетия до н.э. Каталог выставки. /Науч. ред. Ю.Ю. Пиотровский. – СПб.: Изд-во «Чистый лист» – 2013 – С. 590-601, 615.

86. Мошинский А.П. Новые производственные комплексы поселения Сауар // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции. (Москва, 21-25 апреля 2014 г) / Отв. ред. Д.С. Коробов – М.: ИА РАН – 2014 –С. 182.

87. Мошинский А.П. Ехали мы, ехали // Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников. (Труды ГИМ – Вып. 201). /Науч. ред. Д.В. Журавлев, Н.И. Шишлина. – М. – 2014. – С. 221-230.

88. Мошинский А.П. Кавказ и скифы в V-IV вв. до н.э. (по материалам Горной Дигории) // Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников. (Труды ГИМ. – Вып. 201). /Науч. ред. Д.В. Журавлев, Н.И. Шишлина. – М. – 2014. – С. 82-93.

89. Мошинский А.П. Средневековые погребения Кари Цагат с двойным перемещением останков погребенных // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Научный альманах – Вып. 7. / Отв. ред. Ю.А. Прокопенко. – Ставрополь – 2015. – С. 24-37.

90. Мошинский А.П. Исследования поселения Сауар // АО 2010-2013 гг. – М.: ИА РАН, – 2015. – С. 401-404.

91. Мошинский А.П. Археологические коллекции Южного Кавказа в собрании ГИМ // Древности Кавказа в музейных хранилищах мира. Материалы международной конференции (Тбилиси, 1-2 ноября 2014 г.). – Тбилиси, 2015. – С. 101-113.

92. Мошинский А.П. Культы поселения Сауар в свете новых открытий // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. – Грозный: Чеченский государственный университет, (18–21 апреля 2016 г.) /Отв. ред. М.Х. Багаев и Х.М. Мамаев. – Грозный, 2016 – С. 102-104.

93. Мошинский А.П. Katalog // Manfred Nawroth. Die vor- und frühgeschichtlichen Funde aus Georgien. Bestandskatalog. Band 13. Museum für Vor- und Frühgeschichte Staatliche Museen zu Berlin, 2016. (*In der Mitautorenschaft mit Manfred Nawroth*). – S. 175-184.

94. Мошинский А.П. Кобанские пинтадеры V-IV в. до н.э. из поселения Сауар в Горной Дигории // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции, Карачаевск, 22-29 апреля 2018 г. /Отв. ред. У.Ю. Кочкаров – Карачаевск, 2018. – С. 234-236.

95. Мошинский А.П. Керамический комплекс кобанского поселения Сауар в контексте кобано-колхидской культурно-исторической общности // КСИА. – Вып. 255. – М.: ИА РАН, 2019 – С. 153-168.

96. Мошинский А.П. Каталогные аннотации (21 Аннотация. № № 212.1, 214.1, 224.1, 225.1-5, 235.1-13) // Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н.э. Каталог выставки. – СПб.: Изд-во «Чистый лист», 2020 – С. 589, 590, 610-611, 620-622.

97. Мошинский А.П. Утраченная модель и орнаментация кобанских бронзовых изделий // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20-25 апреля 2020 г. /Отв. ред. М.С. Гаджиев. – Махачкала: МавраевЪ, 2020 – С. 267-268.

98. Мошинский А.П. Дубликация и дихотомия в артефактах Кавказа // Диалог 2017-2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис. Материалы объединенного семинара Института археологии РАН и Института истории материальной культуры РАН – Санкт-Петербург, 2017 – Москва, 2018. /Отв. ред. Е.С. Леванова, Н.Ю. Смирнов. М.: ИА РАН, 2020. С. 145-166.

99. Мошинский А.П. Конь и его снаряжение в кобанском и аланском могильниках у с. Лезгор в Горной Дигории // Вещь в контексте погребального обряда. Материалы международной научной конференции. /Отв. ред. С.А. Яценко, Е.В. Куприянова. – М.: РГГУ, 2020. – С. 139-147.

100. Мошинский А.П. Сорок лет вместе // Археология Волго-Окского региона: сборник тезисов к юбилею И.В. Белоцерковской. / Ред.-сост. Н.А. Биркина. М.: Исторический музей, 2020. С. 12-18.

101. Мошинский А.П., Скаков А.Ю. Раннекобанский клад бронзовых предметов с горы Стрижамент (Ставрополье) // КСИА– Вып. 259. –М.: ИА РАН – 2020 – С. 164–184.

102. Мошинский А.П. Литье по утраченной составной модели на Северном Кавказе во II-I тыс. до н.э. // Кобанская культурно-историческая общность в контексте древностей Кавказа. Памяти д.и.н. В.И. Козенковой. /Отв. ред. А.А. Малышев, А.Ю. Скаков. – М.: МАКС Пресс – 2021. – С. 63–75.

103. Мошинский А.П. Сауар – производственный центр Горной Дигории V-IV вв. до н.э. Итоги тридцатилетних исследований // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации. XXXII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа, посвященной 125-летию раскопок Майкопского кургана. (Майкоп, 18-23 апреля 2022 г.) /Ред. М.С. Гаджиев, В.Р. Эрлих – Майкоп: ООО «Качество» – 2022 – С. 172–174.

Составители – Д.В. Журавлев и А.Ю. Скаков.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГПИ (АГПА, АГПУ) – Армавирский государственный педагогический институт (Академия, университет, г. Армавир);

АН СССР – Академия наук СССР (г. Москва);

АНИИЭЯЛИ – Адыгейский научно-исследовательский институт этнографии, языка, литературы и истории (г. Майкоп);

АО – Археологические открытия (г. Москва);

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа (г. Ленинград);

АЭС. – Археолого-этнографический сборник (г. Грозный);

ВАА – Вопросы археологии Адыгеи (г. Майкоп);

ВВ – Византийский временник (г. Москва);

ГИМ – Государственный исторический музей (г. Москва);

ГУП – Государственное унитарное предприятие;

ДК – Древности Кубани (г. Краснодар; Ростов-на-Дону-Таганрог);

ЗАО – Закрытое акционерное общество;

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей (г. Одесса);

ИАА – Историко-археологический альманах (Армавир-Москва; Армавир-Краснодар-Москва);

ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук (г.Москва);

КБИГИ – Кабардино - Балкарский институт гуманитарных исследований (г. Нальчик);

КНИФСЦ – Кавминводский научно-исследовательский филиал Ставропольского центра «Великий Шелковый путь» (г. Кисловодск);

КубГУ – Кубанский государственный университет (г. Краснодар);

КСИА – Краткие сообщения института археологии (г. Москва, г. Ленинград);

КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры (г. Ленинград, г. Санкт-Петербург);

КФ СГОКМ – Кисловодский филиал Ставропольского государственного объединенного музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве (г. Кисловодск);

КЧГУ – Карачаево - Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева (г. Карачаевск);

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР (г. Москва, г. Ленинград);

МАДИСО – Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии (г. Орджоникидзе);

Список сокращений

МИА СП – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья;

МИАР – Материалы и исследования по археологии России (г. Москва);

МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа (г. Армавир, г. Краснодар, г. Карачаевск);

НА АМ – Научный архив Анапского археологического музея (г. Анапа);

НАО – Непубличное акционерное общество (г. Краснодар);

НОА ИА РАН. Ф-1 – Научно-отраслевой архив института археологии Российской академии наук, фонд № 1 (г. Москва);

ОАК – Отчёты Императорской Археологической Комиссии (г. С.-Петербург);

НЦ РАН – Научный центр РАН (г. Москва);

ППАЭ – Предгорно-плоскостная археологическая экспедиция;

РА – Российская археология (г. Москва);

РИЦ – Редакционно-издательский центр;

СА – Советская археология (г. Москва);

САИ – Свод археологических источников;

СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара);

СОГУ – Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (г. Орджоникидзе, г. Владикавказ);

СОНИИ – Северо-Осетинский научно-исследовательский институт (г. Орджоникидзе, г. Владикавказ);

СЦВШП – Ставропольский центр «Великий Шелковый путь» (г. Ставрополь);

ТГУ – Томский государственный университет (г. Томск);

Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея (г. Москва);

Тр. КАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции;

ЦАИ – Центр археологических исследований;

ЧГУ – Чеченский государственный университет им. А. Кадырова (г. Грозный);

ЧИГУ. – Чеченский государственный университет им. Л.Н. Толстого (г. Грозный);

ЧИНИИСФ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, социологии и филологии при Совете министров ЧИАССР (г. Грозный);

ЧИНИИИЯЛ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы (г. Грозный).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Айбазов Ахмат Юсуфович** – заведующий археологическим музеем, Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева г. Карачаевск, Российская Федерация;
- Бабиец Андрей Иванович** – научный сотрудник ООО «Региональный центр археологического наследия», г. Новороссийск, Российская Федерация;
- Байчоров Шамильхан Халитович** – директор автономной некоммерческой организации по поддержке и развитию туризма «Карачаево-Черкесия туризм», г. Черкесск, Российская Федерация;
- Березин Яков Борисович** – ведущий специалист научно-исследовательского Института и Музея антропологии им. Д.А. Анучина при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова; г. Кисловодск-Москва, Российская Федерация;
- Бурков Сергей Борисович** – научный сотрудник Института истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, Российская Федерация;
- Василиненко Дмитрий Эдуардович** – главный специалист НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар, Российская Федерация;
- Голубев Лазарь Эрвандович** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории сектора археология ГБУРА «АРИГИ» им. Т.М. Керашева, г. Майкоп, Республика Адыгея, Российская Федерация;
- Джилкиев Шамиль Хасанович** – научный сотрудник, ООО «Кавказгеоресурс», г. Усть-Джегута, Карачаево-Черкесская Республика, Российская Федерация;
- Дмитриев Александр Васильевич** – независимый исследователь, г. Новороссийск, Российская Федерация;
- Журавлев Денис Валерьевич** – кандидат исторических наук, научный сотрудник 1 категории отдела археологических памятников Государственного исторического музея, начальник Боспорской археологической экспедиции, г. Москва, Российская Федерация;
- Иванов Владимир Александрович** – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, г. Уфа, Башкортостан, Российская Федерация;
- Клещенко Александр Александрович** – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИА РАН, г. Москва, Российская Федерация;
- Кочкаров Умар Юсуфович** – кандидат исторических наук, заведующий научно-отраслевым архивом ИА РАН, г. Москва, Российская Федерация;
- Ларенок Вера Алексеевна** – научный сотрудник ООО «Южархеология», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
- Ларенок Оксана Павловна** – научный сотрудник Ассоциации «Южархеология», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
- Латам-Спринкл Джон** – доктор философии, отдел истории университета Гента, г. Гент, Бельгия;
- Мокрушин Владимир Павлович** – ведущий специалист НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар, Российская Федерация;
- Наглер Анатолий Оскарович** – доктор философии, научный сотрудник Евразийского отдела Германского археологического института, г. Берлин, Федеративная Республика Германия;
- Нарожная Фарида Бариевна** – преподаватель истории МБОУ СОШ № 3 г. Армавира, г. Армавир, Российская Федерация;
- Нарожный Евгений Иванович** – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, главный научный сотрудник Центра археологических и этнографических исследований Карачаево-Черкесского государственного уни-

Сведения об авторах

верситета им. У.Д. Алиева, Заслуженный работник культуры Кубани, г. Карачаевск, Российская Федерация;

Новичихин Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Анапского археологического музея, г. Анапа, Российская Федерация;

Пьянков Алексей Васильевич – научный сотрудник ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция», г. Краснодар, Российская Федерация;

Прохорова Татьяна Алексеевна – главный специалист НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар, Российская Федерация;

Савенко Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, Заслуженный работник культуры Ставропольского края и Российской Федерации, заведующий сектором природы и археологии Пятигорского краеведческого музея, Ставропольский край, г. Пятигорск, Российская Федерация;

Скаков Александр Юрьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела бронзового века ИА РАН, г. Москва, Российская Федерация;

Сурков Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ООО «Археологическое общество Кубани», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;

Хасанов Ханафий Борисович – заместитель директора книжного издательства, Карачаево-Черкесской Республики, г. Черкесск, Российская Федерация;

Чагаров Онгар Салихович – младший научный сотрудник ИА РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Содержание

Раздел 1

Древние поселения и курганы Северного Кавказа (от энеолита до средневековья)

Section 1

Ancient settlements and burial mounds of the North Caucasus (from the Eneolithic to the Middle Ages)

1.1. Материалы раскопок поселений

1.1. Excavation materials of the settlement

Бурков С.Б. Бытовые памятники эпохи энеолита и раннебронзового века с территории Чечни.....	3-14
Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. Новые археологические материалы поселения «Мысхако»	15-24
Мокрушин В.П., Нарожный Е.И. Некоторые итоги археологического изучения материалов раннего железного века из раскопок поселения «Кишпек-2» в Кабардино-Балкарии.....	25-37
<h5>1.2. Материалы раскопок курганов</h5>	
<h5><u>1.2. Materials of excavation of mounds</u></h5>	
Клещенко А.А., Нарожный Е.И. Курган «Коноково-2» (Успенский район Краснодарского края).....	38-50
Березин Я.Б., Клещенко А.А. Комплексы раннего железного века из раскопок Северокавказской археологической экспедиции ИА РАН в степном Прикубанье в 2017–2020 гг.....	51-81
Березин Я.Б., Иванов А.А., Нарожный Е.И. Погребальные комплексы археологического объекта «Городище». Новокубанский район Краснодарского края (Материалы охранно-спасательных археологических исследований 2014 г.).....	82-115
Березин Я.Б., Наглер А.О. Погребения эпохи раннего железного века из Моздокского района Северной Осетии (раскопки СОГУ 1980-х годов, часть 1).....	116-149
Ларенок В.А., Ларенок О.П. Раскопки курганного могильника «Бургуста I» в Красносулинском районе Ростовской области.....	150-162
Голубев Л.Э. Раскопки кургана 2 Кт «Гостагаевская-1».....	163-176

**Раздел 2: Актуальные проблемы современной археологии
средневекового населения региона**
**Section 2: Actual problems of modern archeology of the medieval
population of the region**

- Чагаров О.С., Айбазов А.Ю., Джилкиев Ш.Х., Хасанов Х.Б., Байчоров Ш.Х.
Скальный могильник Джалан-Кол I –маркер неизвестного маршрута северокавказского
ответвления Великого Шелкового пути.....177-188
- Савенко С.Н.
Раннесредневековые захоронения с остатками «конских шкур» из окрестностей
Кисловодска. Вопросы интерпретации.....189-216
- Иванов В.А.
Элитарные захоронения средневековых кочевников Восточной Европы
(X-первая половина XIII вв.).....217-227

**Раздел. 3: Конфессиональные воззрения населения
Северного Кавказа**
Section 3: Confessional views of the population North Caucasus

- Прохорова Т.А., Василенко Д.Э.
Вотивные приношения римского и раннесредневекового времени из
археологического комплекса «Каштаны 1» (Адлерский район города-курорта Сочи)...228-242

**Раздел 4: Комплекс вооружения, снаряжения и военное дело
населения Северного Кавказа**
**Section 4: The complex of weapons, equipment and military affairs of the
population of the North Caucasus**

- Туаллагов А.А.
Некоторые элементы колчанов Даргавсского могильника.....243-249
- Кочкаров У.Ю., Сурков А.В.
Кремационное погребение с селища «Крымское 7».....250-256

**Раздел 5: Из истории появления и развития городов
на Северном Кавказе**
**Section 5: From the history of the emergence and development of
cities in the North Caucasus**

- Латам-Спринкл Д.
Ильичевское городище – аланская столица Магас?
Новые подходы к старому вопросу.....257-273
- Новичихин А.М.
Археологические исследования османской крепости Анапа.....274-285

Раздел 6: Нумизматика региона
Section 6: Numismatics of the region

Пьянков А.В., Бабиец А.И., Полицын Е.Б.
Тмутараканские подражания XI в. Новые находки на Таманском полуострове.....286-293

Раздел 7: Юбилей коллеги
Section 7: Colleague's anniversary

Клещенко А.А., Авилова Л.И., Кочкаров У.Ю.
Александра Николаевича Гея с 70-летним юбилеем!.....294-296

Раздел 8: Памяти коллеги
Section 8: Memory of a colleague

Журавлев Д.В., Скаков А.Ю.
Памяти Александра Пинкусовича Мошинского (1954-2022).....297-307

Список сокращений.....308-309

Сведения об авторах.....310-311

Содержание.....312-314

**МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КAVKAZA**

2023. №21

Научный журнал

Редактор	Е.И. Нарожный
Корректор	Ф.М. Хубиева, Л.Ю. Козлова
Компьютерная верстка	С.А. Бостанова

Подписано в печать 28.11.2023 г.

Дата выхода в свет текущего номера: 30.11.2023 г.

Бумага офсетная

Объем 19,7 физ.п.л.; 18,4 усл.п.л.; 19,5 уч.изд.л.

Тираж 100 экз.

Свободная цена

**Издательство Карачаево-Черкесского государственного университета
имени У.Д. Алиева: 369202, г. Карачаевск, ул. Ленина, 29**

**Отпечатано в типографии Карачаево-Черкесского
государственного университета имени У.Д. Алиева:
369202, г. Карачаевск, ул. Ленина, 46**

